

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

21222, 70

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

П Ъ С Н И

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ III.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ,
ПОБЫВАЛЬЩИНЫ И ПЪСНИ.

ИЗДАНИЕ ОЛОНЕЦКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

С.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.

Въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1864.

27222, 70

1872, June 25.
Mainot Fund.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 14 ОКТЯБРЯ 1863 и 8 ЯНВАРЯ
1864 года.

Цензоръ Ст. Лебедевъ.

I.
БЫЛИНЫ,
ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, СТАРИНЫ И
БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ.

I. ВРЕМЯ ДО ВЛАДИМИРА.

БОГАТЫРИ СТАРШЕ.

САМСОНЪ БОГАТЫРЬ.

I.

(Петрозаводскаго уѣзда, Кижская волость).

- Славный Самсонъ, богатырь свято-русьскій,
Ѣхалъ на добромъ конѣ богатырскомъ
По славному раздольищу чисту полю
И усмотрѣлъ идучись по чисту полю
5. Дороня добра молодца пѣхотою.
Какъ припустить скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,
Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется;
10. Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,
Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ.
Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
Оны съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались,
15. Говорили разговоръ промежду собой:
» Что же ты, удаленькой дородній добрый молодецъ!
» Ходишь по чисту полю пѣхотою:
» Какъ припущу на добромъ конѣ богатырскомъ
» Ѣхать во всю силу лошадиную,
20. » Ты отъ меня не оставаешься;
» Когда ѣду тихою вольготою,
» Тогда ты на меня не наступываешь?»
Тутъ по Божью повелѣнницу
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
25. Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой дородній добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечь со могучихъ

- На эту плиту на зеленую
30. И говорить Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
— Отвѣдай взять мою нощицу
— На свои на плечи на могучи
— И побѣжать по славному раздольищу чисту полю.
35. Тутъ славный богатырь свято-русьскій
Опускался со своего добра коня,
Принимался онъ за эти за сумочки,
За эти за сумочки одной рукой,
Никакъ этия сумочки малыя
40. На камешкѣ не сворохнутъ.
Принимался онъ объма ручкамы бѣлыма,
Сумочки на камешкѣ не сворохнутъ.
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
И припалъ своей грудью бѣлоу
45. Ко этимъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,
И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ утязнулъ во зеленъ камень,
Столько могъ подпустить малый духъ
Подъ эти подъ сумочки подъ малыя.
50. И говорилъ Самсонъ таковы слова:
» Отъ роду я эдакой нощицы не здымывалъ!
» Кто ты есть какой человекъ,
» Какого ты рода - племени,
» Откуда идешь, куда путь держишь?
55. — Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
— Посланъ я ангелъ отъ Господа
— Поотвѣдать твоей силы великія:
— Погружена вся тягота во эти во сумочки.
Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:
60. » Аще въ небеси было-бы кольцо,
» И притянута оттуда цѣль желѣзная,
» Притянуть бы я небо во сырой земли
» И своей бы силой богатырскою
» Смѣшалъ бы земныхъ со небесными;

65. » И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
» Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
» Повернулъ бы краемъ къ верху
» И опять переи́шалъ бы земныхъ съ небесными.

Тутъ Ангелъ Божій утаился отъ Самсона отъ богатыря, а богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю. За тѣмъ Рябининъ побывальщиной рассказывалъ, какъ Самсонъ, подобно Святогору, (см. т. 1 стр. 40) наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ—жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. Самсонъ богатырь послѣ свадьбы долженъ былъ признать, что

» Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати».

70. И то поговорье впередъ пошло.

Когда жена Самсона изъ мужняго разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ было разрубить ее на-попы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Съ той поры стала вывѣдывати:

- » Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
» Всѣ земли боятся и всѣ орды.
» Отчего-жъ силенъ и славенъ,

75. » Силенъ и славенъ и громокъ?

— Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,

— Что имѣю на головѣ семь волосовъ ангельскихъ.—

И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,

И сталъ править имянины своему ангелу,

80. И заводилъ пиროванице почестенъ пиръ:

Всѣ на пиру наѣдалися,

И всѣ на пиру напивалися,

Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.

И стали наливать ему хмѣльныхъ напитокочковъ;

85. Собирала друзей любимыхъ

- И стригла ему голову до-нага,
И связали ему ручки бѣлыя,
И выкопали очи ясныя.
Онъ какъ пробудился отъ крѣпкого сна,
90. Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
• Ай же ты жена, змѣя лютая!
• Погубила ты меня на вѣки вѣчныя.
Дала ему крѣпостную служаночку,
95. И выгнали скитаться между дворами
Со этой крѣпостной служаночкой;
И ходилъ онъ скитаться между дворами,
Проходилъ поры времени ровно три годы,
Пріотростилъ на голову желты кудри,
100. Сталъ во плечахъ имѣть силушку великую,
А столько не имѣлъ во ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:
• Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
• Веди-ко во свой (*) великой градъ,
105. • Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
• У меня ли были палаты построены
• На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ». Этая дѣвица служаночка
Приводила его во великой градъ,
110. Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Славный Самсонъ богатырь свято-русьскій
Не видитъ онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
А имѣетъ во плечахъ силу великую.
И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:
115. Сидитъ его жена любимая,
Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.
Славный богатырь свято-русьскій
Подошелъ къ столбу ко каменному
Подъ самый подъ большой-уголъ,

(*) т. е. мой.

120. Схватилъ ручкиаы бѣлыа,
Порозсыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поють.

(Отъ крестьянина деревни Середки Т. Г. Рябинина).

СВЯТОГОРЪ.

2.

Когда я разсказалъ Рябинину побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ, пѣлъ былиною про все знакомство Ильи и Святогора, и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой пѣсни:

Прочитавъ надпись на великомъ гробу,
Говорилъ Илья таковы слова:
« Не наше мѣсто, не намъ и спать! »

А Святогоръ богатырь улегся въ гробъ и говорить Ильѣ:

— Окутай меня каменной накрывшечкой!
Онъ какъ накуталъ накрывшечкой,
Гробъ и сросся въ одно мѣсто.

Изъ той же былины Рябининъ припомнилъ наставленіе каликъ переходящихъ Ильѣ:

- « Приходи ко мостику калинову,
 - « Услышишь заржучись жеребчика
 - « Во тоя конюшенкѣ стоялыя.
 - « И что крестьянинъ запроситъ за жеребчика,
5. « Запроситъ за жеребчика пять сотъ рублей,
- « Давай ему пять сотъ рублей;
 - « А веди жеребчика молодого,

- « И станови во срубъ рубленный,
- « И корми пшеной бѣлоровой,
- 10. « И пой свѣжей ключевой водой;
- « Положи на него златну узду
- « Со тьма поводы со шелковыма,
- « И води-тко по конюшкѣ стоялыя.
- « Когда то онъ станетъ черезъ тынъ поскакивать,
- 15. « Когда станетъ черезъ тынъ поплясывать,
- « Станетъ конь головушкой повертывать,
- « Станетъ въ лошадицы въ ноздри онъ пофурскивать;
- « И тогда ты сѣдай-ко добра коня,
- « И полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
- 20. « Поѣзжай ко ты въ раздольице чисто поле,
- « Ъзди ты по матушкѣ по святой Руси,
- « Тогда, добрый молодецъ, прославишься
- « И будешь сильный богатырь свято-русьскій.»

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца къ себѣ въ гости на Святыя горы и на поѣздкѣ Ильѣ наказывалъ: « Когда прїѣдемъ въ мое поселице и приведу тебя къ батюшкѣ, ты моги нагрѣть кусокъ желѣза, а руки не подавай». Какъ прїѣхали на Святыя горы къ Святогорову поселицу и зашли въ палаты бѣлокаменные, говоритъ старикъ, отецъ Святогоровъ:—Ай же ты, мое чадо мѣлое! Далече ль былъ?—«А былъ я, батюшка, на святой Руси?»—Что же видѣлъ и что слышалъ, сынъ мой возлюбленный, на святой Руси?—«Я что не видѣлъ, что не слышалъ, а столько привезъ богатыря со святой Руси.» Отецъ отъ Святогоровъ былъ темный (*), то говоритъ сыну:—А приведи ко мнѣ русскаго богатыря поздороваться.—Илья тымъ временемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и даетъ старику въ руки кусокъ желѣза. Какъ захватилъ старикъ желѣзо, сдвинулъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!»

(Отъ Т. Г. Рябинина).

(*) Слѣпой.

II. ВРЕМЯ ВЛАДИМИРОВО.

БОГАТЫРИ КИЕВСКІЕ.

ЖЕНИДЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

3.

(Г. Петрозаводскъ).

- Во стольномъ было городъ во Кіевѣ,
Жилъ былъ славный Владиміръ князь.
Похотѣлъ тутъ князь поженитися
За славнымъ за синемъ моремъ,
5. У того короля у Литовскаго,
На той Настасѣ королевичной.
Вызываетъ онъ сватовъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыхъ,
Родимыхъ братьевъ любимыхъ:
10. Одного звали Ѳедоромъ Ивановичемъ,
А другаго Васильемъ Ивановичемъ.
Приходили они ко князю Владиміру,
Брали они молодыхъ коней,
Брали сѣдельшка черкасскія,
15. И сѣдлали они молодыхъ коней;
Брали они плеточки шелковыя,
И бросали они плеточки шелковыя;
Брали въ руки тросточки дубовыя,
Садились они на добрыхъ коней.
20. Видѣли молодцевъ сядучи,
А не видли удамыхъ поѣдучи:
Далече они ѣдутъ въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ одна пыль стоитъ;
Куда махнуть тросточкой дубовой,
25. Туда стануть улицы съ проулками,
Туда станеть чистая дороженька.
Пріѣхали за славно за сине море
Ко тому королю ко Литовскому;
Становились они среди двора,

30. Выходили они со добрыхъ коней,
Брали коней за повода шелковыя,
Вязали ко столбичамъ точенымъ,
Ко тымъ колечкамъ золоченымъ.
Говорить тутъ Федоръ Ивановичъ:
35. « Ай же ты, братецъ родимый мой!
« Ай же, товарищъ любимый мой,
« На дворъ ты постой, жеребцевъ погляди;
« Пойду я въ терема высокіе,
« Въ его палаты красовитыя».
40. Пошелъ онъ въ терема высокіе,
Во тья палаты красовитыя,
Отворяетъ онъ двери кленовыя,
Снимаетъ онъ шляпу пуховую,
Полагаетъ на стопку золоченую;
45. Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется онъ на двѣ стороны,
Говорить королю таковы слова:
« Здравствуй, король Литовскій!»
50. Говорить тутъ король по-Литовскій:
— Ты зачѣмъ зашелъ, удалый добрый молодецъ,
— Во мои палаты красовитыя?—
Говорить тутъ Федоръ Ивановичъ:
« Я не гыша пришелъ, на конѣ прѣхалъ,
55. « Со своимъ со любезнымъ товарищемъ,
« Со любезнѣйшимъ братцемъ родимымъ:
« Первое дѣло—себя показать,
« Другое дѣло—тебя посмотретьъ,
« Третье дѣло—есть сватовство.
60. « На твоей любимыя на дочери,
« На той Настасѣ королевичной,
« За славнаго князя за Владиміра».
- Закручинился король тутъ, занечалился,
Не хочетъ дать Настасѣ королевичной
65. За этого князя за Владиміра».

Отъ этого князя отъ Владиміра
Пріѣзжали лакеи молодые,
Привозили писемечко строгое,
Отдавали удалымъ добрымъ молодцамъ,

70. Говорили они таковы слова:

- « Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичъ,
- « Ай же ты, Василій Ивановичъ!
- « Буде чстью отдасть, то чстью везите;
- « Буде чстью не отдасть,—возьмите безъ чести».

75. Выходила тутъ Настасья королевична
На свое переное крылечушко
Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ,
Въ своемъ нарядѣ господскомъ,
Говорила она таковы слова:

80. « Ай же ты, Василій Ивановичъ,
« Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичъ!
« Буде есть ума разума въ головушкахъ,
« Возьмите-ко вы батюшка родимаго,
« Моего короля любимаго,
85. « Стащите его вы во чисто поле,
« Закопайте-ко вы во сыру землю,
« Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
« Можетъ, въ ту пору король обжумѣтся,
« Можетъ, въ ту пору король образумится,

90. « Можетъ быть, меня Настасью королевичну
« Отдасть за князя за Владиміра.
« Хоть я не была во городъ во Кіевъ,
« Но знаю все имѣнье и богатство.
« У этого у князя у Владиміра

95. « Стоять палаты красовитыя,
« Стоять луга гряновитыя;
« У моего батюшка родимаго,
« У моего короля любимаго,
« Палатишки стоятъ пустешеньки,

100. « Лужишка посѣяны низешеньки,
« Низешеньки лужишка, нелюбешеньки!».

- Въ это время король по-Литовскій
Стоялъ за дверями дубовыми,
За этими порогами съченными,
105. Повыслушалъ ея таковы слова,
У своей Настасьи королевичной,
Говорилъ онъ сватамъ таковы слова:
« Возмите вы Настасью королевичну,
Посадите на молодого жеребчика».
110. Тутъ видли Настасью справляючи,
Видли Настасью и сядучи,
А не видли королевичной поѣдучи.
Далече ѣдетъ она въ чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ одна пыль стоитъ.
115. Приѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Выходитъ тутъ Владиміръ князь
Во своемъ уборѣ господскомъ,
Во своемъ снарядѣ молодецкомъ,
120. Со великою со радостью
Стрѣчаетъ онъ Настасью королевичну.
Бралъ онъ Настасью королевичну
За ручки бѣлыя, за ея перстни злеченые,
Опускаетъ онъ съ молодого жеребца;
125. Бралъ онъ ее за груди нѣжныя,
Цѣловалъ въ уста печальныя,
Проводилъ въ палаты бѣлокаменны,
Въ тѣ палаты красовитыя.
Пиръ онъ провелъ по честному,
130. И людей накормилъ до сытешенька,
А сватовъ напоилъ до пьянешенька.
Всѣ люди идутъ, да похваляются:
« Вотъ у насъ есть солнышко Владиміръ князь.
« Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
135. « Нѣтъ такового во всей Руси,
« И нѣтъ такового въ каменной Москвѣ».

Тутъ вѣкъ о Владиміръ старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Со словъ крестьянина Бутылки.)

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ.

4.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗВОЙНИКЪ.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

- Въ тоемъ было во городѣ во Кряковѣ,
Въ тоемъ было селѣ во Березинѣ,
У того было Ивана у Иванова,
Родился сынъ Илья у него Муромецъ.
5. Тридцать лѣтъ онъ сиднемъ сидѣлъ,
Сидѣлъ онъ на печкѣ на муравленой.
Отець его и мать на луга ушли.
Онъ слѣзаетъ со печки муравленой,
Беретъ ли своего добра коня,
10. Добра коня беретъ за шелковъ поводъ,
Беретъ себѣ ножище кинжалище.
Пошелъ онъ изъ города изъ Крякова,
Изъ того села изъ Березина
Ко славному ко городу ко Кіеву
15. Прямой дорожкой нескольнющей;
Онъ чистилъ дороженьку широкую,
Доходилъ онъ до Соловья Рахманова.
Какъ тотъ де Соловей Рахмановичъ
Сидѣлъ онъ на сорока дубахъ,
20. Засвисталъ онъ по соловьиному,
Закрывалъ онъ по звѣриному.

- Конь у Ильи на колѣна палъ,
Говорить ему Илья Муромецъ:
« Ахъ ты, волчья сыть, ты, медвѣжья шерсть!
25. « Ходилъ ты въ лугахъ во зеленыхъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьиного
« И не слыхалъ ты крыку звѣринаго?»
Тотъ ли Илья Муромецъ
Нятягивалъ скоренько свой тугой лукъ,
30. Стрѣлялъ во Соловья Рахманова,
Стрѣлилъ онъ ему во правый глазъ,
Свалился онъ Соловей съ сорока дубовъ.
Онъ хватилъ—то Соловья Рахманова,
Привязалъ онъ ко стремени ко правому,
35. И ѣдетъ онъ къ палаты Соловьиныя.
Закрывала тутъ дочь Соловьиная:
— Ахъ ты ей, государыня матушка!
— Нашъ батюшка ѣдетъ—мужика везетъ.—
Говорить тутъ ей родна матушка:
40. « Что не батюшко ѣдетъ—мужика везетъ,
« Мужикъ—отъ ѣдетъ—везетъ батюшка.
« Поднимай подворотенку сорока пудовъ,
« Спусти—ко мужику въ буйну голову.»
Старый казакъ Илья Муромецъ
45. Приѣхалъ онъ къ воротамъ широкимъ,
Ударилъ своей палицей въ подворотенку,
Сломилъ подворотню сорока пудовъ.
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру;
50. Выѣзжаетъ Владиміръ стольно—Кіевскій
Со своей княгиной со Апраксіей,
Стрѣчали стараго казака Илью муромца.
Тая ли дочь княженецкая (*)

(*) По словамъ Бутылки дочь княженецкая увидѣла на рукѣ у Соловья золотъ перстень и ухватила было за перстень; а Соловей ей перстъ и оторвалъ. А Илья Муромецъ тутъ ей выговорилъ: «Всю бы руку захватилъ Соловей, такъ и всю бы поотривалъ.»—Онъ де былъ волшебникъ, пояснилъ Бутылка.

- Выходила на крылечко переное,
55. Увидѣла Соловья Рахмановича,
Сама говорить таковы слова:
— Ты ай же, Соловей Рахмановичъ!
— Засвищи-ко, ты, по соловьиному,
— Закрычи-ко, ты, по звѣриному.—
60. Говорилъ тутъ Соловей Рахмановичъ;
« Не твое сегодня ѣмъ, да кушаю,
« Не хочу тебя теперь я слушати.»
Попросила она стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца
65. — Ты, заставъ засвистать по соловьиному
— И заставъ закрывать по звѣриному.—
Онъ засвисталъ какъ тутъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Тутъ всѣ воо градъ назень пали,
70. Назень пали, и всѣ обмерли.
Тутъ сталъ просить Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Приѹйми-ко Соловья Рахманова,
« Оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.»
75. Онъ приѹнялъ Соловья Рахманова.
Тутъ по три дня было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ онъ Соловья Рахманова.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ
80. Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано г. Лысановымъ со словъ крестьянина Андрея Сарафанова).

тоже.

(Пудожского уѣзда Колодозерская волость).

- Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ 30 лѣтъ,
Неимѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Иисусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
5. И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу подъ окошечко
И попросилъ напитокъ.
Говорилъ Илья таковы слова:
« Ай же вы, добрые людюшки!
10. « Не могу напоить васъ: не имѣю ни рукъ, ни ногъ. »
И говорилъ Господь Иисусъ Христосъ:
— Вставай Илья Муромецъ на ноги,
— Поди-ко напой насъ.—
И выставъ Илья Муромецъ на ноги
15. И поднесъ имъ ядову квасу.
Истинный Христосъ крестомъ оградилъ чашу:
— Ну, выкушай самъ, что подносишь.—
Илья Муромецъ и выкушалъ,
Господь и спрашиваетъ:
20. — Каковъ ты нынѣ есть?—
Илья Муромецъ плечмы стряхнулъ:
« Я теперь, добрые люди, корпусъ въ себѣ имѣю. »
Онъ другую чашу нацѣдилъ,
Господь опять оградилъ крестомъ и спросилъ:
25. — Нынѣ каковъ ты Илья?—
А Илья Муромецъ говоритъ:
« Я теперь, добрые люди, имѣю корпусъ въ себѣ:
« Ежели бы было теперь колько силы поганой,
« Напустилъ бы бить. »
30. И ушелъ Господь со апостолами.
Илья Муромецъ пригналъ себѣ коня добраго,

- Облатился Илья и обкольчужился,
Бралъ съ собой палицу булатную,
Бралъ онъ копье долгомѣрное,
35. Еще тугой лукъ да калены стрѣлы.
И шелъ Илья въ Божью церковь,
И отстоялъ раннюю заутрину воскресную
И завѣчалъ завѣты великіе:
« Ъхать ко славному городу ко Кіеву,
40. « Проѣхать дорожкой прямоѣжею,
« Не натягивать туга лука,
« И не накладывать каленой стрѣлы,
« Не кровавить коня долгомѣрнаго
« И не кровавить палицы булатнія. »
45. Бралъ деревцо съ собой кипарисное,
Онъ стружки строгалъ, все кресты ставилъ,
Чинилъ первую поѣздку богатырскую.
Какъ доѣхалъ до города Бѣжегова,
И обступила сила поганая
50. Тотъ ли городъ Бѣжеговской;
И зашли мужи то Бѣжеговцы
Въ тую во церковь соборную
Они каются да причащаются,
На смертную казнь снаряжаются.
55. Ильъ Муромцу жалъ стадо мужиковъ Бѣжеговскихъ
И того ли города Бѣжегова,
И разрушилъ завѣты великіе,
И приправилъ косматаго бурушка въ чисто поле,
Онъ вырвалъ дубъ да съ кореньями
60. И обдѣлалъ рукоятчку; (*).
И заѣхалъ въ рать-силу великую,
И зачалъ дубомъ помахивать:
И куды махнетъ, тутъ и улочки,
Перемахнетъ, такъ переулки.

(*) Такии образокъ на первой портъ оружье Илья, какое изъ дому, остается неопро-
равленнымъ.

65. И усмотрѣли мужики Бѣжеговцы
Во тую во трубочку подзорную,
Что ѣздитъ удалый добрый молодець
Въ рать-силы великія,
И налили чашу красна золота,
70. Другую скатняго жемчугу,
Третью налили чистаго серебра,
И несутъ ему даровья великія:
« Ай же ты, удалый добрый молодець!
« Ты коей земли, ты коей орды,
75. « Коево отца, да коей матери,
« Какъ тебя, удалый, именемъ зовутъ?
И возговорить старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я изъ тамаго (*) изъ города изъ Муромля,
— Изъ этого ли села изъ Карачарова.—
80. И говорятъ мужики опять Бѣжеговцы:
« Ай же ты удалый добрый молодець!
« Ты бери-ко у насъ злато, серебро,
« И бери у насъ скатней жемчугъ,
« И живи у насъ въ городѣ Бѣжеговѣ,
85. « Слыви ты у насъ воеводою. »
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же, вы, мужики Бѣжеговцы!
— Не набѣ мнѣ-ка не злата, не серебра,
— И не набѣ мнѣ-ка скатняго жемчугу;
90. — И не живу въ городѣ Бѣжеговѣ,
— И не слыву у васъ воеводою;
— А мнѣ покажите дорожку прямоѣзжую
— Ко славному ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю Владимиру.—
95. Говорятъ мужики Бѣжеговцы:
« Ай же ты удалый добрый молодець,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!

(*) Прилагательное отъ нарѣчія тамъ.

- « Въдь на той дорожкѣ прямоѣзжія
« Есть заставы великія:
100. « Первая застава великая—ольги топучія;
« А другая застава великая, у матушки у Пачей рѣки
« Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ на семи дубахъ,
« Захватываетъ злодѣй на семи верстахъ;
« А третья застава великая,
105. « Сорокъ сыновъ было со единымъ у Соловья
« А еще у него была любимая дочь,
« Та—ли Марья Соловеевна.
« Дворъ Соловья на семи верстахъ,
« Кругомъ двора тынъ булатній.
110. Какъ видѣли Пльюшиньку сядучись,
А не видѣли уѣдучись.
И пріѣхалъ онъ къ ольгѣ топучія:
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубья рветъ,
115. И замостилъ мосточки дубовые.
Какъ пріѣхалъ онъ да ко Пачей рѣкѣ,
Закричалъ Соловей по звѣриному,
И засвисталъ Соловей по змѣиному;
И замызгалъ собака по соловьиному:
120. Подъ Пльей подъ Муромцемъ
Его добрый конь да отарашился.
Онъ бьетъ коня по тучнымъ ребрамъ, (*)
И самъ говорить таково слово:
— Ахъ ты волчья выть, (**) травяной мѣшокъ!
125. — Развѣ ты въ лѣсахъ не бывалъ,
— Развѣ ты звѣрей не видалъ,
— Развѣ ты бабьяго обрыку (***) не слыхалъ?—
И вытянулъ свой тугой лукъ,

(*) Вм. безрамъ.

(**) Волчья ѣда.

(***) Богтовни, крика.

- И накладывалъ калену стрѣлу,
 130. Самъ ко стрѣлочкѣ приговаривалъ:
 — Полети, моя калена стрѣла,
 — Къ Соловью къ вору Рахматому,
 — И попади ты, моя стрѣлочка,
 — Соловью Рахматому въ правой глазъ,
 135. — А выдь подѣ лѣвую пазуху,
 — Оброй Соловья вора Рахматаго безъ навиду— (*)
 И полетѣла стрѣлка, завывалася,
 И пала Соловью Рахматому во правой глазъ,
 И вышла подѣ лѣвую пазуху;
 140. Какъ упалъ Соловей на сыру землю,
 Мать сыра земля да всколыбалася,
 Во Пачей рѣкѣ вода съ пескомъ помутилася.
 И набѣжалъ тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
 И приковалъ его ко стремени булатному,
 145. И ѣдетъ по далечѣ, далечѣ по чисту полю,
 Къ тому ли ко двору Соловьиному.
 И увидали любимые дѣтушки,
 Сами говорятъ таково слово:
 « Ай же ты, матушка-родителекъ, Акулина Дудентьевна!
 150. « Батюшко-то ѣдетъ, мужика везетъ. »
 Какъ взглянетъ Акулина Дудентьевна,
 Зарычала зычнымъ голосомъ:
 —Баженыя любимыя дѣтушки!
 — Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца везетъ:
 155. — Онъ прикованъ ко стремени булатному,
 — Облился кровью горячею.
 — Вы берите шалыги подорожныя,
 — Выручайте желаннаго батюшка.—
 Какъ похватили шалыги подорожныя,—
 160. Самая послѣдняя шалыга девяносто пудъ,—

(*) Смертной ранѣ.

- И выскочили они на широкій дворъ.
А онъ не заѣхалъ во широкій дворъ,
И зарычалъ Соловей во всю голову:
« Ай же вы бажены, любимые дѣтушки!
165. « Не дразните удалаго добра молодца,
« Налейте вы чашу красна золота,
« А другую скатняго жемчугу,
« А третью чистаго серебра. »
И пометали шалыги подорожныя,
170. И наливали чашу красна золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра.
Илья Муромецъ говорить таково слово:
« Не надо мнѣ не злата, не серебра,
175. « И не надо мнѣ скатняго жемчугу,
« Я свезу Соловья во Кіевъ градъ,
« На вино прощю, на колачъ проѣмъ. »
А эта Марья Соловеевна
Ухватила подворотню булатную стопудовую,
180. Клеснула (*) Ильюшинушку межъ уши въ голову:
Мало Ильюшенькѣ можется,
Сидить на конѣ да шатается.
Онъ зналъ ухватку молодецкую,
Соскочилъ да со добра коня,
185. И бралъ то онъ дѣвку за груди,
Пиналъ то ее правой ногой:
Она летѣла чрезъ дворъ къ заднему тыну,
Сѣла на землю приговариваетъ:
« Чертъ меня хватилъ, водяной бросилъ:
190. « Раздразнила я удала добра молодца
« И добыла увѣче вѣковичное. »
И видѣли Ильюшинушку садучись,
А не видѣли побѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ

(*) Хамстнула.

195. У той ли стѣны городовыя;
Не воротамъ ѣхалъ, приворотнями,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Тупымъ концемъ да о сыру землю, (*)
Шелковой поводъ на злаченой гвоздь:
200. « Вы здравствуйте, цареvy приворотники!
« Дома ли Владиміръ князь стольне-Кіевскій?»
И говорятъ ему приворотники:
— Теперь пришелъ отъ ранней отъ обѣденки.—
Онъ у дверей не спрашиваетъ придворниковъ,
205. А у воротъ да приворотниковъ,
Прямо идетъ въ грядню столовую;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется на всѣ на четыре стороны,
210. Князю Владиміру пятой поклонъ въ особину:
« Ты здравствуешь, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!»
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Здравствуешь, удалый доброй молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,—
215. — Коево отца, коей матери?—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Я есть изъ города изъ Муромля,
« Изъ того да села изъ Карачарова.
« Я во городѣ во Муромлѣ,
220. « Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
« Отстоялъ я раннюю заутреню воскресную,
« Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею».
— Ай же ты удалый доброй молодецъ,
— Старый казакъ да Илья Муромецъ!
225. — Вѣдь на той дорожкѣ три заставы.
— Первая застава—ольги топучія;
— А другая застава великая,
— Сидитъ Соловей Рахматовъ сынъ

(*) Пропущено: копье воткнулъ.

- У матушки у Пачей рѣки на семи дубахъ;
230. — А третья застава великая,
— У Соловья сорокъ сыновъ со единымъ,
— Есть у него любимая дочь.—
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
235. « У меня Соловей Рахматовъ сынъ
« Привезенъ во славный во Кіевъ градъ.»
Больше тутъ ничего Владиміръ князь не спрашивалъ,
И побѣжалъ онъ на свой на царскій дворъ,
Глядѣтъ Соловья сына Рахматова:
240. И сидитъ Соловей у стремена, какъ сѣнна копна (*).
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
— Закричи-тко ты по звѣриному,
— Засвищи-ко ты да по змѣиному,
245. — Замызгачъ, собака, по соловьиному.—
И возговоритъ Соловей таково слово:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Я не у тебя пилъ да кушалъ,
« Не хочу тебя и слушати».
250. И воротился князь во гридню столовую,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи Соловью закричать по звѣриному.—
Тутъ множество народу сбѣжалося
255. Соловья глядѣтъ на царскій дворъ:
И выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ
На заднее царское крылечико переное,
И говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Соловей Рахматовъ сынъ!
260. « Закричи-ко ты да по звѣриному,
« И засвищи-ко по змѣиному,
« И замызгачъ, собака, по соловьиному».

(*) Въ видѣ сѣнной копны представляютъ себя заонежано и водяника.

- И смилился Соловей Рахматовъ сынъ:
— Ай же ты, батюшка, старой казакъ Илья Муромецъ!
265. — Не могу закричать по звѣриному,
— За свистать-то по змѣиному
— И замызгачить по соловьиному:
— Запеклись у меня кровью уста.—
Тутъ налилъ Илья чашу зелена вина въ полтора ведра
270. И поднесъ Соловью Рахматову:
Онъ принялъ одной рукой.
И говорить Илья Муромецъ таково слово:
« Ты рычи-ко, Соловей, да въ полголоса! »
Онъ не послушалъ Ильи Муромца,
275. Онъ хотѣлъ оглушить народъ,
Самъ на уходъ уйти,
И закрычалъ онъ во весь громкой гласъ:
Маломошны дома во Кіевѣ разсыпались,
Маковки съ церквей повалилися,
280. И всѣ люди на дворѣ мертвы стали.
Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою:
« Ай же ты, славной казакъ Илья Муромецъ!
« Ты заполонилъ Соловья-то, куда хошь клади? »
Отъ отковалъ Соловья отъ стремена булатняго
285. И приказалъ ему отрубить буйну голову.
Старинушка эта тѣмъ и кончилась.

(Со словъ крестьянина деревни Пярзаковской Трофея Романова).

—

6.

тоже.

(г. Петроавдскъ).

Была у Ильи дана заповѣдь великая:
Стоять-то у заутрины въ Черниговѣ,
Поспѣть къ обѣднѣ въ Кіевъ градъ.
Перескоку было ровно триста верстъ,

5. И помѣхи на дорогѣ случилися.
Первая помѣха: во Божьей церкви
Заперты мужики Бѣжеговцы (*)
У тыхъ Татаровей поганыихъ,
Они каются—причащаются,
10. Къ скорой смеретушкѣ сподобляются.
Тутъ не чѣмъ Ильѣ бымо биться—ратися:
Не взялъ онъ сабельки вострыя,
Не взялъ копыя мурзамецкаго;
И выдернулъ сырой дубъ съ кореньями,
15. Взялъ дубъ—отъ за маковку
И прибилъ всѣхъ Татаровей поганыихъ,
И выпустилъ мужиковъ со Божьей церкви.
Говорять ему мужики Бѣжеговцы:
« Ай же ты, русскій могучій богатырь!
20. « Стань—ко къ намъ суды судить,
« Суды судить, да ряды рядить».
Говорилъ Ильѣ таковы слова:
— Ай же вы, мужики Бѣжеговцы,
— Не хочу я къ вамъ суды судить,
25. — Суды судить, да ряды рядить;
— А покажите мнѣ дорогу прямоѣзжую
— Ко стольному ко городу ко Киеву.—
Говорять ему мужики Бѣжеговцы:
« Нѣтъ у насъ дорожки прямоѣзжія,
30. « А есть дорога окольная:
« Засадилъ дорожку прямоѣзжую
« Соловей воръ Рахматовичъ,
« У той ли грязи у Смородинской
« Сидить—то воръ на трехъ дубахъ,
35. « На трехъ дубахъ да на семи сукахъ,
« Не пропуститъ ни коннаго, ни пѣшаго,
« Затонули всѣ мостики каиновы».
Думалъ—подумалъ Ильѣ Муромецъ:

(*) Иные поютъ здѣсь, по замѣчанію пѣвца, о Бѣжеговцахъ.

- Не честь хвала-то мнѣ богатырская
40. — Ъхать дорожкой окольной,
— А я поѣду дорогою прямоѣзжею.—
И поѣхалъ дорогой прямоѣзжею,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубье-колоде рветъ,
45. Дубье-колоде рветъ, да мосты стелетъ.
Будетъ у тоя грязи у Смородинской,
Увидѣлъ Соловей воръ Рахматовичъ,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ-то по змѣиному,
50. Щекталъ (*)-то по соловьиному.
Его добрый конь на колѣни палъ,
Бьетъ коня плеткой шелковой
По тымъ бедрамъ по крутымъ:
« Ай же ты, медвѣжья сыть, травяной мѣшокъ!
55. « Не ужоль не слыхалъ крыку звѣринаго,
« Свисту змѣинаго и щектанья соловьиного?»
Тутъ натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
60. « Не пади, стрѣлка, ни на землю, ни на воду,
« А пади Соловью во правый глазъ.»
И не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью во правый глазъ,
А выходила во лѣво ухо.
65. Тутъ онъ полонилъ Соловья вора Рахматова,
Привязалъ ко стременкамъ ко булатнѣимъ,
Кверху ногамы, внизъ головой,
Самъ сядилъ на добра коня
И поѣхалъ къ дому Соловьевому.
70. И прѣхалъ онъ къ дому Соловья вора Рахматова,
И глядятъ всѣ малые дѣтушки
Во тое окошечко косявчето,

(*) Щектанье обозначается соловьиный свистъ.

Сами говорятъ таковы слова:

« Ай же ты, свѣтъ государыня матушка!

75. « Нашъ—отъ батюшко мужика везетъ. »

И глянула Соловьева молода жена

Во тое окошечко косявчето,

Сама говорила таковы слова:

— Ай же вы, малые дѣтушки!

80. — Мужикъ—отъ везетъ вашего батюшка.—

Скочила на широкій дворъ,

Хватила подворотенку во сорокъ пудъ

И кинула въ Илью, Илью Муромца.

Тутъ—то Ильѣ не къ суду пришло,

85. Отвелъ подворотенку плеткой шелковой.

И говоритъ Соловей воръ Рахматовичъ:

« Давай—ко русскому богатырю

« Злата, и серебра, и скатняго жемчуга,

« И выкупай Соловья вора Рахматова. »

90. Говоритъ Илья, Илья Муромецъ:

— Еслибъ тыкнули копейцо во сыру землю,

— Еслибъ обносили копейцо златомъ и серебромъ,

— И тутъ не отдасть бы на выкупъ Соловья.—

Скоро скажется, а тихо дѣется. . .

95. Будетъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,

У ласкова князя у Владиміра,

И поставилъ онъ добра коня

Среди двора княженецкаго,

Не привязана и не приказана,

100. А велѣлъ стеречь Соловью вору Рахматову.

Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкія,

Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому:

« Здравствуешь, Владиміръ стольне—Кіевскій,

105. « Здравствуешь, княгина Апраксія!

« Я полонилъ Соловья вора Рахматова. »

И говоритъ Владиміръ стольне—Кіевскій:

— Гдѣ у тебя Соловей воръ Рахматовичъ?—

- « У меня Соловей на широкомъ дворѣ,
110. « Стерегетъ—берегетъ моего добра коня.»
Солнышко Владиміръ стольне-Кіевскій
Шелъ на широкій дворъ
Посмотрѣть Соловья вора Рахматова,
И говоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
115. « Ай же ты, Соловей воръ Рахматовичъ!
« Закрычи-тко ты по звѣриному,
« Засвисти-ко по змѣиному,
« Защекчи да по соловьиному.»
А говоритъ Соловей воръ Рахматовичъ:
120. — Не ты меня полонилъ,
— Не тебя хочу я слушати.—
Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Велѣлъ ему засвистать въ полголоса.
Соловей какъ закрывалъ по звѣриному,
125. Засвисталъ какъ по змѣиному,
Защекталъ какъ по соловьиному,—
Всѣ лѣса зашаталися,
Во теремахъ окошечки разсыпались,
И всѣ люди во Кіевѣ мертвы стали.
130. Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Отрубилъ ему буйну голову.

(Со словъ крестьянина Г. Федотова).

7.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ.

(Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда)

Ѣзилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣзилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,

5. П не могъ убить ни гуся, ни лебедя
И не малыя перелетныя сѣрыя утицы;
А встрѣтилъ онъ калѣку, калѣку сорочинскую,
И говорить Илья таково слово:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
10. « Давноль ты бывалъ на святой Руси,
« На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
« Давноль ты видѣлъ князя Владиміра
« Со стольною княгиною Апраксою;
« Всѣ ли они здравствуютъ?»
15. Говорить калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилось:
20. — Наѣхало Идолище поганое,
— Съ чиста поля просить поединщика;
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилось.
— И сидитъ Татаринъ между княземъ и княгиною,
25. — Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.—
И говорить Илья, Илья Муромецъ:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Молодца въ тебѣ въ два меня,
« И силы то у тебя въ три меня,
30. « А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
« Скидывай ты платьице каличье
« И надѣвай платье богатырское,
« Садись на моего добра коня
« И поѣзжай въ Муромъ градъ
35. « Къ тому подворью богатырскому.»
И думывалъ-подумывалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.—
И скидывалъ подсумки рытаго бархата,
40. И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,

- И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку (*)
Во матушку сыру землю,—
И уходила та клюшка до кофючки; (**)
45. И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
50. Обувалъ Илья лапотки шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
55. Со матушки сырой земли. . .
Какъ скоро скажется, тихо дѣется. . .
И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княжецецкихъ;
60. Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
« Солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Сотвори-ко мнѣ милостыню:
« Было бы калѣкъ чего ѣсть да пить,
« Да чего калѣкъ волочитися! »
65. Тутъ татаринъ бросался по-плечъ въ окно:
— Ай же вы, горлашы русские!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ.—
70. Проходить калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,

(*) Изъ дерева яволги.

(**) До загнутаго верхняго конца палки.

Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому татарину челомъ не бьетъ.

75. Говорить Идолице поганое:

« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожа!
« Давноль ты бывалъ на святой Руси,
« Давноль ты видѣлъ Илью Муромца?
« Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?

80. « А мнѣ бы Илью видѣть надо. »

Говорить ему калѣка перехожа:

— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца:
— Илья есть мнѣ братецъ названный:

85. — Онъ мнѣ есть братецъ большій,

— А я ему братецъ меньшій.

— Я за своего брата хочу постоять. —

Эти слова татарину не слюбились:

Схватилъ онъ со стола булатный ножъ

90. И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.

И тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:

Увернулся онъ за печку муравленую,

А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,

А стоечка улетѣла въ задній тытъ, *румяна, сорокоде,*

95. И задній тытъ весь порозсыпался.

Вывернулся Илья, Илья Муромецъ

Изъ-за печки, печки муравленой,

Братъ татарина за желты кудри,

И здынулъ его выше буйной головоушки,

100. И бросилъ татарина о дубовый потъ.

И тутъ ему руки и ноги повывломалъ,

И глаза-то ему повывкопалъ,

И изъ платья вонъ повывтряхнулъ.

(Со словъ крестьянина Г. Федотова въ Петрозаводскѣ, 27 июня 1863 года.)

ТОЖЕ.

(Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда).

- Ѣздишь Илья Муромецъ по чисту полю,
Наѣхалъ-то старчище Пилигримище,
И самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старчище Пилигримище!
5. « Дай-ко ты мнѣ своихъ платьевъ старческихъ,
« Дай-ко мнѣ клюху сорока пудовъ;
« Добромъ буде не дашь, силомъ возьму.»
Сокрутился онъ старчищемъ Пилигримищемъ
И пошелъ по полю по чистому.
10. Во ту ли пору, во то время
Ѣзило Идолище подъ облакой,
Шибало свою палицу стопудовую,
На конѣ гоняло и само подхватывало.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
15. « Ты дай-ко мнѣ, Господи, дожжичка
« Частенькаго и то меленькаго,
« Чтобы подмочило у Идолища добра коня крыматаго;
« Опустилось бы Идолище на сыру землю,
« Поѣхало-бъ Идолище по чисту полю.»
20. Далъ тутъ Господь дожжичка
Частенькаго и то меленькаго,
Подмочило у Идолища добра коня крыматаго;
Опустилось Идолище на сыру землю
И поѣхало по чисту полю,
25. И увидѣло старчище Пилигримище:
Шляпа у него тридцати пудовъ,
Клюха у него сорока пудовъ
И говоритъ Идолище таковы слова:
— Какъ по платьицу, старчище Пилигримище,
30. — А по походочкѣ быть старому казаку Илью Муромцу:
— Хоть кто хошь тутъ быдъ, а жива не спущу.—

- Какъ змахнулъ своей палицей булатной
Во того старчица Пилигримица,
А Илья на ножку былъ повертокъ,
35. Увернется подъ гриву лошадиную:
Пролетѣла палица во сыру землю.
Какъ скочить изъ-подъ гривы лошадиныя,
Змахнулъ клюкой сорока пудовъ,
Ударилъ Идолище въ буйну голову
45. И убилъ Идолище проклятое.
Тутъ по три дни было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ Идолище поганое.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поють,
48. Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Со словъ Бутылки, въ Петрозаводскѣ 29 іюня 1863 года.)

9.

ТОЖЕ.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость).

- Изъ славнаго изъ города изъ Муромля,
Изъ того изъ села Карачарова,
Пролегала путь дорожка широкая
Ко славному ко городу ко Кіеву,
5. Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Никто по дорожкѣ не прохаживалъ,
Никто по дорожкѣ не проѣзживалъ,
Только шелъ-прошелъ калика прохожая волокитная:
Муница (*) на каликѣ сорочинская,
10. Шляпа на каликѣ земли греческія.
Когда будетъ калика во Кіевѣ,

(*) гуница, гуня.

- И приворачивалъ калика на царевъ кабакъ,
И зарычалъ калика зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, чумаки да цѣловальники!
15. « Наливайте мнѣ вина на пятьсотъ рублей,
« Мало разопьюсь, такъ на тысячу.»
Тутъ чумаки цѣловальники *Ukrainian or scab doctors*
Всѣ съ кабаковъ разбѣжались,
По чуланчикамъ всѣ да разкучались. (*)
20. Онъ зашелъ въ погреба глубокіе къ напиточкамъ,
Взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
Другую—то взялъ подъ другую,
А третью—то бочку ногой катилъ.
Зарычалъ калика во всю голову:
25. « Собирайтесь, калики, на почестный пиръ.»
И напился калика, самъ спать заснулъ
На ту ли на печку муравленую.
Тутъ чумаки цѣловальники собиралися,
Собиралися они въ едино мѣсто,
30. Пошли къ князю Владиміру жалиться;
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же вы, чумаки цѣловальники!
— Ведите сюда калику, какой онъ есть?—
Зачали калику съ печки побуживати,
35. Зачали калику потархивати, (*)
И зачалъ калика съ печки спускатися,
За дубову воронечку (**) приниматися,
И убилъ всѣхъ чумаковъ и цѣловальниковъ;
И пошелъ мимо палаты княженецкія,
40. И зарычалъ калика во всю голову:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Не калика былъ въ кабакъ прохожая,

(*) Отъ корня хит, хут,—скрывать.

(*) Отъ корня торокъ, ударъ вѣтра; отсюда же—копьемъ торыкать.

(**) Воронецъ—доска, привѣшенная на веревкахъ поперекъ избы.

- « Былъ славный казакъ Илья Муромецъ.
« Я теперь пойду во Царь-градъ:
45. « Тамъ наѣхала поганая Иадомина,
« По семи пудовъ хлѣба ѣсть,
« Ёсть по три быка яловика.»
Идетъ Илья Муромецъ по чисту полю:
На встрѣчу Ильѣ Муромцу
50. Бѣжитъ калика Игнатище,
Во рукахъ держить шалыгу въ девяносто пудъ;
Идетъ калика подпирается,
Подъ нимъ мать сыра земля подгибается.
Возговорить Илья Муромецъ:
55. « Здравствуешь, калика Игнатище!
« Ты откуда идешь, откуда путь держишь?
— Я бѣжу изъ Царя-града отъ Иадомины:
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ай же ты, калика Игнатище!
60. « Силы у тебя противъ меня вдвое есть;
« А смѣлости подъ собаку у тебя нѣтъ.
« Да-ко мнѣ шалыгу девяносто пудъ,
« Я пойду къ Иадолинѣ здороваться.»
И будетъ Илья Муромецъ во Царь-градъ;
65. У палатъ кня-кенецкихъ Цареградскіихъ,
Попросилъ онъ милостины:
« Ай же ты, князь Цареградскій!
« Дай ты мнѣ милостину,
« Милостину дай-ко ты мнѣ золоту гривну,
70. « Не для-ради калики прохожаго,
« Для-ради славнаго казака Ильи Муромца.»
Отъ крыку Ильи Муромца
Маломошны дома розсыпались,
Маковки съ церковей повалилися,
75. Издолина, за столомъ сидя, приужахнулся.
Говоритъ Издолина князю Цареградскому:
— Подъ-ко, зови калику въ палаты бѣлокаменны,
— Какой онъ есть?—

- Какъ вышелъ изъ палатъ князь Цареградскій,
И увидалъ, что тутъ славный казакъ Илья Муромецъ,
80. И упалъ на колѣни княженецкія:
« Ай же ты, батюшко, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Нѣтъ у меня дать тебѣ милостины, золотой гривны:
« Обожралъ Издолина весь Царь-градъ,
« Золота казна да запечатана.
85. « Ты поди въ палаты бѣлокаменны:
« Напою тебя напитками до пьяна,
« А ѣствами накормлю тебя до сыта.»
И пошелъ Илья въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писаному,
90. Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю Цареградскому въ особину,
А Издолинѣ поганому челомъ не бьетъ,
Челомъ не бьетъ и не здравствуетъ.
Говорить же Издолина таковы слова:
95. — Ай же ты, калика прохожая!
— Почему ты знаешь Илью Муромца?
— Великъ ли онъ собой есть?—
Говорить Илья Муромецъ таково слово:
« Хоть на его гляди, хоть на меня смотри:
100. « Такой же, какъ я есть.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Я на руку положу, а другой сверху прижму,
— Блиномъ сдѣлаю и съ собаками не найдешь.
— По многу ли хлѣба ѣсть вашъ Илья?—
105. « А нашъ Илья съѣстъ калачикъ, много два, и нѣтъ три,
« И тѣмъ сытъ пребываетъ.»
— Да это какой богатырь, говоритъ Издолина,
— Какъ тремя калачиками сытъ бываетъ:
— Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ,
110. — И по три быка яловика наварю,
— А что, сверхъ того, напитокъ выпью!—
« Въ наніемъ же городъ Муромлѣ,

- Въ томъ ли селѣ Карачаровѣ,
— У нашего-то батюшка
115. — Была корова обжорчива,
— И вышла въ чисто поле,
— Дробью (*) объѣлась, ей лопнуло.—
Стопталъ Издолина на Илью Муромца ногами;
Илья заадынулъ шалыгу девяносто пудъ,
120. Ударилъ Издолину въ голову,
И выскочили у Издолины ясны очи, какъ пивны чаши.
И взявъ Издолину за рывы ноги Илья Муромецъ,
И пошелъ на луга Цареградскіе,
И зачалъ Издолиной помахивать:
125. Куда махнетъ, тутъ улочки,
А вздъ отмахнетъ, такъ переулки.
И говорятъ поганые татаровья:
« Аще ты, Издолина поганая,
« Тянешься ты, потягаешься,
130. « А на жибяхъ ты не оторвешься,
« Своимъ татарамъ не саравливаешь».
И тутъ-то старина объ Ильѣ Муромцѣ кончилась.

(Отъ крестьянина дер. Пирзаковской Трофима Романова).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ЦАРЬ КОНСТАНТИНЪ ВОГОЛОВОВИЧЪ.

40.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.)

Отъ стольнаго города отъ Кіева
Ко славному ко Царю-граду
Идетъ тамъ калика переходя;
Гуня (*) на каликѣ сорочинская,

(*) Вышивками.

(**) Верхнее платье.

5. Шляпа на главѣ земли греческой,
Клюша у калики свинцовая;
Идетъ де старикъ, подпирается,
Ино мать-то земля колыбается.
Пришелъ де старикъ-то во Царь-то городъ,
10. Зашелъ на кружало государево,
Просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
А распиваться-то ладилъ на тысячу:
Въ закладъ давалъ онъ пречудный крестъ
Изъ червоннаго краснаго золота.
15. Никто де тутъ за крестъ не принимается;
Дагадалися голи кабацкіе,
Сложили голи по деньгъ въ складъ,
По денежкѣ да по полушечкѣ,
Брали вина полтора ведра,
20. Подносили каликъ переходяему.
У нихъ принималъ единой рукой,
А выпивалъ старикъ на единый духъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Вамъ спасибо, братцы, голи кабацкіе!
25. « На приходѣ старика вы меня опохмѣлили,
« Опохмѣлили, пить раззадорили».
Пошелъ старикъ съ кабака долой,
Пришелъ ко глубокому погребу,
Пиналъ ворота ногой вальячныя (*),
30. Со крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ.
Зашелъ де старикъ во глубоку погребу,
Бралъ онъ бочку подъ пазуху,
Другую сороковую подъ другую,
Третью-то бочку ногой катилъ,
35. Выкатывалъ на площадь торговую;
Поилъ ли голей со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упивался до пьяна,
И ушелъ легъ спать на печку кабацкую.

(*) См. вальячный, вальяжный.

- Чумаки-цѣловальники пошли, порасплакались,
40. Къ царю пришли, поразжались:
— Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичъ!
— Что невѣдомо къ намъ за старой пришелъ,
— И просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Распиваться ладилъ на тысячу,
45. — Мы тутъ ему старому не вѣрили.
— И съ того ходилъ онъ во глубокъ погребъ,
— Пиналъ ворота ногой вальнячныя;
— Со крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ,
— Выкачивалъ три бочки сороковыя,
50. — На ту ли на улицу паратную;
— Упоилъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
— И самъ упивался онъ до пьяна,
— Съ того ушелъ на царевъ кабакъ,
— Ложился спать на печку кабацкую.—
55. Говорилъ царь Константинъ Боголюбовичъ:
« Вы глупы, чумаки-цѣловальники!
« Подите, приведите ко мнѣ на лицо:
« Погляжу я, каковъ станомъ, возрастомъ,
« Пспрошу котораго града, урожденія,
60. « Его какъ молодца зовутъ по имени?»
Пошли чумаки-цѣловальники,
Разбудили его, соннаго его, хмѣльнаго:
Скочилъ старъ со печки кабацкія,
Ухватилъ воронечку дубовую,
65. Сталъ воронечкой помахивать;
Прибилъ чумаковъ, цѣловальниковъ.
Съ того де пошелъ съ кабака долой,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
Закричалъ де старикъ зычнымъ голосомъ:
70. — Ты, батюшка, царь Константинъ Боголюбовичъ!
— Ищи казну за мной славнымъ Ильей Муромцемъ:
— Приходилъ къ тебѣ на славу на великую
— Пить зелено вино безденежно.—
Ушелъ де старикъ во чисто поле,

75. Разставлялъ онъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ опочинѣ держалъ.

(Отъ Пороискаго старика).

—

11.

При поѣздѣ ильи муромца.

(Пудожскаго уѣзда Увошскій погостъ).

- Ѣздилъ старъ доброй молодецъ
Со младости и до старости
На своемъ на добромъ конѣ во чистомъ полѣ.
И наѣхалъ во чистомъ полѣ камень бѣлый,
5. Отъ камня пошло три дороженьки,
На камни подпись подписана:
« Въ праву руку ѣхать—богату быть,
« Въ середнюю дорожку ѣхать—женату быть,
« Въ лѣвую руку ѣхать—убиту быть.
10. Сталъ добрый молодецъ, пораздумался:
— Ничто—то на старость богачествомъ дѣлать,
— Ничто—то на старость молодой женой дѣлать:
— Худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ,
— А какъ хороша взять—на людское счастьеце;
15. — Въ лѣвую руку во дорожку ѣхать—то убиту быть.
— Лутче поѣду во дорожку, гдѣ убиту быть:
— А полно мнѣ ѣздить по святой Руси,
— Убивать головушекъ безпѣвинныхъ,
— Слезить отцевъ—матерей понапрасные.
20. Ёхалъ старъ доброй молодецъ три часу,
А проѣхалъ ровно триста верстъ,
И наѣхалъ статьишковъ (*)—разбойниковъ сорокъ тысячей (**).

(*) Отъ корня тать, воръ.

(**) Слѣдовало бы: сорокъ статьишковъ-разбойниковъ.

— Здрайствуйте, статьянички-разбойнички,

— Удалые добры молодцы!—

25. Говорить большой атаманище статьяникамъ-разбойникамъ:

« Убейте стара добра молодца:

« У стара есте добрый конь.»

Стали старого покалачивать и пощалкивать:

Стоить старъ доброй молодець, не шатается,

30. Желты кудри у старого не стряхнутся,

И говорить старъ доброй молодець:

— Ахъ вы, разбойники и подорожники!

— Почто вы меня бьете-убиваете

— И съ смертнаго мѣста неспущаете?

35. — У меня казны съ собой немношечко:

— Во корманчикахъ только пятьсотъ рублей;

— На добромъ конѣ уздича во пятьсотъ рублей,

— Съдельшко черкасское въ цѣлу тысячу,

— А доброму коню и цѣны нѣтъ.—

40. Тутъ старъ добрый молодець

Выдергивалъ съ годовушки свой шелковъ колпакъ,

А тотъ колпачекъ былъ въ сорокъ пудъ,

Сталъ онъ колпачкомъ помахивать,

Шелковымъ перекидывать:

45. Куда махнетъ, стали улицы,

Перемахнетъ, переулочки.

Стали разбойнички ставиться островьямы,

И прибилъ ихъ до единого,

И неоставилъ на сѣмяна.

50. Тутъ-то старый доброй молодець

Поворотъ держить ко бѣлому ко камению,

Старую подпись подхиривалъ,

А новую подписывалъ:

— Старая подпись была ложная,

55. — « Что съѣздить во дорожку-убиту быть»:

— А съѣздилъ во дорожку, убить не бывалъ.—

Тутъ онъ пораздумался:

— Да-ко я побѣду во дорожку, гдѣ женату быть.—

- Ѣхалъ онъ ровно три часу,
60. А проѣхалъ триста верстъ,
Наѣхалъ во далечѣ, далечѣ во чистомъ полѣ
Чудо чудное, диво дивное,
Деревня великая, а городъ—село малое,
А все стоятъ палатушки царскія и государскія.
65. И заѣхалъ онъ на широкій дворъ на царскій;
И увидала съ окна прекрасная королевична,
И выходила на широкий дворъ,
Встрѣтала стара добра молодца,
И цѣловала во уста сахарнія,
70. Приказала нянечкамъ—бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ
Коня кормить пшеной бѣлояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела въ палату бѣлокаменну, во гридню столовую.
75. Онъ крестъ кладезь по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны покланяется,
А королевичной въ особину.
А она дубовы столики задернула,
80. А забранины скатерти накрывала,
Хлѣба соли наставила,
А ѣствы были все сахарнія,
А питица были медвяныя;
Садить—то стара добра молодца за дубовый столъ,
85. А сама—то отходя поклонилася,
И сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старъ добрый молодець!
« Не наѣдайся до сыта,
« Не напивайся до пьяна:
90. « Было бы королевичной съ кѣмъ забавиться. »
Тутъ старъ доброй молодець
На женскую прелесть не укинулся:
До сыта онъ наѣдается,
И до пьяна напивается;

95. Тутъ выходить за стола за дубоваго,
Отдаѣ честь-благодарность великую,
За хлѣбъ за соль за столовую.
И говорить прекрасная королевична:
« Ай ты, старъ доброй молодецъ!
100. « Поди съ пути-дороженьки
« Отдохнуть во ложню во теплую.»
И привела ко кровати тесовыя,
Ко перины пуховыя:
« Ложись-ко ты на перину пуховую,
105. « А я лягу подлѣ тебя».
А онъ говорить таковы слова:
— Ай же ты, прекрасная королевична!
— Ложись-ко о стѣночку,
— А мужеской полъ лежить на краечку,
110. — А у мя на старость мочь не держится:
— Надо старичку часто вонъ ходить.—
Она о стѣночку не ложится;—
Хватилъ онъ ей за шелковъ поясъ,
И бросилъ ю о стѣночку:
115. А тая была кровать ложная и подложная,
Улетѣла королевична во глубокъ погребъ.
Тутъ старъ доброй молодецъ,
Выходить изъ палаты на широкъ дворъ,
И говорить нянечкамъ-бабочкамъ
120. И вѣрнымъ служаночкамъ:
« Подайте мнѣ ключи значеныя,
« Отомнуть погребъ глубокий.»
Онъ говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, дядюшка незнаемый!
125. — Мы не знаемъ ни ключей-ларчей окованныхъ.—
Онъ прискакивалъ ко дверямъ со каблукомъ,
Вылетѣли двери со липеньями (*).
Отворилъ онъ глубокъ погребъ:

(*) Липень—дверныя притолки.

- Во томъ погребѣ во глубокомъ
130. Насажено сорокъ цорей-царевичей,
Сорокъ королей и королевичевъ.
И всѣ скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ старичку поклонилися:
« Благодарствуй, старый козакъ Илья Муромецъ,
135. « Богатырь сынъ Ивановичъ!
« Показалъ ты намъ бѣлый свѣтъ. »
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, цари и царевичи,
— И всѣ вы, короли и королевичи!
140. — Выводите королевичну на широкій дворъ,
— Что знаете, то надъ ней и дѣлайте.—
А они говорятъ ему на мѣсто:
« Ай же ты, старый козакъ Илья Муромецъ,
« Богатырь сынъ Ивановичъ!
145. « Что знаешь, то и дѣлай надъ ней!
Тутъ старый козакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ
Выводилъ на широкъ дворъ,
И привязалъ къ тремъ жеребьямъ къ неучамъ.
150. И розсталии по чисту полю,
Куда руки, куда ноги, и куда що:
Все улетѣло по чисту полю.
Только старый козакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ и женатъ бывалъ.
155 Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Поворотъ держалъ ко бѣлому ко камению,
Старую подпись захиривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая надпись была ложная,
160. — « Что съѣздить въ дорожку-женату быть »:
— А съѣздилъ въ дорожку-женатъ не бывалъ.
— А нынѣ поѣду во дорожку, гдѣ богату быть.—
Ѣхалъ онъ ровно три часу,
Проѣхалъ ровно триста верстъ,

165. Наѣхалъ на бѣль камень,
На камени подпись подписана:
« Кто можетъ этотъ камень вывалить,
« Подъ каменемъ лежитъ плита чугунная,
« А подъ плитой погребъ глубокий. »
170. Тутъ прискакивалъ Илья Муромецъ
Ко бѣлому камени со каблукомъ,
И выкатывалъ камень за три поприща,
И выпинывалъ плиту чугунную;
Отворилъ-то онъ глубокъ погребъ, —
175. Въ томъ погребѣ много злата и серебра,
Много скатнаго жемчуга.
Насыпаетъ мису чиста серебра,
А другую красна золота,
А третью мису скатна жемчуга,
180. Поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
Хочетъ строить три церкви соборныя:
Перву церковь Спасу свѣту милосливому,
А другую церковь Николы Можайскому,
А третью церковь Георгію Храброму.

(Отъ крестьянина деревни Уной-губы Гаврилы Амосова.)

12.

тоже.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость).

- Поѣхалъ славный казакъ Илья Муромецъ во чисто поле,
И пріѣхалъ онъ на розстанушки;
И на розстани лежитъ бѣлой камешокъ,
На камешкѣ подпись подписана:
5. « Въ розстанѣ-ту ѣхать—убиту быть,
« А въ другую ѣхать—богату быть,

- « А въ третью ѣхать—жениться. »
И раздумалъ старый своимъ разумомъ:
— Пошто мнѣ ѣхать во ту розстань,
10. — Въ ту розстань ѣхать, гдѣ богату быть:
— У меня по карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны вѣдь нѣтъ.
— А пошто мнѣ ѣхать во ту розстань,
— Въ ту розстань ѣхать, гдѣ женату быть:
15. — Хороша взять—чужая корысть,
— А худа-то мнѣ вѣдь не надобна.
— А я побѣду во ту розстань, гдѣ убиту быть,
— Ко тому ли ко городу ко латинскому
— И ко тому ли королю ко латинскому. »
20. Тамъ была застава великая:
Было сорокъ человекъ да разбойниковъ,
Все сильныи могучии богатыри;
Заперта была земля латинская,
Не было не выходу, не выѣзду.
25. И разѣхался старой казакъ Илья Муромецъ,
И закричалъ атаманъ до во всю голову:
« Ай же вы, ребята разбойники,
« Ночные вы да подорожники!
« А куда-то старая собака поразѣхалась? »
30. И говорить Илья Муромецъ таково слово:
— Вамъ нечего взять да у стараго:
— Платя цвѣтнаго у меня на себѣ нѣтъ,
— Только взять вамъ—не взить у стараго:
— Кожанъ на себѣ да въ пятьсотъ рублей,
35. — Чуденъ крестъ на грудихъ да въ три тысячи,
— По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
— Косматому бурушку цѣны нѣтъ. —
Зарычалъ атаманушко во всю голову:
« Ай же, ребята, разбойники!
40. « Старая собака еще хвастаетъ:
« Отнимайте у стараго добра коня. »
Какъ выкинулъ старой свой тугой лукъ,

И наклаѣ старой да калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлочкѣ да приговариваетъ:

45. — Полети, моя стрѣлочка каменная, въ толстой-сырый дубъ

— И разорви-ко на мелкія черенья ножевыя,
— И всѣхъ убей сорокъ человѣкъ разбойниковъ
— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ. —

И прїѣзжаетъ ко городу латынскому,

50. Ко той ли стѣнѣ городовыя,

И не воротами ѣхалъ, приворотками,

Прямо ѣдетъ во царевъ кабаць.

И въ томъ ли кабаць царевомъ

Сидитъ горей (*) кабацкихъ смѣты нѣтъ;

55. И тутова горюны догадалися,

По полушкѣ голи сметалися

И окупили вина полъ-третья ведра,

И подносили старой собакѣ матерыя.

Принялъ старой одной рукой,

60. Выпилъ во единый духъ,

И самъ говорить таково слово:

— Спасибо, голи латынскіе!

— Коли умѣли встрѣтить, такъ подѣте донесите королю
латынскому (**):

— Прїѣхала старая собака матерая,

65. — Разбилъ онъ заставу великую,

— Всѣхъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ,

— И всѣхъ ночныхъ подорожниковъ:

— Пусть несетъ ко мнѣ даровья великія. —

Онъ налилъ чашу золота,

70. Другую скатняго жемчугу,

А третью чистаго серебра:

— А не набѣ мнѣ не злата, не серебра,

(*) Вѣсто голей, игра словъ.

(**) Стихъ испорченъ: Коли умѣли старую собаку матерую Съ пути-дороги встрѣтить
(см. I. стр. 64), Такъ подѣте-донесите королю латынскому.

- И не скатняго жемчугу:
— Отворите-ко погребы съ напитками.—
75. Онъ взялъ бочку сороковку подъ пазуху,
А другую подъ другую,
А третью бочку ногой покатиъ,
Самъ говорить таково слово:
— Такъ пейте-ко вина, сколько надобно,
80. — За то, что умѣли старую собаку матерую встрѣтити.—
И поѣхалъ матерый старый казакъ на розстанушки,
Гдѣ лежалъ бручатый бѣлый камешокъ,
На которомъ камню была подпись подписана.
— Я поѣду теперь во ту розстанъ, гдѣ богату быть.—
85. Былъ тамъ король, поганое чудище.
Убилъ поганова чудища
И привелъ всю землю свято-Русскую во вѣру крещеную.
И выѣхалъ опять на розстанушки:
— Да-ко я съѣзжу во ту розстанъ, гдѣ женату быть.—
90. И прїѣзжаетъ онъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
И выходитъ изъ теремовъ прекрасная дѣвица,
И беретъ за ручки за бѣлыя,
И ведетъ его въ теремы златоверхія,
Сама говорить да таково слово:
95. « Ай же ты, удалой доброй молодецъ!
« У тебя есть ли охота, горитъ ли душа:
« Ложись на кроватьку тисовую.»
И говорить Илья Муромецъ таково слово:
— Когда ложится мужикъ впередъ на кроватьку тисовую?—
100. И взялъ дѣвицу за бѣлы груди,
И бросилъ дѣвицу на кроватьку тисовую,
На тули перинку пуховую.
У ней у злодѣйки была кроватьчка подложная:
Упала въ погребъ въ сорокъ сажень,
105. А тамъ у ней наобманивано
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
— Ай же ты, злодѣйка, покажи гдѣ къ погребу двери?—
И вывелъ всѣхъ царей, всѣхъ царевичей Илья Муромецъ,

И распустилъ ихъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ,
110. И самъ поѣхалъ опять во славный во Кіевъ градъ.

[Отъ крестьянина деревни Пярзакской Трофима Романова.]

тоже.

13.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро).

- Ѣздилъ старъ по чисту полю
Отъ младости и до старости.
Ѣхалъ старый чистымъ полемъ
И большой дорогой латынскою,
5. Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень (*)
И на камешкѣ была подпись подписана:
« Старому казаку Ильѣ Муромцу.
« Три пути пришло, три дорожки широкія:
« Во дороженьку ѣхать—убиту быть,
10. « Во другую ѣхать—женату быть,
« Во третью ѣхать—богату быть».
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
И головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Сколько я по святой Руси не ѣживалъ,
15. — А такого-то чуда я не видывалъ;
— На что мнѣ старому богатство?
— Своего у меня много золота, серебра,
— И много у меня скатняго жемчугу.
— А на что мнѣ старому жениться?
20. — Жениться мнѣ, не нажитися:
— Молодая жена взять—чужая корысть,
— А старой жены взять не хочется.

(*) Изъ послѣдующихъ стиховъ видно, что этотъ камень—латырь.

- Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.—
И приправливалъ старый добра коня
25. И поѣхалъ большею дорогою,
И наѣхалъ на дорогѣ станицу разбойниковъ:
И стоитъ разбойниковъ до пяти сотъ,
И хотятъ они у стараго коня отнять.
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ;
30. Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
— Вы, разбойники, братцы, станичники!
— Убить старика вамъ меня некого,
— Отнять у стараго нечего:
— Съ собой у меня денегъ семь тысячъ рублей,
35. — Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,
— Ковано сѣдло во двѣ тысячи;
— Своему-то добру коню
— Я цѣны не знаю, бурку, не вѣдаю:
— Межъ ушми у коня у меня скачентъ жемчугъ,
40. — Дорогое самоцвѣтное камень,
— Не для ради красы-басы молодецкія,
— А для ради ночки темныя, осення,
— Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой добрый конь,
— За три версты видно, за три мѣрныя.—
45. И говорятъ ему разбойники станичники:
« Ахъ! ты старая собака, сѣдатый песъ!
« Еще долго ты сталъ разговаривать.»
И скочилъ старый со добра коня,
И хватилъ онъ мизинку съ буйной головы,
50. И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнетъ, туды улица,
Назадъ отмахнетъ, переулочки.
И перебилъ онъ станицу разбойниковъ,
Разбойниковъ прибилъ, подорожниковъ;
55. И сѣлся старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И прѣхалъ ко латырю ко камню,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:

- Старому казаку **Ильѣ Муромцу**.
60. — Да и та-была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ **Кіева**,
— Отъ **Кіева** лежить ко **Чернигову**,
— Да еще было дорожки извѣдати,
— Отъ чего будетъ жениться. —
65. Приправливалъ старый добра коня,
Потѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ крѣпости **богатырскую**,
И стоитъ тутъ церковь, соборная,
Соборная церковь, богомольная;
70. Отъ той ли обѣдни полуденная;
Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣвицъ,
Посреди-то ихъ идетъ королевична, —
И говорила королевична таково слово:
« Ты удалый, дородній, добрый молодецъ!
75. « Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
« Напою, накормлю хлѣбомъ-солюю »
Соходилъ старикъ со добра коня,
Оставлялъ добра коня,
Не приказана его и не привязана;
80. Пошелъ старикъ во высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводники перегибаются.
Зашелъ старикъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладезь по писаному,
85. Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется;
Садился за столы блудубовые,
Бѣсть да-пѣть, прокламаются.
Весь дологъ день до вечера.
90. Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, душечка красная дѣвушка!
— Гдѣ-ка твои ложни теплыя?
— И гдѣ твоя кровати тесовая,

95. — Гдѣ-ка мятки перины пуховыя:
— Мнѣ на старость старику опочинуться.—
Привела его въ ложни теплыя,
И стоитъ старый у кровати, головой качаетъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
100. — Да я сколько по святой Руси не ѣзживалъ,
— Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
— Видно эта кроватка подложная!—
Схватилъ королевну за бѣлы руки
105. И шибалъ ей ко стѣны кирпичныя:
Обвернулася кроватка тесовая,
Обвалилася королевна во глубокомъ погребѣ.
И выходилъ старикъ на улицу паратную,
И сыскалъ двери глубокаго погреба:
110. Песками были призасыпаны,
Колодьями были призавалены.
Колодья ногами распахивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою валячныя,
115. И съ крюковъ, замковъ двери вонъ выставливалъ;
Выпускалъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
И самъ говоритъ таково слово:
120. — Вы подьте, цари, по своимъ землямъ,
— А вы, короли, по своимъ ордамъ,
— А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ,
— И молитесь вы Бога за Илью славнаго Муромца:
— Кабы не я старый казакъ Илья Муромецъ,
125. — Положить бы вамъ голова здѣсь у погреба.—
Идетъ душечка красная дѣвушка;
Онъ выдерживаетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло женское
130. И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на сѣденіе,

- А чернымъ воронамъ на пограянье.
И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
135. И прїѣзжалъ ко латырю каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу.
— На бою старику смерть не писана:
— И та была дорожка прочищена
140. — Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
— Отъ Кіева лежитъ ко Царю граду.—
И самъ говорилъ таково слово:
— Да еще было дорожка извѣдати.—
Приправливалъ старъ добра коня,
145. Поѣхалъ большею дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,—
Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
150. — Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
— Есть несмѣтное злата-серебра.—
Соходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
155. И взялъ животъ изъ погреба,—золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И по нынѣ его мощи нетлѣнныя.

(Отъ Порожскаго старика).

ВОЙ ИЛЫН СЪ СЫНОМЪ.

14.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро).

- Изъ стольнаго изъ города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыри,
Одинъ богатырь Пля Муромецъ,
А другой молодець Добрынюшка Никитиничъ.
5. Пріѣзжали богатыри на Фаоръ-гору,
И разставляли богатыри полотнянъ шатерьъ,
Во шатрь-то богатыри опочинъ держа,
Спать бѣлый день до вечера,
А темную ночь до бѣла свѣту.
10. И пробужается свѣтъ государь Пля Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Вставай, молодець Добрынюшка Никитиничъ!
« У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
« Налеталъ надъ шатерьъ вѣща птица,
15. « Вѣща птица, да черной воронъ,
« Черной воронъ, самъ прокыркивалъ,
« И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
« Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
« И погляди по дорогъ прямо-ѣзжія,
20. « Не проѣхала ли паленица удалая,
« Не подходитъ ли подъ коней лютый звѣрь?»
И выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра
И приводилъ онъ коней ко бѣлу шатру,
Насыпалъ пшены бѣлаяровой
25. И поглядѣлъ по дорогъ прямо-ѣзжія.
Проѣхала паленица удалая:
Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано
По цѣлой овчины по барановой;
30. У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревь дымъ валить;

Ѣдитъ молодець, самъ тѣшится,
Шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
И назадъ-то онъ ѣдетъ, подхватываетъ.

35. Приходилъ Добрыня назадъ въ полотнянъ шатерь,

Иль Муромцу сталъ рассказывать:

— Ты, батюшко, Илья Муромецъ!

— Приводилъ я коней ко бѣлу шатру,

— И проѣхала, говорить, паленица удалая:

40. — Его храбра поѣздка молодецкая,

— Ископыти у коня метано

— По цѣлой овчины по барановой;

— У коня изо рта пламя пышетъ,

— Изъ ушей у коня кудревь дымъ валить;

45. — Исподъ стремени борзой выжлецъ (*) выскакиваетъ,

— У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелеты-
ваетъ;

— Ѣдитъ молодець, самъ тѣшится,

— Шибаетъ палицу подъ облаки,

— Назадъ онъ ее подхватываетъ.—

50. И говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:

« Ты, удалый дороднѣй добрый молодець,

« Премладый Добрынюшка Никитиничъ!

« Потѣжай-ка ты теперь за богатыремъ:

« Буде русскій богатырь, ты побратайся,

55. « А невѣрный богатырь, ты войны проси. »

Говоритъ Добрынюшка таково слово:

— Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,

— Что его храбра поѣздка молодецкая.—

И говоритъ Илья Добрынѣ таково слово:

60. « Буде не смѣешь ѣхать за богатыремъ,

« Дакъ больше мнѣ и товарищъ не надобно.

« Потѣжай-ко ты во Кіевъ градъ

« Къ молодой жены да къ своей матери. »

Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные,

(*) Ловчій пестъ.

65. На синіе чулки кармазинные,
Надѣваетъ свою шубу соболиную
И выходитъ изъ бѣла шатра.
Уздаетъ старикъ добра коня,
И сѣдлаетъ скоро на скоро,
70. Скоро на скоро, и крѣпко на крѣпко.
И скочилъ старикъ на добра коня,
И поѣхалъ Илья за богатыремъ,
И ѣздитъ онъ изъ утра день до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
75. И на другой день попускается,
И другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
И темную ночь до бѣла свѣту;
И не можетъ онъ догнать въ полѣ богатыря;
На третій день попускается,
80. Увидалъ изъ далече въ полѣ богатыря,
И закричалъ Илья зычнымъ голосомъ,
И засвисталъ старикъ по змѣиному:
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго
85. Подъ богатыремъ конь на колѣны сталъ;
А ѣдетъ богатырь не оглянется.
И бьетъ онъ коня палкой по тучнымъ ребрамъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты, не сытая кляча-конь,
90. — Ахъ ты, травяной мѣшокъ!
— Что ты въ полѣ птицы шарашешься:
— Налетѣла ворона, поразгрялась.—
Закричалъ Илья во второй наконъ
По звѣриному тошнѣе того:
95. И подъ богатыремъ конь на колѣни сталъ,
И обворачивалъ богатырь коня къ Ильѣ Муромцу.
И сѣхались два богатыря,
Будто двѣ горы вмѣсто столнулись (*),

(*) Столкнулись.

- Ударились богатыри копьями,
100. Только копья кольцы (*) попрутнулись.
Разъѣздъ чинили на 30 верстахъ,
Сѣхались богатыри,
Ударились опять палицами,
Только палицы поломались;
105. И сошли они со добрыхъ коней
И пошли богатыри на рукопашный бой.
И хватилъ невѣрный богатырь Илью Муромца,
Ушибъ его о сыру землю,
И сажился невѣрный богатырь
110. Илья Муромцу на бѣлы груди,
И вынималъ изъ чинжалища острый ножъ
И хочетъ пороть Илья груди бѣлыя.
Илья Муромецъ поглядѣлъ на руку правую,
Самъ говорилъ: «о Господи!
115. « Подписалъ на ручкѣ на правыя,
« Что на бою смерть не писана;—
« А теперь смерть мнѣ приходить.»
И сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
И хватилъ невѣрнаго богатыря съ себя,
120. И шибалъ во чисто поле;
И выскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
И хватилъ онъ богатыря за желты кудри,
Да шибалъ его подъ облаки,
И назадъ его подхватывалъ:
125. Да кабы не подхватывалъ,
И предалъ бы смерть скорую.
И становилъ онъ богатыря противу себя
И сталъ его спрашивать:
« Скажись, удалый, дородній добрый молодецъ!
130. « Ты коей орды, ты коей земли?
« Тебя какъ молодца зовутъ по имени?»
И говоритъ богатырь таково слово:

(*) т. е. кольцами.

- Не знаю я себѣ роднаго батюшка,
— А одна есть у меня родная матушка,
135. — Старая дѣвка Сиверьянична (*).—
И говоритъ Илья богатырю таково слово:
« Удалый, дородный добрый молодецъ!
« Скажи ты матушкѣ низкой поклонъ.»
И поѣхалъ богатырь къ своей матери,
140. Пріѣхалъ онъ къ своей матери,
И говоритъ ему мать таково слово:
— Что ты, чадо, пріѣхалъ изъ чиста поля не веселъ?—
И говоритъ сынъ матери:
« Государыня моя, родна матушка!
145. « Наѣхалъ на меня въ полѣ богатырь съдатый,
« И перво я его побилъ
« И сидѣлъ на бѣлыхъ грудяхъ,
« И хотѣлъ пороть у него груди бѣлыя.
« И онъ меня шибалъ съ себя во чисто поле,
150. « И ухватилъ за желты кудри
« И шибалъ подъ облака,
« И назадъ подхватывалъ,
« И спрашивалъ меня:
« Коей я орды, коей земли?»
155. « И я сказалъ, что нѣтъ у меня батюшки,
« А одна есть у меня родна матушка
« Старая дѣвка Сиверьянична.
« И онъ тебѣ наказывалъ низкой поклонъ.»
И говоритъ ему матушка:
160. — Чадо ты мое возлюбленное!
— Вѣдь тутъ тебѣ родной отецъ:
— Онъ меня въ полѣ побилъ,
— Со мной грѣхъ творилъ,
— Съ того я тебя и прижила.—

(*) Грузина? И, можетъ быть, любовная связь Илья съ этой Сиверьяничной и встрѣча съ обманщицей королевичной, которая заставляетъ за любовь свою заплатить гибелью, отзвукъ разсказовъ о царицѣ Тамарѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ.

165. Разгорѣлоси у Васьки сердце богатырское:
« Не хочу слыть заугольникомъ (*),
« Поѣду къ старой собакѣ, съдному псу;
« Ему жить, либо мнѣ. »
И поѣхалъ Васька во чисто поле,
170. И ѣдетъ къ Ильѣ Муромцу,
И увидѣлъ бѣлъ шатеръ,
И закричалъ дѣтина зычнымъ голосомъ:
« Старая собака, съдатый песъ!
« Выходи изъ бѣла шатра:
175. « Тебѣ жить, а либо мнѣ жить. »
Всталъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
И выходилъ изъ бѣла шатра
Въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса.
180. И набѣжалъ Илья Муромецъ,
И хватилъ съ коня богатыря за желты кудри,
И шибалъ его подъ облаки,
И назадъ его не подхватывалъ,
И предалъ ему смерть скорую,
185. И самъ говорилъ таково слово:
« Два чада на вѣку было спорожено,
« Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана. »

(Отъ Порожскаго старика).

(*) Незаконорожденнымъ.

ДОБРЫНЯ.

**ВОЙ ДОБРЫНЯ СЪ ЗМѢНИЩЕМЪ ГОРЫНИЧИЩЕМЪ,
ВСТРѢЧА СЪ НАСТАСЬЕЙ НИКОЛИЧНОЙ И ЖЕНИТЬБА НА НЕЙ.**

(Посѣнецкаго уѣзда, Пудожгорскаго погоста).

- Добрынюшкѣ матушка говорила:
« Что молодъ сталъ ѣздить во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
5. « Выручать-то полоновъ русскіихъ.
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
« Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середня струйка какъ огонь сѣчетъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
10. Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдмалъ бурка въ сѣдельшко черкаское (*),
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички владеть войлочки,
15. А на войлочки кладетъ черкаское сѣдѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (**).
20. Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки (***) у подпруговъ все булатныя:

(*) Подстилка подъ сѣдло.

(**) Не выбросилъ.

(***) Пряжечныя шпильки.

- Тутъ шелкъ не рвется и бузатъ не трется,
Красно золото не ржавѣтъ,
25. Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣтъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыхъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыхъ змѣенышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
30. Богатырско его сердце нажадѣлося, (*) .
Нажадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай рѣкѣ,
Слезаетъ онъ скоро съ добра коня,
35. Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,
40. « Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
« Что не ѣзди далече во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Не топчи—ко младыхъ змѣенышевъ,
« Не выручай полоновъ русскіихъ,
45. « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
« Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середня струйка какъ огонь съчесть.
« А Пучай, рѣка есть кротка, смирна:
« Она будто лужа дождевая. »
50. Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,
Какъ въ тую пору, въ то время,
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,
Дождя—то нѣтъ, свищеть молвія,
55. Молвіи нѣтъ, искры сыпятся,
Летитъ змѣище—Горынчище,

(*) Возжаждало, пожелало, отъ жадати, чувствовать жажду, желать.

О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:

60. — Теперечь Добрыня во моихъ рукахъ:
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и въ нору снесу,
— Захочу—Добрыню съѣмъ—сожру.—
65. Добрынюшка плакеть гораздъ онъ былъ,
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережокъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныхъ,
70. И нѣтъ меча бурзameцкаго,
Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой,
По вѣсу колпакъ цѣлю три пуда.
Какъ припадаетъ змѣя къ быстрой рѣкѣ,
75. Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Шибнетъ во змѣю во проклятую,
Ошибъ змѣѣ двѣнадцать вѣхъ хоботовъ,
Упала змѣя во ковыль траву.
На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
80. Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змѣишны груди бѣлая,
А змѣя Добрынѣ ему змолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
85. — Чтобы не летать мнѣ на свитую Русь,
— Не носить людей больше русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
— А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,
— Не топташь ти младыхъ змѣенышевъ,
90. — Не выручать полоновъ русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Какъ спустилъ змѣю сподъ колѣнъ своихъ,

- Тая змѣя она проклятая
Поднялась она вверху подь облаку;
95. Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкія,
Припадала змѣя ко сырой земли,
100. Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По три дня онъ билиць-волшебницъ скликивать,
Не могъ билиць онъ докликатися,
105. Ктобы могъ съѣздить во далече во чисто поле.
Достать князеву племянницу.
Говорить Алешенька Левонтьевичъ:
« Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Накинь-ко эту службу великую
110. « На того Добрыню на Никитича:
« У того Добрыни у Никитича
« Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
« Онъ съѣздитъ во далече во чисто поле,
« Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
115. « Безъ бою, безъ драки-кроволитія. »
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
120. — Чтоже ты, Добрынюшка Никитишчъ,
— Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя приобнеси,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣлся де?—
125. Говорилъ Добрынюшка Никитишчъ:
« Мѣсто было мѣ-ка по чину
« Чарой на пиру меня не обнесли,
« И дуракъ надо мной не надсмѣлся де;

- « А накинута службу де великую
130. « Тогъ сѣлышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздитъ во далече, во чисто поле,
« Сходить на ту гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
135. « Молоду Забаву дочь Путятичну. »
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
140. Онъ ставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошихонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
145. Провожала его родна матушка,
На прощеньице плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую.
— Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
150. — На тоя горы на Сорочинскія,
— Потопчешь младыхъ змѣенышевъ,
— Тыи молодые змѣеныши
— Подточать они у коня щеточки (*),—
— И бей бурка промежу уши,
155. — И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змѣенышевъ отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единого.—
160. Какъ будетъ онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
На тыя горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ младыхъ змѣенышевъ,

(*) Мѣсто надъ копытомъ.

- Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же мѣдые змѣеныши
165. Подточили у бурка они щеточки,
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
170. И бѣгъ бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги заднія:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до одинаго.
175. Выходила змѣя тутъ проклятая
Изъ тоя норы изъ глубокія,
Говорила змѣя ему проклятая:
« Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
180. « Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
— Ай же ты, змѣя проклятая!
— Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,
— Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
185. — Молоду Забаву дочь Путятичну?
— Отдай ее безъ драки, кроволитія!—
Говорить ему змѣя проклятая:
« Не отдамъ я князевой племянницы
« Безъ драки, безъ бою-кроволитія.»
190. Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня змѣи перебить;
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласить:
195. — Молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
— Дрался ты съ змѣей трои сутки,
— Подерись съ змѣей еще три часу:
— Ты побьешь змѣю проклятую.—

- Драгся онъ съ змѣей еще три часу,
200. Онъ убилъ змѣю—то проклятую:
Тая змѣя кровью пошла.
Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,
Не могъ онъ крови той переждать,
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
205. А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласить:
— Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Стоялъ ты у змѣи трои сутки,
— Постой еще у змѣи три часу;
— Возми ты копьѣ бурзамецкое,
210. — Ты бей копьемъ о сыру землю,
— Самъ къ копыю приговаривай:
— « Разступись—ко, матушка сыра земля!
— « На четыре разступись на четверти,
— « Пожри—ко всю кровь змѣиную. »—
215. Стоялъ онъ у змѣи еще три часу,
Бралъ копьѣ бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копыю приговаривалъ:
« Разступись—ко матушка сыра земля
220. « На четыре разступись на четверти,
« Пожри—ко всю кровь змѣиную. »
Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
225. Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« Ай же ты, Забава дочь Путятична!
230 « За тебя я эдакъ странствую.
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
У тоя змѣи у проклятыя
Наношено силы сорокъ тысячей,

235. Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
240. « Всѣ короли, всѣ королевичи!
« А вамъ всѣмъ воля вольная,
« Куда вздумаете, туда пойдете.»
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
245. Наѣхалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто: (*)
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
250. « Возми-ка Забаву дочь Путятичну,
« Отвези-ка ю во Кіевъ городъ,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ полѣницу, женщину великую,
255. Ударилъ своей палицей булатной
Тую полѣницу въ буйну голову:
Полѣница назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ приужахнется.
Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
260. Толщиною дубъ былъ шести сажень,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластинямъ (**),
Самъ говоритъ таково слово:
« Силы у Добрыни есть по старому,
265. « А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,

(*) Лошадиный бродъ—слѣдъ, онъ былъ глубокъ: по колѣна вдавливалась грязь.

(**) На тонкую дрань.

- Ударилъ своей палицей булатной,
Тую поленицу въ буйну голову:
270. Поленица назадъ не оглянется
Добрыня на конѣ приужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ сажень двѣнадцати,
275. Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластинямъ,
Самъ говорить таково слово:
« Силы у Добрыни есть по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому. »
280. Онъ догналъ поленицу женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую полѣницу въ буйну голову:
Поленица назадъ приоглянется,
Сама говорить таково слово:
285. — Я думала, комарики покусываютъ,
— Ажно (*) русскій могучій богатырь пощаживаетъ. »
Какъхватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
290. Испровѣщется какъ ей добрый конь,
Ей добрый конь, голосомъ человѣческимъ:
« Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
295. « А сила у богатыря супротивъ тебя. »
Говорила Настасья дочь Никулична
— Я повыздыну богатыря изъ карманчика
— Ежели богатырь онъ старый,
— Я богатырю голову срублю;
300. — А ежели богатырь онъ младый,
— Я богатыря въ полонъ возьму;

(*) Ань, а между тѣмъ.

— А ежели богатырь мѣ въ любовь придетъ,

— Я теперь за богатыря за мужъ пойду.—

Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,

305. Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.

Поѣхали ко граду ко Кіеву,

Ко ласковому князю ко Владиміру,

Приняли они по злату вѣнцу.

Тутъ по три дня было пированьице

310. Про молода Добрыню про Никитича,

Что досталъ онъ князеву племянницу.

Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ

Синему морю на тишину,

Вамъ, всѣмъ добрымъ людямъ, на послушанье.

[Отъ крестьянина Бутылки въ г. Петрозаводскѣ, въ Іюлѣ 1863 года.]

Добрыня въ отъѣздѣ, Алеша Поповичъ.

16.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро).

Изъ за горъ-то было высокіихъ,

Изъ лѣсу-то было, лѣсу темнаго

Повышла, повышла, повыкатила

Широкая матушка быстра Волга рѣка;

5. Широкая-то Волга подъ Казань прошла,

Пошире, подальше подъ Астрахань;

Мѣсто шла ровно три тысячи,

Рѣкъ и ручеекъ брала и смѣты нѣтъ,

Выпала во море во Каспійское.

10. И то де Добрынюшкѣ не сказочка,

Теперь старины его началъ пойдетъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,

У ласкова у князя у Владиміра

- Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
15. На многи на князи, на бояра,
На сильные могучи богатыри,
На всѣ поленицы удалыя.
Владиміръ-то князь наливаль чару зелена вина,
Да залилъ онъ чару сладкимъ медомъ,
20. Засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ,
Подносилъ онъ богатырямъ, низко кланялся:
« Вы братцы, могучіе богатыри!
« Который изъ васъ меня выручить,
« Выпей же чару зелена вина:
25. « Пишетъ Невѣжа за угрозою ко мнѣ,
« Просить де въ полѣ поединщика.»
Всѣ во пиру призамолкли сидя (*).
Говорить изъ нихъ уже большой богатырь,
Большой богатырь да Илья Муромецъ:
30. — Вы братцы, могучіе богатыри!
— Хоть долго сидѣть, да говорить будетъ:
— А кому въ полѣ ѣхать поединщикомъ?
— Я вѣдь недавно де изъ походу пришолъ,
— Бился-рубился съ Невѣжей богатыремъ:
35. — Летаеть Невѣжа чернымъ ворономъ,
— Не могъ я его на очи обозрѣти;
— Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга лука.—
Службу-работу накинули
Молодцу Добрынюшкѣ Пикитьевичу:
40. Кручинить, печалить Добрыня молодець,
Едва покороталъ онъ почестный пиръ,
Не весель Добрыня со пиру пошелъ.
Приходить Добрыня къ своей матери,
Говорить ему матушка сударыня:
45. « Что, Добрыня, со пиру не весель пришелъ,
« Не весель ты, Добрыня, не радешень?
« Тебѣ мѣсто было не по вотчиннѣ (*),

(*) т. е. сидять.

(**) вм. отчиниѣ.

- « Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али ^{тебѣ}безумица тебя обезчестила?»
50. Говорить Добрыня, матери отвѣтъ держать:
— Государыня ты, моя родна матушка!
— Мнѣ-ка мѣсто-то было по вотчины,
— Чара-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Безумица меня не обезчестила.
55. — Что, мати, спородила несчастливаго,
— Несчастливаго, да неталанливаго,
— Силою меня де ты не смѣлаго?—
Говорила его матушка сударыня:
« Да я рада бы молодца тебя спородити
60. « Силою въ Самсона Колувановича,
« Смѣлостью-^{from}напускомъ во Илью Муромца,
« Побѣдкою во Дюка во Степановича,
« Пошапкой (*) въ Чурила сына Пленковича,
« Красотою въ Осипа Прекраснаго,
65. « Кудрями въ царя Кудрянища:
« Такова молодца тебя Господь Богъ спородилъ.»
Больше Добрыня не спрашивалъ,
Со своей матерью прощается,
Паче того съ молодой женой.
70. Младой-то жены самъ наказывалъ:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
— Я въ полѣ проѣзжу до семи годовъ,
— Подъ дубомъ простою всего девять лѣтъ,
— Все, Катерина, ты вдовой живи;
75. — Тогда я не буду изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди;
— Не ходи ни за князя, ни за боярина,
— Не ходи за купца—гостя торговаго,
— Выбери богатыря противу хоть меня;
80. — Еще не ходи за Алешу за Поповича:
— Онъ, воръ-собака, мнѣ крестовый братъ,

(*) Пошапкой, щегольствомъ.

- Крестовый-то братъ да паче роднаго. —
Въ тороки кладесть Добрыня калены стрѣлы,
Въ тороки кладесть да золоту казну,
85. Въ тороки ^{хална риза} кладесть да платье цвѣтное;
Скоро дѣтина собирается,
Собирался дѣтина на скоро.
Садился Добрыня на добра коня,
Уѣхалъ Добрыня во чисто поле.
90. Во чистомъ полѣ провзидилъ онъ семь годовъ,
Полъ дубомъ простоялъ всего девять лѣтъ. —
Ѣздилъ Алеша во чисто поле,
И провзидилъ онъ съ утра день до вечера,
Прѣхалъ ко князю, самъ подсказывается:
95. « Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
« Ѣздилъ я сегодня во чисто поле,
« Видѣлъ Добрыню бита-ранена:
« Лежить буйной головой во ракетовъ кустъ,
« Рѣзвыми ногами во чисто поле;
100. « Орудя ^{исчезли} ^{свѣтъ} вся ^{свѣтъ} поразметаны,
« Добрый конь во степяхъ ходить,
« Черные враны тѣло ^{тѣло} ^{тѣло} трынкають (*).
« А его-то хозяйка вдовой живетъ;
« Поди, государь, за меня сватайся:
105. « Я буду служить тебѣ вѣрой правдою. »
Пошелъ государь на Катерины свататься,
Добрыми словами Катерину уговаривалъ;
На слова Катерина не сдавалась,
Насилу ей князь поневодилъ пойти.
110. Въ пятницу у нихъ ^{рукобиты} ^{рукобиты} было,
Въ субботу у нихъ и свадьба была,
Въ воскресенье-то будетъ столованье.
На свѣтло Христово Воскресенье
Поѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле,
115. Встрѣтилъ Добрынюшку Никитѣвича;

(*) Рвутъ въ клочья.

Блеть Добрыня изъ чиста поля,
Съ Ильей-то Добрыня поздоровался,
Началъ про Кіевъ-то выпрашивать:

— Премладый Добрынюшка Никитьевичъ!

120. — Первое словцо тебѣ не радостно:

— Твоя-то хозяйка за мужъ пошла

— За премладаго за Алешу за Поповича,

— Насилу ей князь поневолилъ выйти:

— Сегодня будетъ у нихъ столованье.—

125. Больше Добрыня не спрашивалъ

Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,

Пріѣхалъ Добрыня на свой широкій дворъ,

И не узнала его матушка родимая.

Нельзя признать Добрынюшку Никитьевича:

130. Ъздучись дѣтина во чистомъ полѣ,

Стоячись дѣтина подъ сырымъ дубомъ,

Истаскались де платья цвѣтныя,

Издѣржалася вся золота казна,

Испошилъ де кафтаны всѣ звѣриные:

135. Шапка, сапоги, все звѣриные.

Говорила его матушка сударыня:

« Ты какая паленица наѣхала?

« Не видалъ ли Добрынюшки Никитьевича?

Говорить Добрыня матери, отвѣтъ держать:

140. — Государыня ты моя родна матушка!

— Попомнишь ли, вспомнуешь ли:

— У Добрыни на правомъ лицѣ три знамена было?—

Говорила ему матушка сударыня:

« Распекло де у насъ солнце красное,

145. « Закалѣется де у насъ свѣтелъ мѣсяцъ:

« Твоя-то хозяйка за мужъ пошла

« За премладаго за Алешу за Поповича,

« Насилу ей князь поневолилъ пойти:

« Сегодня у нихъ столованье.»

150. Говорилъ Добрыня матери таково слово:

— Государыня ты моя родна матушка!

- Мнѣ надобно, мать, платье скоморошное,
— Еще надобно, мать, гусли хрустальныя.—
Пошелъ Добрынюшка во честный пиръ,
155. Садился Добрынюшка на упеченку (*),
Началъ во гусли наигрывать:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывать
160. Все свое по^{добы}хожденіе рассказы^{вать}вати.
Князю игра-та по уму пришла,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, дѣтина скоморошина!
« Подитко, дѣтина, во почестный пиръ.»
165. Пришелъ Добрыня во почестный пиръ,
Садился онъ противу Алеши съ молодой женой
И началъ въ гусли наигрывать:
Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
170. Третій разъ сталъ наигрывать
Все свое по^{добы}хожденіе ра^ссказы^{вать}вати,
Никто тому не догадается,
Катя тому и догадалася.
Говорилъ Добрыня Владиміру таково слово:
175. — Владиміръ, князь столенъ-Кіевскій!
— При^{скажи}кажи Алешиной молодой жены
— Налить мнѣ-ка чару зелена вина.—
Брала Катерина чарочку,
И наливала зелена вина,
180. Положила на поднось на серебряный,
Подносила Добрынѣ, низко кланялась.
Выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
Наливалъ чару да и назадъ подавалъ,
Опустилъ во чару-то златенъ перстень,
185. Самъ говорилъ таково слово:

(*) На солнечное мѣсто.

- Пей, Катерина, чару досуха вина,
— Выпьешь до дна, такъ увидишь добра.—
Выпивала Катерина чару зелена вина,
Нашла де въ чары-то златенъ перстень,
190. Говорила Катерина таково слово:
« Не тотъ мнѣ любъ, кой подлѣ меня сидитъ,
« Тотъ мнѣ-ка любъ, насупротивъ де меня,
« Молодецъ Добрынюшка Никитѣвичъ:
« Я не знаю, отколь его Богъ принесъ. »
195. Князю эта рѣчь за бѣду пришла,
За великую досаду не за малую.
Говорилъ де Добрыня таково слово:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Кабы ты былъ не Владиміръ князь,
200. — Такъ назвалъ бы тебя я сводникомъ,
— Государыню бы княгиню сводницей: ^{тамъ}
— Зачѣмъ вы отъ жива мужа жену отняли?—
Больше Добрыня не разговаривалъ,
Бралъ де Алешу за желты кудри,
205. Прямо черезъ столъ передергиваетъ,
Началъ шалыгой поворачивати:
Въ ^{бѣду} оуханья не слышно оханья;
Не далъ ему смерти скорыя,
А далъ ему ^{eternal} ~~безвѣчье~~ вѣковѣчное.
210. Столько-то Алеша женатъ бывалъ,
Столько Алеша съ женою сыпалъ.
Премладый Добрынюшка Никитѣвичъ
Бралъ Катерину за руку за бѣлую,
Пошелъ Добрыня изъ почестнаго пиру,
215. Приходилъ Добрыня къ своей матушкѣ,
Да и сталъ быть-жить, вѣкъ коротати.

(Отъ Порожскаго старика).

(Пудожского уѣзда, Филимоновской волости).

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:

- « Ты, родитель моя матушка,
- « Честна вдова Мамельфа Тимошеевна!
- « Дай-ко мнѣ прощеньице и благословеньице
- 5. « Съѣздить мнѣ Добрынюшкѣ во чисто поле,
- « Во чисто поле Добрынюшкѣ ^{поп}поляковать,
- « Могуче плечо Добрынюшкѣ ^{smooth}расправлять
- « И добра коня Добрынюшкѣ ^{drive}розганивать. »

Какъ отвѣтъ держитъ родитель его матушка,

10. Честна вдова Мамельфа Тимошеевна:

- Ахъ ты, чадо мое милое,
- Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
- Ты куда поѣждяешь на широко далече чисто поле,
- На кого ты оставляешь старую матушку

15. — И честну вдову Мамельфу Тимошеевну,

- На кого же оставляешь молоду жену,
- Молоду Настасью Микуличну,
- На кого ты оставляешь цвѣтны платица,
- И на кого ты оставляешь добрыхъ коней?—

20. Отвѣтъ держитъ тутъ Добрынюшка:

- « Ты, родитель моя матушка,
- « Честна вдова Мамельфа Тимошеевна!
- « Я тебѣ оставляю золотой казны до любви;
- « Молодой жены Настасьѣ Микуличной я ^{will}завѣтъ кладу:

25. « Какъ не буду я съ чиста поля три году,

- « Втепору ^{isn't}Настасья хоть вдовой живи,
- « Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
- « Хоть за князя поди, аль за боярина,
- « Али за сильного могучаго богатыря,

30. « А не ходи только за брата за крестоваго,

- « За младаго Олешу за Поповича;

- « А остатнюю казну въ сундуки замну,
« Въ сундуки замну и въ погреба спущу;
« Цвѣтны платья на вышки кладу,
35. « Добрыхъ коней въ поле спущу.»
Тутъ же Добрынюшка кладывалъ
На бурушка уздицу тесмянную
И осѣдывалъ добра коня,
Кладалъ войлочки на войлочки,
40. Сѣдельшко черкацкое и окованое
И двѣнадцатью подпругами подтягивалъ,
И не для-ради красы-басы и угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскія.
Клалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку,
45. И тугіе луки во налучія,
Онъ луки во наметы полагалъ,
И по бокамъ онъ раскладывалъ
Палицу военну-орудіе,
Востро копье бурзамецкое
50. И саблю тую вострую.
И садился Добрыня на добра коня,
И покдонъ онъ дѣлалъ ко матушкѣ
И къ той же молодой жены:
« Прощай-ко ты, родитель моя матушка,
55. « Честная вдова Мамельфа Тимофѣевна
« И молодая жена Настасья Микулична!»
Видли молодца саждаючись
И видли его покланяючись,
А не видли удалаго поѣдучись.
60. Рѣки, озера конь между ногъ пущаетъ,
Сини моря—около скакаетъ;
Хвостъ по земли растилается,
Грива подъ копыта подвигается,
Сильно и прытко конь поскакивать.
65. И много времени проклаждалоя.
И пріѣхалъ Добрыня въ чисто поле,
Раздергивалъ шатры полотняные,

- И втыкивалъ копье бурзмецкое,
И привязывалъ своего коня добраго
70. Тѣма поводамы онъ шелковыма,
И раставливалъ онъ столики дубовые,
Накладывалъ ѣства сахарныя,
Наливалъ онъ питья медвяныя,
Ѣсть—пѣть—прокладается,
75. Ничего же самъ не опасается,
А на Господа онъ увѣряется,
Побѣлъ, попилъ и покушалъ онъ,
Отпустилъ поклонъ ко Спасителю,
Благодарилъ о всѣхъ благахъ земныхъ
80. И легъ опочевъ держать.
И засыпалъ онъ тутъ въ богатырскій сонъ.
Тутъ же онъ пробуждается,
На томъ на своемъ добромъ конѣ
По чистому полю прогуляется,
85. И неможетъ дожидаться никакого воина,
Никакого воина къ себѣ и богатыря
День отъ дни времячко прокладается,
И никакой земли богатырь къ нему не является.
Приходить того же времячка и три году,
90. И не видать Добрыни со чиста поля.—
Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Началъ къ Настасьи подхаживать,
Началъ Настасью подсватывать,
95. Во замужество Настасью подговаривать,
За младаго Олешу Поповича,
За брата его за крестоваго:
— Поди-ко, молода Настасья Микулична,
— Нынѣ теперъ въ замужество
100. — За младаго Олешу Поповича.—
Отвѣтъ держала Настасьюшка,
И отвѣтъ тутъ держитъ Микулична:
« Исполнила я заповѣдь мужскую,

- « И исполню я заповѣдь женскую:
405. « Пройдетъ того времячки шесть годовъ,
« Не прїѣдетъ Добрынюшка съ чиста поля,
« Во ту пору, Настасьюшка, хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, или замужъ пойду,
« За князя ли пойду, за боярина,
410. « За сильнаго-ли могучаго богатыря,
« Не пойду только за брата за крестоваго,
« За младаго Олешу за Поповича.»
Такъ Владиміръ нынѣ отступается
И времени того дожидается.
415. И живетъ Добрыня во чистомъ полѣ,
Того онъ ничего не вѣдаетъ.
Какъ времячко прокладается,
Ѣздитъ по чисту полю да полякуеть;
Тогда съ добра коня опускается,
420. И на отдыхъ онъ опредѣляется,
И сномъ онъ обременяется.
И во тую пору, во то времячко,
Шатеръ его сколыбается,
И богатырь къ нему появляется:
425. Аки богатырь посвистываетъ,
Зычнымъ голосомъ прокрикиваетъ.
Отъ того ли крику Добрынюшка пробуждается,
Поскорешенько убирается,
На добра коня высаждается,
430. Во чистое поле отправляется,
Радостью Добрыня снаряжается,
Веселымъ духомъ ободряется:
— Ахъ же ты, богатырь, непротѣживай,
— Молодой куряте, не поскакивай;
435. — А будешь, куряте, пойманный,
— И будешь, молодой, оцѣпанный.—
Тутъ богатырь ко богатырю сближаются,
На военныя палицы сражаются,
Другъ друга они не ранили,

140. Палицы военныя тутъ пополамъ приломалися,
И на тыя на копья, на острыя копья бурзамецкія,
Копья бурзамецкія по яблускамъ срывалися,
И другъ друга же не ранили.
И на тыя на сабли на вострыя,
145. Сабли по поламъ приломалися,
И другъ друга не ранили,
Оба выпали со добрыхъ коней,
И стали другъ съ другомъ таскаться,
Подъ нима земля подгибаться.
150. Разгорѣлся Добрыня Микитинецъ
Сердцемъ своимъ богатырскимъ,
И хватилъ короля за желты кудри,
И кидаль короля о сыру землю,
И садился къ королю на бѣлы груди,
155. Здымалъ саблю выше плечъ своихъ,
Во плечъ рука застоялася,
Сталь короля онъ выпрашивать:
— Скажись, молодецъ, съ коей земли,
— Со коей земли, со коей орды,
160. — И какъ молодца именемъ зовуть,
— И какъ тебя по отечеству?—
Говорить король не съ упадкою:
« Ай же ты, богатырь есть нынѣ!
« Какъ бы я былъ на твоихъ грудяхъ,
165. « Не спрашивалъ ни роду, ни племени,
« Ни имени твоего, ни отечества,
« Взималъ бы саблю я вострую,
« И пласталъ бы я твою грудь бѣлую,
« И вынималъ бы я сердце со печеню.»
170. Тутъ Добрынюшка возмущается
Сердцемъ своимъ богатырскимъ,
За вострую саблю принимается,
Въ плечъ рука застоялася,
Сталь молодца выпрашивать,
175. Сталь молодца вывѣдывать;

— Съ коей земли, съ коей орды,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,
— Какъ тебя по отечеству?

Говорить король не съ упадкою:

180. « Какъ бы я былъ на твоихъ грудяхъ,
« Взималъ бы я саблю вострую,
« Пласталъ бы грудь твою бѣлую,
« Вынималъ бы я сердце со печенью.»

Тогда Добрынюшка возмущается,

185. На богатыри возъяряется.—

Тогда богатырь привиняется:

« Есть я богатырь Золотой земли,
« Золотой земли, и Золотой орды,
« Король земли Бухарскія.»

190. Взималъ короля за бѣлы руки,
Подымалъ короля отъ сырой земли,
Цѣловать въ уста во сахарнія:

— Повѣжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,

— Въ Золоту землю, и въ Золоту орду,

195. — Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
— А отъ Добрынюшки челобитице,
— Золотые подарки во милости.—

Такъ они распрощаются,

Другъ отъ друга разъѣзжаются.

200. Пріѣхалъ Добрыня ко бѣлу шатру,
Тутъ Добрынюшка на крѣпкій сонъ ободряется.
Такъ богатырь взадъ ворочается,
Къ бѣлу шатру приближается,
Вострую саблю обнажается,

205. Хватилъ онъ Добрыню по бѣлой шеи,
Вострая сабля бѣлой шеи не забрала;
Отъ того ли страху ужасается,
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
Схватилъ короля за желты кудри

210. И кидаль во сыру землю,—
Предалъ смерть ему скорую.

- Со той со великой со радости
Ѣсть и пьеть—прокладается.
На тую пору, на это времячко
215. Налетаетъ голубь со голубочкою;
Полетаетъ голубь въ каменну Москву,
Оставляетъ голубушку на бѣломъ шатрѣ.
Голубушка воспроговорила:
« Полетаешь ты въ каменну Москву,
220. « Оставляешь меня одинешеньку,
« Не останусь я голубушка:
« Какъ уѣхалъ нынѣ Добрынюшка,
« Оставилъ молоду жену Настасью Микуличу,
« А молода Настасья Микулична нынѣ во замужъ пошла.»
225. Эти рѣчи Добрынюшкѣ не слюбилися:
Приходитъ Добрыня ко добру копо,
И поѣхалъ Добрыня во свою землю,
И пріѣхалъ Добрыня во свою землю
И спущалъ коня во зеленые луга.
230. И приходитъ Добрынюшка ко родители ко матушкѣ,
Поклонъ онъ дѣлаетъ по низешенько:
— Здравствуй—ко родитель моя матушка,
— Честна вдова Мамельфа Тимофѣвна!
— При тебѣ—ли моя молода жена Настасья Микулична?—
235. Отвѣтъ держитъ его матушка:
« Ой же ты, чадо милое,
« Милый Добрынюшка Микитинецъ!
« Молода Настасья Микулична
« Нынѣ теперъ во замужъ пошла
240. « За твоего братца крестоваго,
« За младаго Олешу Поповича.»
— Ай же ты, родитель моя матушка!
— Принеси—ко ты гусельца яровчаты,
— Дай—ко мнѣ прощеньице и благословеньице
245. — Иди мнѣ, Добрынѣ, на почестный пиръ,
Тутъ—то Добрыня отряжается,
И на почестный пиръ снаряжается.

- Пошелъ тутъ Добрыня на почестный пиръ,
На томъ на пиру много народу умножается,
250. Не пропускать Добрыню на пиръ пройти;
Тутъ Добрыня стерегается,
На честный пиръ пробирается.
Пришелъ Добрыня въ палатушку грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,
255. А поклонъ ведетъ по ученому,
А на пиру народы всѣ ужаснулись.
Заигралъ Добрынюшка въ гусельшка яровчатая,
Всѣ народы приближались
И Добрынюшкѣ поклонялись.
260. Молода Настасья Микулична здрадовалася:
« А ей же ты, молодой Добрыня Микитинецъ!
« Не завидуй-ко разуму женскому,
« А позавидуй-ко разуму мужскому:
« Не въ честь берутъ и неохвотою,
265. « А берутъ великою неволею. »
Тогда сталъ Добрыня Микитинецъ на рѣзвы ноги
И подходить къ Олеши Поповичу:
— Ай же ты, братецъ крестовый,
— Молодой Олеша Поповичъ!
270. — На что ко чужой жены придираешься
— И во замужество приближаешься,
— И что отъ живаго мужа жену берешь?
— А ты князь Владиміръ стольно-Кіевскій
— На что къ Настасьи подхаживалъ,
275. — И въ замужество подговаривалъ?—
Беретъ онъ Олешу за желты кудри
И кидаетъ Олешу о кирпичный мостъ,
И только Олешенька женатъ бывалъ,
И тутъ Олешенька кончается,
280. А Добрынюшка со своей женой возвращается.
Всякой на свѣтъ женится,
А не всякому женидба удавается,

А удавалась женидьба Добрынюшкѣ Микитинцу
И молоду боярину Ставрѣ Гоудиновичу.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской Потапа Трофимова Потахина.]

18.

тоже (*).

[Пудожскаго уѣзда Уножскій погостъ.]

- « Свѣтъ ты, государыня моя матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Зачѣмъ ты меня несчастнаго спородила?
« Лучше бы ты бѣлымъ горячимъ камешкомъ спородила,
5. « Выставила бы на гору Сорочинскую,
« Вертѣла бы въ рукавцы во рукавные
« И бросила бы Добрыню въ синее море (**):
« И лежалъ бы тамъ Добрыня вѣкъ по вѣку,
« Отнынѣ и довѣку,
10. « И не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
« И не убивалъ бы головокъ безповинныхъ,
« Не слезилъ бы очей (***)-матерей понапрасно, »
Говорить ему честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, чадо мое милое,
15. — Дитя ты мое родимое!
— Я хотѣла тебя спородить добра молодца
— Счастками-богатствомъ въ Садка купца богатаго,

(*) Варіантъ, обозначенный буквами П. Б. Д. записанъ въ Большомъ дворѣ, дер. Печанскаго погоста, а буквою К. отъ калики Латышева.

(**) Вар. вѣсто цвѣтнаго камешка. К.—

(***) Отцевъ-матерей.

- Красотою-басотою въ Осина Прекраснаго,
— Силою хотѣла тебя спородить въ Илью Муромца,
20. — А смѣлостью въ Олешу Поповича.
— Видно ты, чадо мое милое,
— Зародился ты въ ту звѣзду,
— Въ ту минуту безсчастную, не въ таланную!—
И говорить Добрынюшка своей матушкѣ:
25. « Свѣтъ ты, моя матушка Офимья Александровна!
« Дай-ко ты мнѣ прощеньице-благословеньице,
« Пovýхать Добрынѣ въ чисто поле.»
Тутъ ему матушка дала прощеньице,
Дала ему благословеньице
30. Пovýхать Добрынѣ во чисто поле.
Выходить-то Добрынюшка на широкъ дворъ,
Выводить сивушка-бурушка косматаго
Съ конюшни стоялыя на широкъ дворъ
И надѣваетъ уздицу тесмянную;
35. Кладываетъ потнички, а на потнички войлочки,
А на войлочки сѣдѣльцо черкасское,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
А подпруги все были шелку шахманскаго,
А не для-ради красы-басы,
40. А ради крѣпости богатырскія.
Тутъ выходить на широкъ дворъ
Молода жена Настасья свѣтъ Микулична,
Говорить Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты, молодой Добрынюшка свѣтъ Никитиничъ!
45. — Побѣждаешь ты во далече, далече во чисто поле,
— Когда же тебя ждать со чиста поля?—
Говорилъ онъ ей таковы слова:
« Ай же ты, любимая семья,
« Молода жена Настасья свѣтъ Микулична!
50. « Ты меня годикъ жди, ты меня другой жди,
« Ты меня третій жди;
« А послѣ трехъ годовъ,
« Хоть вдовой живи, хоть за мужъ иди.»

- Видли добра молодца сядучи,
55. А не видали поѣдучи. . . .
Скоро скажется, тихо дѣется. . . .
Недѣля за недѣлю, какъ дождь дождить.
Тому времечку сравнялося ровно три годика.
Наѣзжаетъ смѣлый Олешенька Поповичъ со чиста поля,
60. Привозить вѣсточку не радостну, не веселую
Ко той вдовѣ Офимѣ Александровнѣ:
— Не стало твоего чада милаго,
— Молода Добрынюшки Никитича во живности;
— Буйной головой лежитъ онъ въ раковитомъ кустѣ,
65. — А рѣзвыми ножками въ ковыль-травѣ,
— Сквозь тѣло бѣло трава проросла,
— Проросла трава и цвѣты разцвѣли.—
Прошло то времечко малое,
Сталъ ходить Олешенька свататься
70. На Настасѣ на Микулишной.
Говорила Настасѣя таковы слова:
« Ай же ты, смѣлый Олешенька Поповичъ!
« Справила я заповѣдь мужнюю,
« А нонь положу отъ себя заповѣдь на три года:
75. « Буде не пріѣдетъ Добрынюшка со чиста поля,
« Тоншто я Настасѣя хоть вдовой живу,
« Хоть вдовой живу, хоть за мужъ пойду.»
Опять тутъ скоро скажется, тихо дѣется.
День-то за день, будто дождь дождить,
80. Недѣля за недѣлей, будто рѣка бѣжить,
А сравнялось сему времени шесть годовъ;
И не видать Добрынюшки пріѣдучи со чиста поля.
Тутъ сталъ Олешенька похаживать,
Сталъ на Настасѣ на Микулишной свататься;
85. А нейдетъ-то Настасѣя Микулишна
За Олешеньку за мужъ-то.
Подымаетъ Олешенька князя Владиміра
Ко Настасѣ идти свататься
Приходитъ-то князь Владиміръ стольне-Кіевскій

90. Къ Настасьѣ во высокъ теремъ,
Крестъ кладеть по писаному,
А поклонъ ведеть по ученому,
На всѣ на четыре стороны покланяется,
Настасьѣ Микулишною въ особину.
95. Говорить князь Владиміръ стольне-Кіевскій:
— Здравствуй, Пастасья дочь Микулишна!
— Для чего-жъ ты за Олену за мужъ нейдешь?
— Я тебя постригу Настасью во старицы,
— Сведу въ монастырь ко старицамъ;
100. — И вѣкъ ты станешь служить во старицахъ.—
Настасьѣ во старицы идти не хочется:
Сама себя Настасья просватала,
Задержнулъ Олешенька почестный пиръ,
Почестный пиръ-пированьице на двѣнадцать день (*).
105. Въ ту пору и въ то время,
Во далечѣ, далечѣ, во чистомъ полѣ,
Подъ сырымъ дубомъ, да во бѣломъ шатрѣ
Добрынюшка Никитичъ опочивъ держить.
Палетаеъ голубъ со голубкою на сырой дубъ,
110. Сталъ-то голубъ со голубушкою разговаривати:
« Сегодня во Кіевѣ у насъ почестный пиръ,
« Добрынина жена за мужъ пошла. »
А эти рѣчи всѣ Добрынюшка повыслушалъ,
Выходилъ на широку улицу,
115. Крыкнулъ голосомъ-богатырскимъ,
Свистнулъ голосомъ молодецкимъ:

(*) Тутъ Добрынина матушка расплакалась,
Сѣла подъ окошечко косявчето,
Глядитъ на широкую улочку:
Не свѣтъ-то на улицы разсвѣтается,
Не зори ли утренны,
Не зори-ль вечерныя,
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ выкатается,
Не часты-ль звѣзды рассыпаются,
Не красное-ль солнышко распекло,
Какъ ѣдетъ Добрыня со чиста поля. . . . (Ш. Б. Д.).

- Конь бѣжить, мать земля дрожитъ.
Сѣлаетъ сивушка-бурушка косматого,
Скоро на скоро сподобляется,
120. И скочилъ Добрыня на добра коня.
И сталъ его добрый конь, сивушка-бурушка
По чисту полю порыскивать, помахивать,
Отдрался конь отъ сырой земли,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
125. Рѣки-озера промежъ ногъ сталъ пропускавать.
Пріѣзжаетъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Ко своему подворьюцу дворянскому,
Стучить у вороточекъ рѣшетчатыхъ,
Отвѣчаетъ ему тамъ честна вдова Офимья Александровна:
130. — Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди прочь отъ дому отъ сиротскаго.
— Кабы былъ Добрыня во живности,
— Не дошло бы каждому пьяницы
— Надъ моимъ домомъ насмѣхаться.—
135. А того Добрыня не пытается,
Стучить-гемить въ другой наконъ.
Отвѣчаетъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, пьяница кабацкая, подорожная!
— Отойди ты отъ дому отъ сиротскаго.—
140. А того Добрыня не пытается,
Стучить-гемить по третій наконъ.
И говоритъ Добрыня таковы слова:
« Отвори же ты, честна вдова Офимья Александровна!
« Я привезъ тебѣ вѣсточку радостную и веселую.»
145. Отперла-то она воротца рѣшетчатые,
Опознала своего сына любимаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Говорить Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня матушка,
150. « Честна вдова Офимья Александровна!
« Гдѣ-то моя молода жена, Настасья дочь Микулишна?»
Говорить честна вдова, Офимья Александровна:

— Твоя жена за мужъ ушла (*)

— За смѣлаго Олешу Поповича,

155. — А не съ охоты шла, а со пристрастки со княжескія. —

Говорить Добрыня таковы слова:

« Свѣтъ ты, государыня матушка (**),

« Честна вдова Офимья Александровна!

« Принеси гуселки створчатыя. »

160. Онъ натягивалъ въ гуселкахъ, налаживалъ

Двѣнадцать струнечекъ злаченныхыхъ;

Сокручивается во платя скоромошныя,

Бралъ колачиковъ крупичатыхъ,

Пошелъ по широкой по улицы:

165. Маленьки ребятки играютъ щильцомъ-мячомъ,

Сами говорятъ таковы слова:

— Ай же ты, Добрынюшка сынъ Никитичъ!

— Твоя жена за мужъ ушла, .

— За того за смѣлаго Олешу Поповича. —

170. Онъ кидаетъ ребятамъ по камачу по крупичатому:

« А про мѣи болѣе не сказывайте. »

Пришелъ Добрынюшка къ Олешѣ на почестный пиръ,

Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,

175. На веѣ на четыре стороны покланяется,

Князю Владиміру въ особину:

« Здравствуетъ, Владиміръ князь, со честнымъ пиромъ!

« Да-ко мнѣ мѣсто скоморошины немношенько

« Поиграть во гуслицы во створчатые. »

180. Говорить Владиміръ князь стольне-Кіевскій,

— Скоморошье мѣсто на запечѣ. —

А Добрыня скочилъ на печку на муравлену,

(*) — Ясенъ соколъ на дворъ прилетѣлъ,
— Слетала съиза голубица съ широка двора (К.). —

(**) . Безчастнаго ты меня спородила,
• Несчастнаго ты меня возродила,
• И въ третійхъ, матушка, во-ростила (П. Б. Д.). »

Сталъ въ гуслицы поигрывать (*).

Тая-то игра прилюбилася всему кругу молодецкому,

185. Всему поѣзду княженецкому.

Говорить Владиміръ скоморошины:

— Ай же ты, молода скоморошина!

— Опускайся со печки со муравленой,

— Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое.—

190. Садился Добрынюшка супротивъ Настасьи на скамеечку,

Самъ говорилъ таковы слова:

« Прикажи-ко, князь Владиміръ, налить чару зелена вина,

« Прикажи-ко поднести, кому знаю я. »

И говорилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:

195. — Ай же ты, молодая скоромошина!

— Наливай ты чару зелена вина,

— Поднеси, кому знаешь ты.—

Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Наливалъ чару зелена вина,

200. Подливалъ меду сладкаго,

Опустилъ въ чару свой значенъ перстень.

И подносить чару Настасѣ Микулишной,

Самъ Настасѣ приговариваетъ:

— Пей до дна, такъ видать добра,

205. — А не пьешь до дна, такъ не видать добра.—

Она брала чашу во бѣлы руки,

Выпивала чару досуха,

Увидала перстень значеный,

Брала перстень во бѣлы руки,

210. Сама говоритъ таково слово:

— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!

— А не тотъ мнѣ-ка мужъ, который стоитъ подлѣ меня,

— А тотъ мнѣ-ка мужъ, который сидитъ противъ меня
на скамеечкѣ,

— Молодой Добрынюшка, сынъ Пикитиничъ.—

215. Оттрагивала столики дубовые,

(*) Эта игра Владиміру за умъ пришла (К.).

Брала за ушка, цѣловала во уста во сахарнія.

И говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:

« Не дивую я Олешѣ Поповичу,

« А дивую князю Владиміру (*),

220. « Что отъ жива мужа жену беретъ.»

Говорить Владиміръ таково слово:

— Кто отъ бѣды откупается,

— А Владиміръ князь на бѣду накупается,

— На эту ли бѣду на великую, на немалую.—

225. Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Взималъ Добрыня Олешу за желты кудри,

Сталъ Олешеньку потряхивать, помахивать (**),

Изъ угла въ уголъ перекидывать (***),

Чуть Олешеньку въ душахъ оставилъ,

230. Только Олешенька и жепать бывалъ.

[Со словъ крестьянина дер. Уной-Губы Гаврилы Амосова, въ Іюль мѣсяцъ 1863 г.].

(*) • А дивую я Олешѣ Поповичу.

• Какъ можно отъ жива мужа жена отнять!

• Похвасталъ къ моему двору прѣзжаючи,

• А не похвастаешь отъ моего двора отъѣзжаючи [П. Б. Д.]. •

(**) Шалыгой по бокамъ поколачивалъ:

Бухканья не слышно,—охканье,

Охканья не слышно,—бухканье;

Сдѣлалъ Олешу въ полѣтка [К.].

(***) Говорилъ Олеша таковы слова:

— Ай же ты, братецъ названный!

— Прости меня во этой вини во великія:

— Надсмѣлся я надъ твоей молодой женой.—

Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:

• Пошелъ ты, собака подстольная,

• Убврайся, собака подорожная! •

Тутъ-то Олешенькѣ славы поють,

И та слава вѣкъ не мигуетъ [П. Б. Д.].

ДОВРЫНЯ И МАРИНКА.

19.

[Пудожаго уѣзда Колодозерская волость.]

- Жила честна вдова Офимья Александровна
Въ Москвѣ на Горкѣ на Виновой,
И остался отъ батюшка молодой Добрынюшка Никитичъ.
И зачалъ ѣздить Добрынюшка по славной каменной Москвы.
5. И наказываетъ Добрынюшкѣ матушка:
« Ай же ты, Добрынюшка свѣтъ Никитиничъ!
« Ёзди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
« Улочками ѣзди и переулочками,
« И ѣзди, Добрынюшка, во далече, далече, во чисто поле;
10. « Когда будешь Добрынюшка близъ города Кіева
« И заѣдешь ты, Добрынюшка, во Кіевъ градъ,
« Ёзди Добрынюшка улочками,
« Ёзди Добрыня переулочками,
« А ты не ѣзди, Добрынюшка,
15. « Во тыя улочки Маринскія
« И во тые переулочки Игнатьевскіе.»
И забылъ Добрынюшка наказаньицо матушкино,
И заѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Во тыя улочки въ Маринскія,
20. И во тыя переулочки Игнатьевскія,
Ко злодѣйки Маринкѣ ненавистницы.
У злодѣйки Маринки ненавистницы
Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатые,
25. И поставлены колоды бѣлодубовы,
Паличники положены серебряныя,
И на каждомъ окошечкѣ голубъ со голубушкою.
И натянулъ Добрынюшка свой тугой лукъ
И стрѣлилъ—то онъ голубя съ голубушкою,
30. И пролетѣла стрѣлочка каленая

- Во ту ли колоду бѣлодубову,
И во тотъ-ли наличникъ серебряный,
И во ту ли то во спальню во теплую,
И на ту ли кроватку тесовую,
35. И на ту ли перинку пуховую,
И убила у Маринки мила друга,
Поганаго Тугарина Зміевича.
И посылаетъ Добрынюшка Никитичъ
Своего паробка да слугу вѣрнаго
40. По ту ли по стрѣлку каленую:
« Ай же ты, злодѣйка Маринка ненавистница!
« Давай-ко нашу стрѣлочку каленую. »
И говоритъ злодѣйка Маринка таково слово:
— А кто стрѣлочку стрѣлилъ,
45. — Пускай самъ сюда придетъ.—
У Добрыни бѣло тѣло распотѣлося,
А богатырско сердце разгорѣлося:
И скочилъ Добрынюшка тутъ со добра коня,
И побѣжалъ во теремы высокіе
50. Ко злодѣйкѣ Маринкѣ ненавистницы;
Онъ ухватилъ-то Маринку за бѣлы груди,
Кинулъ-то Маринку о дубовый мостъ,
И бралъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ пошелъ изъ ложни изъ теплая.—
55. А эта злодѣйка Маринка ненавистница
Брала свой ножъ булатный,
И куда ступалъ Добрынюшка Никитиничъ:
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подскоблила слѣды Добрынюшкины,
60. И спустила Добрынюшку оленемъ рысучимъ во чисто поле.
И провѣдала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
Что обернуть сынъ оленемъ рысучимъ во чисто поле,
И зачала искать по каменной Москвѣ докторовъ,
65. Чтобы отвернуть Добрынюшку добрымъ молодцемъ.
Но не нашла въ Москвѣ докторовъ,

- И поѣхала во славный во Кіевъ градъ,
И нашла она бабушку задворенку,
И смолилась она да отъ желаньца:
70. « Ай же ты бабушка задворенка!
« Отверни-ко ты, Добрынюшка добрымъ молодцемъ. »
И возговорить бабушка задворенка:
— А возми-тко ты меня саму да въ каменну Москву
— И на ту ли Горку на Вшивую. —
75. И говорила ей бабушка задворенка:
— Принеси-ко ты Добрынюшкинъ тугой лукъ
— И принеси-ко ты да калену стрѣлу. —
И натягиваетъ старушка тугой лукъ,
И накладываетъ старушка калену стрѣлу,
80. И сама ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
— Ты летай-ко, моя стрѣлочка, по чисту полю,
— Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
— Оленя рысчучаго въ чистомъ полѣ:
— Пусть бѣжить во матушку въ каменну Москву,
85. — На ту ли на Горку на Вшивую. —
Этая бабушка задворенка
Сдѣлала Добрынюшку добрымъ молодцемъ,
И сама говорить таково слово:
— Ты возмешь ли Добрынюшка Маринку за себя за мужъ? —
90. И возговорилъ Добрынюшка Никитичъ:
« Не надобъ мнѣ Маринки на широкій дворъ. »
Этая бабушка задворенка
Обвернула злодѣйку собакою
— Ты бѣгай-ко, злодѣйка, вѣкъ и по вѣку,
95. — Отъ нынѣ и до вѣку. —

[Отъ крестьянина деревни Пиряковской Трофима Романова.]

АЛЕНА ПОПОВИЧЪ.

20.

АЛЕНА ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМЪЕВИЧЪ.

(Пудожгорскаго прихода, Повѣнецкаго уѣзда).

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Натѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.

5. Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питища медвяныя,
10. Полагали ему ѣства сахарныя,
Садился Тугаринъ за дубовый столъ.
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
15. « Какъ у моего государя было батюшки,
« У Левонтья пона было Ростовскаго
« Было псище-то старое,
« Старое псище-то съдатое,
« Хватило костице великое,
20. « Гдѣ онохватило, подавилосѣ:
« Подавиться Тугарину Змѣевичу
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
25. Говорить Алена таковы слова:
« Какъ у моего родителя было батюшки,
« У Левонтья пона было Ростовскаго
« Было коровище великое,

- « Выпило питьица лоханице,
30. « Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
« И треснетъ Тугаринъ—отъ Змѣевичъ
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столъ ножище булатное
35. И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
На лету онъ ножъ подхватывалъ,
40. Самъ къ ножу приговаривалъ:
« Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
« Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
« Съ Тугариномъ супротивиться?»
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
45. — Не куда уйдетъ гагара безногая.—
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Ко тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича.
50. И убилъ Тугарина Змѣевича,
Тутъ вѣкъ про Алешу старину поють
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

[Записано со словъ Бутылки въ Петрозаводскѣ, 29 Іюня 1863 года].

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ.

21.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Какъ во славномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра

- Было пированье почестный пиръ
На всѣхъ тѣхъ гостей званныхъ бранныхъ,
5. Званныхъ бранныхъ гостей и почестныхъ.
Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на пиру напивались,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Умный хвастаетъ отцемъ—матерью,
10. А безумный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвастаетъ своимъ богатствомъ,
А кто-ль хвастаетъ своей силой богатырскою.
Тутъ выходитъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольно—Кіевскій,
15. Говоритъ своимъ княземъ—боярамъ:
« Ай же вы, князи—бояры,
« Удалы добры молодцы!
« Всѣ вы у меня вы поженены,
« Одинъ—то я, солнышко Владиміръ князь,
20. « Холость есть, не женать.
« Приберите вы мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови бы были у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
25. « Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединый. »
Тутъ приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
30. — Владиміръ князь стольно—Кіевскій!
— Мы же не бывали на чужихъ на дальнихъ сторонюшкахъ,
— Не видали людей чужестранныхъ,
— Послать намъ—не послать на чужу дальню сторону,
— Тихаго Дуная сынъ Иванныча:
35. — Онъ жилъ—то у короля Литовскаго,
— Онъ двѣнадцать лѣтъ въ конюхахъ.—
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Послать тихаго Дуная сынъ Иванныча. »

- И позвали Дуная сынъ Иваныча,
40. И приходитъ онъ ко солнышку Владиміру,
Говорить ему таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Зачѣмъ ты меня теперь требуешь?—
45. « Ай же ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
« Достань мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови были бы у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
50. « Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединый. »
Тутъ-то говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Дай же ты мнѣ молодца въ пособники,
55. — Пособничка и помошничка,
— Молода Добрынюшку Никитича.—
Тутъ-то солнышко Владиміръ князь
Наливалъ онъ чару хрустальнойю,
Хрусталя чара восточнаго,
60. Края золотомъ позолочены,
Чара мѣрою полтора ведра,
А вѣсомъ полтора пуда.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Бралъ онъ чару одной рукой,
65. Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
Наливалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Другую чару глубокую,
Подносилъ Добрынюшкѣ Никитичу.
Молодой Добрынюшка Никитичъ
70. Бралъ онъ чару одной рукой,
Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
И тутъ оны добры молодцы
Выходили на широкій дворъ,
Сѣдлали коней богатырскіихъ.

75. Только видли добрыхъ молодцевъ сядучи,
А не видли добрыхъ молодцевъ поѣдучи.
Оны ѣхали не воротами,
А скакали ихъ кони чрезъ стѣну городовую,
Пошли ихъ кони съ горы на гору поскакивать,
80. Съ холмы на холму перѣмахивать,
Оны рѣки и озера межъ ногъ несли.
И поѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду,
Ко тому королю по-Литовскому
85. И прямо въѣхали на королевскій дворъ.
И выходитъ король на широкій дворъ
И встрѣчаетъ тутъ Дуная сынъ Иваныча.
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ (*):
« Здравствуй, король по-Литовскій!
90. « Принимай ты гостей во гостебищю;
« Мы за добрымъ дѣломъ пріѣхали,
« А за добрымъ дѣломъ за сватовствомъ.»
Тутъ возрадовался король по-Литовскій,
Принималъ онъ гостей во гостебищю;
95. Какъ онъ принялъ гостей во гостебищю,
Тутъ объявляетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
« Ай же ты король по-Литовскій!
« Мы пріѣхали за дѣломъ за сватовствомъ;
« Намъ не надобно большой вашей дочери,
100. « Большой дочери Настасьи королевичной;
« Мы пріѣхали къ вамъ свататься
« На меньшей вашей дочери,
« Меньшей дочери Фераксы королевичной.»
Тутъ разгнѣвался король да по-Литовскій,
105. Онъ вскричалъ-то своимъ княземъ-боярамъ:
— Соберите-ко вы силы во чисто поле,

(*) Вар. Я пріѣхалъ не биться-не ратися,
На твоей на дочери свататься.

— Убейте-ко вы тихаго Дуная сынъ Иваныча

— И пособничка Добрынюшку Никитича.—

Собрали-то всѣ силы во чисто поле,

110. Силы нагнали что и смѣты нѣтъ.

Тутъ-то тихій Дунай сынъ Ивановичъ

И пособничекъ Добрынюшка Никитиничъ,

Не яснымъ соколомъ напускаются

На гусей, лебедей и на утушекъ,

115. И поѣхали оны тутъ по улицы

И свернуть-ли, гдѣ переулочкомъ,

Сколько ни оны рубятъ, а вдвоемъ-втроемъ,

Вдвоемъ втроемъ коньми топчуть.

И тутъ-то король по-Литовскій

120. Вскричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:

— Ахъ ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!

— Оставь-ко ты мнѣ воиновъ на сѣмяна,

— А бери-ко ты мою меньшу дочь,

— Мою меньшу дочь Фераксу королевичну

125. — За солнышка за князя за Владиміра.—

И тутъ оны выѣзжали въ королевскій дворъ

И брали Фераксу королевичну,

Отправлялись они въ свою сторону.

И выѣхали оны во чисто поле,

130. И глядитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичъ:

Ѣздитъ рыцарь во чистомъ полѣ.

И тутъ-то Дунай сынъ Ивановичъ

Отправляетъ Добрынюшку Никитича

Въ свою сторону, ко граду ко Кіеву

135. Съ прекрасной Фераксой Королевичной,

А самъ онъ остался во чистомъ полѣ.

И наѣхалъ онъ наѣздника въ чистомъ полѣ,

Сильнаго наѣздника храбраго,

И сдѣлали оны разѣздъ во чистомъ полѣ,

140. Попробовать своихъ плечъ богатырскихъ

И храбрости своей молодецкоей,

И ударились оны палицами булатными.

- Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Съ коня онъ сбилъ супротивника, —
145. Наступилъ тутъ конь на круты бедра, —
И прижалъ копьемъ ко сырой землѣ,
И спрашивалъ, какого роду-племени,
Какого отца, какой матери?
Рыцарь отвѣчалъ таковы слова:
150. « Сидѣлъ бы я на твоей груди,
« Не спрашивалъ бы роду-племени,
« А пласталъ бы твои груди бѣлыя.
« Есть я дочь короля литовскаго,
« Прекрасная Настасья королевична. »
155. Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Опускается онъ со добра коня,
И беретъ ее за бѣлы руки,
И цѣлуетъ ее во сахарни уста:
И сажались оны на добрыхъ коней
160. И поѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
Пріѣхали ко смышку Владимиру
На почестной пиръ да на свадебный.
Тутъ на пиру наѣдалися,
Тутъ на честномъ напивалися,
165. Тутъ на пиру порасхвастались,
Порасхвасталась Настасья королевична (*):
« Мы поѣдемъ, Дунай сынъ Ивановичъ!
« Мы поѣдемъ съ тобой во чисто поле,
« Стрѣлять мы станемъ стрѣлочки каленныя. »
170. Тутъ поѣхали оны во чисто поле
И стали стрѣлять стрѣлочки каленныя.
Стрѣлилъ Дунай сынъ Ивановичъ:
Онъ первый разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,

(*) Вар. Не могло тоє сердце утерпѣть женское.

175. А третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ стрѣлила Настасья королевична,
И стрѣлила она стрѣлочку каленую
И попала она въ цѣль поставленную:
Объ половиночки вѣсомъ ровны.
180. И тутъ у Дуная сынъ Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хочетъ пластать груди бѣлыя.
И смолилась Настасья королевична:
185. « Ай же ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
« Не пластай ты грудей моихъ бѣлыхъ,
« Оставь-ко ты меня во живности:
« Я рожду тебѣ трехъ сыновъ:
« И будетъ у нихъ по колѣно ногъ,
190. « По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
« По конецъ ручки въ золотѣ,
« По косицамъ часты звѣзды,
« Сзади у нихъ будетъ свѣтель мѣсяцъ,
« А во лбу у нихъ красно солнышко. »
195. Ни на что не взираючи,
Пласталъ онъ ей груди бѣлыя
И вынулъ изъ груди ея трехъ сыновъ:
По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
По локоть ручки въ золотѣ,
200. По косицамъ часты звѣзды,
Сзади свѣтель мѣсяцъ,
А во лбу у нихъ красно солнышко.
И тутъ у Дуная Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
205. Становилъ онъ копье во сыру землю,
Острымъ концемъ во бѣлую грудь,
И упалъ онъ своей грудью бѣлою
На острый конецъ копья остраго.
Только Дунай и живъ бывалъ.
210. Протекла тутъ отъ нихъ Дунай-рѣка,

А другая протекла Настасьина (*),
Одна въ сторону рѣка, друга въ другую,
И въ одно мѣсто оны стекались.
И вѣкъ про Дуная старину поютъ

215. Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

[Записана Ѳ. Лысановымъ отъ кр. Андрея Саранова.]

ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧЪ И МИХАЙЛА ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

22.

[Повѣнецкаго уѣзда деревня Кяменицы.]

- Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелося столованьце почесетъ пиръ
На многихъ князей на бояровъ
5. И на сильныхъ могучіихъ богатырей.
Много на пиру есть князей-бояръ,
И сильныхъ могучіихъ богатырей,
И много полениць удалыхъ.
Свѣтлый день идетъ ко вечеру,
10. Почесенъ пиръ идетъ на веселъ,
Красно солнышко катилось ко западу.
Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на честномъ напивались,
Всѣ на пиру сидятъ-хвастаютъ:
15. Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвалится своимъ добрымъ конемъ,

(*) Вар. Дунай рѣка протекла къ Кіеву,

А Настасьина пала въ Золоту орду.

- Иный хвалится своей силой богатырскою.
На томъ на честномъ пиру
20. Выставалъ удалый добрый молодецъ,
Старый Данила Игнатьевичъ,
Скидывалъ съ буйной головы своей пуховъ колпакъ
И клонилъ голову князю Владимиру,
Самъ говоритъ таково слово:
25. « Ай же ты, Владимиръ князь стольно-Кіевскій!
« Благослови меня во старцы постричься
« И во схимію посхимиться. »
Говоритъ ему Владимиръ князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, старый Данила Игнатьевичъ!
30. — Не благословлю тебя во старцы постричься
— И во схимію посхимиться:
— Какъ провѣдаютъ всѣ орды невѣрныя
— И всѣ короли нечестивые,
— Что на Руси богатыри во старцы постригаются,
35. — Станутъ на насъ они нахалиться. —
Говоритъ ему старый Данила Игнатьевичъ:
« Ай же ты, Владимиръ князь стольно-Кіевскій!
« Теперечу есть у меня молодой сынъ,
« Молодой сынъ Михайла Данильевичъ,
40. « Михайла Данильевичъ шести годовъ;
« Ай докуль не провѣдаютъ короли нечестивые,
« Той порой будетъ шести годовъ;
« А докуль они снаряжаются,
« Той порой будетъ двѣнадцать:
45. « Такъ будетъ сильнѣе меня и могутѣе. »
И благословилъ его Владимиръ князь
Въ старцы постричься и въ схимію посхимиться.
Еще прошло времени три году,
И наполнилось времени девять лѣтъ;
50. Докуда снаряжались цари и орды невѣрныя,
Опять прошло времени три году,
И наполнилось всего времени двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ собиралася сила несчетная и несмѣтная

У того короля нечестиваго:

55. Черну ворону въ вешней день не облетать,
А сѣру волку въ осенню ночь не обрыснати,
Пятьсотъ у него Полкановъ-богатырей,
И четыре старосты думныхъ,
И два палача немилосливыхъ.
60. Кукуются воры и ликуются:
Оны дубья рвутъ съ кореньями,
И мечутъ высоко подъ облану,
И подхватываютъ взадъ единой рукою.
А самъ собака похваляется
65. И на Кіевъ градъ вооружается:
Хочетъ Кіевъ градъ со щитомъ онъ взять,
А князей-бояръ всѣхъ повырубить,
Владимира князя хочетъ подъ мечъ склонить,—
Подъ мечъ склонить и голову срубить,
70. А княгиню Анраксію хочетъ за себя онъ взять;
И хочетъ голову князя Владимира
Лѣвой ногой своей попинывать,
А правой ручкой княгиню Анраксію
По бѣлымъ грудямъ подрачивать.
75. Провѣдалъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Собираетъ онъ во Кіевъ почесенъ пиръ.
И много на пиру князей собиралось,
И много сильныхъ могучихъ богатырей,
И всѣ на пиру пьяны-веселы;
80. Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на пиру напивались,
Всѣ на пиру сидятъ хвастаютъ:
Иный хвастаетъ золотой казною,
Иный хвастаетъ своей силой богатырскою.
85. Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ай же вы, князи-бояры!
« Кто бы ѣхать могъ во чисто поле,
« Ко тому ко войску нечестивому,
« Переписывать силу, пересчитывать

90. « И пометочку (*) привезти мнѣ на золоть столъ.»
Тутъ большій тулается за средняго,
А средній тулается за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
А вставалъ удалый добрый молодецъ
95. Изъ за стола не изъ большаго и не изъ меньшаго,
Изъ того стола изъ окольнаго,
Молодой Михайла Данильевичъ;
Скидывалъ съ буйной головы пуховъ колпакъ,
Поклонился свѣту князю Владиміру,
100. Говорилъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Благослови меня ѣхать во чисто поле;
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
105. — И пометочку привезти тебѣ на золоть столъ?—
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Ты смолода, глуздырь, не попурхивай,
« А есть сильнѣя тебя и могутнѣя.»
И говоритъ Владиміръ второй наконъ:
110. « Ай же вы, могучіи богатыри и паленицы удалыя!
« Кто у васъ можетъ ѣхать ко войску нечестивому
« Переписывать силу, пересметывать
« И пометочку привезти на золоть столъ ко мнѣ?»
Тутъ большій тулается за средняго,
115. А средній тулается за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Выставалъ тутъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Михайла Данильевичъ,
Говорилъ онъ таково слово:
- 120, — Благослови меня ѣхать во чисто поле,
— Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать

(*) Отъ «памяти» пометочка.

- И пометочку привезть къ тебѣ на зомоть столъ.—
И благословилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій
125. Ко войску нечестивому поѣхати.
Сталъ Михайла Данильевичъ во чисто поле справлятися:
Взялъ изъ погреба коня батюшкова,
И каталъ-валялъ его по три росы вечерніхъ
И по три росы ранопутренніхъ,
130. Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
И поилъ изварою медвяною,
И сталъ крутиться во пазыице родительско
Ѣхати далече во чисто поле;
Надѣвалъ онъ латы родительски,—
135. Латы ему были тѣсноваты;
И саблю бралъ родительску,—
Сабля ему была легковата;
Обсѣдывалъ коня онъ и обуздывалъ,
И садился онъ на добра коня,
140. И поѣхалъ онъ во чисто поле,
Не путями онъ поѣхалъ, не воротами,
А поѣхалъ онъ чрезъ стѣну городовую,
И поѣхалъ мимо пустыню родителя,
Въ которой родитель Богу молится,
145. Получить благословеніе родителя
Ѣхати во чисто поле ко войску нечестивому.
И выходилъ его родитель изъ пустыни,
Старый Данила Игнатьевичъ,
И плечомъ подымалъ онъ подъ тую грудь,
150. Подъ тую грудь лошадиную,
И остановилъ ее съ ходу быстрого.
И говоритъ ему Михайла Данильевичъ:
— Свѣтъ государь мой батюшко!
— Благослови меня поѣхати во чисто поле,
155. — Ко тому ко войску нечестивому,
— Переписывать силу, пересметывать
— И пометочку привезти ко князю Владиміру.—
И говорилъ ему Данила Игнатьевичъ:

- « Ты послушай, дорого мое чадо любимое!
160. « Ты послушай ~~наказанье~~ указанье родителя:
« Будешь какъ у войска нечестиваго,
« Не давай своему сердцу воли вольныя,
« Не затѣжай въ середину въ матицу,
« А руби ты силу съ одного края.»
165. Тутъ поѣхалъ Михайла Данильевичъ
Во чисто поле къ войску нечестивому,
И сталъ рубить онъ съ одного края,
Сѣкъ-рубилъ силу три дни и три ночи,
Хлѣба-соли неѣдаючи,
170. Ключевой воды не пиваючи
И себѣ отдыху не даючи.
Воспроговорить его доброй конь:
— Мой ты хозяинъ любимый!
— Ты отѣдь отъ войска нечестиваго,
175. — Затекали мои очи ясныя
— Поганою кровью татарскою,
— И не могу носить тебя богатыря
— По тому ли по войску нечестивому.—
И отѣхалъ Михайла Данильевичъ
180. Отъ того ли войска нечестиваго подѣ Бугру гору,
И самъ онъ сталъ ѣсть и пить,
Насыпалъ коню пшены бѣлояровой,
И накрошилъ ему кодачиковъ крупичатыхъ,
И самъ онъ сталъ опочевъ держать.
185. И заспалъ Михайла Данильевичъ во крѣпкой сонъ,
И спалъ Михайла Данильевичъ
Три дни и три ночи.
А той поры его добрый конь
Ходилъ-скакалъ на Бугру гору
190. И глядѣлъ-смотрѣлъ на войско нечестивое,
Что поганые татарове дѣлали.
А поганые татарове дѣлали:
Конали три рва, три погребѣ глубокіихъ,
И ставили рогатины звѣриныя,

195. И поверху затыгивали полотнами холщевыми,
И засыпали песками рудожелтыми.
Тутъ скочилъ Михайла со крѣпкаго сна,
А стоитъ его добрый конь прикручинившись:
Уши у него были повѣшены,
200. И глаза его были въ зень потуплены:
Воспроговорить Михайла Данильевичъ:
« Охъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Ты чего стоишь прикручинившись,
« Пшеница у тебя не зобана
205. « И колачики у тебя не ѣдены?»
Говорить ему его добрый конь:
— Молодой Михайла Данильевичъ!
— Недосугъ мнѣ было ни ѣсть, ни пить,
— Я ходилъ-скакалъ на Бугру гору
210. — И смотрѣлъ на войско нечестивое,
— Что поганое татарове дѣлали:
— Копали они три рва, три погреба глубокихъ,
— Ставили рогатины звѣриныя,
— И затыгивали полотнами холщевыми,
215. — И засыпали песками рудожелтыми,
— А ловить стануть удалыхъ добрыхъ молодцевъ
— И сильныхъ могучихъ богатырей.—
Тутъ у Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ осѣдывалъ добра коня и обуздывалъ,
220. И вскочилъ Михайла на добра коня,
И подѣхалъ подъ войско нечестивое,
И началъ онъ рубить съ одного края,
Самъ онъ бьетъ коня шелковой плетью,
Шелковой плетью по тучнымъ бедрамъ.
225. Воспротѣщится ему его добрый конь:
— Ай ты, молодой Михайла Данильевичъ!
— Ты не бей меня, добра коня, по тучнымъ бедрамъ,
— А и дай волю мнѣ углядывать,
— Куда надобно ускакивать.—
230. А той порой Михайла не послушался,

- А добрый конь его заупряился,
Захватилъ узду его тучмянную, (*)
И понесъ Михайлу неволею,
И занесъ его въ середку силу-матицу;
235. Первой подкопъ онъ перескочилъ,
И другой подкопъ онъ перескочилъ,
А на третій подкопъ конь обрушился;
По Божьей по милости
И по Михайлиной по участи,
240. И падалъ конь межъ рогатины.
А тутъ поганыихъ татаровей,
Будто чернаго ворона, слеталоя,
И сметали багры они польскіе,
И поднимали добра молодца изъ погребѣ глубокаго.
245. А той поры его добрый конь
Скочилъ изъ погребѣ глубокаго,
И пронесся онъ на Бугру гору,
И глядѣлъ-смотрѣлъ онъ съ Бугры горы,
Что татарове съ хозяиномъ его дѣлали.
250. А поганые татарове дѣлали:
Связали Михайлы ручки бѣлыя
Во путыни шелковыя,
И сковали ему пожки рѣзвыя во желѣза булатныя,
И проводили ко королю невѣрному.
255. А невѣрный царище поганое говорить таково слово:
« Ай же ты, молодой Михайла Данильевичъ!
« Послужи-ко мнѣ вѣрой правдою,
« Какъ служилъ ты князю Владиміру:
« Награжу тебя золотой казной несчетною.»
260. — Ай же, царище поганое!
— Какъ была бы у меня сабля вострая,
— Такъ служилъ бы я на твоей шеи татарской
— Со своей саблей вострою.—

(*) Тесмянную.

265. Вскрычалъ тутъ царище поганое
Своимъ слугамъ вѣрнымъ
И палачамъ немилосливымъ:
« Сведите вы ко плахъ ко липовой,
« Отрубите вы голову молодецкую. »
270. Тутъ взяли Михайлу слуги вѣрные
И повели ко плахъ ко липовой.
Тутъ то Михайла расплакался
И вздохнулъ ко Господу Всевышнему:
— Выдалъ меня, Господи, поганымъ на поруганье:
275. — Вѣдь то то не стоялъ за вѣру христіанскую,
— За церкви божьи и за вдовъ и сиротъ!—
Съ небесъ тутъ Михайлы гласъ гласить:
« Поразятъ, Михайла, ручки бѣлыя
« И порасправъ, Михайла, ножки рѣзвыя! »
280. Какъ расправилъ Михайла ручки бѣлыя,
Поразлопали пугыни шелковыя;
Поразстянулъ Михайла ножки рѣзвыя,
Поразлопали желѣза булатныя.
И хватилъ Михайла татарина за рѣзвыя ноги
285. И началъ татаринѣмъ помахивать;
Куда махнетъ Михайла, туда улками,
А назадъ перемахнетъ, переулками,
Самъ онъ говорить таково слово:
— Гнется татаринъ—не сломится,
290. — На жилы собака подавается.—
И увидалъ его добрый конь съ Бугры горы,
Прибѣжалъ къ хозяину любимому;
Вскочилъ хозяинъ на добра коня,
Молодой Михайла Данильевичъ,
295. И сталъ съчь силу съ одного края,
Сѣкъ—рубилъ силу три дни и три ночи,
Три ночи съ половиною,
Переписалъ всю силу немертвную,
И повезъ пометочку на золотъ столъ Владиміру.
300. Онъ ѣхалъ далече во чисто поле,

- Глядѣль-смотрѣль во всѣ стороны,
Увидѣль далече во чистомъ полѣ,
Не черный воронъ впередъ летить,
И не бѣлый кречетъ вонъ выпурхиваетъ,
305. Идетъ-ступаетъ старый Данила Игнатьевичъ:
Платя у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой
И клюка у него сорока пудовъ,
Той клюкой идетъ, подпирается;
310. И подъ тую грудь лошадинную плечомъ подпалъ,—
И на ходу коня онъ плечомъ удержалъ,
Самъ говорить таково слово:
« Что же ты, мой любезной сынъ,
« Долго ко мнѣ не являешься?
315. « Я состарѣлся, тебя дожидаячись,
« Я пошелъ уже искать тебя,
« Я думалъ, что конади татарове невѣрные,
« Я хотѣлъ обкровавить свои платица,
« Старческія платица, пустынные,
320. « И хотѣлъ пройти всю землю изъ края въ край,
« Хотѣлъ вырубить поганныхъ до единого,
« Не оставить больше поганныхъ на сѣмяна.»
Тутъ пріѣхалъ Михайла Данильевичъ
Ко ласкову князю ко Владиміру
325. И привезъ пометочку на золотой столъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Пожаловалъ его золотой казной,
Золотой казной пожаловалъ несчетною.

[Отъ крестьянина кореляка Василья Лазарева.]

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

[Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.]

- Завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ,
На многіе князи и бояре.
И всѣ на пиру напивались,
И всѣ на пиру наѣдались,
5. И всѣ на пиру порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Одинъ на пиру невеселъ сидитъ,
Понизя сидитъ да буйну голову,
10. И потупя сидитъ очи ясныя
Во матушку да во сыру землю,
Молодой Иванушко да Гудиновичъ,
Княжевецкій любезный племянничекъ.
Возговоритъ Владиміръ князь, стольне-Кіевскій:
15. « Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
« Что сидишь невеселъ, нерадостливъ?
« Али мѣсто тебѣ не по разуму,
« Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
« Али безумица тобой осмѣялася?»
20. И возговоритъ Иванушко Гудиновичъ:
— Мѣсто-то мнѣ было по разуму,
— И чара мнѣ-ка рядомъ дошла,
— Захотѣлся мнѣ, солнышко, жениться.
— Я былъ за славнымъ за синимъ моремъ:
25. — Во томъ ли во городѣ да во Черниговѣ,
— У Дмитрія гостя торговаго,
— Во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— У него вѣдь есть любимая дочь,
— Тая ли Настасья Митріевна.

30. — Захотѣлось мнѣ, Владиміръ князь, жениться,
— А эту Настасью за мужъ мнѣ взять;
— Дай-ко мнѣ силы четыре ста,
— Золотой казны да колько надобно:
— Я поѣду ко Митрію свататься.—
35. Когда будетъ Иванъ за синимъ моремъ,
Во тѣхъ палатахъ да Митріевыхъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
А поклонъ ведетъ да по ученому,
Поклоняется Иванъ на всѣ стороны,
40. Дмитрію гостю торговому въ особину,
И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, Митрей гость торговый!—
И возговоритъ Митрей гость торговый:
« Ты коей земли, ты коей орды,
45. « Коево отца, коей матери,
« Какъ тебя удалый зовутъ именемъ? »
— Я изъ славнаго изъ города изъ Кіева
— Молодой Иванушко Гудинovichъ,
— Княжецкій любезный племянничекъ,
50. — А пріѣхалъ къ тебѣ, Митрій, свататься;
— У тебя вѣдь есть да любимая дочь,
— Тая-ли Настасья Митріевна:
— Отдай-ко ей да за меня замужъ.—
И возговоритъ Дмитрій гость торговый:
55. « У меня сращена собака на моемъ дворѣ,
« Отдать за тебя, Иванушко Гудинovichъ! »
И возговорилъ Иванушко Гудинovichъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Я не стану у тебя много спрашивать,
60. — Не стану съ тобой много и разговаривать.—
Вставалъ со лавочки брусовыя
И пошелъ по гриднѣ по столовыя,
Ко той ко завѣсы да ко шелковыя,
Отдынулъ завѣсу шелковую
65. И бралъ ей, Настасью, за бѣлы руки,

- За тые за персти значены,
И цѣловалъ въ уста да во сахарныя;
И повелъ Настасью во широкій дворъ,
И садился Иванъ на добра коня,
70. А Настасью Митріевну въ тороки вязалъ.
И выходитъ Митрей гость торговый
И самъ говорить таково слово:
« Ай же, Иванушко Гудиновичъ,
« Княженецкій ты любезный племянничекъ!
75. « Въдь моя-то Настасья просватана
« За того ли Кощея Безсмертнаго:
« У насъ записи-то съ нимъ пописаны,
« Къ записямъ у насъ руки приложены,
« Къ рукамъ у насъ головы приклонены
80. « За того ли Кощея Безсмертнаго.
« Тебѣ отрубить Кощей буйну голову:
« Пропадеть твоя буйная головушка
« Ни за единую денежку.»
И говоритъ Иванъ таково слово:
85. — Когда срубите съ Кощеемъ буйну голову,
— Тогда будете и хвастати.—
Какъ видѣли Иванушка сядучись,
А не видѣли его уѣдучись.
Когда будетъ Иванушко подъ городомъ подъ Кіевомъ,
90. И отослалъ онъ силу княженецкую во Кіевъ градъ,
И затѣхалъ во сторону во лѣтнюю,
И разставилъ шатеръ бѣлополотняный,
Зашелъ съ Настасьей забавлятися.
На ту пору да на то время,
95. Не шумъ шумить, да не громъ гремитъ,
Налетѣлъ-то Кощей Безсмертный;
Зарычалъ Кощей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалася,
Сыры дубья пошаталися:
100. « Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
« Выходи-тко ты изъ бѣла шатра,

- « Станемъ-ко, Иванъ, со мной бой держать,
« Кому на бою будетъ Божья помочь,
« Кому владѣть Настасьею дочерью Митріевою?
105. Какъ пошелъ Иванъ да изъ бѣла шатра:
— Ай же ты, ворона налетная,
— Налетная ворона, негодная!
— Тебѣ ли будетъ на бою Божья помочь?
— Будетъ-то Иванушку Гудинову!—
110. Они сѣклися, рубилися три часа,
И пособилъ ему Господи молодцу Ивану Гудинову
Одолѣть Кощея Безсмертнаго.
И сажился онъ Кощею на бѣлы груди,
И не случилось у Иванушка востра ножа,
115. И не чѣмъ пороть грудей бѣлыхихъ,
Вынимать сердечка со печенью.
И закрывалъ Иванъ да во всю голову:
— Ай же ты, Настасья Митріевна!
— Подай-ко ты мой булатный ножъ:
120. — Я распорю Кощею бѣлы груди,
— Выну я сердце со печенью.—
И закрывалъ Кощей во всю голову:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« За Иваномъ быть тебѣ—крестьянкой слыть,
125. « А за мной то быть тебѣ—княгиной слыть.»
Какъ идетъ Настасья изъ бѣла шатра,
Она брала Ивана Гудиновича за желты кудри
И стащила съ Кощея Безсмертнаго;
И одолѣла Иванушка Гудиныча
130. Женска сила да богатырская.
И приковали Иванушка ко сыру дубу
На тѣ ли петелки на шелковыя,
И заѣхали со стороны со сиверныя,
И разстали шатеръ бѣлополотняный,
140. И зашли съ Кощеемъ да забаваятся.
На ту пору да на то время
Налетѣлъ на дубъ голубъ да со голубушкою,

- Они промежъ собою вѣдь гуркають (*),
А Ивана Гудиновича распотѣшивають,
145. А Кощею-то безсмертному надзолу дають (**),
И говоритъ Кощей безсмертный:
« Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Подай-ко ты мой тугой лукъ, калену стрѣлу,
« Застрѣлю я голубя съ голубушкою,
150. « Разорю любовь да голубиную. »
Подаетъ Настасья Митріевна
Тугой лукъ и калены стрѣлы,
И говоритъ Настасья таково слово:
— Ты, не стрѣлай-ко голубя съ голубушкою
155. — И не разорй любви голубиныя,
— Стрѣлай-ко ты Иванушка Гудинова во бѣлы груди.—
И не попалъ-то Кощей въ Ивана во бѣлы груди,
А пролетѣла калена стрѣла въ толстый сырой дубъ,
Отъ сыра дуба стрѣлочка отскакивала,
160. Становилася Кощею во бѣлы груди:
Отъ своихъ рукъ Кощею и смерть пришла.
И брала Настасья свою саблю вострую,
Приходила Настасья ко сыру дубу,
Къ молодцу Иванушку Гудинову,
165. Сама говорила таково слово:
— Отъ бережка откачнутось,
— Къ другому да не прикачнутось.
— Ай же ты, Иванушко Гудиновичъ!
— Ты возьмешь ли меня за себя за мужъ,
170. — У тебя теперъ скованы ножки рѣзвыя,
— А связаны ручки бѣлыя:
— Я тебѣ отрублю буйну голову.—
И говоритъ тутъ ей Иванъ да не съ удробою (***),

(*) Воркуютъ.

(**) Досаждаютъ.

(***) Не робѣя.

- И самъ говоритъ таково слово:
175. « Ай же ты, Настасья Митріевна!
« Я возьму тебя за себя за мужъ;
« Только дамъ тебѣ три грозы княженецкія. »
У ней женское сердце раздумалось,
И изъ бѣлыхъ рукъ сабля острая выпала
180. По тымъ ли петелькамъ шелковымъ,
Тутъ-то Иванушко на волю сталъ.
Отковался Иванушко отъ сыра дуба,
И взялъ саблю Кощееву во бѣлы руки,
И отрубилъ у Настасьи рѣзвы ноги,
Рубилъ-то ей ножки, самъ приговариваѣтъ:
185. « Эти мнѣ ноги не надобны:
« Пошто шли изъ бѣла шатра
« Драть Ивана за желты кудри. »
И отрубилъ у Настасьи бѣлы руки:
« Эти мнѣ руки ненадобны,
190. « Которыя драли Ивана за желты кудри. »
И распласталъ у Настасьи бѣло тѣло,
Которое спало съ Кощеемъ безсмертнымъ.
Только-то Иванушко и женать бывалъ,
И поѣхалъ во Кіевъ градъ,
195. И поклонъ отправилъ князю Владиміру
Отъ Кощея безсмертнаго, что его жива нѣтъ.

[Отъ крестьянина деревни Пирзаковской Трофима Романова.]

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

24.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,

- Хорошъ заведенъ былъ почестный пиръ
На многи на князи, на бояры,
5. На сильные могучіе богатыри,
На всѣ паленицы удалые.
Бѣлый день идетъ ко вечеру (*),
Хорошо Государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко переное,
10. Зрѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле,
Изъ далеча, далеча поля чистаго
Толпа мужиковъ появилась,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ челомъ да жалобу кладутъ:
15. « Солнышко ты наше, Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чуриза сына Пленковича.
« Сегодня у насъ на Сорогъ на рѣкъ
« Невѣдомые люди появились,
20. « Шелковы неводы замечивали,
« Тетивки были семи шелковъ,
« Плутивца у сѣтокъ серебряныхъ,
« Камешки позолоченые,
« Рыбу сорогу (**) повыловили:
25. « Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.
« Скажутся, называются
« Всѣ они дружиною Чуриловой. »
30. Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ да жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!

(*) Пропущенъ стихъ: Почестный пиръ идетъ на веселѣ.

(**) Плотицу.

35. « Дай, Государь, свой праведный судъ,
« Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня на тихихъ на заводахъ
« Невѣдомые люди появились,
« Гуся да лебедя повыстрѣлили,
40. « Сърую пернату малу утицу:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ,
« Тебѣ, Государь, свѣжа куса нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.»
Та толпа на дворъ прошла,
45. Новая изъ поля появляется,
Идутъ мужики да все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ:
« Солнышко, нашъ Владиміръ князь!
« Дай, Государь, свой праведный судъ,
50. « Дай на Чурила сына Пленковича.
« Сегодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
« Невѣдомые люди появились,
« Шелковые тепета замечивали,
« Кунокъ да лисокъ повыловили,
55. « Чернаго сибирскаго соболя:
« Намъ, Государь свѣтъ, лову нѣтъ
« А тебѣ, Государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
« Намъ отъ тебя нѣту жалованья.»
Та толпа на дворъ прошла,
60. Новая изъ поля появилась,
Блещетъ молодецъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Узды-поводы у нихъ де были сорочинскіе,
65. Сѣдельшки были на золотѣ,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ
Кожі на молодцахъ лосинныя,
Кафтаны на молодцахъ голубъ-скурлатъ
Источными (*) подпоясанось,

(*) Разноцвѣтными стрѣчатymi поясами.

70. Колпачки золотые верхи;
Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горять,
Кони подъ ними бы соколы бы летять.
Ѣхали-пріѣхали во Кіевъ градъ,
Стали по Кіеву уродствовать:
75. Лукъ-чеснокъ весь повывали,
Бѣлую капусту повывомали,
Старыхъ-то старухъ обезвѣчили
Молодыхъ де молодицъ соромы де довели,
Красныхъ дѣвицъ опозорили.
80. Бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ:
Князи-то просятъ со княгинями,
Бояра-то просятъ со боярынями,
Всѣ мужи огородники (*):
— Дай, Государь, свой праведный судъ,
85. — Дай на Чурила сына Пленколича,
— Сегодня у насъ во городъ во Кіевъ
— Натхала дружина-та Чурилова.—
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
« Глупые вы князи и бояра,
90. « Неразумные гости торговые!
« Не знаю я Чуриловой поселицы (**)
« Не знаю я Чурила, гдѣ дворомъ стоитъ.»
Говорятъ ему князи-бояра:
— Свѣтъ Государь, ты Владиміръ князь!
95. — Дворъ у Чурила вѣдь не въ Кіевѣ стоитъ,
— Дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоитъ:
— Дворъ у Чурила на Почай рѣкѣ,
— Дворъ у Чурила на семи верстахъ,
— Около двора все булатный тынъ,
100. — Двери были да все точеныя,
— Воротики были да все стекольчатые,
— Подворотинки дорогъ рыбій зубъ.

(*) Горожане.

(**) Посельица.

- На томъ дворѣ на Чуриловомъ
— Стояло теремовъ до семидесяти.—
105. И поднялся князь на Почай рѣку,
Поѣхалъ со князьями со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми.
Буде князь на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова (*),
110. У святыхъ мощей у Борисовыхъ,
Головой-то качаетъ, проговариваетъ:
« Право мнѣ, не пролгали мнѣ! »
Дворъ у Чурила на Почай на рѣкѣ,
У чудна креста Дминдалидова,
115. У святыхъ мощей у Борисовыхъ;
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора все булатный тынъ,
Воротики были все стекольчатые,
Подворотинки дорогъ рыбій зубъ.
120. На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
На двѣ де, на три на стороны
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Во которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ:
Трои сѣни у Чурила де касерчатые,
125. Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатые,
Трои сѣни у Чурила де стекольчатые.
Изъ тѣхъ да изъ высокихъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу падовую
Выходилъ тутъ старъ матеръ человекъ.
130. На старомъ шубочка соболья была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ;
Пуговицы были вальчаные,
Вальянк-отъ литы красна золота.
Кланяется да покланяется,
135. Самъ говоритъ ласково слово:
— Пожалуй-ко, Владиміръ, во высокъ теремъ,

(*) Леванидова.

- Во высокъ теремъ да хлѣба кушати.—
Говорить Владиміръ таково слово:
« Скажись мнѣ, старый матеръ чловѣкъ!»
140. « Какъ тебя да именемъ зовуть?
« Хотя зналъ бы у кого хлѣба кушати.»
— Я, говорить, Пленко гость Сорожанинъ,
— Я вѣдь Чуриловъ—отъ есть батюшка.—
Пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
145. Въ теремъ—отъ идетъ, самъ дивуется.
Хорошо теремы изукрашены:
Поль—середа изъ одного серебра,
Печки—то были все муравленыя,
Потики—то были все серебряные,
150. Потолокъ у Чурила изъ черныхъ соборей,
На стѣны сукна набиваны,
На сукна стекла навиваны.
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
155. Инъ всякія утѣхи несказанныя.
Садился князь за дубовый столъ,
Скрылъ окошечко немножечко,
Поглядѣлъ далече во чисто поле.
Изъ чиста поля толпа появилася,
160. А ѣдетъ молодецъ до пяти ихъ сотъ:
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
Жеребцы все латынскіе.
Говорилъ Владиміръ таково слово:
165. « Скажи, Пленко гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ?»
— Нѣтъ Чурила сына Пленковича:
— Ёдутъ тутъ Чуриловы—то повары,
— Курятъ на Чурила зелено вино.—
170. Та толпа на дворъ прѣшла,
Новая изъ поля появилася,
Ёдетъ молодецъ да до пяти ихъ сотъ:

- Молодцы на коняхъ одноличные,
Кони подъ ними однокаріе были,
175. Жеребцы все латынскіе,
Узды-поводы сорочинскіе.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Ты скажи-ко, Пленко да гость Сорожанинъ!
« Не тутъ ли ѣдетъ Чурило сынъ Пленковичъ?»
180. — Нѣтъ, сударь, Чурила сына Пленковича:
— Ёдутъ тутъ Чуриловы-то стольники,
— Ставятъ на Чурила дубовы столы.—
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилась,
185. И ѣдетъ молодецъ болѣ тысячи.
Среди-то силы ѣздитъ купавъ молодецъ:
На молодцѣ шуба-та соболя была
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ,
Пуговицы были все вальячныя
190. Вальянк-отъ литы красна золота
По дорогу яблуку свирскому.
Владиміръ-то сидѣлъ за дубовымъ столомъ,
Взадъ да впередъ сталъ поелзывати:
« Охти мнѣ, уже куда де буде мнѣ!
195. « Али же тутъ ѣдетъ уже царь съ ордой,
« Али тута ѣдетъ король съ Литвой,
« Али тутъ ѣдутъ сватовщики
« На моей-то племянницы любезныя,
« На душкѣ Забавы на Путятичной.»
200. Говорить Пленко да гость Сорожанинъ:
— Да небойся-тко, Владиміръ, не полошайся:
— Тутъ вѣдь ѣдетъ сынишко мое,
— Премладое Чурило сынъ Пленковичъ.—
Ёдетъ Чурило, самъ тѣшится:
205. Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Черезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копье да побрасываетъ,

- Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.
210. Приѣхалъ Чурила на Почай на рѣку,
Сила-та ушла по своимъ теремамъ,
Сказали Чурилу про незнаемыхъ гостей,—
Братъ де Чурила золотые ключи,
Ходилъ де въ амбары магазинные,
215. Братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболевъ,
Многія пары лисенцъ да куницъ:
Подарилъ онъ князю Владиміру,
Бояръ-то дарилъ да все лисками,
Купцевъ да дарилъ все кунницами,
220. Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.
Говорилъ де Владиміръ таково слово:
« Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ,
« А побольше того челомбитчиковъ:
« А теперь на Чурила я суда де не дамъ. »
225. Говорить де Владиміръ таково слово:
« Премладой Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Хошь ли идти ко мнѣ во стольники,
« Во стольники ко мнѣ, во чашники? »
Иной отъ бѣды дакъ откупается,
230. А Чурила на бѣду и нарывается:
Пошелъ ко Владиміру во стольники,
Во стольники къ нему, въ чашники.
И поѣхали они въ Кіевъ градъ,
Приѣзжали въ Кіевъ градъ.
235. Свѣтъ Государь де Владиміръ князь
На хороша на новаго на стольника
Да заведъ де Государь почестный пиръ.
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходить да ставить дубовы столы,
240. Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,

245. Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:
— Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
— Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
— Я смотрючись на красоту Чурилову,
250. — На его на кудри на желтые,
— На его на перстни значеные,
— Помутились у меня очи ясныя!—
Еще говорила таковы слова:
— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!
255. — Премладому Чурилу сыну Пленковичу.
— Да не на этой ему службѣ быть:
— А быть ему въ постельникахъ,
— Да слать ковры подъ насъ мягкіе.—
Свѣтъ Государь де Владиміръ князь
260. Снялъ Чурила съ этой большины (*),
Поставилъ на большину на иную,
Во ласковые зазыватели:
Ходить по городу по Кіеву,
Зазывать гостей во почестный пиръ.
265. Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Улицами идетъ, переулками,
Желтыми кудрями все потряхиваетъ:
Желтые-то кудри разсыпаются
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
270. Смотрючись на красоту Чурилову,
Старицы по кельямъ опакишь деруть;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Молодые молодицы въ голенище. ;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
275. Красные дѣвки очелье (**) деруть.
Премладая-та княгиня Апраксія
Говорила князю Владиміру:

(*) Должности.

(**) Передъ сороки, головного убора, надѣваемого на сдержку.

- Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
— Премладому Чурилу сыну Пленковичу
280. — Не на этой ему службѣ быть:
— Да быть ему въ постельникахъ. —
Видитъ Владиміръ, что бѣда пришла,
Говорилъ Чурилу Владиміръ таково слово:
« Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
285. « Хоть въ кельѣ живи, хоть домой поди,
« А больше въ домъ ты мнѣ не надобно. »
Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Поклонъ отдалъ да вонъ изъ терема пошелъ,
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
290. Да уѣхалъ Чурило на Почай на рѣку,
Да сталъ жить-быть да вѣкъ коротати.

(Отъ Порожскаго старика.).

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ ПЛЕНКОВИЧА.

25.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

- Обувается Чурила, снаряжается,
Умываетъ Чурила лице бѣлое,
Надѣваетъ Чурила платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самосмѣнное;
5. Шапочку беретъ онъ во пятьсотъ рублей,
Пушисту, ушисту, завѣсисту,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
А сзади бы не видно шеи нѣжной;
Сапожки на ножки сафьянные,

10. Этого сафьяну заморскаго,
Этого покрою нѣмецкаго,
Этого шитья было турецкаго.
Поѣзжаетъ во чисто поле поляковать
Со удалыми со добрыми со молодцами,
15. Беретъ онъ конишка маломочнаго,
Маломочнаго коня, коня Ворона.
Провождаетъ его дѣвушка челядинка,
Черная, послѣдняя подьяночка,
Подавала ему въ руки шелковъ поводъ,
20. Говорила ему таковы слова:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
« Не Чурилушка поѣдетъ, добрый молодецъ:
« Возьми ты въ руки палицу пудовую,
« Пудовую палицу, рублевую;
25. « Еще возьми оружье малопульное.
« Станешь во чистомъ поле стрѣлятися,
« На добрыхъ коняхъ разѣѣзжатися,
« Первой ты разъ стрѣлишь,—не дострѣлишь,
« Другой разъ ты стрѣлишь, не дострѣлишь,
30. « Третій разъ стрѣлишь, перестрѣлишь.
« Пойдетъ сила—армія великая,
« Черезъ три стѣны кони перемахивать,—
« Твое конишко маломочное:
« Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.»
35. Не взялъ онъ палицы пудовой,
Не бралъ онъ оружья малопульнаго.
Сѣѣхались они во чистомъ полѣ
Съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ:
— Здравствуй, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
40. — Нынѣче со мной ты поздоровкайся,
— Нынѣче крестами побратаемся,
— Будь-ко ты мнѣ нынѣчку братъ родной,
— Не братъ родной, будешь гость честной,—
Была Катерина Микулична,
45. Сестрица Чурилы Пленковича,

- Богатырша она была великая.
Сидѣла она въ новой горенкѣ
И глядѣла изъ окошечка косящета,
Увидѣла Чурилушку проводучи,
50. Брала она скоренько золоты ключи,
Отмыкала она кованы ларцы,
Брала она денегъ цѣлу тысящу,
Еще взяла пшены бѣлояровой,
Скорешенько бѣжала по новымъ сѣнямъ,
55. Скорѣе того по чисту полю,
Поймала коня за шелковъ поводъ,
Привязала коня къ зеленоу саду,
Насыпала пшены бѣлояровой:
« Ышь, пей, конь, ты нечистый духъ!
60. « Я не ради тебя поклоняюся,
« А для своего братца родимаго,
« Для своего гостя любимаго. »
Дала она Бурману Ивановичу,
Дала она денегъ цѣлу тысящу.
65. « Ай же, Бурманъ сынъ Ивановичъ!
« Возьми-тко ты денегъ цѣлу тысящу,
« А отдай мнѣ Чурилушку Пленковича. »
Выводила она во чисто поле,
Приводила она во высокъ теремъ
70. И замкнула она во дубовый ларь,
Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ:
« Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
« Что ему по разуму разложится,
75. « Можетъ быть онъ къ намъ не воротится. »
Полтора часу разъѣзжались,
Полтора часу разгулялись.
Воротился Бурманъ сынъ Ивановичъ:
— Здравствуй ты, обща молобовница,
80. — Сама послѣдняя подлиночка! —
« Будя хочешь теперь спознаться,

- « Поди, сходи теперь во высокъ теремъ
« Ко той Катерины Микуличной:
« Тамъ обряженъ Чурилушка Пленковичъ. »
85. Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скорешенько онъ выскочилъ съ добра коня,
Пришелъ онъ туда во высокъ теремъ,
Сталъ онъ по терему похаживать,
Сталъ онъ по палатамъ погуливать,
90. По дубовымъ ларямъ онъ постукивать,
Ударилъ онъ ногой во дубовый ларь.
Эти ключи разлетались,
Эти замочки разбивались:
Оттуль выскочилъ Чурилушка Пленковичъ,
95. Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ.
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скорешенько схватилъ онъ саблю вострую,
Отсѣкъ у него буйну голову.
100. Говорила Катерина Микулична:
« Ай же, Бурмянъ сынъ Ивановичъ,
« Сильный могучій ты богатырь!
« Гдѣ пала головушка Чурилина,
« Туда пущай падетъ головка Катеринина. »
105. Онъ скорешенько схватилъ саблю вострую:
— Что же у тебя не гость гостить,
— Не гость гостить, видно пакостить.—
Отрубилъ головку Катеринину
И пошелъ, къ общей полюбовницы,
110. Къ самой послѣдней подляночкѣ:
— Ахъ ты, черна дѣвка-челядинка,
— Сама послѣдняя подляночка!
— Знала бы ты, дѣвка, коровъ доить,
— Знала бы ты, дѣвка, телятъ поить,
115. — Незнала бы ты, дѣвка, мужнихъ женъ губить.
— Завела говорить, договаривай,
— Завела доказывать, доказывай.—

- Стрепетало ей сердце дѣвочье,
Разгорѣлось его сердце богатырское,
120. Онъ отскѣкъ у ней буйну голову,
Пріѣхалъ онъ тогда во чисто поле:
— Здравствуйте, могучіе богатыри,
— Здравствуйте, любезные товарищи!—
Говорятъ ему богатыри могучіе:
125. « Гдѣ ты теперь во гостяхъ побывалъ? »
— Я не долго гостилъ, много винъ натворилъ,
— Много винъ натворилъ, много головъ убилъ,
— Черезъ самую послѣдню подьяночку,
— Черезъ этую общу полюбовницу.—
130. Тутъ спрговорятъ богатыри могучіе:
« Ай же ты, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
« Не хватило у тебя ума-разума.
« Черезъ самую послѣднюю подьяночку
« Ты убилъ-побилъ три головушки:
135. « По сесвѣтному (*) есть погрѣшенице,
« Въ будущемъ вѣцѣ нѣтъ прощеньица, »
Раздумался Бурмянъ, самъ расплакался:
— Дайте вы мнѣ коня добраго,
— Подайте вы мнѣ копьѣ вострое.—
140. Подали ему коня добраго,
Подали ему копьѣ вострое.
Тутъ садился онъ на добра коня,
Сталъ онъ по полю разгуливать,
Пустилъ онъ копьѣ о сыру землю,
145. Тупымъ концемъ во сыру землю,
Вострымъ концемъ во бѣлую грудь:
Со той со великой со досадушки,
Придалъ онъ себя тутъ смеретушкѣ.
Хоронили богатыри могучіе,
150. Хоронили его во зеленый садъ;
Взяли его коня добраго,

(*) Сесвѣтный,—сего свѣта.

- Выѣзжали они до чиста поля,
Разсудили богатыри могуніе:
« Не хватило у него ума-разума:
155. « Погубилъ онъ свою душу грѣшную,
« Потопилъ онъ свое тѣло бѣлое,
« И не будетъ ему тамъ прощеница.»

[Записана Ф. Лысаговымъ отъ кр. Андрея Саратова.].

тоже.

26.

[Пудожскаго уѣзда, Филиновской волости].

- Бѣдитъ Кирилушка, погуливаетъ,
На своемъ Чирилушка на добромъ конѣ.
Шапочка ушиста, и пушиста, и надвѣеиста.
Спереди не видно лица бѣлаго,
5. И сзади не видно шеи бѣлыя.
У Кирилушки лапотцы изъ семи шелковъ:
Подъ пяты-пяты шиломъ востры,
Около носовъ яицомъ прокатить,
Подъ пяты-пяты воробей пролетить.
10. Пріѣхалъ Кирилушка къ Вельминову дому,
Закричалъ ту Кирилушка во всю голову:
« Въ домѣ-ль Вельма сынъ Васильевичъ?»
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Отвѣтъ держать дочь Микулична:
15. — Нѣтъ Вельмы сына Васильевича,
— Ушелъ Вельма во Божью церкву,
— Господу Богу Вельма молится,
— Во сырую во землю Вельма клонится.
— Что же ты, Кирила, вечеръ не бывалъ?

20. — У меня ѣства сахарнія залежалися,
— Питья во стаканахъ застоилися,
— Бѣлоярово пшено призагормовѣло (*).—
Отвѣтъ тутъ держалъ Чирилушка,
Отвѣтъ тутъ держалъ Попленковичъ:
25. « Я вечеръ не бывалъ, а нынѣ пожаловалъ къ тебѣ. »
Брала ту Катеринушка
За ручки его за бѣлыя,
За его перстни за значеные,
Приводила во гридню столовую,
30. Садила за столы за дубовые,
За тья за ѣства сахарнія,
За тья за питья медвяныя,
Отходя сама низко кланялась:
— Ъшь-ко ты, пей-ко, Чирилушка,
35. — Покушай-ко ты, сынъ Попленковичъ!—
Поѣлъ, попилъ и покушалъ,
Господу Богу испомолится,
На всѣ стороны испоклонится,
Катеринушкѣ въ особину:
40. « Благодарствуй тебѣ, Катеринушка! »
Отвѣтъ держала ему Катеринушка:
— Во добро здоровье, Чирилушка,
— Во добро здоровье, Попленковичъ!—
Подходь-то держить Катеринушка
- 45, Къ нему она ко Чирилушкѣ,
Брала она за ручки за бѣлыя,
За его перстни за значеные,
Проводила во спальню во теплую,
Ко той ли ко кроваткѣ ко тисовенькія,
50. Ко той ли ко перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьцу,
Къ одѣялу тому соболиному.
— Изволь-ко ложиться, Чирилушка!—

(*) Призаплесневѣло,

- Возлегъ тутъ Чирилушка
55. Подлѣ бочка Катеринушкина,
Стали жить и быти они,
Между собой времечко коротати.
На тую пору и въ тое времячко
Провѣдала дѣвка дворовая,
60. Тая ли дѣвка челядична,
Башмачонки надѣвала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,
Бѣжала дѣвчонка ко Божьей церкви,
Кричала дѣвчонка во всю голову:
65. « Ахъ же, Вельма сынъ Васильевичъ!
« Стоишь, Вельма, во Божьей церкви,
« Господу Богу, Вельма, молишься,
« Во сырую во землю, Вельма, клонишься,
« Надъ собой же незгодушки не вѣдаешь:
70. « Есть у тебя во твоємъ дому нелюбимый гость,
« Ъсть—пьеть—проклаждается,
« Со твоей женой забавляется.»
Отвѣтъ держалъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Ахъ ты, дѣвка дворовая!
75. — Не кто тебя, дѣвку, спрашиваетъ,
— Не кто тебя, дѣвку, вывѣдываетъ.
— Знала бы дѣвка свое дѣло дворовое,
— Знала бы дѣвка коровъ доить
— Коровъ доить и телятъ поить.
80. — Правду говоришь, во замужъ возьму,
— Неправду говоришь, голову срублю.—
Пошелъ Вельма отъ Божьей церкви,
Приходить ко конюшни стоялыя,
Видитъ тутъ коня Чирилушкина:
85. Зоблетъ пшену бѣлояровую,
Вельминъ—отъ конь пріотогнанъ.
Приходить Вельма ко своей ко палатушкѣ,
Къ тыимъ ко воротцамъ ко рѣшетчатыимъ,
Ко тыимъ ко пятничкамъ (*) къ булатнымъ,

(*) Пятникъ, крюкъ у воротъ.

90. Ко тымъ ко петелькамъ къ шелковенькимъ,
У теихъ воротичекъ колотится,
У теихъ воротецъ дается.
Выходила-выбѣгала Катеринушка,
Въ однѣхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
95. У ней женскіе волосы растрепаны,
Нѣжная грудь у ней показаная,
Бѣлое лицо у ней намазаное.
Спрашиваетъ Вельма сынъ Васильевичъ:
— Что же ты, Катеринушка,
100. — Въ однѣхъ чулкахъ и безъ чеботовъ,
— Женскіе волосы растрепаны,
— Бѣлое лице у ты намазаное?—
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
105. « Мнѣ теперь Катеринушкѣ
« И не можется, и хворается. »
Пошелъ Вельма по палатушкѣ,
Увидѣлъ шапку Чирилушкину:
— Этую шапку у Чирилушки видалъ,
110. — Этую шапку у Чирилушки слыхалъ.—
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держигъ дочь Микулична:
« Эта шапка братца моего,
« По смерти по моей по душѣ отдать. »
115. Увидѣлъ Вельма лапотцы его Чирилушкины:
— Этыи лапотцы у Чирилушки видалъ,
— Этыи лапотцы у Чирилушки слыхалъ.—
Приходитъ Вельма во спаленку,
Ко той ли кровати тисовенькія,
120. Ко той ли перинушкѣ пуховенькія,
Ко крутому высокому зголовьцу,
Ко тому одѣялу соболиному;
Увидалъ онъ тутъ Чирилушку:
Спитъ-лежитъ Чирила, не прохватится,
125. Надъ собой ли незгодушки не вѣдаетъ.

- Отвернулся Вельма сынъ Васильевичъ
На тую на ручку на правую,
Ко той ли ко стѣночкѣ лицевыя,
Ко той ли ко стопкѣ (*) ко точеныя,
130. Взималъ поскорешенько саблю вострую
Съ той ли со стопки со точеныя,
Отсѣкъ онъ Чирилы буйну голову.
Поворотъ сдѣлалъ къ Катеринушкѣ:
Гдѣ пала головка Чирилушкина,
135. И тутъ пади головка Катеринушкина.
Тутъ говорилъ Вельма сынъ Васильевичъ
Той же дѣвкѣ дворовыя:
— Умойся-ко побѣлешенько,
— Уберись-ко ты поскорешенько.—
140. Бралъ онъ за ручки за бѣлыя,
Пошелъ Вельма во Божью церкву,
Принималъ Вельма по злату вѣнцу.
Съ той поры, съ того времячка
Стали жить и быть они,
145. Между собой времячко коротати.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской, Потапа Троеникова Потакина.]

—
ТОЖЕ.

27.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

На канунѣ праздника было Христова дня,
Канунъ де честнаго Благовѣщенія,

(*) Вм. стойки.

- Выпадала порошина-снѣгъ молодой.
По той де порохъ, по бѣлому снѣжку,
5. Не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ,
Ходилъ де гулялъ купавъ молодець,
На имя Чурило сынъ Пленковичъ (*).
Вслѣдъ ходя малые ребятушки,
Обирали гвоздочки серебряные,
10. Тѣмъ де ребята головы кормятъ.
Загулялъ Чурило ко Бермяту, къ высокому терему:
Бермятаго дома не случилось,
Одна Катерина прилучилася,
Отворяла окошечко косерчетое,
15. Не бѣлая лебедушка прокырчила (**),
Говорила Катерина-та Микулична:
« Удалый дородній добрый молодець,
« Премладый Чурило сынъ Пленковичъ!
« Пожалуй ко мнѣ во высокъ теремъ:
20. « У меня Бермяты во дому не случилось,
« Я одна Катерина прилучилася. »
Пришелъ де Чурило во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
25. На всѣ стороны поманяется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Катерины Чурило въ особину.
Брама Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
30. Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
« Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
« Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ;
« А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей. »

(*) Здѣсь долженъ быть стихъ о томъ, какъ Чурило выривалъ серебряные гвоздики.

(**) Закричала.

35. Первый разъ Чурило ей мать давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ сто рублей;
Другой разъ игралъ, ей другой де мать давалъ,
Взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей;
Третій разъ игралъ, ей де третій мать давалъ,
40. Взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.
Бросала Катерина доску хрустальную,
Шахматы бросала серебряные,
Самъ говорила таково слово:
« Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
45. « Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
« Я не знаю глядѣть на твою красоту,
« На твои-то на кудри на желтые,
« На твои на перстни злаченные:
« Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
50. « Помутились у меня очи ясные,
« Смотрючись де Чурило на твою красоту.»
Брала Чурила за руки за бѣлыя,
Вела его въ ложни во теплыя,
Да ложилась на кровать спать слоновыхъ костей,
55. На мягкую на перину на пуховую;
Начали съ Чуриломъ забавлятися.
Была у Бермяты де дѣвка чернавка его,
Ходить она по терему мурчить да бурчить:
— Хороша Катерина дочь Микулична!
60. — Ужъ я пойду къ Бермяты накучу да намучу.—
Того Катерина не пытаючи,
Въ ложни съ Чуриломъ забавляется.
Пошла де дѣвка въ Божью церковь,
Приходила де дѣвка въ Божью церковь,
65. Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Говорила дѣвка таково слово:
— Ласковый мой хозяинушка,
70. — Старое Бермято сынъ Васильевичъ!

- Стоишь ты во церкви, Богу молишься,
— Надъ собой ты невзгоды невѣдаешь;
— А у тебя въ терему уже гость гостить,
— Незваной де гость, неприказываной,
75. — Да съ твоей-то женою забавляется.—
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Правду говоришь, дѣвка, пожалую,
« А нѣтъ, тебѣ дуры срублю голову.»
Говорила дѣвка таково слово:
80. — Мнѣ, сударь, не вѣришь, поди, самъ смотри.—
Пошелъ де Бермята изъ Божьей церкви,
Пришелъ де Бермята ко высокому ко терему,
Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спитъ Катерина, не пробудится;
85. Застучалъ де Бермята во второй наконѣ,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучалъ Бермята во третій наконѣ
Изъ всей могуты (*) богатырскія:
Всѣ теремы пошатались,
90. Маковки полопалися.
Услышала Катерина Микулична,
Выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкія ворота,
95. Запускала Бермяту Васильевича.
Говорилъ де Бермята таково слово:
« Что, Катерина, не снарядна идешь?
« Сегодня у насъ вѣдь честный праздничекъ,
« Честное Христово Благовѣщенье.»
100. Говорила Катерина-то Микулична:
— Ласковый мой хозяинушко,
— Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— Болитъ у меня буйная голова,

(*) Мощи, силы.

- Опустилась поженница ниже пупа и до пояса,
105. — Во тѣ ли во нижнія во черева:
— Не могу я хорошо обрядитися.—
Пришелъ де Бермята во высокъ теремъ,
Увидѣлъ де платье все Чурилово,
И шапку и сапоги все Чуриловы,
110. Говорилъ Бермята таково слово:
« Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
« Я это платье на Чурилы все видалъ.»
Ужьеть Катерина какъ отвѣтъ держать:
— Ты ласковый мой хозяйинушко,
115. — Старое Бермято сынъ Васильевичъ!
— У моего у родимаго у брателка
— Конями съ Чуриломъ помѣняноси,
— Цвѣтнымъ-то платьемъ побраталоси.—
Того де Бермята не пытается,
120. Береть де со стопки саблю острую,
Идетъ де Бермята въ ложню теплую,
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоновыхъ костей.
Нани (*) лучная зоринька просвѣтлила,
Острая сабелька промахнула;
125. Не бѣлый горохъ растиляется,
Чурилова кровь проливается,
По той де по середи кирпичныя,
Чуриловы кудри валяются.
Услыхала Катерина-та Микулична,
130. Брала два ножа она два острые,
Становила ножи черенемъ въ сыру землю,
Разбѣгаласи на ножики на острые
Своею она де грудью бѣлою,
Подрѣзала жилья ходячія,
135. И выпустила кровь-ту горячую.
Погибнуло двѣ головушки,

(*) Будто.

- Что хорошія головы наилучшія,
Тутъ-то Чурилу смерть пришла.
А старый Бермята сынъ Васильевичъ
140. Дождался Христова Воскресенія,
Да прожилъ де недѣлю-то онъ свѣтлую,
Да старую дѣвку чернавушку,
Взялъ ее за правую за рученьку,
Сводилъ де дѣвку въ Божью церковь,
145. Принялъ ли съ дѣвкой золотые вѣнцы,
Стагъ быть-жить да вѣкъ коротати.

- А мы съ той поры Бермяту въ старинахъ скажемъ,
Да премладаго Чурила сына Пленковича.
Вамъ де счастье да вѣнецъ,
150. Моимъ старинушкамъ конецъ!

(Отъ Поромскаго старика.)

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

28.

[Петрозаводскій уѣздъ, Клжская волость.]

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ,
Собирался почестенъ пиръ.
Всѣ во пиру наѣдалися,
5. Всѣ во почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру пьяны-веселы.
На томъ ли на пиру на почестномъ
Случилось быть (честной) вдовы Блудовой жены;

10.

- И подносили ей чару зелена вина,
10. Она чарочки не выкушала (*),
За той ли за чарочкой посваталась
У той ли вдовы Купецъ-жены,
На той ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
И говорить она таково слово:
15. « Уже ты, молода вдова Купецъ-жена!
« Сдѣлаемъ-ко родню промежду собою:
« У тебя-то есть дочушка Офимьюшка,
« У меня-то есть Котенюшка Блудовичъ. »
Тая-та вдова Купецъ-жена,
20. Она чары-то не выкушала,
Во ясны очи выплеснула,
Сукой-б. . . . оклескивала:
— Ужъ ты, сука-б. . . . , ты, Блудова жена!
— У тебя-то есть Котенюшка Блудовичъ,
25. — Ъздить по городу, уродуетъ,
— Пщеть бобоваго зернетка,
— Гдѣ бы то Котенѣ обѣдъ снарядить.
— У меня-то есть дочушка Офимьюшка,
— Сидить-то во высокихъ во теремахъ:
30. — Ее буйны вѣтры не обвѣяли,
— Холодные морозы не обцѣкали,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣлся.—
Тая вдова Блудова жена
Пошла домой, закручинилась,
35. Закручинилась-пошла, запечалилась.
Стрѣчаетъ Котенюшка Блудиновичъ,
Самъ говорить таково слово:
« Что же ты, матушка, кручинишься,
« Что же, государыня, печалишься?
40. « Али мѣсто тебѣ было не по отчины
« Чарой ли ты пообнесла,

(*) Здѣсь пѣвецъ явно ошибается: Блудова жена подноситъ сама чару Купецъ-женѣ, и та чары-то не выкушала.

- « Мужикъ-ли пьяница пообсмѣлся? »
Тутъ возговорить Котенина матушка:
— Ай же ты, чадо мое милое,
45. — Молодой Котенюшка Блудиновичъ!
— Мѣсто мнѣ было по отчины,
— Чарочкой меня не обнесли,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣлся.
— Поднесли мнѣ-ка чару зелена вина,
50. — И за той за чарочкой посваталась
— За тебя, Котенюшка Блудиновичъ,
— У той-то вдовы Купецъ-жены,
— На той-ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
— Она чары-то не выкушала,
55. — Во ясны очи выплеснула,
— Сукой б. оклещивала:
« Ужъ ты, сука б. ты, Блудова жена!
« У тебя есть Котенюшка Блудиновичъ,
« Ъздитъ по городу, уродуетъ,
60. « Ищетъ бобоваго зернетка,
« Гдѣ бы то Котенъ обѣдъ снарядить.
« Моя-то дочунка Офимьюшка
« Сидить-то во высокихъ во теремахъ:
« Ее буйные вѣтры не обвѣяли,
65. « Холодные морозы не общелкали,
« Мужикъ-пьяница не осмѣялся. »—
Тутъ-то Котенюшка Блудиновичъ,
Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ (*),
Какъ возговорить Котенюшка:
70. « Ай же ты, матушка, не кручинься-тко,
« Государыня родима, не печалься-тко:
« Будетъ Офимка въ нашихъ рукахъ. »
Тутъ-то Котенюшка снаряжается,
Снаряжается ѣхать во чисто поле:

(*) • Отребы или отрещы • извѣстнѣй сортъ льна.

75. Онъ беретъ коня богатырскаго,
Одѣваетъ уздичу—ту тесмянную
И накладываетъ сѣдельшко черкацкое,
Подтянулъ онъ подпругъ шелковый
И стянулъ въ пряжки—ты золоченые,
80. Не для красы—басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія;
Още беретъ саблю вострую
Да палицу военную во триста пудъ,
И още беретъ—то съ собой паробка вѣрнаго,
85. Паробка вѣрнаго, любимаго товарища.
Садился тутъ Котеня на добра коня,
Поѣхалъ во чисто поле поляковать:
Отъ Котенина коня кутельба стоитъ,
А у паробка конь стрѣлой летитъ.
90. Подѣхалъ Котенюшка Блудиновичъ
Ко высокому ко терему, злату верху,
Крыкнулъ богатырскимъ голосомъ:
« Ахъ ты, Офимка, Офимюшка!
« Идешь ли ты за мужъ за меня,
95. « За меня, за Котенюшку Блудинова:
« Буде въ честь идешь, за себя возьму;
« А не въ честь ты идешь,—
« За паробка за свою, любимаго товарища.»
Тая—то Офимка отвѣтъ держитъ:
100. — Хоть я есть дочи безотняя,
— А сестра есть не безбратная:
— Есть у меня девять братцовъ,
— Девять братцовъ, въ полѣ поединчиковъ,
— Да още—то есть и родна матушка!—
105. Тутъ—то Котенюшка не вовсе глупъ,
Не вовсе глупъ, не отребной клубъ,—
Хватилъ Котеня богатырскую палицу,
Ударилъ онъ по высокому по терему:
Въ теремахъ стѣны да тыны поразсыпалися,
110. Кирпичныя печки поразвалилися,

- Орловыя (*) грядки повыпадали,
Въ теремахъ верхи какъ огнемъ пожгло.
Поѣхалъ Котеня во чисто поле поляковать,
И раздернулъ Котенюшка свой бѣлъ шатеръ,
115. Становилъ коня ко бѣлу шатру,
И насыпалъ пшены бѣлойровой;
И входилъ тутъ Котенюшка во бѣлъ шатеръ,
Самъ говоритъ таково слово
Своему паробку, любимому товарищу:
120. « Ты сиди, да востро гляди во чисто поле:
« Какъ пріѣдетъ девять братцовъ,
« Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
« Аще стануть тотъ напередъ, да другой напередъ:
« Тому-то надо выславиться,
125. « Да другому надо выславиться,—
« Это есть не храбрые вонны,—
« А если поѣдутъ всей грудью,
« И такъ буди меня отъ великаго сна. »
Тутъ-то ложился Котенюшка спать,
130. И заснулъ-то Котеня богатырскимъ сномъ.
И смотреть паробокъ во чисто поле,
И видить пріѣхало девять братцовъ,
Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
Аще ѣздить тотъ напередъ, да другой напередъ:
135. Тому-то надо выславиться,
Да другому надо выславиться,—
Это есть не путніи воины.
И тутъ не будиль-то паробокъ
Котенюшки съ богатырскаго сна,
140. И садится паробокъ на Котенина коня;
И разѣзжаетъ паробокъ по чисту полю,
И наѣхалъ паробокъ на девять братцовъ,
На девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;

(*) Слѣдовало бы «орловыя».

- Трехъ братцовъ конемъ потопталъ,
1445. Трехъ братцовъ къ стременамъ привязалъ,
Трехъ братцовъ въ полонъ побралъ.
И пріѣхалъ тутъ паробокъ ко бѣлу шатру,
И пробудился Котеня съ богатырскаго сна
И говоритъ паробку таково слово:
1450. « Не твое дѣло было по полю пырять (*),
« Не твое было дѣло коня потурять. »
И такъ побѣхалъ Котеня со чиста поля.
И увидѣла тутъ Офимина матушка,
Тая-то вдова КаSTRUлична жена (**),
1455. Блуди Котеню со чиста поля,
Видитъ бѣду неминучую,
Затыкаетъ-то дыру онучею:
Взяла тутъ кису золотой казны,
И бѣжала скорешенько ко князю ко Владиміру,
1460. И говоритъ ему таково слово:
— Ужъ ты, солнышко Владиміръ, князь стольне-Кіевскій!
— Ты давай-ко Офимью за Котенюшку Блудипева,
— И называй-ко ты крестницей и родной племницей;
— И давай-ко ты золотой казны безсчетноей,
1465. — И още давай города съ пригородками
— И села со подселками. —
А тутъ-то Котеня честнымъ пиркомъ да за свадебку.
И даль-то ему Владиміръ князь
Города съ пригородками
1470. И села со подселками.

И още на томъ же на почестномъ пиру
Жена мужу говоритъ таковы слова:

(*) Корень пыр означаетъ быстроту движенія; отъ того же корня-порхать; потурять отъ корня тр, откуда туркой, См. 1 ч.

(**) Обыкновенно она называется «Часовой женой», а «Купецъ-жена» значить только, что она жена купеческая.

- « Всѣ люди сидятъ, будто свѣчки горятъ,
« Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ,
175. « Бороду закусить, усъ разлощить,
« Усъ разлощить, глаза вытаращить.
« Глядитъ на меня, будто чертъ на попа,
« А я на него помилю того.»

[Записано со словъ крестьянина Сарафанова.]

ДЮКЪ СТЕЦАНОВИЧЪ.

29.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

- Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волинь земли изъ богатя,
Изъ той Карелы изъ упрямыя,
Изъ тоя Индіи богатя,
5. Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ пропорхивалъ,
На гуся ѣхалъ Дюкъ, на лебедя,
На сѣру пернату малу утицу.
Не наѣхалъ Дюкъ ни на гуся, ни на лебедя,
10. И не сѣрой пернатою малою утицы,
И растрѣливалъ Дюкъ триста стрѣлъ,
Триста стрѣлъ да ровню три стрѣлы.
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« Почему эти стрѣлы были дороги?
15. « А потому эти стрѣлы были дороги,
« Что на три гряночки были строгашы

- « Изъ той трестиночки (*) заморскія.
« Да еще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что на три гряночки были строганы,
20. « Тѣмъ стрѣлы были дороги,
« Что перены (**) перьемъ сиза орла;
« Не того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по святой Руси,
« Бьетъ сорокъ, воронъ и сѣру галицу:
25. « Того орла сиза орловича,
« Который летаетъ по синю морю,
« Бьетъ гуся и лебедя
« И сѣру пернату малу утицу;
« И отлетаетъ, садится самъ
30. « На бѣлѣ каменный степянь (***),
« И кроится перьяча (****) орлиныя,
« Отлетаетъ на море на синее;
« И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
« И обираютъ перьяца сиза орла,
35. « Развозятъ перьяца по всѣмъ ордамъ,
« По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
« Дарятъ царей и царевичевъ,
« Дарятъ королей да и королевичевъ,
« Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей.
40. « И пришли эти перья въ даровьяхъ,
« Оперилъ я этимъ перьемъ три стрѣлы.
« Да еще не тѣмъ эти стрѣлы дороги,
« А тымъ эти стрѣлы дороги:
« Втераны были въ пяты (*****)

(*) Тростника.

(**) Оперены—сажены.

(***) Можетъ быть: на бѣлѣ горючъ камень?

(****) Падаетъ отъ тренія объ камень перьяца.

(*****) Конецъ стрѣлы, противоположный острію.

45. « Камень самоцвѣтное, все яхонты;
« Гдѣ стрѣла летитъ,
« Отъ нея лучъ печетъ:
« Въ день красно солнышко,
« Въ ночь отъ свѣтлаго мѣсяца.
50. « И тымъ были стрѣлы дороги. »
Собираѣть Дюкъ стрѣлы во единѣ кочанѣ,
И прѣхалъ Дюкъ во свой Галичѣ градъ.
А дѣло-то, братцы, дѣется
Во ту ли субботу великоденную,
55. И ушли ко вечерни ко Христовскія.
Сходилъ Дюкъ со добра коня
И пошелъ ко вечерни ко Христовскія,
И, отстоявши вечерню въ церкви Божіей,
Выходилъ Дюкъ изъ Божьей церкви,
60. И становился на крылечко на переное.
Выходила его матушка изъ Божьей церкви,
Понизешенько Дюкъ поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли:
« Государыня свѣтъ, моя матушка!
65. « Во всѣхъ городахъ, мати, много бывано,
« А во градъ во Кіевъ не бывано,
« Владиміра князя, мать, не видано,
« Государыни княгини свѣтъ Апраксія.
« Дай, мать, прощенье и благословеніе
70. « Съѣздить во Кіевъ градъ,
« Повидать солнышка князя Владиміра,
« Государыню княгиню свѣтъ Апраксию. »
И говоритъ ему мать таковы слова:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
75. — Молодой ты боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣзди ты во Кіевъ градъ:
— Живутъ тамъ люди лукавые,
— Изведутъ тебя, добраго молодца,
— Бывъ хорошаго наливнаго яблока.—
80. И говоритъ Дюкъ матери:

- « Государыня свѣтъ, моя матушка!
« Дашь, мать, прощенье, поѣду,
« И не дашь прощенья, поѣду. »
И давала ему матушка прощенье и благословеніе,
85. И давала плеточку шелковую.
Поклонъ Дюкъ отдалъ и прочь пошелъ,
Ходилъ на конюшню стоялую,
И выбиралъ жеребца себѣ неѣзжана,
Изъ ста бралъ Дюкъ, не изъ тысячи;
90. Выбиралъ себѣ бурушка косматаго:
У бурушки была грива трехъ локотъ,
Хвостъ былъ у бурушки трехъ сажень,
Шерсточка была у бурушки трехъ падей,
На всѣ стороны разсыпается,
95. Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Уздалъ узду ему точмянную,
И сѣдлалъ сѣдельшко во двѣ тысячи,
Накинулъ попону не суредниную:
Срочена была попона въ три строки,
100. Перва строка была красна золота,
Другая строка чиста серебра,
Третья мѣдью—казаркою,
Которая мѣдь подороже злата и серебра,
Подороже скатняго жемчуга:
105. Дорога была попона во три тысячи.
И снарядилъ Дюкъ лошадь богатырскую,
Отходилъ прочь и самъ посматривалъ,
Головой качаетъ, приговариваетъ:
« Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь:
110. « Подъ прыгу добра коня не видѣти. »
Въ тороки кладетъ Дюкъ платье цвѣтное,
Въ тороки кладетъ калены стрѣлы,
Скоро дѣтина собирается,
Скоро садится дѣтина на добра коня.
115. Хорошо подъ нимъ добрый конь повыскачилъ
Черезъ стѣну—мать городовую

- И чрезъ высокую башню наугольную.
И хорошо пошелъ въ полъ добрый конь:
Мети мечеть (*) конь по версты,
120. Мети мечеть по двѣ версты,
И мети мечеть по три версты,
По три версты и по пяти де верстъ,
И повыше дерева жаровчата,
И пониже облака ходячаго;
125. Рѣки и озера между ногъ спустилъ,
И гладкіе мхи перескакивалъ,
Сине-то море кругомъ де ѣхалъ.
Налетала на молодца Горынь-змія,
О двѣнадцати главахъ зла-лиха,
130. Хоботомъ хочеть добра коня огнемъ сожечь
Съ боярскимъ сыномъ Дюкомъ Степановичемъ,—
Добрый конь у змѣя усакивалъ
И добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Напалъ на молодца лютый звѣрь
135. И хочеть добра коня схватить-сглотить,—
Добрый конь у звѣря усакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Налетѣло на молодца стадо грачевъ,
По нашему, стадо черныхъ вороновъ,
140. И хочутъ вороны молодца расторгнуть (**),—
Добрый конь у грачевъ усакивалъ,
Добраго молодца отъ смерти унашивалъ.
Проѣхалъ Дюкъ тыя заставы,
На заставу пріѣхалъ четвертую:
145. Край пути стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ-то спитъ добрый молодецъ,
Старый казакъ де Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ Дюкъ ко бѣлу шатру,
Не съ разума Дюкъ сговорилъ:

(*) Перемахиваетъ участки въ версту.

(**) Расторгнуть, разтерзать.

150. « Кто де тамъ опить во бѣломъ шатрѣ?
« Выходи-ко съ Дюкомъ поборотися
« И поотвѣдати Дюковой храбрости!»
Вставаетъ Илья на чеботы сафьянные
И на синіе чулки кармазинные,
155. И выходитъ изъ бѣла шатра,
Самъ говоритъ таково слово:
— Смѣю я съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдати Дюковой храбрости.—
Подошла статья Дюка Степановича,—
160. И падалъ съ коня Ильѣ во бѣлы ноги,
Самъ говоритъ таково слово:
« Одно у насъ на небѣ солнце красное,
« Печетъ во всю землю святорусскую;
« А одинъ на Руси могучъ богатырь,
165. « Старый казакъ де Илья Муромецъ.
« Кто смѣетъ съ нимъ поборотися,
« Тотъ боками отвѣдати матки травы.»
Ильѣ эти рѣчи полюбилися,
Самъ говоритъ таково слово:
170. — Удалый дородній добрый молодець!
— Будешь ты во городѣ во Кіевѣ:
— Живутъ тамъ люди все лукавые,
— И станутъ налегать на тебя на молодца,
— То пиши грамотку скорописчату,
175. — Ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— И растрѣливай стрѣлы во чисто поле:
— У меня летаетъ тамъ ясенъ соколъ,
— Собираетъ стрѣлы со чиста поля.
— Пособлю, дѣтина, твоему горю.—
180. Поклонъ отдавъ Дюкъ,
Самъ сѣдился на добра коня,
Поездку казавъ лучше прежняго.
Пріѣхавъ ко городу ко Кіеву
Черезъ стѣну-мать городовую.
185. Черезъ башню наугольную,

- Пріѣхалъ прямо въ палаты княженицкія,
Сходилъ со добра коня,
Становилъ добра коня
Не приказана и не привязана,
190. И зашелъ Дюкъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны Дюкъ покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли.
195. Владиміра дома не случилось,
Одни люди ходять стряпчіе,
Стряпчіе люди, дворецкіе.
Говорить Дюкъ таково слово:
« А гдѣ самъ Владиміръ князь? »
200. Говорять ему люди стряпчіе:
— Удакъ дородній добрый молодецъ!
— Изученіе видимъ твое подное,
— А не знаемъ ни имени, ни вѣстныи.
— У насъ Владиміра дома не случилось:
205. — Уѣхалъ ко заутрени Христовскія. —
И больше Дюкъ не разговаривалъ,
Выходитъ на улицу паратную,
Садился Дюкъ на добра коня,
Пріѣхалъ къ собору Богородицы,
210. Соходилъ онъ со добра коня,
Оставлявалъ добра коня
Не приказана и не привязана.
Пришелъ Дюкъ въ церковь соборную,
Крестъ кладеть по писаному,
215. Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется
Желтыми кудрями до сырой земли,
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду Владыку Чернигова,
220. И промежду Берматы Васильева,
И промежду Чурила Пленковича;

- Кланяется да поклоняется,
Самъ посматриваетъ:
« Погода-та, братцы, весенняя: »
225. « Обрызгалъ свое платье цвѣтное. »
Говоритъ Владиміръ таково слово:
— Скажись, удалый добрый молодецъ!
— Какой орды, какой земли,
— Тебя какъ молодца зовутъ по имени?—
230. Говоритъ Дюкъ, отвѣтъ держитъ:
« Свѣтъ Государь Владиміръ князь!
« Есть я изъ города Галича,
« Изъ Волынь земли богатыхъ,
« Изъ той Карелы упрямыхъ,
235. « Изъ той изъ Сорочины широкія,
« Изъ той Индіи богатыхъ,
« Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
« На слову (*) пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ. »
Говоритъ Владиміръ таково слово:
240. — Скажи, удалый добрый молодецъ!
— Давно ли ты изъ города Галича?—
« Я вечерню стоялъ во славномъ Галичѣ,
« Ко заутренѣ поспѣлъ въ славенъ Кіевъ градъ. »
Слушаютъ князи и бояра:
245. — Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Много ли отъ Кіева до Галича разстоянія?—
Говорятъ князья и бояра:
« Прямимъ ходомъ на три мѣсяца,
« А окольной дорогой на шесть мѣсяцевъ:
250. « Были бы де кони перемѣнные,
« Съ коня на конь де перескакивать;
« Изъ сѣдла въ сѣдло переметывать. »
Говоритъ Государь Владиміръ князь:
— Скажи удалый добрый молодецъ!

(*) На славу, по слуху о славѣ Кіева.

255. — Дороги ли у васъ кони во Галичѣ?—
« Есть у насъ кони и по рублю,
« Иная лошадь есть и за два рубли,
« Есть по сту и по два и по пятисотъ;
« А моему добру коню
« Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю.»
260. Говорять тутъ князя и бояра:
— Свѣтъ Государь Владиміръ князь!
— Не бывать тутъ Дюку Степанову,
— Только быть мужиченку засельщику
— И быть деревенщины:
265. — Жилъ у купца-гостя торгового
— И укралъ у него платье цвѣтное;
— Жилъ у иного у боярина,
— Угналъ у боярина добра коня;
— На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,
270. — Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
— Надъ нами, боярами, пролыгается.—
И отстоявъ они во церкви Божіей заутреню
Со обѣднею и святыя честныя молебны,
И выходили на улицу паратную.
275. На улицы стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Смотрять на лошадь богатырскую
И на его снаряды молодецкіе.
Садилия по добрымъ конямъ,
Поѣхали ко высокому терему,
280. Ъдетъ Дюкъ де, головой качаетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городъ во Галичѣ,
« У моей сударини у матушки,
285. « Мощены мосты были все дубовые,
« Сверху стланы сукна багречевыя,
« Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
« За лопатниками пойдутъ метельщики,
« Очищаютъ дорогу сукна стланого;

290. « А твои мосты, сударь, перовные,
« Неровные, все сосновыѣ.»
Приѣхали ко широку двору,
Головой качаетъ Дюкъ, проговариваетъ:
« А у Владиміра все не по нашему:
295. « Какъ у насъ во' городѣ во Галичѣ,
« У моей сударыни у матушки,
« Надъ воротами было иконъ до семидесяти,
« Всѣ иконы были на золотѣ;
« А у тебя, Владиміръ, десятка нѣтъ.»
300. Заѣхали на широкій дворъ,
Головой качаетъ Дюкъ, поговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
305. « У моей сударыни у матушки,
« На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
« Продернуты кольца позолоченныя,
« Разоставлена сыта медвяная,
« Есть насыпана пшена бѣлаяя,
310. « Есть что добрымъ конямъ пить и кушати.—
« А у тебя, Владиміръ, того не случилось.»
Пришли во высокъ теремъ,
Садилась за столы бѣлодубовыя,
Понесли по чаркѣ зелена вина.
315. Пьетъ Дюкъ да головой качаетъ,
Головой качаетъ, самъ проговариваетъ:
« Хороша была слова на Владиміра!
« А у Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
320. « У моей сударыни у матушки,
« Глубокіе погреба сорока сажень
« Были въ землю копаны,
« Зелено вино на цѣпяхъ виситъ серебряныхъ,
« Были въ поля трубы понавешены:
325. « Повѣтъ вѣтеръ со чиста поля,

« Проносить затохаль великую;
« А твое, сударь, горькое зелено вино,
« Пахнетъ на затохаль великую.»

И понесли послѣдню яству—колачики крупивчаты,

330. Головой качаетъ, Дюкъ проговариваетъ:

« Хороша была слова на Владиміра!
« У Владиміра все не по нашему:
« Какъ у насъ во городъ во Галичъ,
« У моей сударыни у матушки,

335. « Колачикъ съѣси, а другаго хочется;

« Твои, сударь, горькіе колачики
« Пахнутъ на фою (*) сосновую.»

И тутъ Чурилу стало зазорко,

Самъ говоритъ таково слово:

340. — Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!

— Когда правдой дѣтина похваляется,

— Пусть ударить со мною о великъ закладъ:

— Щепить—басить по три года

— По стольному по городу по Кіеву,

345. — Надѣвать платье на разъ,

— На другой платье не перенашивать.—

И ударились они въ великъ закладъ,

Порокъ (**) поставили пятьсотъ рублей:

Который изъ нихъ не перещепить,

350. Съ того взять и пятьсотъ рублей.

По Чурилѣ сынѣ Пленковичѣ

Всѣмъ городомъ Кіевомъ ручаются,

Поручился князь со княгиною;

А по Дюкѣ никто не ручается,—

355. Набиралось голей кабацкихъ до пятисотъ,

По Дюкѣ болѣ всѣ ручаются.

(*) Хвою.

(**) Порукъ, заклада.

- Дюкъ тому догадается,
Скоро сѣдился на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые,
360. Ко стрѣламъ ярлыки причечивалъ,
Разстрѣливалъ стрѣлы во чисто поле.
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Не ясенъ соколъ налетывалъ,
Не бѣлый кречетко вонъ напорхивалъ,
365. Натхалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По Дюкъ Илья ручается:
Подписалъ коня и свою голову.
И стали они щепить и басить
По стольному городу по Кіеву.
370. Чурило сынъ Пленковичъ
Обуль сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пята хоть соловей лети,
А кругомъ ниты хоть яйцомъ кати;
375. Надѣлъ онъ шубу-то собольюю:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шанку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, звѣсисту:
380. Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлая.
А молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
По Кіеву не снаряденъ шелъ:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
385. Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого камень все яхонты,—
Который же камень самоцѣтный
Стоилъ города всего Кіева,
Опричь знаменья Богородицы
390. И опричь прочихъ святителей;
И надѣта была у него шуба-та расхожая:
Во пуговкахъ литы лѣты звѣри,

- Во петелькахъ шиты люты змѣи,
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
395. Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ,
Засвистали во петелькахъ люты змѣи.
400. И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣинаго,
Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Старый и малый на землѣ лежить;
Только малые люди оставались,
405. За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ качнулись:
« Тебѣ спасибо, удалый дородній добрый молодець!
« Перецепилъ ты Чурила сына Пленковича.»
Тогда онъ взялъ съ Чурила пятьсотъ рублей,
Купилъ на пятьсотъ зелена вина
410. Своимъ голямъ порутчикамъ:
Тогда голи всѣ возрадовались.
Ино тутъ Чурилу стало зазорко,
Самъ говорилъ таково слово:
— Свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь!
415. — Когда онъ правую дѣтина похваляется,
— Пошлемъ мы туды переписчика,
— Во славную Волюнь землю,
— Житѣя его, богатства описывать.—
« Кого намъ послать переписчикомъ?»
420. — А пошлемъ мы Добрынюшку Никитѣевича.—
И поѣхалъ Добрыня во Галичъ градъ,
Житѣя его богатства описывать;
И пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
Пашель три высоки три терема,
425. И зашелъ во высокъ теремъ,
И крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется

- Желтыми кудрями до сырой земли.
430. Сидить жена стара матера,
Мало шелку вся въ золотѣ,
И говорить Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
435. « По низку велѣлъ поклонъ поставити.»
И говорить жена стара матера:
— Удамый дородній добрый молодецъ!
— Не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины,
— А изученье вижу твое полное.
440. — А не Дюкова я здѣсь есть матушка,
— А Дюкова есть здѣсь колачница.—
И тутъ Добрынь стало зазорко,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
И просыпалъ Добрыня ночку темную,
445. На утро пріѣхалъ во Галичъ градъ,
Нашелъ три высоки три терема,—
Не видалъ теремовъ такихъ на семъ свѣтѣ,—
Зашелъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
450. Поклонъ велеть по ученому,
Кланяется да поклоняется
На всѣ четыре на сторонюшки
Желтыми-то кудрями до сырой земли:
Сидить жена стара матера,
455. Мало шелку, а вся въ золотѣ.
Говорилъ Добрыня таково слово:
« Ты здравствуй же, Дюкова ты матушка!
« Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« И по низку велѣлъ поклонъ поставити.»
460. Говорить старуха таково слово:
— Удамый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
— А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.
— Я не Дюкова здѣсь есть матушка,

465. — А Дюкова я здѣсь есть бажатушка:
— Не найти тебѣ Дюковой здѣсь матушки.
— На утро у насъ Христово воскресеніе.
— И стань на улицу паратную,
— Гдѣ настланы сукна багречевыя;
470. — Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ метельщики,
— Очищаютъ дорогу сукна слтанаго;
— И потомъ поидетъ толпа де вдовъ,
— Потомъ поидетъ уже другая толпа
475. — Подсолнечныхъ сорока сажень.
— Умѣй, дѣтина, поклонятися.
— Поидетъ тутъ Дюкова-та матушка.—
И тутъ Добрынь стало зазорко,
Отъзжалъ Добрыня во чисто поле,
480. И просыпалъ Добрыня ночьку темную.
И на утро онъ прѣхалъ во Галичъ градъ
И сталъ на улицу паратную,
Гдѣ-ка стланы сукна багречевыя.
Напередъ пошли тутъ лопатники,
485. За лопатниками пошли метельщики,
Очищали дорогу сукна слтанаго;
Потомъ пошла уже толпа де вдовъ,
Поклонъ отдалъ, да и прочь отсталъ;
Потомъ пошла уже другая толпа
490. Подсолнечныхъ сорока сажень.
Умѣетъ Добрыня поклонятися
Желтыми-то кудрями до сырой земли,
Самъ говорить таково слово:
« Ты здравствуй, Дюкова же матушка!
495. « Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
« По низку велѣлъ поклонъ поставити.»
И говорила Дюкова матушка:
— Удамый дородній добрый молодецъ!
— Изученье вижу твое полное,
500. — А не знаю тебѣ ни имени, ни вотчины.

- Сегодня у насъ Христово Воскресеніе:
— Пойдемъ въ Божью церковь
— И простои́мъ обѣдню воскресную;
— Заберу молодца тебя въ высокъ теремъ,
505. — Напою—накормлю хлѣбомъ—солю. —
И пошли они въ Божью церковь,
Простояли обѣдню воскресенную,
И забрала молодца во высокъ теремъ,
Поить—кормить, много чествуетъ.
510. И выходилъ Добрыня изъ—за стола изъ—за дубоваго,
И самъ говорилъ таково слово:
« Государыня свѣтъ ты, Дюкова матушка!
« Я вѣдь пріѣхалъ сюда не тебя смотрѣть,
« Житія твоего, богатства описывать:
515. « Приразхвастался твой сынъ Дюкъ у насъ богатствомъ:
И скоро старуха брала золотые ключи
И вела въ амбары магазинныя,
Гдѣ-ка складены товары заморскіе:
Смекалъ Добрыня много времени,
520. Не могъ товарамъ и смѣты дать;
Привели въ погребы темныя,
Гдѣ-ка складена деньга нехоженная;
Смекалъ Добрыня много времени,
Не могъ деньгамъ смѣты дать.
525. Садился Добрыня на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатыя
И самъ говорилъ таково слово:
« Да намъ изъ города изъ Кіева
« Вести бумаги на шести возахъ,
530. « Да чернилъ вести на трехъ возахъ,
« Описывать Дюково богатство,—
« Да не описать будетъ.»
Прощался Добрыня съ Дюковой матушкой
И поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
535. Пріѣзжаетъ Добрыня во Кіевъ градъ,
А ярлыки на дубовъ столъ клалъ:

И тогда Дюкова правда сбывается,
Будто вешняя вода разливается.

Инь еще Чурилу стало зазорко,

540. И самъ говорилъ таково слово:

— Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь!

— Когда онъ правой дѣтина похваляется,

— Такъ и пусть ударить со мной о великъ закладъ:

— Скакать черезъ матушку чрезъ Почай рѣку

545. — На добрыхъ коняхъ и назадъ отскакивать. —

И ударились они о великъ закладъ,

Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,

А ударились о своихъ буйныхъ головахъ:

Который изъ нихъ не перескочить,

550. У того голова срубить.

Чурило-то сынъ Пленковичъ

Выводилъ Чурило тридцать жеребцовъ,

Изъ тридцати выбиралъ самолучшаго,

Разганивалъ и разъѣживалъ

555. Изъ далеча, далеча изъ чиста поля.

Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ

Не разганивалъ и не разъѣживалъ,

Съ крутаго берега коня приправливалъ,

И скочилъ за матушку Почай рѣку,

560. И назадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,

И Чурила къ крутому берегу притягивалъ,

И выдергивалъ саблю острую,

И хотѣлъ ему срубить буйну голову.

И тогда вступился князь со княгинею:

565. « Удалый дородній добрый молодецъ!

« Не руби ты Чурилы буйной головы,

« Да спусти ты Чурила на свою волю. »

И тогда Дюкъ пялъ Чурила правой ногой,

Улетѣлъ Чурила во чисто поле,

570. А говорилъ Дюкъ таково слово:

— Ай ты, Чурило сухоногое!

— Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами,

- А не съ нами, съ добрыми молодцами.—
Садился Дюкъ на добра коня,
575. И самъ говорилъ таково слово:
— Прощай свѣтъ Государь ты, Владиміръ князь,
— И прощай, княгиня Апраксія,
— И прощайте, бояре всѣ Кіевскіе,
— И прощайте, купцы именитые,
580. — И прощайте, мужики огородники!—
И поѣхалъ Дюкъ ко городу ко Галичу,
И чрезъ стѣну махалъ прямо городовую,
И чрезъ высоку башню наугольную.
И уѣхалъ Дюкъ во Волинь землю богатую,
585. Во Волинь землю
И въ славенъ Галичъ градъ.

(Отъ Поромскаго старика.)

тоже.

30.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

Мы още начнемъ старину стародавнюю.

- Во той ли во Индеи во богатые,
Во той ли во Корелы упрямыя,
Въ томъ ли во городѣ Волинцѣ,
5. Жилъ былъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ свой тугой лукъ
И още беретъ тридцать три стрѣлы:
Тридцать стрѣлъ каленыхъ
И три стрѣлы золоченыхъ,
10. Золоченыхъ и перьями саженыхъ.

- А перьями сажены орловыма,
Не того орла, который летаетъ во чистомъ полѣ,
А того орла, который на синемъ морѣ;
Сидить-то орелъ на камени,
15. На тоемъ на камени на латырѣ;—
Аще тотъ орелъ сворахнется,
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ;—
Тутъ ѣздить гости карабельщики,
20. И берутъ-то перья орловые,
И привозятъ ихъ во подарочкахъ.
И пошелъ-то Дюкъ Степановичъ по заводамъ,
По заводамъ да вѣдь по зарѣкамъ,
И стрѣлялъ гуся и лебедя
25. И пернастыхъ сѣрыхъ утушекъ.
И разстрѣлялъ-то онъ тридцать три стрѣлы,
И не попалъ онъ ни въ единую.
« Мнѣ не жалко тридцати стрѣлъ каленныхъ,
« А жалъ-то мнѣ столько трехъ-то стрѣлъ золоченыхъ,
30. « Золоченыхъ и перьями сажонныхъ,
« Тима ли перьями орловыма.»
И тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ
Во свои палаты бѣлокаменны,
И проходить онъ во гридни во столовыя
35. Ко своей ко матушкѣ Емерфѣ Тимофеевнѣ,
И говорить таково слово:
« Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
« Я хочу повѣхать ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
40. « Богу помолиться, князю Владиміру поклониться:
« Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ.»
И говорить-то ему матушка:
— Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Эта есть дорожка дальняя:
45. — Прямую дорогою ѣхать три мѣсяца,
— А окольною дорогою ѣхать три году;

- А прямой-то дорогою ни конный не проѣзживалъ,
— Ни пѣшій не прохаживалъ,
— Ни звѣрь не прорыскивалъ;
50. — На этой на дорогѣ есть три заставы великія:
— Первая застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава есть пять богатырей:
— Въ первыхъ есть Донской казакъ Илья Муромецъ,
55. — А второй есть Добрынюшка Никитѣвичъ,
— А третій есть Алешинька Поповичъ,
— А четвертый есть Михайла Долгомѣровичъ,
— А пятый—Василей Буславѣвичъ (*).—
И тутъ-то пошелъ Дюкъ Степановичъ
60. По дворамъ да по конюшенкамъ,
Выбиралъ коня себѣ по разуму,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости-то богатырскія;
И выбралъ-то коня бурушка-кавурушка,
65. Маленькаго бурушка и косматенькаго,
И одѣвалъ-то онъ уздичу тесмянную,
И кладывалъ-то мустукъ (**) золоченый,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія;
70. И онъ встегалъ тутъ пряжки-ты серебряны,
И вдергивалъ онъ иглы золоченыя,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.
И онъ ведетъ коня ко крыльцу ко переному,
75. Ко тому подъѣзду лошадиному,
И привязалъ коня ко столбу точеному, къ кольцу золоче-
ному.

(*) По моему мнѣнію, здѣсь надо быть Василію Испатѣвичу во первыхъ потому, что Василій Буславѣвичъ богатырь Новгородскій, а во вторыхъ онъ удалъ не обычно есть: по Новгородскому представленію, онъ также непобѣдимъ, какъ Илья Муромецъ у Кіевлянъ. Развѣ, можетъ быть, тутъ проглядываетъ областное соперничество, и былина нарочно сводитъ удалаго Новгородца Василія Буславѣвича съ Д. Ст., чтобы онъ погибъ отъ руки встрѣчнаго затѣжаго молодца.

(**) Мундштукъ.

- Онъ проходить въ палаты бѣлокаменны
И заходить во гридни во столовыя:
Крестъ кладесть по писаному,
80. А поклонъ ведетъ по ученому,—
На всѣ стороны поклоняется,
Своей матушкѣ во особину.
Онъ просить у матушки прощеньица и благословеньица
Ѣхать во дальній путь во дороженьку,
85. Ко тому ко городу ко Кіеву.
И даесть-то ему матушка
Прощеньице и благословеньице,
И говорить-то ему матушка таково слово:
— Ты поѣдешь, мое дитятко,
90. — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не дѣлай-ко обиды народу православному
— И не проливай крови неповинныя.—
И тутъ пошелъ-то Дюкъ Степановичъ
По палатамъ бѣлокаменнымъ,
95. И надѣваетъ онъ доспѣхи богатырскіе,
И выходитъ онъ на то крыльцо переное,
И отвязалъ коня отъ кольца золоченаго,
И ступилъ ногою во стремяночку,
И сядился онъ во сѣдельшко черкацкое,
100. На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ родной матушкой онъ прощается.
Видѣли добраго молодца сядучись,
А не видли добраго молодца поѣдучись,
Столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ.
105. И поѣхалъ тутъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
Прямую дорогою черезъ три заставы великихъ.
И пріѣхалъ онъ къ первой заставѣ змѣиной:
И тутъ змѣи разсержаются,
Дюка проглотить хотятъ,
110. А Дюкъ Степановичъ сталъ коня понуживать,
Сталъ онъ бурушка подправлять,
А косматенькой сталъ поскакивать,
-

- И тутъ змѣи остаются.
И прѣхалъ къ другой заставы звѣриной:
115. Тутъ звѣри разъяряются,
Съ двухъ сторонъ приближаются;
Дюкъ коня останавливаетъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И накладываетъ на тугой лукъ,
120. И пустилъ онъ стрѣлу на лютыхъ звѣрей:
Стрѣла-та летить,
А звѣрей какъ косою коситъ,
И тутъ проѣхалъ Дюкъ заставу звѣриную.
И прѣхалъ къ третьей заставы великой,
125. Гдѣ есть пять сильныхъ, могучихъ богатырей,
И выходитъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ;
И тутъ видитъ Дюкъ Степановичъ
Донскаго казака Илью Муромца,
И сходитъ онъ со добра коня,
130. Бьетъ онъ челомъ о сыру землю,
Самъ говорить таково слово:
« Ты здравствуй, нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ!»
И сталъ тутъ Илья Муромецъ его выпрашивать:
— Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,
135. — Изъ какой земли, да изъ какой орды,
— Куда ѣдешь, куда путь держишь,
— Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству?—
Тутъ-то Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держать:
« Есть я со Индеи со богатыя,
140. « Съ того города со Волыща,
« Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« А ѣду я ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Въ церквахъ Богу помолиться
145. « И князю объявиться.
« А я ѣхалъ прямою дорогою
« И переѣхалъ я двѣ заставы великихъ:
« Перву заставу змѣиную,
-

« А другу заставу звѣриную. »

150. И говорить ему Донской казакъ Илья Муромецъ:

— Почему ты знаешь и по имени меня называешь?—

И тутъ говорить-то молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:

« Потому я знаю тебя,

« Что слава происходитъ про тебя въ городахъ и въ деревняхъ,

155. « Называютъ тебя сильнымъ и храбрымъ могучимъ богатыремъ,

« И во всемъ свѣтѣ нѣтъ противъ тебя супротивника. »

Это слово Ильѣ полюбилось

И сказалъ ему Илья Муромецъ:

— Ты поѣдешь, удалый добрый молодецъ,

160. — Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,

— Ко тому ко городу ко Кіеву,

— Ко ласкову князю ко Владиміру,

— И не будетъ ли тебѣ обиды и притѣсненія,

— И такъ держи къ намъ извѣстіе.—

165. И тутъ поѣхалъ Дюкъ Степановичъ

Ко тому ко городу ко Кіеву,

И пріѣзжаетъ онъ ко подъѣзду княжецекому,

Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому,

И онъ приходитъ тутъ во церковь соборную,

170. Крестъ кладезь по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,

На всѣ стороны поклоняется,

Князю Владиміру въ особину.

И тутъ видитъ князь молодца незнакомаго,

175. Изъ другихъ земель пріѣзжаго;

Оны тутъ Богу помолилися,

И обѣдню простояли воскресенскую,

И выходятъ тутъ изъ церкви-то соборныя,

И сталъ-то тутъ князь его выпрашивать:

180. « Ты скажи-тко, удалой доброй молодецъ,

« Изъ какой земли да изъ какой орды,

- « Я вижу лицо твое да незнакомое,
« И още скажи, какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству,
« Куда ѣдешь, куда путь держишь?»
185. Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держать:
— Я есть изъ дальнихъ странъ молодецъ,
— Изъ той-ли изъ Индеи изъ богатой,
— Изъ того города со Волицца,
— А по имени зовутъ и по отчеству
190. — Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
— И я прослышалъ про славный Кіевъ градъ:
— Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ.—
Еще сталъ князь его выпрашивать:
« Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,
195. « Долго-ли ты ѣхалъ изъ Индеи изъ богатыхъ
« И которою ѣхалъ дорогою?»
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Я поѣхалъ изъ Индеи изъ богатыхъ послѣ заутрени,
— А пріѣхалъ я сюда къ ранніи обѣдни;
200. — А ѣхалъ я прямою дорогою
— И переѣхалъ я черезъ три заставы великихъ:
— Перва застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава—пять богатырей,
205. — И видѣлъ я Донскаго казака Илью Муромца.—
И говоритъ ему Владиміръ князь:
« Пойдемъ-ко ты, удалый добрый молодецъ,
« Ко мнѣ въ палаты пообѣдати,
« Хлѣба-соли покушати.»
210. И пошли они отъ церкви-то соборныя,
Дюкъ Степановичъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И пришли они на княжей дворъ,
Дюкъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И приходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны
215. И во ты-ли во гридни во столовыя,
Самъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
Крестъ кладетъ по писаному,

- Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
220. Князю со княгинею въ особину.
И сажались они за столы-ты за дубовыи,
За скатерти за браныи,
Ѣдятъ-пьютъ-кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
225. И тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ чары зелена вина
И подноситъ Дюку Степановичу,
Онъ полчарки пьетъ, друго такъ кладетъ;
И наливаетъ стаканъ меду сладкаго,
230. Онъ полстаканчика пьетъ, друго такъ кладетъ;
Поднесли ему калачики крупивчатые,
Онъ полкалачика ѣстъ, друго такъ кладетъ.
И тутъ говорятъ князи да бояра:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
235. « Ты пошелъ-то отъ церкви соборныи на княжей дворъ,
« Самъ идешь да головушкой покачиваешь;
« И ты прошелъ въ палаты бѣлокаменны
« И во тыя-ль во гридни во столовыи,
« Самъ идешь да головушкой покачиваешь;
240. « И сѣлъ за столы за дубовыи,
« И чару тебѣ поднесли зелена вина,
« И ты полчарочки пилъ, друго такъ положилъ;
« И поднесли тебѣ стаканъ меду сладкаго,
« И ты полстаканчика пилъ, друго такъ положилъ;
245. « Поднесли тебѣ калачики крупивчатые,
« Ты полкалачика ѣлъ, друго такъ положилъ.»
И говорить-то Дюкъ Степановичъ:
— У васъ все не по нашему;
— Я подъѣхалъ ко подъѣзду княженецкому,
250. — Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому;
— У насъ столбики точеные, верхи и кольца золоченые.
— И мы пошли отъ церкви-то соборныи,—
— У васъ все не по нашему:

- Дорожки не разчищены,
255. — Желтымъ пескомъ не засыпаны,
— Ковры да сукна не подосланы;
— У насъ дорожки-ты разчищены,
— Желтымъ пескомъ призасыпаны,
— И сукна-ты подосланы, сукна одинцовыи,
260. — А по крыльцамъ и по ступенькамъ ковры все шелковыи,
— Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ,
— А по обѣ стороны разсажены-сады виноградныи.
— У васъ все не по нашему:
— И мы пришли на княжей дворъ,
265. — У васъ ворота-ты сосновыи,
— А на дворъ хоть медвѣдь ногу ломитъ;
— У насъ ворота кости слоновыи,
— А въ воротахъ столбы-ты золоченыи,
— Дворы-ты у насъ убраны,
270. — Ковры и сукна-ты подосланы,
— Ковры-ты шелковыи,
— Сукна одинцовыи,
— Конюхи и дворники по двору гуляютъ,
— Въ бабки и шапки играютъ.
275. — У васъ все да не по нашему:
— Мы шли въ палаты бѣлокаменныи,
— У васъ ступени изъ чернаго камня,
— А порученки у васъ точеныи;
— А у насъ ступеньки кости слоновыи,
280. — И подосланы ковры-ты шелковыи,
— Порученки точеныи и вовсе золоченыи.
— И пришли-то мы во гридни во столовыи:
— У васъ мосты сосновыи,
— Стѣны и потолки у васъ не росписаны,
285. — Столы у васъ дубовыи,
— Скатерти забраныи;
— У насъ во гридняхъ во столовыихъ
— Мосты-ты все кленовыи,
— Стѣны-потолки все росписаны,

290. — У насъ столы кости слоновья,
— Скатерти у насъ на столахъ шелковыя,
— А по угламъ висятъ кисти золоченыя.
— У насъ вина пьютъ виноградныя,
— Чарочку пьешь, а по другой душа горить,
295. — Стаканъ пьешь меду сладкаго,
— А по другомъ душа горить;
— Крупивчатый колачикъ ѣшь,
— А по другомъ душа горить.
— У васъ все не по нашему:
300. — У васъ вина-ты хлѣбныя,
— Меды-ты у васъ кислые,
— А у насъ меды-ты стоялыи.
— У васъ все не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
305. — А помяльца-ты основыя,
— У васъ колачики на хвойку пахнуть;
— У насъ печки-ты изразцовыя, карнизы золоченыя,
— У насъ помяльцы-ты шелковыя,
— А помяльца-ты мочятъ въ меды стоялыи,
310. — Потому колачикъ ѣшь, а по другомъ душа горить.
— У васъ все не понашему:
— Какъ идетъ-то Владиміръ князь ко церкви-то собор-
ныя,
— По дорожкѣ у васъ сукна-ты не сланыя,
— А у князя сапожки на ножкахъ сафьянныя;
315. — А у насъ-то матушка моя поѣдетъ во церковь-то со-
борную,
— Впереди идутъ лопатники,
— Во слѣдъ идутъ метельщики,
— Още идутъ постельщики:
— Лопатчики дорожку разгребають,
320. — А метельщики песочкомъ посыпають,
— А постельщики по дорожкѣ сукна постилають,
— И все сукна одинцовыя,
— А по ступенькамъ стелють ковры-ты шелковыи,

- Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ;
325. — А у матушки нижняя одежда дорогой каменъ,
— Верхняя одежда золотой парчи,
— На головушкѣ шляпа изъ крупнаго жемчуга,
— Спереди положенъ камень самоцвѣтный,
— Лапотики на ножкахъ плетеные,
330. — Плетеные изъ семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А въ носики вставлено по славному по каменю по
яфонту.
— И тутъ няньки напередъ идутъ,
— А служанки подъ руки ведутъ.—
И тутъ говорить-то Владиміръ князь:
335. « Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле—
« Съ нашими богатырями силы поотвѣдати.»
Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держать:
— Я още витязъ молодой,
340. — Съ вашима богатырями незнакомый,
— Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли.—
И тутъ съѣхалось на княжей дворъ,
Сильнѣихъ могучіихъ богатырей:
Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
345. А во вторыхъ Добрынюшка Никитѣвичъ,
А третій Олешинька Поповичъ,
Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
Пятой Василій Буслаевичъ,
Шестой Чурилушка Щепленковичъ,
350. Седьмой Иванъ сынъ Гоудиновичъ.
Тутъ сѣдѣли они да на добрыхъ коней,
И поѣхали они во чисто поле.
И тутъ сѣдѣаетъ коня Дюкъ Степановичъ
И надѣваетъ на себя всѣ доспѣхи богатырскіи,
355. И сѣдѣлся онъ на добра коня,
И тутъ поѣхалъ съ нимъ Владиміръ князь
Посмотрѣть на дѣло ратное, на побоище смертное.
Не ясныя соколы по полю летаютъ,

А сильніи могучіи богатыри разъѣзжаютъ.

360. И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:

Онъ бурушка подправливаетъ,

Косматаго понуживаетъ,

И столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ,

А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.

365. Не два ясныхъ сокола слетается,

А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:

Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,

А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,

И оборачиваетъ копье тупымъ концомъ,

370. И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь,—

И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла

И палъ на землю, что овсяный снопъ.

И подъѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владимиру,

Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,

375. И князь его выхваляетъ.

Тутъ ѣхать ли—не ѣхать Василью Буславьевичу.

Тутъ не два орла слетается,

А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:

Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;

380. Другъ друга оны ударяютъ,—

У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;

И другой разъ разъѣзжаются,—

У Дюка сердце разгорается,

А Василій на Дюка разъяряется,

385. А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,

И тутъ палъ—то Василій о сыру землю.

И тутъ—то Дюкъ разъѣзжается,

А Иванъ—то Гоудиновичъ похваляется,

Съ княземъ Владимиромъ прощается и съ богатырями;

390. И тутъ—то онъ разъѣзжается,

И съ Дюкомъ—то онъ сражается,—

Дюку—то онъ покоряется,

И мирно поѣхали они ко городу ко Кіеву.

И говорить—то Олешинька Поповичъ:

395. « Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Мы поѣдемъ-ко черезъ Нѣп-рѣку (*) скакать. »
Олеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣлъ.
И говорить-то Дюкъ Степановичъ:
— Ты поѣзжай-ко, Олешинька Поповичъ, напередъ,
400. — А я за тобою вслѣдъ.—
И ѣдутъ они со чиста поля,
Олешинъ-то конь на заднія ноги стагъ,
И въ средину Нѣп-рѣки Олеша съ конемъ пагъ,
А Дюковъ конь черезъ Нѣп-рѣку скочилъ,
405. А Дюкъ Олешу за волосы рукою хватилъ,
И на другую сторону Нѣп-рѣки перетащилъ,
И Дюкъ оборотился ко князю Владимиру,
Бьетъ-челомъ да поклоняется,
А князь Дюномъ похваляется.
410. И тутъ возговорить Чурилушка Щепленковичъ:
« Ужъ ты молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
« Не угодно-ли тебѣ со мною походить,
« Передъ дѣвками пощипать
« И каждый день платье цвѣтное смѣнить?»
415. Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я ѣхалъ не для того въ поле:
— Съ богатырями штурмовать,
— И черезъ Нѣп-рѣку скакать,
— И еще передъ дѣвками щепить;
420. — Я думаю, такъ вы надо мною насмѣхаетесь,
— На мои слова не увѣряетесь:
— Если хотите городъ нашъ узнать,
— Надоть на три дни сроку дать.—
И еще говорить-то Дюкъ Степановичъ:
425. — Съ моего коня сѣдло не сымается,
— Тутъ пушай-ко, Добрынюшка Никитичъ въ дорожку
снаряжается.—

(*) Т. е. Днѣпръ-рѣку.

А Дюкъ Степановичъ сталъ писать ярлыки скорописаны
Своей матушкѣ Емерфѣ Тимофеевнѣ,
Бьетъ челомъ да поклоняется:

430. — Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Какъ прїѣдетъ нашъ скорой посолъ,
— И ты прими его какъ сына своего,
— Хлѣбомъ-солью угости;
— А въ чемъ я тебя прошу, то все съ намъ отпусти. —
435. И още-то Дюкъ Степановичъ
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Пишетъ другой ярлыкъ да скорописаный:
— Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Ужъ какъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
440. — Бьетъ челомъ да поклоняется.
— Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Ты пришли-тко мнѣ платье цвѣтное на цѣлый годъ,
— На каждый день платье смѣнное. —
И тутъ Добрынюшка снарядился,
445. И на Дюкова коня-то онъ садился,
И на всѣ стороны поклонился.
Видѣли добраго молодца садучись,
А не видѣли побѣдучись,
Столько видать, что въ полѣ кудельба стоятъ.
450. И прїѣхалъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Въ эту во Индею во богатую,
Во тотъ ли городъ городъ во Воынецъ,
Ко тому двору ко боярскому,
Ко этому подъѣзду лошадиному,
455. Ко тому столбу точеному, къ кольцу золоченому.
И видить Добрынюшка, тутъ все не по нашему:
Тутъ дворы все разглажены,
Тутъ ковры и сукна все разосланы,
Дворники и конюхи по двору гуляютъ,
460. Въ бабки и шашки играютъ.
И приходитъ тутъ Добрынюшка въ палаты бѣлокаменны,
И заходить во гридни во столовыя,

Самъ идетъ да вѣдь дивуется.

Тутъ все не по нашему:

465. Тутъ мосты-то кленовыи,
Стѣны и потолки все росписаны,
Печки изразцовыя, карнизы золоченыи,
Тутъ столы стоятъ кости слоновыя,
Скатерти на столахъ все шелковыя,

470. А по угламъ висятъ кости золоченыя. . . .

(Отъ крестьянина Г. Федотова.)

31.

тоже.

[Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.]

Изъ того ли изъ города изъ Кориги изъ богатыя,

Изъ той ли изъ Индеи изъ широкія,

Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ

По тѣмъ ли по мелкіимъ по заводямъ

5. И по тѣмъ ли луговьямъ по зеленыимъ; (1)

И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ поле себѣ супротив-
ника,

Только слышалъ въ далеѣ-далеѣ чистомъ полѣ про Кіевъ
градъ:

« Кіевъ градъ на красы стоитъ,

« На красы стоитъ да упечечъи,

10. « Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ. »

И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:

« Не честь-хвала мнѣ молодецкая

« Поѣхати богатырю безъ того прощенья безъ материна. »

И повернулъ онъ бурушка косматаго

15. Ко тому ли ко граду ко Галичу

И ко той ли ко Индеи широкія,

И отстоялъ раннюю заутрину воскресную

Во томъ ли городѣ въ Коригѣ богатыя,

- Во той ли во Индеи широкія,
20. И просить у матери прощеньица:
« Свѣтъ государыня матушка,
« Честна вдова Авдотья Данильевна!
« Да-ко ты мнѣ-ка прощеньице
« И да-ко ты мнѣ-ка благословеньице,
25. « Мнѣ съѣздить богатырю
« Ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко тому ли ко князю ко Владиміру
« И поразѣздить мнѣ бурушка косматаго,
« И утѣшить мысли молодецкія,
30. « Разтаскать мнѣ плечи богатырскія. »
Какъ видѣли Дюкушка сядучись,
Не видѣли удалаго уѣдучись.
Не бѣлый крычъ перелетываетъ,
А не ясенъ соколъ да перепархиваетъ,
35. Во далечъ-далечъ во чистомъ полѣ:
Ѣдетъ богатырь повыше дерева жароваго,
А пониже облака ходячаго.
Какъ будетъ богатырь подъ городомъ подъ Кіевомъ,
И увидѣлъ богатырь во чистомъ полѣ
40. Тоненькой, новенькой бѣлъ шатерь:
Спать русскіе могучіе богатыри,
Спитъ дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ,
Спитъ старый казакъ да Илья Муромецъ.
И думаетъ богатырь своимъ разумомъ:
45. « Я проѣду русскихъ могучихъ богатырей,
« Имъ запреку (*) будетъ за великую,
« За досаду будетъ за немалую.
« Я спущусь на матушку на сыру землю,
« Я пріѣду къ нимъ да ко бѣлу шатру. »
50. И сопущается богатырь на сыру землю,
И пріѣзжаетъ онъ да ко бѣлу шатру,
И сопущается богатырь со добра коня,

(*) Отъ коряя перечить, — въ упрекъ, въ укоръ.

- И подходить онъ ко бѣду шатру,
И самъ говоритъ таково слово:
55. « Здравствуйте, удалы добры молодцы,
« Русскіе могучіе богатыри,
« Дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ,
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ! »
Илья Муромецъ со сна пробуждается,
60. И самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли и коей орды,
— Тебя какъ, удалый, именемъ зовутъ,
— Жалуютъ тебя да поотечеству?
65. — Есть ли у тебя охота горить ли душа
— Со мной богатыремъ зборотися?—
И говоритъ молодой Дюкъ Степановичъ
« Ай же ты, удамый добрый молодецъ!
« Нѣту съ тобой да супротивника
70. « По матушкѣ по святой Руси:
« Одинъ у насъ богатырь по святой Руси—
« Старый казакъ Илья Муромецъ:
« Не кому съ тобой да вѣдь боротися. »
Эти рѣчи ему да полюбилися:
75. — Здравствуешь, удалый добрый молодецъ,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Теперь будешь ты во городѣ во Кіевѣ,
— Тамъ есть русскіе могучіе богатыри:
— Чурила Щапливый, молодой Добрынюшка Никитиничъ,
80. — Олеша Поповичъ пухоствастишко,—
— Не стануть ли обижать, сюда вѣсть держи.—
Видѣли Дюкушка сядучись,
А не видѣли отъ шатра уѣдучись.
И будетъ во городѣ во Кіевѣ,
85. У той стѣны у городовыя,
Не воротами ѣхалъ, приворотками,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
Чрезъ тыя башни наугольныя,

- Тупымъ концемъ воткнулъ копье во сыру землю,
90. Шелковый поводъ на злеченый гвоздь,
И самъ говоритъ таково слово:
« Здравствуйте, цареvy приворотники!
« Дома ли Владиміръ князь стольне-Кіевскій? »
— Ушелъ онъ къ ранней къ обѣднѣ. —
95. И пошелъ молодой Дюкъ Степановичъ
Ко той ко церкви ко соборныя,
Почастешеньку на шубоньку поглядываетъ
И на свои на сафьянные сапоженьки:
На молодцѣ шуба соболиная,
100. Того ли-то соболя заморскаго,
Заморскаго соболя ушистаго,
Ушистаго соболя пушистаго;
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Носы-поносы шиломъ, пяты вострыя,
105. Около носовъ хотъ ялицомъ покати,
Подъ пятау, пятау воробейшкы летять,
Воробейшкы летять, перепархивають.
Пришелъ онъ во церковь соборную,
Крестъ кладеть по писаному,
110. А поклонъ ведеть по ученому (2),
И становился въ мѣсто небольшое,
По лѣву руку князя Владиміра,
И отстоялъ раннюю обѣдню воскресную.
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
115. « Ты прими меня удалаго дородна добра молодца
« Въ свои палаты да бѣлокаменныя. »
И говоритъ Владиміръ таково слово:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— Ты коей земли, ты коей орды,
120. — Тебя какъ удалый именемъ зовуть? —
Возговорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ города съ Кориги изъ богатыхъ,
« Изъ той ли изъ Индеи широка, »
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. »

125. И возговорить молодой Шатенька, племянникъ княжескій:
— Ай же ты, любезный дядюшка,
— Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Не молодой тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Есть тутъ удалая скоморошина:
130. — Онъ угналъ у боярина добра коня,
— Укралъ онъ шубу соболиную,
— Унесъ онъ сапожки сафьянные.—
Пошли изъ церкви соборныя,
И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
135. « Какъ у меня во Волынцѣ городъ во Галицѣ:
« Во Волынѣ землѣ, во богатой орды,
« Во той ли Индеи широкія,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Какъ построены были церкви соборныя,
140. « Исповедены звоны колокольные,
« И къ церквамъ-то къ соборнымъ,
« Устланы сукна багрянтова,я,
« Испосыпаны песками рудожелтыми.
« А у вашего князя Владиміра ничего нѣтъ.»
145. И подходятъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ:
« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня въ Волынцѣ-то въ городъ во Галицѣ,
« У моей-то желанной у родителя у матушки
« Построены тридцать три терема златоверхіе;
150. « И въ сѣни зайдешъ во рѣшатчаты,
« Въ други зайдешъ частоберчатыя,
« А въ третьи зайдешъ въ стекольчатыя;
« Въ теремы зайдешъ златоверхіе,
« На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
155. « На небѣ зори, и въ теремѣ зори,
« Все-то въ терему по небесному.»
И поддернули подъ него золотъ стулъ,
И поддернули дубовый столъ,
И понесли ему напитки пить, да колачики ѣсть;
160. Онъ вынималъ съ кармана свой булатнй ножъ,

Верхнюю корочку обрѣзываетъ, на столъ кладетъ,
А нижню корочку подъ столъ мететъ,
А изъ стакана сверху льетъ, а середку пьетъ,
А остатки въ стаканѣ оставляетъ,

165. Самъ говорить таково слово:

« Ай же ты, молодой Шатенька!
« Какъ у меня во Волынцѣ во городѣ во Галицѣ,
« Во той ли Индеи во широкія,
« Печка-то была муравленая,

170. « Помельцо-то было шелковое;

« Спекутъ колачики крупивчатые,
« Колачикъ-то съѣшь, а по другомъ душа горить.
« Горить душа, а третьяго хочется;
« А напитки-то также: стаканчикъ пьешь,

175. « А по другомъ душа горить,

« Горить душа, а третьяго хочется.
« У вашего князя Владиміра
« Верхняя корка пахнетъ на кору сосновую,
« А нижняя пахнетъ на землю,

180. « И напитки ваши такіе же.»

На ту пору да на то время,
Отворилася дверь дубовая,
Тая ли гридня столовая,
Идетъ молодой Чурила Пленковичъ,

185. Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю Владиміру въ особину,
А Дюку Степановичу не поздравствовалъ.

190. И возговорилъ Дюкъ Степановичъ таково слово:

« Эта слава шла про Чурилушку Пленковича не ложная,
« Что шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
« Личико у Чурилушки будто маковъ цвѣтъ;
« А эта славушка про Чурила шла ложная,

195. « Что умѣетъ Чурилушка честь отдать и поздравство-
вать.»

- Тутъ завелся у солнышка Владиміра почестный пиръ
На многіе князи, на бояре,
И на всѣ поленицы удалые.
И всѣ на пиру пьяны и веселы,
200. И всѣ на пиру да поразхвастались:
Умный хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Сидитъ Дюкъ Степановичъ ничѣмъ да не хвастаетъ.
И возговоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
205. « Что же ты, молодой бояринъ ничѣмъ не похвастаешь?
— « Развѣ мнѣ похвастать, Владиміръ князь,
« Своимъ городомъ Коригой богатыимъ?
« Вашъ въ городѣ Кіевѣ гостинный рядъ продать,
« Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать.»
210. И наклали бумаги три вѣса,
И посылаютъ Алешу Поповича
Описать имѣніе Дюка Степановича.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
« Не посылайте вы Олешу Поповича:
215. « Поповски глаза завидливы, на мой животъ обзарятся;
« Вы пошлите Добрыню Никитича.»
И будетъ Добрынюшка во городѣ Коригѣ богатыя,
Во той ли во Индеи широкія,
Стоитъ тридцать три терема,
220. Вершки свиваютъ въ одно мѣсто.
И приходитъ въ терема златоверхіе,
Увидалъ тамъ женщину въ златѣ и серебрѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
225. « Я не Дюкова матушка,
« Я есть Дюкова коровница.»
Приходитъ онъ въ другой теремъ,
Увидалъ женщину въ златѣ и серебрѣ:
— Здравствуй, Дюкова матушка!—
230. Она ему говоритъ таково слово:
« Я не Дюкова матушка,

« Я на Дюка хлѣбы пеку. »

И увидалъ третью женщину и поадрасествовать.

Она ему говорить таково слово:

235. — Я не Дюкова матушка,

— Я есть Дюкова наложница. —

И сталъ Добрынюшка спрашивать.

• Гдѣ Дюкова матушка? »

— А Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла,

240. — А постой у церкви у соборныя:

— Пойдетъ двадцать человѣкъ лопатниковъ,

— Пойдетъ двадцать человѣкъ метельниковъ,

— Пойдетъ двадцать человѣкъ, стануть сукна стлать,

— И поведутъ изъ церкви Дюкова матушку. —

245. Пошли изъ церкви двадцать человѣкъ лопатниковъ,

Пошли двадцать человѣкъ метельниковъ,

Пошли двадцать человѣкъ, стали сукна стлать,

И повели изъ церкви изъ соборныя Дюкову матушку!

И подошелъ Добрынюшка Никитичъ поближехонько:

250. « Здравствуешь, Дюкова матушка! »

И говорить Дюкова матушка:

— Здравствуешь, удалый добрый молодецъ!

— И гдѣ моего Дюка Степановича видѣть? —

« Твой Дюкъ Степановичъ во городѣ во Кіевѣ,

255. « Похвасталъ животомъ на честномъ пиру: »

« Послали меня вашего живота описывать. »

И брала его за ручки за бѣлыя,

Вела въ терема златоверхіе.

И поддернули подъ него золотъ стулъ,

260. И поддернули дубовый столъ,

И принесли ему колачки есть:

Онъ колачикъ съѣлъ, а по другомуа душа горитъ.

А третьяго хочется;

И принесли напитки пить:

265. Онъ стаканчикъ пьетъ, по другомуа душа горитъ,

А третьяго хочется.

И повела его живота казать,

- Стала погреба отворять:
И въ погребахъ висятъ бочки на цѣпяхъ
270. Красна золота да чиста серебра,
Какъ бѣлы лебеди гычуть.
Не то Добрынюшкѣ описать,
Ума рѣшился, глядя на Дюковъ животъ.
И въ этихъ тридцати трехъ теремахъ,
275. У каждого окна сидятъ счетчики, казну сводятъ,
Другъ про дружку не знаютъ,
Кто сколько казны светъ.
И поѣхалъ Добрынюшка назадъ во Кіевъ градъ.

(Отъ крестьянина Трофима Романова.)

(1) Съ пересказа Л. Богданова.

Послѣ 5-го стиха:

- Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Скобочки были серебряныя,
Ободочки были позолочены;
Шилъ-то шубоньку соболиную
5. Со тымъ со дорогимъ асамитомъ;
Шилъ-то онъ шапочку пушистую,
Пушистую шапочку, завѣсистую:
Спереду не видать лица румянаго,
А сзади не видать шеи бѣлыя.
10. Одѣвалъ онъ шубоньку соболиную
И пошелъ онъ къ заутрени Христосьскія,
Отстоялъ-то заутрину Христосьскую
И пошелъ-то онъ ко домишечку-посельцу,
Ко тому посельцу вдовиному;
15. Приходилъ къ конюшеньку стоялую,
Ко тому ко сивушку косматочку:
У того у сивушка косматочка
Шерсточка серебромъ завивалася,
Грива у него колесомъ стоитъ,

20. Съ ноздрей искры сыпются,
Съ ушей кудреватый дымъ стоимъ стоять.

(2) Послѣ 110 ст. (Л. Б.):

Князю Владиміру въ особину,
А князьямъ-боярамъ челомъ не бѣть,
Челомъ не бѣть, не кланяется;
Становился онъ во мѣсто большее,
Во большее мѣсто богатырское.

(3) Въмѣсто 129 ст. (Л. Б.):

Мужикъ онъ есть Залискій,

(4) Послѣ 159 ст. (Л. Б.):

Садился онъ во мѣсто большее
Во большее мѣсто богатырское.

(5) (Л. Б.):

Ударивши съ Чурилой о закладъ, чтобы носить три года пла-
тыца смѣнные и ѣздить на жеребчикахъ смѣнныхъ, Дюкъ
требуется изъ дому жеребчиковъ неѣзжанныхъ и нелегченныхъ,
на три года снова-на-ново смѣнныхъ. . . .

На послѣдній денечекъ на Дюкъ одѣта одежда самолучшая:

Какъ поведетъ по пуговкамъ,
Такъ заграютъ черные вороны,
И закукуютъ малыя пташечки,
Сѣрыя уточки невеличушки,
И тутъ нечѣмъ Чурилы хвастати.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

31.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости.)

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскому,
Щелья-каменя по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинскія.
5. Изъ за той ли горы высокія,

- За того ли острова Кодольскаго
Выходить-выбывает душенька, удалый добрый молодецъ,
Младъ Соловей Будиміровичъ,
На тыхъ ли на черныхъ (*) на корабляхъ;
10. Выходить-выбываетъ тридцать кораблей:
На тыхъ-то на корабляхъ тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ безъ едина молодца,
Самъ-то Соловей во тридцатыхъ,
Тридцать одна его матушка родна.
15. Хорошо корабли изукрашены:
Носъ-корма по туриному,
Широки бока по лосиному,
Парусы крупчатой камки,
Якори на корабль булатніе,
20. У якорей колечики серебряные,
У воениковъ водола (**) съ семи шелковъ.
Мѣсто руля было повѣшено
По дорогу по соболу заморскому,
Мѣсто бровь было наведено
25. По заморской лисицы по дорогой,
Мѣсто глазъ было вставлено
По заморскому камени по яфонту.
Воспроговорить младъ Соловей Будиміровичъ:
« Вся моя дружина хоробрая!
30. « Дѣлайте дѣло повѣленное
« И слушайте большого атамана:
« Ставайте во мачты высокія,
« Имайте трубочки подозорныя,
« И глядите во славно во сине море
35. « Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру
« И наглядите пристань корабельную.»

(*) Въѣсто черныхъ.

(**) Толстые канаты.

- И ставала тутъ дружина хоробрая
Во тыя во мачты высокія,
40. И глядѣла во трубочки подозорныя
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
И наглядѣли пристань корабельную.
Скоро будучи они подъ Кіевомъ,
45. И забѣгали во пристань корабельную.
Сходенку выкидывалъ поволянскую,
Другую выкидывалъ серебряную,
Третью выкидывалъ позолоченую;
Самъ-то идетъ по сходенкѣ позолоченой,
50. Матушка его по серебряной,
А вся его дружина изъ поволяной.
Матушка его несетъ подарочки,—
Тую ли камочку заморскую,
Заморскую камочку узорчатую:
55. Въ золотѣ камочка не согнется,
И гнется камочка, не сломится.
Приходить младъ Соловей Гудиморовичъ
Ко тому ли ко Владиміру на широкъ дворъ,
И приходитъ во палату во убраную,
60. Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на четыре на стороны,
Солнышку Владимиру въ особину.
« Здравствуй, князь стольно-Кіевскій! »
65. Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгини ко Опраксины,
Подаетъ тую камочку узорчатую.
Принимала молодая княгиня Опраксія,
Развернула камочку,—дивуется,
70. Головушка на плечахъ качается.
Сталъ тутъ Владиміръ выпрашивати:
— Скажись, молодецъ, со коей земли,
— И какъ молодца именемъ зовутъ,

- И какъ тебя по отечеству?—
75. « Изъ славнаго моря за Дунайскаго,
« Изъ-за того острова Кодольскаго,
« Душечка удалый добрый молодецъ,
« Младъ Соловей Гудиморовичъ. »
- И зачѣмъ ты сюда побываль,
80. — Торгомъ ли торговать,
— Али гостемъ погостить,
— Али на съѣздъ ко мнѣ?—
- Зговорить младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
85. « Дай-ко ты мнѣ мѣстечко
« (Подлѣ бока и подлѣ себя):
« Есть у тебя любимая племянница,
« Молода Забавушка Путятична,
« У ней есть три сада,
90. « Дубье-вязье зарощеное.
« Позволь-ко мнѣ исповырубити
« И изъ саду вонъ повыметати,
« Построить мнѣ тамъ ровно три терема. »
- Зговорить князь стольно-Кіевскій:
95. — За твои за дороги подарочки,
— За твою рѣчь за умильную,
— Что знаешь, и то теперь дѣлай-ко.—
- И пошелъ младъ Соловей Гудиморовичъ
Со своей со родителю со матушкой
100. И на тые на черные на корабли
Ко своей дружины ко хоробрыя:
« Вся дружина хоробрая!
« Скидывайте вы платья хорошія,
« А надѣвайте вы платья рабочія,
105. « Имайте вы топорики булатніи,
« И подѣлайте кирочки и лопаточки;
« И дѣлайте дѣлю повельное,
« А слушайте большаго атамана:
« Изъ тѣхъ изъ зеленыхъ садовъ

110. « Дубье-вязье повырубите,
« Изъ саду вонъ повымечите;
« Состройте тамъ ровно три терема,
« И со троима со сѣнямы нарядныма,
« Со чистыма окошками убраныма.»
115. Пошла его дружина вся хоробрая,
И дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали большого атамана:
Дубье-вязье все повырубили,
Изъ саду вонъ повыметали,
120. Состроили тамъ ровно три терема
Со троима со сѣнямы съ нарядныма,
Со чистыма со окошками убраныма.
По утру на день они жить пошли.
-

- По утру ставала Забавушка Путятична,
125. По утру ставала ранешенько,
Умывалась водою бѣлешенько,
Утиралась полотенцомъ сушешенько,
И Господу Богу помолилась,
Глядѣла во косявчато въ окошечко,
130. Сама счудовалася,
И сама сдивовалася:
— Чудо теперь мое счудилося,
— Вино-пиво теперь воспроизрилося (*):
— Зеленые сады пріючищенные,
135. — Построено тамъ ровно три терема,
— И со троима со сѣнямы со убраныма.—
Башмачки обувала на босу ногу,
Шубу надѣвала на одно плечо,
И приходитъ во тые зелены сады.
140. И приходитъ ко первому ко терему:
-

(*) Выпитое пиво-вино теперь ударило въ голову.

- Во первомъ терему шепоткомъ говорятъ:
Молится Соловьева матушка
И умоливаетъ за сына за любимого,
За младаго Соловейка Гудиморова;
145. Приходить ко другому ко терему,
Въ другомъ терему стучить и гремчить:
Считаетъ Соловей золоту казну;
Приходитъ она ко третьему ко терему:
Играють въ гуселка яровчатия.
150. Заходитъ она въ бѣлой шатеръ,
Крестъ кладывала по писаному,
И поклоны вела по ученому
И всей его дружины въ особину;
И садилась на брусовую на лавочку
155. И сидѣла день съ утра до вечера,
И со вечера до полуночи,
А съ полуночи до бѣла свѣту.
А по утру приходитъ младъ Соловей Гудиморовичъ:
« Здравствуйте вы, дружина хоробрая!
160. « Чья у васъ дѣвица непосватанная?»
Ставала Забавушка на рѣзвы ноги.
Поклонилась Забавушка низешенько,
Говорила Забавушка поскорешенько:
— Здравствуй, забѣждій доброй молодець!
165. — Ты молодець непожененъ есть,
— А я дѣвица теперь на выдаваньи.—
Говорить младъ Соловей Гудиморовичъ:
« А за все тебя, дѣвица, я люблю,
« А за одно, дѣвица, никакъ не люблю:
170. « А сама себя, дѣвица, просватала.»
Взялъ онъ за ручки за бѣлыя,
Убиралися въ платья хорошія,
Пошли они во церковь во Божію,
Принимали они по злату вѣнцу,
175. Святой крестъ цѣловали тутъ,
Въ тѣ терема возвращалися.

Стали жить и быть они,
Между собой времячко коротати.

[Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской, Потапа Трофимова Потахница.]

тоже (*).

33.

(Каргопольскій уѣздъ.)

- Рѣки да озера къ Новугороду,
А мхи да болота къ Бѣлу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темные лѣси Смоленскіе,
5. Высоки горы Сорочинскія,
Широки ворота Чигарицкіе,
Широка мать Волга подѣ Казань прошла,
Подаѣ того и подѣ Астрахань.
Да изъ-подѣ дуба, дуба сыраго,
10. Изъ-подѣ вязу, сподѣ чернаго,
Изъ-подѣ бѣлаго горячаго сподѣ камешка,
Выбѣгала мать Нѣпра рѣка,
Да устьемъ впадала въ море Черное.
За этихъ острововъ Кодольскіихъ
15. Не тученьки затучивали,
Не сини облаки задерживали,
Бѣжали-выбѣгали тридцать караблей,
(Тридцать кораблей со единымъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжить,
20. Передомъ бѣжить, какъ соколъ летитъ);
Высокешенько головушка завздынута,

(*) Пропуски этой былины пополнены стихами изъ № № 53 и 54 I тома и 31 II.

- Носъ—корма по звѣриному,
Боки—ты сведены по туриному;
Мѣсто оцей было втерано
25. По дорогу по каменью по яхонту;
Мѣсто бровей подергивано
По черному соболу Сибирскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По сѣрому по волку по турецькому.
30. (На томъ ли черленомъ на корабль,
Среди корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
Зеленъ чердакъ муравлений.
Во томъ ли зеленомъ во чердакъ
Сидѣлъ младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
35. Со своей государыней со матушкою,
Съ молодой Ульяной Васильевной).
Играетъ Соловей въ гусли яровчатые,
Спотышаетъ дружину хоробрую.
(Скоро выходитъ на черленъ корабль,
40. Сталъ по кораблю похаживать,
Желтыми кудерками потряхивать,
Самъ говорить таковы слова):
« Ой же вы, дружинишка хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное:
45. « (Скоро подымайте паруса крупчатые,
§ Побѣгайте ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Тутъ его дружинишка хоробрая
Дѣлали дѣло повелѣное:
50. Скоро подымали паруса крупчатые,
Побѣгали ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру).
Будутъ гости у Кіева,
У тыя пристани корабельныя,
55. Тычки къ берегу притычивали,
(Кидали якори булатніе,
Приставали во пристань корабельную.

Пошли они по славному по городу по Кіеву),
Идутъ къ ласковому князю Владиміру

60. На столованіе—почетный столъ,
На пированіе—почетный пиръ.
Младъ Соловей сынъ Гудиморовичъ
Будеть у честна пиру,
Князей тихихъ дарилъ краснымъ золотомъ,
65. Княгинь тихихъ дарилъ скатнымъ жемчугомъ,
Малую чету (*) чистымъ серебромъ,
Княгини дарилъ камочки двоеличневой.
— Спасибо ти, удалой, на подарочкахъ!
— Чѣмъ тебѣ, добра молодца жаловать
70. — За твои за дороги подарочки:
— Городомъ ли тея ударить съ пригородками,
— Али селами ударить съ приселками?—
« Солнышко, князь стольно-Кіевскій!»
« Дай-ко мнѣ мѣсто малешенько. »

На данноемъ мѣстѣ, въ орѣшникѣ, противъ терема, Соловей
въ одну ночь съ своего дружиною ставить три чудные дома:

75. Въ каждомъ домѣ ходятъ солнце и мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Рано утромъ княгиня видитъ построенные въ саду терема и
спрашиваетъ съ неудовѣніемъ:

- Что въ саду не по старому,
80. — Что въ саду не по прежнему?
— Что это чудо случилось,
— Что это диво сдѣялося?
— Какая это наѣхала богатая богатыня?

(*) Чадъ—князевыхъ ближнихъ людей.

Она идетъ въ садъ и подслушиваетъ у теремовъ: въ одномъ тишкомъ (*) говорятъ,—тамъ мать Соловья; въ другомъ стучить—болчить,—тамъ казна его; въ третьемъ

Тонецъ поетъ и гудокъ гудить.

85. Скоро отпирала дубовую дверь,
Она Господу Богу не молилася,
На эты игры заглядѣлася,
Сидѣла день до вечера,
Темную ночь до бѣла свѣта.

Словами Соловья, упрекающаго княгиню за то, что она, не-прошенная и не перекрестившись, вошла въ теремъ къ его дружинѣ, окончивается былина.

[Изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1857 г. № № 31 и 32.]

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

34.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

- Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было столованьице, почестный пиръ,
На многихъ князей, на бояръ
5. И на русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Ктоль хвастаетъ отцемъ—матерью,
10. Ктоль хвастаетъ молодой женой,
Ктоль хвастаетъ золотой казной:

(*) Шипкомъ, шепотомъ.

Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Богатый хвастаетъ золотой казной.

15. Душка Иванъ Гостиный сынъ

Не ѣсть, не пьеть, не кушаетъ,
И бѣлой лебеди не рушаетъ,
И ни чѣмъ онъ, молодець, не хвастаетъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:

20. « Душка Иванъ Гостиный сынъ!

« Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
« Бѣлыя лебеди не рушаешь,
« И ни чѣмъ ты, молодець, не хвастаешь?
« Хлѣбъ ли-соль тебѣ не по душѣ,

25. « Чарою ль тебя пообошли,

« Али пьяница надъ тобою надсмѣялся?»

Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ

Говоритъ ему не съ упадкою:

— Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,

30. — Чарою меня не обошли,

— И пьяница надо мной не надсмѣялся.

— А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,

— А столько я похвастаю:

— Естли у васъ единъ молодець

35. — Ъхать-то на добрыхъ коняхъ

— Ко тому ко городу Чернигову,

— А перебѣгу ровно триста верстъ

— И тридцать три версты мѣрныхъ:

— И съѣздитъ намъ промежъ обѣдней и заутреней,

40. — Съѣздитъ намъ и къ обѣдни поспѣтъ?—

Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

« Во хмѣлю дѣтина порасхвастался:

« Не на комъ тебѣ будетъ повыѣхать,

« По широкому раздолью разгуливать.»

45. Душка Иванъ Гостиный сынъ

Говоритъ ему таково слово:

— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!

- Станемъ мы бить въ великъ закладъ:
— Ты заложу казны своей сорокъ тысячей,
50. — А я заложу свою буйну голову.—
Тутъ скоро написали письма крѣпкія
И приложили ручки бѣлыя.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
55. Скоро приходитъ на широкъ дворъ,
Беретъ своего добра коня
За поводы шелковые,
За подбродья (*) серебряныя,
Паль онъ коню въ ножку правую,
60. Въ правую ножку лошадиную;
— Ай же ты, мой добрый конь!
— Былъ я сегодня на честномъ пиру,
— Билъ я сегодня въ великъ закладъ:
— Князь заложилъ казны сорокъ тысячей,
65. — А я заложилъ буйну голову.
— Можешь-ли ты мою буйну голову повыкупить,
— Князя Владиміра къ стыду привести,
— А большого брата посоромить (**)?—
Провѣщаль тутъ ему добрый конь
70. Голосомъ человѣческимъ:
« Я твою буйну голову повыкуплю,
« Князя Владиміра къ стыду приведу,
« А большого брата посоромлю.»
Кормить онъ коня пшеной бѣлоярвой
75. И поить медомъ сладкімъ,
Сталъ онъ коня по двору поваживать,
Сталъ конь его за шубку похватывать,
По черному соболю выдергивать.
Тутъ всѣ собрались князи-бояра;

(*) Отъ броды, бразды, означающія удила конскіе, желѣзный кольчатый прутъ, которыми посредствомъ узды взнуздываютъ лошадей.

(**) Подразумѣвается брать коня.

80. Всѣ стоятъ, всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
— Глупый Иванъ Гостинный сынъ!
— Спортить твою шубу добрый конь:
— Этой бы ты шубой подарилъ князя Владиміра,
85. — Онъ простилъ бы тебя во великой вины.—
Душка Иванъ Гостинный сынъ
Говорить имъ не съ упадкою:
« Глупые вы, князи и бояра!
« Живъ молодець,—шубу наживу,
90. « А помреть молодець,—шубу держивалъ.
« Эта шуба была въ пятьсотъ рублевъ,
« А сошьеть молодець въ цѣлу тысящу.»
Тутъ ночь пришла, и всѣ спать легли,
А душка Иванъ Гостинный сынъ
95. По утру встаетъ ранешенько;
Умывается онъ бѣлешенько,
Въ шелкову ширинку утирается
И Господу Богу онъ молится.
Приходитъ онъ на широкій дворъ,
100. Беретъ своего добра коня
За поводъ за шелковыя,
За подбродья серебряныя,
Положилъ онъ сѣдельшко точено,
Стремена у него были золочены,
105. А кисточки висятъ шелковыя.
Садился онъ тихохонько,
И поѣзжалъ онъ точно какъ на ярмонку;
И скочилъ его конь на три поскака,—
Пріѣхалъ къ князю Владиміру:
110. « Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Не время ли намъ будетъ поѣхати
« Къ этому городу Чернигову?»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Говорить онъ тутъ своимъ конюхамъ:
115. — Ай же вы, мои конюхи!

- Бѣжите вы на широкій дворъ,
— Выбирайте-тко вы изъ трехъ сотъ жеребцовъ
— И изъ тридцати жеребцовъ
— И изъ трехъ жеребцовъ,
120. — Сивогривыхъ и кологривыхъ,
— Маленького полонена воронка:
— На него надежа великая.—
Тутъ прибѣжали его конюхи
И творятъ жалобу великую;
125. Что душки Ивана Гостиного
Скрычалъ конь по звѣриному
И засвисталъ по змѣиному,
Что триста жеребцовъ всѣ мертвы лежатъ,
А тридцать жеребцовъ ископытились,
130. А сивогривый, кологривый
И маленькій полоненъ воронке
Голову залячилъ и хвостъ заломилъ,
Черезъ Пущай рѣку скочилъ и въ чисто поле ушелъ.
Тутъ не на комъ князю повыѣхатъ.
135. Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говорить ему не съ упадкою:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
« Не держи меня добра молодца,
« Отсчитай мнѣ великъ закладъ,
140. « Великъ закладъ сорокъ тысячей.»
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Отсчиталъ ему казны сорокъ тысячей.
Говорить Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Душка Иванъ Гостиный сынъ!
145. — Подари-тко мнѣ добра коня:
— Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхатъ.—
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говорить ему не съ упадкою:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
150. « Мой конь купленъ въ Большой Орды,
« Въ Большой Орды изъ-подъ матери.

- « За коня было плочено пятьсотъ рублей,
« А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
« Развѣ Владиміра конемъ подарить?»
155. Какъ подарилъ Владиміра добрымъ конемъ,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ своимъ конюхамъ:
— Подите-тко, мои конюхи,
— Возьмите вы коня добраго
160. — Душки Ивана Гостинаго,
— Сведите въ конюшню бѣлодубову,
— Кормите пшеной бѣлояровой
— И пойте медомъ сладкімъ.—
Скоро прибѣгаютъ его конюхи,
165. Творятъ жалобу великую:
« Конь душки Ивана Гостинаго
« Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
« Скрычалъ онъ по звѣриному,
« И засвисталъ онъ по змѣиному,
170. « И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ.»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
— Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобенъ, поѣзжай домой!—

(Записано отъ кр. Андрея Иванова въ Петрозаводскѣ, 12 Октября 1863 г.)

III. ВРЕМЯ ТАТАРСКОЕ.

**КАЛИНЪ ЦАРЬ И ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ. БАТЫГА ЦАРЬ И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕ-
ВИЧЪ. ЦАРЬ БАХМЕТЪ И АВДОТЪЯ ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА.**

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

35.

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.)

- Во славномъ во городъ во Кіевъ,
При ласковомъ князѣ Владиміру,
Паѣзжалъ собака-воръ Калинъ царь
Съ сорока царямы-царевичмы,
5. Съ сорока королямы-королевичмы.
У всѣхъ силы было набрано,
У всѣхъ было силы заправлено:
У всѣхъ было силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина смѣты нѣтъ.
10. И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силы по поганья:
« Ай же вы, слуги мои вѣрные!
« Кто знаетъ баять по русскому,
« Толмачить по татарскому;
15. « Кто бы сходилъ во Кіевъ градъ,
« Снесъ письмо ко князю Владиміру,
« Чтобы отдалъ стольній Кіевъ градъ
« Безъ бою, безъ драки великія,
« Безъ большаго кроволитія?»
20. И сыскался татаринъ поганый:
Знаетъ баять по русскому
И толмачить по татарскому,
И беретъ письмо у собаки царя Калина.
И сядилъ татаринъ на добра коня,
25. И поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ ко князю Владиміру;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
И становилъ коня среди двора,

14.

- Пдетъ въ палаты бѣлокаменны;
30. И не крестится татаринъ, не кланяется,
Не бьетъ челомъ на чегыре стороны,
И князю Владиміру не поклоняется,
А бросилъ письмо на дубовый столъ:
— Разсматривай, Владиміръ князь, писемочко
35. — Отъ нашего собаки царя Калина.—
И разсматривалъ Владиміръ князь писемочко,
И въ письмѣ писано:
« Отдалъ бы Владиміръ князь Кіевъ градъ,
« Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки великія,
40. « Безъ большаго кроволитія. »
И назадъ Владиміръ князь отписывалъ:
— Ай же, собака-воръ Калинъ царь!
— Дай намъ сроку на три году,
— И на три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
45. — Пакурить-то бы намъ зелена вина
— И наварить бы намъ пива пьянаго,
— И было бы стрѣтить чѣмъ царя Калина.—
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
И слезно Владиміръ князь расплакался:
50. « Раздразнилъ какъ я сильныхъ могучихъ богатырей,
« Всѣ богатыри разѣхались.
« Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
« И тотъ бы постарался
« Ради дому пресвятыя Богородицы,
55. « И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныхъ.
« И посадилъ я Илью въ погреба во глубокіе,
« И заморилъ я смертію голодною. »
И у князя у Владиміра
60. Выходила дочь княженецкая,
Красная дѣвица во семнадцать лѣтъ,
И сама говоритъ таково слово:
— Можетъ, живъ старый казакъ Илья Муромецъ,
— Бываетъ, сѣздитъ во Кіевъ градъ да постарается.—

65. Говорить Владиміръ князь стольне-Кіевскій
« Ай же ты, дочь моя одинакая!
« Гдѣ живому быть Ильѣ Муромцу:
« Сидитъ въ погребахъ онъ три году.»
И знали дѣвицы про Илью Муромца,
70. И въ каждый день носили ѣствы сахарныя.
— И однако сходимъ-ко, батюшка,
— Во погреба во глубокіе.—
И беретъ Владиміръ князь ключи отъ погреба (*),
И отложаетъ двери погребны,
75. И заходитъ Владиміръ князь во погреба глубокіе,
И сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ
И читаетъ книгу онъ евангелю.
Упалъ Владиміръ князь Ильѣ по праву ногу:
80. « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,
« И ради матушки свято-Русь земли,
« И ради церквей соборныхъ.»
И будто Илья Муромецъ не вѣдаетъ:
85. — А что, Владиміръ князь надъ Русью сдѣлалось?—
Говоритъ Владиміръ князь стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Да наѣхалъ къ намъ собака-воръ Калинъ царь
« Съ сорока царями-царевичы,
90. « Съ сорока королями-королевичы,
« У всѣхъ набрано силы по сороку тысячей,
« А у самого царя Калина и смѣты нѣтъ.
« И мнѣ было письмо отъ собаки царя Калина,
« « Чтобы отдалъ Владиміръ князь Кіевъ градъ
95. « « Безъ бою, безъ драки великія,
« « Безъ большаго кроволитія.»
« И на то письмо собакъ царю Калину отписывалъ:

(*) Ср. Кипр. I, V, 2, IV, Илья Муромецъ, 6.

- « — Далъ бы намъ сроку на три году,
« — На три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
100. « — Накурить бы намъ зелена вина,
« — Наварить бы намъ пива пьянаго,
« — Чтобъ оподчивать татаровой.—»
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Я поѣду царя Калина упрашивать.—
105. И сѣдился Илья на добра коня,
И скакалъ черезъ стѣнку городовую,
Черезъ тую башню наугольную
И прѣзжаетъ ко собацѣ царю Калину: •
— Здравствуй, собака воръ Калинъ царь.—
110. И говоритъ воръ Калинъ царь:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!»
И говоритъ воръ Калинъ царь:
« Что считали, нѣтъ жива Ильи Муромца,
« Ажно живъ Илья Муромецъ!»
115. Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дай сроку намъ на три году,
— На три мѣсяца, и на три дни, и на три часа:
— Накурить намъ зелена вина
— И наварить намъ пива пьянаго,
120. — Чтобъ татаровой оподчивать.—
« Вѣрю тебѣ, Илья Муромецъ, по старости.
« Встрѣьте меня царя Калина,
« А татаровой оподчивайте.»
И поѣзжаетъ Илья Муромецъ отъ царя Калина
125. И не могъ силы и счету дать.
Онъ на гору на высоку поднимается,
И смотреть на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со первой горы опускается,
130. На вторую поднимается,
И смотреть на всѣ четыре стороны,
И ничего узрѣть не могъ;
Со второй горы опускается,

- На третью гору поднимается,
135. И смотреть на все четыре стороны,
И узы в восточной стороны шатеръ белошолтня-
ный,
И поѣзжаетъ на востокъ Илья Муромецъ. . . .
И скоро скажется, а по узку дѣло дѣется. . . .
Пріѣзжалъ онъ ко бѣлу шатру:
140. И тамъ стоитъ шатеръ белошолтняный,
И стоятъ тридцать коней богатырскихъ,
И зоблютъ пшениу белошолтняную,
И кони знакомые, Кіевскіе,
Отца крестнаго Самсона Самойлова.
145. И поставилъ онъ своего коня ко бѣлу шатру,
И заходитъ Илья во бѣлой шатеръ.
И сидятъ тринадцать богатырей
За дубовымъ столомъ, хлѣба кушаютъ:
Отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ
150. И двѣнадцать богатырей.
И выставили все на рѣзвы ноги изъ за дубова стола:
« Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
« Мой крестникъ любезный!
« Садись хлѣба-соли кушати
155. « И бѣлой лебеди рушати. »
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ты, батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ
— И все двѣнадцать богатырей, крестовые, названные!
— Поѣдѣте вы мнѣ на помощь,
160. — Пособите прогнать царя Калина прочь отъ Кіева,
— Что наѣхалъ воръ-собака Калинъ царь
— Съ сорока царями-царевичами,
— Съ сорока королями-королевичами:
— У всехъ силы по сороку тысячъ,
165. — У самого царя Калина и смѣты нѣтъ. —
И говоритъ отецъ крестный Самсонъ Самойловичъ:
« Ай же ты, любимый крестничекъ,
• Старый казакъ Илья Муромецъ!

- « Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
170. « Не бывать бы мнѣ во городѣ во Кіевѣ,
« И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра
« И на княгиню Апраксию не сматривать,
« И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ.
« Онъ слушаетъ князей-бояръ,
175. « А не почитаетъ богатырей. •
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Батюшко крестный Самсонъ Самойловичъ!
— Не ради князя Владиміра
— И княгини Апраксы королевичны,
180. — Ради дому пресвятыя Богородицы
— И чудотворцевъ Кіевскихъ
— И ради матушки свято-Русь земли
— Положи ты половину грѣха на меня,
— Поѣдемъ ко мнѣ на помочь.—
185. И говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
« Нѣтъ, крестничекъ мой любимый,
« Великій мой грѣхъ:
« Не поѣду стоять за Кіевъ градъ. »
— Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!
190. — Положи же весь грѣхъ на меня
— И поѣдемъ ко мнѣ на помочь:
— Пособи же, мнѣ прогнать царя Калина.—
И упросилъ Илья Муромецъ
Самсона Самойловича и двѣнадцать богатырей.
195. И сѣдѣлиса четырнадцать богатырей
На своихъ добрыхъ коней богатырскихъ,
И мать сыра земля всколыбалася,
И прѣзжаютъ близъ города Кіева,
Близъ собаки царя Калина,
200. Раскинули они шатеръ бѣлополотняный;
И хлѣба-соли они покушали,
Легли они спать да опочевъ держать.
Ильъ Муромцу не спится, мало собится (*)

(*) Не по себѣ.

- И садился Илья на добра коня,
205. И поѣхалъ противъ царя Калина.
Не ясенъ соколъ на гусей-лебедей напускается,
Илья Муромецъ на рать силу великую.
И зачалъ Илья по силы поѣзживать,
Зачалъ Илья по силы помахивать:
210. Куда рукой махнетъ, улица лежитъ,
Отмахнетъ, переулками.
Его добрый конь провѣщился языкомъ человѣческимъ:
« Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Есть у собаки царя Калина
215. « Выкопано три подкопа глубокіе:
« Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
« Тебя Илью повынесу;
« И въ другой скочу, повыскочу,
« Тебя Илью повынесу;
220. « И въ третій скочу, повыскочу,
« Наврядъ тебя, Илья, повынести.»
И бьетъ коня онъ по тучной бедры:
— Ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Развѣ подкоповъ не видывалъ,
225. — Не ужолъ съ этихъ ямочекъ не выскочишь?—
Онъ въ подкопъ скочилъ, повыскочилъ;
Въ другой скочилъ, повыскочилъ;
Въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
Не могъ Илью повынести.
230. Упалъ Илья въ подкопы глубокіе,
Обостали татарове поганые,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Связали ему ручки бѣлыя
И привели къ собакѣ царю Калину.
235. И говорятъ воръ-собака Калинъ царь:
« А чтоже ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Я повѣрилъ тебѣ, по старости,
« Почто ты теперече извѣрился?
« Послужи ты мнѣ собакѣ царю Калину:

240. « Я дамъ тебѣ мѣсто подлѣ себя,
« Или хотѣ супротивѣ себя,
« Третье, гдѣ ты похочешь, тутъ живи;
« Положу на тебя пененіе во векиныя. »
Говорить Илья такое слово:
245. — Какъ была бы у меня одна ручка правая,
— Отрубилъ бы тебѣ голову. —
Говорить-то собака воръ Калинъ царь:
« Поведите, татарове, Илью во чисто поле,
« Отрубите Ильѣ буйну голову, »
250. И повели Илью во чисто поле,
Ведутъ мимо церковь соборную,
Возмолился Илья Господу Богу отъ желанія:
— Не выдай, Господи, татароу поганымъ:
— Я буду стоять за вѣру христіанскую. —
255. И услышалъ Господь его моленіе,
Посылаетъ Господь двухъ ангеловъ:
Оборвали съ рукъ поводья шелковые,
Оборвали съ ногъ оковы желѣзныя.
Сталъ Илья на своей волѣ,
260. Ухватилъ поганого татарина за рѣзны ноги,
Началъ татаринѣмъ помахивать.
И бѣжитъ къ нему добрый конь
Со всей со сбруей богатырскою;
Онъ садился на добра коня
265. И выѣхалъ на мѣсто на высокое.
И беретъ-то онъ себѣ тугой лукъ,
Натягивалъ тетивочку шелковую,
Накладывалъ стрѣлочку каменную;
И самъ онъ стрѣлы приговаривалъ:
270. — Лети ты, стрѣла, выше лѣсовъ темныхъ,
— Не пади, стрѣла, ни на воду ни на землю,
— Прямо лети въ бѣлы шатеръ,
— Гдѣ спятъ свято-русскіе богатыри,
— Пробей-ко ты крышу во бѣлы шатрѣ.
275. — И прямо пади въ Самсона богатыря,

— Моего крестнаго батюшка, во бѣлую грудь,
— Проломи ты у него латы колчужныя,
— И пройди-тко ты въ ретиво сердце,
— Что онъ спитъ—прокладается.—

280. Летѣла та камена стрѣла

Выше лѣсовъ высокіихъ,
И не пала она ни на воду, ни на землю,
А пала она прямо въ бѣгъ шатеръ,
И пробила крышу шатровую,

285. И упала прямо въ грудь Самсона богатыря,

И пробила ему латы корчажныя (*),
И ударила ему въ золотъ крестъ.
Тутъ со крѣпка сна Самсонъ пробуждается,
И говоритъ онъ таково слово:

290. « Ставьте-тко, братцы крестовые!

« Вѣрно моему-то крестничку не собитя. »
Тутъ всѣ тринадцать богатырей
Садилась на добрыхъ коней и поѣхали,—
Мать сыра земля восколыбалася.

295. Пріѣзжали они къ силы несмѣтной

Собаки-вора царя Калина,
Тутъ силушку повырубили.
Поѣхалъ собака-воръ Калинъ царь отъ города отъ Кіева,
И говоритъ таково слово:

300. — Закажу я дѣтямъ и внучатамъ

— Ъздить ко городу ко Кіеву.—
Тутъ Владиміръ князь съ княгиной Апраксою
Стлали сукна драгоцѣнныя
До той до силы до поганой,

305. И полагали они на мису чиста серебра,

На другую мису красна золота,
А на третью мису скатна жемчуга,
И брали они лисицъ—куницъ,
Лисицъ—куницъ, черныхъ соболей,

(*) Колчужныя.

310. Дарилъ онъ ихъ и жаловалъ.
И въ то время у богатырей сердца кончились,
Стали ѣсть, пить и веселиться.

[Записано оо словъ захожаго Каргопольскаго каѣйки слѣлаго.]

тоже.

36.

(Пудожскаго уѣзда Колодозерская волость.)

- Наѣзжалъ собака-воръ Каинъ царь,
Наѣхалъ подь славный подь Кіевъ градъ,
Со своей силой со поганою.
И прибрано у вора у царя Каина
5. Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
И на каждого на царя и на царевича,
И на каждого на молодого на королевича
По сту по сороку тысячь нагнато подь Кіевъ градъ,
10. На тые ли луга на зеленые
И на тыя на травы на шелковыя.
Изъ этой силы изъ поганья
Выбиралъ Тугарина поганого,
И котораго Тугарина дужѣ нѣтъ,
15. И котораго Тугарина силыѣ нѣтъ,
И самъ Тугарину наказываетъ:
« Ай же, Тугаринъ поганый!
« Ты будешь, Тугаринъ, во градъ во Кіевъ,
« У тыхъ палатъ княженецкіихъ,
20. « Отворяй дверь на пятау,
« Напередъ ступай лѣвой ногой,
« И клади письма на дубовой столъ,
« И говори съ царемъ не съ упадкою:

- « « Вотъ только-то силы нагнато подь Кіевъ градъ:
25. « « Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
« « И сорокъ молодыхъ королевичевъ;
« « На каждого царя, на каждого царевича
« « И на каждого молодого королевича
« « По сту по сороку тысячь силъ нагнато.»»
30. Садился Тугаринъ на добра коня,
Ѣхалъ Тугаринъ въ Кіевъ градъ,
Дѣлалъ онъ дѣло повелѣное.
И тутъ-то солнышко Владиміръ князь пріужахнулся,
Рѣзвы ножиньки подломилися,
35. Царски ручьки пріопали объ себя.
На ту пору, на то время
Отворилась дверь-то дубовая,
Та ли грядня столовая,
Идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
40. Самъ говоритъ таково слово:
— Видно, хорошъ гостекъ къ намъ подѣхалъ-то!
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Налей-ко ты чару зелена вина,
— Зелена вина чашу въ полтора ведра,
45. — Вѣсомъ чашу полтора пуда,
— Подноси-тко ты татарину поганому.—
Принялъ татаринъ одной рукой
И выпилъ Тугаринъ во единой духъ.
И говоритъ опять старый казакъ Илья Муромецъ:
50. — Видно, хорошъ гостекъ подѣхалъ къ намъ!
— Налей-ко ты чашу другую водки сладкія.—
И вставалъ татаринъ на рѣзвы ноги,
И принималъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единый духъ.
55. И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Налей-ко третью чашу меду сладкаго.—
Принялъ опять татаринъ чашу одной рукой,
И выпилъ чашу во единой духъ,
И выпилъ питья полъпята ведра.

60. И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Сокидай-ко ты шубу сободиную со царскихъ плечъ,
— Надѣвай-ко на татарина поганого,
— Отпущай татарина во чисто поле,
65. — Къ собаѣ къ ворѣ къ царю Каину.
— Послѣ этого собирай князей-бояръ на почестный пирь,
— Станемъ выбирать мы посланника
— Искать дялюшку Самсона Манойловича богатыря. —
Тутъ большій хоронится за средняго,
70. А середній хоронится за меньшаго.
И ходитъ старая собака матерая,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
По той по гридни по столовая:
— Видно, не кому мнѣ замѣнитися,
75. — Не кому мнѣ защититися.
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Насыпь-ко ты чашу красна золота,
— Другую насыпь скатна жемчугу,
— А третью налей чиста серебра:
80. — Я побѣду къ собаѣ къ ворѣ Каину
— Просить сроку на три года изъ Кіева выбратся. —
И садится старый казакъ Илья Муромецъ
На маленькаго сивушка-бурушка косматого,
Облатился и обколчужился.
85. И провожаетъ его Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Со всѣмъ да со усердіемъ,
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
— Заложь-ко ты ворота крѣпко на крѣпко,
90. — Туго на туго, во стѣны городовыя
— И прикажи засыпать пескамъ рудожелтымъ. —
И будетъ Илья Муромецъ на горахъ Сорочинскихъ,
Привязываетъ бурушка косматого ко сыру дубу,
И пошелъ на луга на зеленые къ собаѣ къ ворѣ Каину,
95. И даетъ ему даровья великія:

— Ай же ты, собака воръ Кайнъ дѣры!
— Прими у насъ даровья великія
— И дай намъ сроку на три года изъ Кіева выбратъся.—
И закричалъ собака воръ Кайнъ зычнымъ голосомъ:

100. — Ай же ты, старая собака, съдавый песь!
— Не дамъ тебѣ сроку на три года,
— И не дамъ тебѣ сроку на полтора года,
— И не дамъ тебѣ сроку на три мѣсяца;
— Только тебѣ дамъ сроку на три дня,

105. — На три дня и на три часа.—
И вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ,
И приходилъ къ косматому бурушку,
И садился на добра коня,
И поѣхалъ во сторону во западну

110. Искать дядошку Самсона Манойловича.
И съ утра весь день ѣздилъ до вечера,
И не могъ найти во чистомъ полѣ бѣла шатра.
Отъ тойли отъ ночки отъ темныя,
Выѣхалъ на горы Фараонскія,

115. И проспалъ онъ ночку темную,
И по утру онъ вставалъ ранешенько,
И садился опять на бурушка косматого,
И поѣхалъ во сторону во северну,
И опять проѣздилъ весь день до вечера,

120. Не могъ найти богатыревъ.
Отъ тойли отъ ночки отъ темныя
Выѣхалъ на горы Фараонскія,
И проспалъ опять онъ ночку темную,
И по утру вставалъ онъ ранешенько,

125. Умывался онъ тутъ бѣдешенько,
И поѣхалъ во сторону подвосточную,
И приѣзжаетъ онъ ко славну ко синю морю,
И увидѣлъ онъ шатеръ бѣлополотный:

Видно, быть тому шатру бѣлополотняному,

130. Крестъ на шатрѣ будю жаръ горитъ.

И приправилъ косматаго бурушка къ шатру бѣлоополтня-
ному,

Сопущается со добра ноня.

— Здравствуй дядюшка Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ

— Со своей дружиной со хороброю!

135. — Ты пьешь, ѣси да прохлажаеси,

— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

— Какъ надъ нашимъ-то надъ городомъ надъ Кіевомъ

— Учинилась невзгода великая:

— Наѣхалъ собака-воръ Каинъ царь,

140. — И прибрано подъ себя сорокъ царей, сорокъ цареви-
чевъ,

— И сорокъ молодыхъ королевичевъ,

— На каждого по сту сороку тысячь силы нагнато.

— Ты поди ко мнѣ вѣдь на помочь,

— Ты пособи мнѣ съ поганымъ драться.—

145. И говорилъ Самсонъ сынъ Манойловичъ:

« Нейду я къ тебѣ на помочь

« И не пособию тебѣ съ поганымъ драться.»

И говорить Илья Муромецъ:

— Ай же ты, желанный мой дядюшка,

150. — Самсонъ да свѣтъ Манойловичъ!

— Ты не для-ради города Кіева,

— Да и не для-ради князя Владиміра

— И не для-ради меня стараго племянника,

— Стараго казака Ильи Муромца,

155. — Для-ради матери пресвятыя Богородицы

— Ты поди вѣдь ко мнѣ помочь.—

И говорить ему Самсонъ Манойловичъ:

« Ай же ты, любезный мой племянничекъ,

« Старый казакъ да Илья Муромецъ!

160. « Подъ-ко ты для вечера да поужинай,

« А въ эту силу поганую

« А за-утра я пріѣду пообѣдати

« Со своей дружиною со хороброю.»

Какъ вышелъ старый казакъ Илья Муромецъ

165. Изъ шатра бѣлополотнянаго,
И сѣдился опять на бурушка косматаго,
Облатился да обкольчужился,
И выѣхалъ на горы Фараонскія,
И смотрѣлъ онъ во трубочку въ подзорную,
170. Еще ли во Кіевѣ по старому,
Еще ли во Кіевѣ да по прежнему:
И звонять во Кіевѣ въ плакунъ-колоколъ.
И ему молодцу за преку пришло,
И сталъ косматаго бурушка потаркивать,
175. И зачалъ косматый бурушка поскакивать;
И заѣхалъ въ рать силу великую,
И зачалъ по силы поѣзживать,
И зачалъ по силы помахивать:
Куды махнетъ тутъ улочки,
180. Куды отмахнетъ, переулочки.
Отъ пару лошадиновѣ не пропекаетъ солнце красное
На томъ ли на небѣ на ясноемъ.
И пристигла опять его темна ночь.
Отъ той ли отъ ночки отъ темныя
185. Выѣхалъ опять на горы Фараонскія,
И проспалъ ночьку темную,
И по утру вставалъ ранешенько,
И сѣдится опять на маленька бурушка косматаго,
Опять облатился да обкольчужился.
190. И возговорить ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
— Ай же ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Есть у вора у Каина подкопаны три подкопы:
— Я первую подкопъ перескочу,
— И другую-то подкопъ перескочу,
195. — А третьей подкопы не могу скочить,
— Упаду я въ подкопы глубокія.—
Онъ бьетъ коня по тучнымъ ребрамъ:
« Ты волчья выть, да травяной мѣшокъ!
« Мнѣ вѣдь на бую (*) смерть не писана.»

(*) На бую.

200. И заѣхалъ опять въ рать силу великую,
И зачалъ опять по смѣ поѣзживать,
И зачалъ силу опять помахивать:
И куда махнетъ опять улочки,
А перемакнетъ онъ, такъ переулочки.
205. И доѣхалъ до подкопы до первыя,
Конь черезъ подкопъ перескочилъ;
И доѣхалъ до подкони до другія,
И другую-то подкопъ перескочилъ;
И доѣхалъ до подкони до третьей,
210. И приправилъ косматого бурушка,
И призамяся его добрый конь,
И упалъ въ подкопы глубокія:
Его добрый коня изъ подкопы выскочилъ,
И остался старой казакъ въ подкони глубокія.
215. И набѣжали татаревья поганья,
Сковали ему ножки рѣзавыя,
И связали ему ручки бѣлыя
Тѣма-ли петлямы шелковыя,
И повели къ собакамъ вору Кайну.
220. И зарычалъ собака воръ Кайнъ царь:
— Ай же ты, старая собака матерая!
— Всю ты у меня силушку вырубилъ.
— Ведите на болото на житное,
— На ту ли на плаху на липову
225. — Рубить ему буйну голову
— По тѣмъ ли по плечкамъ могучимъ.—
И видитъ старый казакъ Илья Муромецъ бѣду неминучую,
И сталъ изъ подлѣбья выглядывать,
И по плечу оружины присматривать.
230. И увидѣлъ того Тугарина поганова,
Который Тугаринъ былъ во Кіевѣ посланникомъ,
Который выпилъ питья полъпята ведра.
Какъ ухватилъ-то Тугарина за ноги
И началъ Тугаринымъ помахивать:
235. Перелопали петли шелковыя на бѣлыхъ рукахъ,

- Потрескали желѣзы булатнія на рѣзвыхъ ногахъ.
Какъ на тую пору на то времячко
Наѣхалъ дядюшка Самсонъ да сынъ Манойловичъ
Со своей дружиной со хороброю,
240. Какъ метлой пахнули (*) силу поганую
И убили собаку-вора царя Каина.
А у Ильи Муромца бѣжалъ конь во Кіевъ градъ,
И не воротамъ бѣжалъ онъ, приворотками,
Прямо чрезъ стѣны городовыя,
245. И поминають Илью Муромца, что жива нѣтъ.
Онъ приходитъ ко городу ко Кіеву
И поколотился у стѣны у городовыя:
« Ай же ты, Владиміръ князь стольне-Кіевскій!
« Встрѣчай Илью Муромца съ великой радостью:
250. « Тутъ вся сила поганая прикончена.»
Тѣмъ старина эта и кончилась.

(Записано со словъ крестьянина деревни Пирзаковской Троѣижа Романова.)

БАТЫГА БАТЫГОВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ.

37.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости.)

- Изъ-подъ того креста Леванидоваго,
Изъ-подъ тоя березки изъ-подъ бѣленькой
Выходило два тура и три тура,
И шли они туры мимо Кіевъ-градъ,
5. И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
Выходила дѣвица и слезно плакала,
На рукахъ держитъ книгу свято евангелъе,
А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ.

(*) Смеля.

10. Соходилися туры съ родной матушкой:
« Здравствуйешь, турица родна матушка!
« А шли мы туры мимо Кіевъ градъ,
« И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
« Дивнымъ дивно и чуднымъ чудно:
15. « Выходила дѣвица и слезно плакала,
« На рукахъ держитъ книгу свято евангеліе,
« А не только читаетъ, а вдвоемъ плачетъ.»
И говоритъ турица родна матушка:
— Глупые туры, малы дѣтушки!
20. — А не дѣвица выходила и слезно плакала,
— А плакала стѣна городовая,
— А она свѣдала надъ Кіевомъ незгодушку:
— А наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ
— И со своимъ сыномъ Батыгою Батыговичемъ,
25. — И со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
— И со тынмъ (*) дьячкомъ съ выдумщицкомъ.
— А у князя у Батыги силы сорокъ тысячей,
— И у сынушка силы сорокъ тысячей,
— И у зятя силы сорокъ тысячей,
30. — И у дьячка силы сорокъ тысячей.—
И пріѣхалъ Батыга подъ Кіевъ градъ,
И проситъ Батыга поединщика,
И проситъ Батыга супротивника:
« Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
35. « Дай-ко мнѣ поединщика
« И дай-ко мнѣ супротивника,
« А чтобы со мною съ Батыгой поправиться.»
А несчастіе во Кіевъ случилось,
А что ни лутчіихъ богатырей не случилось:
40. Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ,
Плѣя да Самсонъ у синяго у моря,
А Добрынюшка Пикитинецъ въ чистыхъ во поляхъ,
А Олеша богомоль въ богомольной стороны.

(*) Вар.: чернымъ.

- А жилъ тутъ былъ богатырь добрый молодецъ,
45. А на имя Василій Игнатьевичъ,
Жилъ Василій при царевомъ кабацѣ,
И пропиль-промоталъ все житье бытѣ свое,
Житье-бытѣ свое и приданое женино.
Приходитъ Василій ко Владиміру на дворъ,
50. И заходитъ Василій во палатушку,
И крестъ кладетъ по писаному,
И поклоны ведетъ по ученому,
А солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуй, князь со княгиною!
55. — Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною,
— А у Васи со похмѣлья буйна голова болитъ,
— Съ перепоею у Василья ретиво сердце щемитъ.—
Ставалъ тутъ Владиміръ поскорешенько
И наливалъ чару зеленого вина,
60. А другу наливалъ пива пьянаго,
А третью наливалъ меду сладкаго,
И сливалъ питье во единое мѣсто,
Становилося питья полтора (*) пуда,
Полтора пуда и полтора ведра.
65. Принималъ тутъ Василій единой рукой
И выпилъ Василій единымъ духомъ,
И тутъ же Василій спромолвился:
— Теперь я могу на своемъ конѣ сидѣть,
— Теперь я могу своей саблей владѣть,
70. — Которая сабля въ девяносто пудъ.—
Такъ же Василій пріотправился
Со своимъ орудіемъ военнымъ,
А выѣхалъ Василій за эту за стѣну городовую,
За тую за башню за угловую,
75. И стрѣлялъ по головкамъ что ни лутченькімъ
Съ того лука со натяжнаго,
И убилъ три головки что ни лутченькіихъ:

(*) Вар.: полпята пуда и полпята ведра.

- Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова
80. И того дьячка и выдумщика.
И у Батыги были кони хорошіе,
И у Батыги были кони снарядные,
Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцевъ,
Посылаетъ гонцевъ во Кіевъ градъ.
85. А Кіевъ градъ не малый есть:
А соколу летѣть на меженный день,
А маленькой птицы не перелетѣть,
И виноватаго во Кіевъ не разыскати;
Что ни лутчіе богатыри поразѣхались,
90. А виноватый въ сей часъ ко Батыгѣ на лицо,
А на имя Василій Игнатьевъ сынъ.
Садился Василій на добраго коня
Со той военной орудіей,
Кладъ стрѣлочки въ подзолоточки,
95. Тугія лука во налучія,
Онъ луки во наметы полагалъ,
И бралъ конье свое бурзамецкое
И саблю свою девяносто пудъ.
И ѣдетъ Василій, помахиваетъ,
100. Съ горы на гору конь его поскакиваетъ,
Съ холмы на холму конь его поплясываетъ,
Рѣки-озера между ногъ пуцалъ,
Синія моря около скакалъ:
Хвостъ по земли разстилается,
105. А грива подъ копыта подвигается,
Искра съ ноздрей разсыпается,
Огненное пламя распаляется,
Огненнымъ щитомъ обороняется.
Того ли чуда князь Батыга ужасается:
110. « Колько ни на свѣтъ пробъживано,
« И такого чуда на свѣтъ не видывано,
« Пынь ѣдетъ богатырь добрый молодець,
« Великою страстью ухрашется

« Огненнымъ щитомъ сбороняется.

115. А пріѣхалъ Василій къ Батыгѣ на лицо:

— Здравствуй, князь Батыга Батыговичъ,

— И со своимъ со сыномъ со Батыгою,

— И со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,

— И со тымъ дьячкомъ и выдумщичкомъ!—

120. А отвѣтъ держалъ Батыга князь:

« Нѣту сына Батыги Батыговича,

« И нѣту зятя Тараканчика Корабликова,

« И нѣтъ тутъ дьячка и выдумщика.—

А сговорилъ на имя Василій Игнатьевъ сынъ:

125 — А прости-ко ты меня въ первой вины,

— А прости-ко ты меня во другой вины,

— Во другой вины и великія,

— И прости-ко ты меня во третьей вины;

— И дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей:

130. — Я побѣду нынѣ ко городу ко Кіеву,

— Ко ласкову князю ко Владиміру.

— А мы Кіевъ градъ огнемъ пожгемъ,

— А Владиміра въ полонъ возьмемъ.—

И на тии ласы Батыга приукинулся,

135. И далъ ему силы сорокъ тысячей.

• А повиѣхалъ Василій во чисто поле,

Поворотъ онъ сдѣлалъ на рученьку на правую,

И взималъ онъ саблю въ девяносто пудъ,

И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.

140. А ѣдетъ Василій ко Батыгѣ на лицо:

— Да прости-ко ты меня во первой вины:

— Потерялъ я силы сорокъ тысячей,

— А дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.

— А я теперь-же во Кіевѣ повысмотрѣлъ,

145 — И я же во Кіевѣ повыглядѣлъ,

— Гдѣ были воротца отложенія,

— И гдѣ были воротца незаложенія.—

Далъ ему силы сорокъ тысячей,

И сорокъ сороковъ чершихъ соболей,

150. А злата-серебра ему смѣты нѣтъ.
Повыѣхалъ Василій во чисто поле
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
И ѣдетъ Василій ко Батыгѣ на лицо:
— Прости-ко меня во второй вины и великія:

155. — Потерялъ я силы сорокъ тысячей,
— И дай мнѣ силы сорокъ тысячей. —
И далъ ему силы сорокъ тысячей,
И сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Злата-серебра ему смѣты нѣтъ.

160. Повыѣхалъ во чистое во поле,
И присѣкъ-прирубилъ до единой головы.
Натягивалъ Батыга трубочку подзорную,
И глядѣлъ онъ во славно во чисто поле,
И видитъ дѣло неминучее;

165. И собирался Батыга на добрыхъ коней,
И поѣхалъ Батыга во свою землю,
И клянется Батыга, проклинается:
« Не дай, Боже, бывать,
« И подъ Кіевомъ-стоять:

170. « И въ Кіевѣ богатыревъ смѣты нѣтъ. »

Что ни лучше богатыри во Кіевѣ,
Золота казна во Черниговѣ,
А цвѣтно платье во Новгородѣ,
А хлѣбны запасы во Смоленцѣ городѣ,
175. А мхи да болота во Заморской стороны,
А разструбисты сарафаны по Мошѣ по рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской стороны.

[Со словъ крестьянина Шальского погоста д. Гагарской Потана Трофимова Потахина.]

ЦАРЬ БАХМЕТЬ И АВДОТЯ ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА.

38.

(Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.)

Подступалъ тутъ царь Бахметъ турецкій,
И раззорялъ онъ старую Казань (*) городъ подлѣвную,
И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.

5. Оставалася во Казанѣ одна женка Рязаночка,
Стоковалася женка, сгоревалася:

У ней полонилъ три головушки,
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,

10. Свекра любезнаго.

И думаетъ женка умомъ-разумомъ:

« Пойду я во землю турецкую

« Выкупать хотя единыя головушки

« На дороги хорошіе на выкупы. »

15. Царь Бахметъ турецкій,

Идучи отъ Казани отъ города,

Напустилъ все рѣки-озера глубокія,

По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,

Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,

20. Чтобы никому ни пройти, нипрѣхати.

Пошла женка путемъ да дорогою:

Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,

Глубокія рѣки плывомъ плыла,

Широкія озера кругомъ обошла,

25. Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла

(О полночь разбойники опочинъ держать),

Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о поддень прошла

(*) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что женка называется Рязаночкой.

(О полдень люты звѣри да опочинѣ держать).

Она такъ прошла да путемъ да и дорогою,

30. Пришла де во землю турецкую,

Къ царю Бахмы турецкому,

Понизешеньку ему поклонилася:

« Ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!

« Когда ты разорялъ старую Казань городъ подлѣсную,

35. « Полонилъ ты народа сорокъ тысячей,

« У меня полонилъ три головушки:

« Милаго-то братца родимаго,

« И мужа вѣнчальнаго,

« Свекра любезнаго.

40. « И пришла я къ тебѣ выкупати хотѣ единыя головушки

« На дороги ли хотѣ на хорошіе на выкупы.

Отвѣчалъ ей царь, отвѣтъ держалъ:

— Ты, Авдотья женка Рязаночка!

— Какъ ты прошла путемъ да и дорогою?

45. — У меня напущены были всѣ рѣки-озера глубокія,

— И по дорогамъ были поставлены разбойники,

— А во темныхъ лѣсахъ были напущены люты звѣри,

— Чтобы никому ни пройти да ни проѣхати.—

Отвѣтъ держитъ ему Авдотья женка Рязаночка:

50. « Батюшка, царь Бахметъ турецкій!

« Я такъ прошла путемъ да и дорогою:

« Мелкія-то рѣчушки бродомъ брела,

« А глубокія рѣчушки плывомъ плыла,

« Чистыя поля-разбойниковъ о полночь прошла

55. « (О полночь разбойники опочинѣ держать),

« Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полдень прошла

« (О полдень люты звѣри опочинѣ держать).

« Я такъ прошла путемъ да и дорогою.»

Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:

60. — Ты, Авдотья женка Рязаночка!

— Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,

— Такъ умѣй-ка попросить и головушки

— Изъ трехъ единыя;

- А не умѣешь ты попросить головушки,
65. — Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну голову.—
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
« Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ турецкій!
« Я въ Казани-то была женка не послѣдняя,
70. « Не послѣдняя я была женка, первая.
« Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
« Свекра стану звать батюшкою;
« Приживу я себѣ сына любезнаго,
« Такъ у меня и сынъ будетъ;
75. « Приживу я себѣ дочку любезную,
« Воспою-скормлю за мужъ отдамъ,
« Такъ у меня и зять будетъ.
« Не видать мнѣ буде единыя головушки,
« Мнѣ милаго братца родимаго,
80. « Да не видать вѣкъ да и по вѣку.»
Сижучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
— Когда я разорялъ вашу сторону Казань городъ под-
лѣсную,
85. — Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
— Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
— За твои-то рѣчи разумныя,
— За твои-то слова за хорошія,
— Ты бери полону, сколько надобно:
90. — Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.
Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела де полонъ во свою Казань городъ подлѣсную,
95. Разселила Казань городъ по старому,
По старому да по прежнему.

[Отъ Порожскаго старика.]

IV. УДАЛЬЦЫ И МУЖИ НОВГОРОДСКИЕ.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВВИЧЪ.

39.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская водость.]

- Жилъ-былъ Буславъ во Новѣ-градѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тыючу;
Живучись Буславъ не старился,
5. Не старился, переставился.
Съ Новымъ-городомъ Буславъ не споривалъ,
Съ каменной Москвой преты (*) не было.
Оставалось чадѣ милое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
10. И сталъ Васинька на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами шуточки пошучивать:
Кого дернетъ за руку, рука прочь,
Кого дернетъ за ногу, нога-то прочь.
Стали къ Васильевой матушкѣ похаживать,
15. Похаживать стали, пожаливаться:
« Ай же ты, честна вдова Амелеа Тимофеевна!
« Уйми-тко свое чадѣ милое;
« А не уймень Василя сына Буслава,
« Пихнемъ его въ рѣку Волхову.»
20. Со того со горя со кручинушки
Накурилъ Василій зелена вина,
Наварилъ Василій меду сладкаго,
Сдѣлалъ Васильюшка почестный ниръ
На многихъ князей, на бояръ
25. И на тыхъ мужиковъ Новгородскихъ.

(*) Не перечился.

- И говорить Васинька таковы слова:
— Кто изопьетъ чару зелена вина,
— Мѣрой чару полтора ведра,
— Вѣсомъ чару полтора пуда,
30. — И кто истерпитъ черленый вязъ,
— Тотъ ступай на почестный пиръ.—
Идетъ на пиръ Потанюшка маленькій,
Маленькій Потанюшка, храбренькій,
На ножку припадывать, съ подлюбыя выглядывать;
35. Принималъ онъ чару одной рукой,
Выпиваетъ чару за единый духъ.
Бьетъ Васильюшка Буславьевичъ
Своимъ вязомъ черлевымъ
По него буйной головы:
40. Стоитъ Потанюшка, не крянется,
Желты кудри не сворохнутся,
Поклонъ воздалъ и на пиръ пошелъ.
Идетъ на пиръ Костя Новоторжанинъ.
Тутъ Василій сынъ Буславьевичъ
45. Ставилъ столы дубовые,
Ѣствица клалъ сахарныя,
Питица клалъ медвяныя,—
Меды были все стоямыя,—
Выкатывалъ бочки на кольчужный дворъ:
50. — Ъшьте у меня до сыта,
— И пейте у меня до пьяна,
— Только между собой не споривайте.—
Тутъ мужики-то Новгородскіе
Ѣли они до сыта
55. И пили они до пьяна.
Красное солнышко на вечеръ,
Почестный пиръ идетъ на веселъ,
И всѣ стали пьяны-веселы,
И между собой поразспорились.
60. И беретъ Василій черленый вязъ,
И сталъ по двору помахивать,

И сталъ мужичкамъ пощаливать.

И пошли мужики со честна пира раскорякою:

« Ты къ черту, Васильюшка, со пироги!»

65. « Поѣдено было на пиру, попито

« И на вѣкъ увѣчице зачажено (*)»

Тутъ мужики-то Новгородскіе

Сдѣлали свой почестный пиръ

На многихъ князей, на бояръ,

70. На русскихъ могучихъ богатырей.

Походить Василій на почестный пиръ

И не одинъ походить, со дружиною.

И говорить его родная матушка:

— Ай же ты, мое чадо милое,

75. — Младый Василій сынъ Буславьевичъ!

— Хоть ты походишь на почестный пиръ,

— Тамъ все гости званые,

— А ты походишь гость незванный.—

« Ай же ты, родна матушка,

80. « Честна вдова Амелѣа Тимофеевна!

« Да я прійду гость незванный,

« Куда посадятъ, тамъ сижу,

« А что могу достать своей рукой, ѣмъ да пью.»

И приходитъ Василій на почестный пиръ

85. И не одинъ приходитъ, со дружиною,

Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому:

« Здравствуй, Микула Селяниновичъ (**),

« Здравствуй, Козьма Родіоновичъ!»

90. — Поди-ко, Василій Буславьевичъ!

— Садись, Васильюшка, за дубовый столъ.—

Садился Василій въ большомъ углу,

Не одинъ садился, со дружиною.

(*) Отъ зачать, достать.

(**) Вѣроятно вмѣсто: Микула или Викула Зиновьевичъ.

Говорят тутъ гости званые:

95. « Ай же ты, Василий Буславъвичъ!
« Хоть ты сядиши въ большомъ углу,
« Ты есть гость незваный,
« А мы гости званые: »
— Хоть я гость незваный;
100. — Куда посадятъ, тамъ сяду,
— А что могу достать своей рукой, вѣтъ да пью. —
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселье,
105. И всѣ стали пьяны-веселы,
И всѣ на пиру поразившестяся
Тутъ-то Василий сынъ Буславъвичъ
Глупымъ умомъ, хитрымъ разумомъ,
Ударилъ Васю въ великъ закладъ:
110. Изъ утра идти на Волхово,
Василью идти со-дружиню,
А мужикамъ идти биться вѣсть Новомъ-градомъ.
Тутъ пошелъ Василий со честна пиря,
Повѣсилъ голову на правую сторонушку;
115. Утопилъ очи во сыру землю,
Приходить къ палатамъ княженецкимъ,
Говорить его родна матушка:
« Ай же ты, чадо мое милое,
« Младый Василий сынъ Буславъвичъ!
120. « Что идешь кручиновать, печаловать?
« Али мѣсто тебѣ было не по отчины,
« Али чарой тебя обнесли,
« Али мужикъ-пьяница насмѣлся тебѣ?
Василій не можетъ дать матушкѣ
125. Ни отвѣтушка, ни привѣтушка,
А говорить его дружина хоробрая:
— Мѣстечко было Василью по отчины,
— Чарой Василья не обнесли,
— И мужикъ-пьяница его не обругалъ;
130. — А ударилъ Василій во великъ закладъ

- Съ тѣма мужикамы Новгородскими:
— Изъ утра идти на Волхово,
— Василью идти со дружиною,
— А мужикамъ идти битися всѣмъ Новымъ-градомъ.—
135. Тутъ его родная матушка,
Честна вдова Амелѣфа Тимофеевна,
Чеботы надѣла на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
И брала золоты ключи,
140. И шла она во погреба глубокіе,
Наклала мису красна золота,
Другую мису чиста серебра,
А третью мису скатна жемчуга;
И пришла къ мужичкамъ на почестенъ пиръ.
145. Она крестъ кладець по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуй, Микула Селяниновичъ,
« Здравствуй, Козьма Родіоновичъ! »
И положила подарочки на дубовый столъ:
150. « Примите-тко отъ Василья подарочки
« И простите Василья въ этой во вины. »
Говорять мужики Новгородскіе:
— Не приемъ отъ Василья подарочковъ
— И не простимъ Василья во этой во вины.
155. — И пособи намъ, Господи, Васильюшка полонить,
— И на Васильевыхъ добрыхъ коняхъ побздить,
— И Васильевыхъ цвѣтныихъ платилицевъ подержать,
— И Васильевой золотой казны потащить.—
Тутъ честна вдова Амелѣфа Тимофеевна
160. Воротилася со честна пира
И ударила своей ножкой правою
Во тую во стоечку кленовую,—
И стоечка улетѣла во задній тынъ,
Задній тынъ весь порозсыпался.
-
165. Василій спить по утру, прокладается,

Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.

И приходитъ дѣвушка Чернавушка,

Приходила по ключъ по воду,

Сама говорить таковы слова:

170. « Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!

« Хоть спишь ты, проклаждаешься,

« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь;

« А бьется твоя дружина хоробрая

« На томъ ли на мосточкѣ на Волховѣ:

175. « И проломаны буйны головы,

« И завязаны платкамы все бѣлыма. »

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ

Скорешенько пробуждался отъ крѣпкаго сна,

Чеботы надѣлъ на босу ногу,

180. Накинулъ соболиную шубоньку на одно плечо;

И бралъ Василій свой черленый вязъ,

И поскочилъ Василій на поле на Волхово.

И стрѣтится Василью старчице Андронице (*)

На томъ на мосточкѣ на Волховомъ,

185. И несетъ на головѣ Софеинъ большой колоколъ.

И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:

— Ай же ты, старчице Андронице,

— Аще крестовый батюшка!

— Не дано тобѣ яичко о Христосьскомъ днѣ,

190. — Такъ дамъ тобѣ яичко о Петровомъ днѣ.—

И ударилъ своимъ вязикомъ черленымъ

По Софеину большому колоколу,

И убилъ старчице Андронице,

Своего крестоваго батюшка.

195. И прибѣжалъ на поле на Волхово,

И сталъ вязикомъ помахивать:

Куда махнеть,—падутъ улицы,

Перемахнеть,—переулучки,

(*) Можетъ быть отъ Андропова монастыря.

И перебилъ всѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.

200. И пошли мужички къ Васильевой матери:

« Ай же ты, Васильева родна матушка,

« Честна вдова Амеляфа Тимофеевна!

« Уйми свое чадо милое,

« Оставь-ко мужиковъ хоть на сѣмена.»

205. Тутъ его родная матушка,

Честна вдова Амеляфа Тимофеевна,

Чеботы надѣла на босу ногу,

Соболиную шубоньку накинута на одно плечо,

Прибѣжала на поле на Волхово,

210. Захватила Василья въ соболиную шубоньку,

И принесла въ свои палаты бѣлокаменны,

И кормила-поила удалаго добра молодца.

(Отъ родственника Л. Богданова.)

—

СМЕРТЬ ВАСИЛЬЯ БУСЛАВЕВА.

40.

(Тамъ же).

Говорить Василій сынъ Буславьевичъ:

« Ай же ты, дружинушка хоробряя!

« Была у меня дана заповѣдь великая

« Съѣздить намъ въ Іерусалимъ градъ:

5. « Святой святынь помолитися,

« И ко Господнему гробу приложитися,

« Во Іорданъ рѣкъ окупатися.»

И онъ поѣхалъ во Іерусалимъ градъ

Со своимъ дружинушкамъ хоробрыма.

10. И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ горы,

И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:

« Ай же ты, дружинушка хоробряя!

« Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору.»

- И зашли они на матушку на Сіонъ гору,
15. И нашель Василій косточку сухояловую (*),
И сталъ онъ косточку попинывать
По матушкѣ по Сіонъ-горы.
И провѣщется косточка сухоялова
Ему голосомъ человѣческимъ:
20. — Не пинай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Ты будешь лежать со мной
— На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку.—
Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
25. « Сама спала, себѣ сонъ видѣла! »
Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святынь помолились
И ко Господнему гробу приложились,
Во Іорданѣ рѣкѣ стали купатися.
30. Василій-то сынъ Буславьевичъ
Куплится нагимъ тѣломъ,
И говоритъ дѣвушка Чернавушка:
— Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Какъ ты купишься нагимъ тѣломъ:
35. — Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
— Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ.—
Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
40. « Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
« Посмотримъ косточки сухояловы. »
Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
45. « Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Станемъ скакать черезъ бѣлъ горючъ камень. »
И стали скакать черезъ бѣлъ горючъ камень.

(*) Т. е. голую кость, отъ яловый, пустой.

- Дружина скачетъ передомъ,
А онъ Василій сынъ Буславьевичъ
50. Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И упалъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И раскололъ буйную головушку,
И остался лежать вѣкъ по вѣку.

[Отъ него же].

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

41.

[Повѣнцкій уѣздъ, дер. Кяменщцы.]

- Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ онима (*) своей буйной головой,
« Что я у васъ повыкуплю товары всѣ,
5. « Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу:
« Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
« Да на свои корабли повыгрузить, —
« Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣгородѣ гулять,
10. Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагрывать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость:
15. « Дружки и братья корабельщики!
« Катайте-ко якори съ синя моря,
« Распускайте-ко парусы полотняные!»
И всѣхъ кораблей было тридцать три:

(*) Съ Новгородцами.

- Единый корабль передомъ пошелъ,
20. На которомъ ѣдетъ Садко купецъ богатый гость.
И ѣдетъ Садко купецъ, богатый гость, среди моря,
И остановился корабль Садки купца богатаго.
И вскричалъ Садко купецъ, богатый гость,
Друзьямъ-братьямъ корабельщикамъ:
25. « Ай же, дружки-братья корабельщики!
« Берите-ко щупы желѣзные,
« Щупайте во синемъ морѣ:
« Нѣтъ ли луды или камня,
« Нѣтъ-ли отмели песочныя?»
30. Тутъ скрывалъ Садко купецъ, богатый гость:
« Эй вы, дружки-братья корабельщики!
« Вы спускайте во сине море якоря мертвыи
« И становитесь всѣ по поряди.»
Оны кидали якоря мертвыи
35. И становились всѣ по поряди,
И собирались на одинъ корабль.
И говорить Садко купецъ:
« Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
« Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
40. « Другую насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга,
« Положите на дощечку золоту казну
« И бросьте дощечку во сине море.
« Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
45. « А Поддонному царю пошлины не плачивалъ:
« Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ!»
Положили на дощечку золоту казню:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголемъ плыветъ.
Тутъ говорить Садко купецъ, богатый гость:
50. « Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
« Вѣрно не пошлины Поддонный царь требуетъ,
« А требуетъ онъ голову человѣческую!
« Возмите-тко дерево сосновое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,

55. « Подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море,
« Ко тому царю ко Поддонному.»
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребья гоголемъ плывутъ,
60. А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—сосновое!
65. « А возьмите вы дерево еловое,
« Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« И подпишите подпись по отечеству,
« Бросьте жеребьи во сине море,
« Ко тому царю ко Поддонному.
70. Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
75. « Это дерево есть неправое,
« Неправое дерево—еловое!
« Возьмите-ко дерево ольховое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
« И подпишите подпись по отечеству:
80. « Кому у насъ братцы, итти во сине море,
« Ко тому ко царю ко Поддонному?»
Оны бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
85. Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое!
« А возьмите-ко дерево дубовое,
« Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
90. « Подпишите подпись по отечеству.»

- Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки купца богатаго,
95. Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Это есть дерево неправое,
« Неправое дерево—дубовое!
« А возьмите-ко дерево кипарисное,
100. « И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
« И подпишите жеребьи по отечеству:
« На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распять есть,
« Это есть дерево правое,
« Правое дерево—кипарисное.»
105. Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросали жеребьи во сине море:
Всѣ жеребьи гоголемъ плывутъ,
110. А который жеребей Садки купца богатаго,
Тотъ пошелъ каменемъ ко дну.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Видно бѣда пришла мнѣ неминучая
« Самому Садку купцу богатому,
115. « Итти будетъ во сине море.
« Насыпьте-ко, братцы, мису чиста серебра,
« Другу насыпьте красна золота,
« А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Тутъ онъ взялъ во праву руку
120. Образъ Микола угодника,
А во лѣвую гусли яровчаты (*),
Камочку Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши, Сибирскіи.

(*) Определеіе гуслей въ 123 ст. и слѣд. отнесено пѣвцомъ къ калитѣ.

- И приказалъ Садко купецъ, богатый гость,
125. Мисы класть на дощечку,
И самъ садился на тую же:
И будто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменемъ ко дну.
И приняло дощечку во синемъ морѣ
130. Ко той палаты бѣлокаменной,
А корабли его всѣ въ ходъ пошли.
А онъ пришелъ въ палату бѣлокаменну
Ко тому царю ко Поддонному,
Онъ ему съ царицею билъ челомъ,
135. Челомъ билъ и низко кланялся.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Затѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говорить Поддонный царь:
140. — Я затѣмъ тебя сюда требовалъ:
— Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
— Что у васъ на Руси есть дорогого?
— У насъ съ царицею разговоръ идетъ,
— Злато или серебро на Руси есть дорого,
145. — Или булатъ-жельзо есть дорого?—
Говорить ему Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Я скажу тебѣ и повѣдаю:
« У насъ злато-серебро на Руси дорого,
150. « А булатъ-жельзо не дешевлѣя;
« Потому оно дорого,
« Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
« А безъ булату-жельза жить-то невозможно,
« А невозможно жить вѣдь никакому званію.»
155. Говорить ему Поддонный царь:
— Что у тебя есть во правой руки
— И что у тебя есть во лѣвой руки?—
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
« Есть у меня во правой руки

160. « Образъ Миколы угодника,
« А во лѣвой руки гусли яровчаты.»
Тутъ беретъ Садко купецъ, богатый гость,
Беретъ онъ гуселышки яровчаты:
Тутъ Поддонный царь распотѣшился
165. И началъ плясать по палаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко ровно три часу.
Говоритъ ему царица Поддонная:
170. — Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Сломай-ко ты гусли яровчаты:
— Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
— А скачетъ царь по крутымъ берегамъ;
— Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
175. — Безповинныя буйны головы.—
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золоченыя.
Тутъ Поддонный царь велитъ играть,
Велитъ играть друго три часу;
180. Тутъ отвѣтъ держитъ Садко купецъ, богатый гость:
« У меня сломались гусли яровчаты.»
Говоритъ ему Поддонный царь:
— У насъ есть слесаря, и починять ихъ.—
Говоритъ Садко купецъ богатый гость:
185. « Ай же ты, Поддонный царь!
« Не починить здѣсь моихъ гуселышекъ яровчатыхъ:
« Надо починить—на Русь сходить.»
Говоритъ ему Поддонный царь:
— Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—
190. Говоритъ ему Садко купецъ, богатый гость:
« Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
Тутъ пошелъ Поддонный царь по хорошихъ дѣвицъ.
Говоритъ ему царица Поддонная:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
195. — Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонный царь,

- Такъ въ той толпы княгини ты не выбери,
— А скажи царю ты Поддонному,
— Что въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;
— Такъ приведетъ царь толпу другую,—
200. — И въ другой толпы княгини ты не выбери;
— А третью толпу приведетъ Поддонный царь,—
— Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
— Которая идетъ позади всѣхъ,
— Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
205. — Тогда ты будешь на святой Руси,
— Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
— Увидишь и солнце красное.—
Тутъ привелъ царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садко купца богатаго
210. Выбрать себѣ княгину по разуму.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь толпу другую,
И говоритъ онъ Садку купцу богатому:
215. — Выбирай княгину ты по разуму.—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму. »
И привелъ тутъ Поддонный царь
Толпу дѣвицъ третьейю,
220. И говоритъ Садку купцу богатому:
— Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
— Выбирай княгину ты по разуму.—
Въ той толпы Садко купецъ, богатый гость,
Сталъ выбирать себѣ княгину по разуму .
225. И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же ты, Поддонный царь!
« Эта мнѣ дѣвица полюбилася. »
230. И тую дѣвицу царь за его отдалъ,
И далъ ему въ приданыхъ

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга.

235. Отвезли Садка во ложню спать,
Заснулъ Садко купецъ богатый во крѣпкій сонъ.
Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу,
240. На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подлѣ его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

[Записано въ 1862 г. отъ Кореляка кр. Василия Лазарева.]

—
тоже.

42.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

- Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость.
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
5. На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,—
Все-то у Садка по небесному.
Испроговорить Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
10. « Вы берите золотой казны по надобью,
« Поѣзжайте въ славенъ въ Новгородъ,
« Откупите-ко товары въ Новѣ-градѣ,
« Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,

15. Они брали золотой казны по надобью,
 Ъхали во славенъ въ Новгородъ,
 Откупали товары въ Новѣ-градъ:
 На другой день товаровъ еще больше того.
 И спрговорить Садко купецъ, богатый гость:
20. « Ай же вы, дружиниушки, прикащики мои!
 « Еще берите золотой казны по надобью,
 « Потъжайте въ славенъ въ Новгородъ,
 « Откупите-ко товары во Новѣ-градъ,
 « Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
25. Слушали дружиниушки, прикащики его,
 Они брали золотой казны по надобью,
 Ъхали въ славенъ въ Новгородъ,
 Откупали товары во Новѣ-градъ:
 На другой день товаровъ еще больше того.
30. И спрговорить Садко купецъ, богатый гость:
 « Не я-то богатъ, богатъ Новгородъ!»
 И спрговорить Садко купецъ, богатый гость:
 « Ай же вы, дружиниушки, прикащики мои!
 « Вы берите золотой казны по надобью,
35. « Стройте-тко тридцать кораблей,
 « Носъ-корму кладите по зѣбриному,
 « Бока-то сводите по зѣбриному,
 « Мачты кладите красна дерева,
 « Блочкики кладите все княжельные,
40. « Канатики кладите шелковые,
 « Паруса кладите полотняные,
 « Якори кладите все булатные;
 « По дороге по камешку по яхонту
 « Въмѣсто глазъ вы вставляйте,
45. « По черному по соболу Сибирскому
 « Въмѣсто бровъ продергивайте,
 « По бурья лисицы по Сибирскія
 « Въмѣсто ушей повѣсьте-тко.»
 Слушали дружиниушки, прикащики его,
50. Брали золотой казны по надобью,

- Дѣлали дѣло повелѣное.
Тутъ-то Садко потѣздъ держалъ,
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свирайское,
55. Изъ Свирайскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянь-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, оны летять,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
60. Тутъ спроговорить Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Послушайте стараго хозяина,
« Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
« И на жеребьяхъ имена подписывайте,
65. « И бросайте-тко жеребья на воду.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребья на воду:
70. Всѣ-то жеребья, какъ гоголи плвуть,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Спроговорить Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
75. « Послушайте стараго хозяина,
« Вы тешите дощечики дубовенькія
« И бросайте дощечики на воду,
« Садите Садка купца, гостя богатаго,
« На тыя дощечиньки дубовенькія
80. « И полагайте мнѣ гуселки яровчаты.»
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
85. На тыя дощечики дубовенькія
И полагали ему гуселки яровчаты.

Какъ онъ сѣлъ онъ на тѣя дощечики дубовенькія, заигралъ въ гусельшки яровчаты, взялъ его къ себѣ Водяной царь. И стали въ водяномъ царствѣ спорить царь съ царицею. Царь спорить: «Булатъ злата дороже». А царица спорить: «Злато булата дороже». И спрашиваютъ Садка: «Что у васъ на Руси дороже, злато али булатъ?» И говоритъ Садко: «У насъ на Руси булатъ дороже злата, потому что булатомъ злато достаютъ.» И сталъ Садко играть въ гуселки яровчаты, и расплясался Водяной царь, и всколыбалось сине море. Тутъ Садка-то унялъ Николай чудотворецъ: «Ты де игрой, а царь пляской много головъ неповинныхъ погубили».

[Записано со словъ крестьянина Г. Оедотова, въ г. Петрозаводскѣ 27 Іюня 1863 г.]

ТЕРЕНТІЙ МУЖЪ ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

43.

[Пудожскаго уѣзда Уношскій погостъ.]

Жилъ-былъ Терентій мужъ,
Жилъ-былъ Данильевичъ.
У него сдѣлалась незгода великая,
Сдѣлалась жена трудна-больня,

5. Трудна-больня, очень немочна.
И спустился недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы и до пупа,
А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
Говорить Терентью жена:

10. « Ай же ты, Терентій мужъ,
« Ай же ты, Данильевичъ!
« Поди, сходи найной (*) городъ,
« Поищи молодыхъ скомороховъ,

(*) На яной.

- « Молодцевъ поученныхъ,
15. « Чтобы меня молоду вылечили,
« Чтобы меня молоду выпользовали.»
Пошелъ бѣдный Терентій мужъ,
Пошелъ бѣдный Данильевичъ
На чужу дальну сторону
20. Искать молодыхъ скомороховъ,
Молодцевъ поученныхъ.
Прошедши онъ Орѣховецъ,
А не дошедши до Онтошовца,
На мосту на Калиновомъ,
25. У креста Леванидова,
Стрѣтились молодые скоморохи,
Молодцы поученные,
И сами говорятъ таково слово:
« Здравствуй, Терентій мужъ,
30. « Здравствуй, Данильевичъ!
« Ты куда пошелъ,
« Куда путь держишь?»
— А ей же, вы братцы,
— Молодые скоморохи!
35. — У меня сдѣбалась дома незгода великая.
— Сдѣбалась жена трудна-больня,
— Трудна-больня, очень немочна:
— Спустился у ней недугъ въ буйну голову,
— А съ буйной головы до пупа,
40. — А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
— А вы бы, добры молодцы,
— Выпользовали и вылечили!—
Они говорятъ таково слово:
« Ай же ты, Терентій мужъ,
45. « Ай же ты, Данильевичъ!
« Сходи во Холстинской (*) рядъ,
« Купи Холстинской мѣхъ.»

(*) Голштинскій.

- Тутъ-то Терентій мужъ
Скоро скочилъ во Холстинской рядъ,
50. Купилъ Холстинской мѣхъ,
Приносилъ имъ Холстинской мѣхъ.
Взяли-посадили мужа Терентя
Во Холстинской мѣхъ,
Понесли Терентя мужа
55. Къ Терентьевой жены подъ окно,
Они просятся и колотятся:
« Ай ты, Терентьева жена!
« Дома-ль Терентій мужъ,
« Дома-ль Данильевичъ?»
60. А Терентьева жена
Кидалась въ окошечко
Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
— Здравствуйте, молодые скоморохи!
— Не слышали ли и не видали ли
65. — Терентя мужа?—
« Ай же ты, Терентьева жена!
« Нѣту Терентя мужа жива,
« Лежить буйной головой во ракитовъ кустъ,
« А рѣзвыми ножками во кувылъ травы,
70. « Сквозь бѣло тѣло трава проросла,
« И цвѣты разцвѣли.
« Ай же ты, Терентьева жена!
« Пусти насъ въ свой высокъ теремъ
« Въ гуселки поиграть,
75. « Станемъ Терентя поминать.»
Говорить Терентьева жена:
— Ай же вы, молодые скоморохи,
— Молодцы поученые!
— Подьте во высокъ теремъ
80. — И играйте во гуселышка,
— Поминайте Терентюшка.—
Тутъ молодцы поученые
Скоро скочили во высокъ теремъ,

- Они Богу помолилися,
85. На всѣ стороны поклонилися,
Терентьевой жены въ особину:
« Здравствуй, Терентьева жена!
« Пусти въ гусельшка поиграть.
« И Терентья поминать. »
90. Говорить Терентьева жена:
— Играйте, молодцы поученные,
— Во гусельшка яровчаты.
— И поминайте Терентья постылаго,
— Постылаго Терентья и супостатаго. —
95. Они стали во гусельшка поигрывать
И къ мѣшку приговаривать:
« Слышишь-ли, Холстинской мѣхъ?
« Тебя не позаочь бранять,
« А въ очи говорить. »
100. Тутъ Терентій мужъ
Выскочилъ съ мѣшка Холстинскаго,
И хватилъ гирю безмѣнную,
Сталъ молоду жену окладывать
И недуговъ выправливать.
105. На кровати тесовыя,
На перины пуховыя
Лежить молодецъ въ рубахѣ красныя:
Зачалъ Терентій мужъ,
Дѣтину безмѣнной гирей укладывать.
110. И недуговъ выправливать.

[Отъ крестьянина дер. Уной губы Гарды Амосова.]

У. МОСКВА.

КОСТРЮКЪ КОСТРЮКОВЪ СЫНЪ, МОЛОДОЙ ЧЕРКА-
ШЕНИНЪ.

44.

[Пудожскаго ўѣзда Уношскій погостъ.]

- При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлешнихъ короляхъ,
Царица-то крымская,
Упала (*) татарская,
5. У царя сдоложилася,
А съ Кострюкомъ подумилася,
Съ молодымъ сговорила
Ѣхать во землю во русскую,
Въ сильно царство московское,
10. Отвѣдать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились, и поѣхали.
До Москвы не доѣдучи,
Среди поля чистаго,
15. Среди луга зеленаго,
Шатры раздернули
Бѣлоподотняные,
Столы разставили
Бѣлодубовые.
20. И пишетъ ерлыкъ скорописчатый,
Посылаетъ посла въ каменну Москву:
« Ай же ты, молодой посолъ!
« Нейдь (**) прямо воротами,
« А идь чрезъ стѣну городовую,

(*) Упала—красавица (или же усѣченная форма женск. рода отъ упали).

(**) Не ѣздъ.

25. « Прямо на царскій дворъ;
« Ко крылечку переному,
« Ко столбу ко точеному,
« Ко колечку золоченому,
« Прикуивай (*)—привязывай
30. « Своего коня добраго;
« А поди въ палату бѣлокаменну,
« Во гривню столовую,
« Бѣла лица не крести,
« А государю челомъ не бей,
35. « А грамоту посольную,
« Положи на дубовый столъ,
« Говори царю не съ укладкою,
« Говори со прикладкою:
« « Ай же ты, Грозный царь
40. « « Иванъ Васильевичъ!
« « Вотъ тебѣ грамота посольная
« « Отъ Кострюка сына Кострюкова,
« « Чисти улки съ приулками,
« « Дворы съ придворками,
45. « « Конюшни споражнивай,
« « И дворы разглаживай,
« « И питья размѣривай,
« « Ъства налаживай,
« « Ъства сахарнія,
50. « « Питья медвяныя;
« « И вываживай—налаживай
« « Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
« « Молодушекъ станицами
« « И удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
55. « « Ъдетъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
« « Молодой Черкашенинъ,
« « Съ царицею крымскою,
« « Съ Упалой татарскою,

(*) Приковывай.

- « « Ёдетъ въ Москву поборотися,
60. « « Отвѣдать сила богатырская,
« « Плечо молодецкое:
« « Тридцать ордь воевалъ,
« « Тридцать борцовъ боролъ,
« « Не могъ отвѣдать силы богатырской;
65. « « Плеча молодецкаго.
« « А не дашь ему борчика,
« « Удаля добра молодца,
« « Все царство твое приплѣнить
« « И головней покатить,
70. « « А тебя царя въ помонъ возметь. » »
И потѣхалъ молодой посолъ,
Татаринъ нечистый,
Татаринъ поганый,
Въ землю во русскую,
75. Въ сильно царство московское;
Не ѣхалъ онъ воротами,
Ѣхалъ прямо чрезъ стѣну городскую;
Заѣхалъ онъ на царскій дворъ;
Ко крылечку переному,
80. Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому
Прикуивалъ—привязывалъ
Своего коня добраго,
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
85. Во гривню столовую,
Бѣла лица не крестить,
А государю челомъ небыть,
Кладываетъ грамоту посольную,
На дубовый столъ,
90. И говорить царю не съ укладкою,
Говорить со прикладкою:
« Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Вотъ тебѣ грамота посольная

95. « Отъ Кострюка сына Кострюкова.
« Чисти улки съ приулками,
« Конюшни споражнивай,
« Дворы разглаживай,
« Питья размѣривай,
100. « Ъства налаживай,
« Ъства были бы сахарнія,
« А питья медвяныя;
« И вываживай—налаживай
« Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
105. « Молодушекъ станицами,
« Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками. »
Убояся тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ
Грозы великія Кострюковыя:
110. И тутъ чистилъ улки съ приулками,
Конюшни споражниваль;
Дворы разглаживаль,
Питья медвяныя размѣриваль,
Ъства сахарнія налаживаль,
115. Тутъ вываживаль—налаживаль
Красныхъ дѣвушекъ толпицами,
Молодушекъ станицами,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками.
И наѣхалъ тутъ Кострюкъ Кострюковъ сынъ
120. На широкій дворъ на царскій,
Ко крылечку переному;
Идетъ по нову крыльцу,—
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
125. Ступеньки подгибаются.
Идетъ въ палату бѣлокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестить бѣла лица,
А государю челомъ не бьетъ,
130. А садится за столы дубовые,

- За ѣства сахарнія,
За питья медвяныя,
И сидить за столомъ за дубовымъ,
Не ѣсть, не пьеть, не кушаетъ
135. И бѣлы лебеди не рушаетъ.
И говорить тутъ Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
140. — Не ѣшь, не пьешь, не кушаешь
— И бѣлой лебеди не рушаешь? —
А царица-то Крымская,
Поляница удалая,
Говорить царю:
145. « Ай же ты, Грозный царь
« Иванъ Васильевичъ!
« Далъ бы Кострюку,
« Далъ бы ты удалому
« Борца поборотися,
150. « Отвѣдать сила богатырская,
« А плечо молодецкое,
« Тошто бы сталъ Кострюкъ,
« Ёсть-пить-кушати
« И бѣла лебедь рушати.
155. « А не дашь ему борчика,
« Удаля добра молодца,
« Отвѣдать сила богатырская,
« Плечо молодецкое,
« То все твое царство приплѣнить
160. « И головней покатить,
« А тебя царя въ полонъ возметъ.»
Тутъ говорить Грозный царь
Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Оедька дякъ,
165. — Молодой посолъ!
— На ножку припадывашъ,

- Съ подлѡбья выглядывашь.
— Поди-ко, выскочи
— Среди царства русскаго,
170. — Государства московскаго,
— И закричи во всю голову,
— Чтобы слышно было во всю Москву:
— Есть ли въ Москвы борцы,
— Добры молодцы?—
175. Въ Москвы борцовъ не случилось,—
Случилось съ Подъянникой пятаины,
Съ Подвологодской стороны,
Два брата родимыхъ,
Они дѣти Ондреевы,
180. Родомъ Поволжана:
Одного зовутъ Ѳедькою,
А другово Михалкою.
Ѳедька-то хвалится,
А Михалка нарывается
185. Съ Кострокомъ поборотися,
Съ молодымъ поломатися.
Будутъ борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говорить Грозный царь
190. Иванъ Васильевичъ:
— Ай же ты, Кострюкъ Кострюковъ сынъ!
— Хлѣбъ да соль на столъ,
— А Богъ тебѣ на стѣны,
— А удалы добры молодцы,
195. — На дворѣ стоятъ.—
Не орелъ головы здынулъ,
А Кострюкъ чрезъ столъ скочилъ,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавилъ,
200. Тридцать поганныхъ задавилъ.
Татара лежать,
Будто мыши пищать,

- А сами клянутся да проклинаятся;
 « Дай тебѣ, Господи,
 205. « Скокомъ на дворъ итти,
 « А со двора раскорякою!»
 Онъ Михайку разъ поткнулъ,
 И въ другой поткнулъ,
 И третій поткнулъ:
 210. Стоитъ Михайла, не шатнется,
 И желты кудри не страхнутся.
 Говорить Михайла борецъ,
 Удалой доброй молодецъ:
 — Ай же ты, Грозный царь
 215. — Иванъ Васильевичъ!
 — Благослови-ко Кострюка бороть,
 — Благослови-ко молода бороть,
 — И благослови рука-нога ломить.
 — А глазъ вонъ воротить.—
 220. Говорить Грозный царь,
 Иванъ Васильевичъ:
 « Ай же ты, Михайла борецъ,
 « Удалой доброй молодецъ!
 « Еще Богъ тебѣ пособитъ бы.
 225. « Кострюка побороть, молодаго одолѣть,
 « И рука-нога ломить,
 « И глазъ вонъ выворотить!»
 Тутъ Михайла борецъ,
 Удалой доброй молодецъ,
 230. Припадываетъ, допиже себя,
 Выздымливаетъ повыше себя,
 Выше церкви соборныя,
 Михаила архангела,
 Креста Благовѣщенска.
 235. Ивана Великаго,
 Опускаетъ о сыру землю.
 Тутъ на немъ кожа-то треснула
 Съ бѣлой шеи до гузна,

- Рубашка-то лопнула;
240. Руку-ногу сломилъ
И глазъ выворотилъ.
Тутъ царица Крымская,
Поленица удалая,
Въ упалу (*) прѣхала,
245. А не въ упалу поѣхала,
Поѣхала по заднимъ по выходамъ.

(Отъ крестьянина дер. Уной губы Гаврилы Амосова.)

ГРИШКА РАЗСТРИГИНЪ.

45.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

- На насъ, братцы, Господи разгнѣвался, (1)
На славное царство російское,
На російское царство, на московское:
Далъ Господи царя несчастливаго;
5. Называется собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Дмитріемъ,
Дмитріемъ царевичемъ московскимъ.
Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
Похотѣлъ воръ-собака пожениться;
10. Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвѣ,
Поженился воръ-собака въ хоброй Литвѣ,
У Юрья пана Сердобольскаго (**),
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушкѣ Юрьевной.
15. Оны свадьбу играли во Филиповъ постъ,

(*) Т. е. въ упалу, хулаво, хорошо.

(**) Прилаг. Сердобольскій (отъ Сердоболь, г. Выборгской губ.) явно замѣляетъ преж-
нее «Сендомірскій».

Вънецъ принимали въ Миколинъ день,—
Миколы-то было въ пятницу.

Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.

20. У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ больший во колоколь:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ко тыя ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка-Разстрижка во мыльню пошелъ

25. Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевой.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Грижка-Разстрижка въ мыльни моется,
Со душечкой со Маринушкой блудъ творить.
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,

30. Воръ Грижка-Разстрижка со мыльни идетъ
Съ душечкой съ Маринушкой со Юрьевой.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушкѣ саятъ (*) въ цѣлу тысячу (2).
Говорить воръ-Гришка таковы слова:

35. « Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
« Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
« Ты не кланяйся, Марина, князьямъ-боярамъ,
« Проходи-то, Марина, за дубовый столъ,
« Кушай-рушай лебедь бѣлую.

40. « Послушай, Марина, что я говорю:
« Проживу буде я три часа,
« Проживу, Марина, тридцать лѣтъ;
« Не проживу буде я трехъ часовъ,
« Не прожить мнѣ-ка и трехъ годовъ. »

45. Выскакивалъ собака на крылечико на царское,
Закричалъ воръ-собака громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрю пану Сердобольскому (3).

(*) Саятъ или саятъ—женское платье, сарафанъ, юбка.

50. Да еще тутъ господа всѣ Московскіе.
Собирались господа во единый кругъ,
И думали думушку общую,
И придали Гришкѣ смерть скорую.

Пропѣвъ былинну, сказительъ пояснилъ, что Гришка просядѣлъ въ тюрьмѣ тридцать лѣтъ и въ это время нарочно заростилъ крестъ въ бѣлыя груди, чтобы походить на Дмитрія царевича. А у настоящаго царевича, какъ онъ родился, крестъ былъ въ бѣлой груди.

[Записано со словъ крестьянина Г. Федотова, въ г. Петрозаводскѣ 27 Іюля 1863 г.]

(1) Въ варіантѣ, записанномъ со словъ Бутылки, начало бы-
лино таково:

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережатая.

5. Воцарился воръ Гришка Растрепига Опрелъевъ сынъ.

(2) Въмѣсто 32 и 33 стиха:

На Гришкѣ наставилъ красна золота,
На Маринкѣ рубаха чиста серебра.

(3) Послѣ 49 стиха: слѣдуетъ:

50. « Ай же вы, князи-бояра,
« Очищайте Москву быломашнику:
« Ко мнѣ-ка-на идетъ дальній гость,
« Дальній гость-любимый тастъ. »

(Петрозаводскъ 29 Іюля 1863 г.)

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

46.

ЗЕМСКІЙ СОВОРЪ.

[Петровский уѣздъ, Кикомая волость.]

Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
У того царя сударь Алексѣя Михайловича Московскаго.
Выходилъ какъ онъ изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,

5. На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь-царь:

« Ай же вы, князи, думные бояра!

« Пособите государю дума думати,

« Надо думать крѣпка дума, не продумать.

10. « Мнѣ-ка пишетъ нынѣ король земли шведской:

« Онъ просить у насъ города Смоленца,

« Даваетъ ли намъ Хинскую землю.

« Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдать,

« Аль намъ за Смоленецъ постояти,

15. « Али намъ на Смоленецъ нанимати?»

Выходилъ перво князь Астраханскій,

Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,

20. — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,

— А Смоленецъ есть строенье литовско;

— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,

25. — Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копѣйки:

— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,

— А возьмите у нихъ Хинскую землю!—

Государю тья рѣчи не слюбилися.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

30. Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
« Мнѣ-ка пишетъ нынѣ король земли шведской:
35. « Онъ просить у насъ города Смоленца,
« А даетъ ли намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдать,
« А ль намъ за Смоленецъ постояти,
« А ль намъ на Смоленецъ нанимати?»
40. Выходилъ второй князь Бухарскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
45. — Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ ни сколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копѣйки:
50. — Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ себѣ Хинскую землю.—
Государю тыя рѣчи по слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
55. « Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Надо думать крѣпка дума, не продумать.
« Мнѣ-ка пишетъ нынѣ король земли шведской:
« Онъ просить у насъ города Смоленца,
60. « А даетъ намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдать,
« Али намъ за Смоленецъ постояти,
« Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ князь Данила Милославской,
65. Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ты ай, сударь надежа-государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:

70. — Что Смоленецъ есть строенье не литовско,

— А Смоленецъ есть строеньице московско;

— Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,

— Во Смоленцѣ казны есть—смѣты нѣту:

— Не дадимъ мы туда города Смоленца,

75. — А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!—

Государю тья рѣчи прилюбились.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

« Ты ай же, князь Данила Милославской!

80. « Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,

« Я пожалуй во Смоленцѣ воеводой.»

Астраханскаго-то взялъ-повѣсилъ,

А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

[Записано со словъ крестьянина Пудожгорскаго погоста Бутылки, 29 Іюня 1863 г.]

тоже.

42.

[Пудожскаго уѣзда, Марнаволоцкій или Уношскій погостъ.]

Жилъ былъ государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.

И выходить отъ ранной заутрени Христосьской,

И ставится на лобное мѣсто,

5. И на всѣ стороны государь поклонился,

И спроговорилъ надежа-государь-царь:

« Ай же вы, князи и бояра!

« Пособите государю дума думати,

« Дума думать, а и не продумать бы.

10. « Что наступаетъ король литовскій,

18.

- « Наступаетъ-то на городъ на Смоленецъ. »
А изъ большихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Онъ близенько къ государю подходитъ,
Онъ низенько государю поклонился,
15. И спроговорилъ великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови словцо сговорити,
— А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
20. — А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ силы нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
— Безъ бою, безъ драки великія
25. — И безъ большого кроволитія. —
А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
И спроговорилъ государь-царь:
« Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
30. « Дума думать, и не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постояти? »
Изъ середнихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
35. И низенько государю поклонился,
И спроговорить великій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ словцо сговорити,
40. — А не прикажи за словцо сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Силы во Смоленцѣ нѣту, казны не бывало:
— Отдадимъ-ко мы городъ Смоленецъ
45. — Безъ бою, безъ драки великія,
— Безъ большого кроволитія. —

А къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался,
И спроговорить государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

50. « Ай же вы, князи и бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Дума думать, а не продумать бы.
« Наступаетъ на Смоленецъ король литовскій,
« Станемъ ли за Смоленецъ постояти?»
55. Изъ меньшихъ бояръ бояринъ выступаетъ,
Поблизенько къ государю подходитъ,
И низенько государю поклонился,
И спроговорить меньшій бояринъ:
— Ай же ты, государь-царь,
60. — Алексѣй сударь Михайловичъ Московско
— Благослови мнѣ словечко сговорити,
— А не прикажи за слово сказнити:
— А Смоленецъ есть строенье не литовско,
— А Смоленецъ есть строеньице московско,
65. — Во Смоленцѣ силы сорокъ тысячъ,
— Казна есть безчетна:
— Надо намъ постоять за Смоленецъ,
— А не надо намъ отдавати.—
И спроговорить слово государь царь,
70. Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ты знаешь съ государемъ говорити:
« Поѣзжай-ко во Смоленецъ воеводой,
« Постой за городъ Смоленецъ.»
Этихъ первыхъ двухъ бояриновъ
75. Приказалъ царь сказнити.

[Отъ крестьянина дер. Уной губы Гаврилы Амосова.]

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

48.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

- А не куличенька по болоту куликаетъ,
Какъ самъ большой князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздитъ-гуляетъ, со полкамы,
Что со тима со полкамы, съ конными егарамы.
5. Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ-гадаетъ,
Ужъ какъ думаетъ-гадаетъ, срозмышляетъ:
« Още гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣ-
хать?
- « Если полюшникомъ ѣхать, ему очень князю пыльно;
« Если лѣсушникомъ князю ѣхать, ему очень страшно;
10. « Что болотамы князю ѣхать, ему было грязно;
« Что Москвою князю ѣхать, ему было стыдно:
« Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою-Тверскою,
« Что Ямскою-Тверскою, глухимъ переулкомъ.»
Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
15. Скидываетъ-то князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился онъ князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился, самому Государю всѣхъ ему пониже:
« Ужъ ты здравствуй, нашъ Государь Императоръ!
20. « Още жалуешь насъ, Государь, малыма чинамы,
« Още жалуешь насъ, Государь, мелкима селамы,
« Пожалуй-ко, Государь, Малымъ-Ярославцемъ.»
— Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбил-
ся?—
- « Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы.»

(Отъ Леонтія Богданова.)

СЫНЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

49.

(Тамъ же).

- А что во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Откуль взялся-проявился тутъ незнамый человѣкъ,
Баско-щепетко по городу погуливаетъ,
Бархатный камзолчикъ на распашечку одѣтъ,
5. Черна шляпонька съ прозументомъ на русыхъ на кудряхъ.
А что увидѣлъ-то молодца воевода со крыльца,
Скрычалъ-то воевода своимъ громкимъ голосомъ:
« Охъ вы, сходите-приведите удала молодца,
« Удала молодца со царева кабака!»
10. Приводили молодца къ воеводѣ на дворъ,
Сталъ же воевода его допрашивать:
« Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ!
« Ты которыхъ родовъ, которыхъ городовъ:
« Съ Казани-ль ты, съ Рязани-ль, али съ Астрахани?»
15. — Не съ Казани я, не съ Рязани, не изъ Астрахани:
— Уже есть я, молодецъ, Стеньки Разина сынокъ.
— Что хотѣлъ мой батюшка къ вамъ въ гости побывать:
— Ты умѣй же его стрѣчать, его подбивати.—

[Отъ Л. Богданова.]

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

50.

(Черниговской губерніи.)

Емельянъ Пугачевъ природою съ Дона,
Въ Россіи какъ дома;
Пришелъ онъ въ Рассею съ малой дружиной,
А сдѣлалъ ее со великой кручиной. . . .
(Списано въ 1839 г., съ подписи подъ стариннымъ изображеніемъ Пугачева.)

**VI. БЫЛИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, БЫЛЕВЫЯ ПЪС-
НИ: КНЯЖЕНЕЦКІЯ, МОЛОДЕЦКІЯ, БЕЗЪИМЕННЫЯ.**

О ДВУХЪ ЛИВИКАХЪ.

51.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости)

На Паневъ на Улановъ
Жило—было два Ливика,
Королевскіе два племянника.
Воспроговорятъ два Ливика,

5. Королевскіе два племянника:
« Ай же ты, нашъ дядюшка,
« Чумбалъ король земли литовскія!
« Дай—ко намъ прощеньице и благословеньице
« А съѣздить намъ на святую Русь,
10. « Ко тому ко князю Роману Митріевичу. »
Воспроговорить имъ дядюшка:
— Ай же вы, два Ливика,
— Королевскіе два племянника!
— Колько ни я на святую Русь выѣздивалъ,
15. — А счастливъ съ Руси не пріѣздивалъ.
— А вы лутче поѣдете—тко
— Ко тому ко городу ко красному,
— Ко тому селу ко высокому:
— Ижно тамъ есте
20. — Добры молодцы по спальнямъ засыпалися,
— А добрые кони по стойламъ застоялися,
— Цвѣтно платице по вышкамъ залежалося,
— Золота казна по погребамъ заплеснѣла.
— И получите вы того больше добрыхъ молодецвъ,
25. — И получите вы того больше добрыхъ коней,
— И получите вы того больше цвѣтна платица,
— И получите вы того больше золотой казны.—
Тутъ они, два Ливика,

- Королевскіе два племянника,
30. Отъѣздъ держать ко городу ко красному,
Ко тому селу ко высокому.
Получили того больше добрыхъ молодцевъ,
Получили того больше добрыхъ коней,
И получили того больше цвѣтна платица,
35. И получили того больше золотой казны,
И тутъ отъѣхали на широко далече на чисто поле,
И опочевъ держать со великою со радостью.
Тутъ два Ливика раздумались:
« А не честь-хвала намъ молодецкая .
40. « А намъ не съѣздить на святую Русь,
« Ко тому князю Роману Митріевичу. »
Тутъ отъѣздъ держать на святую Русь,
Ко тому князю Роману Митріевичу.
Пріѣхали къ перву селу что ни лутчему,
45. А во томъ селѣ что ни лутчеємъ
Стояло три церкви соборныя,
Тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали ко втору селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеємъ
50. Стояло шесть церквей соборныхъ,
Соборныхъ и богомольныхъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли.
И пріѣхали къ трегю селу что ни лутчему,
А во томъ селѣ что ни лутчеємъ
55. Стояло девять церквей соборныхъ,
Соборныхъ и богомольныхъ,
И тутъ два Ливика огнемъ прижгли,
И полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митріевичну
60. Со тымъ младенцемъ двумѣсячнымъ.
Пришла вѣсточка нерадостна
Ко тому князю Роману Митріевичу:
Палетала птица, мала пташица,
И садилася ко тому князю Роману Митріевичу,

65. Въ зеленый садъ на сырой дубъ,
Распустила перья до сырой земли,
А сама стала пѣть-жупѣть и выговаривать:
— Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ есть!
— Ужъ ты ѣшь-пѣешь и проклаждаешься,
70. — А надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Какъ не стало перва села и высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя втора села и высока,
75. — Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли;
— И не стало у тя третья села высока,
— Высока села что ни лутчаго,
— А тутъ два Ливика огнемъ прижгли,
80. — И полонили ои полоняночку,
— Молоду Настасью Митріевичну
— Со тымъ младенцемъ двумѣсячнымъ. —
А онъ кинулъ головушку между плече,
А утупилъ ясны очи во калиновъ мостъ:
85. « Ай же вы, нечистые, поганые два Ливика,
« Королевскіе два племянника!
« А не вамъ бы щенкамъ блюгубнымъ
« Надо много старикомъ насмѣхатися. »
А хватилъ ножище-кинжалище,
90. А ударилъ онъ во дубовый столъ,
А прошло-то ножище-кинжалище
Скрозь дубовый столъ во калиновъ мостъ
И во сыру землю по черень.
И взималъ онъ князь Романъ Митріевичъ
95. Силушки сорокъ тысячей,
И пріѣхалъ ко той рѣкѣ къ Смородины.
А первая сила пила нападкою,
А другая роскатнымъ шеломомъ,
А третья пила почернугами.
100. И возпроговоритъ князь Романъ Митріевичъ:

- « Вся моя дружина вы хоробрая!
« Дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большого атамана:
« И берите вы жеребья поволжанные,
105. « И всякъ имена свои подписывайте,
« И спускайте жеребья на ту рѣку на Смородину.»
И коя сила пила нападкою,
А тыи жеребья каменемъ въ воду;
А коя пила роскатнымъ шеломомъ,
110. Тыи жеребья внизъ быстринъ пошли;
А коя пила почерпугами,
Тыи жеребья встрѣчь быстринъ пошли.
Говорить князь Романъ Митріевичъ:
« А не надобно мнѣ-ка силушки сорокъ тысячей,
115. « А я возьму силы три тысячи:
« А перва сила будетъ ранена,
« А друга сила во полонъ взята,
« А третья сила со радостью, со веселостью.»
И отъѣздъ держалъ отъ той рѣки отъ Смородины
120. Ко тому селу ко высокому,
Ко высокому и что не лутчему.
И обернулся онъ князь Романъ Митріевичъ
Сѣрымъ волкомъ заполнімъ,
Запольнимъ волкомъ и подъугольнімъ,
125. И заходилъ онъ къ тымъ Ливикамъ,
Королевскимъ двумъ племянникамъ,
Во тыя во конюшни стоялыя,
И добрыхъ коней повыкололъ,
И глоточки повыхваталъ.
130. И обернулся онъ бѣлымъ маленькимъ горностаемъ,
И заскакалъ онъ въ оружейную,
И у оружейцевъ замочки повывертѣлъ,
И по чисту полю пораскидалъ.
И заскочилъ онъ тутъ во лучейшую,
135. У тугихъ луковъ тетивочки повыщелкалъ
И по чисту полю пораскидалъ.

- И заскакаль онъ тутъ во бѣлой шатеръ,
И сталъ по бѣлу шатру побѣгивать,
Побѣгивать и похаживать,—
140. И весь шатеръ сталъ продрагивать (*).
И речеть младенчикъ двумѣсячной,
Двумѣсячной и двуюхъ годовъ:
— А ты спишь—не спишь, родимая мать,
— Молода Настасья Митріевинна?
145. — А это похаживать и проступывать
— И не бѣленькой маленькой горностаекъ,
— А похаживать—проступывать нашъ дядюшка,
— Князь Романъ Митріевичъ есть.—
Эти рѣчи Ливикамъ не слюбилися,
150. И скоро ли тутъ отъ крѣпкаго сну пробуждалися,
И вѣзали тутъ шубу черныхъ соболей,
И стали бѣлаго малаго горносталя поганивать,
И шубой соболиной прикидывать,
И окинули шубою соболиною;
155. И увертливый и догадливый,
Бѣлый маленькій горностаекъ
Выскакаль онъ сквозь тонкой рукавъ.
И на окошечко, а съ окошечка и на уличку,
И обернулся чернымъ ворономъ
160. Запольнімъ и подъугольнімъ.
И слетѣль воронъ въ чисто поле,
И сѣлъ воронъ на сырый дубъ,
И распустилъ перье до самой земли,
И заграяль воронъ во первый наконъ.
165. А зговарятъ тутъ два Ливика:
« А не грай, воронъ чернымъ черенъ!
« А возьмемъ мы оружіца,
« И стрѣлимъ мы тебя черна ворона,
« А прольемъ мы кровь по сыру дубу,
170. « Распустимъ перье по чисту полю.»

(*) Вар. Иво весь шатеръ сталъ продрагивать.

А того воронъ не спрашиваетъ,
И заграялъ воронъ во второй законъ.
Зговорятъ два Ливика,
Королевскіе два племянника:

175. « А не грай, воронъ чернымъ черень,
« Упалый воронъ и усталый!
« А возьмемъ мы туги луки,
« И стрѣлимъ тебя черна ворона,
« Упалаго и усталаго,

180. « Мы прольемъ кровь по сыру дубу
« И распустимъ перье по чисту полю.»
И того воронъ не спрашиваетъ,
Заграялъ воронъ въ третій законъ.
И вся сила нахлынула,

185. Двухъ Ливиковъ въ полонъ брали,
Брали въ полонъ и избезчестили:
Одному изъ нихъ глаза выкопали,
И другому руки-ноги повыломали
(И сдѣлали несчастныма уродами),

190. И послали двухъ Ливиковъ
Во свою землю жить несчастныма.
И пріѣхали они во свою землю,
А стрѣчаетъ ихъ родной дядюшка,
Чумбалъ король земли литовскія:

195. — Живите вы теперь вѣкъ свой уродами.—
И тутъ они два Ливика
Съ той тоски великія кончались.

(Со словъ крестьянина Шальскаго погоста д. Гагарской Потапа Трофимова Потахина.)

О НАСТАСЬ КОРОВЕВИЧНЪ ПОЛИТОВСКОЙ.

52.

[Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.]

- Какъ бы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы младъ соловей
5. По мхамъ, по болотищамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца
Не служба государева,
(Не наборы солдатскіе),
10. Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской украинны.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву:
15. « Ты батюшко, король литовскій!
« Прими-ко меня во слуги-рабы,
« Во слуги-рабы, хоть во конюхи,
« Избавь меня отъ службы государевой. »
Положилъ онъ добра молодца во конюхи,
20. Цѣну онъ назначилъ ему по сту въ годъ.
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
25. А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ онъ молодца во стольники,
Положилъ онъ молодцу по двѣсти въ годъ.
Я во стольникахъ жилъ три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
30. Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,

- А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники,
Положилъ онъ молодцу по триста въ годъ.
35. Я во ключникахъ жилъ цѣло три году,
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ (*).
40. У того короля литовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю литовскому:
« Батюшко король литовскій,
« Литовскій король, земли польскія!
45. « Мнѣ дай ко кроваткѣ кроватничка. »
Говорилъ король политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
50. — Хоть изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганныхъ татаровей.—
Говорила Настасья королевична:
« Мнѣ не надо ко кровати кроватничка
« Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
55. « Мнѣ не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
« Мнѣ не надо поганныхъ татаровей:
« А ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
« Своего дай любимаго ключника. »
Пожаловалъ ей любимаго ключника
60. Стоять у кровати тесовая,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовице

(*) Древнѣйшая форма трехъ послѣднихъ стиховъ въроотно была такая:
Не пилъ молодецъ зелена вина,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ медамы стоялыми,
Стоялыми медамы сладкими.

- И натянуть соболино одѣяльице.
Три году служилъ я въ кроватничкахъ.
65. Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ,
Заходилъ во кружало королевское
70. И тутъ молодецъ порасхвастался:
« Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
« Перво три году служилъ я въ конюхахъ,
« Друго три году служилъ я во стольникахъ,
« Третье три году служилъ я во ключникахъ,
75. « Это три году служилъ во кроватничкахъ.
« Меня Богъ добра молодца миловалъ,
« А король молодца любилъ-жаловалъ.
« Это три году служилъ я у кроватички:
« Не стиралъ я перинки пуховыя,
80. « Не складалъ круто спальне зголовьице,
« Не натягивалъ соболино одѣяльице,
« А я спалъ на кровати тесовыя
« Съ молодой Настасьей королевичной. »
Схватили меня добра молодца,
85. Донесли королю политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную.
На третій день добра молодца
Повели изъ тюрьмы богадѣльныя
Отрубить мнѣ-ка буйну голову.
90. Говорилъ я удалый добрый молодецъ:
« Ай вы ей, сторожа политовскіе!
« Берите съ меня золотой казны:
« Ведите меня добра молодца
« Помимо окошко королевнино. »
95. Закрывалъ я удалый добрый молодецъ:
« Прости, молода Настасья королевична!
« Какъ ведутъ меня добра молодца
« Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя

- « Отрубить мнѣ буйну голову. »
100. Закрывала Настасья королевична:
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову,
105. — А донесите королю по-литовскому,
— Что отрублена его буйна голова
— За его поступки неумильные.—
Приходилъ я къ Настасѣ королевичны,
Стала спрашивать меня добра молодца:.
110. — Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Есть ли у тебя молода жена,
— И есть ли у тебя малы дѣтушки?—
Говорилъ я удалый добрый молодецъ:
115. « Есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
« Есть у меня молода жена,
« И есть у меня малы дѣтушки. »
Говорила Настасья королевична:
— Ты возми-ко мои золоты ключи,
120. — Отмыкай-ка мои ковзны ларцы,
— Бери-ко себѣ золотой казны,
— Столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— И осталась бы твоимъ младымъ внучатамъ.—
125. Простился я съ Настасѣй королевичной,
И пошелъ молодецъ въ свою сторону.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.
-
130. Не успѣлъ-то я сегодня угорѣть.
Пришелъ вечеръ голова стала болѣть,
Зашумѣли самовары на столахъ.
Поднесите мнѣ зеленого вина:

Отлучить (*) бы отъ угару голова.

435. Мимо вашего широкаго двора
Протекала нонь широкая Нева,
Мимо вашихъ бѣлокаменныхъ палатъ
Протащили Ваньку волокомъ въ кабакъ.

[Записано со словъ Пудожгорскаго крестьянина Бутылки.]

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ И ЖЕНА НЕУДАЧЛИВАЯ.

53.

[Пудожскаго уѣзда Уношскій приходъ.]

- « Женилъ меня батюшка неволею,
« А родна матушка неохотою,
« Не у голаго женили у богатаго;
« Хоть приданаго-то много, человекъ худой. »
5. Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
« Приданому висѣть въ клѣти на грядочкѣ,
« А золоту монистру (*) лежать въ кованомъ ларцы,
« А худой-то молодой жены на моей рукѣ,
« На моей рукѣ лежать и меня цѣловать. »
10. А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
15. И подаетъ королю литовскому:
« Ай же ты, батюшка король земли литовскія
« И королевское величество!
« Принимай-ко челобитную и просматривай:
« Желаю я удалый добрый молодецъ
20. « Служить вѣрою правдою и безъизмѣнною. »
Взимаецъ король добра молодца во служеньице,

(*) Отлучить?

- Кладываетъ добра молодца во конюхи.
Три года служить молодецъ во конюхахъ.
Богъ-то молодца милуетъ,
25. А король молодца крѣпко жалуеть:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во стольники.
Въ стольникахъ служилъ онъ три года.
Богъ-то молодца милуетъ,
30. А король молодца крѣпко жалуеть:
Вынимаетъ добра молодца со стольниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашники.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ.
Богъ молодца милуетъ,
35. Король молодца крѣпко жалуеть.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшку во высокъ теремъ:
— Ай же ты, свѣтъ-государь, мой батюшко, ·
— Король земли литовскія,
40. — Королевское величество!
— Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольника,
— И нѣтъ у Елены постельника:
— Сама-то я Елена стольничаю и чашничаю,
— И сама то Елена постельничаю.—
45. Говорить-то батюшко, король земли литовскія,
Королевское величество:
« Возми-ко ты, Елена королевская дочь,
« Добра молодца во стольники, во чашники,
« Во чашники, хоть въ постельники. »
50. Тутъ-то Елена королевска дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особыя;
И сама-то Елена стала стольничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
55. И сама-то Елена стала постельничать;
Кормить-поить добра молодца,
Кормить-поить, низко кланяется,

- И стелеть перину пуховую
На тую на кроватьку на тисовую;
60. И ложить-то удалаго добра молодца,
Сама-то Елена подлѣ его легла:
Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Живетъ-то съ Еленой ровно три году.
65. Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуетъ.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодецъ:
— Спусти-ко, Елена королевска дочь,
— На широкую улицу прогулятися.—
70. Говоритъ тутъ королевска дочь:
« Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
« Не ходи-ко ты на широку улицу прогулятися.
« Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабацъ,
« Напьешься зелена вина,
75. « Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ,
« Тутъ ты, удалый, разкуражисся и порозбракаешся
« И мною Еленой порасхвастаешся:
« Тутъ тебѣ удалому живу не бывать.»
— Ай же ты, Елена королевска дочь!
80. — Не пойду я во царевъ кабацъ,
— Не стану пить зелена вина,
— Запивать медами застоляма.—
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятися
85. И дала удалому пятьдесятъ рублей съ полтинкою.
И пошелъ добрый молодецъ на улицу
Мимо кружала государева,
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
90. Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И налили чару зелена вина,
И подлили меду сладкаго,

- И подносятъ удалу добру молодцу,
95. Сами низко кланяются:
« Ай же ты, королевской служитель есть!
« Выпей-выкушай чару зелена вина.»
Тутъ-то удалый добрый молодець,
Не можетъ отъ нихъ отслышаться.
100. Наливаютъ другой наконъ пива пьяного
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меду сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
« Ты выпей-выкушай меду сладкаго.»
105. И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго,—
Тутъ молодца забрала хмѣлинушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодець разкуражился,
И порозбраклся, и Еленой порасхвастался:
— Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой,
110. — Богъ меня милуетъ,
— А Елена молодца крѣпко жалуетъ.—
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали-сказали королю литовскому:
« Ай же ты, батюшко король земли литовскія,
115. « Королевское величество!
« Твой-то служитель королевскій
« Сидить въ кабакъ государевомъ,
« Пьетъ зелено вино,
« Запиваетъ медами застоюлыма,
120. « Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичной
« Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
« Живу-то я съ Еленой королевичной, будто мужъ съ
женой,
- « Богъ меня милуетъ,
« А Елена меня крѣпко жалуетъ.»
125. А теи рѣчи королю не къ лицу пришли,
Говорить-то король таково слово:
— Ай же вы, слуги королевскіе!
— Подьте скоро на царевъ кабакъ,

- Свяжите удалому руки бѣлыя
130. — Во тыя пута шелковыя,
— И закуйте удалому ноги рѣзвыя
— Во тыя во желѣза во нѣмецкія,
— И сведите на болото на Куликово
— На тую на плаху на липову,
135. — Отрубите ему буйну голову.—
Тутъ-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
140. Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Куликово,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Тутъ-то удалый говорить таково слово:
145. « Ай же вы, королевскіе служители!
« Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
« Не ведите позани дворца,
« А ведите посередъ дворца.»
Запѣлъ тутъ удалый пѣсню жалкую:
150. « Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
« Служилъ вѣрой правдою и безъизмѣнною:
« Теперь выжилъ у короля смерть—казнь скорую.»
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
155. И говорить она таково слово:
— Ай же вы, королевскіе служители!
— Не ведите удалаго добра молодца,
— На болото на Куликово, на плаху на липову,
— Не рубите буйной головы,
160. — А ведите къ королевичной на новы сѣни.—
Тутъ-то королевскіе служители,
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говорить имъ Елена королевична:

165. — Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
— Развяжите ему ручки бѣлыя,
— Разкуйте удалому ножки рѣзвыя,
— Спустите удалаго на свою волю.—
Тутъ-то королевскіе служители
170. Взяли пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Спустили добра молодца на свою волю.
Говоритъ Елена королевска дочь:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
— Я тебѣ доброму молодцу говаривала:
175. — Не ходи на царевъ кабакъ,
— Не пей зелена вина.
— Ты какъ зашелъ на царевъ кабакъ,
— Напился зелена вина,
— Запивалъ медами застоляима,
180. — Тутъ-то доброй молодецъ разкуражился,
— И порозбикался, и мною Еленой порасхвастался,
— А вотъ тебѣ же добру молодцу живому не бывать.—
И говоритъ Елена королевска дочь:
— Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтинкою.
185. — А поди-тко въ свою сторону,
— Ищи отца-матери, роду-племени
— И тую худую молодую жену.—
Тутъ-то удалый добрый молодецъ,
Обералъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтинкою,
190. И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-метери, роду-племени
И тую худу молодую жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ,
195. Тутъ-то удалый пораздумался:
« Къ отцу къ матери итти—живыхъ не застать,
« Къ роду-племени итти—не спознають-то.
« А пойду я къ худой молодой жены,
« Можетъ быть не спознаетъ-ли?»
200. Придетъ-то удалый во деревенку,

А во деревнѣ теремъ высокъ оведенъ,
Верхи съ верхами совиваются.

Стоить удалый самъ дивуется:

« Чей это теремъ высоко сведенъ? »

205. А бѣгаетъ по улицы два малыхъ вьюнуша,
Играють щильцомъ мячомъ,

И говорить удалый добрый молодецъ:

« Ай же вы, ребятка малые вьюнухи!

« Чей это теремъ высокъ сведенъ,

210. « Верхи съ верхами совиваются? »

— Ай же ты, дядюшка, незнаемый!

— Этотъ-то теремъ нашей матушки,

— А у нашей матушки нѣту батюшка:

— Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу ушелъ,

215. — Нѣтъ ни вѣсточки ни грамотки,

— Ни низкаго челобитьца. —

А онъ говорить таково слово:

« Я вамъ батюшка съ гульбы пришелъ. »

Тутъ-то ребята малые вьюнухи

220. Бѣжали во высокъ теремъ,

И сказали своей матушкѣ:

— Свѣтъ ты, наша государыня матушка!

— Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,

— Стоить онъ у крылечка перенаго,

225. — Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ. —

Выскакивать худая молода жена

Со того со терема высокаго,

И опознала своего мужа любезнаго,

Цѣловала во уста во сахарнѣя,

230. Свела его во высокъ теремъ.

Тутъ-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,

Тутъ удалому и славу поють.

(Отъ крестьянина дер. Улой губы Гаврилы Амосова.)

ЦАРЬ САЛАМАНЪ (*).

54.

ПОВѢСТЬ О СВЯТОМЪ ГРАДѢ ІЕРУСАЛИМѢ ИЗЪ ДАВНИХЪ
ЛѢТЪ.

Было собраніе царямъ, княземъ и всѣмъ Израилейскимъ мужемъ во святую субботу на горѣ Сіонской у дуба Мамврійскаго. Первый царь Втоломѣй, второй царь Іакимъ, третій царь Евгей, четвертый царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ, а всѣхъ ихъ продолженія ради не начахъ писати. Молебное пеніе было и воста царь Втоломѣй и рече: «Бо есте, царіе и князи! Кому сею ноцію какое виденіе виделось? не можете того никто утаити. Азъ, братіе, во утреннее пеніе видѣлъ: отъ восточныя страны восходило солнце красное, и освѣтило всю вселенную; а другую сторону взросло древо кипарисное; кореніе у древа болотное, ветви у древа серебряное, листвіе золотое разцвело; то древо драгимъ жемчугомъ созрело, самоцвѣтнымъ каменіемъ. На верху того древа сидитъ белъ кречетъ; колокольчики у него на ногахъ отъ золота аравицкаго. А хто, братія, то виденіе разкажетъ, и азъ того полюби пожалуй.» И всѣ цари и князи стоячи промолчали. И выступилъ царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ:—Господине царю Втоломѣю! Азъ тобѣ про то скажу и виденіе твое разгадаю за двенадцать лѣтъ на сына своего Соломана и на дочь твою Саламаниду. А еще ихъ въ утробахъ нѣтъ.—Что отъ восточныя страны восходило солнце красное и освѣтило всю вселенную, то будетъ начальный градъ Іерусалимъ; а другую сторону взросло древо кипарисное.

[Изъ рукописи XVII или начала XVIII столѣтія, принадлежавшей капитану Ивану Дементьеву сыну Плотникову, а нынѣ принадлежащей полковнику Нордштейну. Правописаніе сохранено подлинник.]

(*) По словамъ Козьмы Романова, въ сказаніи о Саламанѣ начало всему сонъ отца Саламанова, а потому и мы передъ продолженіемъ побывальщины, записанной въ 54 № II тома, помѣщаемъ 2 варианта этого сна.

СОНЪ САЛАМАНОВА ОТЦА.

55.

(Кижской волости, Сѣногубскаго погоста.)

Говорить царь Антоломанъ Антоломановичъ:

« Ты, премудрый царь Давидъ Асѣвичъ!

« Мнѣ ночесъ спалось, восняхъ видѣлось:

« Какъ бывъ у меня въ зеленомъ саду

5. « Вырослоо деревцо сахарнее,

« И вѣмъ то деревцо изукрашено,

« Листыицемъ оно изнавѣшено.

« Изъ далеча далеча чиста поля

« Налетала птичка маленьенька,—

10. « Сердцемъ—тымъ зла, негтемъ востра,—

« Съла на деревцо сахарнее,

« Распустила крылья до сырой земли:

« Не видать того деревца изъ подъ крыль его. »

И проговорить царь Давидъ Асѣвичъ:

15. — Царь Антоломанъ Антоломановичъ!

— Я скажу тебѣ, попровѣдаю,

— Самъ твой я сонъ тотъ порозсужу:

— Не деревцо у тебя вырослоо въ зеленомъ саду,

— У твоей царицы благовѣрныя

20. — Будеть чадо, единая дочь;

— А не птичка налетѣла изъ чиста поля,

— А у моей царицы благовѣрныя

— Будеть чадо, единый сынъ;

— И пройдетъ времени ровно тридцать лѣтъ,

25. — И може мой сынъ на твоей дочери женать будетъ.

(*) Крестыянннъ загадываетъ еще двѣ загадки Саламану, первую:
« знаешь ли моему хлѣбу мѣру? » и другую: « который же скотъ

(*) Здѣсь слѣдуетъ продолженіе побывальщины № 54 II тома.

прибыльнѣй держать?» И говоритъ Саламантъ:—А твоему хлѣбу мѣра вострыя зубы. Овцу держать прибыльнѣе: шерсть стри- жешь, шкуру соймешь, шубу сошьешь, тушу ей варить мож- но. А другая скотина—корова: шкуру ей соймешь, сапоги со- шьешь, тушу варить можно, а молоко въ пользу.

**ЦАРЬ САЛАМАНЪ, ЦАРИЦА САЛАМАНИА И ЦАРЬ ВАСИЛІЙ
ОКУЛОВИЧЪ.**

56.

[Пудожскій уѣздъ, Кенозеро.]

- За славнымъ было за синимъ моремъ,
Во начальномъ-то было во Царѣ-градѣ,
У царя ли Василья Окулова,
Хорошій заведенъ былъ почестный пиръ
5. На многи на князи, на бояра,
На сильны могучи богатыри
На всѣ паленицы удалыя,
На всѣ татары, на уланове.
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
10. Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
Хорошо государь распотѣшился,
Выходилъ по гриднѣ, выговаривалъ:
« Ужъ вы, мои князи-бояра,
« Всѣ сильны могучи богатыри,
15. « Всѣ паленицы удалыя,
« Всѣ татары, всѣ уланове
« У меня во Царѣградѣ изпоженены,
« Всѣ дѣвицы-вдовицы замужъ выданы;
« Я прекрасный царь Василій холостъ хожу.
20. « Вы не знаете-ль мнѣ супротивницы,
« Супротивницы какъ супротивъ меня:
« Станомъ статна была бы, умомъ сверстна,
« У ей очи-то были бы ясна сокола,
« У ей брови-то были бы черна соболя

25. « У ней рѣчь-пословица умильная
« Будто бѣлыя лебеди пролетныя;
« У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
« У ей ягодницы (*) будто маковъ цвѣтъ,
« Походка бы лани златорогія,—
30. « Не была бы другая такая на семь свѣтъ.»
Тутъ всѣ во пиру призаможи-сидя (**),
Большой хоронится за средняго,
Середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго царю отвѣту нѣтъ.
35. Изъ того де стола изъ-за окольнаго,
Со той де скамейки дорогъ рыбій зубъ,
Выставалъ Таракашко гость заморининъ,
Приходить къ царю близешенько.
Покланяется царю низешенько:
40. — Благослови, государь, слово промовити!
— Бывалъ я далече за синемъ моремъ,
— Во начальномъ-то градѣ во Іерусалимѣ,
— Тамо есть царьца Саламанида:
— Она станомъ стаца и умомъ сверетна.
45. — У ей очи-то были ясна сокола,
— У ей брови-то были черна соболя,
— Рѣчь-пословица умильная
— Будто бѣлыя лебеди пролетныя,
— У ей лицо-то будто бѣлый снѣгъ,
50. — У ей ягодницы будто маковъ цвѣтъ,
— Походка будто лани златорогія.
— Не видалъ я другой такой на семь свѣтъ.
— Сидить, сударь, во высокихъ во теремахъ,
— Ей красно солнышко не оппечетъ,
55. — Часты мелки дождички не обмочатъ,
— Ей добрые-то люди не осмѣютъ.—
Говорить Василій царь Ожоловичъ:

(*) Ягодцы, щави.

(**) Сидѣть.

- « Ты глупъ Таракашко гость заморяннѣ!
« Еще какъ отъ жива мужа жена отнять?»
60. — Я вѣдь знаю какъ жена отнять:
— Мнѣ построй-ка три корабля черненые,
— Носы-кормы взводи по звѣриному,
— Бока-то взводи по змѣиному,
— За очи-ты мѣсто (*) зрачивай
65. — По цѣлой лисицы по пещерскія,
— За брови мѣсто почернивай
— По цѣлому соболю сибирскому;
— Поставь по древу кипарисному,
— На древо посади птицы райскія,
70. — Чтобы пѣли де пѣсенки по царскому;
— Построй-то кровать слоновыхъ костей,
— Въ зголовьяхъ станови, сударь, гусельшка,
— Чтобы сами и гудѣли, сами тонцы вели,
— Тонцы-то вели все Царя-града,
75. — Утѣха-то была Іерусалима,
— Отпѣвали умъ-разумъ во буйной головы,
— Во буйной головы челоуѣческой;
— Накати, сударь, водки все дворянскія,
— Накати питья все забудущаго;
80. — Мнѣ-то дай шкиперевъ, сударь, работниковъ:
— Привезу, сударь, ти Соломаниду.—
Царь все онъ сдѣлалъ повелѣное:
Накатилъ ли какъ водки все дворянскія,
Накатилъ ли питья все забудущаго,
85. Да и далъ шкиперевъ ему работниковъ.
И скоро Таракашко собирается,
За синее-то море попускается,
Онъ будетъ поблизку града Іерусалима.
Поѣзжаетъ Саламанъ во чисто поле,
90. Приходить къ царицы Соломаниды,
Самъ говорить таково слово:

(*) Вм. очей.—

- « Ты прекрасна царица Саламанида!
« Пришелъ я съ тобой попроститися,
« А поѣду я теперь во чисто поле. »
95. Говорить царица ему, отвѣтъ держить:
— Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ!
— Ночесь, государь, мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы да у тебя на правой рукѣ
100. — Распаялся бы златенъ перстень,
— Выкаталася вставка Новгородская,
— По твоей середины бы разсыпалася.—
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Сама ты спала, себѣ сонъ видѣла. »
105. Говорить царица таковы слова:
— Еще государь мнѣ мало спалось,
— Мало спалось, много во сняхъ видѣлось:
— Кабы изъ твоего саду изъ зеленого
— Везли де твою лебедь бѣлую.—
110. Умѣетъ Саламанъ какъ сонъ судить:
« Прекрасна царица Саламанида!
« Не сдавайся на предести на мужески. »
Попростился, уѣхалъ во чисто поле.
Гость Таракашко заморянинъ
115. Затынулъся во гавань корабельную,
Беретъ честные дороги дарове,
Приходить къ царицы во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
120. На всѣ стороны поклоняется,
Самъ говорить таково слово:
— Прекрасна царица Саламанида!
— Примаю отъ меня честные дарове,
— А мнѣ дай писаревъ-переписчиковъ
125. — Переписать у меня животъ, на корабляхъ,
— Съ чего бы ти брать дани-опошлины,
— А мнѣ торговати въ Иерусалимъ.—

- Дала писаревъ ему, переписчиковъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
130. Подносилъ де имъ водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ имъ питья все забудущаго:
Тутъ писаря всѣ упивались
И по кораблямъ всѣ развалилися.
135. Гость Таракашко порасплакался,
Ко царицы пришелъ, поразжалился,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты, прекрасна царица Саламанида!
— Заѣзжимъ ты гостемъ посмѣхаеться:
140. — Не писаревъ ты мнѣ дала, переписчиковъ,
— Дала ты пьянь да голъ кабацкую:
— Будто вѣкъ не пивали зелена вина,
— Нонь лежать какъ скотина крестьянская. —
Сама-то царица подымалася
145. Она силы беретъ до пяти сотъ.
Приводилъ Таракашко на первый корабль,
Подносилъ ей водки все дворянскія;
Приводилъ Таракашко на второй корабль,
Подносилъ ей питья все забудущаго:
150. Тутъ царица упивалася.
Гость Таракашко догадается,
Сходни наладилъ, что двоимъ пройти,
Проводилъ Таракашко на третій корабль,
Гдѣ построена кровать-то слоновыхъ костей:
155. Ложилась царица спать на кровать слоновыхъ костей.
Гость Таракашко догадается,
Закричалъ Таракашко злчнымъ голосомъ:
— Вы всѣ шкиперя мои, работники!
— Подымайте по парусу полотняному,
160. — Побѣгайте далече во сине море. —
Прохватилась царица изъ-за крѣпка сну,
Всѣ шкипаря пометалися,
Подымали де паруса полотняные,

Побѣжали далече во сине море.

Прохватилась царица изъ-за крѣпкаго сну,

165. Сама говорила таково слово:

« Гость Таракашко заморянинъ!

« Про себя ты везешь, я съ тобой нейду.»

Умѣетъ Таракашко какъ отвѣтъ держать:

— Не про себя я везу тебя, про друга,

170. — Про царя Василья Окулова.

— Да вѣдь какъ наша-то вѣра лучше ваша:

— Всѣ среды и пятки за единый день,

— Среду-пятницу скоромъ кушаютъ.—

Ей эта вѣра полюбилася.

175. Скоро побѣжали ко Царю-граду,

Затянулись во гавань корабельную,

Встрѣчаетъ царь Василій Окуловичъ,

Беретъ ее де за руки за бѣлыя,

Цѣлуетъ во уста во сахарныя,

180. Ведетъ ее во кирку во соборную.

Принимали по своему золотыя вѣнцы,

Стали жить-быть, да вѣкъ коротати.

Привзжаютъ Саламанъ изъ чиста поля,—

И не стало царицы Саламаниды.

185. Премудрый Саламанъ царь Давыдьевичъ,

Онъ набралъ де силы сорокъ тысячей,

Все де какъ латниковъ-кольчужниковъ.

Пошелъ де Саламанъ кругъ синя моря,

Кругъ синя моря да ко Царю-граду.

190. Онъ будетъ подъ рощами зелеными,

Оставляетъ онъ силу всю подъ рощами,

Силы-то самъ наказывалъ:

« Все мое войско любезное!

« Я одинъ пойду теперь во Царь-городъ.

195. « И буду я у смерти-то у скорыя,

« Затрублю я де во турій рогъ во первый разъ,—

« Такъ вы скоро сѣдлайте добрыхъ коней;

« Затрублю я въ турій рогъ во второй-то разъ,—

- « Такъ вы скоро садитесь на добрыхъ коней;
200. « Затрублю я въ турій рогъ во третій разъ,—
« Вы будьте скоро у рели (*) у дубовыя,
« Обороните меня отъ смерти скорыя.»
Попростидся, одинъ пошелъ во Цареградъ,
Идетъ мимо палату мимо царскую,
205. Закричалъ Саламанъ зычнымъ голосомъ:
« Ты, прекрасна царица Саламанида!
« Подай мнѣ прохожему милостину.»
Отворялось окошечко косерчато,
Не бѣлая лебедушка прокырчила,
210. Говорила царица таково слово:
— Да я вижу,—не калика перехожая,
— Я вижу,—Саламанъ царь Премудрый.
— Пожалуй-ко, Саламанъ, во высокъ теремъ:
— Мое, сударь, дѣло поневольное.—
215. Пришелъ Саламанъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется.
Прекрасна царица Саламанида
220. Садилась за столы бѣлодубовы,
Понть-кормить, много чествуетъ.
Пріѣзжалъ Василій изъ чиста поля,
Застучалъ во кольцо во серебряно,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
225. « Прекрасна царица Саламанида!
« Нонь куда мнѣ будетъ подѣватися?»
— А подитко, Саламанъ, во окованъ ларецъ.—
Отмыкала замки-то двудорожные,
Запускала Саламана Премудраго,
230. Замыкала Саламана замками двудорожными;
Запускала царя Василя Окулова,
Сама садилась на окованъ ларецъ,
Говорила царица таково слово:

(*) Рель, тесляница.

- Прекрасный Василій царь Окуловичь!
235. — Сказали Саламанъ-то хитерь, мудерь!
— Нонь ужели Саламана здѣ глупѣ нѣтъ:
— Сидить подъ подъ женскою. —
Говорилъ Василій таково слово:
« Прекрасна царица Саламанида!
240. « Покажи мнѣ Саламана Премудраго. »
Отмыкала замки да двудорожныя,
Выпущала Саламана Премудраго,
Сама говорила таково слово:
— Прекрасный Василій царь Окуловичь!
245. — Предай ты Саламану смерть-скорую:
— Ужели вѣдь Саламанъ-отъ есть хитерь-мудерь. —
.
260. А царь все вѣдь онъ дѣлалъ повельное.
Поѣхали ко рели ко дубовыя:
Ѣдетъ Саламанъ царь Премудрый,
Ѣдетъ Василій царь Окуловичъ,
Ѣдетъ царица Саламанида,
265. Ѣдетъ Таракашко-гость заморянинъ.
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Царь Василій ты Окуловичъ!
« Передни-то колеса, конь везетъ,
« Да ужъ задни колеса зачѣмъ чертъ несетъ? »
270. Никто де тому не догадается.
Пріѣхали къ рели ко дубовыя,
Становился Саламанъ на первой ступень,
Говорилъ Саламанъ таково слово:
« Ты, прекрасный Василій царь Окуловичъ!
275. « Ужъ я за молодость да за ребячество
« Пасывалъ я скотину крестьянскую,
« Благослови заиграть, сударь, во турій рогъ. »
Затрубилъ Саламанъ во турій рогъ во первый разъ:
Сила-та вся сколыбается,
280. Скоро сѣдлали добрыхъ коней.
Убоялся царь Василій, уполошался:

— Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,

— Еще де что въ чистомъ полѣ стучить-бренчить?—

Говорилъ Саламанъ таково слово:

285. « Не бойся, Василій, не полошайся:

« Мои-то кони въ Іерусалимѣ

« Пошли со стойла во темны лѣса,

« Бьютъ копытами въ сыру землю,

« Поминаютъ Саламана Премудраго.»

290. Ступилъ Саламанъ на второй ступень,

Затрубилъ де въ турій рогъ во второй разъ:

Сила-та вся сколыбалася,

Скоро сажались на добрыхъ коней.

Убоялся Василій, уполошался:

295. — Что за чудо, Саламанъ, сотворилося,

— Еще что де въ чистомъ полѣ стучить, бренчить?—

« Не бойся, Василій, не полошайся:

« Моя-то птица въ Іерусалимѣ

« Полетѣла изъ саду во темны лѣса,

300. « Бьетъ крылами о темный лѣсъ,

« Вспоминаетъ Саламана Премудраго.»

Вступилъ Саламанъ на третій ступень,

Затрубилъ ли онъ въ турій рогъ по ратнему:

Сила-то вся оболѣтѣла,

305. Будто ясные соколы облетѣли,

Будто стрые-то волки обрыскали,

Наѣхали къ рели ко дубовыя,

Снимали де царя Саламана Премудраго,

Съ тоя со рели со дубовыя;

310. Царя де Василья Окулова,

Положили во петлю шелка бѣлаго,

Прекрасную царицу Саламаниду

Положили въ петлю шелка краснаго,

Гостя Таранашку де Заморскаго

315. Положили въ петлю шелка чернаго.

Поплѣнили они весь Царь-городъ,

И назадъ пошли вокругъ синя моря,

Вокругъ синя моря, моря къ Іерусалиму,
Стали жить быть, да вѣкъ коротати.

[Отъ Порожскаго старика.]

ПОХОЖДЕНІЯ ИВАНА.

НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ.

57.

[Повѣнецкій уѣздъ, Пудожгорскій погостъ].

При тоемъ царѣ при Ѳедорѣ Васильичѣ
Жилъ-былъ бояринъ богатый.

У него было три сына три любимыя.

И выстроилъ вѣмъ по дому по великому.

5. Посылалъ онъ перво сына старшаго

Во свой во домъ новостроенный,

Самъ говорилъ таковы слова:

« Ай же ты, мое чадо милое!

« Что тебѣ во снахъ привидется (*)

10. « Тотъ мнѣ сонъ порозскажи. »

Ему во снахъ ничего не привидѣлось.

По другую ночь послалъ сына средняго,

И ему ничего не привидѣлось.

По третью ночь послалъ сына младшаго,

15. Ему чуденъ сонъ привидѣлся:

— Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,

— А отецъ опосля тую воду пилъ. —

Убоялся удалый добрый молодецъ.

И не смѣлъ того сна порозсказать.

20. Разсердился родитель его батюшка,

Отдалъ его во слуги-рабы

Тому ли большему боярину.

Онъ служилъ у боярина три году,

Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною,

(*) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: Что тебѣ покажется очевидное.

25. А бояринъ его любилъ-жаловалъ.
И сталъ у него бояринъ спрашивать:
« Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ,
« За что тебя отдалъ ко мнѣ батюшка? »
Говорить удалый добрый молодецъ:
30. — А привидѣлся мнѣ-ка чуденъ сонъ,
— И не сказалъ я сну родитель-батюшку. —
« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій. »
Говорить удалый добрый молодецъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку,
35. — Не скажу и тебѣ, своему барину. —
Разсердился онъ на удала добра молодца,
Отдалъ его во солдатушки.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ въ солдатушкахъ служить три году
40. У того царя Ѳедора Васильича,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
А царь его любилъ-жаловалъ.
И сталъ его царь спрашивать:
« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
45. « За что тебя баринъ отдалъ во солдатушки? »
— Не сказалъ ему я сну отцовскаго. —
« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій;
« Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,
« Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную. »
50. И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку
— И не сказалъ своему барину,
— Не скажу тебѣ, царское величество! —
Разсердился царь Ѳедоръ Васильевичъ,
55. Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную,
Самъ поѣхалъ за сине море
Свататься на Настасѣ царевичной
У того царя Василья Левидова.
Провожала его любима сестра,
60. Молода Анна свѣтъ Васильевна,

Простилась она и воротилась,
Домой пошла и заплакала,
Зашла она къ затюремщичкамъ,
Подавала имъ по милостины.

65. Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:

— Ай же ты, Анна Васильевна!

— Уѣхалъ твой братецъ за сине море,

— Не будетъ онъ вздъ во живности.—

Тутъ она порасплакалась,

70. Стала у него выпрашивать:

« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,

« Почему ты можешь знать,

« Можешь знать и высказывать?»

Тогда онъ порасхвастался:

75. — Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,—

— Пойдешь за меня за мужъ

— И назовешься моей молодой женой,—

— Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя

— Твоего братца любимаго.—

80. Тутъ молода Анна Васильевна

Бѣжала къ отцу ко духовному;

Писали они тутъ духовную,

И давали ему золотой казны,

Столько давали, сколько надобно,

85. Отправляли его за сине море.

Бдучись по тому синю морю

Услыхалъ удалый добрый молодецъ

Шумячись сорокъ разбойниковъ.

Закрывалъ удалый добрый молодецъ:

90. — Ай же вы, братцы товарищи!

— Приставайте къ круту бережку.—

Выходилъ онъ на крутой бережокъ,

Приходилъ къ сорока разбойникамъ

И сталъ ихъ допрашивать:

95. — Ай же вы, удалые добрые молодцы!

— Скажите мнѣ, заповѣдайте,

- Чего вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна шапочка,
100. « Одна шапочка невидимочка:
« Не можемъ мы ю пороздѣлить,
« На томъ мы и пораздорили. »
Говорить удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту шапочку:
105. — Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону:
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой,
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
110. — Тому она доставается. —
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
115. Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ шапочку невидимочку,
Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
120. И услышалъ опять удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойничковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
125. — Ай же вы, удалые добры молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна скатереточка,
130. « Скатереточка-хлѣбосолочка:
« Не можемъ мы по пороздѣлить,
« На томъ мы и пораздорили. »

Говорить удалый добрый молодецъ:

— Я раздѣлю эту скатереточку:

135. — Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону,
— Бѣжите вы слѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,

140. — Тому она достается. —

Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,

Налагалъ-то стрѣлочку каленую,

Стрѣлилъ въ одну сторону;

Тутъ они сорокъ разбойниковъ

145. Бросались за этой стрѣлочкой;

А онъ удалый добрый молодецъ

Тяпнулъ скатереточку хлѣбосолочку,

Убѣжалъ на свою лодочку

И поѣзжалъ впередъ по синю морю.

150. И услышалъ опять удалый добрый молодецъ

Шумячись сорокъ разбойниковъ.

Приставалъ онъ къ круту бережку,

Приходилъ къ сорока разбойничкамъ

И сталъ ихъ допрашивать:

155. — Ай же вы, удалые добрые молодцы!

— Скажите мнѣ, заповѣдайте,

— Что вы между собой спорите?—

Сказали они ему, заповѣдали:

« Нашли мы коверъ самолетный:

160. « Не можемъ его пороздѣлить,

« На томъ мы и пораздорили.»

Говорить удалый добрый молодецъ:

— Я раздѣлю коверъ самолетный:

— Натяну я свой тугій лукъ,

165. — Наложу я калену стрѣлу,

— Стрѣлю въ одну сторону,

— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой:

— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,

— Тому коверъ доставается.—

170. Натягивалъ онъ свой тугой лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
175. А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ коверъ самолетный,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣхалъ впередъ по синю морю.
Доехалъ онъ по синю морю
180. Ко тому царю ко заморскому,
Ко Грозному Василию Левидову;
Становился во пристань великую
Между тѣхъ черленыхъ кораблей
На своей на малой на лодочкѣ.
185. Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Стрѣтается царю своему земельному
И самъ ему не спознается:
— Скажи мнѣ, царь, заповѣдай-ка,
— Чего ты идешь, самъ кручиннишься?
190. — Въдъ ты здѣсь у царя теперь сватаешься.—
Говорить царь Федоръ Васильевичъ:
« Сваталъ я у царя Василья Левидова.
« Онъ далъ мнѣ заповѣдь великую:
« Ко тому ко дню ко завтраю
195. « Шить башмаки сафьянные,
« Какіе онъ еще вздумаетъ.
« А буде не сошью по разуму,
« Отрубить мнѣ буйну голову.»
Говорить удалый добрый молодецъ:
200. — Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера:
— А все это тебѣ поисправится.—

205. Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ къ Грозному царю,
Ко Грозному царю Василью Леvidову.
Шьютъ тамъ у него сапожники,
Шьютъ-то башмаки зеленъ сафьянъ.
210. Тутъ удалый добрый молодецъ
Утянулъ онъ сафьяну зеленого,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили башмаки сапожнички,
А онъ шилъ однимъ кончикомъ,
215. Положилъ башмаки на гвоздики,
И унесъ ихъ башмаки зеленъ сафьянъ.
Прохватилися удалые добры молодцы
И видятъ, что башмачки они испортили;
Тутъ они закручинились,
220. Перешили башмаки, понаводили.
Тутъ-то удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Федоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ башмаки зеленъ сафьянъ,
Самъ говорить таковы слова:
225. — Накось ты, Федоръ Васильевичъ!
— Снеси ты башмачки зеленъ сафьянъ
— Ко тому Василью ко Леvidову,
— А только напередъ не показывай,
— Чтобы были они съ царскими равные. —
230. Приходить Федоръ Васильевичъ
Во тья палаты государевы
Ко тому Василью ко Леvidову,
Самъ говорить таковы слова:
« Ай же ты, Грозный Василій Леvidовичъ!
235. « Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
« Покажи-тко свои башмачики,
« И тогда буду свои показывать. »
Какъ сличили они башмачики,
Его башмачики лучше ихъ,
240. Изъ того же сафьяну изъ зеленого.

- Говорилъ Василій Леvidовичъ:
— Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
— Ко тому ко дню ко завтраю
— Сшей-ко шубу черныхъ соболей,
245. — А паволоку, какую я здумаю.—
Закручинился царь, запечалился,
Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодецъ:
« Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
250. « Ты чего идешь, самъ кручинишься?»
— Грозный царь Василій Леvidовичъ
— Накинулъ на меня службу великую:
— Ко тому ко дню ко завтраю,
— Сшить шуба черныхъ соболей,
255. — А паволока, какую здумаетъ онъ;
— Не сошью буде шубы по разуму,
— Отрубить мнѣ-ка буйну голову.—
Говорить Иванушко Васильевичъ:
« Поди-ко на свой черленъ корабль,
260. « Ложись-ко спать рано съ вечера,
« Утро будетъ оно мудрое,
« Мудренѣе будетъ утро вечера:
« Будетъ тебѣ шуба черныхъ соболей.»
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
265. Приходить онъ ко Грозному царю,
Ко Грозному царю Василью ко Леvidову.
Шьютъ тамъ у него добрые молодцы,
Шьютъ-то шубу черныхъ соболей,
А паволоку-то дорогаго самита.
270. Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Утянулъ онъ черныхъ соболей,
Утянулъ онъ дорогаго самита,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили они шубу черныхъ соболей,
275. Сшилъ онъ шубу бѣлой ниточкой;
А заснули удалые добрые молодцы,

- Утянул онъ ихъ шубу черныхъ соболей,
А повѣсилъ свою шубу на стоечкѣ.
Прохватились тутъ добрые молодцы
280. И видать, что шубу они спортили;
Тутъ они закручинились,
Перешили шубу, понаводили.
Какъ удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
285. Подаваетъ онъ шубу черныхъ соболей,
Самъ говорить таковы слова:
« Накось ти шуба черныхъ соболей,
« Снеси ю ко Василью ко Левидову,
« А только напередъ не показывай,
290. « Чтобы была она съ царскою равная. »
Приходить Ѳедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говорить таковы слова:
295. — Ай же ты, Грозный Василій Левидовичъ!
— Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
— Покажи-тко свою шубу черныхъ соболей,
— И тогда буду свою показывать.—
Какъ показали они шубу черныхъ соболей,
300. Его-то шуба лучше ихъ,
А паволока дорогаго самита.
Говорилъ Василій Левидовичъ:
« Ай же ты, Ѳедоръ Васильевичъ!
« Ко тому ко дню ко завтрію,
305. « Наживи-тко три волосика,
« Три волосика золоченыхъ,
« Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживешь трехъ волосиковъ,
« Отрублю тебѣ буйну голову,
310. « А наживешь буде три волосика,
« Отдадимъ завтра за тебя за мужъ свою дочи. »
Закручинился царь, запечалился,

- Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодець:
315. — Ай же ты, царь Ѳеодоръ Васильевичъ!
— Ты чего идешь, самъ кручинишься?—
« Грозный царь Василій Леvidовичъ
« Накинулъ на меня службу великую:
« Ко тому ко дню ко завтраю.
320. « Нажить мнѣ-ка три волосика,
« Три волосика золоченыхъ,
« Чтобъ на каждой волосинкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживу буде трехъ волосиковъ,
« Отрубить мнѣ буйну голову;
325. « А наживу я три волосика,
« Отдастъ завтра за меня за мужъ свою дочи.»
Говорить Иванушко Васильевичъ:
— Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
330. — Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера.—
Тутъ-то молодая царевична,
Тая-то Настасья Леvidовна,
Садилась она на черленъ корабль
335. И поѣхала впередъ по синю морю.
А былъ у ней дядюшка родимый,
Родимый дядюшка златоволосый,
Во тоемъ ли во царствѣ во Заморскомъ.
Приѣзжала она ко царству Заморскому,
340. Выходила на кругъ бережокъ,
Шла-то въ палаты государевы
Ко тому ко дядюшкѣ ко златоволосому.
« Ай же ты, любимый дядюшка!
« Дай-ко мнѣ три волосика,
345. « Три волосика съ буйной головы.
« Не охвота за царя итти за русскаго;
« Какъ же будетъ у него трехъ волосиковъ,
« Отрубать ему буйну голову »

Далъ онъ ей три волосика.

350. А этотъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Иванушко Васильевичъ,
Надѣвалъ шапочку невидимочку,
Садился на коверъ самолетный,
И догонялъ Настасью Левиловну,

355. И заходилъ въ палаты государевы.
Какъ тащила она три волосика,
А онъ хватилъ цѣлой пясточкой;
Разсердился удалый добрый молодецъ,
Хватилъ онъ саблю вострую,

360. Отрубилъ царю буйну голову.
Приходитъ онъ къ Ѳеодору Васильевичу,
Подаетъ волосъ цѣлу пясточку,
Подаетъ ему буйну голову,
Самъ говоритъ такъвы слова:

365. — Ай же ты, Ѳеодоръ Васильевичъ!
— Ступай-ко ты ко Василью Левилову,
— Покажи волосъ цѣлу пясточку,
— Самъ говори такъвы слова:

— « Если тебѣ мало цѣлой пясточки,
370. — « Такъ есть у меня цѣла голова,
— « Цѣла голова, она отрублена.
— « Коли не выдашь своей дочери,
— « Отрублю тебѣ буйну голову. »
Приходитъ Ѳеодоръ Васильевичъ

375. Во тыя палаты государевы,

Самъ говоритъ такъвы слова:

« Ай же ты, Грозный Василій Левиловичъ!

« Вотъ тебѣ волосъ цѣла пясточка;

« Если тебѣ мало этой пясточки,

380. « Такъ есть у меня цѣла голова,

« Цѣла голова, она отрублена.

« Коли не выдашь своей дочери,

« Отрублю тебѣ буйну голову. »

Закручинился Грозный царь, запечалился,

385. Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Ѳедора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.
Говорилъ тутъ Иванушко Васильевичъ:
— Ай же ты, царь Ѳедоръ Васильевичъ!
390. — Скажи-тко царю Василью Левидову:
— Пусть онъ про твоихъ заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ
— Заведетъ пированье почестенъ пиръ,
— Покормить ихъ онъ до сыта,
— Напоить-то онъ ихъ до пьяна.—
395. Грозный царь Василій Левидовичъ
Заводилъ пированье почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояръ,
На всѣхъ поленицъ на удалыхъ
И на тыхъ добрыхъ молодцевъ заѣзжихъ.
400. Собиралися удалые добры молодцы
Во тья палаты государевы,
Садилися за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку невидимочку,
405. Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питица медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
410. Что нечего было ни ѣсть, ни пить.
Тутъ Ѳедоръ Васильевичъ
Звалъ того Василья Левидова
Со своими удалыми добрыми молодцами
На свой черленъ корабль на почестенъ пиръ,
415. На свое-то угощеньице завозное.
Собирался царь Василій Левидовичъ
Со своимъ удалыми добрыми молодцами
На него черленъ корабль,
Садились за столики дубовые.
420. Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ

Налагалъ свою скатереточку хлѣбосолочку,—
Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
Не могли они питьицевъ повыпити.
Говорилъ Ѳеодоръ Васильевичъ:

425. « Ай же ты, Василій Левидовичъ!

« На своемъ пированьѣ, почестномъ пиру,
« Во своихъ палатахъ государевыхъ,
« Не могъ ты заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ
« Накормить до сыта и напоить до пьяна.

430. « А на моемъ черленомъ кораблѣ,
« На моемъ угощеньицѣ завозномъ,
« Натѣдались твои молодцы до сыта,
« Напивались они до пьяна,
« Не могли они ѣствицъ повыѣсти,

435. « Не могли они питьицевъ повыпити. »

Тутъ царь Василій Левидовичъ
Отпускалъ свою дочи любимую,
Отпустилъ сорожъ кораблей.
Поѣхали они по синю морю.

440. А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ черленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную.

445. Какъ пріѣхалъ Ѳеодоръ Васильевичъ,
Стрѣчаетъ сестрица любимая,
Тая ли Анна Васильевна:
— Здравствуй, Ѳеодоръ Васильевичъ!
— Здорово-ль ѣздишь за сине море?—

450. « А все у меня благополучно ли? »
— Еслибъ не я, такъ ты бы и живъ не былъ.—
Говорилъ ей Ѳеодоръ Васильевичъ:

« А ты чѣмъ же мнѣ тамъ помогла? »
— Подала я тебѣ башмачики зеленъ сафьянъ,

455. — Подала тебѣ шубу черныхъ соболей
— Подала тебѣ волосъ цѣлу пясточку.—

- « А кто у тебя ко мнѣ отпущенъ былъ? »
— Былъ отпущенъ затюремный добрый молодецъ;
— А я давала ему заповѣдь великую
460. — Тому добру молодцу затюремному,
— Тому Иванушку Васильевичу,
— Пойти за него за мужъ,
— Когда избавить тебя отъ смерти напрасныя. —
Приказалъ тутъ Федоръ Васильевичъ
465. Повеypустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства-полъменства.
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
470. И заводилъ про него пированье, почестей паръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Напоили его питьями медвяными,
Положили спать въ покои царскіе.
Какъ ѣздилъ Иванушко за сине море,
475. Простудилъ онъ ножки рѣзвыя,
Онъ ихъ въ теплой подушкѣ отмачивалъ,
А простуду съ нихъ онъ вываживалъ,
Полагалъ онъ тазъ подъ кровать свою.
Какъ спалъ его родитель батюшка,
480. Похотѣлося ему пить похмѣльному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кровати,
И выпилъ тую теплу подушку.
И прохвятился тутъ Иванъ Васильевичъ,
Схватился онъ за свою подушку:
485. « Кто повеypпилъ мою подушку,
« Тому отрублю буйну голову. »
Говоритъ родитель его батюшка:
— Я выпилъ твою подушку. —
« Отрубить набъ буйна голова,
490. « Почему ты выпилъ мою подушку.
« Разсердился ты на меня, батюшка,
« Потому что я тебѣ сна не рассказалъ.

- « А я видѣлъ тотъ сонъ во твоёмъ новомъ дому:
« Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
495. « А ты, батюшка, опояся тую воду пилъ,
« И не смѣлъ того сна поразсказать.
« А тебѣ прощаю теперь твою вину.»
Тутъ они съ батюшкой помирились,
Другъ другу въ ноги поклонились,
500. И благословилъ его отецъ царствовать.
Тутъ вѣкъ о Иванушкѣ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.
-

- Дѣвица-раскрасавица душа!
505. Есть котора круглолика и баска,
У той дѣвушки по молодцѣ великая тоска.
Есть котора румянешенька,
Съ молодцемъ идти радешенька.
Есть котора приталкивать ногой,
510. Поведемъ тую дѣвицу за собой.
У которой было семеро ребятъ,
Братцы той дѣвки не кунайте,
Меня молодца послушайте.

[Ютъ крестьянина дер. Горки Абрама Евтимьева Чуккоева, по прозвищу Бутылка.]

**О ЦАРСТВѢ ПОДСОЛНЕЧНОМЪ, ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
И ЦАРЕВИЧЪ ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ.**

58.

(Тамъ же).

При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ,
Жило при царѣ два мастера,
Одной работой занимался
И между собой пораздорили.

5. И призывалъ ихъ Василій Михайловичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Когда вы сдѣлаете по штукѣ молодецкія
« И другъ другу про себя не скажете,
« Тогда васъ обоихъ пожалую. »
10. Одинъ сдѣлалъ орла самолетнаго,
Другой утушку золоты-крылья.
Разъ ю вылилъ, положилъ во тазъ воды,
Его утушка не заплывала.
Это ему дѣло не полюбилось:
15. Сломалъ онъ свою утушку,
Перелилъ ю на другой разъ;
Какъ положилъ ю во тазъ воды,
Его утушка стала плавати;
И взялъ яичко вареное,
20. Положилъ на поле тазовое,
Его утушка стала клевать яйцо,
Ея дѣтушки тоже клюють.
Приходилъ онъ къ Василью Михайловичу,
Приносилъ ему малую утушку,
25. Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, царь Василій Михайловичъ!
— Возми-ко мою малую утушку.—
Бралъ онъ свою утушку,
Положилъ ю во тазъ воды;
30. И вынимаетъ яичко вареное,
Полагаетъ на поле тазовое,
Его утушка стала плавати,
Ея дѣтушки тутъ же плавають,
И всѣ клюють яичко вареное:
35. Эта утушка царю прилюбилася.
Приходить съ орломъ самолетнымъ,
Вызываетъ царя на широкъ дворъ,
Вынимаетъ орла самолетнаго
Изъ-подъ той полы сподъ правыя,
40. Садился на орла самолетнаго,

Улетаетъ онъ во чисто поле
Подъ тья подъ облака высокія,
Прилетаетъ онъ назадъ съ поля:
Этотъ орелъ царю понравился.

45. И тутъ ихъ обоихъ царь пожаловалъ.

У того царя Василья Михайловича
Былъ сынъ Иванъ Васильевичъ.
Своимъ глупымъ умомъ-разумомъ
Заходитъ въ кладовыя въ отцовскія,

50. Бралъ орла самолетнаго,
Садился молодецъ на того орла,
Улеталъ во далече чисто поле
Подъ тья подъ облака высокія,
Увидѣлъ царство подъ солнышкомъ,

55. Подъ солнышкомъ царство великое.
Назадъ онъ скорешенько ворочался,
Опускался на широкій дворъ,
Заходилъ въ кладовыя въ отцовскія,
Беретъ съ собой золотой казны,

60. Онъ столько беретъ, сколько надобно,
Бралъ онъ одежду себѣ царскую,
И бралъ онъ царскій золотой перстень.
Выходилъ онъ на широкій дворъ,
Садился на орла самолетнаго,

65. Прилетѣлъ онъ въ царство подъ солнышкомъ,
Слѣзаетъ съ орла самолетнаго
И началъ по царству похаживать,
По Подсолнечному погуливать.
Во этомъ во царствѣ Подсолнечномъ

70. Стоялъ теремъ-золоты верхи,
Кругъ этого терема былъ бѣлый дворъ
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати,
О тыхъ сторожахъ о строгіихъ.
Онъ началъ у нихъ выпрашивать,

75. Онъ началъ у нихъ вывѣдывать:
« Для чего построенъ бѣлый дворъ

- « О тыхъ воротахъ о двѣнадцати? »
— Ты ей же, удаленькій добрый молодецъ!
— У нашего царя Подсолнечнаго
80. — Есть у него дочи любимая,
— Молода Марья Лиховидѣевна,
— Посажена она во высокъ теремъ
— И поставлены сторожа строіе.
— И сказали ему бѣлицы волшебницы,
85. — Что твоя будетъ дочи любимая
— На шестнадцатомъ году во поношкѣ (*). —
Тутъ молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ началъ кругъ двора похаживать
И началъ подъ крышу посматривать:
90. Во тоемъ во теремъ высокоемъ
Насмотрѣлъ онъ окно полуциркольно (**),
И въ немъ половинка не заперта.
Выходилъ онъ во чисто поле,
Садился на орла самолетнаго,
95. Залетѣлъ онъ удалый добрый молодецъ
Въ это окно полуциркольно,
Сталъ онъ по терему похаживать,
Заходилъ онъ къ Марьѣ Лиховидѣевой
Во тии покои во особе;
100. Онъ началъ съ ней разговаривать
И началъ съ ней угощаться
И въ разныя забавы заниматься.
Со тья поры съ того времячка
Молодой Иванушко Васильевичъ
105. Почасту леталъ во царство Подсолнечное,
Онъ носилъ съ собой питицель медвяныхъ,
Пили, ѣли они, угощались
И въ разныя забавы занимались.
Запѣли они пѣсню въ два голоса,

(*) Беременна.

(**) Сначала сказитель пѣлъ о слуховомъ окошечкѣ, но, повторя бывшю, вспомнилъ полуциркольное окно и утвердилъ меня, что такъ и слѣдуетъ пѣть въ бышнѣ.

110. Услыхали тутъ сторожа строгіе,
Доносили царю Подсолнечному.
Приходилъ царь Подсолнечной
Во тотъ во теремъ-золоты верхи,
Ко своей ко дочери любимыя,—
115. Услыхалъ какъ Иванушко Васильевичъ,
Улеталъ въ окно полуцарьково.
Какъ говорить ему Марья Лиховидьевна:
« Ай же ты, родитель батюшка,
« Грозный царь Лиховидъ Лиховидевичъ!
120. « Что ты вѣришь сторожанъ строгимъ!
« Пою я пѣсни разнымъ голосомъ:
« Когда я весела-радоуша,
« Тогда пою пѣсни веселыя
« Своимъ нѣжнымъ голосочкомъ;
125. « А когда я порастоскуюся,
« Растоскуюся и порасплачуся,
« Тогда пою пѣсни унымыя
« И пою голосомъ другимъ.»
Тому онъ царь повѣровалъ.
130. Во тую пору во то время
Понеслася Марья Лиховидьевна,
Принесла-то Федора Ивановича.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Взялъ онъ своего сына любимого,
135. Выскочить къ бабушкѣ задворенкѣ,
Подаетъ ей ларецъ съ золотой казной,
И даетъ ей свою одежду царскую,
И подаетъ свой золотой перстень:
— Ай же ты, бабушка задворенка!
140. — Возми-ко моего сына любимого.
— Отдай ему ларецъ съ золотой казной,
— И отдай ему мой золотой перстень,
— Отдай ему одежду мою царскую,
— Когда спросить про своего батюшка;
145. — А про мать ему не сказывай.—

- Тотъ ли Федоръ Ивановичъ
Когда росъ до лѣтъ до шестнадцати,
Сталъ онъ на улочку похаживать,
Сталъ онъ съ ребятами поигрывать,
150. И они стали обзывать его заугольникомъ (*).
И тутъ молодецъ порасплакался,
Приходить къ бабушкѣ задворенкѣ,
Самъ говорить таковы слова:
« Ай же ты, государыня матушка,
155. « Бабушка ты мнѣ, али матушка!
« Скажи мнѣ про батюшка? »
Тутъ эта бабушка задворенка
Подавала ему окованъ ларецъ,
Подала ему золотой перстень
160. И отдала ему одежду царскую,
Сама говорила таковы слова:
— Поѣзжай-ко, удалый добрый молодецъ,
— Ко своему родителю ко батюшку. —
Прѣѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
165. И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ
У того великаго боярина
Молоду Анну Дмитріевичну.
Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
170. Нанимался онъ во прикащики
Ко тому купцу ко богатому.
И говорить Анна Дмитріевична:
« Ай же вы, мои слуги вѣрные!
« Подите ко тому купцу ко богатому,
175. « Купите мнѣ товаровъ на свадьбу. »
Эти слуги невѣстины
Приходили ко купцу ко богатому,
Увидѣли молодаго прикащика
И забыли, что купить надоть.

(*) Незаконнорожденнымъ. Заугольниковъ въ Олонецкой губерніи называютъ по отчеству Богдановыми.

180. Приходили они въ палаты бѣлокаменны,
Къ молодой Анны Дмитріевичной,
Сами говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, Анна Дмитріевична!
— Были мы у купца у богатого,
185. — Какъ увидѣли молодого прикащика,
— Позабыли мы, что купить надоть.—
Тая-то Анна Дмитріевична
Она съ вечеру легла поздѣмъ-поздо,
По утрышку вставала ранѣмъ-рано,
190. Одѣвала одежды самолучшія,
Приходила ко купцу ко богатому,
Ко тому молодому прикащику,
Набрала товаровъ на двѣ тысячи,
За расчетомъ велѣла самому придти.
195. Какъ пришелъ онъ въ покои во особе,
Она говоритъ таковы слова:
« Ты ей же, удалый добрый молодецъ!
« У ты есть ли охота со мною жить?»
Согласился Федоръ Ивановичъ.
200. Они дѣлали подкопы подземельные
Во него во лавочки торговыя,
Стали ходить во часы во ночные.
Какъ въ тую пору, во то время,
Дѣлалъ царь указы строгіе,
205. Не велѣлъ никуда поздно ходить.
Какъ тые голи кабацкіе
Напивалися они очень пьяны,
Приходили ко этой лавочкѣ,
И увидѣли они горючись огонь,
210. Колотились въ эти лавочки.
Молодой Федоръ Ивановичъ
Онъ былъ милосливъ-жалосливъ,
Глупымъ умомъ своимъ разумомъ
Запускалъ голей кабацкихъ:
215. Увидѣли они тутъ невесту царскую.

- Ставали они по утрышку ранешенько.
Этот удалый добрый молодецъ
Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:
220. — Что вы видѣли, не сказывайте! —
• Какъ эти голи кабацкіе
Приходятъ они на царевъ кабацъ,
Они брали много золотой казны,
Накупили они зелена вина,
225. Напивались опять до пьяна
И тутъ въ кабацъ порасхвастались
« Были мы у купца у богатаго
« Во тѣ часы непоказные
« И видѣли тамъ невесту царскую »
230. И пригодились слуги царские,
Донесли Ивану Васильевичу,
И захватили ихъ голей кабацкихъ,
И приводили къ царскому величеству.
И сталъ ихъ царь доспрашивать:
235. « Ай же ты, батюшко-нашъ грозный царь,
« Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Ты можешь насъ испытать по вечеру... »
Походили тые голи кабацкіе
Во тые часы непоказные
240. Со тымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ:
Накрутился онъ голю кабацкою.
Приходятъ къ этой ко лавочкѣ,
И увидѣли они горючись оранъ,
Колотились въ эту лавочку.
245. Молодой Федоръ Ивановичъ
Опять запускалъ ихъ въ лавочку,
Кабацкихъ голей пьянешенькихъ.
Тутъ голи въ лавкѣ лежилися,
Увидѣли они невесту царскую.
250. Ставали они по утрышку ранешенько.
Этотъ удалый добрый молодецъ

Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:

— Что вы видѣли, не смѣшайте! —

255. Пошли голи на царевъ кабанъ,
А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца,
И вывести на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.

260. И говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
« Я стану по крылечнику похаживать,
« И стану платочикомъ помахивать,
« Чтобы, въ третій разъ махну платочикомъ,
« Рубить ему буйна голова. »

265. Какъ тотъ Федоръ Ивановичъ
Одѣваетъ онъ одежду царскую,
А на верехъ одежду купеческу.
И привели на ступеночку высокую
Снять съ него одежду верхнюю.

270. И рубить ему буйна голова.
Царь сталъ по крылечнику похаживать,
И сталъ платочикомъ помахивать;
Какъ махнулъ въ третій разъ платочикомъ,
Сняли съ молодца одежду верхнюю, —

275. И нельзя ему рубить буйна голова.
Царь сталъ по крылечнику похаживать,
Сталъ онъ платочикомъ помахивать,
Самъ закрывалъ во всю голову:

« Ай же вы, палачи немилосливые! »

280. « Рубите ему буйну голову. »

Говорятъ палачи немилосливые:

— Ай же ты, нашъ грозный царь,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Нельзя ему рубить буйна голова,

285. — На немъ есть одежда царская,
— И есть золотой царскій перстень. —
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,

- Какъ увидѣлъ сына любимого,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
290. Цѣловалъ во уста во сахарныя.
Тутъ онъ Иванъ Васильевичъ
Женилъ его на Анны Дмитріевичной,
На своей невѣсты царскія;
А самъ-то Иванъ Васильевичъ
295. Взялъ Марью Лебедь бѣлую
У того царя у Подсолнечнаго.
Тутъ вѣкъ о нихъ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье,
-

300. У нашей у государыни у мамоньки
На всякой день пекетъ мяконьки.
День попекетъ и другой попекетъ,
Два денечка пропустить, опять попекетъ.
Завела она коврижки, на горшки накрышки,
305. Въ стѣну ударить, стѣна колется,
Стѣна колется, хотъ не ломится.

(Отъ того же.)

КАКОВО ПТИЦАМЪ ЖИТЬ НА РУСИ.

57.

[Ладинскій погостъ, Петрозаводскаго уѣзда.]

1. о птицахъ русскихъ и заморскихъ.

- Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
5. Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.
-

Мужики-крестьяна стоги поклали:

- Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
10. Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,
Подъячьи сидятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
15. Старые старики по скамейкамъ,
Молоды молодницы по кроватямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремахъ
И подъ теплымъ одѣяломъ по другому.

20. Впредь сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
25. Крынка подъ носомъ съ тѣстомъ, (*)
Бла бы она, не ворчала

- Изъ за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица-синица,
30. Надъ русскими птицамы царица;
Садилась на деревце калину,
Она начала пѣть-жупѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила рускіимъ птицамъ:
35. « Ай же вы, русскія птицы!
« Тамъ же вы не бывали,
« Нужды-горя не видали,
« Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ.

(*) Тѣсто,—густой растворъ изъ овсяной муки, а сладкое тѣсто—заваръ изъ ржаной муки съ примѣсью солода.

- « Какъ у насъ на славной, тихой заводи (*)
40. « Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:
« Всѣ птички по службамъ,
« Всякъ человѣкъ по работамъ.
« Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы;
« Изъ озера въ озеро дѣтаютъ,
45. « Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,
« Много рыбы они добываютъ,
« На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ,
« Пѣтухи—молодцы удалые,
« По многу женъ имѣютъ,
50. « По двѣ и по три,
« И по цѣлому десятку. (**)
« У крестьянина на Руси
« Одна женка бажона,
« И той нарядить не можетъ.
-
55. » Цапля ты, цапля,
« Худой человѣкъ необычайный,
« Журавъ Черкацкой,
« Самъ Питербургскій! (***)
« Въ большой колоколъ удерить, (1)
60. « Обѣдать-ужинать просить;
« Ходить по мосту,
« А мосту мостить не умѣть:
« Ножки тоненьки,
« Чулочки узеньки
65. « И платъица коротеньки.
« Соколъ-птица—налетникъ:

(1) Вар.: ударять.

(*) Отношу слѣдующіе стихи къ словамъ заморской птицы, по сравнению 39 стиха этой былинны съ 5-мъ варианта № 58 и 49-го стиха съ 31-мъ варианта № 59.

(**) Здѣсь явно пропущенъ стихъ, находящійся въ слѣдующемъ пересказѣ: «И всѣхъ жену нарядитъ.»

(***) Санктпетербургскій.

- « Часто въ деревню прилетаетъ,
- « Годовую десятину обераетъ,
- « Сиротъ-вдовицъ обижаетъ,—
- 70. « И въ томъ эта птица неразумна. (2)
- « Попугай птица на морѣ вѣща.
- « Куропатъ на морѣ безжизненна:
- « Пзъ куста въ кустъ перебродитъ,
- « Подворья себѣ не имѣетъ.
- 75. « Чайцы на морѣ—попадейки.
- « Гуси на морѣ—бояра.
- « Лебеди на морѣ—дворяна.
- « Олень на морѣ—посланникъ.
- « Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
- 80. « Много кожъ снимаетъ,
- « Сапоговъ никогда не бываетъ.
- « Сѣрый волкъ—овчинникъ:
- « Много овчинъ снимаетъ,
- « Полушубка на себѣ не бываетъ.»

2. СТАРИНА НЕБЫВАЛАЯ (3).

85. Пришелъ тутъ сѣрый котъ безхвостый,
Самъ кубовастый:
« Здравствуйте, господа сенаторы!
« А я изъ банковской конторы,
« Отъ сенаторовъ остался,
90. « Да и въ полковнички записался.

(2) Вар.: И въ этомъ она неразумна.

(3) Въ томъ же родѣ небывальщина записана отъ Терентья
Ивлева:

- Изъ-за печи, печи, изъ-за кирпичныя
Выбзжалъ-то удалый добрый молодецъ,
На свинь въ сѣдлѣ, вострый штыкъ по бока,
Кашу съ масломъ въ полонъ побралъ,
5. Калиточки по полочкамъ пообобравъ,
... на осошочкѣ тронуть не смѣлъ.

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:

« На синемъ морѣ
« Мужики орутъ-пашутъ,

95. « А по чистому полю корабли бѣжать,
« Поросеночекъ въ гнѣздо свивается,
« Курочка во хлѣвъ супоросилась.

« Идетъ мельникъ
« Въ чистый понедѣльникъ,

400. « Несетъ подарокъ
« Изъ огарокъ,
« И пошелъ—заплакалъ.»

Въ давныхъ годахъ
И въ теплыхъ лѣтахъ

405. Сочинилась ромода
У господина муравья,
Котораго хвалятъ стрѣльца и борца,
Нахвальнаго молодца; (4)
Край болота домъ сооронилъ,

410. Никого не почитаетъ. (5)
И живетъ мизгрище,
Стуловато личище, (6)

(4) Варіантъ добавляетъ: И въ скорости завоеваннаго.

(5) По пересказу: И самого мизгиря ни во что считае.

(6) Варіантъ добавляетъ:

И слиновата рожа,
И подъ толстымъ корнищемъ.
И показалось это (*т. е. неуваженіе муравья*)

415. Мизгирю и вредно, и бѣдно,
И завелъ мизгирь упорство,
И началъ мизгирь ногами трести
И мережи нести,
И поставилъ мережи

420. Край пути-дороги.

- И поставилъ мережи
Край пути-дороги.
115. П солеталися господскія мухи-клѣти
П попали мизгрю въ сѣти,
Сами говорятъ-толкуютъ:
« Братцы-господа, не покиньте! »
Услыхала госпожа,
120. Сонная, пестрая воса и безъ пояса,
П какъ скоро прилетѣла,
П такъ мизгрю въ сѣти попала,
Сама себя изругала:
— Не чертъ ли меня и несь
125. — На чужое спасенье! —
Солеталося тутъ
Синихъ и зеленыхъ поганныхъ мухъ,
П солетались, погребали,
Кишки свои набивали.
130. Жукъ былъ
Клопъ астраханомъ.
Садились на клочекъ,
Нюхали божью травочку-табачокъ,
Бога хвалятъ, Христа величаютъ,
135. Богатую богатыню проклинаятъ:
« Много е пива и меду,
« Это намъ ни по чемъ:
« А у насъ травочка-табачокъ,
« Табакъ шпанскій, королевскій,
140. « Табакъ зорень: (*)
« Ноздри поретъ,
« Глазъ вонъ воротить. »

И у насъ было на бору
Три сестры прекрасныхъ,
145. Носили на себѣ платье атласно;

(*) Т. е. крѣпокъ, иначе „кркой“.

Ничего надъ собой не знали,
Одныма головками качали.

—
Слѣпни комаровъ попрекали,
Что барабаны украли.

150. Комары божатся:

— Воля ваша, а большина наша:
— Времена были въ ты поры жаркія,
— Мы люди были жирные,
— Мы въ ты поры не вылетали (7)

155. — И головъ своихъ не показали. —

Начали потомъ слѣпни оводовъ бранить:

« Стуловата ваша рожа,
« Слиновато ваше личище!» (8)
И тыи начали божиться.

—
160. Ходилъ я по чистому полю,

Подошелъ я къ дубу

И ударилъ по дубу.

Выскочилъ оттуль мужикъ

И ударилъ меня на мѣсто въ душу,

165. И палъ я въ лужу.

День лежалъ,—ничево

И другой лежалъ,—ничево,

А на третій день

Прилетѣли.

170. слѣпень да муха,

И поймали меня за волоса,

И вздынули на небеса.

День ходилъ по небу,—ничево. . . .

3. похвала богатству.

190. Всякому изрядно деньги имѣть,

(7) Вар.: на улицу не вылетали.

(8) Вар. добавляетъ: И напрасно вы рассказываете,
И ложно наговариваете.

И не малая слава карманомъ гремѣть.

Карманъ полонъ,

Кафтанъ цвѣтенъ:

Всякой въ гости зоветъ

195. И въ большой уголь ведетъ.

Кому есть ли, нѣтъ

Пиво и честь,

А тебѣ все есть.

Выкушай-испей,

200. Да только насъ не бей.

Хоть люди скажугъ: «не хорошій,

« Угреватый, худорожій,»

Сдѣлался хорошій,

Лучше нѣтъ на свѣтѣ.

205. Хошь прежде былъ дуракъ,

А нынѣ сталъ уменъ:

Начнетъ врать,

И рады люди стоять

Хошь безъ шапки зимой.

210. Хошь никому не корись, не молись,

А только судьямъ поклонись,

За гривной не стой

Приказныхъ-подъячихъ напой,

Вездѣ будешь правъ.—

[Записана со словъ крестьянина Никиты Рѣзина, 12 декабря 1862 г.]

ТОЖЕ.

60.

(Деревянское общество, Петрозаводск. уѣздъ.)

1. о птицахъ русскихъ и заморскихъ.

Отчего у насъ зима становилась?

Зачиналась зима отъ морозу,

Приходило лѣто красное,

Осень богатая.

5. Мужики-крестьяна стоги поклази,
Жить имъ ладно-прокладно (1).
Цари живутъ по царствамъ,
Князи живутъ по селамъ,
Бары живутъ по помѣстьямъ,
10. Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ берема.

- Впредь сего временамъ
Говорили бы, поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
15. Что старой старухъ на печи мѣсто,
Крышка подъ бокомъ съ тѣстомъ,
Бла бы она, не ворчала

- Пзъ тихаго съ Дунайскаго моря,
Со моря ли было съ лукоморья,
20. Прилетала бы малая птица,
Малая птица-синица,
Надъ русскими птицами царица;
« Сказывай, Нагай-птица (*),
« Про свое Дунайское море:
25. « Кто у васъ на морѣ большіи,
« И кто у васъ на морѣ меньши?
— У насъ на морѣ
— Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы:
— Пзъ озера въ озеро летаютъ,
30. — Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ (2).
— Пѣтушы на морѣ молодцы,

(1) Вар.: Мужичкамъ жить ладно-прокладно,
Стоги поклази по задворьямъ.

(2) Вар.: И у Бога рыбы просятъ.

(*) Нагай, Науй, Нагайщина, Ногъ,—страусъ. Здѣсь названіе это какъ-то странно
придается птицѣ-синицѣ.

- По многу женъ имѣють,
— По двѣ и по три,
— И по цѣлому десятку,
35. — И всѣмъ жонамъ наряжаютъ.
— У крестьянина на Руси
— Одна женочка бажона, (3)
— И той нарядить не можетъ.
— Чапля ты, чапля!
40. — Худой ты журавъ черкацкой,
— Самъ Петербургской!
— Въ большой колоколъ ударять,—
— Обѣдать—ужинать просишь; (4)
— Ходишь по мосту,
45. — А мосту мостить не умѣешь:
— Ножки тсеньки,
— На ножкахъ чулочки узеньки,
— И платица на себѣ коротеньки.
— Нагай—птица—наклѣтникъ:
50. — Часто по деревнямъ летаетъ,
— И годовую десятину обераетъ.
— А чайка на морѣ—попадейка.
— Гуси на морѣ—бояра.
— Лебеди на морѣ—дворяна.
55. — Олень на морѣ—посланникъ.
— Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
— Много кожъ снимаетъ,
— Сапоговъ никогда не бываетъ.
— Сѣрый волкъ на морѣ—овчинникъ:
60. — Много овчинъ снимаетъ,
— Полушубка никогда не бываетъ.—

2. СТАРИНА НЕБЫВАЛАЯ.

Сѣрый котъ кубовастый,

(3) Вар.: небоженка.

(4) Вар.: И самъ онъ въ колоколъ ударить,
И обѣдать—ужинать кличе,

А самъ возгревастый:

« Здравствуйте, господа сенаторы!

65. « А я изъ банковской конторы,

« Отъ сенаторовъ остался,

« Да и въ полковнички записался.

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:

70. « На синемъ морѣ

« Мужики орутъ-пашутъ,

« А по чистому полю корабли бѣжать,

« Какъ у насъ на славной, тихой заводи

« Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:

75. « Всѣ птички по службамъ,

« Всякъ человѣкъ по добычамъ. (*)

Взлѣзъ я на гору,

Стоитъ тамъ церковь:

85. За столъ робята садятся

И грамотъ учатся.

Съ кѣмъ ни подерись-побранись,

Да къ ряду и помирись.

За гривной на морѣ не стой,—

90. Приказныхъ-подъячихъ напой:

Будешь вездѣ правъ.

(Записана со словъ кр. Никиты Байлина, 26 Августа 1862 г.)

ТОЖЕ.

61.

[Г. Петрозаводскъ.]

« Ай же вы, русскія птицы!

« Тамъ вѣдь вы не бывали,

И самъ ѣсть не хоче.

(*) Эти 4 стиха перенесены сюда изъ 1-й части быльи.—

- « И горя вы нужды не знавали:
« Живете въ домахъ по рагузамъ.
5. « У насъ на морѣ въ лукоморѣ,
« Въ тихомъ было заводѣ,
« Даромъ птицы хлѣба не тратятъ:
« Всѣ птички по доводамъ,
« И всѣ птицы по уѣздамъ.
10. « Зеленъ-птица надлетникъ.
« Зуй на морѣ поваръ.
« Клевецъ (*) на морѣ плотникъ.
« Колзанъ на морѣ поддеверье.
« Ветликъ—ключникъ—язычникъ.
15. « Жавроленокъ на морѣ десѣтскій,
« То есть очищикъ деревенскій.
« Павы на морѣ гости торговли,
« Павины женки торговли.
« Пѣтухи-казаки донскіе,
20. « То наши молодцы удалые,
« Держать женъ по двѣ и по три,
« Держать по цѣлому десятку,
« И всѣхъ пѣтухъ наряжаетъ,
« И всѣ его боятся.
25. « Не такъ какъ на Руси крестьянинъ:
« Одной баженой женки
« И той нарядить не умѣетъ.
« Журавль на морѣ Вытегорскій (**)
« То пономарь монастырскій:
30. « Въ большой колоколъ ударять,
« Обѣдать-завтракать кличетъ.»

[Этотъ отрывокъ записанъ со словъ крестьянина, родственника Леонтя Богданова.]

(*) Клевецъ, онъ же и дегтярь—датель.

(**) На сѣверѣ Олонецкой губерніи Вытегра имѣетъ такое же значеніе, какъ Петербургъ вообще въ провинціи и въ селахъ.

ДЕВЯТЬ БРАТЦЕВЪ И СЕСТРА.

62.

[Повѣнецкій уѣздъ, Пудожгорскій погостъ.]

Какъ у вдовушки было у пашницы
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбой пошли,
Одинаку сестру за мужъ выдали

5. За того купца за богатаго,
За богатаго за заморскаго.
Она годъ жила, не стосѣлася,
По другой жила, въ умъ не было,
А по третій годъ стосковалася
10. По своей родимой по сторонущкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ здумали они и поѣхали,
Выѣзжали они на сине море.
Тутъ имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
15. « Моего-то мужа взяли-потребили (*),
« А младенчика въ воду спустили,
« Меня молодую обезчестили.
« Какъ одинъ изъ нихъ тутъ былъ разбойничекъ,
« Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
20. « Онъ началъ меня тутъ выпрашивать.
« — Ты какого роду, какой земли
« — И какъ тебя именемъ зовутъ?—
« « Я не большаго роду и не меньшаго:
« « Я есть вдовушки дочи пашницы,
25. « « Дочи пашницы, одинака дочь.
« « Было девять братцевъ все разбойничковъ,
« « Всѣхъ тыхъ девять братцевъ въ разбой пошли,
« « А меня молодую за мужъ выдали.»
« Закричалъ какъ тутъ одинъ разбойничекъ.
30. « — Вы ставайте-ко, братцы разбойнички!
« — Своего мы брата тутъ потребили,

(*) Убили.

« — А младенчика въ воду спустили,

« — Младоду сестру обезчестили. — »

[Отъ крестьянина Бутылки.]

ПОВѢДКА ПО МОРЮ.

63.

Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость.

Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ,

Они думали думу крѣпкую,

Они крѣпкую думу за единое:

« Запоемъ-те, ребятушки, пѣсню новую,

5. « Мы которую пѣли пѣсню на синемъ морѣ. »

Не бывалъ младъ полковничекъ на синемъ морѣ,

Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,

Страсти-ужасти, великой Божьей милости.

Ахъ, вы глупые неразумные добры молодцы!

10. Аще есть ли по сему свѣту такова ладья,

Что ходила бы по синю морю не шатаючись?

Поднималася да погодушка,

Бѣлы паруса повырвало,

Высокія мачты повыломало,

15. Всѣ шелковыя снасточки повырвало,

Младаго полковничка въ воду повыбросило.

Тутъ кидалися, бросалися добры молодцы,

Добры молодцы, молодые матросушки,

Поймали млада полковничка за желты кудри,

20. Тащили-то на черленъ корабль.

Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:

« Аще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,

« Чтобы безъ корешка травка выросла,

« Безъ солнышка цвѣточки выпцвѣли?

25. « Аще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,

« Чтобы отдали сына во солдатушки, не заплакали?

« Большая сестра братцу коня подвела,

- « Середняя сестра братцу коня сѣдлала,
« Сама меньшая сестра на коня поводъ подала;
30. « Въ воротахъ-то стоитъ горюшица молода жена,
« На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго,
« Она плачетъ и рыдаетъ горючмы слезмы,
« Во слезахъ-то словцо воспроизговорить:
— А ты скороль, добрый молодецъ, поворотишься?—
35. « Ты гляди-ко, бѣдна горюшица, на сине море:
« На синемъ морѣ, когда сходится погодушка,
« Всколыбается сине морюшко,
« Со синя-то моря выстанетъ бѣлый камешокъ,
« На камешкѣ повыростетъ густой кустъ ракитовый,
40. « Въ этомъ кустынкѣ соловеюшко совѣтъ гнѣздышко,
« Исповыведеть соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
« Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена!»

[Отъ Л. Богданова.]

СМЕРТЬ КНЯГИНИ МИХАЙЛОВНЫ.

64.

(Олонецкая губернія.)

- Я гляжу, сижу подъ окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
По Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
5. « Вы куда, волки, призадумали,
« Куда, сѣрые, призамыслили?—
— Мы бѣжимъ волки ко Дунай-рѣкѣ,
— Ко мосточику ко калинову,
— Ко кусточику ко ракитову:
10. — Тамъ лежитъ убита твоя матушка,
— Баска-хороша, свѣтъ Михайловна,
— Рѣзвыми ножками ко Дунай рѣкѣ,
— Буйной головой во ракитовъ кустъ.—
Пометалась княжая дочи

15. Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?»
— А ушла, ушла твоя матушка
20. — Что-ль во погреба глубокіе,
— Да за двери за тяжелые:
— Разводить квасы медовые
— И поить гостей не кормленыхъ.—
Пометалась княжая дочи
25. Что-ль во погреба глубокіе,
Да за двери за тяжелые:
Тамъ стоять квасы не развожены,
Гости тамъ сидать не поены.—
Пометалась княжая дочи
30. Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко,
« Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?»
— А ушла, ушла твоя матушка
35. — Что-ль во горницу во новую:
— Тамъ румянечка по скляночкамъ,
— Цвѣтно платице по грядочкамъ.—
Пометалась княжая дочи
Что-ль во горницу во новую:
40. Тамъ румянечка по скляночкамъ,
Цвѣтно платице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
« Ты скажи, скажи, сударь батюшко!
45. « Ты куда дѣвалъ мою матушку,
« Баску-хорошу свѣтъ Михайловну?»
— Ты не плачь, не плачь, моё дитятко!
— Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
— Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
50. — Я возьму тебѣ нову матушку.—

- « Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ,
- « Ты растай, растай, золотая цѣнь,
- « Ты умри, умри, нова матушка,
- « Ты возстань, возстань, стара матушка,

55. « Баска-хороша, свѣтъ Михайловна!»

(Сообщено А. И. Ивановымъ, а нѣтъ записана со словъ Кемской крестьянки въ Пудожѣ
и Корелки Погѣнецкаго уѣзда въ Петрозаводскѣ; пѣсня эта была напечатана въ № 34
Олонец. Губ. Вѣд. 1845 г.)

II.

**ЗАПЛАЧКИ
СВАДЕБНЫЯ И ПОХОРОННЫЯ.**

Digitized by Google

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ ПЕТРОЗАВОДСКАГО И ПОВѢНЕЦКАГО УѢЗДОВЪ.

(Записанъ мною отъ вопленицъ Кижской волости и вопленицы Шунгскаго погоста.)

Въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, въ такъ называемомъ Заонежѣ, свадебный обрядъ развился въ цѣлое сценическое представленье. Главными дѣйствующими лицами *князь—женихъ, княжна порученая—невѣста* и *непремѣнная наперстница невесты—вопленица* или *плакальщица*. Обязанность этой послѣдней *приплакивать*, т. е. излагать въ заплачкахъ или жалобныхъ стихахъ, передаваемыхъ изъ роду въ родъ, горькое положенье *красной дѣвицы*, которая продается *родителямъ ба-тюшкой, государьней жатушкой, любимымъ родомъ—племенемъ въ чуждедальную сторонушку*. Сама вопленица *вопитъ*, невеста въ это время *привапливаетъ*, т. е. повторяетъ слова заплачки, *выведельницы* поддерживаютъ нѣвѣсту во время привапливанья подъ руки, *подюлосница подюлашиваетъ*. Кромѣ этихъ лицъ со стороны невесты въ свадьбѣ участвуютъ: *бажатка* или кресная мать невесты, *передовицики* или *рожники*—проводятыя мужчины, *приставленицы* или *ставленицы*—проводятыя женскаго пола и *постельная приставница* или *проводница*, т. е. постельная сваха; со стороны жениха: *тысячкой*, иначе *боль-*

(*) Самый свадебный обрядъ одинаковъ и въ Петрозаводскомъ, и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; заплачки почти однѣ и тѣже; но въ Петрозаводскомъ уѣздѣ во время свадьбы поется много пѣсень, между тѣмъ какъ въ Повѣнецкомъ (по первому съ женихомъ согласію) поютъ только одну пѣсню: «Желтыя кудри за столъ пошли.»—Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: **ч** произносится какъ **цъ**, **ѣ** какъ **и**, **е** какъ **ю**.

шакъ, или *староста поставленный*—крестный отецъ жениха, *вершники* или *дружки* шафера изъ *вѣжливыхъ людей*, между которыми главная роль принадлежит *переднему дружкѣ*, *бояра* или *поѣзжане*—проводимые изъ мужчинъ, *болырини* или *брюди*—проводимыя женщины, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—*клятники*, который разъѣзжаетъ около дому молодыхъ въ ночь свадьбы и оберегаетъ ихъ отъ порчи.

Женихъ и невѣста обыкновенно знакомятся между собою *на бесѣдахъ*. Познакомился парень съ красной дѣвицей, станутъ они постоянно бесѣдовать, играть, пѣть и плясать, зовутъ другъ друга *парочкою*, и слывуть парочкою между людьми. Такое положеніе длится нѣкоторое время. Если родные жениха не прочь отъ того, чтобы онъ наконецъ женился на своей парочкѣ, то онъ упрасиваетъ отца, братьевъ, братановъ, или крестнаго отпавитъся къ родителямъ невѣсты и сватать за него его *любимку* (1). Сватовья (или *сватухи*) пускаются въ путь *большими* или *малыми поѣздами*, смотря по родитѣ или состоянію жениха, и непременно выбираютъ окольный путь (2). Пріѣдутъ къ дому невѣсты ночью, когда всѣ уже спятъ, застучать въ окно и просить позволенія войти. Изъ дому отвѣчаютъ обыкновенно: «Милости просимъ.» Сватовья зайдутъ въ избу, поглядутъ на *воронецъ* рукавицы пальцами къ верху (3) и останавливаются среди избы подъ матицей. Гостей просятъ садиться, но они отказываются. «Намъ, де, садиться не время, мы молъ не сидѣть

1. Въ Каргопольскомъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздѣ бракъ совершается или свадьбою, или уводомъ [увозомъ, иначе бѣгомъ]. Въ послѣднемъ случаѣ обрядовъ не соблюдается, кромѣ посѣбничныхъ, а всѣ приготовленія дѣлаются потихоньку. Невѣста уговаривается съ женихомъ о днѣ, въ залогъ даетъ ему лучшее уборы и наряды, и въ урочный часъ, въ сопровожденіи одной изъ родственницъ, уѣзжаетъ на жениховой лошади къ вѣнцу. Очень часто родители знаютъ про ухаживаніе дочери, но допускаютъ это, желая избѣжать дорогихъ свадебныхъ расходовъ. Такъ напр., у удѣльныхъ крестьянъ Ухотской волости всѣ браки уводные, и уводятъ непременно изъ чужой деревни.

2. Чтобы кто нибудь не встрѣтился, пѣдъ всякая встрѣта почитается несчастіемъ.

3. Причѣта «чтобы не отказали.»

пришли и не гостить зашли, а за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ; у насъ есть добрый молодецъ, у васъ красная дѣвица: такъ нельзя ли ихъ по божьему суду вмѣсто свести и породниться съ вами.»—Благодарствуйте на посыланьи.—Тутъ у нихъ отбираютъ шапки и сажаютъ за столъ; начинается подчиванье гостей чаемъ, кофе, хлѣбомъ-солью, т. е. пирогами и яичницею. За столомъ уговариваются когда быть *приказу* или *отказу*. Родители отсрочиваютъ отвѣтъ на день или на два, а сваты просятъ покончить дѣло тутъ же. «Намъ, де, лучше прѣхать на одинъ разъ, чѣмъ долго длить.» Иногда приказъ или отказъ дѣйствительно отсрочиваютъ на нѣсколько дней, иногда родители невѣсты тутъ же проговарятъ формулу отказа: «На хлѣбна соль милости просимъ, а на то дѣло—не пошто». На что обидчивые сваты не упускаютъ отвѣтить:—Не овсомъ и кормлены.—

Но, если дѣло идетъ на ладъ, то возмутъ-зажгутъ свѣчу передъ святою иконою, глаза крестятъ, Богу молятся и дѣлаютъ *рукобитье* (ударяютъ по рукамъ), при чемъ свать, захвативъ полу своего кафтана, бьетъ по рукамъ со всѣми *рожниками*; тутъ же назначается время свадьбы и другихъ свадебныхъ торжествъ. Послѣ рукобитья, обыкновенно по словамъ матери, невѣста начинаетъ приплакивать своимъ родителямъ и умаливать ихъ, чтобъ они отиѣнили сдѣланное рукобитье:

1 (Повѣщій уладъ).

Подержите-тко, жаланные родители,
У дѣвушкахъ до двадцати годиковъ,
До розливной красной веснушки,
До лѣтушка до теплаго.

5. Знать я вамъ была не трудница, (4) не работница,
Не легкая была переѣзница.
Вы откажите-тко, жаланные родители,
Вы на дворъ меня возьмите въ огороднички,
Въ задній уголъ въ подворнички,

(4) цъ произносится какъ цѣ.

10. На гумно да въ замолотнички:
Я слуга вамъ буду вѣрная,
Я работница буду неизмѣнная.
Вы послушайте, жаланные родители!
Разсердились—распрогнѣвались
15. На меня на красну дѣвушку.
Вы на первой вины меня простите,
А въ другой вины меня побраните,
А въ третьей вины меня накажите.
Ужъ я чѣмъ провинилася,
20. Я которою ногою проступилася?
Вы послушайте, жаланные родители!
Знать я въ лѣтнюю во порушку
Не брала вамъ изюмныхъ ягодокъ;
Я во зимнюю во порушку
25. Не топила парныхъ баенокъ,
Знать не слала мягкія пуховыя постелюшки,
Не укладывала крутоскладное зголовьице?
Вы послушайте, жаланные родители!
Ужъ я чѣмъ я провинилася,
30. Я которою ногою проступилася?
Вы запродайте удоистыхъ коровушекъ,
Запродайте ступистыхъ лошадушекъ,
Вы повыкупите, жаланные родители,
Отъ эвтого чужаго чужанина.

2 [Петрозаводскій уѣзд].

- Не два ворона въ темномъ лѣсу слеталося,
Не два война въ чистомъ полѣ съѣзжалося,
Какъ два сватушка въ моемъ домѣ сходилося.
Во славномъ во почестномъ во большемъ углу:
5. Большой свать—кормилецъ сударь батюшко,
Другой сватушка со чужой сторонушки.
Они думали крѣпкую думушку,
Затепляли свѣчи воску яраго
Предъ иконою чудотворною

10. И крестили очи ясныя,
Руку о руку ударили,
Едино словцо родители промолвили,
Во заботушку меня озаботили,
Меня дѣвушку обневолили
15. Во великую неволю, во неволюшку,
Во чужую злодѣйную сторонушку.
Я сидѣла, душа красная дѣвушка,
Въ полонѣномъ заднемъ уголку
За шелковой бѣлой занавѣсочкой.
20. Молилась бымо красная дѣвушка,
Молилась пресвятой Богородицы,
Богородицы царицы небесной,
Чтобъ не дулись огни плящѣ
Во жароточкѣ муравленомъ,
25. Не затопилась бы свѣчи воску яраго
Предъ иконою чудотворною,
У жаланныхъ у родителей
Не вздынулась бы ручка правая
Выше плечъ на головушку
30. Перекрестить очи ясныя,
Не поворотился бы языкъ рѣчь (5) въ головушкѣ
Поневольт меня красную дѣвушку.
Знать молитвы мои къ Богу не доходныя,
Знать поклоны мои Богу не угодныя!
35. Какъ раздулись жароточки муравлены,
Выскакали огни плящѣ
Во лучиночкѣ сосновыя,
Загорѣлися свѣчи воску яраго,
Перекрестили очи ясныя,
40. И взынулись ручки правыя,
Не въ колоколъ родители ударили,
Не въ трезвонъ мой жаланные затрезвонили,
Едино словцо родители промолвили,

5. Рѣчь.

- Руку о руку жаланные ударили,
45. Меня красну дѣвушку родители поневолили;
Вы послушайте, жаланные родители!
Вы поневолили меня красну дѣвушку
Во великую злодѣйную неволюшку,
На остудушку на чужу на сторонушку.
50. Я приходила было, красная дѣвушка,
Ко своимъ-то ко жаланнымъ родителямъ,
Я корила непокорное сердечушко,
Я молилась было жаланнымъ родителямъ,
Чтобы не неволили моей молодой головушки
55. На остудушку чужую сторонушку;
Родители моленница моего не послушали
И поклоновъ-то моихъ не приняли.

3 (Заонанье).

- Не утушка въ берегахъ закричала, (6)
Красная дѣвушка въ теремъ заплакала.
Не шайте-ко, жараточки муравленыя (7),
Не дуйтесь-ко, огни скорогорящія,
5. Не топись-ко, свѣща воску ярова,
Передъ Спасомъ и пречистой Богородицей.
Ты не здынься-ко, ручка правая,
У моихъ свѣтъ желанныхъ родителей
Выше плечъ по головушку,
10. Съ головушки на ретивое сердечушко,
Съ сердечушка на правое на плечушко.
Вы не сдѣлайте, родители,
Вы не сдѣлайте, желанные,
Крѣпкого рукобѣйца;
15. Не невольте моей волюшки,
Не заботьте меня бѣлой лебедушки.

6. Эта заплачка записана г. Прохоровскимъ.

7. Муравленыя.

- Я въ каку вину, родители, провинилася,
Въ проступку-ль у васъ да проступилася:
Знать не скорое да было послушанье,
20. Знать не легкая бы вамъ перемѣнушка?
Ваша думушка, родители, часовая,
Мнѣ же жирушка, желанные, въковая:
Послѣ схватитесь,—поплачете,
Вспомянете,—востоскуетесь.
25. Все же думала я, бѣлая лебедушка:
Обсажу я волю жемчужкомъ,
Обовью я чистымъ серебромъ
У своихъ свѣтъ желанныхъ родителей;
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божьимъ, денечкомъ
30. Назвали рассказы-сваты большіе,
Выводили надежу-свѣта-батушка
На новы сѣни на рѣшатчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольню волюшку.
35. Сговорилъ же свѣтъ-родитель мой батюшко:
« Эта волюшка во сто рублей,
« Руса косынька во тысячу,
« А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ. »
Какъ збавалися (8) рассказъ большой свать,
40. Сталъ засуливать родителю
Города да съ пригородками,
Села да съ приселками.
Но на это мой родитель не окинулся,
А прочь подальше отодвинулся.
45. Восхвалять-то сталъ большой свать
Младаго сына отецкаго,
Что на походочку есть щепетливый (9),
На разговорушки учтивый,

8. Разхвастался.

9. Щепливый, щеголь.

- Его доброе хоромное строенье
50. Сорокъ сажень вверху подынуто,
И свѣтлая есть свѣтлицы,
И стольныя есть горницы.
И на это мой родитель не окинулся
И не смѣнѣлъ моею баженой вольной волюшки.
55. Но лукавъ былъ злодѣй большой свать:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулить ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
60. Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то мои родители окинулись,
Прожѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино,
Какъ на этия на винны малы чарочки
55. Пропились да промотались,
Прогуляли мою волюшку.

4. [Ладвинскій погостъ.]

- Благослови, Господи,
Стать на ножки на рѣзвыя,
На сапожки крестьянскіе,
На гвоздики шеломчатые,
5. Появить жалкой голосокъ,
Своя причеть умильная!
Прослужи, мой жалкой голосокъ,
Средь темное обночице,
Да и завтра день меженной.
10. Подойди, родитель матушка,
Ко мнѣ молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ (10)-побесѣдуемъ.

10. Жупѣть, протяжно пѣть.

- Ты скажи, родитель матушка,
15. За одно-ль вы за едино думу думали?
Ваша думушка часовая,
Моя жирушка въковая—
У чужаго чужанина
Подъ грозою крестьянина.
20. Подойди, кормилецъ батюшко,
Ко мнѣ молодешенькой,
Подойди, побесѣдуемъ,
Пожупимъ-побесѣдуемъ.
Для чего, кормилецъ батюшко,
25. Разлучаете вы дѣвушку
Ранымъ-ранешенько,
Молодымъ-молодешенько,
Отъ желанныхъ родителей,
Отъ всего рода-племени?
30. Заслышалъ, родитель батюшко,
Про меня красну дѣвушку
Нехорошую славушку?
Видно, насажали про меня про дѣвушку
Пустаго пустословьица,
35. Небылицу да напраслицу?
(Обращаясь къ прочимъ родственникамъ, продолжаетъ:)
Я вижу, молодешенька,
У моихъ да у родителей
Весело въ домѣ дѣется.
40. Мой родъ-племя широкое,
Крестовый мой батюшко,
Крестовая моя матушка!
Я вижу, молодешенька,
Въ сей поздней вечериночкѣ
45. Не въ колоколъ ударили,
Не въ трезвонъ затрезвонили,
Не къ обѣднѣ, не къ заутреней,—
Ударилъ мой кормилецъ батюшко,
Онъ ударилъ руку о руку:

50. Какъ прошло да миновалось
У кормильца да у батюшка
Что-ль крѣпкое рукобутьице,
Крестовое цѣлованьице,
Перстневое обручаньице. (11)

Тотчасъ послѣ приказа въ Петрозаводскомъ уѣздѣ поется слѣдующая пѣсня:

5.

- Не чаяла меня матушка вѣкъ избыть,
Вѣкъ избыть со двора изжить,
Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ во минуточку.
5. Жарко-жарко въ теремѣ свѣчи горять,
Все горять свѣчи воску яраго,
Жалко-жалко плакала
Красна дѣвица душа
По своей русой косы,
10. По своей дѣвичьей красы.
Унималъ ее родимый батюшко,
Уговаривала родитель матушка:
« Ты не плачь, наша умница,
« Не тужи, душа разумница,
15. « Ужъ вѣдь мы тебя не въ полонъ дадимъ,
« Ужъ вѣдь мы тебя замужъ выдадимъ
« Что за умнаго да за разумнаго,
« За дородняго добра молодца,
« Ужъ какъ мы тебя не одну спустимъ,
20. « Мы дадимъ тебѣ провожатыхъ. »
— Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшко!
— Не уговаривай, родима матушка!
— Провожатые всѣ разъѣдутся,—

11. Запѣлка эта сообщена А. И. Иваномъ; вторая половина ея относится и къ рукобутью.

— Я одна, молодешенька, остануся

25. — Со удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ.—

Дня черезъ два послѣ рукобитья назначается *порученье* или благословеніе. Невѣста въ это время гуляетъ, т. е., ходитъ по роднымъ въ сопровожденіи десятка или двухъ десятковъ дѣвицъ и поетъ разныя пѣсни и заплачки. Изъ пѣсенъ поется напри-
мѣръ, когда невѣста сирота:

На горѣ-то сырѣ дубъ стоитъ.

Онъ безъ вѣтрышка шатается,

Безъ дождя уливается. (12)

6 (Заонежье).

Принесу покорѣ желаннымъ родителямъ,

Доложусь я во любимое гостибище,

На урочную гостиную недѣлюшку.

Дай, родитель моя матушка,

5. Мнѣ дѣвичье рукодѣльице,

Дай-ко, пальца мнѣ точенья,

Дай иголочку тамбурную,

Трубу да столокотную,

Дай розшивной бумагушки

10. Мнѣ-ка сто посошковъ.

Снаряжусь я въ любимое гостибище,

Прикрою тамъ свою я вольню волюшку.

(обращаясь къ дѣвушкамъ:)

Вы пойдемъ-те-ко, совѣтны милы подружки,

Вы пойдемъ-те-ко, души да красны дѣвушки.

15. Вы воспойте-ко звонунылы жалки пѣсенки,

Возвеселите мою вольню-то волюшку.

(по пріѣздѣ въ гости:)

Добры кони устоялися,

Звонунылы колокольцы помѣшались,

Знать пріѣхали въ любимое гостибище.

20. Не убойтесь-ко вы, сродцы мои-сродники,

12. См. похоронныя заплачки.

Не одна да я прѣхала:
Одно стадушко со мной да есть гусиное,
А другое—лебединое,
Одно стадушко удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
25. Друго стадушко есть бѣлыхъ лебедушекъ.
Хоть шумноголосна я бѣлая лебедушка,
А не голодна я къ вамъ прѣхала, не холодна,
Погостить пришла съ баженой вольней волюшкой.

(послѣ угощенія:)

Вознести было спасибо съ благодарностью
30. На хлѣбъ и соль вамъ на столовую.
Честно приняли въ любимое гостибще,
Вы за гостѣйцу меня да принимали,
Вы за родную меня да почитали.
Ты прости, мое любимое гостибще!

(послѣ полученія въ гостяхъ подарковъ, обра-
щаясь къ народу:)

35. Порастроньтесь-ко, народъ да люди добрые!
Дайте мѣстечка съ единую мостиночку,
Катить—жалуетъ сестрица двуродимая,
На рукахъ несетъ бѣлую сорочечку,
Въ устахъ несетъ прощенье съ благословеньцемъ,

40. Ты за че даришь, сестрица, меня жалуеть?

Ты докладывашь оковану коробочку,
Знать радѣешь на чужую на сторонушку.
Я прошу тебя, невольна красна дѣвушка,
На родительско честное пируваньце,

45. На мое слезно горяче умываньице,
На разлуку съ вольной моей волюшкой.

(Отправляясь въ гости при выходѣ изъ дому:)

Ворочуся я, душа красная дѣвица,
Ко своимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ.

7 (Мишковская волость Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ). (13).

13. №№ 7, 8, 9, записаны г. Макарьевскимъ и напечатаны въ 11 № и слѣд. Олон.
губ. вѣд. 1862 г..

Подойдите, свѣты сердечны родители!

Чего я спрошу, душа красна дѣвица.

5. Меня звали душу красну дѣвицу
Во частую, любимую гостьбицу,—
Вы спустите, сердечны родители,
Дайте вѣрнаго, надѣйнаго товарища,
Милаго родимаго брателка
10. Справлять идти мнѣ путь-дороженьку широкую—
Впереди меня, души красныя дѣвицы,
Походить, погулять, покрасоватися
Со кумами, со подругами со любовными,
По милой, по родимой по стороны,
15. По славной, по веселой деревни Пожарицу.
Находитесь, нагуляйтесь, ножки рѣзвыя,
Намашнитесь, бѣлы бумажны рученьки,
Наглядишь, частоплетная руса коса,
На бѣлый свѣтъ, на красное солнышко,
20. На милую родимую сторону,
Про запасъ, про запасное времячко!
Больше вѣкъ мнѣ небывать, да и по вѣки,
Мнѣ на милой-то родимой стороны,
Мнѣ хорошей душой-красной дѣвицей.
25. Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній,
Со кумами, со подружками, со любовными.
Вы обстаньте, куды, подружки любовныя?
Вы кругомъ меня обстаньте и около,
Чтобы буйны меня вѣтры не обвѣяли,
30. Чтобы лютые собаки не облаяли,
Народъ-люди добры не посмѣялися.
Вы изтиха ступайте, потихохонько,
Чтобы скобочка о скобочку не пробрякала,
Шеломчатые гвоздочки не помшилися.
35. Вы не жалѣйте, подружки-кумы любовныя,
Идти свои скоры рѣзвыя ноженьки:
Теперь все прошло у насъ, миновалюся,
Теперь часъ ко часочку приближается,

Прошелъ долгой день изъ утра до вечера.

40. Уведу́тъ меня, ду́шу красну́ дѣвицу
На озно́бную чужу́ дальнюю сторону́,
На озно́бной-то, чужо́й дальней стороны
Мосты-те въ изба́хъ суковатые,
Люди-те живутъ зубоватые,

45. Осмѣхатъ начну́тъ ду́шу красную дѣвицу.
Я еще зову́, ду́ша красная дѣвица,
Я въ частую́, любимую́ госты́ницу
Къ желанному́ родителю́ дядюшкѣ.

(Съ этимъ вмѣстѣ невѣста подходитъ къ дому, въ который идетъ въ гости:)

Становитесь, кумы подружки любовныя,

50. Бѣлымъ лицомъ къ частоуступчатой лѣстницы.
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Въ хорошую частоуступчату лѣстницу,
Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во новые сѣни переные,

55. Ты взвивайся, побѣдный зыченъ голосъ,
Во свѣтлую хорошую свѣтлицу!

(При входѣ въ избу:)

Меня, Господи, дочь кручинну благослови
Стать на единую половку дубовую
Передъ чуднова Спасова образа!

60. Вздынься, правая бумажная рученька,
Перекрестить бѣло лице нерумяное
И помолиться мнѣ, кручинной, поклоняться
За большаго дому настоятеля:

Дай Богъ, здоровья, живота, вѣку долгаго,

65. Жить здорову (имреку)

Во своемъ тепловитомъ гнѣздышкѣ,—
Мнѣ прибѣжище кручинной, пристанище
Съ ознобной чужей дальней стороны,
Не во частую́, любимую́ госты́ницу.

70. И ты ударь челомъ, млада буйная голова,
На всѣ кругомъ на четыре на стороны!

(Обращаясь къ хозяину дома:)

Ты не убойся, желанный родитель дяюшка,
Ты подойди ко мнѣ, душѣ красной дѣвицы:
Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица,

75. Со кумами, со подругами со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній.

(Если въ семействѣ есть состоящій на рекрутской очереди, то къ нему:)

Ты подойди, милый двоюродный брателко,
Ты ко мнѣ, душѣ красной дѣвицѣ:

80. Я не съ разбоемъ иду, душа красная дѣвица,
Со кумами, со подружками со любовными,
Я въ частую любимую гостьбицу,
Я не въ первый разъ иду, въ послѣдній.
Ты скажи, милый двоюродный брателко!

85. Ты о чемъ слезно плачешь, уливашься,
Ты ронишь слезы изъ ясныхъ очей?
Ты меня жалѣешь, души красной дѣвицы,
Или своя есть какая обида великая?
Нѣ боишься, милый родимый брателко,

90. Какъ придуть съ Москвы указы немилостивы,
Потребуютъ на службу государеву,
Наряжать станутъ судьи-власти немилостивы:
Такъ у тебя сходилася обида великая.

Изъ заплачекъ привожу еще заплачку къ брату, находящемуся на службѣ, къ замужней сестрѣ и заплачку между матерью и безотней дочерью предъ самымъ порученьемъ.

8 [Невѣста выходитъ встрѣчать брата за деревню].

Напишу скорописчатку грамотку
Милому родимому брателку,
На ознобную чужу дальнюю сторону,
Чтобъ шелъ на побѣдную славную свадьбку

5. Со ознобной чужой дальней стороны.
Накажу скорописчатой грамоткѣ:

- Не падай ни на воду и ни на землю,
Ни на темные лѣса дремучіе,
Ни на мхи, на болота зыбучіе,
10. Ты пади, скорописчата грамотка,
Къ ногамъ милаго родимаго брателка,
Гдѣ въ строю стоитъ на службѣ государевой,
Тамъ упросить немилостивыхъ начальниковъ
Прочитать скорописчату грамотку.
15. Вы пойдемте, кумы-подружки любовныя!
Не могла дождать, душа красная дѣвица,
Милаго, родимаго брателка.
Не своя у него воля великая:
Подъ строгой живетъ грозой государевой,
20. Ходить на крѣпкіе караулы государевы.

9 (Къ замужней сестрѣ или другой родственницѣ, живущей на сторонѣ и пришедшей въ гости).

- Ты здорово, милая сестрица голубушка!
Живешь здраво на ознобной чужой дальней стороны.
Чего я спрошу душа красная дѣвица
У тебя, милая сестрица голубушка.
5. Каково тамъ, сестрица голубушка,
На ознобной чужой дальней стороны,
У чужихъ богоданныхъ родителей
Доставать ласкоту-добродѣтель великую
Серебряной иголочкой прищивитися,
10. Золотымъ клубочкомъ прививатися?
(Та отвѣчаетъ:)
Ты послушай, душа красна дѣвица!
Мудрено жить на ознобной чужей дальней стороны,
Серебряна иголочка затупится.
15. Набъ покорному быть сердцу ретивому
И склонной младай буйной головы,
Всѣхъ по имени звать, по отечеству;
По утру набъ вставать-то ранымъ-ранешенько,
А вечеромъ ложиться позднымъ-позднешенько.

20. Какъ зачнешь вставать, душа красная дѣвица,
Попрекать стануть твоего-то мужа богоданнаго,
Что лѣнивая у него взята, не станнивая,
Не трудница взята, не работница.

(Невѣста на это говорить:)

Спасибо за совѣтъ, сестрица голубушка,

25. Что научила душу красну дѣвицу
Какъ жить на ознобной чужей дальней сторонѣ.

10 [Повѣнцкій уѣздъ.]

Мать: Ты рѣка, рѣчинька,

Ты рѣка-ли моя быстрая!

Ты бѣжишь не сколыбнешься,

Съ берегами не сравнинешься.

5. Ты дите-ль, мое дитятко,

Ты дите, дочь одинакая!

Ты сидишь, да не усмѣхнешься,

Говоришь, да не улыбнешься?

Дочь: Мнѣ чего-то смѣяться,

10. Мнѣ чего радоваться?

У моей-то нонь у маменьки

Полонъ дворъ кареть наѣхано,

Полны горницы сидятъ гостей,

Сидя гости незнакомые,

15. Че за мной бладою (младой) наѣхали.

Надоть съ волюшкой разстатися,

А съ эстима гостяма опознатися.

А какъ у меня-ль, у красной дѣвушки,

Какъ однихъ-то гостей нѣтъ какъ нѣтъ,

20. Че родныхъ гостей нѣту—батюшка:

Снарядить-то меня е кому,

Отпустить меня больши того,

А благословить нѣту батюшка.

Охъ вы, братцы, ясны сокола!

25. Вы, сходите во Божью Церковь,

Вы ударьте трожды въ колоколъ!

Раступися, мать сыра земля,

Ты, откройся, гробова доска,

Развернися, золота парча,

30. Ты встань, родитель батюшка,

Дай прощеньице съ благословеньицемъ,

На посаждѣннице (14) кресна матушка,

Отвезуть меня братцы родимые,

Благослови, родитель-батюшка! (15)

И вотъ, черезъ два дня съ жениховой стороны собрали всю *породу*: прѣѣхали пять дружекъ, поѣзжане, брудги, тысяцкой. Изъ женихова дома *жениховцы* ѣдутъ въ невѣстинъ домъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ началѣ *поѣзда* ѣдутъ два *вершника* (друзки), за ними тысяцкой, брудги и наконецъ женихъ съ прочими гостями. По прѣѣздѣ въ деревню, они останавливаются въ особомъ домѣ, откуда дружки сходятъ къ невѣстѣ—навѣдаться о ея здоровьѣ и дать знать о здоровьѣ жениха и его прѣѣздѣ; за тѣмъ просятъ отца невѣсты и рожниковъ, чтобы поскорѣе приготовили ее и сами приготовились къ столу. Отецъ отвѣчаетъ: «У насъ невѣста готова, да вѣдь нельзя ничего сдѣлать безъ спросу плакальщицы: на то она и правитель свадьбы.» Тѣ отвѣчаютъ! «Намъ-де плакальщицу видѣть не *лицо*.» (16) Да какъ видятъ, что сдѣлать ничего нельзя, такъ поубавятъ спѣси и станутъ просить плакальщицу: «Нельзя-ли поскорѣе приготовить невѣсту?»—Мошно (мочно), да мнѣ-кава не за *чимъ* невѣсту крутить.—Тутъ дружки дарятъ деньгами плакальщицу и тогда она смилуется: «*Снѣ-часъ-моль* справлю, готова будетъ къ ставкѣ.»

Тогда женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ приходятъ въ домъ

14. Иногда рукобитие и порученье бываютъ въ одинъ и тотъ же день, а иногда особо.

15. Неприлично.

16. Во время отъѣзжанья невѣста плачетъ, а сваты бьютъ въ воронецъ, приговаривая: «Ну, сватыюшки, поскорѣе поворачивайтесь, подавайте невѣсту: женихъ скучаетъ.» А сватыюшки отвѣчаютъ:—На полетѣ, на полетѣ княжна молодая: только крылышки подвязать,—полетѣть-полетѣть!—

невѣсты и *заходятъ* за столъ, наблюдая такой порядокъ: тысяцкой садится въ большое мѣсто, за нимъ брудги, женихъ, передовщики и прочіе гости. На покрытый скатертью столъ полагаютъ хлѣбъ—соль и даютъ каждому гостю по одному ломтику хлѣба. Невѣсту же въ это время *окрутятъ* какъ можно лучше: надѣнутъ ей на голову канифасную или бумажную фату и поведутъ ее ко столу; впереди ея идутъ передовщики, передовщицы, бажатка; сама невѣста идетъ, поддерживаемая двумя ставленицами подъ руки. У стола передовщики разступятся на двѣ стороны, а невѣсту со ставленицами подведутъ къ самому столу, и въ это время дѣвушки, стоящія въ углу, поютъ *припѣвальные пѣски* (17). Затѣмъ тысяцкой или дружка проситъ у невѣстиной родни, чтобы сняли фату и показали невѣсту: «Мы де не фату пріѣхали смотрѣть, а невѣсту.» Просьбу ихъ исполняютъ, и невѣста, освободившись изъ подъ фаты, ведетъ поклонъ жениховой роднѣ на всѣ стороны, а тысяцкому и князю молодому *въ особину*. Тутъ передовщики спрашиваютъ жениха: «Что, князь молодой, любя ли вамъ княжна молодая?» Женихъ выражаетъ свое довольство молча, однимъ кивкомъ, но его провожатые громко кричатъ:—Люба, любя!—«А спросите-ко у княжны молодой, любъ ли ей нашъ князь молодой?» На это невѣста отвѣчаетъ поклонами, а провожатые ея кричатъ:—Любъ, любъ!—Когда все затихнетъ, женихъ встаетъ на ноги, беретъ поднось, наливаетъ виномъ двѣ чарки и подаетъ черезъ столъ невѣстѣ, да не просто, а съ обманомъ: поднесетъ къ ея рукамъ поднось, и,—только она хочетъ взять,—онъ и отдернетъ назадъ. Это дѣлается разъ до пяти; наконецъ женихъ отдастъ поднось и сядетъ, а невѣста, оборотясь къ столу спиною, подчуетъ виномъ своихъ родственниковъ (*родню покореную*), женихъ же подливаетъ вина и передаетъ ей. Окончивъ угощеніе родни, она оборачивается къ столу лицомъ, подчуетъ тысяцкаго и прочихъ

17. Народная пѣсня такъ объясняетъ это выраженіе:

Ты поѣдешь, мое дятятко, женишься
На дѣшечкѣ на красной на дѣвицы:
Тебѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тебѣ, сударь, невѣсту припѣвати.

жениховцевъ и послѣ всѣхъ подносить чарку жениху, а другую беретъ себѣ. Перекрестивъ глаза, и князь, и княгиня ударяють чаркой о чарку, при чемъ женихъ старается ударить своей чаркой выше и влить вина въ невѣстину чарку. Если это ему удастся, то его родня закричитъ: «Ай, да молодецъ!—зыдѣть какъ здѣлать! Ай да хватъ!» А если въ этомъ возметъ верхъ невѣста, то ея родня закричитъ:—Наша взяла! Вотъ хватъ-дѣвка!—

Послѣ того невѣста отвернется отъ стола, а воплоница займается:

41 [Петроз. уѣздъ—Толвуйской и Кижской вол.]

- Боже, благослови, Господи,
 Во святой часъ да во счастливой,
 Во таланну пору—времячко!
 Я поворочусь, невольница,
 5. На праву руку на посолонь,
 Куда солнышко катилоса,
 Луна небесна воротилася;
 Отъ стола да отъ дубоваго
 Я станомъ стану въ большой уголъ,
 10. А лицемъ на высокъ теремъ.
 Гдѣ-то есть у сей невольницы
 Большаки въ домѣ начальники,
 Какъ большуки заповодчицы?
 Мой большакъ въ домѣ родитель-батьюшко,
 15. А большуха—родитель-матушка;
 Буде есть въ дому родители,—позовите,
 Буде нѣтъ въ дому родителей,—оповѣстите.
 Вы послушайте, жаланные родители,
 Ты, кормилецъ—сударь-батьюшко,
 20. Да родитель моя матушка! (*)

(*) Вар. (Кижск.):

Не возбранно ли вамъ, жаланные родители,
 Соколы-братцы родимые,
 Ветлянные нешутушки,
 Что иду я, красна дѣвица,
 Съ жалкими пѣвицами, съ красными дѣвицами?

- Вы позволѣте-тко, жаланныя родители,
Попустить да свой зыженъ голось,
Бѣлой лебеди возгакати,
Да красной дѣвушкѣ заплакати
25. По полаты грановитой,
По терему высокому.
Повелѣлъ мой сударь-батюшко,
Да благословила моя матушка,
Какъ заставили родители
30. Подъ фатой ходить, голосомъ водить,
Пошла дѣвушка заплакала,
Да-й во весь народъ разжалилась
На своихъ-то на жаланныхъ родителей,
Че поставили родители
35. Къ дубову столу во столъницы,
Къ зелену вину въ разливщицы.
Я у дубоваго стола да постояла,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
На подносахъ были чарочки хрустальныя,
40. Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино
Злодѣямъ чужимъ чужанинамъ,
Этымъ гостямъ незнакомымъ.
И покорила свою младую головушку:
Первой разъ я поклонилася,—
45. Моя волюшка съ головушки укатилася,
Другой разъ я поклонилася,—
Поблекло мое бѣлое личико,
Третій разъ я поклонилася,—
Подрожали мои рѣзвые ноженьки,
50. Свое родъ-племя красна дѣвушка посрамила.
Не на ономъ я свѣту побывала,
Не на страшномъ я суду постояла, (*)

(*) Вар. (Кижск.):

Я не въ зеленомъ саду побывала,
Не зелены цвѣточки сорывала,

- Постояла я у стола дубоваго,—
Во рукахъ были подносы золоченые,
55. На подносахъ была чарочка хрустальная,
Во чарочкахъ хмѣльное зелено вино.
Я клонила свою младую головушку
Злодѣй-чужимъ чужанинамъ,
Всему кругу молодѣцкому,
60. Потѣзду да княженецкому,
Молоду князю въ особину.
Я не долго у стола да постояла,
Свою волюшку съ головушки потеряла,
Я волюшку на неволюшку смѣняла,
65. Я сама себя въ заботы обзаботила.
Подойти было невольницы,
Да-й поглядѣть было кручинницы
На свой да на зеленый садъ,
Въ полоненой во задней уголокъ:
70. Еще-ль все въ саду по прежнему?
Слава-слава тебѣ, Господи!
-

- Я стояла у стола дубоваго,
Какъ глядѣла-ли млада сына отѣцкаго:
5. Какъ сидить-то младъ отѣцкой сынъ,
Какъ утуплены его ясныя очушки во столы во дубовые,
Да во скатерти во браненныя,
Во ѣствища сахарныя,
Да во питища медвяныя.
10. Какъ взглянулъ младъ отѣцкой сынъ,
Взглянулъ онъ взглядомъ невеселымъ,
Какъ отъ этого отъ взгляда невеселаго
Мое цвѣтное портишечко
Какъ по швамъ да расшивалоса,
15. По спаямъ да распаялоса.
Я отворчусь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола отъ дубоваго
Отъ большаго почестнаго угла. . . .

- Стоить все въ саду по прежнему,
Зелень-зелень мой зеленый садъ
Все деревцами заморскими,
75. Изуваленъ мой зеленый садъ
Все кунамы да лисицами,
Собоямы заграничными,
Изнасаженъ задней уголокъ
Душамы красными дѣвѣицами
80. Да жалкима пѣвицами.
Вижу-смѣчу все невольница,
Еще все въ саду не по старому,
Еще все въ саду не по прежнему:
Раздробленный мой зеленый садъ,
85. Полоненый задней уголокъ,
Во кручиннушкѣ стоитъ да задней уголокъ,
Во крови стоятъ зеленые липинки,
Во слезахъ стоитъ хрустальная околѣнка,
При обидушкѣ затула (18) была занавѣсочка,
90. Изъ досадушки почернѣла была лавочка,
Припечалилась затула была завѣска,
Все обо мнѣ-то вѣдь о красной дѣвушкѣ.
По неволѣ я пришла, красна дѣвушка,
Со почестна со больша угла;
95. Мнѣ-ка сѣсть было, невольницы,
Да-й по старому, по прежнему,
На брусовую на лавочку
Подъ косявчѣто окошечко.

12 [Кижская деревня Середка].

- Я чѣго сижу-задумалась,
Чужихъ басенокъ ослухалась
У старушекъ ли невѣстушекъ,
У молодушекъ разговорушковъ,
5. У дѣвушекъ ли жалкихъ пѣсенокъ?

18. Спряталась.

- Мнѣ-ка стать-пойти на рѣзвы ноженьки,
Поискать своихъ жалаанныхъ родителей,
Во первыхъ сыскать кормильца-свѣта-батюшка,
Во другихъ сыскать родитель свою матушку,
10. Своихъ-то соколовъ-братцевъ родимыхъ,
Мнѣ ветлянныхъ нешутушекъ,
Любимыхъ невѣстушекъ.
Я поворотчусь, душа красна дѣвица
Ко своему кормильцу-свѣту-батюшку.
(Придетъ и поклонится въ ноги отцу:)
15. Не достойна, красна дѣвица, на ногахъ стоять,
Я достойна, красна дѣвица, во ногахъ лежать
У кормильца-свѣта-батюшка.
Ужъ вы че, мои жалаанные родители!
Ужъ вы съ кѣмъ дума удумали,
20. Съ кѣмъ вы дѣлали плотное рукобѣйице,
Вы собирали ли мое родъ-племя любимое,
Вы собирали ли моего крестнаго батюшка,
Созывали-ль на мою обидную на свадьбку
Во другихъ-то крестову мою матушку,
25. Моихъ тетусекъ-добротусекъ,
Да жалаанныхъ моихъ дядинокъ,
Да сестрицъ-то двуродимыхъ?

—

- Ты, послухай-ко, кормилецъ-сударь-батюшко!
Ты на че да прикинулся,
30. Ты на че-то позарился,
Поневолилъ душу красну дѣвушку
Во великую злодѣйну во неволюшку,
На остудушку на чужую на сторонущу:
Ты на широкія-ль поляны хлѣбородныя,
35. Ты на гладкіе-ль луга на сѣнокосныя,
На хорошее ль хоромное строенїице,
На хорошихъ-ли ступистыкъ лошадушекъ,
На гладкіе кафтаны васильковые,
На шляпоньки-ль да на пуховыя,

40. Аь на хорошаго млада сына отъцаго?

13 (Повѣнецкій, Шунгская вол.).

Я колько у родителей возростала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала.
Какъ для этыхъ гостей именитыхъ
У моихъ свѣтовъ жаланныхъ родителей

5. По мостамъ бѣлодубовымъ
Все сукна да одинцовыя,
По стульицамъ кленовымъ
Чисто серебро московское,
По косявчетымъ окошечникамъ
10. Красно золото сибирское,
По стѣнамъ да бѣломшаннымъ
Все парча да золоченая.
Что есть за люди въ почестномъ во большемъ углу,
Что за гости за столомъ да за дубовымъ?
15. Безъ спроя да въ высокъ теремъ заходили,
Безъ доклада за дубовый столъ сажалися.
Какъ у нашего родителя у батюшка,
На сегоднишній господень божій денечекъ
У воротъ были приворотники,
20. На сѣняхъ были присѣнники,
У насъ слуги были вѣрные,
Сторожа да безызмѣнные.
Вы скажите-ко, дородни добры молодцы,
Чѣмъ дарили теперь слугъ моимъ да вѣрныхъ,
25. Сторожевъ да безызмѣнныхъ?
У воротъ ли вы лисищамы,
По сѣнямъ ли вы кунищамы,
Аь заморскимъ чернымъ соболемъ,
Аь золотой казной безсчетомъ,
30. Аь на винну малу чарочку?
Мои братцы ясны соколы
Не укинулись на лисицу на бурую,
Ни на куницу на черную,

- Ни на славнаго заморскаго на соболя,
35. Ни на эту золоту казну безсѣтнѹю.
Прелестились мои братцы ясны соколы
Че на виннѹю на малѹю на чарочкѹ.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой свать! (19)
Угощался ты какъ у родителя у батюшка,
40. Его звалъ ты на новы сѣни рѣшатчатѹ,
Ты выхваливалъ остуду чужѹ сторону,
Высоко-же несъ сына блада отѣцкаго,
Ты засуливалъ родителю-батюшку
Сорокъ ведрѣ зелена вина,
45. Пятьдесять ведрѣ пива пьянаго,
Города да съ пригородкамы,
Села да со приселкамѹ,
На кругъ сине море со пристаньмы,
Корабли да со кладямы?
50. Говорилъ же мой родитель-батюшко:
« Намъ не надо сорокъ ведрѣ зелена вина,
« Пятьдесять да пива пьянаго,
« Городовъ да съ пригородкамы
« И уже селъ да съ приселкамы,
55. « Некому владѣть сине море со пристаньмы,
« Кораблевъ да со кладямы. »
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ большой свать,
Ты още сулилъ родителю батюшку
Про благаго сына отѣцкаго,
60. — Что бѣлина онъ—снѣгу бѣлаго,
— Красота онъ—солнца краснаго,
— Брови черны—черна соболя,
— Очи ясны—ясна сокола,
— На головушкѣ кудерышки
65. — Восемъ рядъ да совиваются,
— Быдто жаръ да разгораются.—

19. Обращеніе къ тысяцкому.

- Ты още сказалъ родитель-батюшку,
— Что онъ бумажками дорожки устилаетъ,
— Серебромъ въ народъ-люди дѣлаетъ.—
70. Ты послушай-ла, измѣна-разсказъ-большой свать:
Красота мнѣ его да очевидная,
А золотѣ назна его да неизвестная,
Гдѣ ты высмотрѣлъ, измѣна-разсказъ-большой свать,
Ты душу да красну дѣвушку:
75. На горы-ль меня, катаючись,
Аль о Святой меня качаючись,
Аль о Петровѣ-дни гуляючись?
Ни на че мой родитель не укинулся.
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой свать,
80. Уже родителю-батюшку:
— Въ торгахъ, сказалъ, товары застоялися,
— Въ деревняхъ красны дѣвушки засидѣлися.—
Говорилъ тебѣ родитель-батюшко:
« Отпущу я во пустыню богомольную,
85. « Гдѣ дѣвушки въ пустыняхъ спасаются.»
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой свать:
— Нынѣ пустыни разоряются,
— Красны дѣвушки по домамъ да разъѣзжаются.—
Ты още сказалъ, измѣна-разсказъ-большой свать:
90. — Не товаръ въ углу дѣвушка,
— Не запасъ въ мошнѣ денежка.—
Побоялся мой родитель-батюшко,
Тутъ снялъ волюшку со бладой головушки.
Ты послушай-ко, измѣна-разсказъ-большой свать:
95. Не одна я шла въ почестной въ большой уголь,
За мной есть три стѣны да городовыхъ,
Сорокъ тетушекъ-добротушекъ,
Безъ числа е жаланныхъ моихъ дядинокъ,
Цѣла сотенка сестрицъ моихъ родимыхъ,
100. Е ветлянная нештушка,
Восприимная (20) крестова моя матушка,

20. Восприимца.

- Мои братцы-ясны соколы
И жаланны мои дядюшки.
Ты роздумайся, измѣна-разсказъ-большой свать,
105. Чѣмъ дарить будешь родъ-племя сердечное,
Чтобы честь-хвала была да вѣковѣчная.
Укажу тебѣ, измѣна-разсказъ-большой свать,
Чѣмъ дарить мой родъ-племя сердечное:
Дари тетюшекъ китайкамы,
110. Моихъ дядинюкъ гарнитурамы,
Сестрицъ моихъ родимыхъ
Дари штофомъ-золотой парчей,
Ветлянную нешутушку
Жемчугомъ перебраннымъ,
115. А крестову мою матушку
Камкой дари хрущатой, заузорчатой,
И золотой казной безсѣтней,
А жаланныхъ моихъ дядей
Сукномъ васьковымъ,
120. Опоясочкой шелковой,
Моихъ братцевъ-ясныхъ соколовъ
Ты жилетами турецкими
И сапожками козловыми,
Ты козла дари турецкаго
125. А шитья да Питербургскаго.

14 (Петрозаводск. Толвуйской в.) (21).

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!

-
21. Иногда заплачка эта заводится такъ:
Становись-ка, младъ отѣцкій сынъ,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку.
Гляди вточъ да во ясны очи,
5. Гляди впрямъ да во бѣло лице,
Чтобы жить тебѣ-не казаться,
Мнѣ-ка жить бы-да не плакаться.

Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ,
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ:
На горочкѣ катаючись,

5. О Христовомъ дни качаючись,
На игрищѣ играючись,
На гумнѣ меня молотчучись,
Аль на тихой смирной бесѣдушкѣ?
Какъ повыглядѣлъ на игрищѣ играючись

10. На игрищѣ личико принавивало;
Какъ повысмотрѣлъ на гумнѣ молотчучись,
Ты отперся младъ отѣцкой сынъ;
Какъ на тихой смирной бесѣдушкѣ,
Мое было личико разгорѣлося.

Или вмѣсто послѣдняго стиха:

15. И тогда у меня молодѣшенькой.

Было росту понаставлено,
Было туку принабавлено,
Пакладно да лицо бѣлое,
И бѣлымъ-было набѣлено,

20. И алымъ было нарумянено.

Прогнѣвъ заплачку, невѣста садится на лавку, а родственницы ея подходятъ къ ней и приплакиваютъ, т. е. каждая рассказываетъ свою горестъ о переходѣ ея въ чужую семью и предваряетъ,—какъ слѣдуетъ жить «на чужой сторонущкѣ.» Когда этотъ формальный плачь поутихнетъ, и невѣсту немного подправить, она снова заплачетъ:

13 (Петрозавод.)

« Мнѣ недосугъ сидѣть-усиживать,
Говорить да разговаривать:
Сѣнокосъ прищелъ да сѣнограбленье,
Рабочая пора-времячко.

5. Мнѣ-ка не кѣмъ замѣнитися,

Скажи, гдѣ я прилюбилася,
Въ кое время приглянулася?

- Самой буде потрудится.
Мнѣ-ка стать было невольницы
Мнѣ на ноженьки на рѣзвыя,
На сапожки на сафьянные,
10. На гвоздь на шеломчатое.
Пороздайтесь-ко, народъ-люди добрые,
На двѣ-на три-на четыре на сторонюшки,
Дайте мѣста несомношечко:
Не погѣ иде со мирянами
15. И не староста съ крестьянами,—
Иде поневоля красна дѣвушка
Да со родомъ да со племенемъ,
Со дружкамы со подружкамы,
Со жалкой со подголосницей.
20. Гдѣ-то есть у сей невольницы
Все жаланныя родители?
Вы послушайте, жаланные родители,
Мнѣ пойти надо въ почестный большій уголъ,
Къ дубову столу въ столъницы,
25. Къ зелену вину въ разнощицы.
Ужъ вы дайте-тко, жаланные родители,
Ко столу хорошихъ столъничковъ,
Къ зелену вину разнощицковъ,
Да и хорошихъ отговорщицковъ.
30. Я ступить-ступлю во сто рублей,
А другой ступлю въ тысячу,
А ужъ третьему и нѣтъ цѣны.
Я не боюсь да не полохаюсь,
И не стыжусь да и не соромлюсь,
35. Пока свой домъ да-й своя воля,
Пока у своихъ жаланныхъ родителей.
Вы послушайте, жаланные родители!
Мнѣ-ка смѣть-ли подойти къ столу дубовому,
Поклонить своя головушка,
40. Покорить свое сердечушко
Этимъ гостямъ незнакомымъ,

Этимъ чужимъ чужанинамъ.

Всему кругу молодѣцкому,

Молоду князю въ особину?

45. Мнѣ-ка смѣть-ли называть его по имени,
Называть да по изотчины?

Повелѣлъ мнѣ сударь-батюшко,

Повелѣла моя матушка:

« Подойди, дитѣ любимое,

50. « Ко столу да ко дубовому,

« Поклони свою головушку,

« Покори свое сердѣчушко

« Этимъ гостямъ незнакомымъ,

« Господину честну тысяцку,

55. « Княжаямъ-брюдгамъ-боярынямъ,

« Всему кругу молодѣцкому,

« Поѣзду да княженецкому,

« Молоду князю въ особину;

« Называй его по имени,

60. « Звеличай его по изотчины,

« Не кунай (*) его отечества (22):

« Онъ честнаго отца-матери,

« Роду-племени почтеннаго.

Потомъ невѣста придетъ ко столу съ подносомъ и рюмками и кланяется гостямъ, а плакальщица, стоя позади ея, привапливаетъ:

16 [Петровзводскій уѣздъ].

Мой поклонъ да понизехонькой

Отъ души отъ красной дѣвушки

Всему кругу молодѣцкому,

Поѣзду да княженецкому,

5. Господину честну тысяцкому,

(*) Вар.: Ему Богъ далъ имя-отечество,
Не безчести молодѣчества.

22. Не кунай, т. е. не поноси.

Княжаямъ-брюдгамъ-боярынямъ,
Молоду князю въ особину.

За тѣмъ, невѣста подноситъ тысяцкому на поднось вина, а
плакальщица привапливаетъ:

17 (Петрозаводскъ).

Господинъ чесной тысяцкой,
Человѣкъ ты именитый!
(Называетъ его по имени и отечеству,)

Пейте-кушайте, пожалуста,
Эту чашу зелена вина:

5. Тебѣ сахаромъ насыпано
И медамы изналивано.

Пли:

Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце
И весельицемъ въ разумную головушку.

Тысяцкой беретъ чарку, выпиваетъ и даетъ деньги. Послѣ
него пьетъ вино и даритъ деньгами весь повѣздъ; послѣ всѣхъ
невѣста подноситъ чару жениху, а плакальщица привапливаетъ:

18 [Петрозаводскій уѣздъ].

Мой поклонъ да понизехонькой
Отъ души отъ красной дѣвицы
Молоду князю-сыну отѣцкому.
За моимъ-то дубовымъ столомъ

5. Какъ сидитъ-то младъ отѣцкой сынъ,
Онъ сидитъ-то какъ свѣчи горять,
Говоритъ онъ какъ рублемъ дарить,
Говоритъ онъ не мѣшается,
Во устахъ рѣчь розсыпается.

10. Какъ у этого млада сына отѣцкаго
Красота взята отъ солнышка,
Бѣлина-та отъ бѣла снѣга,
Кружевьемъ лице окружено,
Бѣлиломъ лице набѣлено,

15. Щечки-то отъ мака отъ красного,
Очи ясныя—ясь сокола,

Ясна сокола заморскаго,
Брови черны черна соболя,
Черна соболя сибирскаго.

20. То не имя, не отечество,
Называть буду по имени,
Звеличать да по отечеству:

(Называет по имени и отечеству,)

- Выпей-высуши, чару зелена вина
Наливанища сокола братца родимаго,
25. Подношеньища души красной дѣвицы.
Тебѣ сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А весельищемъ во младую головушку.

Но если свадьба идетъ не совсѣмъ ладно, или, если знаютъ заранее, что женихъ и жениховцы скупаются на подарки, то имъ поются и такого рода заплачки:

19. Тысяцкоу (Княжской волости).

Ты не могъ, дородній добрый молодецъ,
Не повытолочь да не повыпомочь,
На церковномъ крыльцы повыпросить.

Князю:

- Какъ сидитъ молодой отѣжкой сынъ,
5. Будто гряда подпорожная,
Какъ собака подорожная:
Красота взята отъ пыльницы,
Бѣлота взята отъ задницы.

Послѣ этой чарки и совершается обрядъ порученья. Сущность его состоитъ въ томъ, что женихъ, взявши чарку вина и поднеши ее къ устамъ, беретъ невесту за руку и пожимаетъ ее (23). Въ иныхъ мѣстностяхъ это называется *подарить въ пльть*. За тѣмъ снимаютъ чарки со стола, женихъ достаетъ шкатулку съ подарками, кладетъ ее на поднось и подаетъ невестѣ. Невѣста, отворотившись отъ стола, замѣчаетъ, что нѣтъ ключа отъ шкатулки, а потому опять воротится къ столу и под-

23. Невѣста подноситъ ему руку ладонью къ верху, и онъ захватываетъ сверху концами своихъ пальцевъ за ся пальцы.

носить подарки жениху, а выкальщица привапливаетъ:

Даришь кованы ларцы,
Такъ отдай золоты ключи!

Женихъ вынимаетъ ключъ и отмыкаетъ шкатулку, съ которою невеста вторично отворачивается отъ стола и рассматриваетъ подарки. Большею частію она благодаритъ жениха такого рода заплачкою:

20. [Петрозавод. Толуйская вол].

- Ты за чѣ даришь, младъ отѣцкой сынъ,
Ты ларцами окованымъ!
Я дочи да не поповская,
Я дочи да не дыковская,
5. Я дочи да сущаго крестьянина;
А ты даришь ларцы окованные,
Съ дальня города привезенные,
За нихъ провозы очень дороги.
Спасетъ Богъ—благодарствуетъ
10. На любви твоей, на милости,
На честныхъ твоихъ подарочкахъ!

Но иногда невеста бросаетъ подарки, а вопленица припѣваетъ:

21. [Петрозавод. Педасельга].

- Не дари-ко чужой чужбининъ,
Ты нищенскимъ подаркамъ,
На щерковномъ крыльцы выпроси.
Ужъ я жила молодѣшенька
5. У родимаго у батюшка:
Я носила, молодѣшенька,
По христовымъ воскресеньцамъ
Я банмачики козловые,
Я чулочники бумажные;
10. По годовымъ по праздничкамъ
Я чулочки шелковые,
И банмачики сафьянные.
Ты послушай, чужой чужбининъ!
Съ моимъ родомъ сопознатися,
15. Прозакладать все житье-бытьѣ

И хоромное строеньице.
Какъ дарить тебя—отдаривать?
Мое родъ—племя великое,
У меня родня широкая:

20. Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядинокъ,
Шестьдесятъ жаланныхъ дядюшекъ,
Въ моемъ ли роду—племени
Все попы—отцы духовные
И причетяна церковные.

За тѣмъ отъ стола невѣста обращается къ своимъ родителямъ
и начнетъ имъ пенять, привапливая вслѣдъ за плакальщицей:

22 [Повѣнец].

- Не подъ тучей я стояла, не подъ темной,—
Я стояла у стола у дубоваго,
Я у эвтаго у князя у молодаго,
У поѣзда была у княженецкаго,
5. У круга—то стояла молодѣцкаго.
Уже этотъ чужъ отѣцкой сынъ
Три грозы задалъ великія (5)
Ступилъ на ногу на лѣвую,

-
- Вар.: Пригрозилъ мнѣ чужъ отѣцкой сынъ
Три грозы да три великія.
Первую грозу ступилъ на ногу:
Отъ того страху, отъ полоху
10. Подломились ножки рѣзвыя.
Другу грозу прижалъ мнѣ праву руку:
Онъ сломалъ значенъ перстень,
Брильянтовы ставочки по полу розсыпались.
А третью грозу пригрозилъ,
15. Онъ взглянулъ по звѣриному:
Отъ того страху, отъ полоху
Мое цвѣтно портишечко
По шитью распоролось.

25.

- Прижалъ за руку за правую,
10. Взглянулъ взглядомъ невеселымъ:
Со того страху-переполоху,
Съ его взгляду нъ веселаго,
Мое цвѣтное портишечко
Все по швамъ розшивалось,
15. Мое золото моницато
Все по спайкамъ распаялось,
Мои скатные жемчуги перебранные
Розжались по единой по жемчужинкѣ.
Въ дому-ль же мой надежа-батюшка,
20. Въ терему-ль моя родительница-матушка?
Буде есть въ домѣ,—сей часъ оповѣстите,
Буде нѣтъ въ домѣ,—сей часъ пойщите.
Ты явись сюда, надежа-сударь-батюшко,
Говорю тебѣ, родитель-матушка!
25. Мнѣ-ка трои люди надобны:
Мнѣ-ка первы люди надобны
Сошить цвѣтное портишечко,
Мнѣ-ка други люди надобны
Спать золото моницато,
30. Мнѣ-ка третьи люди надобны
Собрать скатные жемчуги перебранные.
Исповыкупй, исповырочи
Отъ стола да отъ дубоваго,
Отъ князя да молодаго
35. Отъ потѣзда княженецкаго
Отъ круга да молодѣцкаго.
Не которую корысть да получили,
Что въ почестной большой уголъ сводили:
Отъ стола люди расходятся,
40. Отъ вѣнца да разъѣзжаются,
Что дѣвушки въ красы да остаются.

Видно все мое прошло, да миновалось,
Родители на мои слова не сдаваются.

Хоть не свой день, да своя воля, —

45. Протяну я день до позднего до вечера,
Проживу я у жаданных родителей.

23 (Петрозаводск).

Вы послушайте, жаданные родители!

Я у дубоваго стола да постояла,

Свою вояшку съ головошки да потеряла,

Я запродала воду вольную

5. На жестны дорожн поларожн

И запропила за винную за чарочку,

При всемъ родѣ-племени,

При жаданныхъ родителяхъ,

При братцахъ-ясныхъ соколахъ,

10. При ветлянныхъ нештутушкахъ,

Я по вашему, родители, велѣнью,

Да-й по вашему, жаданные, благословенью. —

Вы, послушайте, жаданные родители:

Ты, кормилецъ-сударь-батюшко,

15. И родитель моя матушка!

Вы покинулись, жаданные родители,

На честливый-ль на гладки на словесушки,

На гладкія разбористы полянуши,

На луга да на зеленые,

20. На участки деревенскіе,

На гладкіе кафтаны васильковые,

На тулупы одинцовые.

Какъ тобѣ-то, мой кормилецъ-сударь-батюшко,

Насулил-то младъ отацкой сынъ

25. Сорокъ ведеръ зелена вина,

Двадцать ведеръ пива пьянаго,

Двѣ бадьи да меду сладкаго

И безъ счету золотой казны;

Тебѣ, родитель моя матушка,

30. Сулилъ шубу соболіную,

Паволоку кармазинную.

Онъ младъ отѣцкой сынъ догадливый,
Хотѣлъ дарить мой-родъ-племя любимое
Онъ козламы да баранами,

35. Соболямы все сибирскимъ
Да сафьянами турецкимъ:
На то окинулись жаланые родители,
Поневолили меня красную дѣвушку.

По окончаніи этого пригѣва, невѣста и приставницы пойдутъ въ тотъ уголь, гдѣ помѣщаются жениховы дары, разберутъ ихъ, пойдутъ назадъ и остановятся противъ брудгъ, при чемъ пла-кальщица пригѣваетъ:

24 [Повенѣцкій Узды].

Я колько у родителей возростала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала:
По лицу у нихъ по ясному
Печеть красное солнышко (24),

5. Позади ихъ свѣтлы мѣсяцы,
По головушкѣ пекутъ часты звѣздушки.
Вы скажите, милы гостыицы,
Милы гостыицы незнакомыи!
Вы дочери-ль есте купецкія,

10. Али жонушки господскія?
Это быть же дубоваго стола гостыицамъ,
Молодаго князя брудгушкамъ.
Ты какъ князю причитаешься:
Тетушка-ль добротушка,

15. Аль сестрица родимая?

Вслѣдъ за этимъ, невѣста подходитъ къ каждой изъ брудгъ, поднося вино, при чемъ брудга встаетъ, *поздоровкается*, а невѣста причитаешь:

Съ тобой, гостыюшка, спозналася,
Я съ волюшкой расталася.

24. Въ Петроз. Заонезьи было бы: пекеть; точно также: свѣтъ, текеть, хотеть (им. хочеть).

Если же которая брудга не встанетъ (богата-де), то не-
вѣста или вопленница привапливаютъ передъ нею:

25 (Повѣя).

Брудги на ноги не ставятся,
Со мной на рѣчи не ладятся,
Къ разговору не сдаются
И родней да не считаются.

5. Изволь выкупать, брудга ты боярыня,
Мои малые подносы зелена вина.—
Дочь поднощица—княжна порученая,
Мое сладное вино да не похмѣльное,
Не даетъ хмѣлю во бладу головушку,

10. Далече вино да везено,
Дорого вино да куплено,
Оно трожды переливано.
Сахаромъ къ устамъ, здравьемъ на сердце,
А весельицемъ во бладу въ головушку!

(Послѣ угощенья:)

15. Съ вами, гостыицы, сей-часъ да спозналася,
Я со волюшкой красой да порозсталася.
Есть-ли при дома надежа-сударь-батьюшко?
Вы поставили къ дубову столу во стольницы,
Къ зелену вину во рознощицы,

20. На поклонъ да мою бладую головушку,
На покоръ мое ретивое сердечушко.
Вы умѣли гостей звать, умѣйте подчивать!—
Вы гостите, милы гостыицы столовыя,
На хлѣбъ—на соль ко жаланнымъ родителямъ,

25. На великое на наше угощеніе,
Чтобы не было укору вѣковѣчнаго.
Какъ допрежъ сего, до этой поры времячка
Были въ стольникахъ братьища родимые,
На розливъ была родитель моя матушка,
30. На рознось де мой родитель-батьюшка,
На поклонъ были сестрицы родимыя.

Видно все прошло да миновалось,
Моя волюшка съ красой потерялася.

Такимъ образомъ невеста обходить съ виномъ всѣхъ родственниковъ жениха, собравшихся на свадьбѣ, а ея родители дарятъ ихъ при этомъ подарками и угощаютъ дѣбромъ—солью (приговаривая: «чѣмъ Богъ послалъ»). Угостившись и получивъ подарки, жениховцы отправляются изъ дому невесты, каждый въ свою квартиру. Послѣ ихъ выхода, невеста обходить всѣхъ своихъ родственниковъ, подчуя ихъ водкой и собирая себѣ подарки. Женщины дарятъ ее сорочками и кусками равныхъ матерій, величиною въ четверть аршина, а мужчины суконными чулками, платками и деньгами.

Иногда послѣ порученья бываетъ двѣ или три *вечеринки*, на которыя также собирается вся родня съ жениховой и невестинной стороны. Для собравшихся на вечеринки готовится угощеніе, а дѣвицы—подружки невесты поютъ все время припѣвальные пѣсни:

26 (Петрозав. и Повѣн. уѣз.).

Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели:
Желтыя кудри—Василій молодецъ,
Русая коса—душа Аннушка.

5. На улицѣ дождикъ накапливается,
Доброй молодецъ у дѣвицы выпрашиваетъ:
« Ты скажи-скажи, красна дѣвица!
« Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— Милъ мнѣ милешенекъ

10. — Батюшко родной.—
« Дѣвица красная-душа!
« Эта не правда твоя, не истинная:
« Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь.»

На улицѣ дождикъ накапливается,

15. У красной дѣвицы перстень съ руки выпадываетъ,
Доброй молодецъ у дѣвицы выпрашиваетъ:
« Ты скажи, скажи правду всю,

« Кто тебѣ изъ роду милѣ, душа дѣвица?
— Милѣ мнѣ милѣшникѣ добрый молодецъ. —

20. « Красная дѣвица-душа!
« Это правда твоя, это истинная:
« Свое сердце тышишь, мое веселишь. »

27 [Повѣнецкій уѣздъ].

Съ терема на теремъ красна дѣвица шла,
Съ высока на высокъ (имярекъ).

« Подойди сюда, красна дѣвица,
« Подойди сюда, извей кудри! »

5. — Не могу пойти, башмачки глуздытъ,
— Башмачки глуздытъ, лѣтѣмъ ловилося,
— Сапогъ о сапогъ приколачивается. —
« Подойди сюда, красна дѣвица,
« Подойди сюда извей кудри! »

10. — Захочу, къ тебѣ подойду,
— Захочу, тебѣ кудри изовью. —
— Не твое я фла-кушала,
— Не тебя да я и слушала.
— Фла-кушала у батюшка,

15. — Хочу слушать родной матушки.

28 (Петроз. и Повѣн. уѣзды).

У стола-стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Тутъ чесалъ кудри (имярекъ) молодецъ,
Чесалъ кудри, перечесывалъ,

5. Чесалъ русыя, приговаривалъ,
Красну дѣвицу къ себѣ перекликивалъ:
« Ужъ ты, дѣвушка, извей кудри,
« Ужъ, красавица, извей русыя! »
— Я теперь-то кудрей не изовью:
10. — Я теперь слуга у батюшка,
— Въ позволеньицѣ у матушки;
— Не твое я фмъ-пью-кушаю,

— И тебя, сударь, не слушаю.—

Вотъ для примѣра насмѣшливая свадебная пѣсня:

29 (Кижская волость).

Какъ ѣздитъ младъ отецкой сынъ
По деревни красивыя,
Онъ по волости гультивыя;
Ужъ онъ ѣздитъ да посвистывалъ,

5. Своей волюшкой помахивалъ:

« Ужъ я возьму молодую жену,
« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю:
« Къ воротамъ пойдетъ дороженькой,

10. « Отъ воротъ пойдетъ тропиночкой:

« Ужъ я такъ ее повыучу,
« Ужъ я такъ ее повышколю,
« Чтобъ заложечка не щелкнула,
« Перекладинка не скрипнула.»

Въ послѣднюю вечеринку, которая въ среднихъ губерніяхъ
носитъ названіе дѣвичника, поется слѣдующая пѣсня:

30 [Кижская волость].

Сборы сборы широкіе,
Широкіе сборы дѣвичьи!
(Имя, отечество невѣсты)

Сбирала подружекъ за круглый столъ
Садил подружекъ высоко;

5. Сама садилась повыше всѣхъ,
Наклонила голову пониже всѣхъ,
Думала думушку покрѣпче всѣхъ:
« Какъ будетъ придти во чужіи люди,
« Какъ будетъ назвать люта свекра?

10. « Батюшкѣ назвать нехочется,
« Свекромъ назвать разсердится.
« Какъ назвать люту свекровушку?
« Матушкой назвать нехочется,

- « Свекровью назвать разсердится.
15. « Подружки мои, голубушки!
« Придумайте-ко, пригадайте.—
« Убавлю я спѣси-гордости,
« Прибавлю ума-разума:
« Назову свекра—батюшкомъ,
20. « Люту свекровушку—матушкой.
« Съ этого я худа небуду,
« Съ бѣлаго лица не спаду,
« Съ алыхъ румянецъ не сойду.» (*)

Приводимъ еще заплачку, которая поется въ то время, когда невеста, поднося вино жениху, ударяетъ съ нимъ чарка о чарку и старается влить вина изъ своей въ чарку жениха:

31 (Кыжск. вол).

- Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣ-шинько!
Хоть мнѣ долго издѣватися,
Будетъ бѣдной покоритися.
Подойти да молодѣшенькѣ
5. Ко столу ко княженецкому,
Ко кругу да молодѣцкому,
Ужъ мнѣ снять фату алую.
Не помни, чужой чужбининъ,

(*) Въ Климовѣ, Черниговской губерніи, этапѣсня начинается такъ:

Сборщица, сборщица (имярекъ),
Собрала насъ сборъ полонъ дворъ,
Посадила всѣхъ за круглый столъ,
А сама сѣла повыше всѣхъ,
Наклонила головку пониже всѣхъ,
Думу думала сама съ собой одна,
Что ранымъ-рано зима напала,
Аль цвѣтики позавали. . . .

Поется кромѣ того: «Полно зимушкѣ зимовати» и. т. д. (см. «Бесѣды»).

- Ты ни лихой моей лихости,
 10. Да ни грубой моей грубости.
 Ты гляди-ко, чужой чужбинникъ,
 Господинъ-душа, отцкой сынъ,
 Миѣ прямо во бѣло лице,
 Вточь во ясны очи.
 15. Я дѣвушка не корыстная:
 Тебѣ брать, чтобы не каяться,
 Миѣ-ка жить, чтобы не плакаться
 На чужой дальней сторонущѣ.

Во время послѣдней вечеринки или же въ порученье, съ невесты снимаютъ *волю* т. е. ленту, которую дѣвицы обыкновенно надѣваютъ на голову до замужества По просьбѣ старшей свахи, невеста снимаетъ волю съ такими заплачками (25):

32 (Острѣпск. волость).

- Прости, красно мое солнышко,
 Желанный кормилецъ-батюшко
 И родительница-матушка!
 Охъ-ти мнѣ да охъ-ти мнѣ-шинько!
 5. По послѣднему денечку
 Я сидѣла молодешенька,
 Я во свѣтлой своей свѣтлицы,
 Во высокой новой горницы,
 Ужъ я шла волю золотомъ,
 10. Обшивала чистымъ серебромъ.
 Я смотрѣла, молодешенька,
 Изъ косявчата окошечка
 На озеро на Онежское:
 Изъ-за озера за Онежскаго
 15. Летятъ птицы заморскія:
 Соловей, птица свистучая,

25. Въ Мшкочской волости Каргоп. и Пудож. уѣздовъ невеста съ перевязкою на головѣ и нѣсколькими на рукахъ идетъ провожать волюшцу, олицетворенную четырьмя парадъ дѣвушекъ; за невестой идетъ пара дѣвицъ, олицетворяя собой безволие или замужество.

- Орелъ, птица говорящая;
Орелъ сълъ да на окошечко,
Соловей сълъ подъ окошечкомъ,
20. Орелъ сталъ выговаривать,
Соловей сталъ насвистывать:
« Не сиди, наша голубушка,
« Подъ косявчетымъ окошечкомъ.
« Ты не трать-ко чиста серебра
25. « И не порти красна золота.
« По сегоднишнему денечку
« Быть саду да полоненому,
« Всему роду покореному,
« Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
30. « Дѣвушкѣ быть въ заботушкѣ. »
Не задолго поры-времени
Проскрипѣли дубовы сани,
Побрянчала золота узда,
Просвистала шелковая плетъ.
35. Пріѣзжалъ тутъ злодѣй-большой свать,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
— Мнѣ-ка пить, не запиватися.
40. — Не промѣняю любовь дочери
— Я за винную за рюмочку. —
Выводилъ да злодѣй-большой свать
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.
45. Говорить родима матушка:
« Серебромъ-то не сляззы (26) слязить,
« Золотомъ-то не тыны тынить,
« Жемчугомъ да не сады садить. »
Пропились да промотались
50. Мои желанные родители,

- Пропили мою головушку
Не за пивную за кружечку
И не за винную за рюмочку.
Вѣрно я да молодешенька
55. Надоѣла имъ, наскучила!
Видно, бѣдная, я напрокутила
Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ малымъ ребячествомъ!
Я прѣла, молодешенька,
60. Всѣ я стоги пятигодные,
Всѣ заѣлки неисходные!
Приносила, молодешенька,
Всѣ я цвѣтныя платица,
Придержала, молодешенька,
65. Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
У моихъ свѣтъ у родителей
Ужъ какъ въ полѣ не родилоя,
На дворѣ да не плодилось,
70. На столѣ да не спорилось!
Изживаютъ меня, бѣдную,
Будто врага изъ города,
Лютя звѣря изъ темна лѣса.
Погоди, родима матушка!
75. Схватишься, да догадаешься,
Какъ не будетъ меня, бѣдной;
И по бережку находишься,
Камешковъ наприбираешься
И къ сердцу наприжимаешься.
80. Рада будешь, красно солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣчку рѣчь говорити.
У меня, у молодешеньки,
85. Будетъ волюшка спрошоная,
Красота да доложоная.

- Мнѣ захочется топишненько
На родимую сторонушку,
Да отхочется сторениенько.
90. У меня день пройдетъ спрошаючись,
Другой день да здоложаючись,
Недѣлька снаряжаючись
На родимую сторонушку.
Осенью да бездорожьнице,
95. А весною да безпольнице.
Лѣтомъ—лѣтнія работушки,
Зимой—зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку.
100. Ужъ мы свидимся—понаплачемся,
Разойдемся—натоскуемся!

33 (Толв. Петр. и Шуг. Пов).

- Моя вольная волюшка
Пусть поѣстъ-попѣетъ-покушаетъ!
Кладу вольную волюшку
На хлѣбъ на соль на столовую,
5. На благодать да на Христовую.
Я неладно вѣрно удумала,
Не мѣстечко дѣвушка удумала
Своей да дорогой волюшкѣ;
Не сдамъ волюшки со молодой головушки:
10. Ужъ придетъ младъ отѣцкой сынъ,
Онъ увидитъ мою волюшку,
Станетъ волюшку побрасывать,
Мною дѣвушкой выхвастывать.
Пойдемъ лучше съ волей вольною
15. На перено на крылечушко.
Отпущу свою волю вольную
Я во темны лѣса лисицею,
Во чисто поле кунницею.
Я не мѣсто тутъ удумала
20. Своей да дорогой волѣ:

Какъ покладутъ шелковыя петелки,

Изымають мою вольную волюшку.

(или вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:)

Ужъ какъ ходитъ младъ отѣцкой сынъ

Со винтовкой самострѣльной,

25. Онъ застрѣлитъ волю вольную.

Спущу волю свою вольную

Водоплавной строй утушкой

Да на тихое на заводе,

На зеленое на затресье.

30. Я не мѣстечко тутъ удумала:

Какъ охотникъ младъ отѣцкой сынъ,

Ходитъ за охотою

Съ пистолетомъ зарукавнымъ

И застрѣлитъ волю вольную.

35. Спущу волю свою вольную

Во свѣжу ключеву воду

Съ бѣлой-рыбкою, со семжинкой.

Тутъ не мѣсто я удумала

Своей дорогой волъ:

40. Какъ у млада сына отѣцкаго

Есте неводе шелковое,

Два керегоды рыболовные,

Онъ изловитъ мою вольную волюшку,

Станетъ волюшкой помахивать,

45. Мною дѣвушкой выхвастывать.

А спущу я свою вольную волюшку

Да подъ плеса подъ широкія,

Подъ небеса подъ высокія,

Къ красну солнышку въ бесѣдушку,

50. Къ свѣтлу мѣсяцу на думушку,

Ко зорямъ на свиданьице,

Ко звѣздамъ на расселеньице.

Пускай воля наволяется,

Пускай красна наликуется,

55. Улетая моя вольная волюшка

Со молодой со головушки!

Въ дни вечеринокъ, особенно у богатыхъ крестьянъ, бываетъ катанье вдоль по волости, съ пѣснями. По возвращеніи невѣста поетъ слѣдующій причетъ:

24 (Остречинск. вол. Петроз. уѣз).

Отворись-ко, дверь дубовая,
Не скрипи пята точеная,
Вереюшка золоченая!
Вы раздвиньтесь, люди добрые,

5. Разойдитесь, православные,
Дайте мѣстечка немножечко,
Половиночку да узкую—
Не корабль мнѣ съ животомъ провестъ,
Не съ конемъ пройти молодешенькой,
10. Мнѣ пройти да красной дѣвицы
Со своимъ да ликованьемъ,
Со своимъ-то красованьемъ
Увидала я, упримѣтила
Сквозь туманъ-слезу горячую
15. Своего да братца роднаго:
« Ужъ ты братецъ, ты мой родненькой!
« Да спасетъ тебя, Боже-Господи!
« Прокатилъ ты меня дѣвушку
« На коняхъ да на сторублевыхъ,
20. « Ты на саночкахъ дубовыхъ,
« Во своей сбруѣ во серебряной,
« По замерзлой быстрой рѣченькѣ,
« По Покровской гладкой улицѣ,
« По Рождественской площадочкѣ,
25. « Съ милымъ дорогимъ подруженькамъ,
« Съ душкамъ-краснымъ дѣвушкамъ.

Въ день предсвадебный невѣста отдаетъ *добровъ*, т. е. прощальный визитъ всѣмъ своимъ родственникамъ. Передъ креснымъ отцомъ и матерью она плачетъ такими заплачками:

35 [Остреч. вол. Петр. уѣзд.].

(Предъ крестнымъ отцомъ:)

Я пришла къ тебѣ, красно мое солнышко,
Желанный родитель—крестной батюшко!
Я пришла къ тебѣ, молодешенька,—
Побить челомъ и поклониться.

5. Ты прости меня, родной батюшко!
Я была дѣвица неразумная
Благослови меня, батюшко,
Вѣковымъ благословеньцемъ!

36 [тоже].

(Предъ крестной матерью:)

Спасибо, матушка ласковая,
Дорогая и умильная!
Ты берегла меня, матушка,
Во дѣвичество моемо долгоемо,
5. Укрывала меня, матушка,
Отъ людскихъ переговоровныхъ словъ,
Ты дарила мнѣ, матушка,
Каждый годъ волю вольную.
А теперь у меня, дѣвушки,
10. Отнимають эту волюшку,
Да-й сама-то ты, матушка,
Даешь на то свое согласице
Ты прощай же, родимая,
Ненаглядное солнышко!

15. Благослови меня, матушка,
Благослови, не прогнѣвайся,
Не помни, родименька,
Моихъ глупостей дѣвическихъ,
Моихъ словъ неумильныхъ!

За день же до свадьбы или въ утро свадьбы невеста отправляется въ баню, въ сопровожденіи подругъ и вопленицы, причемъ поются новыя заплачки:

37 (тоже).

Я пошла, молодешенька,
Во теплую баенку
Со милыма со подружками—
Помыться-попариться:

5. Не смыть бы мнѣ дѣвью красу,
Отъ роду мнѣ не во первые,
А во дѣвией красѣ въ послѣдніе.
Растопись, моя банюшка,
Разгорись, сыра каменка!
10. Ты разсыпись, крупень жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
А по браной по скатерти!
Ты поплачь, красна дѣвица,
Передъ родителемъ-батьюшкой
15. И родителю-матушкой!
Ахъ вы, батюшко-матушка!
Благословите мнѣ, дѣвушкѣ,
Идти въ парную баенку,
Хоть не въ первую, не послѣднюю,
20. А во дѣвичью послѣднюю!

38 (тоже).

(Послѣ бани:)

- Спасибо тебѣ, банюшка,
За тепло твое, за добро твое!
Стоять тебѣ, банюшка,
До вѣку до послѣдняго,
5. Грѣть моихъ родименькихъ:
Батюшка-матушку
И братцевъ-сестреночекъ!
Спасибо тебѣ, баенка,
Спасибо ти, теплая!

39 (тоже).

(Невѣста благодарить за баню своихъ родителей:)
Ты спаси-тко, Боже-Господи,

Моихъ родныхъ родителей!
Спасибо тебѣ, родимой батюшко,
За теплую парну баенку,

5. За дрова перелѣтныя
Да за водушку ключевую!
Я сходила, красна дѣвица,
Во теплую парну баенку,
Я не въ первую, не последнюю,

10. А во дѣвичью последнюю.

Подруги и нѣкоторые родственники невесты остаются въ домѣ родителей ночевать эту ночь, и въ самый день свадьбы (27) невеста будить своихъ подругъ такого рода «будильными» заплачками:

40 (Кижск. вол. Петроз. уѣз).

Мнѣ немножечко спалось, да много видѣлось,
Грозенъ сонъ мнѣ-ка привидѣлся:
Какъ мимо мово крутоскладна зголовьяца
Протекала рѣчка быстрая,

5. Какъ около этой рѣчки быстрая
Обросла лядина лѣсу частаго,
Какъ у этой лядины лѣсу частаго
Стоить ель да суковатая,
Да береза виловатая;

10. Какъ по этой рѣченькѣ по быстрой
Плыветъ сѣрая утушка
Со сизымъ селезенышкомъ;
Какъ у сѣрой у утушки
Призавернута головушка

15. Подъ правое подъ крылышко.
Разсудите сонъ, пожалуста,
Вы народъ-люди добрые!
Я сама свой сонъ поразсужу:
Не утушка плыла по рѣченькѣ,

27. Если баня бываетъ въ день свадьбы, то будильныя заплачки поются раньше 27, 35, 36, 37, 38, и 39.

20. Не сѣрая со сизымъ селезеньшкомъ,
А пляма я, красна дѣвушка,
Со чужимъ со чужаниномъ;
Какъ около этой рѣченьки быстрой
Не лядина лѣсу частаго,
25. То чужая сторонушка,
Все чужіе чужанины;
То не ель суковатая,
То свекровушка зубатая,
Не береза виловатая,
30. А золовушка зубатая;
То не рѣченька протекла быстрая,
Тутъ протекали со моихъ со ясныхъ очей
Горючія слезинушки
Мнѣ какъ выдти душѣ-красной дѣвушкѣ
35. На широкую на улочку,
На перено крылечушко.
Ты лети-ко, моя вольная волюшка,
На чужую на сторонушку,
Ты не стой, вольная волюшка,
40. За частыма перевозама,
За мелкими перебромами.—
Какъ увидишь, моя волюшка,
Этыхъ чужихъ чужаниновъ,—
Не сдавайся, моя волюшка,
45. На гладкія лестивыя словечушки.

41 (Остреч. вол).

- Пора встать, мои подруженьки,
Пора встать, мои голубушки
Съ пуховой постелюшки,
Съ крутоскладнаго зголовица!
5. Ужъ какъ вамъ, мои подруженьки,
Много спалась, мало видѣлось;
Ужъ какъ мнѣ, мои подруженьки,
Мало спалось, много видѣлось,

Приключилось мнѣ-привидѣлось:

10. Какъ сидѣла я, горюшица,
У косящета окошечка,
Посмотрѣла я, горюшица,
Во хрустальное стеколышко:
По Покровской гладкой улицѣ,
15. По Рождественской площадочкѣ,
Пролетѣло тутъ три стадышка:
Перво стадышко гусиное,
Другое стадо утиное,
Третье стадо лебединое;
20. Оставалася лебедушка,
У ней крылышки оципаны,
У ней ноженьки обломаны.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы послушайте, голубушки:
25. Какъ утиное-то стадышко —
Мой родъ-племя широкое;
А гусиное-то стадышко —
Это добрые молодцы;
Лебединое-то стадышко —
30. Это вы, мои подруженьки;
Оставалася лебедушка —
Это я, мои подруженьки:
У ней крылышки оципаны, —
У меня коса расплетена,
35. У ней ноженьки обломаны, —
У меня да воля снятая,
Какъ я есть да порученая,
Какъ я есть благословеная.
Отъ дѣвицъ-подругъ, невѣста переходить къ матери:

42 [тоже].

Я увидѣла-упримѣтила
Свою родитель-матушку.
Ты, родитель моя матушка!

- Отъ чего стоишь невесела,
5. Ты головушку повѣсила?
Ты скажи-ка мнѣ, дѣвушка,
Отъ чего ты съ утрушка ранняго,
Съ сего дня, съ сего меженнаго,
Не будила меня, дѣвушку,
10. Ни къ коровьему доеньицу,
Ни къ печному затопленьицу,
Ни къ квашонному мѣшеньицу?

Мать отвѣчаетъ:

- Ты, рожоно мое дитятко,
Мое красное солнышко!
15. Не будила тебя, дѣвушку,
Съ сего утрышка да ранняго,—
Пожалѣла тебя, дѣвушку:
Какъ съ сего денечка долгаго
Вѣдь придумалъ твой батюшко
20. Съ родомъ-племенью разстатися.
Спознавайся мое, солнышко,
Съ чужимъ родомъ-племенью!

Подходя къ одной изъ своихъ замужнихъ подругъ, невѣста
привапливаетъ:

43 [тоже].

- Ты скажи-ко мнѣ, милая,
Старопрежняя подруженька,
Каково есть разставатися
Со своимъ родомъ-племенью?
5. Какъ вѣдь я, красна дѣвушка,
Головою не поклонлива,
Я сердечкомъ не покорлива. . . .
Подруга на вопросъ невѣсты отвѣчаетъ такую припалкою:
Мила дорога подруженька,
Душа-красная дѣвушка!
10. Тяжеленько разставатися

- Со своимъ родомъ-племенью,
Со своимъ отцемъ-матерью.
Ужъ ты пей воды студеноей,
Ты другой воды холодной,
15. Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
20. Носи платьице,—не снашивай,
Терпи горюшко,—не сказывай.
Присбидать какъ тебя чужіе-то родители,
Не скажи, моя подруженька,
Своему да роду-племени,
25. Не давай большой обидушки
Своимъ милымъ родителямъ;
Ты въ темную да ноченьку
Выходи, моя подруженька,
На высокое крылечушко,
30. Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку,
Разнесутъ твою обидушку
Чисты буйные вѣтерки.

Въ день же свадьбы, передъ сокрученьемъ невѣсты, бываетъ уже не обрядный, а настоящій плачь и у нея, и у ея родственницъ. Сначала ей заплетаютъ косу, какъ можно крѣпче, даже завязываютъ волосы узлами; за тѣмъ моютъ ее, одѣваютъ и сажаютъ *на квашию*. (28) Сваха тотчасъ начинаетъ расплетать ей косу, при чемъ поются особеннаго рода заплачки:

44.

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,

28. Въ нѣмцъ мѣстахъ женихъ, одѣвшись, отправляется въ церковь, а за невѣстою присылаетъ сваху и дружекъ; но въ большей части Петозр. и Повѣн. уѣзд. женихъ отправляется къ вѣнцу изъ одного дома съ невѣстою, какъ мы о томъ рассказываемъ ниже.

Спѣсивая, горделивая.

Она ступить—не ступила,

5. Слова не смолвила;
Хотя-жъ она ступила,
Хотя-жъ она смолвила:
« Снаряжайся-ко, умная,
« Снаряжайся, разумная,
10. « Что въ ту-ль во Божью церковь,
« Что къ тому-ль суду Божию!»
— Отойди же прочь, обманщица,
— Отойди, подговорщица!
— Мнѣ и такъ ужъ тошнехонько
15. — Разставаться съ родителями:
— У суда вѣдь ноги ломить,
— Подъ вѣнцомъ голова болить.

45.

По послѣдному денечку

Нанесло тучку черную

Са громамы со трескучима,

Съ молоньямы со сверкучима,

5. На батюшковъ высокъ теремъ,
На батюшкину горницу.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Со хоробрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ повъзжанами молодыма.
10. Гдѣ-то есть у молодешенькой
Соколъ-братецъ родименькой,
Голубчикъ злато-крыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ-дорогой камень?
15. Наряжу я, молодешенька,
Службицу я не великую
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшенку,

20. Ты возми-ко, братецъ-соколъ мой,
Что ни лошадь самолучшую;
Запряги-ко, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ко, братецъ-соколъ мой,
25. Во славный городъ во Вытегру,
Во лавочки торговля,
Закупи-ко, братецъ-соколъ мой,
Гарнитуру мнѣ-ка чернаго
И шелковъ семи разныхъ цвѣтовъ.
30. Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны (29) милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки (30)?
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
35. Вы на первомъ углу вышейте
Вы Литву да съ татарами;
На другомъ углу повышейте
Вы Москву да съ боярами;
Вы на третьемъ углу вышейте
40. Царя да со царицею,
Короля со королевною;
На середочкѣ вы вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ
Да со частыма звѣздочками.
45. Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко переносу
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
50. Какъ поѣдетъ да чужой чужбинникъ,
Въ городахъ онъ небывалый,

29. Задумчивыя.

30. Однолѣтки.

Мудрости мало видалый:
Разглядится да рассмотрится
На узорчатую занавѣсь

55. И оставить молодешеньку
На родимой на сторонущкѣ,
У желанныхъ родителей.
Глупа я, красна дѣвушка,
Неразумная головушка!
60. Какъ поѣдетъ-то чужой чужбининъ,
Впереди его вожатые,
Позади да провожатые,
По сторонамъ сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
65. Много мудрости видалые,
Не отпустить молодешеньку
На родимую сторонущку.
Не пускай-ко, братецъ соколъ мой,
Безъ допросу на круто крыльцо,
70. Безъ доклада красной дѣвицы.

Если отдача воли совпадаетъ съ расплетаньемъ косы, то при этомъ поется такая заплачка:

46 (Кижск. вол. Петр.).

- Ты прости-прости, бажона моя волюшка,
Ты лети-лети, бажона моя волюшка,
За славное широкое Онегушко;
Ты не стой, бажона моя волюшка,
5. У рѣкъ за перебродамы,
У озеръ за перевозамы;
Ты лети, бажона моя волюшка,
Ко братьицамъ роднымымъ,
Ко свѣтушкамъ любимымъ:
10. Сбережетъ ти братецъ красно солнышко.
Не садись-ко, вольна моя волюшка,
На прокляту деревиночку—
На горькую осиночку:

- Мнѣ сказали многи люди добрые,
15. Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
За охвотушкой похаживать,—
Онъ застрѣлитъ вольну волюшку
Вмѣсто птичиньки летучія.
Не садись-ко, воли моя вольная,
20. На широкое на славное Онегушко,
На ключеву воду холодную:
Мнѣ сказали многи люди добрые,
Что охвочъ-то младъ отецкой сынъ
Свѣжей рыбушки вылавливать,—
25. Онъ уловить ты, вольную волюшку,
Во свою-то во сѣточку;
Будто птичинька сидѣть станетъ во клѣточкѣ,
Будто рыбонька будетъ заловлена въ сѣточку. . . .
Ой, бажона моя волюшка!
30. Не спущу бажоной своей волюшки
За славное широко за Онегушко;
Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
35. На остудушку чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку;
Я кладу въ оковану коробеечку:
Какъ отомкну оковану коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,—
40. Будто буду я красна дѣвушка,
Разгоню свою великую обидушку. . . .

Въ иныхъ мѣстностяхъ невѣста моется и одѣвается, сидя на квашнѣ; между тѣмъ женихъ съ поѣздомъ прїѣдутъ къ дому невѣсты и останавливаются въ сѣняхъ у отворенныхъ дверей. Други жениха одинъ за другимъ входятъ въ избу и понуждаютъ, чтобы поскорѣ одѣвали невѣсту и вывели ее въ сѣни. Это повторяется разъ до десяти. Наконецъ является княжна, въ сопровожденіи «выведельницъ», ближайшихъ родственницъ и родственниковъ; всѣ они останавливаются у самихъ дверей. Со сто-

роны жениха ихъ опять понуждаютъ вести поскорѣ невѣсту, на что слѣдуетъ отвѣтъ: «Очистите порогъ, тогда и княжна молодая пойдетъ черезъ порогъ.» Жениховцы положить на блюдо немного мѣдныхъ денегъ и подчуютъ родственниковъ невѣсты. Эти возьмутъ по грѣцу, много по два, раздвинутся и поведутъ невѣсту въ сѣни. Здѣсь прежде молятся Богу, потомъ сведутъ молодыхъ вмѣстѣ, и женихъ положить одну руку на голову невѣсты, а другою повернетъ ее три раза кругомъ по солнышку; въ это время ловкій женихъ поцѣлуетъ невѣсту, за что ему бываетъ похвала отъ добрыхъ людей. Перекрестившись, всѣ входить въ домъ, чтобы сѣсть за столъ, но здѣсь уже заранѣе помѣстились ребята, и они не выходятъ изъ за-стола до тѣхъ поръ, покуда жениховцы не дадутъ имъ нѣсколько денегъ. Только послѣ этого ребята *опоразниваютъ* мѣсто за столомъ, гдѣ тотчасъ садятся молодые съ прочими гостями-свадебщиками. Слѣдуетъ угощеніе, послѣ котораго женихъ и невѣсту благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью. Потомъ всѣ отправляются въ квартиру жениха, гдѣ онъ оставляетъ невѣсту вдвоемъ съ дружкой, а самъ снова возвращается въ домъ невѣсты, поздравляется съ нею, т. е. поцѣлуется и даетъ ей денегъ; это называютъ—*на красные сапоги*, и отсюда-то произошла народная поговорка: «Рости-рости, будетъ на красные сапоги.» Теща въ свою очередь даритъ будущаго зятя рубашкою. За этимъ обыкновенно отправляются къ вѣнцу.

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ *продажа невѣсты* происходитъ слѣдующимъ образомъ: сокрутивъ невѣсту въ самую лучшую одежду, ставленицы пойдутъ продавать ее за деньги. Женихъ со всей своей породой приходитъ въ это время къ столу и садится; чрезъ нѣсколько времени онъ встанетъ, и съ нимъ полдесятка родственниковъ. Тысячкой сиранивается у ставленицъ и выведальницъ: «Которая тетка, которая мать?» Со стороны кричатъ: «Продавать пошлѣ.» Покупаютъ невѣсту тысячкой: онъ раздастъ родственникамъ невѣсты деньги *въ пять* и той, которая поближе къ невѣстѣ даритъ побольше денегъ, а которая подальше, той и денегъ дается меньше. Когда родственники невѣсты удолетворены, настаетъ чередъ невѣстиной волленицы: она бе-

реть отъ тысяцкаго деньги, а со стороны кричатъ: «Взяла—продала.» За тѣмъ жениховцы говорятъ: «Невѣсту вы продали, невѣста не ваша.» При этомъ плакальщица, заканчивая свою роль, объясняетъ различные совершенства невѣсты. Тысяцкому, напр., она хвастаетъ дѣвственностью ея; князю она бьетъ челомъ съ приговоромъ: «Что хотѣли получить, желаемое получили. Смотри, самый главный тѣлопродавецъ, продолжаетъ вопленица, вотъ тебѣ тетерка—не щипана, не тереблена: самъ щипи—тереби, отъ другихъ береги!» Съ окончаніемъ *продажи* садятся за столъ, отъ стола женихъ ведетъ невѣсту на постоянный дворъ, гдѣ всѣ свадебщики *салятся* на конь и ѣдутъ въ церковь.

Когда кончится вѣнчанье, то молодые пріѣдутъ въ домъ жениха, прямо на дворъ, и дворовымъ крыльцемъ они идутъ по разосланому холсту. На верхнихъ ступеняхъ крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать *молодаю* и благословляютъ хлѣбомъ-солью, родственники же бросаютъ на новобрачныхъ сверху ячмень, пухъ, и поятъ прѣснымъ молокомъ: первое дѣлаютъ для того, чтобъ они жили въ довольствѣ и согласіи, а второе, чтобы дѣти у нихъ были не черные, а бѣлые. Молодые входятъ въ комнаты и садятся на лавку, при чемъ *княгиня молодая* закрываетъ себѣ платкомъ глаза и никому не показываетъ своего лица. Тутъ подходятъ къ ней свекровь или дядина (31), снимаютъ съ головы платокъ, развонятъ ея волосы на двѣ стороны, положить на голову четверть аршина какой-нибудь матеріи и потомъ уберетъ голову *княгини нововинкомъ*. За тѣмъ начинается *княжесецкій столъ*. Прежде, чѣмъ сядутъ молодые, вся родня ихъ обходитъ вокругъ стола. Во время обѣда одинъ изъ вѣршниковъ привозитъ молодому князю все приданое жены его. По окончаніи стола, если довольны угощеніемъ хозяина, кидаютъ на печку горшки и кричатъ: «Ура! хороша—молода!» Угостившись и натѣнившись, молодые отправляются спать. Въ старину кѣтники объѣзжали вокругъ дома новобрачныхъ и охраняли ихъ покой; нынѣ же этотъ обычай уже рѣдокъ.

31. Дядина жена.

На другой день утромъ, молодыхъ будить *постельная приставница*, потомъ они ходятъ въ баню, которую топятъ дружки. На дорогѣ въ баню въ честь молодыхъ зажигаются *тукачи* соломы, бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ изъ ружей, пляшутъ и поютъ пѣсни. Пока они въ банѣ, провожатые также пляшутъ, поютъ пѣсни, ломаютъ горшки, стучатъ. По выходѣ изъ бани, молодая обдарить всѣхъ родственниковъ *князя*: тысяцкому, напр., дарить она рубашку, свекрови—сорочку, повойникъ, холстъ и проч. За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе отъ молодаго. Спустя немного времени, князь, въ сопровожденіи дружки и свата, ходитъ къ тещѣ на яичницу, при чемъ наблюдается такое обыкновеніе: новобрачный вырѣзываетъ изъ середины яичницы кусокъ, а дружка паливаетъ туда масло и потомъ разбиваетъ *масляникъ*, т. е. горшокъ, въ которомъ было масло.

Черезъ нѣсколько дней у матери новобрачной бываетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*: собирается вся родня какъ съ стороны молодаго, такъ и молодой. Послѣ угощенія крестнаго отца новобрачнаго дарятъ полотенцемъ, свекра—рубахой, свекровь—сорочкой.

Черезъ недѣлю родня молодой отправляется на чужую сторону къ молодому на такъ называемый *отворотинный* столъ. И наконецъ каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ дѣлаетъ или обѣдъ, или вечеринку для молодыхъ.

Примѣч. По распросамъ моимъ у Л. Богданова, самому бѣдному крестьянину въ Кижской волости придется издержать на выдачу дочери за мужъ слѣдующее:

На угощеніе, столъ, лакомства, причетникамъ и проч. отъ	8 р.	до	40 р.
Отъ 1 до 2 ведръ вина	8 —	до	16 —
Свекру на 3 рубахи, 3 полотенца	2 —	до	5 —
Свекрови на 6 руб. 10 полот.	4 —	до	7 —
Свекру и свекрови по настильнику	50 к.	до	1 —
Тысяцкому шелковые ленточки, утиральникъ, 7 аршинъ холста	1 —		1 50 к.
Потѣжанамъ по полот. и рубахѣ	2	до	6 р.
Брюдамъ по сорочкѣ	2	до	6 —
<hr/>			
Итого отъ 27 р.	до	52 р.	

Положимъ, что холстъ крестьянинъ и не покупаетъ, да тѣмъ не менѣе онъ стоитъ денегъ.

II.

ЗАПЛАЧКИ ПО ПОКОЙНИКЪ (1).

Заплачки по мертвымъ бываютъ разнаго происхожденія. Одни свободное и безыскусственное изліаніе тоски и скорби по близкомъ чловѣкѣ. Чувство само собою облекается въ образъ, образъ одѣвается въ стихъ. Въ нѣкоторыхъ старорусскихъ мѣстностяхъ такіа заплачки слагаются каждою женщиною, таковы № 5, 6, 7, и 8. Но мало по малу способность эта утрачивается, а потребность высказать свое горе остается все также. Вотъ и прибегаютъ къ помощи вопленицы или плакальщицы, которая обязана знать самыя трогательныя и жалобныя заплачки. Но откуда же взялись эти отборныя заплачки? (напр. № 1, 2, 3, 4.) Чья нибудь заплачка сложилась такъ хорошо, что поразила другихъ и осталась въ памяти. Живой примѣръ тому заплачка № 8, которая сложена на дняхъ молодою дѣвушкою, а между тѣмъ уже извѣстна многимъ вопленицамъ. Художественная заплачка съ теченіемъ времени обращается въ пѣсню. Такъ сдѣлалось со всѣмъ извѣстнымъ плачемъ невесты сироты безотней или безматерней (№ 9).

1.

Когда покойника обмоютъ, одѣнутъ, положить на столъ, то родные соберутся и, обращаясь къ женѣ покойника, станутъ вопить:

Сидѣла ли у трудной постелюшки,
Была ли у душевнаго разставаньца,
Какъ дуна съ былымъ тѣломъ разставалася?
И какъ пришла къ тебѣ скорая смеретунка,
5. Къ вамъ нищей ли каликой перехожейей,

1. Первые четыре заплачки записаны мною со словъ вопленицы деревни Большаго двора, Шунгскаго погоста, Повѣнецкаго уѣзда.

Аль удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,

Али славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ?

Если покойникъ былъ бѣденъ, то вдова (или вдовлица за вдову, которая только приплакивается,) отвѣчаетъ такую заимачкою:

Какъ-бы я въ пространной, богатой жирушкѣ,

Такъ сидѣла бы у трудной у постелюшки,

Я видѣла бы скорую смеретушку.

Если пришла бы каликой перехожой,

5. Наладила бы хлѣбъ соль столовую,

Накормила бы калику перехожую.

И оставила бы законную свою семейшку;

Если удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,

Я одѣла бы его во цвѣтно платицу,

10. Обула бы въ сапоженьки козловые,

Дала бы опоясочки шелковыя;

Если славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ,

Я дарила бы золотой казной безсчетной,

И пооставила законную свою семейшку.

15. Какъ въ проклятой, во несчастной живу жирушкѣ,

Многоуходны сердечны малы дѣтушки;

У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столовыя,

И ни кушанья у насъ сахарнаго,

И ни славныя одежи молодецкія,

20. Ни козловыхъ на ноженькахъ сапоженекъ,

У насъ нѣту золотой казны безсчетной;

Такъ не видѣла я законную свою семейшку,

Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.

Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,

25. Не по размысламъ проклятая заботушка.

По часту да умъ въ головушкѣ мѣшается,

Безовременно свѣтъ съ очей теряется.

Какъ буду растить я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,

Безъ своей законной семейшки?

30. Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудиться,

Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко,

Аль утонуть въ малой быстрой рѣченькѣ,
Гдѣ раздѣять мнѣ великая кручинушка?
Буду нищей-каликой переходжой,

35. Какъ во чистое во полюшко раздѣять великая кручину-
шка,

Такъ съ моей съ великой со кручинушки
Выростать да будутъ лѣсушки дремучія,—
Уже тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,

40. Что заростать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка
Какъ во славно во широко во озерушко,
Будутъ лудушки въ озерѣ не сходучи,
А камешки на лугахъ не двигучи,

45. И тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
На помѣшкѣ будетъ рыболовушкамъ.
Хоть задѣять въ Свирь-рѣку свирѣпую,
Застоятся тутъ пороги шумячі,—
Тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:

50. Застойтся въ рѣкахъ да ключева вода.
Я сберу-пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не разступится ли вѣдь матушка сыра земля?
Какъ бы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушкама сейчасъ схоронилася:

55. Такъ тошнешенько мнѣ кручинной
Остаться во домовой этой жирушкѣ.
Ты, прости меня, законная семейшка!
Мы затаино съ тобою говорили,
А не молвилъ мнѣ про эту скорую смеретушку.

60. Я тебя не отдала бѣ, законная семейшка,
Я бы отдала сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Схоронила бѣ свою законную семейшку.
Разступись-ка, ты, матушка сыра земля,
И откройся, нова гробова доска,

65. И полетите съ неба, ангелы, архангелы,
И вложите-ка душу во бѣлы груди,

- И рѣчи съ языка въ разумную головушку,
И былый свѣтъ въ ясны очи.
Ужъ ты встань, моя законная семейшка,—
70. Я у Господа у Бога упростила,—
Крестъ положи по писаному,
Поклонъ положи по ученому,
Сдѣй со мною доброе здоровьице!
Не одна взошла въ сердечно въ гостибище,
75. А и съ собой веду сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ:
И ты, пойдемъ въ домову свою жирушку,
Моя жирушка теперь застоялася.
Видно, гнѣвъ держать законная семейшка
На меня, многокручинную головушку!
80. Я у мужа въ гостяхъ побывала,
Хлѣба-соли я въ глаза да не видала,
И не убавила кручиннушки, прибавила.
Видно, тое дѣло да не сбывается,
Что мертвый съ могилы ворочается,
85. Сиротой быть беззаконной безъ семейшки!

2.

Родныя богатаго покойника обращаются ко вдовѣ съ такою заплачкою:

- Ты куда свою семейшку отпускаешь:
По любезнымъ ли сердечнымъ по гостибищамъ,
Аль по чужимъ по дальнимъ по сторонюшкамъ,
Аль во славные бурлаки Петербургскіе?
5. А ужъ мы видимъ кручинныя головушки,
Что не во цвѣтномъ во славномъ во платицѣ,
И не по ноженькамъ козловые сапоженьки,
При карманѣ теперь нѣту золотыхъ часовъ
И при себѣ-то золотой казны безсчетной
10. У твоей милой законной семейшки.
Нонь мы видимъ, кручинная головушка,
Во пути во широкой во дороженькѣ
Онъ на оное на второ на пришествіе,

На тусвѣтну вѣковѣчну вѣдь жирушку.

15. Ты още скажи намъ, бѣлая лебедушка,
Ты видѣла ли скорую смеретушку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
Какъ пришла въ домъ скорая смеретушка:
Она нищей ли каликой переходжоей,
20. Али славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ,
Али душой она зашла да красной дѣвушкой?
Ты пожалѣла знать золотой казны безсчетныя?

Вдова отвѣчаетъ:

Я сидѣла хоть у трудной у постелюшки
И у эвтого крутаго изголовица,
Только не видѣла я вѣдь скорую смеретушку:
Видно, налетѣла скорая смеретушка

5. Скоролетною птицинькой,
Залетѣла во хоромно во строевице,
Скрытно садилась на крутоскладно на зголовице
И впотай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей.
Я бы заперла косявчето окошечко,
10. Заложила бы новы сѣни рѣшетчаты.
Хоть застучалась бы вѣдь скорая смеретушка,
Такъ я дала бы золотой казны безсчетныя
И хорошаго бы цвѣтнаго платица,
По ноженькамъ козловые сапоженьки,
15. Я бы всю свою дворовую скотинушку
И не жальла бы домовой своей жирушки:
Наши въ лѣсъ срослись поля бы хлѣбородныя,
И водой снесло луга бы сѣнокосныя,
Поосталась бы столько законная семеюшка!
20. Какъ бы знала я, кручинная головушка,
Про эту про скору про смеретушку,
Заложили бы мы тройку удалыхъ лошадушекъ,
Мы бы взяли золотой казны по надобью,
Приѣхали бы съ законной семеюшкой.
25. По чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,
Доискались бы ту дальнюю сторонушку,

- Что гдѣ печали нѣтъ въ добрыхъ во людюшкахъ
И вѣкъ не слыхано вѣдь скорыя смеретушки.
Ай, ужъ послушайте вы, родъ-племя сердечное!
30. Хоть осталась и домовая нонѣ жирушка,
И понадолго золотой казны безсчетныя,
Хуже нищей я калики перехожія,
Какъ отпустилъ Господь законную семеюшку.
Ужъ вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
35. Вы берите-ка листы да двурублевые,
Двурублевые листы да вѣдь гербовые,
Вы чернильца возьмите-тко столовые,
Писарей да отъ столовъ ли отъ дубовыхъ,
Вы спишите-ка законную семеюшку
40. И на эту бумаженьку гербовую:
Бѣло личико пишите со очамы,
Вы головушку со черныма бровами,
Потому (2) же вы со русыма кудрямы.
Какъ послѣ своей законной я семеюшки,
45. Проживать буду вдовой благочестивою,
А какъ стоснется по законной по семеюшкѣ,
Такъ держать бумаженьку написану,
Буду день держать во бѣлыхъ во рученькахъ,
Лице къ лицошку вѣдь буду прилагати,
50. Я семеюшкой своею называти,
Уже въ ночь да у ретливого сердечушка
Я на нѣжныя груди да на ретливыя.
Ужъ, вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
Вы возьмите-ка ключи да позолоченные,
55. Отоприте-ка ларцы да окованные,
Вы возьмите-тко мнѣ теплу теперь шубоньку,
Возлѣ шубоньки жилеты вы шелковые,
Въ жилетахъ вы часы-то золоченные,
Потому же, вы, козловые сапоженьки,
60. На головушку фуражку черна бархата.

- Вы надѣнете законную семеюшку
Во зты во жилеты во шелковые,
Ужъ мы эту кунью теплу ему шубовку
Во этой во опояскѣ во шелковой,
65. И на ноженъки козловые сапоженъки,
На головушку фуражку черна бархата.
Уведу свою законную семеюшку
Я во эту во свѣтлу свою свѣтлицу,
Посажу я ко столу да ко дубовому,
70. Я ко зтымъ ко кушаньямъ сахарниимъ.
Не кушаетъ мой мужъ кушаній сахарниихъ
И не пьетъ вѣдь онъ питьицевъ медовыхъ,
Обжидаетъ видно поповъ-отцевъ духовныхъ.
Какъ идутъ нонь попы-отцы духовніе,
75. Какъ наши служители церковніе
За моей видно законной семеюшкой:
Оны въ черныя во ризы надѣвались,
На рукахъ да Божьи книги начиталися,
Велятъ взять мою законную семеюшку.
80. Унесите-ка, сосѣди спорядобные,
На это на кладбище на умершее!
Ты, прощайкося, законная семеюшка,
Со своей теперь съ домовою со жирушкой,
Со довольной съ золотой казной безсчетной,
85. И съ своимъ да родомъ-племенемъ сердечнымъ,
Со мной да со кручинною головушкой!
Видно все мое прошло, да миновалось:
Не славны живутъ дома безхозяйскіе,
Не въ почетъ будутъ жемучки безмужнія,
90. Также я многокручинная головушка.

3.

Заплата дѣтей по родителѣ.

Ты на кого меня, родитель, пооставилъ,
Ты на чье больше великое желаньице?
Будутъ вѣтрышки насъ обвѣвати,

Добры людюшки вѣдь будутъ обижати.

5. Ты на чье насъ велико на желаньице,
Намъ вѣдь гдѣ искать великаго желаньица,
Намъ въ твоємъ ли роду-племени сердечноемъ,
Аль во своемъ вѣдь во хоромномъ строеньицѣ?
Хоть долго намъ плакать унывати,
10. А родителей въ глаза намъ не видати!

4.

Плачь дѣтей на бугоркѣ (на могилкѣ).

- Ты послушай-ко, желанный дядюшко,
Ты, желанная тощивая (3) тетюшка!
Послѣ нашихъ желанныхъ родителей
Роспустите-тко великое желаньице
5. И по насъ, многокручиннымъ головушкамъ,
Вмѣсто нашихъ желанныхъ родителей.
Хоть добры чужи желанные родители,
До своихъ живутъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не до насъ многокручинныхъ головушекъ!

5 (4).

Заплачка по ребенкѣ.

- Пойти мнѣ-ка бѣднушкѣ
Ко роженому, ко жадобному,
Ко роженому сердечному,
Какъ которое жадобное
5. Тяжело было да ношено,
Трудно-больно пріотрожено.
Какъ сегоднишнимъ денечкомъ
Не пекеть солнце по лѣтнему,
Не грѣветъ по вешнему:
10. Потеряла я потеряшечку,
Обронила я оброночку, —
Свое милое роженое.

3. т. е. тоскливая.

4. Пятая, шестая, седьмая и восьмая заплачки записаны со словъ жены архіерейскаго служителя, уроженки города Пудожа.

- Какъ сегодняшнимъ денечкомъ
Подхожу ъдна горящица
15. Ко рожевому жадобному:
« Ты скажи, мое рожевое,
« На кого да прикинуло
« Меня мать безсчастною?
« Уже не могу я допроситися
20. « Одно тайное словечушко
« На досадное сердечушко.
« Какъ послушай-ко, сердечное,
« Рожевое, милое дитятко!
« Какъ сегодняшнимъ денечкомъ
25. « У меня да у горящицы
« Сердце клубышкомъ катается
« Оно червышкомъ свивзается,
« Оно кровью обливается.
« Ужь какъ мнѣ-то поразстатися,
30. « Мнѣ водой ли поразлитися,
« Али клубомъ откатитися
« Отъ тебя, рожевого дитятка?
« Не могу я откатитися,
« Не могу я порозстатися
35. « Отъ тебя, рожевое дитятко.»
Ужь я мать да вѣдь безсчастная:
Какъ кокушка во темномъ лѣсу,
Какъ горяща во сыромъ бору,
Такъ я, ъдная горящица.
40. На моихъ да на бѣлыхъ рукахъ
Красно золото помидило,
Серебро-то позеленило.

6.

заплачка послѣ похороннаго стола.

Какъ выйдуть изъ за похороннаго стола, всѣ родные запла-
чуть:

Какъ у насъ да у безсчастныхъ

Во углу-столу пустешенько,
Во другомъ-то холоднешенько:
Какъ не стало у бѣдныхъ

5. Родителя-матушки,
Какъ не стало у бѣдныхъ
Родителя-матушки,
Какъ денной нашей заступушки,
Ночной да богомольницы.

За тѣмъ дочь продолжаетъ:

Какъ вложите-ко желаньице,
Родъ-племя великое
Да честное, именитое,
Во меня бѣдну горюшицу:

5. Послѣ родителя-матушки
Не будетъ великаго желаньица
Да большаго прививаньица.
Какъ сегоднишнимъ денечкомъ
Вставала по утру ранешенько,

10. Повстрѣчалась злодѣйная кручинушка,
Большая досадушка,
Какъ потеряла родителя-матушку.
Такъ вложите-ко, родъ племя великое
Да честное, именитое,

15. Великое желаньице
Во меня, бѣдну горюшицу,
Сироту красну дѣвицу.
Какъ сиротные дѣтушки
На улицы бурливые,

20. Во избы-то хлопотливые,
За столомъ многовытныя;
Какъ сиротнымъ дѣтушкамъ
Подъ конецъ стола обломочки.
Охъ-ти мнѣ-ка да тошнехонько!

25. Не надѣюсь я горюшица
Себѣ хлѣбъ да соль столовую,
Себѣ вствѣй сахарнѣихъ

- Про сиротныхъ про дѣтушекъ:
Будутъ вѣтрышки свиваться,
30. Добры людюшки смѣяться,
А я, бѣдна горюшица,
Буду клубышкомъ кататься,
Буду кровью обливаться.

7.

Заплачка по мужу.

- Потеряла я, бѣднушка,
Многоумную, разсудную,
Удаю головушку.
Какъ куды припокинулъ ты,
5. Какъ приоставилъ ты,
Многоумная головушка,
На вѣтренно свиваньце,
Аль на людское смѣяньце?
Уже мнѣ гдѣ искать желаньца:
10. Во твоихъ-ли сердечныхъ родителяхъ,
Аль въ братцахъ ясныхъ соколахъ?
Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыхъ,
И въ родителяхъ-батьшкѣ,
15. И въ добротушкѣ-матушкѣ.
Ужъ какъ буду искать, бѣднушка,
Во чужихъ многихъ добрыхъ людяхъ
И въ порядныхъ сосѣдовьяхъ:
Еще вложить ли желаньце
20. Въ моемъ роду да племени
Какъ желанный милый дядьца,
Аль двуродны милы братьяца,
Али братцы-ясны соколы?
Въ моемъ-то роду племя
25. Велико вложить желаньце,
Да большее прививаньце
До меня бѣдной горюшицы.

Заплачка по двоюродномъ братѣ.

Какъ послушай-ка, желанная тетушка!

У меня бѣдной горюшицы

Рѣзвы ножки подломилися,

Ясны очи помутилися,

5. Какъ у желаннаго дялюшкы

Сегоднишніимъ денечкомъ

Какъ это витое да гнѣздышко—

Сверху горница, внизу поморозница.

Какъ, желанна мила тетенька,

10. Сегоднишніимъ денечкомъ

Потеряла ты потеряшечку,

Обронила ты оброночку,—

Какъ обронѣ цѣпы не было,—

Свою яблонь кудреватую,

15. Свою грушицу зеленую,

Свою тоненьку тониночку,

Да сахарню деревиночку,

Свой свѣтъ со ясныхъ очей,

Красоту да со бѣла лица,

20. Душу да со бѣла тѣла,

Чуденъ крестъ да со бѣлой груди,

Свой хлѣбъ да соль столовую,

Перемѣнушку вѣковую.

Полети-тко ты,

25. Злодѣйная, великая кручиннушка,

На ретливое сердечушко,

Ты летѣла по птичьему,

Говори по человѣчьему

Какъ ко желанному ко дялюшкѣ,

30. Ко судьямъ немилосливымъ,

Ко сердечкамъ нежалосливымъ (5).

5. Дяди-то былъ человекъ подначальникъ—монастырскій служитель.

- Какъ желанный милый дядюшка
Не знаетъ предъ чимъ сердце свивается,
Оно кровью обливается,
35. Онъ не знаетъ желанный дядюшка,
Что съ сыномъ разстается.
Какъ послушай-ка, желанная тетинька!
Какъ твоя-то удалая головушка
Подъ замахама подъ грозныма,
40. Подъ ударама подъ больныма.
Такъ пойдёмъ-ка, желанная тетинька,
Въ казначейство государево,
Тамъ возьмёмъ-ка листъ бумаженьки гербовья.
Какъ во нашемъ роду-племени
45. Грамотные-то все учливые,
Писаря все умильные,
Напишутъ намъ бѣднымъ
Его лицушко-то блеклое,
Его тѣло-то мертвое,
50. Всю стѣнь-то человѣческую.
Какъ посудячу, поретую,
Попеняю, пообидую
Ко родителю, ко матушкѣ,
Что не спустила меня бѣдную
55. Ко любимому жадобному
Ко братцу двуродимому:
Я сидѣла бы, горюшица,
У трудной, больной постеляшки
И попросила бы бѣднушка
60. У братца двуродимаго.
Буде сказалъ мнѣ бѣднушкѣ
Хоть одно тайно словечушко,
Такъ сказала бы горюшица
Я желанной милой тетинькѣ.
65. Я поотдала бы, бѣднушка,
Борзой, скорой смеретушкѣ
Я бы цвѣтны вѣдь платица,

Я прокладну житье-жирушку,
Я безъ счета да золоту казну,

70. У родителя у матушки
Большо стадо бы дѣтинное,
Только не отдала бы братца двуродимаго.

9.

Что на горѣ сырѣ дубѣ стоитъ,
Онѣ безъ вѣтрышка шатается,
Безъ дождя онѣ уливается.
Много, много у сыра дуба,

5. Много витѣя и павитѣя,
Много витѣя зеленаго
(Много винограду кудряваго).
Только нѣту у сыра дуба,
Золотой нѣту вершинушки,
10. Позолоченой маковки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Что къ лѣту-то красному,
Что къ веснѣ-то розливной.
15. Много, много у красной дѣвицы,
Много рода и племени,
Много сродцевъ и сродничковъ,
Много ближнихъ пріятелей,
Да сосѣдовъ спорядобныхъ.
20. Только нѣту у красной дѣвицы,
Нѣтъ родителя-матушки,
Что теперь-то было надобно,
Что въ эту пору-времячко,
Къ благословеньицу великому.
25. Кормить-пойть есть кому (6),
Благословить ее не кому:
Благословляютъ все чужіи люди,
Чужіи люди посторонніе,

6. Снарядить младу есть кому.

Все сосѣди спорядобные.

Въ случаѣ если у невѣсты нѣтъ матери, а есть только отецъ,
то поють:

Благословляетъ ее батюшка
Съ крестовой ея матушкой.

(Записана мною въ Петрозаводскѣ и повѣрена въ разныхъ мѣстахъ Петрозаводска-
го уѣзда).

10.

Плачь невѣсты сироты на могилахъ родителей.

Кормить-поить есть кому,
А благословить молодой не кому:
Нѣтъ кормильца свѣта-батюшка,
Нѣтъ родителя матушки.

5. Поджидай, мое солнышко, братецъ родимый,
Со Никольской дубравушки
Кормильца-свѣта-батюшка.
Посулился родный батюшко
При скорой смеретушкѣ,
10. При послѣднемъ часу-времени,
На крѣпкое рукобутьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице

(Сообщенъ А. И. Ивановымъ, записанъ въ Ягубскомъ погостѣ).

III.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ РАЗНАГО РОДА.

4. БЕСѢДЫ И БЕСѢДНЫЯ ПѢСНИ ВЪ УѢЗДАХЪ ПЕТРОЗАВОДСКОМЪ И ПОВЪНЕЦКОМЪ.

Бесѣды начинаются въ Олонецкой губерніи съ октября мѣсяца и продолжаются до масляницы. Они соотвѣтствуютъ посидѣлкамъ великорусскихъ губерній, и разница бесѣдъ отъ посидѣлокъ состоитъ въ томъ, что на послѣднихъ дѣвушки въ самомъ дѣлѣ работаютъ, и молодежь веселится между дѣломъ; а на бесѣдахъ въ будни работаютъ только на словахъ, въ праздникъ же приходятъ совсѣмъ безъ руководя, и время проводится въ забавахъ разнаго рода, пѣньѣ, пляскахъ и играхъ. Въ Заонежѣ выборъ и порядокъ этихъ забавъ не зависятъ отъ произвола или случая, а большею частію опредѣлены заранее обычаемъ, который почти всегда строго соблюдается. Игра слѣдуетъ за игрой въ извѣстномъ порядкѣ, пляска за пляской; во время каждой игры или пляски поются пѣсни только извѣстнаго рода и напѣва.

Съ октября молодежь Олонецкихъ деревень выбираетъ какую нибудь просторную и чистую избу и собирается въ ней, въ продолженіе цѣлой зимы, почти каждый день съ 7 часовъ вечера. Парни, принимающіе участіе въ играхъ, платятъ хозяину избы за постой, освѣщеніе и безпокойство или ежедневно по 2 или по 3 к. сер. съ человѣка, или по 25—30 коп. за зиму; дѣвушки пользуются правомъ входа бесплатно. (1) Такъ какъ нѣкоторыя пляски требуютъ музыки, то на этотъ предметъ парни дѣлаютъ между собою особую складчину, которая въ Заонежѣ доходитъ за все время бесѣдное до рубля серебромъ и болѣе, и отдають ее играющему на балалайкѣ или на гармоніи.

Вотъ, передъ нами просторная изба. Потолокъ ея (2) забранъ

1. На Югѣ Петрозав. уѣзда платятъ и дѣвушки.

2. Изъ трехъ досокъ середняя закрываетъ собою нѣсколько боковыхъ.—Переплетъ называется также и польскимъ потолокомъ.

досками въ переплеть; налѣво отъ дверей русская печь съ большою запечкою и полатами; вдоль стѣнъ тянутся лавки, надъ ними налавочники, а въ лицевомъ углу полки въ нѣсколько рядовъ; налавочники соединяются крестъ на крестъ воронцомъ. (3) Между почестнымъ большимъ угломъ, гдѣ образа, и лицевымъ находятся три окна: среднее *красное*—побольше, а по сторонамъ его *волоковыя*—нѣсколько поменьше. На воронцѣ и налавочникахъ поставлено нѣсколько свѣчей, столъ сдвинутъ отъ почестнаго угла къ заднему полоненному, направо отъ входа.

Изба полна народа. Сюда собрались не только сосѣди, но и сошлись, и съѣхались парни и дѣвушки изъ околиныхъ деревень, пожалуй, за 10 и за 15 верстъ. Дѣвушки разѣлись на лавкахъ отъ печки до лицеваго угла и отъ него до краснаго окна. Богатыя разодѣты въ красныя парчевыя и штофныя сарафаны, перехваченныя у талии поясомъ изъ лентъ, и тонкіе сорочки съ польскими (коротенькими) рукавами. На шеѣ у нихъ пестрые платки, которые не закрываютъ жемчужныхъ ожерельевъ; въ ушахъ большія жемчужныя серьги; на головѣ подпизъ, т. е. сѣтка изъ лошадиного волоса, изнасаженнаго жемчугомъ, которая, какъ кружево, обрамляетъ лобъ и спускается къ ушамъ.—Подпизъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кружевныхъ сборовъ, и, чѣмъ богаче дѣвушка, тѣмъ больше сборовъ въ сѣткѣ. У нѣкоторыхъ кромѣ сѣтки—*челочокъ*, т. е. коронка изъ жемчуга. Молодицы, старухи, женатыя мужики сидятъ на лавкахъ у печи и на запечкѣ и не принимаютъ непосредственнаго участія въ забавахъ. Развѣ только какая нибудь старуха держитъ въ рукахъ зажженную лучину и хлопочетъ не столько о томъ, чтобы свѣтить играющимъ, сколько о томъ, чтобы не прожечь полъ или не подпалить кого нибудь изъ сосѣдей. Хозяинъ стоитъ у стола и принимаетъ отъ парней плату за входъ. Парни размѣстились отъ краснаго окна до почестнаго угла и отъ него до полоненаго. На нихъ синіе кафтаны и поддевки, а бурлаки, т. е. тѣ, которые ходятъ въ Петербургъ

3. Воронецъ.—доска которая идетъ отъ правой стѣны къ лѣвой и отъ печки къ лицевой стѣнѣ. Въ старыхъ избахъ воронецъ привѣшивается къ потолку на веревкахъ.

на заработки, разрядились въ длинные шортуки и даже въ пальто-пальмерстонъ.

Когда соберется полный сборъ парней и дѣвушекъ, бесѣда открывается слѣдующею пѣсней:

Ты, хозяинъ, благослови,
Господинъ, благослови,
Трожды по избы пройди,
Словцо вымолви,

5. Нѣтъ ли лишняго бревна,
Выше краснаго окна,
Ниже потолка?

Затѣмъ начинается игра *пелепелка* пѣсней:

Гдѣ, гдѣ пелепелка,
Гдѣ гдѣ молодая?
На дѣвкахъ пелепелка,
На дѣвкахъ молодая.

5. Туды-суды полетѣла
Тому-сему крыло дала,
Кому любо, золотое.
Кому слюбится, приголубится,
Кому хочется, тотъ сволочится,
10. Наколотится и взадъ воротится.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому не тошно,
Идти не почто;
15. Миновать, мудрено,
А бросить не за что.
Пелепелка-ль ты моя,
Молодѣнькая ты-ль моя!

Самая игра состоитъ въ томъ, что парень подойдетъ къ дѣвушкѣ, ударить ее по плечу, обмѣнится съ ней низкимъ поклономъ и воротится на свое мѣсто (4). Затѣмъ поднимаются съ

4. На югѣ Петроз. уѣзда всѣ парни по очереди берутъ каждую изъ дѣвицъ, и, сдѣлавъ вмѣстѣ два круга, кланяются имъ и благодарятъ, за то что не отказались идти за нихъ за мужъ. Это называется «жениться».

лавокъ дѣвушки, подходятъ къ парнямъ, оплачиваютъ имъ ударомъ и поклономъ и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Эта церемонія продолжается подъ звуки пѣсни до тѣхъ поръ, пока, по народному выраженію, парни и дѣвушки не поколотятся со всѣми, которые имъ любятся.

За пеленелкой слѣдуетъ непременно *утушка*. Дѣвушки за-поютъ:

Утушка, поплавай-ка,
Сѣрая, со селезнемъ,
Молодецъ, со дѣвушкой!
— Ради васъ поплаваю,

5. — Сама я изъ круга вонъ пойду.—

А сами становятся въ рядъ и выкликаютъ парней, которые имъ по мыслу; берутъ ихъ за руки, то сводятъ въ тактъ обѣ руки вмѣстѣ, то разводятъ по сторонамъ. А молодецъ между тѣмъ нагибается къ дѣвушкѣ и шепчетъ ей на ухо задушевные рѣчи. Во все время игры хоръ дѣвушекъ и парней поетъ:

1.

Не яхонтикъ по горницы катался,
Не скаченъ (5) жемчугъ по блюду розсыпался,
Добрый молодецъ жениться собирався
На душечкѣ на красной на дѣвицы.

5. Его матушка провожала,
Государыня родима снаряжала,
Хорошо ему кудерки разчесала,
На потѣзкѣ таково слово сказала:

« Ты поѣдешь, мое дитячко, жениться

10. « На душечкѣ на красной на дѣвицы:

« Тебѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,

« Ко тебѣ, сударь, невѣсту припѣвати,

« Тебя умницей называти,

« Разумницей звеличати;—

15. « Не дари-тко ихъ рублемъ и не полтиной,

5. Скатень.

- « А унижайся своимъ низкіимъ поклономъ,
« Еще паче того поцѣлуемъ.»

2.

Ты почто, мати, хорошу роди́ла,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ отнаряживала?

5. Мнѣ нельзя, мати, къ обѣднѣ идти,
Мнѣ нельзя, мать, богу кланяться,—
Весь народъ люди зарятся:

« Это чья это хорошая-баска?»
Напогощаны пуще всѣхъ:

10. Попъ тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонить-мѣшается,
Добрый молодецъ про тоже говорить:
— Это чья это хорошая-баска:

15. — Взялъ бы дѣвушку за мужъ за себя.—

3.

Не стойки по стойкамъ стоятъ,
Не винтовки въ саду говорятъ,
Не серебряны поступочки,
Не малиновые пруточки.

5. А жениться пора,
Красной дѣвицы идти времена (*),

(*) Вар.: Молодцамъ-то жениться пора,
Пора дѣвушекъ взять за себя.
Была теща-то ласковая,
Невѣсты хорошія,
5. Чернобровыя, пригожія,
Черноглазеньки, баскеньки;
Молодцы-то кудревастьеньки,
На улицахъ катаются,

Холостому время свататься.

Гдѣ сватали, тутъ не дали,

Гдѣ не сватали, тутъ двѣ-три даютъ,

10. Поддесятка навязываютъ,

Все старыя, все малыя,

Все людишки неудалыя.

4.

Поблекло, поблекло лице,

Противъ сѣверика (6) идучи,

На дѣвушкинъ домъ гляючи.

Во терему дѣвица сидить,

5. Жемьчужное ожереньице садить.

Разсыпалось ожереньице

По всему ли высокоу терему.

Не собрать, собрать жемьчужку

Не братцамъ-яснымъ соколамъ,

10. Не сестрицамъ-бѣлымъ лебедямъ.

Собереть, собереть жемьчужокъ

Че удалый, добрый молодецъ

Со душой со красной дѣвушкою (7).

5.

На кабакъ иде (8) дѣтина, скаче, пляше,

Съ кабака иде дѣтина, тужить, плаче:

— Отворяй, жена, широкія ворота!—

Поскорешенько младшенька вставала,

5. Я покрѣпче ворота запирала,

Быдто сахаръ разсыпаются,

10. Жениться собираются.

Жениться захочется:

Отъ порожка сволочется,

Отъ порожка до лавочекъ,

До дѣвушкиныхъ прялочекъ.

6. Сѣверный вѣтеръ.

7. Тутъ припѣвается молодецъ къ дѣвицѣ.

8. Смотри въ противоположность этой пѣсни № 24.

Посмѣля со невѣжей говорила:

- « Ужъ ты гдѣ, моя надежа, напивался,
« Поди тамъ, моя надежа, прохмѣляйся!
« Тобѣ мягкая постеля—снѣга бѣлы,
10. « Тобѣ тепло одѣяло—лютые морозы,
« Крутоскладно изголовьице—заносы (9),
« Шитый браный положечекъ—часты звѣзды,
« Тебѣ часты поцѣлуй—сѣры волки.
« Я сама ли, молодѣнька, на постели,
15. « Выбирать стану, младѣнька, молодого,
« Молодаго я собѣ дружка иного,
« Чтобы до пьяна онъ не спивался
« И надъ женушкой надъ мною не ломался.» (10.

6.

Красна дѣвица коровъ доила,

Скрозь платочекъ молочко цѣдила,

Цѣдила—выцѣживала, (*)

Говорила—прибубенкивала:

5. « Не женись-ка, не женись, молодецъ,
« Не женись-ка, удалая голова!
« Проживешь,—проживешь, молодецъ,
« Проживешь, проволочишься,
« Межу красныма дѣвушками,
10. « Межъ молодыма молодухами.
« Скажутъ, съ дѣвками жить добро,
« Съ молодухами спать тепло,
« Со старухами холодно.
« Надолызла волокитушка твоя
15. « По чистому полю ходючись,
« Подъ капелюшкою стоючись.
« Капелюшка: капъ, капъ, капъ,—

9. Сугробы снѣга въ селеніяхъ.

10. Эта превосходная пѣсня сохранилась и въ Черниговскихъ слободахъ, смотр. слѣд. отдѣлъ.

(*) Вар : Цѣдила—приговаривала.

- « На моемъ-то сердцѣ: такъ, такъ, такъ!
- « Не увидѣлъ-бы старикъ-жадовикъ,
- 20. « Не ударилъ бы березиною,
- « Не прибавилъ черемшиной,
- « Не заставилъ бы сугорбивши въ гости ходить,
- « Не приневолилъ бы стараго любить.
- « У стараго много робять есть,
- 25. « У молодаго никого нѣтъ. »

7, 8.

- Скоморохъ ходилъ по улицы,
Удалой ходилъ по широкой.
Ужъ онъ бьется-колотится,
У души у красной дѣвицы,
5. Подъ окошечкомъ косявчетымъ,
У дѣвицы сдоложается:
« Ты спусти, спусти, дѣвица, постоять,
« Спусти, красна, скомороха ночевать,
« Удалаго на тисовую кровать.
10. « Скоморохи люди вѣжливые,
« Скоморохи люди честливые. »

Наигравшись въ утушку, пары разсаживаются по своимъ мѣстамъ и отдыхаютъ. Затѣмъ нѣсколько парней и дѣвушекъ выходятъ на середину избы и пляшутъ *сорви юлову*. (11) Муцна и женщина схватываются сначала лѣвою рукою и быстро вертятся на одномъ мѣстѣ, а потомъ перехватываются правою рукою и кружатся въ другую сторону, а въ это время хоръ поетъ:

9.

- Зимушка-зима студена, холодна,
Заморозила зима дородняго молодца,
Всю травку-муравку повызносила,
Съ шелковой травы цвѣты повысушила,
5. Молода жена мужа повыкрушила.
Какъ бы та вѣра была, старика продала,
Не дорого-бъ взяла, стара даромъ отдала;

- Я прибавила-бъ полтину и купила бы дѣтину,
Полубила бы молодчика молоденькаго,
10. Молоденькаго, собѣ хорошенькаго,
Черноброва, черноглаза,
Русокудревата.
Русы кудри завитыя,
Алой лентой повитыя,
15. Съ алыма, со малыма съ ленточками,
Съ дорогима, золотыма прозументикамы.

40.

- Чернобровая поджариста!
Не ты-ль меня засушила,
Безъ мороза сердце вызнобила,
Заставила сугорбивши ходить,
5. Приневолела стараго (11) полюбить.
Поди, любушка, за мужъ за меня,
Красавица, за дородня молодца.
« Я нейду-нейду, не здумала итти,
« Право я ли не надумалась.
10. « Вечеръ слышала словечко про тебя:
« Иде славушка не очень хороша,
« Скажутъ, пьешь, милый, вино и пиво,
« Табачекъ милый понюхиваешь,
« Сладкой водочкой закусываешь.»
15. — Право, любушка, нигдѣ я не бывалъ,
— Окромѣ тебя никого не видалъ,
— Окромѣ вина ничего не пивалъ.—

Затѣмъ заводится *кругъ*. Молодецъ выбираетъ дѣвушку и съ нею заводитъ кругъ, къ нимъ примыкаетъ другая пара, потомъ третья, четвертая и т. д.. Пары то свиваются, то развиваются подъ протяжный напѣвъ слѣдующихъ пѣсенъ:

11, 12.

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтить,

11. Себя самого онъ называетъ старымъ.

- Полно, красно, въ саду яблочко сушить,
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить!
« Уже какъ мнѣ не плакать, не тужить:
5. « Больше во вѣкъ дружка такого не найтить,
« Мнѣ ни голосомъ, ни волосомъ дружка,
« И ни ростомъ, ни поступкой красоты,
« Ни его ли молодѣцкой чистоты.»
На молодца незгодушка пришла,
10. На удалого сударушка гнѣвна,
Гнѣвна-гнѣвна, сердита на меня:
Бна сердится, не срѣтится со мной,
А хотъ срѣтится, не кланяется намъ,
А и поклонится, въ глаза мнѣ не глядитъ,
15. А и погляне, ничего не говорить:
Не свѣтелъ мѣсяцъ всю темну ночь свѣтилъ,
Часты звѣздочки до утренней зори,
Зоря-бѣлый день въ окошечко вошла,
Ко мнѣ любушка сама въ гости пришла,
20. Всѣ утѣхи, всѣ забавы принесла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Во другое увѣряла молодца:
« Чернобровый, черноглазый, милый мой!
« Неразлучная любовь наша съ тобой.
25. « Приде время, мы разстанемся съ тобой.
« Вечеръ поздно я въ бесѣды сидѣла,
« Про милаго тако слово слышала:
« Тобя, миленькой, женить скоро хотять,
« Тобя жена, меня за мужъ выдають.
30. « Ты поѣдешь, милъ, дорожкой столбовой,
« Заѣзжай, милый, проститься хотъ со мной.»
— Я заѣхалъ-бы, мнѣ воля не своя:
— Навязалась ала-негодная жена,
— Не спустить на улицу погулять,
35. — По большимъ хороводамъ танцевать;
— А хотъ спустить, въ окошечко приглядить,
— Меня добра молодца въ глаза журить-бранить.

14.

Полно зимушкѣ зимовати,
Пора матушкѣ-весны наступати;
Полно, миленькой, пить-гуляти,
Моему сердцу тоску нагоняти!

5. Моему сердцу тошно,
Пособить горю никакъ невозможно:
Хотить батюшко дѣвку за мужъ отдавати,
Родна матушка за мужъ не за ровню,
Не за ровнюшку за мужъ, за стараго.
10. Не за ровнюшкой, дѣвушка, жить не стану,
А стараго мужа стану проклинати,
Собѣ ровнюшку стану выбирати,
Далеко ровню буду провожати.

15, 16 (12.)

Охъ вы, слезушки, вы, горючія мои!
Не катитесь-ка вы, слезушки, изъ глазъ,
Мнѣ теперича, слезы, не до васъ,
Не до васъ-то, мои слезы:

5. Во солдаты везутъ насъ,
Нѣту радости отъ васъ,
Нѣту радости-веселья. . . .
Я безъ милаго спать не лягу,
Безъ надеженьки вовсе не усну,
10. Спомню, здумаю про дружка милаго,
Не огнемъ мое сердечушко горить,
Не огнемъ мое сердечушко, смолой,
Быдто въ синемъ море ключъ кипить,
Кипить ключикъ безпокидно. (13)
15. Далеко милый живетъ,
Живе далеко-далече на чужой стороны,

12. Эта пѣсня новая.

13. Безостановочно.

На чужой милой сторонушкѣ, во матушкѣ во Москвы,
Во матушкѣ во Москвы, на казенныхъ корабляхъ,
На военныхъ на казенныхъ неизвѣстно куды шелъ,
Неизвѣстно куды сшелъ, мнѣ-ка вѣдомъ не пришелъ.

Послѣ *круга* обыкновенно пляшутъ *шенъ* или *шестерку*. Последняя пляска гораздо оригинальнѣе первой, представляющей неполное и неудачное подражаніе кадрили, и совершенно вытѣсняетъ ее изъ употребленія. Въ шестеркѣ нѣсколько паръ становится другъ противъ друга и выплываютъ по избѣ осьмую цифру. Мушкетеръ идетъ вслѣдъ за женщиною и старается выкинуть ногами самыя мудренныя фигуры. Во время пляски играютъ на балалайкѣ или на гармоніи и поютъ пѣсни:

47.

- Хмѣль, мой хмѣль, веселая голова,
Веселая голова, широкая борода!
Отчегожъ, мой хмѣль, зараждаешься,
Почемужъ, мой хмѣль, поднимаешься?
Зараждался хмѣль отъ сырой земли,
5. Подымался хмѣль по точинкѣ вверхъ,
По той по точиночкѣ по тоненькой.
Кто за хмѣлемъ поводится, тотъ будетъ человѣкъ.
Поводился за хмѣлинушкой дѣтинушка:
У дѣтины-сиротины ни уса-ль, ни борода,
10. Ни уса, ни борода, ни ума въ головы.

48.

- Право, матушка, мнѣ тошненько,
Государыня родима, тяжеленько:
На роду такого не бывало,
Какъ вечеръ тоска нападала,
5. Напала тоскичушка немала
На мою ли на побѣдну на головку,
На мое ли на ретивое сердечко.
Вы, ребятушки молодые,
Молодые, молодые, удалые!

10. Подхватили ребята новы моды,
Новы моды, новы моды, черны шляпы,
Черны шляпы, черны шляпы, алы ленты,
Алы ленты, алы ленты, новы пряжки,
Новы пряжки, новы пряжки, для признашки,
15. Чтوبъ дѣвушки признавали
Душы-красныя дѣвицы примѣчали.

19.

- Рѣчка быстренькая, хоботистенькая!
Не широкая рѣчка, не глубокая,
Перевозу на ней нѣтъ,
Перегрузу на ней нѣтъ.
5. Я по жердочкѣ шла, я по тоненькой,
Я по тоненькой по еловенькой.
Тонка жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ милымъ живется, не стоснется,
Хоть и стоснется, востоскуется
10. Востоскуется, за мужъ выдется,
За мужъ выдется, гулять захочется.

20.

- Была Дунюшка щеплива, Одотьюшка (14) щегольлива,
Щеплива, щегольлива, на рыночекъ выходила,
На рыночекъ выходила, туфеленочки купила,
Дала за туфельки рублевикъ, за чулочки полтора,
5. За чулочки полтора, за пряжечки два рубля.
Туфель на чулокъ не вязя, (15) на босую ногу
врядъ,
На босую ногу врядъ, туфли къ милому глядятъ,
Туфли къ милому глядятъ, поскочить скоро хотятъ,
Поскочить скоро хотятъ, цѣловать дружка велятъ.
10. « Поцѣлую я иную, хорошую-баскую,
« Хорошую-баскую, Петербургску щегольскую,

14. Авдотьюшка.

15. Не влезеть.

- « Я худую худельбу одинъ разъ обойму.»
— Пріюлентикъ голубой, пріятель мой дорогой,
— Пріятель мой дорогой, проводи меня домой,
15. — Проводи меня домой до фатеры до своей,
— До фатеры до своей, до матушки до родной,
— До матушки до родной, до кровати тесовой,
— До кровати тесовой, до перины пуховой.
— Я, худая худельба, поразхвасталась:
20. — Я вечеръ молода въ бесѣды сидѣла,
— Натѣжіе ребята разгуливались,
— Красныхъ дѣвокъ цѣловали, хорошую двожды
— Хорошую двожды, пригожую трожды,
— Пригожую трожды, разлапушку семь разъ,
25. — Разлапушку семь разъ, ради ей веселья.
— Я была, худа, одинъ разъ обнята.

24.

- На кабакъ иде дѣтина, будто маковъ цвѣтъ,
Съ кабака иде дѣтина, будто мать родила.
Стрѣчала-примѣчала молода жена:
« Поди, плѣшникъ, домой, поди, курвяжникъ, домой!
5. « Прожилъ-прогулялъ житье-бытье свое,
« Все житье бытье свое, все приданое мое,
« Все приданое мое дѣде (16) матернее.»
— Помолчи, бѣдна жена, ты не будешь голодна!
— Теплыхъ деньъ дождусь, въ казаки (17) наймусь,
10. — Три рубли возьму, гарнитуръ куплю,
— Гарнитуръ куплю, сарафанъ сошью.
— Сарафанъ сошью, на себя сошью,
— Мѣшокъ сошью, тебя въ міръ спущу.
— Поди, бѣдна жена, по подоконьямъ,
15. — Оберай, бѣдна, жена, куски ломаные,
— Куски ломаные, ломти рѣзанные.

16. Дѣдовское.

17. Работники.

Между плясками парни и дѣвушки играютъ въ разныя игры. Изъ этихъ игоръ самая оригинальная и интересная въ «околѣ города»:

Всѣ парни и дѣвушки становятся попарно въ кругъ, причемъ каждая пара поочередно представляетъ царевича и царевну, прочіе же называются князьями-боярами. Пока поютъ пѣсню, царевичъ ходитъ около круга:

Вовъ городъ царевна, царевна,
Какъ за городомъ царевъ сынъ, царевъ сынъ,
Какъ по городу щеголяетъ, щеголяетъ,
Шелковымъ платкомъ махаеъ, махаеъ,
Золотымъ перстнемъ сіеетъ, сіеетъ.
Отворяйтесь-ко, ворота, ворота
Какъ царевъ сынъ вовъ городъ, вовъ городъ,
Поклонитесь-ко пониже, пониже
Какъ еще того пониже, пониже,
Поцѣлуйтесь помилѣе, помилѣе,
И още того милѣе, милѣе;
Ты возьми-ко, свѣтъ, за ручку, за ручку,
Обведи кругъ городочка, городочка!
Посмотрите-ко, міряна, міряна,
Какова я молодая, молодая
Изъ станка дѣвка висока, висока,
Изъ бѣлилъ дѣвка бѣленька, бѣленька,
Изъ румянъ—румяненька, румяненька.

А царевна стоитъ въ серединѣ круга. Мѣсто, которое они занимали прежде, остается пустымъ и считается воротами города. При словахъ пѣсни: «просимъ милости, царевъ сынъ въ городъ», или, «отворяйтесь-ко ворота, ворота», царевна кланяется царевичу, онъ ей отвѣчаетъ тоже поклономъ и становится въ воротахъ. Затѣмъ царевичъ понемножку подвигается къ царевнѣ, обнимаетъ ее или беретъ за руки и ходитъ, обнявшись или рука объ руку, въ серединѣ круга. Каждый царевичъ заканчиваетъ игру тѣмъ, что, ходючи вокругъ города, показываетъ князьямъ боярамъ свою молодую.

О сваткахъ парни являются на бесѣды *окрутчиками*, т. е. на-

ряжаются скоморохами и калѣками. Скоморохи должны одѣться въ свое же платье, только вывороченное на изнанку, и прикрыть лице платкомъ или маскою, а калѣки и нищѣ покрываются какимъ нибудь дыравымъ старьемъ, придѣлываютъ на спину горбъ и навѣшиваютъ на себя кошель и корзинки. Первые пляшутъ и выдѣлываютъ разные штуки (18), а вторые подходятъ къ зрителямъ просить у нихъ милостыни.

18. Человѣкъ, хорошо выдѣлывающій изъ себя фигуры, въ Заонежѣ получаетъ прозвище «изнимальника».

II.

ПѢСНИ ЗАПИСАННЫЯ ВЪ СЛОБОДАХЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

1. (Хороводныя пѣсни).

Одна изъ дѣвушекъ кладетъ что нибудь похожее на
камилавку подъ конецъ стола и ходить посреди хоровода, на-
пѣвая:

Не мое дѣло чернечкой быть,
Не мое дѣло въ келейкѣ сидѣть,
Не мое дѣло Богу молиться,
Не мое дѣло низко кланяться,

5. Не мое дѣло камилавку носить.

Только мое дѣло по саду ходить,
Только мое дѣло орѣшки щелкать,
Только мое дѣло меды щелыгать.

Положу-ткось я камилавку свою,

10. Положу камилавку подъ конецъ стола,
Вкругъ камилавочки похаживаю,
На камилавочку поглядываю,
Подыму-ткось я камилавочку,
Подарю-тко ее другу милому.

2 (тоже хороводная).

Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
Не велить мнѣ бѣлиться, румяниться,
Велить въ келейкѣ сидѣть, Богу молиться,
Мнѣ ли молодешенькѣ не хочется,

5. Что хотѣлось молодешенькѣ

Попить, погулять, да попраздновать.
А я все таки до старца наскочусь, напляшусь,
Наиграюсь, набѣлюся, нарумянюся!
Ой, старецъ лихъ, лихоманецъ лихъ!
(И такъ далѣе).

3.

- Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои!
Вы, какимъ святителямъ молились,
Вы, кажимъ же чудотворцамъ общались,
Что у васъ-то мужья молодые,
5. У меня ли молодешеньки старымъ-старенекъ.
Не медвѣдь-то въ мерлугъ (1) завалился,
Завалился старичище на печищѣ,
Не спускаетъ старичище на игрище.
А я отъ стараго уходомъ уходила,
10. Подъ полою цвѣтно платьѣ уносила,
За воротмы спѣхомъ наряжалась,
А за вереюшкой потайно убиралась;
Ужъ я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончику стола, младешенька, садилась,
15. И я раньше всѣхъ съ бесѣды уходила.

4.

- Во дубу, дубу во зеленыимъ,
Ай калина, да малина (*повторяется послѣ каждою стиха*),
Сидить дѣвка да что ягодка,
Точетъ поясъ съ разныхъ шелковъ,
Съ разныхъ шелковъ, да разныхъ сортовъ;
5. Не только точетъ, а колько плачетъ:
Да кому, дѣвка, достанусь я?
Достанусь я да старому:
Онъ старъ добре, да неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
10. Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, кряхтѣть начнетъ,
Вставать начнетъ, охатъ станетъ;
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ кручинушка.
15. Во дубу, дубу во зеленыимъ и пр.
Да кому, дѣвка, достанусь я,

1. Берлога.

- Достанусь я да малому:
Онъ малъ добре, и неровня мнѣ,
Да неровня мнѣ, да не по версту,
20. Да не по версту, да не по мыслу.
Онъ спать идетъ, плакать начнетъ,
Вставать начнетъ, кулехчится,
Меня младу анда горе беретъ,
Горе беретъ, кручинушка.
25. Во дубу, дубу во зеленымъ и пр..
Да кому, дѣвка, достанусь я,
Достанусь я да ровнюшкѣ,
Онъ ровня мнѣ, да и по версту,
И по версту, и по смыслу.
30. Онъ спать идетъ, играть начнетъ,
Вставать начнетъ, не кулехчится.

5.

- Игра ты моя веселая,
(Ой люли, люли люлешеньки люли, веселая,) (2)
Поиграйте, дѣвочки, поиграйте, красныя,
У отца, у матери, у роду, у племени,
5. Ужъ вы за мужъ выдете, вы играть не будете,
Вы играть не будете, про игру забудете.
У воротъ свекоръ стоитъ, среди двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
10. — Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.—
У воротъ свекруха стоитъ, среди двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, сноха, ты пойдемъ, голубушка!»
— Я нейду, не слушаю: не доиграна игра,
15. — Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка,
— Не допѣта пѣсенка, не утѣшенъ милый другъ.—
У воротъ милый стоитъ, среди двора кличетъ:
« Ты пойдемъ, жена, ты пойдемъ, любимая!»

2. Последнее слово каждого стиха повторяется съ припѣвомъ.

- Я иду и слушаю: и доиграна игра,
20. — И доиграна игра, и допѣта пѣсенка,
— И допѣта пѣсенка, и утѣшенъ милый другъ.—

6.

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ, по рѣшетчатымъ,
Какъ ходила-похаживала,
Молодал боярыня, Марья свѣтъ Григорьевна.

5. Она будила-побуживала
Своего дружка Ивана свѣтъ Петровича:
« Ужъ ты встань, проснись, мой милый другъ,
« Пробудись, душа отецкій сынъ!
« Оторвался твой добрый конь
10. « Отъ столба ли отъ дубоваго,
« Отъ колечушка серебрянаго,
« Отъ витаго, позолоченаго;
« Проломилъ онъ весь дубовый тынъ,
« Потопталъ онъ весь зеленый садъ
15. « Со калиной, со малинушкой,
« Съ черной ягодой смородинкой,
« Съ засадиhoю черемухой.»
— Не плачь ты, Марьюшка свѣтъ Григорьевна,
— Я поставлю тѣ, дубовый тынъ,
20. — Насажу тебѣ зеленый садъ
— Со калиной, со малинушкой,
— Съ черной ягодой смородинкою,
— Съ засадиhoю черемухою.—

8.

- Отдають мя молодѣ на чужую сторону,
На чужую сторону, въ небольшую семью:
Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,
Да четыре деверья, двѣ золовушки,
5. Двѣ золовушки, да двѣ тетушки,
Да двѣ тетушки, двѣ голубушки.
А какъ свекоръ говорить: «людоѣдицу вѣдутъ»,

- А свекруха говоритъ: «къ намъ мавѣдицу вѣдутъ»,
 А деверья говорятъ: «къ намъ перяху вѣдутъ»,
 10. А золовки говорятъ: «къ намъ непряху вѣдутъ»,
 А тетушки говорятъ: «къ намъ разлушницу вѣдутъ».
 Ужъ я ли молода, очень бойка была,
 Очень бойка была, ~~вѣсть~~ отвѣтъ отдаю:
 — Сударь батюшко, ты позволь-ка мнѣ
 15. — Вдоль по горенкѣ пройти, словцо выговорить,
 — Словцо выговорить, словцо вымолвить.
 — Во темномъ-то тѣсу, тамъ медвѣдицы живутъ,
 — Во сыромъ-то бору, лодѣдицы живутъ;
 — А деверья-соколы, у васъ жены таковы;
 20. — Золовушка-голубушки, вамъ самимъ за мужъ идти:
 — А тетусекъ-голубушекъ поставимъ на порогъ,
 — Мы поставимъ на порогъ, да укажемъ семь дорогъ,
 — Да въ притолочку, да въ выволочку!—

9.

- Прялочку подъ лавочку, сама гулять пошла,
 Куры пропѣли, я не думала домой,
 Другіе пропѣли, я не думала домой.
 Какъ зорюшка занялась, а я млада собралась,
 5. А я домой собралась, сама къ старому подъ бокъ.
 А старый говоритъ: «Гдѣ была, жена, гдѣ погуливала?»
 — Ахъ, старый чертъ, не во снѣ-ль ты говоришь,
 — Съдая борода, да не брешешь ли ты?
 — Я ли молода всю ночь не спала,
 10. — Всю ночь не спала, во хлѣбъ пробыла.
 — Наша коровушка буренькая отелила теленочка рыжень-
 каго,
 — Теленочка рыженькаго, да еще съ лысинкою.—
 «Милая жена, пустимъ мы теля на племя!»
 — Ахъ старый чертъ, не во снѣ-ль ты говоришь,
 15. — Съдая борода, да не брешешь ли ты?
 — Первое теля не пускаютъ на племя:
 — Первое теля все закидываютъ.—

- Ужъ и я ли молода догадлива была,
Силкомъ зацѣпила, милому въ ожно подала:
20. — Милый, порады, потяни подобры!—
Милый порады, что старый захрапы,
Зубы оскали, что смѣяться сталъ,
Языкъ высунулъ, ровно дражнится.

10.

- Я у батюшки-у матушки гаупенешекъ родился.
Я у батюшки-у матушки маленешекъ женился,
Ужъ и взялъ ли я жену молодую
Во саду ли вишенку наливную.
5. Какъ жена мужа не влюбила,
Повела негодя къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости, въ зеленую рощу,
Привязала негодя къ бѣлой березѣ,
А сама пошла—загуляла,
10. Загуляла-пировала девять денечковъ,
На десятой на денечекъ востосковалась;
Востосковалась, пошла къ негодяю,
Не дошедши негодя, становилась,
Не дошедши негодя, поклонилась:
15. « Хорошо тебѣ, негодяю, пиръ пировати?»
— Государыня жена! А мнѣ не до пиру:
— Мнѣ соловушки головушку пробили,
— Мнѣ комарики всѣ плечики скусаи,
— Мнѣ мурашки всѣ ноженьки сточили.—
20. « Ужъ ты будешь, негодай, кормить меня хлѣбомъ?»
— Государыня жена! Буду калачами.—
« Ужъ ты будешь, негодай, поить меня квасомъ?»
— Государыня жена! Я сытою,
— Я сытою, я сытою медовою.—
25. « Ужъ ты будешь, негодай, пущать меня въ гости?»
— Государыня жена! Ступай хоть вовсе!

11.

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою,

Ай люли, люли, подъ кудрявою, (3)

Подъ кудрявою, кучерявою,

Ай люли, люли, кучерявою,

5. Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
Мужъ угрюмую, неразумную.
Какъ жена мужу не покорила
Свекру батюшкѣ взмолила,
Низко въ ножки поклонилась:
10. « Свекоръ, батюшко, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго!»
Свекоръ говорить: —Воля не моя,
— Воля не моя, воля сынняя.—

15. Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и пр..
Свекрови матушки покорила,
Покорила, низко въ ножки поклонилась:
« Свекровь матушка, отыми меня
« Отъ негоднаго, отъ непутнаго!»
20. Свекровь говорить: —Воля не моя,
— Воля не моя, воля сынняя.—

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и т. д.

25. Жена мужу покорила,
Низко въ ноги ему поклонилась.

12.

Вы раздайтесь, разшатнитесь, добрые люди,
Ужъ вы дайте мнѣ, младенькѣ, погуляти,
Поколь батюшка-сударь за мужъ не выдадъ
За того ли за дѣтинку за невѣжу!

5. Со двора идетъ невѣжа, скачетъ-пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа, кричитъ-вопитъ:
« Ужъ ты дома ли, жена молодая,
« Отворяла-бъ поскорѣйча ворота?»

4. Последнее слово стиха повторяется вѣстѣ съ припѣвомъ.

Какъ слышала невѣжигъ голосица,

10. Потихохоньку съ постели я встала,

На босу ногу башмачки одѣла,

Ко воротамъ спѣхомъ поспѣвала,

Поскорѣ я ворота затворяла,

Покрѣпче я ворота запирала,

15. Посмѣе со невѣжей говорила:

— Ты ночуй-усни невѣжа за вороты.

— Тебѣ мягкая перина—бѣлая пороша,

— Высоко-ли изголовье—подворотня,

— Соболино одѣло—лютые морозы,

20. — Шитый, браный положечекъ—частая звѣзда,

— Каково тебѣ, невѣжа, спать за вороты,

— Таково-то мнѣ, младенькѣ, жити за тобою,

— За тобою, за твоею за удалой головою.—

III.

1.

(Поется въ Петрозаводскѣ уездѣ на свадьбахъ иотарихахъ).

Какъ сказали-пробаяли,
Говорили-прославили,
Что Андрей-то грозень,
Свѣтъ Петровичъ-то немилосливъ.

5. Онъ грозень, сударь, немилосливъ,
Да Катеринушки нежалосливъ,
До Васильевнѣ немилосливъ.
Онъ повадился въ высокъ теремъ ходить,
Онъ заводилъ ли погрядочку (1),
10. Заузорчатую завѣсу,
Онъ завидѣлъ душу, высмотрѣлъ
Душу красную дѣвицу,
Катерину свѣтъ Васильевну.
Онъ ступилъ на правую ногу,
15. Онъ прижалъ праву рученьку,
Во правой рукѣ алатой перстень,
Во лѣвой позволено кольцо.
Какъ расплакалась Катеринушка душа,
Растужилась Васильевна:
20. « А мнѣ какъ придти къ батюшку,
« Сдоложится къ родной матушкѣ?»
Андрей-то догадливъ былъ:
— Уже такъ скажи, Катеринушка дума,
— Уже такъ скажи, Васильевна!
25. — Я ходила по новымъ сѣнямъ
— Я искала золоты ключи,

1. Бѣлая бранепая завѣска у кровати, у Черниговскихъ слобожанъ—чистый бранецъ положечекъ.

- Отмыкала всё ларцы-сундуки,
— Я искала тонкосинее сукно,
— Да кроила Андрею кафтанъ,
30. — Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
— По подолу былъ раструбистый,
— Кругъ сердечушка поджимистый,
— Чтобъ полегче на добра коня скочить,
— Да поскорѣ ѣхати ко тещенькѣ,
35. — Къ богоданной своей матушкѣ.—

2.

[Поется какъ невѣсту къ вѣнцу вести].

- Ай, лелей-ка, сполелей, да сине море!
А какъ не долго синю морю лелѣвати,
Ай, какъ въ лѣто отъ весны до осени:
Ай, какъ придуть ли на тебя лютые морозы,
5. Ай, что лютые морозы Крещенскіе,
Ай, заморозятъ тебя крѣпко на крѣпко,
Ай, заморозятъ тебя плотно на плотно.
Ай, лелѣй-ка, сполелѣй, мати, дочь свою!
Ай, не долго Аннушкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
10. Ай, не долго Дмитревнѣ въ красненькихъ сидѣть:
Ай, какъ найдетъ Егорушка съ большимъ побѣдомъ,
Ай, какъ найдетъ Степановичъ со широкимъ,
Ай, какъ возьметъ нашу Аннушку за бѣлы руки,
Ай, какъ возьметъ Дмитревну за алаченые перстни;
15. Ай, какъ повезетъ нашу умницу ко суду ли Божью,
Ко суду ли Божью, во Божью церкву,
Во Божью церкву, ко злату вѣнцу.
Ай, у суда ли Божья голова болитъ,
Подъ златымъ вѣнцомъ ножки ломаются,
20. Ай, во бѣлыхъ во рукахъ свѣчи гасятся,
Ай, со ясныхъ со очей слезы катятся.

3.

(Тамъ же, въ окрестностяхъ города).

Во полѣ березонька стояла,

Во полѣ кудрявая стояла (2).
 Не кому въ чистомѣ полѣ гуляти,
 Бѣлую березку заломати. . .

5. Ужъ какъ я пойду, я загуляю,
 Бѣлую березку заламаю,
 Выломлю я три пруточка,
 Сдѣлаю я три гудочка,
 Въ четвертыхъ-то балалайку.
10. Стану въ балалаечку играти,
 Стану я стара мужа будити:
 « Ужъ ты встань, мой мужъ, проснись,
 « Старъ мой мужъ, пробудись!»
 « На тебѣ умоечки,—умойся,
15. « На ти рукотерничекъ,—утрися,
 « На тебѣ заслонка,—помолися,
 « На ти простокіша,—захлѣбнися!»

4.

[Въ Остречивахъ].

Не вырѣвшеи рябинушки
 Нельзя заломать,
 Не выросшеи дѣвушки
 Нельзя за мужъ взять.

5. Я пойду, рябину заламаю,
 Сдѣлаю я два гудочка,
 Стану я стараго будити:
 « Стань, мой старъ, пробудися,
 « Вотъ тебѣ помой—умойся,
10. « Вотъ тебѣ рогожа—утрися,
 « Вотъ тебѣ лопата—помолися.»
 Стану я малаго будити:
 « Стань, мой малъ, пробудися,
 « Вотъ тебѣ грязна вода,—умойся,
15. « Вотъ тебѣ тряпица,—утрися,
 « Вотъ тебѣ заслонка,—помолися!»
 Стану я ревнюшку (3) будити:

2. Припѣвъ: Ай люли люли кудрявая стояла.

3. Ревню.

- « Стань-ко, ревнюшка, пробудися,
« Тутъ есть ключева вода,—умойся,
20. « Вотъ тебѣ платочекъ,—оботрися,
« Вотъ тебѣ икона,—помолися.»
Старъ мужъ на руку ложится,
Словно колода валится,
Ревнюшка на руку ложится
25. Легче пера ли лебединаго;
Старый мужъ къ устамъ припадаетъ,
Словно смолой поливаетъ,
Ревнюшка къ устамъ припадаетъ,
Словно медомъ поливаетъ.

5 (*).

[Петрозаводск. уѣзда].

- Пойду прялицу хвачу,
На бесѣду покачу.
Ужъ какъ пѣтухи пропѣли,
Я сижу таки, сижу;
5. Ужъ какъ другіе пропѣли,
Я еще посижу;
Ужъ какъ третьи пропѣли,
Заря взошла,
Я домой пошла.
10. Ужъ я прилочку на лавочку,
Я башмачки подъ кровать,
Сама скокъ на кровать.
Еще старой мужъ,
Еще старой гужъ,
15. Пробуждается:
« Не теперь ли, жена,
« Изъ бесѣды пришла?»
— Охъ ты, старой мужъ,
— Охъ ты, старой гужъ!
20. — Я хочу млада скочить,
— Хочу печку затопить,

(*) Сравни. № 9 въ Черниговскихъ пѣсняхъ.

- Киселя-каши варить,
— Тебя старого кормить.
« А спасибо ти, жена!
25. « Не забыла ты меня. »
— Ужъ мнѣ какъ тебя забыть,
— Какъ бы вовсе избыть.—
Сама рученьку подъ шею
Подкладываю,
30. Сама петельку на шейку
Налаживаю.
Тутъ я милому въ окошко
Конецъ подала:
— Ты тани-тани, милой,
35. — Потягай, дорогой!—
Старое огущище не сорвется,
У старого шея не оторвется;
Еще старъ захрапѣлъ,
Будто спать захотѣлъ;
40. Рукамъ-ногамъ забилъ,
Будто чертъ задавилъ;
Еще лобъ залончилъ,
Глаза вытаращилъ.

6 [Петроз. уѣзда].

- Какъ за рѣченькой было за Невагою,
За другою рѣчкой Перебрагою,
Не полынь-трава во полѣ шаталася,
Зашаталася тамъ душа добрый молодецъ.
5. (Оповадился Ваня за рѣку ходить въ кабацъ,
Не въ кабацъ онъ ходить, къ цѣловальницы,
И не къ ней самой, къ ея дочери.
Я не дочь люблю,—сладку водочку,
Сладку водочку—все вишневочку.
10. Съ этой водочки онъ сдѣлался пьянешенекъ.) (4).

4. Въ другихъ вариантахъ, этой вставки съ 5 по 10 стихъ нѣтъ, и, въ такомъ неисконномъ видѣ, пѣсня представляетъ какъ бы лирическую варицію на начало былинны о Настасьѣ Королевичицѣ.

Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
Занесло его силою невольною,
Завела молодца неволюшка,
Чужа дальняя сторонушка,

15. Поневолела жизнь его (5) боерская,
Жизнь его боерская, служба государева:
Велика служба, служба съ утра день до вечера,
Съ утра день до вечера, часика до перваго.

7 (Вытегорск. уѣзда).

Веселая голова, широкая борода,
Не ходи мимо сада,
Милъ, дорожки не тори,
Худой славы не клади:

5. Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возметъ,
Ни приказный, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ;
Отцу—матери безчестье,
10. Роду—племени укоръ,
Съ плечъ головушка долой.
Мнѣ нельзя идти съ тобой:
Скажутъ матушкѣ родной,
Скажутъ такъ, скажутъ сякъ,
15. Скажутъ иначе вотъ такъ.
Скажутъ, въ садикъ была,
Рвала яблочки все наливчатые,
Наливчатые, все разсыпчатые.
Я на блюдо положила,
20. На серебряный поднось,
Ко милому относил
Во высокъ во теремъ.
Милый яблочки не приметъ,
Ничего не говорить,
25. Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ужъ я стукнула ногой,

5. Вар.: Наша.

Сама съ терема долой:

« Оставайся, чертъ съ тобой!

« Не ломайся надо мной,

30. « Надъ моей русой косой,

« Надъ дѣвичьей красотой,»

На ступененьку ступила, призадумалась,

На другую ступила, образумилась,

Ворочуся я назадъ,

35. Дружку выговорю,

Въ глаза выругаю:

« Ты послушай-ко, негодный,

« Погадай-ко, негодяй,

« Я за что тебя люблю,

40. « За что жаловать хочу?

« Что на ноженьку лежокъ,

« На босу ногу сапогъ,

« Во полночь гулять готовъ.»

[Эта пѣсня сообщена г. Петровымъ.]

8 (Петрозавод. уѣзда).

Плавала чарочка во сладкомъ меду,

Во сладкомъ меду у Николая въ дому.

Какъ у чарочки да у серебряной

Золотой у ней вѣнчикъ былъ;

5. А у Николая-то золотой ~~обычай~~ былъ,

Что ни ѣсть гдѣ, ни пьеть,

Гдѣ онъ сударь ни кушаетъ,

Онъ домой идетъ къ молодой жены,

Ко двору онъ подѣзжаетъ,

10. Молоду жену кличетъ:

« Александрюшка, встрѣчай,

« Ты Михайловна, встрѣчай!»

— Недосугъ, сударь, встрѣчати,

— Надо сына мнѣ качати.

15. — Ужъ я сынушка качаю,

— Перемѣну я начаю (6),

6. Надѣюсь.

— Я дочушку-то качаю,

— И гостибище (7) начаю.—

9 (Тамъ же).

Всѣ мужья до женъ добры,

Накупили женамъ тафты.

Мой мужъ не ласковъ до меня,

Не купилъ онъ мнѣ шелкова платка;

5. Онъ коровушку купилъ,

Мнѣ заботку снарядилъ.

Луише-бъ масла пудъ,

Да муки купилъ мѣшокъ.

Я-бъ стряпейку наняла:

10. Стряпеюшка постряпывала,

А я млада похаживала,

Каблучками приколачивала.

Вы бѣлильца, румянца мои,

Дорогія, новокупленныя,

15. Въ зелено вино разоженыя,

На бѣло лицо положеныя!

Вы скатитесь со бѣла лица долой:

Бдетъ добрый мужъ домой,

Любимыя подарочки везетъ,—

20. Шелкову плетъ несвистаную

На молоду жену избалованную.

10 (Тамъ же).

Ты отеческая дочь!

Не ходи гулять въ полночь,

Не ходи гулять въ полночь

Мимо моего двора,

5. Не прокладывай слѣда

Къ нову зелено саду.

Какъ у моего двора

Пріукатана, углажена гора,

Водою улита, каблучками убита.

10. Лишь я скокъ на ледокъ,

7. Мѣсто, куда ходить въ гости.

Окаянный башмачокъ,
Окаянный башмачокъ,
Поскользнулся каблучокъ,
Я упала на бочокъ.

15. Не слыхала, какъ упала,
Погляжу млада,—лежу
Я на правомъ на боку,
Помираю со смѣху.

И я глядь-поглядь,

20. Меня не кому поднять:
Шелъ дѣтина молодой,
Не женатый, холостой;
Я не знаю, какъ назвать,
Научилася солгать,

25. Его душенькой назвать:
« Ахъ ты, душенька-душа!
« Ужъ я радъ бы поднять,
« Со стороны люди глядятъ,
« Поимать меня хотятъ,

30. « Руки-ноги связать,
« Во солдатухи отдать,
« Во солдатухи отдать, —
« Отцу матери не ждать. »

11. [Тамъ же].

Я ходила по раменью,
Набрала беремя каменью.
За два камешка по грошику дала,
За цѣпочечку копѣечку,

5. Я связала мужу на воротъ, воротъ,
Спустила мужа во сине море.
Посмотрѣть было съ сарайныхъ воротъ,
Далеко-ль мой милый пловетъ.
Онъ пловетъ, воздохнется,
10. Молодой жены возмолится:
« Ужъ ты женушка-жена моя!
« Ты достанько изъ синя моря меня.

- « Буду всякія работы работать,
« По ночамъ буду ребятушекъ качать,
15. « По субботамъ буду баенки топить,
« Тебя милую въ баенку водить.»

12 (г. Петрозаводскъ).

- Ужъ какъ вздумалъ мой родитель-батюшко
Отдать-то меня, во солдатушки,
Во солдатушки во наборные полки,
Во наборные, принаполненные,
5. За небольшое за жалованьице:
По три денежки на суточки даютъ,
По полтинушкѣ на мѣсяцъ выдають.
Я не знаю, куда денежки дѣвать,
То-ли молодцу пропить ли, прогулять,
10. Али молодцу на картахъ проиграть.

13, 14.

Арханг. Воргозер. Поется при отпраздн. рекрута.

- Ты пеки, пеки, красно солнышко,
Ты свѣти, свѣти, свѣтель мѣсяцъ,
Ты со чистыми со звѣздами,
Ты со свѣтлою со луною,
5. Чтобы намъ старикамъ-ворамъ-мироѣдамъ,
Чтобы видно было на кабацъ итти,
На кабацъ итти да дума думати:
У богатаго взять,—не отдать,
У бѣднаго взять,—дакъ раззорити.
10. Есть за рѣченькою, за рѣкою,
У вдовушки у старушки
Одинъ-одинакой сынъ Иванушко,
Намъ того отдать да во солдаты:
Онъ хорошъ-пригожъ да уродился,
15. Онъ дѣвушкамъ да прилюбился,
Онъ всему міру да пригодился.

Конецъ III-й части.

8. Эта пѣсня сообщена торгующимъ крестьяниномъ Я. Гуннымъ, который замѣчаетъ: Пѣть эту пѣсню собираются со всего селенія старые и молодые; родные поютъ, а прочіе слушаютъ и плачутъ.

ЗАМѢТКА СОБИРАТЕЛЯ.

З А М Ъ Т К А.

Пошелъ Добрынюшка во почестный пиръ,
Садился Добрынюшка на упеченку,
Началъ въ гусли наигрывать,
Первый разъ игралъ отъ Царяграда,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывать,
Все свое похождения разсказывать.

III, 18, 156—161.

Третья часть этого сборника заключаетъ въ себѣ былевья пѣсни, заплачки и бытовые пѣсни.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены новыя былины о богатыряхъ Самсонѣ и Святогорѣ, женидбѣ князя Владимира, Чурилѣ Пленковичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ и Михайлѣ Данильевичѣ, Иванѣ гостиномъ сынѣ, о нашествіи татаръ (35, 38), Терентѣ мужѣ Данильевичѣ, о неразсказанномъ снѣ, подсолнечномъ царствѣ и каково птицамъ жить на Руси и за моремъ; новыя варианты о Ильѣ Муромцѣ (№ № 5, 8, 9, 10), Добрынѣ (15 и 18), Хотенѣ Блудовичѣ, Дюкѣ (29, 50), Чурилѣ (24), Садкѣ (41), Кострюкѣ, Гришкѣ Отрепьевѣ и царѣ Саламанѣ; пѣсни историческія и былевья о девяти братьяхъ и сестрѣ и о смерти княгини Михайловны. Изъ вариантовъ былинь многіе болѣе или менѣе извѣстны; но въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго эпоса еще такъ мало сдѣлано, что я считаю необходимымъ печатать цѣликомъ пересказы, лишь бы они были интересны въ какомъ нибудь отношеніи. Изъ печатаемыхъ въ III ч. иные замѣчательны по своей художественности (напр. 10, 13, 14, 15).

II.

16, 24, 27, 29 и др.), иные содержатъ неизвѣстные эпизоды (*) или по крайней мѣрѣ передаютъ подробности, которыя даютъ средства къ опредѣленію первобытнаго вида былины и прибавляютъ новыя данныя къ содержанію ея и всего цикла, къ которому она относится (**).— Такъ въ пересказѣ о Хотенѣ (№ 28) поединокъ за Офимью Часовичну происходитъ между девятью Часовичами и паробкомъ Хотена, а самъ богатырь во время боя спитъ себѣ въ шатрѣ. Такое представленіе борьбы за Часовичну повело въ своемъ развитіи къ насмѣшливому вообще взгляду на Хотена: въ вариантѣ, напечатанномъ въ извѣстіяхъ II отд. Импер. Академіи наукъ, Хотенъ является не могучимъ героемъ, отъ одного удара котораго цѣлый теремъ слетѣлъ по окнамъ прочь, а трусоватымъ нѣженкой, за котораго въ минуту опасности вынужденъ дѣйствовать его наперстникъ. Два варианта (№ 15 и 52) были уже напечатаны въ 1-й части; я ихъ перепечатаваю снова, потому что на этотъ разъ успѣлъ записать ихъ съ живой рѣчи пѣвца, а вслѣдствіе этого объяснились инныя непонятныя выраженія (***), № 15 дополнился важными подробностями (ст. 175—245) и № 52 возстановился во

(*) Прим. къ № 4, № 11, ст. 162—183, № 15, 115—212, № 30, 335—393.

(**) № 6, 19—45, 90—93, 123—130, № 7, 15—35, 65—70, № 11, 17—20, 60—152, № 12, 20—81, № 13, 65—159, № 18, 95—102, 115—125, № 17, 61—88, 213—227, № 16, 30—37, 130—137, 155—157, № 19, 57—60, № 23, 75—110, № 26, 45—56, № 29, 1—50, 90—110, 128—180, 350—356, № 30, 12—19, 89—92, № 31, 1—10, 35—51, 181—195, № 32, 68—70, 79—82, 89—93, 125—160, № 37, 100—110, № 39, 90—101, 135—164, 185, № 40, 14,—26, 96—119, 137—147, 155—165, № 56, 164—175.

(***) Напр. 61, на Русь возмю, оказалось: въ нору спасу.

III.

всей своей художественности. Некоторые из печатаемых вариантов, хотя и близки къ напечатаннымъ прежде; однако именно вслѣдствіе этого могутъ послужить пособіемъ къ разрѣшенію вопросовъ объ участіи личнаго творчества въ былевой поэзіи и о томъ, въ какой степени сохранился въ наше время первобытный видъ былинъ (*).

Второй и третій отдѣлы этой части, помимо своего значенія для этнографіи края, покажутся быть можетъ любопытными и для изслѣдователей вообще народнаго быта. Если былевая поэзія переноситъ насъ въ далекое прошлое и открываетъ намъ народное земское представленіе о русской исторіи и о тѣхъ идеалахъ, которые созданы ея теченіемъ въ сознаніи народа, то заплачки и бытовые пѣсни знакомятъ со взглядомъ русскаго чело-вѣка на явленія его семейной и обыденной жизни. Въ пѣсни исчерпанъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать крестьянину, какъ члену семьи и общины. Начиная отъ колыбели, пѣсня провожаетъ русскаго чело-вѣка до дѣтскихъ игръ, къ забавамъ молодыхъ лѣтъ, къ первому пробужденію любовнаго чувства; она въ трогательныхъ образахъ представляетъ дѣвушкѣ горькій переходъ отъ дѣвичьей воли къ замужнему безволю; но она же подсказываетъ мужу и женѣ задушевные рѣчи любви и учитъ ихъ убаюкивать и утѣшать будущаго ребенка; пѣсня оживляетъ тяжелую будничную работу на страдахъ въ непогоду и зной, и въ душной избѣ при свѣтѣ лучины, и праздничный отдыхъ въ хороводѣ или на бѣсѣдахъ. Подростутъ у крестьянъ дѣти, и таже пѣсня проводитъ сына на службу государеву и дочь на чужую сторону, и ста-

(*) Ср. № № 78, I ч, 49, 50, II и 53 III; 61, 62, 63 I и 42 III; 53, 54 I; 34 II; и 32, 33 III; 25, 26, 27 I; 6, 7 II и 16 III; 28 I, 4 II и 19 III; 30, 31 I, 10 II и 21 III; 47, 48, 49, 50 I, 27, 28, 29, 30 II и 30, 31 III; 46, и 47, 59 и 60. III ч.

IV.

рика отца со старухой матерью, съ которыми дѣти разстанутся навсегда въ этомъ свѣтѣ.

Второй отдѣлъ заключаетъ заплачки на свадьбахъ и похоронахъ; третій бесѣдныя пѣсни Заонежья, бытовья разнаго рода, пѣсни Черниговской и Олонецкой губерній. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ № № I. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 17, II. 1, 2, 3, 8, 9, 10, 12, 20, 21, III. 2, 5, 6, 8, 11, 12, 13 и 14, сколько мнѣ извѣстно, печатаются въ первый разъ; изъ нихъ пѣсни I. 1, 2, 4, 6, 12, 17, II. 3, 8, 10, 12, III. 2, 8 замѣчательны въ художественномъ отношеніи. По отношенію къ быту содержаніе пѣсенъ можно выразить слѣдующимъ перечнемъ: выборъ мужа дѣвушкою I. 13, II. 4; поѣздка молодца за невѣстою I. 1; припѣвка жениху и невѣстѣ I. 4; страхъ невѣсты передъ вѣнцомъ III. 2; жена, по пріѣздѣ въ мужнинъ домъ, справляется съ мужниною роднею II. 8; мужъ вынужденъ поучить жену II. 11, III. 9; жена покоряется мужу II. 6; семейное счастье III. 8; неудачливые браки: старый мужъ и молодая жена, которая вырвалась изъ заперти на волю—II. 1, 2, 3, трагическая развязка этого II. 9, III. 5, мужъ пьяница издѣвается надъ женою I. 21, но за это иногда оказывается въ непріятномъ положеніи I. 5, II. 12, гуляивая жена издѣвается надъ безхарактернымъ мужемъ I. 13, II. 4.—Жалоба дѣвушки на свою красоту I. 2, любовь I. 12, III. 10, ссоры любовниковъ I. 10, 15. III. 7, горестъ разлуки I. 16; разгулъ молодыхъ силъ I. 3, 6, 8, 9, 17, 20; отдача въ рекруты члена семьи III. 14, горькая доля рекрута III. 6, 12.

Въ концѣ части я счелъ нужнымъ помѣстить, кромѣ дополненій и поправокъ къ первымъ двумъ частямъ, объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ.

—

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя

V.

просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому. Я понималъ всю справедливость этихъ требованій, но не могъ удовлетворить имъ тогда потому, что, по разнымъ причинамъ, мои свѣдѣнія о сказителяхъ были еще очень отрывочны и ограничены, выводы изъ нихъ были бы преждевременны и односторонни, а между тѣмъ не представлялось возможности скорѣе заготовить матеріалами для разъясненія сомнѣній. Во первыхъ, поѣздки мои были слишкомъ рѣдки и не продолжительны, а пѣвцы индѣ разсѣяны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Матеріалы для цѣлаго 1-го тома и части второго были собраны въ теченіе какихъ нибудь 9 или 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ пришлось проѣхать болѣе 2000 верстъ отъ Петрозаводска черезъ Заонежье до границъ Архангельской губерніи на сѣверъ и Вологодской губерніи на востокъ. Во вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскій человѣкъ не любитъ, что бы на первыхъ порахъ знакомства слишкомъ интересовались его личностію; потому я довольствовался тѣмъ, что мнѣ сказывали былины, и не вдавался въ распросы пѣвцовъ о ихъ житѣ-бытѣ. Въ третьихъ, само собой бросалось въ глаза, что лучшіе изъ пѣвцовъ уже старые люди и дряхлѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Учителя ихъ, которые, по ихъ же разсказамъ, знали о богатырствѣ больше и лучше ихъ, почти всѣ перемерли, и та же участь каждую минуту грозитъ лучшимъ представителямъ теперешняго поколѣнія сказителей. Я понималъ, что драгоцѣнныя сказанія могутъ не нынче-завтра навсегда погибнуть, и торопился записывать уцѣлѣвшее. Наконецъ признаюсь, я самъ былъ подавленъ богатствомъ собираемаго матеріала, мной завладѣли новые для меня народные образы, какъ будто спѣшившіе на смѣну одинъ другаго,—и памятники былевой поэзіи заслонили отъ меня тогда ихъ хранителей и передатчиковъ. Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собиралъ и за-

VI.

писывалъ былины, расскажу со всей подробностью (*) о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся.

Въ теченіи 1859 г. изъ разговоровъ съ Петрозаводскими старожилами я узналъ, что въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи сохранилось много любопытнѣйшихъ и древнихъ обычаевъ, повѣрій, преданій, былинъ и пѣсень. Въ подтвержденіе этихъ рассказамъ, указывали на историческія и этнографическія данныя, напечатанныя въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, между прочимъ на двѣ былины о богатыряхъ Соловьѣ Будиміровичѣ и Васильѣ пьяницѣ. Въ томъ же году мнѣ самому довелось прочесть въ рукописи нѣсколько старинъ, записанныхъ (какъ я узналъ впоследствии) со словъ крестьянскаго портнаго Бутылки, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда.

Съ зимы 59—60 года я принялся самъ собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовые пѣсни, заплочки и духовные стихи. Къ записыванію этихъ матеріаловъ представила удобный случай первая поѣздка моя на Шунгскую ярмарку, Повѣнецкаго уѣзда (въ декабрь 59-го и въ январь 60 года), куда я отправился для собранія статистическихъ свѣдѣній. Здѣсь мнѣ рассказали, что въ старое время на эту ярмарку постоянно приходило много каликъ: они садились, бывало, у погоста и пѣли духовные стихи, а толпы проѣзжихъ собирались ихъ слушать и подавали имъ посильную милостыню. Но съ 50-хъ годовъ, неизвѣстно почему, земская полиція стала гонять убогихъ пѣвцовъ съ погоста и не позволяла имъ больше пѣть на улицахъ. Только по особенному моему настоянію, сотскій съ великимъ трудомъ отыскалъ двухъ каликъ (одинъ изъ

(*) Этотъ эпизодъ поѣздокъ моихъ былъ напечатанъ отчасти въ губ. Олонец. вѣдомостяхъ и въ Днѣ.

УІІ.

нихъ слѣпой Иванъ былъ родомъ изъ Купецкой волости Пудо-
жскаго уѣзда, другой изъ Кузараңды Петрозаводскаго уѣзда) и
привелъ ихъ на мою квартиру. Когда они пообогрѣлись и по-
разговорились, я началъ просить ихъ спѣть, что умѣютъ. Они
сперва было все отпѣкивались; но, когда я самъ прочелъ имъ
по памяти изъ «книги Голубиной», то и они завели сперва
одинъ стихъ, потомъ другой, и спѣли все, что знали. Въ эту
поѣздку, въ мартѣ 60 года и частью въ январѣ 61 г. записалъ
я отъ нихъ Алексія Божія человека, Агрикова сына Василія,
книгу Голубиную, Осипа Прекраснаго, Егорія Храбраго и т. п. (*)
Распрашивалъ я своихъ каликъ про былины, но они не умѣли
ихъ пѣть. Впрочемъ, Иванъ изъ Купецкой волости пообщался
выучиться старинѣ о Васильюшкѣ Игнатьевичѣ и передать мнѣ
ее, и дѣйствительно сдержалъ свое слово впоследствии, уже въ
январѣ 61 года. Исполняя просьбу каликъ, я упросилъ еще
въ 60 году земскаго исправника прекратить на нихъ гоненіе:
съ тѣхъ поръ они опять показались на ярмаркѣ, на своемъ мѣ-
стѣ у погоста, и снова стали пѣніемъ стиховъ испрашивать
мірское подаваніе.

Въ ту же поѣздку я познакомился съ Шунгской «воплени-
цей» или плакальщицей. Вопленица—это въ Повѣнецкомъ Зао-
нежѣ (**) такое же официальное общественное лице въ быто-
вой сферѣ, какое «уставщикъ» въ религіозной. Уставщикъ на-
блюдаетъ за чистотою религіознаго обряда и порядкомъ, а воп-
леница блюдетъ чистоту бытоваго обряда, обычая и порядка:
она руководитъ ходомъ свадебъ, похоронъ, поминокъ. Когда
невесту въ день порученья подводятъ «ко столу», плакальщица

(*) Все это помѣщено въ «каликѣхъ переходящихъ» г. Безсопова. Впоследствии въ Пе-
розаводскѣ, со словъ жены монастырскаго служителя изъ г. Пудожя, я составилъ неболь-
шой сборникъ духовныхъ стиховъ, отличающихся аскетическимъ складомъ рѣчи.

(**) Въ Повѣнецкомъ Заонежѣ уваженіе къ обрядности доведено до крайней степени,
вслѣдствіе сильнаго развитія старообрядчества и близости Выгорѣцкихъ обществъ.

VIII.

идеть сзади ея и поетъ жалобныя заплачки, въ которыхъ высказываетъ всю горестъ разставанья молодой дѣвушки съ родителями, родомъ-племенемъ, и весь страхъ неизвѣстности при переходѣ «къ чужимъ чужаппнамъ», «на остудушку чужую на сторонушку». Плакальщица провожаетъ невѣсту къ ея роднымъ, у которыхъ она тоже должна выплакать свое горе; плакальщица слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ подробностей вѣковѣчнаго обычая на свадьбѣ, оберегаетъ невѣсту отъ глаза, наговора, и окончивъ свое дѣло, оборонивъ, на сколько слѣдовало красную дѣвицу «отъ полоненія», какъ бы по необходимости продаетъ ее «измѣнѣ-разказу большому свату-тысяцкому». Въ дни похоронъ и поминокъ, она же подсказываетъ вдовамъ и сиротамъ жалобныя заплачки и высказываетъ «жалкимъ голосомъ» тяжесть разлуки съ милою «семеюшкою», «яснымъ соколомъ-брателкомъ» и другими дорогими «покойничками».

Моя знакомка была извѣстна по всему околodку подъ именемъ «правителя свадебъ». Заплачки ея имѣли такую славу, что ее приглашали даже въ Толвую, т. е. въ Петрозаводское Заонежье, гдѣ населеніе живое, воспріимчивое и съ поэтическимъ даромъ слова, гдѣ поэтому обыкновенно плакальщицы не играютъ важной роли: тамъ всякая почти женщина можетъ выплакивать свое горе въ импровизаціи-ли, подъ вліяніемъ собственнаго настроенія, или въ передѣлкахъ заплачекъ, переходящихъ изъ роду въ родъ и извѣстныхъ почти каждой большухѣ и старухѣ. Отъ этой Шунгской вопленицы записалъ я въ январѣ и мартѣ 60 года и въ январѣ 61 г. превосходныя свадебныя и похоронныя заплачки (*). Въ той же мѣстности на бѣсѣдахъ или вечеринкахъ мною были записаны пѣсни бѣсѣдныя. (**)

По о былинахъ покамeсть до меня доходили только слухи. Я

(*) Напечатаны въ этой части.

(**) Тоже напечатаны.

IX.

слышать на ярмаркѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ прѣзжихъ торговцевъ, что въ Олонецкой губерніи есть дѣйствительно люди, умѣющие пѣть и сказывать былины; но мои Шунгскіе знакомые мало интересовались этимъ родомъ народной поэзіи. Чиновникамъ мое любопытство казалося празднымъ, торговцы знать ничего не знали, кромѣ своего дѣла, а Шунгскіе туземцы смотрѣли на старицы даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь на столько, на сколько они причастны религіозной области и на сколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка.

Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частию относятся еще съ тѣмъ же настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблажнять». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей. Если въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украинѣ между Корелю и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Кіевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ. Впрочемъ, въ ту же побѣдку я слышалъ про отличнаго Повѣнецкаго переходжаго пѣвца: Бутылку, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста, ремесломъ крестьянскаго портнаго. Мнѣ сказывали, что Бутылда ходитъ по всему Заонежью, занимаясь портняжествомъ, то въ той деревнѣ, то въ другой; и во время работы постоянно поетъ былины. Въ ту пору ему должно было бы находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Страстно желая отыскать этого пѣвца, я бросилъ почтовый трактъ и рѣшившись воротиться въ Петрозаводскъ чрезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути я завертывалъ и въ Великую губу, и въ Сѣнную губу;

Х.

но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ слышалъ, что Бутылка уже ушелъ. Три раза впослѣдствіи я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 60 года переплывать въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 63 г. я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него же было записано прежде другими лицами.

Лѣтомъ 60 г. года я получилъ отъ мѣстнаго начальства официальное порученіе—собрать данныя объ источникахъ, изъ которыхъ составляются вѣдомости статистическаго отчета. Командировка эта представляла мнѣ возможность не только побывать въ уѣздныхъ городахъ Олонецкой губерніи, но и заглянуть въ деревенскій бытъ. Рѣшившись воспользоваться ею для собранія этнографическихъ матеріаловъ, я разсудилъ оставить почтовый трактъ и ѣхать по губерніи проселочными дорогами и водою. Это давало мнѣ средства всмотрѣться въ бытъ крестьянъ и отчасти избавляло отъ официальности. Извѣстно, какъ трудно добиться какихъ нибудь вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину», и тѣмъ болѣе чиновнику. Его званіе, подорожная, вся обстановка его ѣзды какъ-то не внушаютъ къ нему народнаго довѣрія; крестьянинъ всегда склоненъ къ подозрѣнію, что у чиновника есть, пожалуй, какое нибудь «касательное» до него дѣло, а если касательнаго дѣла и нѣтъ, то самая личность чиновника, его понятія, его привычки, дѣлаютъ его чужимъ для крестьянина. Неужели же, скажутъ иные, послѣ этого, для собранія этнографическихъ данныхъ, нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживание и подражанье, разумѣется, ни куда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это полезно для изученія народнаго быта въ Великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ Черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства. Но главное дѣло не въ платьѣ: надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенно-

XI.

стямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника, и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предрасудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкъ, получившемъ университетское образованіе и охотно расскажетъ ему все, что нужно.

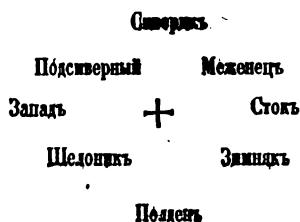
И такъ въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскъ и сталъ приискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполне потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ пріѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются къ Петрозаводску за мукою, а съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути, хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ соседей, которые за свою работу переѣзжаютъ даромъ до города или до дому. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль налаженъ кое-какъ, весла самодѣльные. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсыяно множество «лудъ» (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ «Пестьянъ» (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ пріятливымъ обращеніемъ и словоохотливостію, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую ничтожную 3 р. с., да и та предназначалась имъ для гребцовъ. Долго-долго дождался я «повѣтери»: нѣсколько дней, какъ нарочно, дулъ стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ

XII.

шелоникъ, западъ, или полдень (*). На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились нуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтаую и холодную весеннюю ночь мы простались съ баженымъ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгривался, и только къ утру, часовъ чрезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому, и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоитъ закопченная «фатера», домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, профѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хотъ было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашими поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ

(*) Вотъ названіе главныхъ вѣтровъ въ Онежскомъ краѣ:

ХІІІ.

отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидятъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Приосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михаила Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславѣвича, про Хотенушку Влудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ (*). Потому я напечаталъ въ послѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варианты, или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я въ послѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтя на Шуй-наволокъ.

На разсвѣтъ около костра собралось много проѣзжихъ, боль-

(*) Изъ записанныхъ отъ него въ разное время напечатано въ 1-й части подъ № № 8, 44, 63, 71 и 80 и III, 48, 49 и 63,

шею частію изъ-за Онеги: народъ все былъ пріятливый, радушный, велъ веселую бесѣду, держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ и, по врожденной вѣжливости, при первомъ свиданіи не разспрашивалъ о цѣли моей поѣздки. Я имъ самъ объяснилъ, что вотъ де ѣду по губерніи по ученому дѣлу:—для правительства нужны вѣрныя свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, о его прибыли и убыли, о его здоровьѣ и долговѣчности, наконецъ о его благосостояніи, и вотъ я за тѣмъ ѣду, чтобъ повѣрить, какъ эти свѣдѣнія собираются въ нашей губерніи. Крестьяне не только поняли мои слова, но даже одинъ изъ нихъ, грамотный крестьянинъ съ Пудожскаго берега, тутъ же объяснилъ мнѣ, что этихъ дѣловъ у нихъ изъ волости ежегодно требуютъ и становой, и окружной. «Ну, говорить, нашъ писарь (старшина-то нашъ неграмотенъ) сейчасъ и отпишетъ имъ, что слѣдуетъ».—Да откуда же онъ знаетъ?—«Нашему да писарю не знать: у него есть тоже подначальные писаря. Вотъ онъ съ ними посоветуетъ, да и отпишетъ, какъ ему надобно.»—Ну, а какъ ты полагаешь: пишетъ-то онъ правду?—«А кто его вѣдаетъ: по другимъ то дѣламъ онъ рѣдко пишетъ правду.» (**)

Когда крестьяне убѣдились, что у меня до нихъ ни какого «касательнаго» дѣла нѣтъ и что я совсѣмъ не полицейскій чиновникъ, то сдѣлались еще разговорчивѣе и сами повели рѣчь о разныхъ народныхъ повѣрьяхъ: въ короткое время можно было составить себѣ понятіе о цѣлой Заонежской демонологіи. (*)

Имъ совсѣмъ не казалось страннымъ, отчего я ихъ распрашиваю

(*) Вислѣдствіи, разсматривая статистическіе отчеты сельскихъ и волостныхъ правленій, я убѣдился, что многія цифры вѣдомостей дутыя, и что составленіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если полѣнится волостной писарь, то вѣдомости сочиняются сельскими писарями, а волостной ихъ передѣлываетъ по своему въ одно цѣлое; или же первоначально сочинитъ волостной писарь, а сельскіе стануть его произведеніе расписывать между собою. Чѣмъ выше административная уѣздная единица, тѣмъ болѣе безперечности въ обработкѣ этихъ самодѣльныхъ статистическихъ данныхъ. О дальнѣйшихъ результатахъ этого объяснено въ статистическомъ отчетѣ за 1862 годъ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

(**) Напечатано въ декабрскихъ нумерахъ Олонскихъ губ. вѣд. 1862 года.

XV.

про ихъ бытъ и повѣрья; потому что они убѣдились, что мнѣ хорошо извѣстны многіе ихъ обычаи и сказанія.

Пока мы бесѣдовали у костра, совсѣмъ разсвѣло, а попутнаго вѣтра все не было. Мои новые знакомцы стали меня уговаривать—проѣхать съ ними въ Заонежье (*) и оттуда уже переправиться къ Пудожъ-горѣ. «Сойма у насъ славная, ласково говорили они мнѣ, насъ цѣлыя три перемѣны гребцовъ, и мы тебя къ вечеру же представимъ въ Кижѣ.» Такой радушный откровенный народъ были эти Кижане, что меня такъ и потянуло побывать у нихъ въ Заонежьѣ. Сама собою у меня сложилась твердая увѣренность, что я найду тамъ много интересныхъ памятниковъ народной поэзіи, и явилась непремѣнная рѣшимость ихъ разыскивать. Не думая долго, я разсчитался съ прежнимъ хозяиномъ и сѣлъ въ сойму къ Ошевневу (такъ звали владѣльца новой соймы). Его лодка была поменьше старой, безъ палубы и вся завалена куями съ мукою. Гребцы были всѣ изъ сосѣдей или однопореченцевъ Ошевнева. Одни изъ нихъ работали веслами, другіе закусывали и весело перекидывались съ ними прибаутками, а третьи опочивали на куяхъ. Самъ хозяинъ все хлопоталъ объ угощеніи работниковъ и бабъ. Леонтіи Богдановичъ то присосѣдился къ гребцамъ и подзадориваетъ ихъ спѣть пѣсенку, то перейдетъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ заведетъ какую нибудь старину, то примется болтать съ бабами. Ему ужъ лѣтъ семьдесятъ съ хвостикомъ, а онъ все еще здоровый, крѣпкій мужикъ. Сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т. е. бывалымъ и работящимъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные про-

(*) Заонежьемъ называются расположенные за озеромъ Онегомъ Петрозаводскаго уѣзда погосты: Сѣногубскій, Кижскій, Великогубскій, Типиницкій, Яндомозерскій, Кузаранскій, Космозерскій, Толуйскій, Вырозерскій, Фоймогубскій, Карасозерскій, Мелогубскій и По-вънецкаго уѣзда Шунгскій и Челмужскій.

XVI.

мысли на Ладожское озеро, живалъ и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживалъ «со щетью» по деревнямъ. Хорошихъ дней въ жизни у него было немного. «Я голъ какъ соколъ, говорилъ онъ мнѣ, а семья—то у меня не малая: съ сыниной семьей десять ртовъ, десять животовъ.» Но при постоянныхъ неудачахъ никогда не покидала его веселость. И теперь онъ пѣлъ и заигрывалъ съ бабами, а у другаго бы кошки на сердцахъ скребли. Поѣхалъ онъ въ Петрозаводскъ за мукою, и подвернулся ему на грѣхъ «хорошій человекъ», и деньги на муку у него пошли «во царевъ кабакъ». Не смотря на это, онъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости и взялъ слово, что я ни у кого кромѣ его не остановлюсь. «Ты только заверни ко мнѣ, П. Н., говорилъ онъ, такъ я и самъ тебѣ былиннокъ напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежѣ. Повезу тебя по всѣмъ Кижамъ, по всѣмъ губамъ и по всѣмъ островамъ. Хошь мѣдную руду покажу, гдѣ она добывается, а захошь, такъ свезу на Святой наволокъ. Тамъ, П. Н., растутъ всякія полезныя травы, въ старое время ихъ и въ Питеръ брали.» При дружной греблѣ лодка живо подвигалась по водамъ озера (*), и къ полудню мы дошли къ лудѣ «Монаху», гдѣ считается половина пути отъ Петрозаводска. «Монахъ»—это длинная и узкая мель, едва-едва она поднимается надъ поверхностью воды; по срединѣ она разорвана большею третиною. Съ девятымъ валомъ волны шумно вливаются въ пропасть и съ шумомъ выливаются обратно въ озеро. Въ бурную погоду много лодокъ погибаетъ у этой мели.

Дорогой мы приставали еще къ островку Яръ-наволокъ и Гарницкой лудѣ, а къ вечеру въѣхали въ Кижскую губу. Онегомъ все дули холодные вѣтры, мѣстами еще плавали льдины: было холодно, и мы всѣ кутались. Кромѣ воды и неба ничего

(*) Прошу замѣтить, что Онего вѣдь это цѣлое море.

XVII.

не было видно: по крайней мѣрѣ, я, по близорукости своей, ничего не могъ разсмотрѣть въ дали кромѣ длинной полосы берега, который то приближался, то исчезалъ. Но какъ только мы вѣхали въ Кижскую губу, и воздухъ, и окружающая мѣстность измѣнились, какъ будто бы по щучьему велѣнью. Стаю тепло, гребцы распоясались и покидали кафтаны. Узкая полоса залива или лучше сказать пролива тянулась въ неизмѣримую даль. По обѣимъ сторонамъ его выступали гористые берега самыхъ причудливыхъ очертаній, они были изрѣзаны небольшими заливами, наполнены островами. Тутъ вдавалась глубоко въ берегъ за-берега, тамъ мы плыли «по тихой по заводи», а гдѣ тихая заводь, тамъ есть и «затресье», только въ маѣ мѣсяцѣ затресья были покрыты не зеленою «трестю», а бѣлою, высохшею отъ мороза и ломавшеюся отъ удара весель. По берегамъ видѣлись деревни, выселки и почины. Избы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надвинулись къ самой водѣ, и отъ нихъ нѣгдѣ въ озеро длинная «мостовица», куда пристають лодки. И надъ всѣмъ этимъ господствовала угрюмая, величественная сѣверная природа, синева сосенъ, суровое очертаніе скалъ, да извилины озера. Такъ плыли мы къ Кижскому погосту, а Леонтій Богдановичъ пѣлъ въ хорѣ:

Не кукушечка въ сыромъ бору скуковала,
Ай, не соловьюшко въ зеленомъ садочку жалко свищеть,
Охъ, добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно плачетъ.
Разтоскуйся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
Ужъ я самъ, ахъ, пошелъ, моя сударушка да сгоревался,
Ужъ пошелъ я, сгорѣвался-тосковался,
Охъ, маленекъ сынъ у батюшки пріостался.
Я родной-то своей матушки не вспомню,
А кто меня, спротинушку, вспоилъ-воскормилъ?
Вспоилъ-воскормилъ спротинушку православный міръ,
Вспоила добра молоца Волга матушка-рѣка,
Завила желты кудри красна дѣвица-душа.

Къ ночи мы подъѣхали къ деревнѣ Середкѣ. Ошевнень выса-

XVIII.

дигъ меня тутъ, а самъ поѣхалъ домой. Выходъ на сушу не обошелся безъ приключенія. Спутники разобрали мои вещи, чтобы перенести ихъ къ Леонтью Богдановичу. Дорожную сумку, гдѣ была записная книжка, немного чаю и нѣсколько па-чекъ съ сигарами, взяла ветхая старушка; а я ей наказывалъ лучше не брать: «ты молъ уронишь». И дѣйствительно, только вступила она на мостовище, какъ сумка вылетѣла у ней изъ рукъ и пала въ воду. Невольно у меня сорвалась съ языка: «Говорилъ тебѣ, бабушка, не брать. Эхъ, унеси ты!» Старуха чуть не взывала и стала мнѣ выговаривать. «Ахъ ты, мой жадобненькой, красное солнышко! ты зачѣмъ это выговорилъ? Дорожному человѣку нелице кликать лембоя. (*) Пришлось ее успокоивать, а Леонтій Богдановъ дорогой мнѣ объяснилъ, что за-клятіе дорожнаго человѣка дѣйствительно великое дѣло; что потъ ряпушка въ заливѣ около Кижей лѣтъ 25 не ловится и со-всѣмъ нейдетъ въ проливъ, а заклалъ ее тоже дорожный чело-вѣкъ. «Сидятъ это наши старики около костра, говорилъ онъ, и хлебають уху. И подходитъ къ нимъ пробѣзжій: вотъ они мѣ-стечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчивали. Сидятъ они и глотаютъ «вологу» ложка за ложкой а онъ смо-трѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, да и говоритъ. «Видно рыбки-то у васъ мало ставится, такъ и будетъ.» И съ той поры за ряпу-шкой ѣздимъ въ большое Онего.»

«Есть у насъ два такихъ сказителя, говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Л. Богдановъ, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонегѣ. Одинъ Козьма Ивановъ Романовъ, живетъ въ деревнѣ Лонгасы, въ Сѣнногубскомъ погостѣ, а ѣзды къ нему отселева на полъ-часа времени; другой Трофимъ Григорьевъ Рябининъ изъ нашей же деревни Середки.»—Свези-ка меня завтра же къ этому Рябинину.—«Нѣтъ, П. Н., мнѣ по утру не слободно, да и надо сначала мнѣ къ нему навѣдаться: му-

(*) Неличе-неприлично, лембой-чертъ [корельское слово.]

ХІХ.

жикъ онъ гордый и упрямый. Коли его напередъ не уломать, такъ ты ничего отъ него не добьешься.»

Леонтій ушелъ рано изъ дому и, воротившись домой къ пабедю, объявилъ, что Рябининъ придетъ сегодня же къ нему въ избу. Днемъ я бродилъ по деревнѣ и перезнакомился съ многими однодеревенцами Леонтія, а вечеромъ они цѣлою гурьбою пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстные преданія о панахъ, о Петрѣ Первомъ, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшою сѣдьющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. «Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ», сказалъ мнѣ Леонтій.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я разсказалъ Рябинину про любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомънибудь богатырѣ. «Негоже нонѣ сказывать мірскія пѣсни, отвѣчалъ онъ, нонѣ постъ: набѣ стихи пѣть.» Тутъ, какъ съумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. «Въ стихахъ, Т. Г., говорилъ я, поютъ, въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказываютъ о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: «Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.»—Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣнье предъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно, я записывалъ на черно; а когда онъ кончилъ, я попросилъ его спѣть и по пѣтому поправилъ свою записъ. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиною десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но уди-

XX.

вительное умѣнье сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, за тѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, бояринѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣдующіе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда разсказывалъ вкратцѣ подвиги богатырей; а Рябининъ тутъ же принималъ былицу, или же предлагалъ вмѣсто нея слѣть другую: «Этой я, П. П., незнаю, а вотъ спою тебѣ про Вольгу Свято-славича.» Бывало и такъ, что онъ по долгу отказывался завести иную былицу, потому де что всея не помнилъ. Напр., изъ старины о Садкѣ и одного варіанта о Потыкѣ (№ 35, I ч.) онъ зналъ только начало.

По хозяйству, Рябининъ «полномочный крестьянинъ»: у него хорошій участокъ земли; по главный его промыселъ рыболовство, доходами отъ котораго онъ уплачиваетъ подати и кормитъ большую семью, которой на годъ не достало бы своего хлѣба при скудныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей у Рябинина было нѣсколько: инымъ былинамъ онъ научился отъ великаго сказителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то Петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напр., было записано, какъ Добрынюшкѣ покрутъ понадобился для князя Владиміра, и какъ этотъ богатырь ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ тогоже Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ-Федорѣ Ивановѣ и сынѣ Вла-

диміровомъ (*). Ино главный наставникъ Рябинина былъ Илья Елустаѣевъ, память о которомъ и теперь сохранилась въ Кижской водости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежьи и во всей Олонецкой губерніи. Зналъ онъ несчетное множество былинь и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: «А ну, Илья Елустаѣевичъ! спой-ко намъ былину.» А онъ на мѣсто отвѣтитъ:—Положи-тко полтину, я и спою былину.—Тутъ кто нибудь изъ богатыхъ выложитъ ему полтину, и станетъ Илья Елустаѣевичъ сказывать. Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знаніе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Іеву. Отъ этого Іева Ильина нѣсколько былинь перешли въ наслѣдство внуку Ильи, Терентію Іевлеву.

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженіе и удивленіе къ своему знанію былевой поэзіи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣлъ и

(*) Галькъ натхалъ на славенъ Кіевъ градъ, грозилъ помечь его и вызывалъ къ себѣ поединщика. Богатырей въ Кіевѣ не случилось, и вызвался на бой извѣстный молодецъ. А былъ онъ младшій сынъ Владиміровъ, отъ отца онъ скрывался почему-то и не показывалъ ему патрета (т. е. не понималъ забрало у шелома). И говоритъ онъ отцу: «Владиміръ князь стольно-Кіевскій! набери-ка мнѣ добра коня богатырскаго, дай доспѣхи крѣпкіе, палицу венскую, кошы мурзавецкое и ножище-княжатище.» Сразился тутъ богатырь къ бою, выѣхалъ во славное разольище-чисто поле, сѣхался съ Галькомъ-незѣрнымъ, и начали они между собой драку великую. У нихъ палицы приложились, востры коня притупились, и билась они боемъ рукопашечнымъ, и упали оба наземъ. Какъ Владиміровъ сынъ былъ посуровѣе, то первый скочилъ на ноги, наступилъ Гальку на бѣлую грудь и закололъ его ножищемъ. Тутъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, заходилъ къ палатѣ княжатищѣ къ отцу, своротилъ наконецъ шелома и показалъ отцу патрета.

сказывалъ былины безъ умолку. «Еслибъ ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы, мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали.» У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смысленный старикъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, по содержанию помнитъ одну-двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елустаѣева и иныхъ знаменитыхъ сказителей. Отъ того Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.—Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашеніе Леонтія сказывать передъ пріѣзжимъ и впослѣдствіи, не смотря на мои усиленныя просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я, на разставаньи, подарилъ его большухъ платокъ, то онъ сейчасъ же отдалъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить какъ пріемъ подарка, такъ и свое отдаренье: «Когда, П. Н., пріятели расстаются на долго, то у насъ въ обычаѣ дарить другъ другу на память даровья.» (*)

На третій или четвертый день пріѣзда своего въ Кижы, я съѣздили съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскали

(*) Слово гордость не истощиваетъ характера Рябинина къ ней присоединяется деликатность: такъ что это свойство въ немъ слѣдуетъ называть уваженіемъ къ самому себѣ и къ другимъ. Для характеристики этого самоуваженія разскажу здѣсь случай изъ его жизни: одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ прежняго времени попросилъ съ него взятку за какое-то дѣло; Рябининъ не далъ. И случилось чиновнику этому прѣзжать чрезъ деревню Середку. Какъ онъ зашелъ Рябинина, такъ и бросился къ нему съ поднесенными кулаками, Т. Г. спокойно отстранялъ его прочь отъ себя и зашѣпталъ ему суровымъ голосомъ: «Ты, Ваше Благородіе, это отставъ: я по уйма дѣламъ никому еще должокъ не оставался.»

XXIII.

Козьму Пванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда, въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передалъ ему, какъ много былины я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже рассказать мнѣ что нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былинну за былинною, началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостнаго писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и третій сталъ темень глазами. Старикъ онъ добраго нрава, изрѣдка только капризничаетъ, какъ малое дитя; лѣта свои онъ немного утаиваетъ и, по разговорамъ его, не прочь даже отъ женитьбы: ему де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябинину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подаишемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. Участокъ у него занимаютъ и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбереженная копѣйка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственные его руки давали по четыре, по пяти руб. сер.; а онъ, въ слѣдующій прїѣздъ, увѣрялъ меня же, что ему «былъ даденъ въ тѣ поры одинъ только рубль.»

Пѣть научился Романовъ отъ рыбака Федора Яковлевича и Ильи Елустаевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе строе, Хотена, Дуная, Упава добра молодца и Добрынюшку. Встарину, по рассказамъ его, соберутся бывало старики и

XXIV.

Бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Пля Елустаѳевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пронесутъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повучился старинамъ.

Къ Рябинину Козьма Пвановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. «Въ прежнее-то время онъ де знать самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинокъ. А нынѣ люди, поди, толкуютъ, Рябининъ молъ сталъ первымъ сказителемъ.» Старикъ совсѣмъ забылъ, что Пля Елустаѳевичъ пѣлъ не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

Знакомство мое съ Козьмою Романовымъ и Рябининымъ не кончилось этимъ разомъ. Хотя въ слѣдующія поѣздки мнѣ удавалось быть въ Заонежьѣ рѣдко и только проездомъ, однако я всегда успѣвалъ видѣться съ старыми моими знакомцами, и не безъ пользы для своего сборника. Такъ въ январѣ 1861 года я записалъ отъ Романова 5 былинъ (№ № 75 I ч., 18, 22, 42, и 54 II ч.). Сверхъ того, оба пѣвца пріѣзжали въ Петрозаводскъ: Рябининъ очень рѣдко для покупки хлѣба, а Романовъ раза два въ годъ и болѣе для получки изъ Думы пособія. Всякой разъ оба они заходили ко мнѣ и всегда почти пѣли свои былины «на послушанье моимъ знакомымъ»; а я между тѣмъ провѣрялъ свою запись, пополнялъ пропуски и окончательно устанавливалъ текстъ пѣтыхъ ими варіантовъ.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнятъ Романовъ и Рябининъ. По крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ свиданій, какъ ни старался я нагнети пѣвцовъ на слѣдъ какой нибудь еще неизвѣстной мнѣ былины или побывальщины, уже не могъ отъ нихъ добиться ничего новаго. Въ 1862 году Романовъ припомнилъ только, что разъ онъ слышалъ отъ Пля Елустаѳевича старину о томъ, какъ дѣвица Кайдаевна (т. е.

Маринка) вынуждала—взять себя за мужъ—Добрынюшку, который загулялъ на ея подворье и заглянулъ въ ея окошечко: «Ежели же не возьмешь за мужъ за себя, спущу тебя въ чисто поле туромъ—золотыя рога.» Припомнилъ онъ еще смутно о борьбѣ Ильи и Идолища. Спрашиваетъ Идолище: «А каковъ у васъ Шейко на святой Руси, по многуль Шейка хлѣба ѣсть, по многуль пьеть зелена вина?» Отвѣтъ держитъ калика перехожая:—А ѣсть хлѣба *во славу Божию*, а пьеть чару *честную*:—И возрадовалось Идолище поганое: «Пѣть сильнаго могучаго богатыря!»

Кромѣ этихъ двухъ сказителей, я видѣлся въ первую же поездку съ нѣкоторыми другими и разузналъ про многихъ какъ изъ Заонежья, такъ и изъ иныхъ мѣстностей. Записать былины въ ту пору привелось только отъ четырехъ лицъ: Щеголенкова и его племянницы, отъ одной молодежи и отъ старухи изъ Великогубскаго погоста. Къ первому сказителю, въ дер. Боярщину, меня свезъ А. Богдановъ. Щеголенковъ, бродячій крестьянскій портной, (*) шилъ въ ту пору платье для Кижанина въ его избѣ и за работою распѣвалъ былевые пѣсни. Онъ охотно согласился передать мнѣ, что знаетъ, и первый познакомилъ меня съ превосходной былиною: «Каково жить птицамъ на Руси и за моремъ.» Онъ же уговорилъ свою племянницу, такъ называемую «монастырку» изъ Данилова, которая пришла въ гости въ ту же избу, сгѣть мнѣ о царѣ Саламанѣ, о Василѣ Буслаевѣ (Иванѣ Гудиновѣ) и о Кощѣ Трипетовѣ. Изъ Боярщины я поѣхалъ кататься на сѣверъ, между Кижскимъ островомъ и «Горою», (**) и здѣсь Леонтій завезъ

(*) Онъ сталъ заниматься портняжествомъ, потому что слабъ здоровьемъ для земледѣльческой крестьянской работы.

(**) Материкомъ.

меня къ своему знакомому, «у котораго де невѣстка кое-что малтаеть.» Мы пристали къ берегу и зашли въ избу. И большакъ-свекоръ и мужъ, его сынъ, предложили, по просьбѣ моего путеvodителя, молодой женщинѣ спѣть старину. Пѣвица какъ будто застыдилась и сначала отпѣкивалась отъ пѣнія; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мнѣ о Домнѣ Александровнѣ, Гришкѣ Растрижкѣ и Чурилѣ (№ № 46, 79, 69 I части). Тутъ я въ первый разъ узналъ, что у женщинъ есть свои «*бабы старины*», которыя поются ими съ особенною любовію, а мужчинами не такъ-то охотно; по крайней мѣрѣ, Никифоръ Прохоровъ изъ Купецкой волости Пудожскаго уѣзда, обозвавъ приключенія Ивана Годинова бабьей стариною, началъ мнѣ сказывать про этого богатыря не иначе, какъ послѣ особеннаго упрaшиванья. Къ числу такихъ бабьихъ старинъ принадлежатъ былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ, о Дмитріѣ Василевичѣ и Домнѣ Александровнѣ, о князѣ Михаилѣ, о Хотенѣ, Иванушкѣ Годиновѣ и Костроукѣ. Варіантъ о послѣднемъ былъ мнѣ переданъ старухой Великогубскаго погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ постояннымъ моимъ спутникомъ Леонтіемъ, она объявила мнѣ, что знаетъ одну старину и спѣла мнѣ ее, уговорившись напередъ, что получить за это пятиалтынный.

Пѣвицы знали по двѣ—по три былины, больше ихъ былъ свѣдуецъ Щеголенковъ, но многіе изъ его варіантовъ не представляли ничего интереснаго; потому я ихъ не напечаталъ. Въ ту же первую поѣзду я узналъ о хорошихъ пѣвцахъ: Терентіи Іевлевѣ, Андреѣ Сарафановѣ, П. П. Корниловѣ, Прохорѣ съ Волкострова и Федотовѣ. Очень мнѣ было интересно повидаться съ Терентіемъ Іевлевымъ, внукомъ Ильи Елустаѣева, но на этотъ разъ никакъ не удалось: человекъ онъ не очень старый, можетъ быть лѣтъ 50, но угрюмый и своенравный, а незнакомыхъ просто избѣгаетъ. Такая неюдимость отчасти объясняется тѣмъ, что онъ живетъ гдѣ-то въ Яндомозерѣ или Кос-

XXVII.

мозерѣ въ *запискахъ*, т. е. въ высылкѣ, устроенномъ имъ самимъ на разпаханной подсыбѣ. Уже въ сентябрѣ 1861 г. довелось мнѣ записать отъ него въ избѣ Леонтія отрывки былинь о Вольгѣ (II, 1), Васильѣ Буслаевѣ (II, 32) и начало о Дунаѣ (II, 12); всѣ эти варианты чрезвычайно любопытны; но изъ Вольги онъ зналъ только нѣсколько стиховъ, Василій Буслаевъ у него какъ-то не ладился, а Дуная онъ не досказалъ, потому де что усталъ, и пообщался выучить концу Л. Богданова. Дѣйствительно, я записалъ конецъ этой былины отъ Леонтія, которому Терентій подтвердилъ эту старину въ лодкѣ, на дорогѣ изъ Петрозавдска въ Кизи, и который, вѣроятно, старался въ точности передать слова соста. Но Леонтій—старъ, забывчивъ, не договариваетъ рѣчи, и все это, вмѣстѣ съ личной его манерой, отразилось въ его пересказѣ. Какая разница въ стилѣ и пошибѣ между началомъ № 12 до 133 стиха и концемъ! Изъ сравненія этихъ первыхъ 132 стиховъ съ № 13 I части, оказывается, что Козьма Ивановъ Романовъ (*) перенялъ Дуная отъ Пли Елустаѣева, такъ что намъ сохранилась въ двухъ пересказахъ былина почти въ томъ же видѣ, какъ ее пѣлъ Елустаѣевъ въ XVIII столѣтіи.

Отъ Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успѣлъ ни разу видѣться съ нимъ, и принужденъ былъ удовольствоваться записью отъ него писаря Лысанова интересныхъ вариантовъ о Чурилѣ и Хотенѣ (III, 25 и 28) и № № 4 и 215-го III части. О личности этого пѣвца знаю только, что онъ человекъ уже немолодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ и живетъ въ деревнѣ Гарницахъ. Петра (**) Иванова Корнилова изъ деревни Курганицы я узналъ уже въ 1862 году

(*) Вариантъ Рябишпа [№ 31 I части], близкій по содержанію своему съ № 91 III части, вѣроятно, перенятъ Трофимомъ Григорьевичемъ отъ дяди его, Игнатія Андреева.

(**) Петра или Семена, не упоминаю хорошенько.

XXVIII.

Это слѣпой старикъ лѣтъ пятидесяти, живетъ въ своей избѣ съ родными и кормится доходами съ участка, который отдаетъ въ наемъ: участокъ у него очень хорошій и приноситъ ему порядочный доходъ. Пересказы пѣтыхъ имъ былинь очень интересны; къ сожалѣнiю, усталость съ дороги заставила меня замѣниться грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который наобѣщаль Леонтию списать все, а прислалъ только три отрывка (№ 60, 61 II ч. и прим. къ № 59 III части) и былины о Сокольникѣ и Васильѣ Пгнатьевичѣ (№ 64 и 65 II ч.). Отъ родственника Л. Богданова, Ѳедотова, въ 1863 г. въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, я записалъ все, что зналъ этотъ пѣвецъ, т. е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился онъ былинамъ у какого-то Конона съ Зѣлыхъ Нивъ. До Прохора съ Волкострова я не могъ добраться до сего дня.

Внѣ Заонежья, на Пудожскомъ берегу, три пѣвца были на первый разъ цѣлью моихъ поисковъ: Бутылка изъ Пудожгорскаго погоста, Гаврила Амосовъ изъ дер. Уной губы Уножскаго погоста и старикъ изъ дер. Марнаволока, про котораго мнѣ рассказывали, будтобы онъ знаегъ былину о полѣткѣ Рогнѣды отмстить Владимиру за смерть отца ея (*). Поэтому изъ Заонежья я переплылъ въ лодкѣ Леонтія Богданова черезъ Онегу на Пудожское побережье и проѣхалъ водою вдоль послѣдняго до Пудожгорскаго погоста; но не захватилъ ни одного изъ сказителей на мѣстѣ: Марнаволоокскій старикъ уже умеръ, Бутылка и Амосовъ были въ отлучкѣ. Хотя поиски мои были и напрасны, за то, во время ихъ, я успѣлъ нѣсколько узнать Пудожское побережье и прійти къ убѣжденію, что населеніе его одного происхожденія съ Заонежанами и, подобно имъ, сохранило въ своей памяти множество преданій и сказаній, и что слѣдовательно здѣсь можно рассчитывать на интересныя находки по быле-

(*) Безъ сомнѣнія, чиновникъ, передавшій мнѣ объ этомъ, подъ вліяніемъ школьных вѣсломаншій думалъ видѣть Рогнѣдшу мѣсть въ какой нибудь выходкѣ книжки Атраксін.

XXIX.

вой поэзии. И действительно, уже въ Песчанскомъ погостѣ, въ дер. Большомъ дворѣ, мнѣ назвали одного крестьянина, какъ бойкаго пѣвца. Я послалъ было его звать къ себѣ; но посланецъ воротился съ извѣстіемъ, что пѣвецъ боленъ и не можетъ выйти изъ дому. Заподозривъ тутъ какое-то недоразумѣніе, я отправился верхомъ къ дому больного и спрашиваю встрѣчнаго мужичка, не тутъ ли живетъ имярекъ; тотъ мнѣ отвѣчаетъ, что имярекъ живетъ здѣсь, но что дома я его не захвачу, потому что молъ вонъ онъ утекаетъ въ лѣсъ. Я въ догонку за бѣглецомъ, пересѣкъ ему дорогу, соскочилъ съ лошади и, помирая со смѣху, сталъ спрашивать, по какому это недоразумѣнію вздумалъ онъ бѣжать отъ меня изъ дому въ лѣсъ. Пѣвецъ мой (*) повинился, что боялся касательнаго дѣла; «было у него пожгано лѣсу»; за это его судили, и во мнѣ онъ боялся найти исполнителя надъ собою приговора суда. Разумѣется, при первомъ объясненіи, страхъ крестьянина сейчасъ же разсѣялся; я усѣлся на пенъ, онъ расположился подлѣ меня и пропѣлъ мнѣ тутъ же былинку о Васильѣ Игнатьевичѣ; другіе варианты, имъ пѣтые, не представляли ничего особенно интереснаго.

Въ Купецкомъ погостѣ, въ дер. Бураковой, я нашелъ хорошаго пѣвца Никифора Прохорова и записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т. е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины, и все время изба была полнехонька народа. Старики слушали молча, молодежь тоже сидѣла смирно и изрѣдка развѣ прерывала рассказъ своими восклицаніями: «Ишь ты, на, поди!» и. т. п. За то слушатели зашевелились и съ напряженнымъ вниманіемъ подвинулись къ рассказчику, когда Соловниковъ, уже признавъ въ Ильѣ отца, скоро натягиваетъ свой тугой лукъ, кладываетъ стрѣлочку каленую и стрѣляетъ во

(*) Имени его я тогда не записалъ, а впоследствии никакъ не могъ припомнить.

XXX.

Илью скрозь бѣлый шатеръ. Одинъ изъ стариковъ тутъ же счелъ долгомъ разъяснить присутствующимъ «брателкамъ», давно извѣстный всѣмъ имъ фактъ, что Ильѣ де смерть на бою не писана. Никифоръ Прохоровъ вообще пѣлъ хорошо, только путалъ иногда имена и смѣшивалъ роли: Микулѹ онъ называлъ Вольгою, а Вольгу Микулою; Соловникова раза два обозвалъ Соловьемъ Будиміровичемъ; но, когда я ему замѣтилъ, что самъ же Соловниковъ говоритъ про себя, что батюшки не знаетъ, то Прохоровъ просилъ меня вмѣсто Соловья вездѣ прописать Соловникова.—По занятію, Никифоръ землепашецъ, недавно построилъ избу и попалъ при этомъ подъ слѣдствіе, за то что перерубилъ 39 деревь.

Были, по слухамъ, и другіе пѣвцы въ обоихъ пюгостахъ; но имъ было несвободно покинуть домъ въ рабочую пору, мнѣ для свиданья съ ними пришлось бы ѣхать въ сторону версть пятнадцать и болѣе, а я принужденъ былъ между тѣмъ спѣшить въ Шалу, а отсюда въ Пудожъ, потому что расшибъ себѣ руку и необходимо было полечить ее въ городѣ. Пробираясь верхомъ по камнямъ и по мосткамъ (*) черезъ болота, я добрался кое-какъ до Шалъ и тутъ пересѣлъ въ лодку. На мое счастье, лодочникъ оказался хорошимъ сказителемъ и спѣлъ мнѣ отличныя былины о двухъ Ливикахъ, о Сухмантѣ, о Васильѣ Буслаевѣ и Соловѣ Будиміровичѣ. По словамъ моего кормчаго, въ Шалахъ были пѣвцы и кромѣ его, и дѣйствительно, въ 1863 г. я получилъ изъ этого прихода 5 пѣсенъ, записанныхъ, по моей просьбѣ, со словъ крестьянина дер. Га-

(*) Мостки—это бревна или лучше сказать колья, наброшенные на грязь; если они положены поперекъ дороги, такъ еще можно кое-какъ по нимъ ѣхать; но, если они поставлены вдоль дороги, то нужно быть вѣдкою получше меня, сильно позагаться на споровку лошади, чтобы рискнуть пробираться верхомъ по узенькимъ мостовицамъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга добрыми полуаршиномъ.

гарской Потапа Трофимова Потахина:—былины эти, по складу и стилю, довольно близки къ записаннымъ мною отъ лодочника, и, вѣроятно, оба пѣвца учились у одного и того же учителя.

Еще въ Петрозаводскѣ тамошніе старожилы рассказывали мнѣ, что въ старое время былевья пѣсни были въ большомъ ходу и большей чести у всего Пудожскаго городского населенія. Лѣтъ 50 тому назадъ, не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣды, чтобы слушать былины. Но въ настоящее время старины уже вышли изъ моды въ г. Пудожѣ, о сказителяхъ почти никто не зналъ, за исключеніемъ г. Буторина, который сообщилъ мнѣ, что въ Сумозерскомъ погостѣ, верстахъ въ 15 отъ города, живетъ хорошій пѣвецъ, Андрей Сорокинъ.—Самому мнѣ, по болѣзни, нельзя было съѣздить въ Сумозерскій погостъ, потому я послалъ звать Сорокина въ Пудожъ. На слѣдующій же день онъ пришелъ ко мнѣ и охотно сталъ пѣть былины. Сорокинъ еще молодой парень, перенялъ свое знаніе отъ отца, содержитъ постоянный дворъ и своимъ умѣньемъ сказывать привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ почитателей. Заѣдутъ къ нему проѣзжіе съ вечера и часто всю ночь на пролетъ слушаютъ долгіе рассказы Андрея о разныхъ богатыряхъ. Былины его отличаются особенною полнотою, древностію нѣкоторыхъ выраженій и интересными эпизодами. Несносная боль въ рукѣ позволила мнѣ въ то время записать отъ него только 2 былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ и принудила меня просить г. Шиша найти какого,нибудь писца для записки остальнаго. Впрочемъ въ 1861 г., проѣзжая по Пудожскому уѣзду, я провѣрилъ чужую записъ, и она оказалась очень вѣрною.—

Отъ Сорокина я развѣдалъ про замѣчательныхъ пѣвцовъ въ Водлозерѣ, на Кенозерѣ и другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда и могъ бы надѣяться отыскать любопытныя вещи; но мнѣ нужно было торопиться для исполненія официального порученія въ Устьмошу, а оттуда въ Каргополь; такимъ образомъ не оставалось времени объѣздить разные захолустья, какъ бы мнѣ хо-

тѣлось. При томъ, какъ на грѣхъ, рука моя долго не заживала, и это обстоятельство много мѣшало мнѣ въ собираніи памятникъ народнаго творчества, потому что самъ я могъ записывать съ большимъ трудомъ. Такъ, въ Колодозерѣ я отыскалъ перво-степеннаго сказателя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Пялѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а тутъ пришлось записать 5 былинь, и не кого было попросить заступитъ мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ 1863 г. я, черезъ г. Шиша, получилъ изъ той мѣстности 7 былинь, но отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской; впрочемъ онѣ, по складу, близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика.

Въ Петрозаводскѣ я полагалъ, что именно въ Каргопольской сторонѣ слѣдуетъ искать пѣвцовъ; по крайней мѣрѣ, крестьяне, пѣвшіе былины г. Верещагину и другимъ собирателямъ въ Архангельской губерніи, сказывались Каргополами; но по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ рѣкѣ Онегѣ и къ Каргопольскому уѣзду, пѣвцы встрѣчались все рѣже и рѣже, о сказителяхъ не было и слуха, а говорили только о каликахъ, которые, *кромя стиховъ*, умѣютъ пѣть и былины. Впослѣдствіи я разузналъ, что самые калики съ р. Онеги, которые ходятъ въ Архангельскую губернію, одолжены своимъ былевымъ матеріаломъ Пудожскимъ сказителямъ; впрочемъ при этомъ слѣдуетъ оговорить, что калики съ Красноярскаго погоста и съ Мошинской стороны научились былинамъ у мѣстныхъ учителей.— На Кенѣ я слышалъ про знаменитаго сказителя съ Поромскаго острова, знающаго будто бы болѣе 20 старинъ (*); но, чтобы послушать его,

(*) Когда этотъ томъ уже былъ въ печати, я получилъ 9 превосходныхъ былинь, записанныхъ отъ этого пѣвца.

XXXIII.

пришлось бы вернуться далеко назадъ, а это было для меня невозможно; такимъ образомъ въ этой мѣстности удалось только записать варіанты о Добрынь и Маринкѣ и о птицахъ отъ крестьянина Михайлы Богданова, простоватаго мужичка изъ Кенозера. Когда я далъ ему нѣсколько денегъ за пѣнье, онъ захотѣлъ получить еще, и для этого принялся припоминать разные обрывки сказокъ, преданій и легендъ, и всячески усиливался сложить изъ нихъ былинну, разумѣется, выходила дичь, и я уличалъ его; самъ понимая, что дѣло неладно, Богдановъ съ обиженнымъ видомъ уходилъ отъ меня въ кабакъ и, подкрѣпившись тамъ зеленымъ виномъ, возвращался ко мнѣ съ утѣреніями, что онъ теперь припомнилъ *настояще* и запѣвалъ прежнюю же нескладицу. На другой день онъ, вѣроятно, зашелъ къ кому нибудь изъ стариковъ-однодеревенцевъ, и тотъ, по видимому, натвердилъ ему старину о Васильѣ Буслаевѣ; къ вечеру онъ явился ко мнѣ и объяснилъ, что знаетъ хорошую пѣсню; дѣйствительно, завелъ было ее, какъ слѣдуетъ, но стиховъ послѣ 10 сталъ путаться, окончательно сбился и ушелъ домой. Этимъ дѣло еще не кончилось: раза два приходилъ онъ послѣ того ко мнѣ съ прежнею путаницей, такъ что я наконецъ прогналъ его совсѣмъ отъ себя.

До сихъ поръ я самъ предлагалъ деньги (*) за пѣніе, особенно когда отрывалъ крестьянина отъ работы; иные пѣвцы не брали совсѣмъ денегъ, другіе принимали ихъ, какъ подарокъ или какъ вознагражденіе за прогулъ рабочаго времени; но въ Каргопольскомъ уѣздѣ калики стали мросить и брать съ меня *плату, зарбачее*; на свое пѣніе они смотрѣли, какъ на ремесло.

Пока я ѣхалъ по рѣкѣ Конѣ, мнѣ все говорили, что вотъ на рѣкѣ Онегѣ много хорошихъ каликъ; пріѣхавъ я на рѣку Оне-

(*) Одна только старуха изъ Великогубскаго погоста сама задрала платимое за былинну; но и то, вѣроятно, подбилъ на это Л. Богдановъ: «Ты не смѣй, спой только ему, а онъ тебѣ за это денегъ надастъ.»

гу и услышалъ, что здѣсь, напротивъ, былины заносныя изъ Красноярскаго погоста, съ рѣкъ Моши и Кены. Пѣвцы всѣ были въ отлучкѣ; наконецъ въ Бережнодубровскомъ погостѣ, въ дер. Кузнецовой, отыскалъ я калику Латышова. У него хоть и былъ свой домишко, однако онъ жилъ въ немъ рѣдко, и съ другими товарищами по ремеслу скитался по ярмаркамъ и торжкамъ, гдѣ за пѣніе духовныхъ стиховъ собиралъ подаваніе. По рѣкѣ Онегѣ живетъ много раскольниковъ, и мірскихъ пѣсень они не любятъ, а божественное слушаютъ охотно. Потому Латышову рѣдко приходилось сказывать былины въ Каргопольскомъ уѣздѣ; онъ ихъ пѣлъ только въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ кушцы и даже чиновники любятъ слушать рассказы о богатыхъ. Старинамъ Латышовъ научился частію на Кентѣ, а болѣе всего отъ столѣтняго калики Гергуши съ Мошинской стороны. Отъ этого послѣдняго напр. онъ перенялъ побывальщину о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и увѣрялъ меня, что самъ-то Гергуша поетъ ее былиною.—

Уѣхавъ изъ Устьмоши, я странствовалъ по рѣкамъ Лепшѣ и Верагѣ, по такимъ мѣстамъ, которыя у самихъ жителей зовутся задвенными (*). Кажется тутъ-то бы и слѣдовало ожидать находокъ; а между тѣмъ каликъ я здѣсь не нашелъ, а слышалъ только про двухъ крестьянъ, *знающихъ* былины, да и тѣхъ не случилось дома. Помня о Гергушѣ, я хотѣлъ было прямо изъ

(*) Забвенными, т. е. забытыми: проѣзжіе бывають тамъ очень рѣдко, а чиновники по необходимости. Тутъ сохранились еще въ полной свѣжести преданія о Чуди. На Лепшѣ самая церковь будто бы складена еще язычниками и прежде была капищемъ; потомъ христіанамъ принадлежала правая сторона, а язычникамъ лѣвая. На Верагѣ цѣла еще часовня, поправленная въ послѣдній разъ въ 7190 г.; въ ней хранится Евангеліе писма XIV столѣтія, а можетъ быть и древнѣйшее, по крайній мѣрѣ изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что какая-то Богданова давала Московскую гривну вклада еще въ 7118 г. Сторона эта не знаетъ никакихъ новыхъ порядковъ и крайне бѣдная, такъ что здѣсь въ ходу пословица: «то не бѣда какъ во ржи лебеда,—то мнѣ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды.» между тѣмъ какъ во всей остальной Каргопольщинѣ говорятъ: «то мнѣ бѣда, какъ во ржи лебеда.»

Вералы проѣхать въ Мошинскую сторону, въ Лимской приходъ, волокомъ въ 35 верстъ; но сами крестьяне, привыкшіе къ ужаснымъ мѣстнымъ дорогамъ, стали отговаривать меня отъ этой поѣздки. По ихъ словамъ, тутъ приходилось переѣзжать рѣчку, чрезъ которую не было ни моста, ни переброда, а вода была отъ дождей большая; за рѣчкой начинались красныя янги (*), т. е. топкія обнаженные грязи, на которыхъ не растетъ даже кустарника; черезъ эти янги кое-гдѣ положены въ незапамятное время продольные мостки, а гдѣ и мостковъ нѣтъ. Изъ проѣзжихъ этимъ путемъ ѣхалъ будто бы только одинъ исправникъ стараго времени; ѣхалъ онъ лѣтомъ въ саняхъ, а въ сани были запряжены мужики. Когда убѣжденія крестьянъ на меня не подѣйствовали, они позвали къ себѣ священника, а тотъ; вмѣсто довода, привелъ съ собой хромоногаго дячка, который попробывалъ было въ 59 г. проѣхать черезъ янги, да и сломалъ себѣ ногу. Разумѣется, пришлось отказаться отъ поѣздки и воротиться въ Устьмошу ни съ чѣмъ.

На верховья Онеги, послѣ многихъ поисковъ, мнѣ удалось записать только пѣсню о хмѣлѣ отъ старушки, жившей въ услуженіи у богатыхъ крестьянъ Скорухивыхъ. Она тоже убѣдила меня, что былины нынѣ здѣсь рѣдки, а пѣвались въ прежнее время: она часто слыхала ихъ у покойнаго хозяина, который былъ охотникъ до старинныхъ пѣсенъ. Подвигаясь къ Каргополю, на одной станціи въ Полуборскомъ погостѣ (**), я разговорился о любимомъ предметѣ съ проѣзжимъ; онъ оказался цѣловальникомъ съ Кенозера и подтвердилъ мнѣ, что въ ихъ сторонѣ много сказителей. Отъ него я услышалъ пѣсню о Горѣ, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ. Онъ же отыскалъ мнѣ крестьянина, который спѣлъ варіантъ о Чурилѣ.

(*) На болотахъ—пенусахъ растутъ по крайности, трава, и березнякъ, даже райды покрыты хмелемъ и обросли хвойными деревьями.

(**) Въ 1-й части онъ по ошибкѣ названъ Тихвиноборскимъ.

Въ эту потѣзку я больше не записывалъ былины, потому что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, принужденъ былъ немедленно вернуться въ Петрозаводскъ. Въ 1861 г., бывши на ревизіи въ Каргополѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ, я упрости его послать за каликою въ Красноярскій погостъ. Явился дряхлый старичекъ, нѣсколько испуганный неожиданнымъ приглашеніемъ начальства; но, когда онъ узналъ, зачѣмъ его звали, то успокоился и пропѣлъ мнѣ 9 былинь, напечатанныхъ въ послѣдствіи во II части. Какъ всѣ калики, онъ странствовалъ, пока былъ помоложе, изъ деревни въ деревню и промышлялъ пѣніемъ стиховъ, а теперь живетъ на покой у своихъ родныхъ. Былинамъ онъ научился отъ досюльныхъ каликъ, уроженцевъ тогоже погоста. Нынѣ, по словамъ его, мало кто знаетъ старины, а больше поютъ стихи.—

Изъ пѣвцовъ, пересказы которыхъ напечатаны въ этой части, Гаврилы Амосова изъ Уной губы я лично не знаю, Кореляка Василія Лазарева видѣлъ мелькомъ, и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Бутылкѣ, настоящее имя котораго Абрамъ Евтиѣевъ (Евтихѣевъ) Чуккоевъ. Долго мнѣ доставались одни чужія записи отъ него былинь, и лично я познакомился съ нимъ въ Петрозаводскѣ уже въ 1863 г. У него есть хорошій участокъ земли въ дер. Горкахъ Пудожгорскаго погоста и все хозяйственное обзаведеніе, но онъ больше промышляетъ портняжествомъ и, по этому ремеслу, всю почти зиму обходитъ Заонежскія деревни. Пѣтъ онъ выучился отъ отца своего, который былъ великимъ сказителемъ. Кромѣ Бутылки въ погостѣ есть еще нѣсколько крестьянъ (напр. Петръ Лукинъ), знающихъ былины и перенявшихъ ихъ отъ своихъ стариковъ. Самъ Бутылка, по собственному его признанію, прежде зналъ гораздо больше, а теперь, подъ старость, сталъ многое забывать. Въ Петрозаводскѣ Бутылка пришелъ ко мнѣ, по моему зову и по собственному желанію; пришелъ, зная напередъ, что будетъ пѣтъ былины, и, такимъ образомъ, не нужно было никакихъ уговоровъ, чтобы понудить его сказывать.—Въ Августѣ мѣсяцѣ 63 г., когда текстъ былинь, былъ уже переписанъ и приготовленъ

XXXVII.

къ печати, Бутылка припомнилъ 2 старины о царствѣ подъ солнышкомъ и о неразсказанномъ снѣ. Я записалъ ихъ, но записывая испытывалъ тоже недоумѣнье, которое было возбуждено во мнѣ побывальщиною о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и которое разсѣлосъ послѣ статьи П. А. Безсонова, доказавшей, мнѣ что о дворянинѣ этомъ непременно должны были существовать былины. И на этотъ разъ недоумѣніе обусловлено было тѣмъ, что я не зналъ, какъ рѣшить вопросъ: отзвукъ ли это древнихъ до-Владиміровыхъ старинъ, у которыхъ складъ разрушился или разрушается въ побывальщину, или же это послѣдняя, можетъ быть, попытка народнаго творчества построить новыя былины изъ сказокъ, въ основаніи которыхъ лежатъ преданія, общія всему индо-европейскому племени. Если оказалось бы послѣднее, то пришлось бы допустить, что періодъ эпическаго творчества только еще закончивается; если принять первое, то у насъ окажется особый циклъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ не только восходитъ къ доисторическому времени, но и переноситъ прямо къ эпохѣ, когда славянскія племена не были еще отдѣлены отъ другихъ родственныхъ. Я скорѣе готовъ принять послѣднее, чѣмъ первое, потому что имѣлъ случай неоднократно замѣтить напрасныя усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былинну, когда они ее забыли. Если возстановить былинну трудно, то сложить ее вновь въ пору ослабленія эпическаго настроенія почти невозможно.

Напѣвы былинь довольно однообразны: напр., у Рябицина ихъ собственно два; но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинь особый характеръ. Одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Паленицѣ». У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напѣва, и все его пѣніе на какихъ нибудь трехъ нотахъ, но ви-

XXXVIII.

браціи голоса удивительно помогаютъ ему разнообразить напѣвы. Но видимому ни съ того, ни съ сего, старикъ вдругъ ускорить пѣніе и точно расколетъ голосъ, а выйдетъ отлично и совершенно подь ладъ содержанію. Напр., въ «добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой» начало заводится протяжно:

Жилъ былъ у батюшки, у матушки единый сынъ,
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во любви былъ у батюшки!
Блѣ сладко, носилъ красно,
Работалъ легко-о (*).

Еще чувствуешь, бывало, въ ухѣ отголосокъ послѣдняго длиннаго о, какъ Романовъ перехватитъ напѣвъ и какъ-то жалобно скоро станетъ пѣть съ дрожащими переливами:

Похотѣла меня матушка,
Поневолилъ роденъ батюшка
Пожениться удалому дородню добру молодцу;
Пожили отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, во богатомъ, и т. д.

У Бутылки напѣвъ одинъ для всѣхъ былинъ; напѣвъ Дюка Степановича, слышанный мною въ Каргопольскомъ уѣздѣ (27 II части), очень близко подходилъ къ подблюдному, только на третьемъ отъ конца слогъ каждого стиха голосъ возвышался и послѣдующіе слоги соединялись съ слѣдующимъ стихомъ. Вообще теперь я пришелъ къ убѣжденію, что напѣвъ для былинъ почти одинъ и тотъ же въ настоящее время; чѣмъ искуснѣе пѣвецъ, тѣмъ больше умѣетъ онъ его разнообразить; усвоить же голосъ какой нибудь старины со всѣми оттѣнками очень трудно, потому что пѣніе ея составляетъ постоянную *импровизацію* на одинъ ладъ.—Еще я замѣтилъ вотъ какой пріемъ: передъ тѣмъ

(*) По выраженію Рябинина, въ Ставрѣ надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше.—

XXXIX.

какъ завести былинѣ о Васильѣ Игнатьевичѣ, Песчанскій имярекъ навелъ себя на голосъ такой интродукціей:

Ай тени, тени, тени. спотетени. . .

Изъ подъ бѣлыя березки кудревастьенькія и т. д.

Вывода *тени*, онъ словно пробовалъ, какой тонъ лучше подойдетъ къ старинѣ.

Пользуясь присутствіемъ въ Петрозаводскѣ Романова, Рябинина и другихъ пѣвцовъ, много разъ я пробовалъ положить на музыку нѣкоторые напѣвы былинъ, но дѣло какъ-то не ладилось. Брались за это дѣло знакомые, которые, казалось, хорошо знали музыку, а никакъ имъ не удавалось перенять бѣгучіе напѣвы былинъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Это происходитъ отъ разныхъ причинъ. Сказители не сразу вспоминаютъ иную былинѣ, а старики иногда многое забываютъ: такъ напрѣ, Козьма Романовъ дряхлѣетъ со дня на день и все меньше и меньше помнитъ стиховъ. Далѣе, сказители знаютъ часто одну и ту же былинѣ отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаютъ варианты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другаго; когда же варианты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былинѣ по одному варианту, а другой разъ по другому. Напр., въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былинѣ о Вольгѣ (№ 3 части I) и такъ завелъ ее:

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало, быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варианту о Вольгѣ.—Наконецъ, у каждаго истиннаго сказителя замѣтно его личное вліяніе на складъ быliny: онъ вноситъ въ нее свой характеръ, любимыя слова, поговорки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить пересказы Рябинина, Романова и Іевлева. Возьмемъ, напр., быlinу о Дунаѣ, перенятую обоими послѣдними пѣвцами отъ Пльи Елустаѣева. Чему иному, какъ не характеру Романова, слѣдуетъ приписать, что онъ упомянулъ или внесъ отъ себя столько ласковыхъ выражений и особенныхъ подробностей, опущенныхъ Іевлевымъ. Почестный пиръ у него *пированыице*, солнышко *красное*, онъ предпочитаетъ форму «*въки долгиѣ коротати*» (*), припоминаетъ, что обѣ дочери у короля на *выдаваныи*, что Дунаю поручаютъ свататься *добрыми словомъ*, что Добрыня Никитичъ для другихъ *любимый товарищъ*, что Дунаѣ для короля *прежняа слуга, слуга върная*. Самые распросы короля принимаютъ у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою.» Даже, когда король сажаетъ Дуная въ погребъ, то въ королевскомъ наказѣ нѣтъ ничего грознаго или злобнаго: «Пусть-ка во Литвы погостить, въ погребу посидить, можетъ, Дунай *догадается*». Между тѣмъ какъ у Іевлева король тутъ же выказываетъ замашки неумильныя: «*Возьму-то я тебя за желты кудри*, посажу я тебя въ глубокомъ погребѣ: пусть-ка Дунай въ хоробры погостить, тошто Дунай *обдумьется*». Въ свою очередь Іевлевъ, какъ зрячій, припомнилъ подробности, которыя были неинтересны для слѣпца отъ рожденія. На пиру «всѣ были за столы посажены, и всѣмъ были кушанья налажены». Послѣ вызова Владиміра, «всѣ за столомъ призамолкнули, всѣ за столомъ пріутихнули, никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ: большій тулается за средняго, середній тулается за меньшаго, а отъ меньшаго и отговору нѣтъ». Когда Дунай выпросилъ у Владиміра товарища, то просить еще: «двухъ жеребчиковъ неѣжжанныхъ, да и два сѣделышка недержанныхъ, и двѣ узды обѣ недержанныя, и двѣ

(*) У Іевлева—«долгой въкъ коротати.»

XLIII.

плеточки обѣ не хлыстаны». Наконецъ, Дунай разсердился, «здынулъ—то онъ руки выше головы, допустилъ онъ до того стола до дубоваго, питья на столахъ проливаются, алыни столъ въ щепья приломается, алыни мать-земля да сколыбается» (*).— Если личное вообще вліяніе пѣвца на былинну неоспоримо, то, какъ бы ни установился у него пересказъ, какъ бы ни закончились формы, все порою скажется и вліяніе личнаго *настроения* минуты: иногда пѣвецъ употребить одни изъ своихъ обычныхъ выражений и формъ, иногда другія. Напр., Романовъ сколько разъ пѣлъ у меня одну и ту же былинну и всякій разъ пѣлъ съ небольшими варіаціями: то кое-чего не доскажетъ, то сократитъ нѣсколько стиховъ въ одинъ, то вставитъ новый стихъ.

Послѣ этого объясненія, приведу поправки и дополненія къ напечатаннымъ уже пересказамъ, сдѣланныя у меня на дому Романовымъ, Рябининымъ и Бутылкою.

У Романова: ч. I, № 30, стр. 178, послѣ 22 стиха слѣдуетъ добавить:

Призамолкнули всѣ, окичаются (т. е. хоронятся, отъ корня *хут*).

(*) Приведемъ нѣсколько любимыхъ словъ и оборотовъ другихъ пѣвцовъ. У Рябинина: одинакій и одиный [у Романова—одный], одежица, художество [вмѣсто богатство], пословечно выговаривать [у Романова—изъ словъ], славное раздольице чисто поле, охвочъ ушпаться въ зелено вино, славный богатырь святорусскій, сплущки чернымъ черно, какъ черна ворона, сплущка великая, противность великая, припустилъ онъ коня богатырскаго, къ тымъ рѣчамъ Владиміръ не приметя, поотвѣдать силы у поганаго, приужахнуться, бить не жалуюю, загадки отгадывать [вм. задавать загадки]; у Колодозерскаго старика: у тя есть ли охота, горигъ ли души, зрѣть-смотрѣть, не довѣсть ти, завелся у князя почестень пиръ; у Никифора Прохорова: не дойдесть сидѣть, сидѣть-высиживать, отдать-повыдать, охаживать, залюга великая [вм. закладъ], обрядиться; у Андрея Сорокина: столванье почестень пиръ, золото не мѣдѣть, серебро не желѣзѣть, вязать крѣпки доводы на бедро свое, птица граючая, халуина дворянская [у Рябинина—холопина], маломощица [у Романова—несомощечко], стады стадомъ, рядмы рядомъ.

XIV.

Тамъ же, послѣ 47 стиха:

Всѣмъ-то купцамъ торговымъ.

Той же части № 78, послѣ 9 ст:

Не съ кѣмъ словечушка замолвити.

Тамъ же, послѣ 10 стиха:

Цвѣтному портишечку-приданому

Висѣть на грядочкѣ и на гвоздикѣ.

У Рябины: I части № 3, въ ст. 54, *крестьяновати* вм.
крестьянствовать.

Послѣ 79 стиха:

А кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ.

Послѣ 83 ст:

« А ко славному городу ко Гурчевцу

« И ко тымъ городамъ за получкою. »

Послѣ 85 ст:

Снялъ онъ хомутики съ кобылушки.

Послѣ 91 ст:

Сколнуть (*) омѣшики булатніи,

А и не чимъ мнѣ буде крестьяновати.

Послѣ 121 ст:

Говорилъ оратай-оратаюшко:

« Ай же, Вольга Святославовичъ!

« То немудрая дружинишка хоробрая. »

Послѣ стиха 156 изъ № 3, на стр. 22:

Поѣхали къ городамъ за получкою,

Приѣхали ко рѣчкѣ Смородинкѣ (**);

Подѣланы мосточки подѣльные,

Сдѣланы подкопы великіе,

И поставлены ножи все булатніе.

№ 10.

Стр. 56, ст. 63:

Что ты, собака, на корзиѣ потыкаешься.

(*) Сколотять.

(**) Пѣвецъ не могъ припомнить настоящаго имени рѣки и названіе «Смородинки» употребилъ для ритма.

XLV.

Стр. 55, послѣ 32 ст:

Сидить Соловей во сыромъ дубу.

Послѣ 35:

Всѣ травы-муравы уклетають, (*)

Лазуревы цвѣточки отсыхаютъ.

Стр. 58 послѣ 112:

Старый казакъ Илья Муромецъ

Подѣхалъ ко гнѣздышку Соловьёву.

Его добрый конь богатырскіи

Перескочилъ въ ворота Соловьёвыя

И ударилъ головушкой въ задній тытъ.

Тутъ его больша дочь Невъюшка

Отдернула каточки надъ воротами,

И спустила желѣзный брусъ въ девяносто пудъ,

И не могла угодить въ буйну голову.

Тутъ Илья соходилъ съ добра коня,

Порастрепалъ гнѣздо Соловьёвое,

Пораздернулъ дочерей Соловьёвыхъ,

Показнилъ зятевей Соловьёвыхъ,

Соловья повезъ въ столень Кіевъ градъ.

№ 66, стр. 67, послѣ 33 ст:

Думаемъ думушку крѣпкую:

« Какъ бы намъ сохранить столько Кіевъ градъ,

« И какъ бы намъ оберечь каменна Москва,

« И какъ бы намъ сохранить святая Русь,

« Чтобъ не ѣздили Татары на святой Руси,

« Не побивалибъ мужичковъ святорусьскіихъ. »

Стр. 68, послѣ 77 стиха:

« Намъ кого послать въ раздольице чисто поле?

« Послать молода Алешеньку Поповича:

« Такъ Алеша силой не силенъ,

« Силой не силенъ, напускомъ смѣлъ;

« Убьетъ его паленичище удалое,

« Не будетъ богатыря на святой Руси.

(*) Поблкнуть.

XLVI.

- « Послать молода Добрынюшку Никитинца:
- « Силушка въ Добрынюшкѣ великая,
- « И собой Добрыня очень обворотистый,
- « Столько Добрыня напускомъ застоисливый,
- « Застойсливый и задумсливый (*).

Стр. 69, послѣ 121:

- « Хоть на бою мнѣ смерть не писана,
- « Переступить сила черезъ великъ законъ.»

№ 36, стр. 209:

Послѣ 81 ст. *Рябини* пѣлъ такое разнорѣчіе:

Она была злодогадлива,
Помирала скорою смеретушкой,
И сдѣлали ей гробъ дубовый.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сковалъ три прута мѣдныхъ,
Три мѣдныхъ и три желѣзныхъ.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Зачѣмъ берешь съ собой прутья мѣдныя,
« Прутья мѣдныя, берешь желѣзныя.»
Отвѣтъ держалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— За тымъ беру прутья мѣдныя,
— Прутья мѣдныя и желѣзныя и т. д.—
Черезъ первые суточки
Ко тому гробу ко Михайлину
Приплываетъ змѣя подземельная.
Онъ скорешенько скочилъ на рѣзвы ноги.

Послѣ:

Обвернулась она Марьей Бѣлой Лебедью
И давала заповѣдь великую. . . .
Говорила она таковы слова:
« Ай же, ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Не нарушу я заповѣдь Господнюю,
« Не буду я ходить ко гробу ко дубовому

(*) Застоятся, задумается.

XLVII.

« И не буду точить тѣла бѣлаго.»

№ 41, стр. 243, послѣ 80 ст:

« Не посолъ тутъ есть земли Гленскія,

« А Ставрова жена обманщица.»

№ 70, стр. 408, послѣ ст. 23:

Обошла Москву Литва поганая,

Обовладѣла всѣ двory княженецкіе

И всѣ улицы стрѣлецкія.

Стр. 409, послѣ 52 ст:

Говорилъ Микита таковы слова:

« Потѣжай-ко, Скопинъ, во чисто поле

« Ко своей силушкѣ великія;

« Со своей силушкой великоюй

« Подтѣжай ко славной каменной Москвы,

« А я выѣду на своемъ добромъ конѣ.

« Повыведемъ поганцевъ съ каменной Москвы,

« Очистимъ двory княженецкіе

« И всѣ улицы стрѣлецкія.»

У *Бутылки*: I части № 49, ст. 14, вмѣсто: ужъ онъ ронить,—ужъ онъ рутить (*).

Ст. 16 слѣдуетъ читать:

Подбираютъ это перыице орлиное.

92 ст:

Подвязывай подъ пелечко (**) подъ правое.

Послѣ 105 ст:

Хотѣли его птицы съ конемъ склевать.

Вмѣсто 118 стиха:

Самъ пошелъ въ гредню во столовую.

Вм. 233:

Они не спустятъ домой сгонять.

Послѣ 268:

Всѣ терема пошатилися.

(*) Одною корня съ рыть, бросать.

(**) Подъ лопатки, какъ разъ противъ стремени.

XLVIII.

Послѣ 269:

Сами говорятъ таковы слова:

« Есть какой-нибудь у насъ во градѣ уродище. »

Послѣ 350:

Не спуститъ Чурилы онъ до Кіева.

Между прочимъ Бутылка припомнилъ нѣсколько отрывковъ изъ старины о птицахъ:

На морѣ меньшая птица синица.

На морѣ куликъ цѣловальникъ.

На морѣ сорока кабацкая женка

И всякаго челоуѣка прельщаетъ.

На морѣ кошка вдовица,

Побѣдная она горетница:

Въ день по печамъ, а въ ночь по добычамъ,

Крынки молочныя опружаетъ

И яства себѣ наживаетъ. . . .

Куньи-гагары рыбу имають,

Изъ озера въ озеро летаютъ.—

—

Послѣ этого подробнаго разсказа о сказителяхъ, считаю излишнимъ перейти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ о народной поэзіи.

Въ развитіи народной поэзіи слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ. Бываетъ такая пора въ народной жизни, когда поэтическое настроеніе и поэтическій матеріалъ составляютъ достояніе цѣлаго народа, и всякая живая, воспріимчивая личность, при первомъ возбужденіи извнѣ, выдѣляетъ свое чувство или представленіе въ поэтическій образъ и облакаетъ его сейчасъ же въ поэтическую форму, которая въ ту пору подъ рукою у каждаго. Таково, говорятъ, и теперь еще эпическое настроеніе Сербіи. У насъ на Руси, сколько я ее видѣлъ, подобное на-

строение бываетъ только у *осетинцевъ*, *лирическое*, и въ минуты *сильнаго горя*. Выраженіе его *заплачки*, въ которыя чувство выливается сама собою на свадьбахъ, при похоронахъ, при отдачѣ дѣтей или родныхъ въ рекруты. Въ Петрозаводскомъ Заонежьи и на Пудожскомъ побережьѣ каждая почти женщина умѣетъ выказать ощущеніе своей скорби, или слагая новую заплачку, или примѣняя къ обстоятельствамъ старую. Въ III части помѣщена заплачка, записанная отъ молодой дѣвушки изъ Пудожскаго уѣзда: умеръ ея двоюродный братъ, — вся семья горько оплакивала его потерю; но скорбь его двоюродной сестры выразилась въ лирической формѣ съ такою силою и свѣжестью, что заплачка эта тотчасъ же получила извѣстность, теперь она уже перенята другими женщинами и поется ими, когда ихъ постигаетъ такое же горе. Въ Повѣнецкой части того же Заонежья, какъ я уже говорилъ выше, заплачки слагаются не всѣми; они образовали уже нѣчто законченное и сохраняются особыми почти офиціальными лицами, плакальщицами или во-пленицами. —

Второй моментъ развитія народной поэзіи представляетъ у насъ пѣсня. Она захватываетъ болѣе или менѣе весь кругъ ощущеній, свойственныхъ и дорогихъ русскому человѣку. Оттого почти въ каждой личности изъ народа хранится такой запасъ этихъ пѣснопѣній, что посредствомъ ихъ крестьяне могутъ отозваться на каждое событіе въ жизни, на каждое движеніе въ сердцѣ. Но народнаго творчества тутъ уже нѣтъ, пора его прошла. Безконечный запасъ пѣсенъ болѣею частію своею принадлежитъ прошедшему и потому только доступенъ каждому крестьянину, что прошедшее это въ главныхъ чертахъ сходно съ настоящимъ. Если замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ пѣсняхъ вслѣдствіе условій мѣстности и времени, то новыхъ пѣсенъ уже не слагается; я покрайней мѣрѣ не знаю такихъ. Слыхивалъ я *новомодныя* пѣсни; но они лишены были всякаго художественнаго достоинства и отзывались харчевнею, кабакомъ и передней, или же составляли явное подражаніе произведеніямъ личнаго творчества.

Переходя къ нашимъ былинамъ, припомнимъ исторію развитія былевой поэзіи у другихъ народовъ индо-европейскаго племени. Вообще образованіе первоначальнаго эпоса происходитъ еще въ то время, когда письмена не изобрѣтены или не въ большомъ употребленіи, когда человѣкъ, желая сохранить прошедшее въ памяти, прибѣгаетъ къ размѣру и напѣву, и когда въ стихотворную форму облакаются не одни преданія и историческія воспоминанія, но и законы, пророчества, предназначенія (1). Сначала подвиги героевъ и событія національной жизни передаются потомству въ коротенькихъ, отдѣльныхъ героическихкихъ пѣсняхъ. Эти пѣсни мало по малу группируются около любимыхъ народныхъ героевъ и образуютъ цѣлые циклы разнаго времени и происхожденія; циклы въ свою очередь, подъ вліяніемъ какого либо господствующаго міеа или преобладающей нравственной идеи, сближаются между собою и при участіи личнаго творчества сплочиваются въ эпопею.—За тѣмъ народные былевые пѣсни мало по малу теряютъ свой поэтический характеръ, частію уступаютъ мѣсто поэмамъ, рыцарскимъ романсамъ, частію переходятъ въ сказки и лирическія пѣсни. На украиннахъ цивилизаціи, въ захолустяхъ, онѣ держатся дольше и, по слухамъ, напр., пѣсни о Сигурдѣ, Брунгильдѣ

1. Въ Индіи первобытныя пѣсни, отрывки которыхъ сохранились въ Ригведѣ, возникли еще во время поселенія Аріевъ въ области Инда и пяти рѣкъ. По мнѣнію Дункера, начало эпической поэзіи въ Греціи относится къ періоду 800—1000 лѣтъ до Р. X.; въ Одиссѣй Демодокъ поетъ уже передъ Одиссеемъ о Троянской войнѣ подъ аккомпаниментъ формикса [большой цитры]. Амміанъ Марцелинъ (XV, 9) приписываетъ въ Галліи начало цивилизаціи, наравнѣ съ эвбагами и друдами, бардамы, которые подъ звуки лиры воспѣвали подвиги героевъ въ героическихкихъ пѣсняхъ. У Германцевъ, по свидѣтельству Тацита, были древнія пѣсни, которыя замѣняли имъ исторію и лѣтописи: Такъ Готскія пѣсни, судя по словамъ Юрнанда [IV, V, XIV], восходили отъ событій V в. до событій древнѣйшаго времени. Въ одной изъ нихъ описывалось, какъ Гуны попали въ плѣнъ въ Британію или на другой какой-то островъ, и выкупились изъ неволи цѣною лошади; въ другихъ прославлялись подвиги древнихъ героевъ: Этеспамары, Ганалы, Фридригерны, Видукулы и иныхъ. Пѣсни эти пѣлись подъ аккомпаниментъ цитры. Единственный образецъ этой древнѣйшей формы Германскаго эпоса сохранился въ отрывкѣ о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ. О народномъ творчествѣ у Германцевъ и Франкогалловъ, послѣ принатія ими христіанства, свидѣлствуютъ народныя пѣсни о Газлѣ, графѣ Нантскомъ, о Розаццѣ, которыми существовали во время Турпина.—Латинскій переводъ пѣсни о побѣдѣ Клотара II надъ Саксами.

XIX.

и Гегни сохранились на Фероерскихъ островахъ даже до нашего времени.—

Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія, былинахъ, и не успѣла перейти въ эпопею. За то многія былины, смотря по тяжести изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою сгруппировались въ циклы: старшихъ богатырей, Владиміровъ, Повгородскій, Московскій и Казацкій. Если взять всѣ варианты послѣднихъ четырехъ цикловъ вмѣстѣ и отдѣлить позднѣйшія вставки, то получится несомнѣнно древняя основа, которая современна или близка по времени воспѣваемымъ былинами событіямъ (2). Нѣкоторые варианты такъ мало пострадали отъ времени, что пересказы, записанные въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ существенномъ не отличаются отъ тѣхъ, которые поются современными намъ пѣвцами (3). Но такъ какъ былины сохранились въ памяти народа исключительно посредствомъ устнаго пересказа, то, естественно, иныя въ формѣ своей и мелочахъ, другія въ самомъ содержаніи подвергались въ теченіе вѣковъ постояннымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти разнаго рода. На одни изъ нихъ можно смотрѣть какъ на естественное развитіе былины. Такъ многія старины дошли до насъ и въ первоначальномъ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ предметы отдѣльныхъ пѣсень стали эпизодами (4). Нѣкоторые варианты о Ильѣ и Добрынь разрослись до огромныхъ размѣровъ и обнимаютъ почти всѣ подвиги воспѣтыхъ ими богатырей. Другаго рода измѣненія составляютъ анахронизмы, которые неизбежно вкрадываются во всякое устное преданіе. Сюда относятся древнія и позднѣйшія вставки въ

2. Таково житіе и г. Майкова относительно происхожденія былинь Владимірова цикла.

3. Сказаніе о семи богатыряхъ, напечатанное въ «Памятникахъ Русской Литтературы» съ рукописи, если даже оставить въ сторонѣ признаки книжной передѣлки, носитъ гораздо больше слѣдовъ вліянія Московскаго періода, чѣмъ былины о Ильѣ и Идолищѣ, содержаніе которыхъ почти одинаково со сказаніемъ.

4. Бѣй Ильи съ Идолищемъ введенъ какъ эпизодъ въ нѣкоторые варианты о Дюкѣ, женитьба князя Владиміра въ вариантахъ о Дунаѣ.

текстъ новыхъ обычаевъ, учреждений, названій оружія, чиновъ и проч.—Сюда же принадлежитъ приуроченіе къ времени Владиміра такихъ событій, которыя случились до него и гораздо позже него (5), и вообще замѣна богатырей старшаго поколѣнія младшимъ (6). Третьяго рода измѣненіе состоитъ въ томъ, что подвиги богатыря стушевываются и обобщаются до того, что былина дѣлается безыменною, а образъ богатыря общимъ типомъ. Еще шагъ, и старина теряетъ напѣвъ и разрушается. Такое разрушеніе иногда замѣняется переходомъ въ побывальщину, сказку или лирическую пѣсню (7).

И такъ, наше поколѣніе застало былевую поэзію вполнѣ сложившеюся.—Послѣ Московскаго періода появляются вновь однѣ историческія пѣсни, былины же не слагаются (8) вновь, а только сохраняются въ народѣ посредствомъ устнаго переска-

5. Такъ Владиміръ и его богатыри являются дѣйствующими лицами въ татарскомъ нашествіи, и, на оборотъ, къ его времени примѣнены порядки Московскаго царства. Эти анахронизмы, а также приуроченіе къ циклу Владимірову старшихъ богатырей Самсона, Сухмантія, Вольги, могли произойти еще въ тотъ періодъ, когда былины слагались.

6. Такъ Ермакъ, въ старшій о царѣ Калинѣ, просто подставленъ вмѣсто Ильи, который тутъ занимаетъ мѣсто или Самсона, или Святогора, и прежде самъ исполнялъ роль младшаго богатыря; Добрыня [въ вариантѣ № 14 III части] въ известномъ роковомъ боѣ между отцемъ и сыномъ тоже подставленъ вм. Ильи, Касьянъ или Юма Ивановичъ, въ сорока казикахъ съ казикою, вм. Пятакъ.—

7. Таковы побывальщины о Святогорѣ, Ильѣ и Юнкѣ Степановичѣ въ I части, о Саламантѣ, и дворяншѣ безсчастномъ молодцѣ во II, сказки о Мпкулѣ, Иванѣ рускомъ, молодцѣ и проч., пѣсни о Ванюшѣ Ключникѣ [I часть и Сборн. Кир.]; о убійствѣ жены княземъ [№ 64 III части и Сборн. Кир.], о горѣ [I часть], о гульбѣ молодца за рѣками Невагою и Перебрагою [III часть].

8. Слагаются послѣ этого однѣ историческія пѣсни, и тѣ въ примѣхъ, языкѣ, цѣлыхъ частяхъ своихъ, представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ или даже явную передѣлку ихъ, напр., пѣсни о графѣ Чернышевѣ [въ I части] просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.

за (9). Въ сохраненіи народнаго эпоса сначала принимаютъ участие и городскіе обыватели (10), но съ нынѣшняго столѣтія бы-
лая поэзія передается отъ поколѣній къ поколѣнію исключи-
тельно памятью сельскаго населенія и притомъ не по цѣлой Ру-
си, а преимущественно на *украинахъ*, въ губерніяхъ Олонец-
кой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской,
Симбирской и Нижегородской.—

Въ Олонецкомъ краѣ былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго (11). Въ послѣднихъ двухъ онѣ извѣстны немногимъ, а потому явно забываются и переходятъ въ побы-
вальщины (12). Но въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью старины очень распространены и до сего времени усердно со-
хранялись народомъ.—Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣ-
которыхъ богатырей. Въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьи у всякаго смышленнаго пожилаго человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и, хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ,—однако, при случаѣ, вдругъ припомнить какую ни-

9. Эту законченность народнаго былаго творчества понимаютъ сами хранители ея, какъ мѣт, по крайней мѣрѣ, сдается изъ слѣдующаго полувопроса—полуутвѣта Рябинина:
«Скажи мѣт, П. Н., говорилъ онъ, отчего о прежнихъ князьяхъ поютъ на былинахъ, и слава имъ вѣкъ не минуетъ? Какой малецъ мой Ванюха [сынъ Р.], а вѣдетъ въ околицу, запоетъ про ратая, по деревнѣ стонъ стонѣть. А о нынѣшнихъ царяхъ поютъ на бы-
линахъ?—

10. Я говорилъ выше, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія городское населеніе города Пудожы очень любило старинныя и слушало ихъ на вѣчорникахъ.—

11. Прежде я показалъ, что Корелы совсѣмъ не знаютъ былины; но послѣ убѣдился, что они, растерявъ и позабывъ свою лирическія и эпическія пѣсни, переняли отъ рус-
скихъ первыя и отчасти послѣднія. Въ настоящее время я лично знаю Кореляка и Ко-
реляку, которымъ извѣстны старины: Василья Лазарева изъ дер. Кименицъ Повѣнецкаго уѣзда и Дмитріева изъ дер. Кривошъ Петрозаводскаго уѣзда. Кромя того я слышалъ объ одномъ старикѣ Корелякѣ, изъ Сятозера, который будто бы помнитъ много былины.

12. См. № 51, части I.

ЛП.

будь былевую пѣсню (13). Главные хранители былины здѣсь *сказители* (14), а въ Каргопольской сторонѣ *калики*. Сказители поютъ по охотѣ, изъ любви къ искусству, а калики по ремеслу. Первые научились своему знанію отъ знаменитыхъ «досюльных» сказителей: Ильи Елустаѣева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳедора Яковлева и другихъ стариковъ, вторые отъ такихъ же стариковъ и каликъ. Сказитель обыкновенно зажиточный крестьянинъ, земледѣлецъ, рыболовъ, содержатель почтового двора. Какъ-бы переходъ къ каликамъ составляютъ переходящіе пѣвцы, большею частію портные, но и тѣ имѣютъ осѣдлость и не нуждаются въ деньгахъ, между тѣмъ какъ калики живутъ милостынею. Научившись былинамъ отъ предковъ, пѣвцы въ свою очередь передаютъ знаніе свое дѣтямъ. Такъ Андрей Сорокинъ еще молодой парень, а сказываетъ превосходно и выучился этому отъ отца. Сыновья Рябинина, въ особенности младшій Иванъ, тоже многое переняли отъ Т. Г.. Но у большинства сказителей врядъ ли найдутся наслѣдники, и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія.

13. Такъ мнѣ иногда приходилось записывать варианты отъ такихъ крестьянъ, отъ которыхъ трудно было и ожидать этого.—Сдѣлалъ я въ 61 году въ избѣ у Л. Богданова и записывалъ слова Кузмы Романова. Одинъ изъ родственниковъ Леонтія слушалъ-слушалъ слѣдшаго пѣвца, и вдругъ заявилъ мнѣ, что и онъ вспомнилъ былинку о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой [№ 50 II части], и, дѣйствительно, прекрасно пропѣлъ ее мнѣ. Сталъ я его спрашивать: «Гдѣ онъ ей научился?»—У стариковъ, говорить.—Помнишь ли еще какую нибудь?—Нѣтъ, больше не помню.—Другой разъ, въ 1863 году, давно знакомый мнѣ крестьянинъ Андрей Ивановъ неожиданно-негаданно припомнилъ превосходную старину о Иванѣ Гостиникѣ смѣлѣ.

14. Мы видѣли выше, что отъ себя лично они вносятъ только извѣстные обороты и любимыя слова и тѣ еще измѣненія, которыя происходятъ отъ ихъ забывчивости; остальныя же перемены въ вариантахъ слѣдуетъ приписать прежнему естественному развитію былевой поэзіи и духу времени.—

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКЪ (*).

А.

Ажно, союзъ. *Анъ, а между тѣмъ*. Я думала, комарики покусываютъ, ажно русскіе богатыри пощалкиваютъ. III, 15, 283. Считали нѣтъ жива Ильи Муромца, ажно живъ Илья Муромецъ. III, 35, 114.

Аки, нар. *Какъ*. III, 29, 109.

Альни, **альни**, союзъ. *Тоже что ажно*. Альни столъ въ щепья приломается, альни-мать земля да сколыбается. II, 12, 131.

Аще, нар. *Еще*: 1) *Еслибъ*. Аще въ небеси было бы кольцо. III, 1, 60. 2) *Вотъ еще*. Аще ты, Издолина поганая! тинешься ты, потягаешься, а на жильяхъ ты не оторвешься. III, 9, 128. 3) *Вотъ*. Аще стануть тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться; это есть не храбрые воины. III, 28, 123 и 134.

Б.

Багречовый, **багрецовый**, пр. *Краснаго пурпурнаго цвѣта*. Сверху стланы сукна багречовыя. III, 29, 286.

(*) Для былинь римская цифра означаетъ часть сборника, вторая цифра—номеръ былины, третья—номеръ стиха. Въ третьей части для заплачекъ и пѣсенъ *З. С.* означаетъ заплачки свадебныя, *З. П.*—заплачки похоронныя, *Б.*—бесѣдныя пѣсни, *П. Ч.*—пѣсни Черниговскія, арабская цифра передъ двумя другими—третій отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ, **заон.**—Заонежское нарѣчіе, **пуд.**—Пудожское, **каргон.**—Каргопольское.

II.

Бажоный, пр. *шуд. Любимый*. Бажоные дѣтушки. Бажоный городокъ. Одна женочка бажона III, 5, 153. III, 59, 53.

Базыга, с *Хрычъ*. Ай же ты, старая базыга ново-древняя. I, 12, 200.

Байна, баенка, с. ж. *Баня*.

Баса, с. ж. *Краса*. Не ради красы-басы. II, 63, 35.

Басонщикъ, с. м. I, 85, 101.

Безбратній, пр. *Неимъюцій брата*. А сестра есть не безбратняя. 3, 28, 101.

Безремянице, с. с. *Невздода*.

« Когда надо мною будетъ безвремянице,

« Поспѣшайте-тко, братица, ко мнѣ на выруку.

I. 12, 93, 94.

Безвѣчить, гл. д. *Изувѣчить*. Старухъ обезвѣчили. III, 24, 77.

Безвѣчье, с. ср. *Увѣчье*. Далъ ему безвѣчье въковѣчное. III, 18, 210.

Бездорожица, с. ж. *Мѣсто, гдѣ нѣтъ дороги*. Пошли они по чисту полю не дорогою, бездорожицею. II, 18, 173.

Бездорожье, **бездорожьнице**, с. ср. *Время, когда нѣтъ прохода и пропзда по дорогамъ*. Осенью бездорожьнице 3, С. 32, 94.

Безобсмыочно, нар. *Не посылая о себѣ предувѣдомленія*. На дворъ заѣхалъ безобсмыочно. I, 25, 138.

Безотній, пр. *Не имъюцій отца* Хотя я есть дочи безотняя. 3, 28, 100.

Безполье, **безпольице**, с. ср. *Время, когда нѣтъ прохода по полямъ* Весною безпольице 3. С. 32, 95.

Безпосульный, пр. *Неподкупный*. I, 79, 23.

Безумица, с. об. *Безумный*. Али безумица тебя обезчестила. III, 8, 49.

Безхозяйскій, п. *Гдѣ нѣтъ хозяина*. Дома безхозяйскіе. 3. П. 2, 19.

III.

Бережій, пр. *Жеребий*. Бережи кобылы ожеребились, II, 63, 741.

Березина, с. ж. *Палка, пруть березовые*. Б. В. 20.

Блеста, с. ж. *Кольцо, вдланное въ металлическую доску и прибитое къ воротамъ*. Бьетъ Бермята въ блесту позолоченную. I, 46, 227.

Богадѣльный, пр. *Эпитетъ тюрьмы*. III, 52, 98.

Богатина, с. ж. **карг.** *Богаць*. Какая это наѣхала богатая богатыня. III, 33, 83.

Богачество, с. ср. *Богатство*. III, 11, 11.

Бодра, с. ж. *Бедра*. Подхватила-то его на косу бодру. I, 12, 167.

Большина, с. ж. 1) *Управленіе дѣломъ*. Воля ваша, а большина наша. III, 59, 151. 2) *Управленіе, должность*. Снялъ Чурилу съ этой большины, поставилъ на большинство на иную. III, 24, 260.

Большо-уголъ, с. м. *Главный въ избѣ уголъ, идѣ стоятъ образа*. Сажаютъ молодца въ большо-уголъ. I, 18, 58.

Борчикъ, с. м. *уменьш. оиъ борецъ*, III, 44, 66.

Браный, пр. *Узорчатый, вышивной*, напр. браная скатерть, браный пологъ, браный гость (*въроятно, не простой, а разодѣтый*). III, 21, 5.

Брателко, с. м. **карг.** и **пуд.** *Братъ*. III, 27, 116.

Бродомъ брестн, гл. ср. Мелкие-то ручейки бродомъ брела. III, 38, 23.

Бродучій, пр. *Эпитетъ ступы*. Дюкъ ѣдетъ сзади ступою бродучею. II, 28, 473.

Бродъ, с. м. *Слѣдъ, тропа*, Наѣхалъ онъ на бродъ лошадиный, II, 15, 243.

Бручатый, пр. *Брусочный, песчаниковый*. Лежалъ бручатый бѣлый камешекъ. III, 12, 82.

Брудга, с. м. *Провожатая жениха*. З. С. 24, 12.

Бухканье, с. ср. *Буканье, хлопанье*. Охканья не слышно, бухканье. III, 16. Примѣч.

IV.

Бы, союзъ. *Будто*. Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горятъ. III, 24, 71.

Бываетъ, въ видѣ нар. *Можетъ быть*. III, 35, 64.

Бывъ, союзъ. *Будто*. Бывъ какъ трава растеть. I, 86, 148. Бывъ налетала птица малая пташица. I, 1, 125.

Быдъ, вм. *Будь*. Хоть кто хошь быдъ. II, 8, 31.

Бѣлица или **былица**, с. ж (отъ биле, быліе, —растение, корень). *Волшебница*. По три дни онъ билиць-волшебницъ скликивалъ, не могъ билиць онъ докликаться. III, 15, 103. И сказали ему бѣлицы-волшебницы. III, 58, 84.

Бѣломшанный, пр. *Оконопаченный бѣлымъ мохомъ, эпитетъ стѣны избы*. З С. 13, 11.

Бѣлота, с. ж. *Близна*. З. С. 19, 9.

Бѣлояровый, пр. *Эпитетъ пшениы*. Напр. III, 11, 71.

V.

Ва, приставка къ частицѣ **ка** для ея усиленія. Поминай меня Добрынюшку убитаго, а тебѣ-ка-ва воля вольная. I, 25, 49.

Вальявочный, пр. *Вальящетый, рѣзной*. Не разстегивалъ пуговку вальявочну. I, 13, 161.

Вальянъ, **вальянокъ**, с. м. *Рѣзная, чеканная работа*. Пуговицы были вальячные, вальянк-отъ литы красна золота. III, 24, 133.

Варенина, с. ж. *Варево, вареное пойло для скота*. Кобыла по лохани ѣла варенины. II, 30, 245.

Вдвоемъ, нар. *Вдвое*. Сколько ни рубять, а вдвоемъ, втроемъ коньми топчуть. III, 21, 118.

Вдовить, гл. д. *Лишать жену мужа*. Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ. I, 25, 14.

Великоденный, пр. *Христосскій, евѣтло-воскресный*. Въ субботу великоденную. III, 29, 54.

Вереснуть, гл. ср. *Лопнуть съ трескомъ, какъ масло трещить на огнѣ*. Кожа у него вереснула. II, 35, 89.

V.

Верехъ, с. м. *Верхъ*. На верехъ клалъ едло черкасское. II, 7, 34.

Верно-уголъ, дверно-уголъ, с. м. *Уголъ на право отъ дверей*. I. 35, 142.

Верховище, с. ср. *Маковка*. Кудерки колечками свивались вокругъ верховища. II, 7, 275

Верчатый, пр. *См. Браный* Скатерти верчатые. II, 29, 27.

Вершокъ, с. м. *Уменьшит. отъ верхъ*. III, 31, 220.

Ветлюкъ, с. м. *Родъ кулика*. II. 59, 59.

Ветлянная нешутшука, с. ж. *заон. Певъстка, браткина жена* З. С. 12, 11.

Взимать, гл. д. *Брать*. Не взимайте шалыгъ подорожнихъ. I, 9, 138.

Видалый, пр. *Видѣвшій*. Мудрости мало видалый. З. С. 45, 52.

Виженъ, пр. *Виденъ*. Татаринъ въ глаза виженъ былъ. II, 37, 42.

Виловатый, пр. *Искривленный*. Береза виловатая. З. С. 39, 9.

Витье, с. ср. *Вѣтье, вѣтка*. З. II. 9, 5.

Вмѣсто, нар. *Вмѣсть*. Толнетъ лбами вмѣсто, и души нѣтъ. I, 42, 156.

Водоплавный. пр. *Эпитетъ спрой утушки*. З. С. 35, 25.

Водверье, с. ср. *См. Ободверина*. Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ. I, 38, 122.

Возгакати, гл. ср. *Закричать полебединому, къркать*. Бѣлой лебеди възгакати. З. С. 11, 23.

Воивать, гл. ср. *Многokr. форма отъ воевать*. По вою ты не воивалъ. II, 3, 36.

Вой, с. м. *Война*. По вою ты не воивалъ, II, 3, 36.

Волжанка, с. ж. *Клюка изъ дерева иволги*. III, 7, 42.

Волоча, с. ж. *Человѣкъ который волочится, шатается безъ дѣла*. Волоча-голь кабацкая. I, 47, 308.

Волочитися, гл. об. *Переходить съ мѣста на мѣсто*. Было бы чего калѣкѣ ѣсть да пить, да чего калѣкѣ волочитися. III, 7, 63.—Отсюда **Волокитный**, *Бывалый*, гр. полутропос. Только шель-прошелъ калика, прохожая, волокитная. III, 9, 8.

Вольгота, с. ж. *Свобода, вольный шагъ*. Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою. III, 1, 10.

Вонный, пр. *Отъ корня вонъ, вонный*. Пролетѣлъ на вонную сторону съ простѣночкомъ. I, 15, 80.

Воронечка, (отъ воронецъ), с. ж. *Доска, привѣшенная на веревкахъ попережь избы*. III, 9, 37.

Воронинъ, пр. (отъ воронъ) Воронино възвѣщеваніе. I, 33, 112.

Воронке, с. ср. *Конь вороной масти*. III, 34, 131.

Воротовой, пр. *Находящійся на воротѣ у рубашки*. Запонка воротовая. З. С. 45, 14.

Восприимный, пр. *Воспріимный*. З. С. 13, 96.

Воспроговорить, гл. ср. *Выговорить*. Воспроговорить Вольга таковы слова. I, 2, 15.

Воспокуриться, гл. об. *Подняться, въ переносномъ смыслѣ ударить въ голову*. Вино-пиво теперь воспокурилось. II, 32, 133.

Восточный, пр. *Эпитетъ хрустала*. Хрустала чара восточнаго. III, 21, 59.

Воходить, гл. ср. *Входить*. Воходить въ мѣхъ пудовъ по сороку. II, 1, 6.

Впотай, нар. *Тайно*. Смерть впотай взяла душу со бѣлыхъ грудей. З. П. 2, 8.

Верѣтать, срѣтать, гл. ср. *Встрѣчать*. Напр. III, 11, 67.

Втерать, гл. д. *Вставить*. Въмѣсто оцей было втерано . . . по яхонту. III, 33, 24.

Втроемъ, нар. *Втрое*. III, 21, 118.

Втопить, гл. д. *Утопить, утащить*. Ясны очушки втопилъ во сыру землю. I, 85, 122. **заон**.

Вточъ, нар. *Прямо*. З. С. 31, 14.

VII.

Въ упалу, въ вид. нар. Въ упалу прїѣхала, а не въ упалу уѣхала. III, 44, 245.

Выгальнуть, гл. д. *Выблевать*. II, 34, 206.

Выжлецъ, см. *Ловчій пещъ*. Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ. III, 14, 44.

Выигрышъ, с. м. *Содержаніе пльни*. Играеть-то въ Цариградѣ, а на выигрышъ беретъ онъ во Кіевѣ, онъ отъ стараго всѣхъ до малаго. I, 25, 237,

Вымолотить слово, гл. д. Позволь-ка мнѣ словцо выговорить, словцо вымолотить. П. Ч 8, 16.

Вырука, с. ж. *Выручка*. Поспѣшайте-тко, братица, ко мнѣ на выруку. I, 12, 94.

Вырутить, гл. д. (отъ корня рыть, бросать). *Выбросить*. Добра молодца со добра коня не вырутилъ. I, 24, 19. III, 15, 19.

Выславиться, гл. возвр. *Разсказать или пропѣть о своихъ подвигахъ*.—*Выславляться было въ обычаѣ передъ боемъ*. Прїѣхало девять братцевъ, въ полѣ поединничковъ; Аще ѣздить тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться. III, 28, 134.

Выстать, гл. ср. *Встать*. Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна. I, 8, 75.

Выструя, с. ж. *Струя*. И за выструю плови, и за другую плови. II, 6, 77.

Выступка, с. ж. *Поступка*. Выступкою щипить, щеголять поступью, осанкою, II, 7, 16.

Выть, с. ж. 1) *Количество пды заразъ*. Я по семи пудовъ хлѣба къ выти ѣмъ. III, 9, 109. По многу ли онъ выти-хлѣба ѣсть? I, 17, 114 2) *Ѣда*. Ахъ ты, волчья выть. III, 5, 124.

Вышка, с. ж. *Чердакъ*. III, 17, 34.

Вьюноша, вьюнчикъ, с. м. *Юноша*. II, 49, 117.

Вѣковѣчный, пр. *Начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка*. Въ послѣднемъ смыслѣ: Добыла увѣче вѣковѣчное. III, 5, 101.

VIII.

Вѣнчальный, пр. *Эпитетъ мужа*. III, 38, 9.

Вѣсто, пр. *Вѣдомо*. Чтобы міру было вѣсто. III, 59, 23.

Вѣтрянка, с. ж. *Жердь*. Найди-тко вѣтрянку маненьку. II, 33, 126.

Г.

Гайноище, с. ср. *Хайлище, пасть*. Захвати змѣю за гайноище. II, 15, 135.

Герликъ, с. м. *Ерлыкъ*. I. 49, 251.

Гибаться, гл. стр. *Гнутъся*. Переклады гиблются. III, 44, 123.

Глуздить, гл. ср. *Скользить*. Башмачки глуздятъ. З. С. 27, 6.

Глуздырь, с. м. *Отъ корня глуздить, скользить. Птенецъ, еще не въ силахъ летать*. Ты смолода, глуздырь, не попархивай III, 22, 107.

Говорящій, пр. *Эпитетъ орла*. Орелъ, птица говорящая. З. С. 32, 17.

Голубъ-скурлатъ, см. *Скурлатъ*. III, 24, 68.

Гольный, пр. *Голый*. Гольныя щилья. I, 54, 3.

Гомотить, гл. ср. *Шумно говорить, шумить*. Тутъ въ углу говорятъ, въ другомъ гомотятъ. II, 31, 257.

Горетница, с. ж. *Горькая*. Побѣдная она горетница. III, Д.

Горынь-змѣя, с. ж. *Змѣя горыничатая*. III, 29, 123.

Горюнъ, с. м. *Горькій бѣднякъ*. См. III, 12, 55.

Горюша, горюшница, с. ж. *Несчастливая*. Горюшница молода жена. З. 63, 30. **пуд.**

Горючій, пр. *Эпитетъ камня*. На розстани-то былъ горючъ камень. I, 11, 3.

Гостебищо, с. ср. *Пирушка, юсти*. Принимай ты гостей въ гостебищо. З. 21, 90.

Гостибищо, с. ср. *Пирушка*. Доложусь я во любимое гостибищо. З. С. 6, 2.

IX.

Гостьбище, с. ср. *См. Гостебищо.*

Гремъ, с. м. *Громъ.* Въ томъ терему стукъ да гремъ. I, 54, 203.

Гридня, **гредня**, **гривня**, с. ж. *Столовая комната.* Приходитъ изъ гридни изъ столовая. I, 6, 40.

Грудью **пойти**, *Поскакать.* У оратая кобыла-то грудью пошла. I, 3, 131.

Грядка, с. ж. *Шестъ или жердь на веревочкахъ для перепшиванія чрезъ нее платья.* А цвѣтну платицу (висѣть) на грядочкѣ и на гвоздикѣ. I, 78, 11.

Гряновитый, пр. *Эпитетъ луговъ.* Луга гряновитые. III, 3, 96.

Гряночка, с. ж. *Грань.* На три гряночки стрѣлы были строганы. II, 29, 16.

Грянцатый, пр. *Четырехгранный.* Противъ сердца былъ гвоздь грянцатый. II, 15, 375.

Гуля, с. ж. *Гулянье.* По гулямъ гулялъ двѣнадцать лѣтъ. I, 29, 40.

Гуня, с. ж. *Верхнее платье.* Гуня на калѣкѣ сорочинская. III, 10, 4.

Гуркать, гл. ср. *Ворковать.* III, 23, 143.

Гусельный, пр. *Играющій на гусяхъ.* Ай же ты, дѣтина пріѣзжая, скоморошная, гусельная. I, 26, 153.

Гыкать, гл. ср. *О звукъ, издаваемомъ лебедями.* Какъ бѣлы лебеди гычуть. III, 31, 268.

Д.

Двумѣсячный, пр. *Двухмѣсячный.* III, 61, 60.

Двуродимый, пр. *Двоюродный.* З. С. 6, 38.

Держать, гл. д. *Носить.* Помретъ молодецъ, шубу держивалъ. III, 34, 90.

Дивовать, гл. с. *Удивляться.* Не дивую я женщинѣ. II, 3, 397.

Дивья, въ вид. нар. *Не диво, леко. Дивья мнѣ потыкатися.* I, 8, 188.

Довлѣеть, гл. безл. *Подобаетъ, прилично.* Не довлѣеть ти, Чурила, жить во Кіевцѣ. I, 45, 135.

Дойдетъ, гл. безл. *Приходится.* Самому молодцу не дой-детъ сидѣть. I, 9, 116.

До калины, въ вид. нар. *До калена, до красна.* II, 47, 27.

Докуль, нар. *Пока.* Докуль не провѣдаютъ короли нечести-вые. III, 22, 41.

Долгомѣрный, пр. *Эпитетъ копыя.* Напр. III, 5, 34.

Долонь, с. ж. *Ладонь.* Я бы его на долонь поклагъ, а дру-гой-то рукой сверху прижалъ. I, 17, 120.

Домовище, с. ср. *Гробъ.* I, 36, стр. 209.

Дородній, пр. *Эпитетъ удаляю добраю молодца.* Нѣтъ уда-ла дородня добра молодца, сослужить мнѣ службу важную. I, 2, 90-91.

Достунить, гл. д. *Достать, добратья.* Тебя достуню. I, 83, 12.

Досюль, нар. *Прежде, до сего времени.* Досюль Добрынюш-ка матушкѣ говаривалъ. II, 7, 1.

Досюльный, досюлешный, пр. *Доселещій, прежній.* I, 81, 1.

Доходный, пр. *Доходящій.* Знать молитвы мои къ Богу не доходныя. З. С. 2, 33.

Дрань, с. ж. *То, что дерутъ.* Ахъ ты волчья сыть, мед-вѣжья дрань. I, 13, 113.

Дребь, с. ж. *Низкое топкое мѣсто.* Палъ-то Сокольникъ во дребь о сыру землю II, 64, 116.

Дробь, с. ж. *Гуца послѣ пива, браги или квасу, выжимки.* Дробью объѣлась (корова). III, 9, 117.

Дроворубный, пр. *Эпитетъ топора.* Возьмите топоры дро-ворубные. I, 1, 70.

Дрокушка, (отъ корня: дрока), с. ж. *Ныя.* Во дрокушкѣ жилъ у матуцки. I, 78, 2.

XI.

Другожды, нар. *Во другой разъ*. Сдѣлалъ В. другожды почестенъ пиръ. I, 18, 25.

Дубье, с. ср. собирательное. Онъ дубье-колоды все повырубилъ. I, 8, 72.

Дубяный, пр. *Окрашенный извовой корою*. Дубяные сарафаны по Онегъ по рѣкѣ. II, 11, 152.

Дымъ, с. м., на **дымъ опустить**. *Пожечь*. Божьи церкви на дымъ спустить. I, 1, 2, 57.

Дѣдй, пр. *Дѣдовскій*. Приданое мое дѣде-матернее. II. Б. 21, 7.

Дѣвочй, пр. *Дѣвичй*. Во своемъ уборѣ дѣвочьемъ. III, 3, 77.

Е.

Единый, числ. *Одинъ*. Тридцать молодцевъ безъ единаго. I, 2, 11.

Ейный, пр. *Ея*. Прибездетила ейна матушка. I, 52, 66.

Есть бы, союзъ. *Если бы*. Есть бы было кольцо во матушкѣ сырой землѣ. III, 1, 65.

Ж.

Жалуха, с. ж. закон. *Жалость*. Оны другъ друга били не жалухою. I. 12, 134.

Жаровчатый, пр. см. **Жаровый**. III, 29, 118.

Жаровый, пр. *Высокоствольный*. Выше дерева жароваго. III, 31, 96.

Жеребеечекъ, с. ср. *Долечка*. Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны хоть малый жеребеечекъ. II, 42, 10.

Жеребье, **жеребьице**, с. ср. *Жеребенокъ*. Привязалъ къ тремъ жеребьямъ къ неучамъ. III, 11, 148.

Живность, с. ж. *Жизнь*. Оставь-ко ты меня во живности. III, 21, 187.

Жи́ра, с. м. *Жизнь*. З. С. 3, 22.

ХІІ.

Жога, с. ж. *Птица съ длиннымъ носомъ и навислыми бровями*. Брови у него будто у жоги. I, 79, 12.

Жуковинье, с. ж. *Перстень*. Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать. II, 20, 106.

Жупѣть, гл. ср. *Плѣть*. Пташица стала пѣть-жупѣть. I, 73, 90. III, 54, 67.

З.

За, предл. *Изъ-за*. Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба. I, 12, 55.

Забавивать, гл. д. *Заговаривать*. Забавивать, заговаривать, въ замужъ подсватывать. II, 7, 108.

Заберега, с. ж. *Та часть водъ, которая закрыта узкою полосою берега отъ прочаго воднаго пространства*. Тихая заберега. I, 72, 21.

За боемъ, въ вид. нар. *Съ бою*. Силомъ нейдетъ, такъ за боемъ возмемъ. II, 6, 151.

Забудущій, забыдуцій, пр. *Повергающій въ забытье, отъ котораго впадаютъ въ забытье*. Надила ковшъ питья забыдуцаго. I, 37, 355. Спить Чурила забудущимъ сномъ. II, 24, 75.

Забытка, с. ж. *Забытье*. Кинуло его въ забытку спать. I, 37, 365.

Завидливый, пр. *Завистливый*. Поповскіе глаза завидливы. II, 29, 101.

Заводъ, с. ж. *Заливъ, защищенный отъ вѣтра: отъ того заводъ называется тихою*. Увѣзжалъ Сухмантій ко тоя ко тихія ко заводи. I, 6, 48.

Завозный, пр. *Взятый на дорогу, привезенный для дороги*. Угощеньице завозное. III, 57, 442.

Завѣдать, гл. д. *Прознать*. Что вы здѣсь завѣдали. III, 7, 67.

Завѣчать завѣты, гл. д. *Клать заповѣдь, давать обѣтъ*. Всякъ челоувѣкъ на свѣтѣ завѣтъ завичалъ, но не каждый челоувѣкъ завѣтъ справлялъ. II, 63, 266.

ХІІІ.

Заграять, гл. ср. *Закаркать*. Какъ возраю во первый на-
конъ. I, 73, 156.

Загуменье, с. ср. *Мѣсто позади гумна*. I, 52, 46.

Задаться, гл. воз. *Поступить въ обученіе или службу*. За-
дался Вольга на семь лѣтъ. I, 1, 15.

Задворенка, с. ж. (*Отъ задворки, задней улицы въ деревнѣ или*
задворья, мѣста, обнесеннаго заборами съ навѣсомъ). III, 10, 68.

Задернуть, гл. д. *Приготовить*. А она дубовы столики за-
дернула. III. 11, 78. Задернулъ Олешенька почестень пиръ.
III, 16, 163.

Задній, пр. *Задній уголъ, или полоненій, на право отъ вхо-*
да. З. С. 1, 9.

Задумсливый, пр. *По долгу думающій*. Добрыня застойсли-
вый и задумсливый. III. Д.

Заздынуть, гл. д. *Поднять*. Заздынула она голову подъ обо-
локу. II, 1, 3.

Зазорко, нар. См. **Зарко**. III, 29, 332.

Зазыватель, с. м. *Позовщикъ*. III, 24, 262,

Закликать, гл. ср. *Унять крикомъ*. Когда ты у меня была
унята, когда ты была заклкана. I, 37, 64.

Заколотить, гл. ср. *Покрыться колодежъ*. Прямоѣзжая до-
рожка заколотила. I, 10, 27.

Закопанъ, с. ж. *Застава, ровъ, которымъ перекопана доро-*
га. Попадала Добрынюшкѣ закопанъ, онъ ту закопанъ переско-
чилъ. II, 8, 26.

Закустички, с. м. мн. *Частый кустарникъ за полями около*
лѣса. Много въ Киевѣ богатырей, какъ сѣрыхъ волковъ по за-
кустичкамъ. II, 27, 12.

Залѣсть, гл. д. *Найти*. Старца убить не спасенья зались.
II. 33, 188.

Залачить, гл. д. *Задрать голову вверхъ*. Воронке голову
залачилъ и хвостъ заломилъ. III, 34, 132.

За маленька, въ вид. нар. *Съ измаленька, съ малолѣт-*
ства. У меня замаленька да было хожено. II, 19, 157.

XIV.

Замолотникъ, с. м. *Работникъ на гумнѣ*. З. С. 1, 10.

Заморянинъ, с. м. *Пріѣзжій изъ за моря*. Таракашко гость
Заморянинъ. III, 56, 37.

Замуравѣть, гл. ср. *Покрываться муравью*. Прямая дорога замуравила. I, 10, 25.

Замызгать, гл. ср. *Залазать*. Замызгалъ собака по собачьему. I, 9, 104.

Заность, с. м. *Суровъ снѣга въ селѣнн, въ противоположность сумету, сурову на поляхъ и на дорогѣ*. Б. 5, 11.

Заобщая, въ вид. нар. *Сообща*. I, 27, 285.

Занольный, пр. *Живущій по ту сторону полей*. Обвернулся сврымъ волкомъ заполнімъ. III, 51, 123.

Зарабочее, с. ср. *Заработная плата*. Это мое заработное. I, 17, 188.

Зарко, пр. *Завидно, откуда зариться (корень зр, зръть)*. Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко. I, 18, 5.

Зарудиться, гл. стр. *Замараться, загрязниться*. У тебя, голъ кабацкая, личико зарудилось. II, 7, 271.

Зарукавный, пр. *Спрятанный въ рукавъ*. Пистолетъ зарукавный. З. С. 33. 34.

Зарѣка, с. ж. *Зарѣче*. Пошелъ по зарѣкамъ. III, 30, 23.

Засадиha, с. ж. *Ягода черемха*. II. Ч. 7, 17.

Застойсливый, пр. *заон*. *Который на долгу стоитъ на одномъ мѣстѣ*. Столько Добрыня напускомъ застойсливый. III, Д.

Застолье, с. ср. *Мѣсто за столомъ*. Король по застолью бѣгаетъ. I, 31, 157.

Застойный, пр. *См. Стоялый*.

Застояться, гл. об. *Остановиться*. Рука правая въ плечѣ застоялася. I, 12, 174.

Затхнуться, гл. об. *Сдѣлаться затхлыми*. Напиточки тамъ затхнулись. II, 30, 43.

Затоxаль, с. ж. *Затхлый запахъ*. Зелено вино пахнетъ на затоxаль великую. III, 24, 320.

XV.

Затресье, с. ср. *Та часть воды, которая покрыва трестю.* Зеленое затресье. I, 72, 22.

Затулый, пр. *Опушенный (собств. опрятный).* Припечалилась затула была завѣска. З. С. 44, 90.

Затюремщикъ, с. м. *Узникъ.* III, 57, 63.

Заугольникъ, с. м. *Незаконорожденный сынъ.* Не хочу слыть заугольникомъ. III, 44, 166.

Заугроза, с. ж. *Угроза.* Грозить ему заугрозою. II, 5, 4.

Зачагать, гл. д. *Достать, добыть.* На вѣкъ увѣчьще зачажено. III, 39, 66.

Защектать, гл. д. *Засесть по соловьиному.* Защекталъ онъ по соловьиному. III, 6, 50.

Забахвалиться, гл. возвр. *Расхвастаться.* Какъ забахвалился большой свать. З. С. 3, 39.

Звонунылый, пр. *Улыло звенящій. Эпитетъ плескѣ и колоколовъ.* З. С. 6, 16 и 19.

Звѣзда, с. ж. *Зародиться въ звѣзду, минуту безчастную, неталанную.* III, 18, 22. *По вѣрованію древнихъ, участь человека зависла отъ зарожденія его подъ извѣстной планетой (каждой принадлежалъ одинъ день въ недѣлю) и подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака (каждому знаку соответствовала неподвижная звѣзда). Такъ планеты Бѣлъ (Сатурнъ) и Марсъ приносили несчастіе.*

Звѣщеваніе, с. ж. *Извѣстіе, рѣчи.* Услыхалъ Кощей тое воронино звѣщеваніе. I, 33, 112.

Здохъ, с. м. *Вздохъ.* Выпиваетъ чару на единый здохъ. II, 3, 115.

Здымъ, с. м. *Подъемъ.* На здымъ здынулъ бы два камня. I, 37, 433.

Здынуть, гл. д. *Поднять.* Здынулъ бы тебя, Алешу, черезъ столы дубовые. II, 7, 414.

Здѣ, нар. *Здѣсь.* Нельзя мнѣ-ка здѣ жить. I, 9, 62.

Зелизять, гл. ср. *Принимать видъ желѣза, желѣзять.* Чисто серебро не зелизять. II, 7, 44.

XVI.

Земельный, пр. *Эпитетъ царя той земли, въ которой живетъ ею подданный.* III, 57, 188.

Зень, с. ж. *Земь, озень, оземь.* I, 49, 309.

Зенька, с. ж. *Колыбель.* II, 59, 25.

Златоверховатый, пр. *У котораго золотой верхъ. Поводить въ свой теремъ златоверховатый.* II, 6, 230.

Злодѣйный, пр. *Злодѣйскій. Чужая злодѣйная сторона.* З. С. 2, 13.

Злучить, гл. д. *Залучить, захватить.* Можете ли злучить эту лебедку на синемъ морѣ. I, 36, 19.

Знадебка, с. ж. *Родимое пятно, родинка.* Подъ правой па-
зухой родимая знадебка. II, 7, 294.

Знамя, с. ср. *Примѣта, родимое пятно.* У Добрыни на правомъ лицѣ три знамени было. III, 18, 143.

Знать, гл. д. *Умѣть.* Не знаешь ты кобылушки цѣны цѣ-
нить. I, 4, 100.

Зобать, гл. д. *Бѣтъ что либудь мелкое, разсыпавшееся.* Коня зоблуть пшеницу бѣлоярову. III, 35, 120.

Зорень, пр. *Крѣпокъ.* Табакъ зорень. III, 59, 140.

Зубоватый, пр. *Зубастый, насмѣшливый.* З. С. 7, 44.

Зыбучій, пр. *Эпитетъ болотъ и мховъ.* На мхи, на бо-
лота зыбучія. З. С. 8, 9.

Зычный, пр. *Звонкій, звучный. Эпитетъ голоса.* Вскричалъ
Илья зычнымъ голосомъ. I, 18, 12.

И.

Избыть, гл. ср. *Избавиться.* Избыли мужики отъ смерти
напрасныя. I, 57, 208.

Извара, с. ж. *Взваръ.* Поилъ коня изварою медвяною. III,
22, 131.

Извить, гл. д. *Завить.* Извей кудри. З. С. 27, 9.

Извѣриться, гл. об. *Выйти изъ вѣры.* Почто ты теперече
извѣрился. III, 35, 238.

XVII.

Издаваться, гл. возв. *Удаваться*. А не всякому женидба издавается. II, 13, 176.

Издачный, пр. *Удачный*. Первая женидба Михайлы не-удачна была, а вторая женидба издачная. II, 15, 406, 407.

Ижно, союзъ. *Вьдь, анъ*. III, 51, 19.

Имать, гл. д. *Ловить, хватать*. I, 74, 265.

Имянство, с. ср. *Именство, имущество*. Положилъ на дощечку полъ-царства, полъ-имянства. II, 16, 117.

Ино, инъ, союзъ. 1) *Сверхъ того*. Вся небесная луна по-наведена была, инъ всякія утѣхи несказанныя. III, 24, 155. 2) *Анъ, а напротивъ того*. Не такъ бывать дѣвушка, ино дома быть, вода носить. I, 54, 232. Идетъ-де старикъ подпирается, инъ мать-то земля колыбается. III, 10, 8. Инъ Добрыня матушки не слушался. II, 4, 19.

Изотчина, с. ж. *Отцовское имя*. Какъ молодца звеличаютъ по изотчины? I, 47, 182.

Изуваленый, пр. *Заваленый*. Изувалентъ мой зеленъ садъ кунами да лисицами. С. 3. 74.

Изученіе, с. ср. *Благовоспитанность въ свѣтскомъ смыслѣ*. Изученіе видимъ твое полное, а не знаемъ ни имени, ни водчины. III, 29, 197.

Ископытиться, гл. об. *Содрать, расколоть копыто*. Тридцать жеребцовъ ископытились. III, 34, 129.

Ископытъ, с. ж. *Комъ грязи или земли изъ копыта*. Ископиты у коня метано по цѣлой овчины по барановой. III, 14, 28. I, 30, 167.

Испровѣщиться, гл. об. *Подать, голосъ, заговорить*. Испровѣщится добрый конь голосомъ человѣческимъ. III, 15, 288.

Источня, источенка, с. ж. *Разноцѣпный струйчатый поясъ; цѣпья въ поясъ идутъ одинъ за другимъ струями*. Источнями подпоясанось. III, 24, 69. I, 45, 84.

Истратить, гл. д. *Потубить*. Истратила она восмерыхъ молодцевъ. I, 28, 14.

XVIII.

К.

Ка, Частица, служащая для усиленія указанія. Не набъ мнѣ-ка ни злата, ни серебра. III, 5, 88. Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. III, 7, 38.

Казакъ, с. м. *Паемный работникъ*. Въ казаки наймусь. Б. 21, 9.

Канюкъ, с. м. *Родъ ястреба: запоетъ передъ дождемъ, крестьяне говорятъ: «вотъ, дескать, уже пить просить»*. II, 59, 93.

Капучій, пр. *Капающий*. Эпитетъ сны. I, 49, 190.

Каурка, (кавурка) с. ж. *Каурый конь (желторыжий)*. III, 30, 64.

Качаться, гл. возвр. *Качать себя*. И сама себя головушкой качается. II, 22, 96.

Керегодъ, с. м. *Сеть, которую два лодки забрасываютъ въ воду и, ставши на якорь, собираютъ ее*. З. С. 33, 40.

Клещецъ, с. м. *Дятель*. III, 51, 12.

Клещнуть, гл. д. *Хлестнуть*. Марья Соловеевна клещнула Ильиненку межъ уша въ голову. III, 5, 180.

Клюшка, с. ж. *Клюка*. III, 10, 6.

Княгиня порученая, с. ж. *Молодая*. З. С.

Князь, с. м. *Женихъ молодой*. З. С.

Княжна порученая, с. ж. *Невеста*. З. С.

Кодолъ, с. ж. *Толстый канатъ*. Снасти и кодолы были шелковые. I, 53, 15. III, 32, 21.

Кожанъ, с. м. *Кожухъ, невыдѣланный овчинный тулупъ*. Кожанъ на плечахъ въ пятьсотъ рублей. I, 41, 39.

Коковка, с. ж. *Занутый, верхній конецъ палки*. Уходила та клюшка (въ землю) до коковочки. III, 7, 44.

Колодье, с. ср. *собира*. Онъ дубье-колодье все невырубилъ. I, 8, 72.

Кологривый, пр. *У котораго грива стоитъ коломъ, дыбомъ*. Кологривый жеребецъ. III, 34, 126.

XIX.

Колсанъ, с. м. *Калчанъ*. Блудывала каденъ стрѣла да но колсаны. II, 19, 90.

Комель, с. м. *Корень*. Выдергивалъ дубъ со кореньями, за вершину бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ. I, 6, 93, 94.

Комонъ, с. м. *Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней: Форма комонъ, в.м. конъ, сохранилась до сихъ поръ въ Заонежьи. Когда парки черезъ муръ розсыраются на улицъ, старики, чтобы унять ихъ кричатъ: «эко, комони, расходились». Въ бытовыхъ пѣсняхъ тоже поется. Цвѣтно платице не держится, добры комони не вѣдятся, добры молодцы не старѣютъ.* II, 20, 24.

Конецъ кукшы, въ вид. нар. *Концами, пальцовъ*. Ср. *ко-нецъ рукмы*. Хватилъ онъ камень конецъ кукшы. I, 38, 199.

Конечъ-рукмы, въ вид. нар. *Концами рукъ*. Хватидъ онъ камень конечъ-рукмы. II, 16, 223.

Конченіе, с. ср. *Конецъ*. Тутъ ему было и конченіе. I, 7, 27.

Копылокъ, с. м. *Клинъ*. Копылкомъ бородку наладилъ. II, 7, 6.

Корба, с. ж. *Чаща мелкаго лѣса*. Корбы дремучія. II, 63, 220.

Коржинья, с. ср. *Штевны*. Мачты-коржинья позолочены. I, 54, 23.

Корить, гл. д. *Покорить*. Я корила непокорное сердечушко. З. С. 2, 52.

Корпусъ, с. м. *Сила*. Я теперь корпусъ въ себѣ имѣю. III, 5, 22.

Корчажный, пр. *Кольчужный*. Латы корчажная. III, 35, 286.

Косерчетый, пр. в.м. *Косявчетый*. III, 27, 14.

Косица, с. ж. *Високъ*. Вышибъ ему правое око со косицею. I, 40, 70.

Край, нар. *На краю*. Край пути дороги. III, 59, 144.

Красовитый, пр. *Прекрасный*. Пошелъ онъ въ лѣсаты кра-совитыя. III, 3, 39. На лицо была красовитая. II, 52, 18.

Крестьянловать, гл. ср. *Заниматься крестьянскими дѣломъ.* Божья ти помочь оратаюшко, орать да пахать, да крестьянловать. I, 3, 53, 54.

Кречень, с. м. *Кречетъ.* I, 27, 109.

Кроватникъ, с. м. *Убирающій кровать.* III, 52, 48.

Кружало, с. ср. *Казенное питетное заведеніе.* Владиміръ князь пошелъ по кружаламъ государевымъ. II, 41, 74.

Крупчатый, пр. (*Кручатый*, II, 31, 25). *Хрущатый, плотный.* Паруса-флаки-крупчатой камки. I, 53, 14. III, 32, 18. Не крупчатая жемчужина скатилася. 3, 27, 125.

Крутить, гл. д. *Одѣвать снаряжать къ замужеству.* Двухъ дочерей кручу. II, 43.

Крутиться, гл. возвр. *Одѣваться.* Стагъ крутиться во платьице родительско. III, 22, 132.

Кручинить, гл. ср. *Кручиниться.* Кручинить, печалить добрый молодецъ. III, 18, 40.

Кручинноватый, пр. *Нѣсколько кручинный.* Что идешь кручинновать-печаловать? III, 39, 120.

Крылецъ, с. м. *Крыльцо.* II, 25, 45.

Крылосо, с. ср. *Клыросъ.* I, 49, 289.

Кряжъ, кряжокъ, с. м. *Гора прибережная.* Мечите сходники на крутъ кряжокъ. II, 31, 117.

Крякновистый, пр. *Съ корявыми пнемъ.* Повзжай къ сыру дубу крякновисту. I, 72, 40.

Крянуться, гл. возвр. *Тронуться съ мѣста.* Стоитъ Потанюшка, не крянется. III, 39, 41.

Кубовастый, пр. *Жирный.* Сврый котъ безхвостый, самъ кубовастый. III, 59, 86.

Кудельба, с. ж. *Пыль столбомъ.* Только видять въ чистомъ полѣ кудельба стоитъ. II, 64, 48.

Куковаться, гл. воз. *Ласкаться, забавляться отъ радости.* Кукуются воры и ликуются. III, 22, 60.

Кулектиться, гл. об. *Жаловаться на разслабленіе.* Вставать начнеть, кулектится. П. Ч. 4, 22.

XXI.

Куль, нар. *Коль*. Куль солнышко Владиміръ князь отдасть богатырску молоду жену безъ боя, безъ драки великія. I, 37, 295.

Куника, с. ж. *Кулица*. III, 24, 54.

Кунный, пр. *Обильный, дорогой*. Всю кунную рыбу повывилъ. I, 2, 35.

Купавъ, пр. (*Упавъ*). *Красивый*. Ходилъ-гулялъ купавъ молодецъ. III, 27, 6.

Курово, с. ср. *Пыль столбомъ*. Только видѣли стараго сядучись, а не видѣли стараго поѣдучись, только куревко въ полѣ воскурилось. I, 13, 91, 92, 93.

Куръ, с. м. *Пытухъ*. Куры пропѣли. П. Ч. 9. 2.

Кура, с. м. *Молодой пытухъ*. (Зват. *курятѣ*). Молодой курятѣ, не поскакивай. III, 17, 134.

Куренный, с. м. *Курный*. Притянула его въ избу куреную. I, 57, 478.

Курень, с. м. *Пытухъ*. I, 55, 294.

Куриться, гл. воз. *Подниматься столбомъ*. Только курево въ полѣ воскурилось. I, 13, 93.

Кутельба, кудельба, с. ж. *Тоже что курово, пыль столбомъ*. Отъ Котенина коня кутельба стоитъ. III, 28, 88.

Кухнать, гл. д. *Поносить*. Не кухнай его отечества. З. С. 15, 61.

Кучерявый, пр. *Кудрявый*. П. Ч. 11, 2.

Л.

Ладить, гл. д. *Приготовлять*. Ладилъ бы онъ ему поединщика, супротивъ его силушки супротивника. I, 15, 7.

Ладиться, гл. воз. *Собираться*. Тутъ то солнышко ладилась, поскорѣй Владиміръ вольчужился. I, 45, 57.

Ласкота, с. ж. *Ласка*. З. С. 9. 8.

Ластинье, с. ср. *Тонкая дракъ*. Распибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ. I, 24, 208. III, 15, 260.

Лелѣвать, гл. д. *Перемещаться, волноваться, качаться.* Какъ не долго синю морю лелѣвати. II, 3, 2, 2.

Ликоваться, гл. вз. *Играть (собственно о птицахъ).* Голубъ со голубушкой ликуется. II, 14, 14, III. Вукуюхъ воры и-ликуются. III, 22, 60.

Липень, с. м. *Дверная притолока.* Вылетѣли двери со липеньями. III, 14, 126.

Лихоманецъ, с. м. *Злодѣй.* II. Ч. 2, 1.

Ложить, гл. д. *Класть.* Ложите удалаго добра молодца. III, 53, 60.

Ложня, с. ж. *Спальная комната.* Приходить она на ложню на спальную. I, 2, 103.

Ломъ, с. м. *Заваль въ лѣсу.* Побѣжалъ во ты во ломы во великіе. I, 2, 59.

Лопатникъ, лопатчикъ, с. м. *Лопатчики дорожку розгребають.* III, 30, 316.

Луда, с. ж. *Подводный камень.* Намѣряйте-ко луды морскія. I, 54, 33.

Лукоморье, с. р. *Излучина морская по бережку.* Изъ-за того лукоморья зеленого. I, 53, 31.

Лучейная, с. ж. *Кожата, гдѣ хранятся мукы.* Заключить овъ во лучейную. III, 51, 134.

Лучиться, гл. об. *Случаться.* Добрыня лучился въ Царяграда. I, 25, 112.

Лучный, пр. *Эпитетъ зори.* III, 27, 123.

Лѣсовать, гл. ср. *собств. Заниматься лѣсными промыслами, сторожить въ лѣсу, за тѣмъ ходить по лѣсу.* По лѣсу ты не лѣсывалъ. II, 3, 35.

Любешенькій, пр. *Любимый, прелещійся.* Любишка полюбавы низешеньки, не любешеньки. III, 3, 101.

Люби, род. и дат. пад. отъ *любобы.* А денегъ даяти тебѣ до любви. I, 9, 60.

XXIII.

Лидина, с. ж. *Воздушное млыто, поросшее алгою.* З. С. 3, 9, 6.

М.

Макомна, с. ж. *Маковка.* У нихъ палицы въ рукахъ-то догибалися, по макомкамъ отломѣлись. I, 12, 138, 139.

Мале, нар. *Векоръ. Мало-мало, по-по.* Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ. I, 55, 77.

Маломошница, с. ж. *Малость.* Силы-рати маломошница. I, 74, 67.

Маломочный, пр. *Некрпкй, малосильный.* Въ первомъ значеніи: маломошны дѣшны въ Кіевѣ рассыпалися. III, 5, 278. III, 9, 73.

Маревъ, с. ср. *Воздушные призраки, видѣющіеся въ туманѣ.* Напалъ туманъ со маревомъ. II, 27, 27.

Матерый, пр. *Престарѣлый и сильный.* Подносили старой собацѣ матерой выпить съ дороги. I, 41, 63.

Матерѣть, гл. ср. *Рости, становиться большимъ и сильнымъ.* Сталъ Воляга рости-матерѣть. I, 3, 5.

Матица, с. ж. *Приподнятая надъ концами середина.* Не завзжай въ середку въ матицу. III, 22, 163.

Медвяный, пр. *Пойте его питьицемъ медвянымъ.* I, 10, 711.

Меженный, пр. *Отъ меженъ жаркая пора.* Идетъ-то калыка переходящая въ меженный день по красному по солнышку. I, 17, 7.

Мійско, с. ср. *Млыстечко.* III, 33, 74.

Мережа, с. ж. *Рыболовная снасть.* III, 19, 114.

Мертвый, пр. *Эпитетъ якоря.* III, 41, 34.

Метельникъ, **метельщикъ**, с. м. *Метельщики пескомъ дорогу посыпаютъ.* III, 30, 317.

Мети мегать. *Образное выраженіе о бѣгѣ коня: конь скачетъ такъ быстро, что какъ будто бы выметываетъ изъ-подъ себя*

участки въ версту и больше. Мети-мечеть конь по версты. III, 29, 114.

Мидить, гл. ср. *Принимать видъ мѣди, мѣдѣть*. Красно золото не мидиеть. II, 7, 43.

Мизгирь, с. м. *Паукъ*. Мизгрище. III, 59, 111.

Многовытнѣй, пр. *Имѣющій частѣй позывъ на пѣду, многопѣдающій заразы*. Сиротные дѣтушки за столомъ многовытнѣе. 3. II, 6, 26.

Могута, с. ж. *Мощь*. Изъ всей могуты богатырскія. III, 27, 88.

Могутный, пр. *Мощный*. III, 22, 45.

Молвія, с. ж. *Молнія*. Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвія. III, 15, 54.

Молитвѣться, гл. об. *Молиться*. I, 30, 89.

Монисто, **монищато**, с. ср. *Металлическая шейная чепочка*. Мое золото монищато все по спайкамъ распаялося. 3. С. 25, 15. И принесла она ему золотыя монисты со крестами. II, 51.

Монистро, с. ср. *См. монисто*. Золоту монистру лежать въ кованномъ ларцу. III, 53, 5.

Мостина, **мостовина**, с. ж. *Половица*. 3. С. 6, 37.

Мостъ, с. м. *Полъ*. У насъ во гридняхъ во столовыхъ мосты-то все кленовые. III, 30, 288. Мосты, настланные переходы. Идетъ онъ, мостинки подгибаются. I, 19, 84.

Мошникъ, с. м. *Птица изъ породы самыхъ большихъ глухарей*. II, 37, 44.

Муница, с. ж. *Вмѣсто гуница*. III, 9, 9.

Муравленый, пр. *Росписной разводами*. Добрыня скочилъ на печку на муравлену. III, 16, 182.

Мурашъ, с. м. *Муравей*. Мудрены вырѣзы вырѣзаны, а и только въ вырѣзу мурашу пройти. I, 1, 2, 140, 141.

Мурманка, с. ж. *Шапка, у которой съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать*. На головкахъ шапки черно-мурманки. II, 31, 61.

XXV.

Мызганье, с. ср. *Лай*. Развъ не слыхалъ ты мызганья собачьяго. I, 9, 115

Мызгать, гл. ср. 1) *Лаять*, 2) *Свистать по соловьиному*. Соловей разбойникъ замызгалъ по соловьиному. III, 5, 119.

Мыльня, с. ж. *Баня*. III, 45, 27.

Мѣдь-казарка, с. ж. III, 29, 102.

Н.

На, предл. *Противъ*, въ сравненіи. Нѣтъ на друга на старого. I, 55, 284.

На четырехъ костяхъ. *На четверенькахъ*. Онъ на четырехъ костяхъ поплылъ во зеленый лугъ. I, 40, 115.

Набъ, въ вид. гл. безл. *Надобъ*. Набъ покорному быть сердцу ретивому. З. С. 9, 15.

Навидъ, с. м. (*Отъ корня навье, мертвецъ*. Ср. греч. *Некус* и перс. *насус*). *Смертная рана*. Оброни Соловья-вора Рахматаго безъ навиду. III, 5, 136.

Наволокище, с. ср. *Мысль*. Гулялъ по частымъ наволокищамъ. III, 51, 6.

Надѣснстый, пр. *Навѣсистый*. III, 26, 3.

Наздола, назола, с. ж. *Досада*. Даетъ Василью на его ретивое сердечушко назолу великую. II, 14, 21. А Кощею-то надзолу дають. III, 23, 145.

Надѣйный, надѣйный, пр. *Надежный*. Два товарища, два надѣйные, два ножички, два булатніе. I, 82, 22.

Надлетникъ, с. м. *Летающій надъ другими*. Соколъ птица надлетникъ. III, 59, 66.

Надолызнуть, гл. д. *Надопсть*. Надолызнула волокитушка твоя. Б. 6, 14.

Надѣя, надѣюшка, с. ж. *Надежда*. Только и есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу. I, 27, 483.

Нажадѣться, гл. стр. (*Отъ корня жад-ати*). *Почувствовать жажду*. Богатырско его сердце нажадѣлося. I, 24, 30. III, 15, 30.

На зени. *Па зѣми.* II, 19, 167.

На зень. *На зѣмь.* II, 20, 231.

Наказанье, с. ср. *Наказъ,* И забылъ Добрыня наказаньице матушкино. III, 19, 17.

Наквасити, гл. д. Тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова. I, 55, 15.

Наконѣ, с м. *Разъ.* Въ первый наконѣ. I, 73, 156.

Накрутиться, гл. воз. *Нарядиться.* Накрутились они тутъ каликами. II, 16, 175.

Наличникъ, с. м. *Оконный ставень съ закройми и болтомъ для запиранья.* III, 19, 26.

Наложница, с. ж. *Служанка, убирающая ложе, постельница.* III, 31, 234.

Налучіе, с. ср , **налучникъ,** с. м. *Чехолъ на лукъ.* Кладъ тугіе лука во налучья. III, 17, 45. Кладывалъ тѣ луки во налучники. II, 7, 47.

Наметъ, с. м. *Верхній чехолъ.* Онъ луки во наметы полагалъ. III, 17, 46.

Наметывать, гл. д. *Налагать.* Службу-заботу наметывалъ. II, 5, 20.

Нани, нар. *Будто.* Нани лучная зоринька просвѣтлила, острая сабелька промахнула. III, 27, 123.

На околѣ, въ вид. нар. *Окольными путями.* А на-околѣ-то ѣхать семьсотъ верстъ. I, 9, 82.

Нападкою, нападчи, нар. *Припавъ къ землѣ ничкомъ.* Которая сила пила нападкою. III, 51, 97. *Пить нападкою, нападчи у славянъ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ.* *Напр., у Сербовъ:* Кад би знала мушка глава, што ѣе ником. воде снапит, нигди не би ником пила.

Напогощаны, с. м. мн. *Живущіе на погостѣ, т. е. усадьбѣ причта.* Б. 2, 9.

Напрокучить, гл. ср. *Надоѣсть.* Видно напрокучила своимъ долгимъ дѣвичествомъ. З. С. 32, 50.

XXVII.

Напускъ, с. м. *Сильное нападеніе*. Алеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣл. III, 30, 397.

Напустить, гл. ср. *Напуститься*. Ежели бы было теперь колько силы поганой, напустить бы. III, 5, 28.

Нарядить, гл. ср. *Справиться*. III, 59, 54.

Насадъ, с. м. *Судно, низъ котораго изъ одного дерева, а съ боковъ досчатые борты*. Исполадимъ-ка насадъ черленый. II, 52, 45.

Наслышка, с. ж. Я слыхалъ наслышкой человѣческой, что у него на бою смерть не писана. II, 63, 481.

На-старшій, пр. *Наи-старнѣйшій*. Большая дочи на-старшая. II, 12, 159.

Настоятель, с. м. *Начальный человекъ*. Вы настоятели Новгородскіе. I, 64, 96.

Наступчивый, пр. *Эпитетъ коня*. I, 82, 15.

Настъ, с. м. *Обледенѣвшій снѣгъ*. А и буйные вѣтры по настѣ тянуть. I, 1, 2, 109.

Натяжный, пр. *Эпитетъ лука*. Стрѣлялъ съ того лука натяжного. III, 37, 76.

Нахалиться, гл. об. *Дерзко, нахально поступать*. Станутъ на насъ они нахалиться. III, 22, 35.

Нацвѣтъ, с. м. Возжики съ нацвѣтами. II, 29, 12.

Началъ, с. м. *Начало*. Теперь старины его началъ пойдетъ. III, 18, 11.

Начаяться, гл. об. *Полагать*. Пріѣдучись не начаются (имъ кажется, что не пріѣдетъ). II, 7, 94.

Не къ лицу придти. *Непоправиться*. Тутъ-то поганому не къ лицу пришло, зтыя рѣчи не слюбилися. I, 17, 132.

Невѣмъ, нар. (Отъ корня *вѣдати*). *Несказанно*. Невѣмъ дѣвица перепалася. I, 53, 231.

Неготъ, с. м. *Поютъ*. Негтемъ востра III, 55, 10.

Незамочъ, гл. ср. *Занемочъ*. А ты незамоги. I, 37, 227.

Незнай собою, невѣмъ собою, въ вид. прим. *Неизвѣстный*. Дѣтина незнай собою. I, 30, 130.

XXVШ.

Нелегченый, пр. **Нелегченный конь**, *не меринъ*. Ш, 34, пр.

Немудрый, пр. *Простой*. Мужикъ ведетъ жеребчика немудраго. I, 8, 90.

Нехоженный, пр. *Не бывшій въ употребленіи*. Деньга нехоженная. Ш, 29, 516.

Новой, пр. *Другой*. Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ. I, 55, 77.

Ножье, (острице), *см. ножевое*. Попасть во ножье острице стрѣлою каленою за триста сажень. II, 19, 182.

Ныркомъ, нар. Охвочь-то Добрыня ныркомъ нырять. II, 6, 112.

Нынѣча, нар. *Нынѣ*. Нынѣча теперь я вамъ скажу. I, 2, 22.

Нынѣчку, нар. *Нынѣ*. Ш, 26, 42.

О.

О, предл. 1) *Около*, для обозначенія времени. О полночь разбойники опочинъ держать, о полдень люты звѣри опочинъ держать. Ш, 38, 26—28. 2) *Около*, для обозначенія пространства. Дубье-колодѣ о борозду валить. I, 4, 23.

Обворотистый, пр. (злон). *Изворотливый*. И собой Добрыня очень-обворотистый. Ш, Зам.

Оббавь, гл. ср. **Обгалился**, гл. об. и **обголчить**, г. ср. *Осмѣять, оговорить, надсмѣхаться*. Многіе люди не обгались. I, 43, 33. Добрые людишки не обголчатъ. II, 22, 26.

Обграять, гл. д. **Обкаркать** Черну ворону этой силы не обграяти. I, 20, 179.

Обжа, с. ж. *Ошобля отъ сохи*. Оны сошку за обжы вокругъ вертять. I, 3, 104.

Обжорчивый, пр. *Обжорливый*. Была корова обжорчива. Ш, 9, 115,

Обзариться, гл. об. *Польститься*. Обзарился на имѣнье, на богатство. II, 13, 790. Обзарился ты на прелести на женскія, II, 15, 52.

XXIX.

Оби́раться, гл. воз. *Уб́ираться*. Скоро обирайся во свою землю. I, 2, 147.

Обко́льчужиться, гл. воз. *Надѣть на себя кольчугу* III, 5, 32.

Обла́титься, гл. воз. *Надѣть на себя латы*. III, 5, 32.

Обле́гѣять, гл. ср. *Облить со всѣхъ сторонъ, въ переносномъ смыслѣ—окружить*. Сила-то вся обле́гѣяла. III, 56, 304.

Обло́чить, гл. д. *Расщепить*. На лозиночки дубиночка облочкана. I, 6, 167.

Обно́чьице, с. ср. *Ночное время*. Средь темное обно́чьице. З. С. 4, 8.

Ободверина, с. ж. *Притолока и косяки*. Выскочила дверь съ ободвединой. I, 17, 140.

Оболо́ко, с. ср. *Облако*. **Оболо́ка**, с. ж. *Похотѣлося Вольгѣ птицей соколомъ летать подѣ оболока*. I, 3, 8.

Обро́на, с. ж. *Обрѣненное*. Обронила я обровочку. З. П. 5, 11.

Обру́ченный, пр. *Обручальный*, Перстень обрученный. II, 7, 373.

Обры́къ, с. м. *Шумная болтовня, крикъ*. Развѣ ты бабыло обрыку не слыхивалъ. III, 5, 127.

Обря́дить, гл. д. *Спрягать*. Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую. I, 4, 48.

Обряди́ться, обряжа́ться, гл. воз. *Прягаться*. Буду отъ тебя обряжаться. I, 76, 10.

Обря́дъ, с. м. *Женскій нарядъ*. Что же ты не въ снаредѣ, не въ обредѣ. II, 24, 61.

Обста́ть, гл. д. *Обступить*. Вы обстаньте, подружки любезныя. З. С. 7, 27.

Общѣ́нщикъ, с. м. *Оцѣнщикъ*. I, 49, 419.

Объу́мѣться, гл. об. *Воротить себѣ умъ*. Можесть король объумѣется. III, 3, 88.

Объя́виться, гл. об. *Оказаться*. Объявилася чаша княже-нецкая въ подсумкѣ у Михайлы. I, 40, 100.

XXX.

Овершій, пр. *Впускной, опрокидывающийся*. Кроватка была овершная. I, 11, 94.

Огнева, с. ж. *Горячка*. I, 84, 25.

Огородникъ, с. м. *Горожанинъ*. Всѣ мужи огородники. III, 24, 83.

Огужище, с. ср. *Стропка, петля для весель*. II, 3, 5, 36.

Одва, нар. *Едва*. I, 75, 27.

Одинакій, пр. *Единственный*. Дочь одинакая. III, 35, 66. Одинаку сестру замужъ выдали. III, 62, 4.

Одинцовый, пр. *Темнозеленый*. Настланы сукна одинцовыя. II, 30, 390.

Одноличный, пр. *Одинакая лица*. Молодцы на коняхъ одноличные. III, 24, 62.

Одномѣдный, пр. *Изъ одной мѣди*. Кови подѣ нима одношерстныя, узды на нихъ одномѣдныя. I, 45, 82.

Одноносный, пр. *Рожденный одиночкой, а не въ числѣ двойней, тройней и болѣе*. Одноносный жеребенокъ. II, 2, 76.

Однорядка, с. ж. *Однобортная одежда*. I, 45, 222.

Ожуреный, пр. *Охаенный, поданный съ побранкой, съ поношеніемъ*. Пить чарочка ожуреная. I, 86, 129.

Ознобный, пр. *Который знобитъ*. Эпитетъ чужой стороны. З. С. 7, 42.

Окаракою, въ вид. нар. *На четверенькахъ*. Владиміръ князь по двору ходитъ окаракою. III, 5, 251.

Окичаться, гл. воз. (отъ корня хут.) *Хорониться, прятаться*. Призамолкли всѣ, окичаются. III, Д.

Окладывать, гл. д. *Укладывать, въ переносномъ смыслѣ—бить*. III, 43, 103.

Оклекивать, гл. д. *Обзывать браннымъ словомъ*. I, 43, 24. III, 28, 24.

Окольный, пр. *Идущій около чего нибудь*. Садился онъ за столики дубовыя, за тыя за скамеечки окольные. I, 10, 23.

Окутать, гл. д. *Покрывать*. Окутай меня каменной накрывшечкой. III, 2.

Окучаться, гл. воз. (отъ кут.) *Скрываться*. Другъ за друга туляются и окучаются. II, 34, 87.

Ольга, с. ж. (вѣроятно отъ корня влага). *Топкое болото*. Первая застава великая, ольги топучія. III, 5, 100.

Омѣхъ, омѣшикъ, с. м. *Рало у сохи*. Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ. I, 3, 30.

Опакишь, с. ж. III, 24, 271.

Опахивать, гл. д. *Выметать*. Улицы опаживалъ. II, 37, 18.

Опережь, нар. *Прежде*. Опережь я возилъ богатыря и женку богатырскую. I, 8, 186.

Опочевъ или опочивъ держать. Опочивать. Напр. И легъ опочевъ держать. III, 17, 80.

Опочинуться, гл. об. *Уснуть*. III, 13, 96.

Опочинъ, с. м. *См. опочивъ*. II, 13, 94.

Орда, с. ж. *Земля, сторона*. Ты коей земли, коей орды. III, 31, 119.

Ордынскій, пр. *Эпитетъ тельги*. Складите имѣнье на ты тельги ордынскія. II, 63, 354.

Орлений, орловый, пр. *Граненый. Эпитетъ грядки*. И грядочку прокладемъ орленую. II, 52, 61. Орловыя грядки по-выпадали. III, 28, 111.

Ортина, с. ж. *Пасть*. Отворила ортину великую. I, 76, 193.

Оружьина, с. м. *Оружье*. III, 36, 230.

Особина, с. ж. **Въ особину. Особенно.** Напр. Князю Владимиру поклонъ въ особину. III, 5, 210.

Островье, с. ср. Стали разбойники ставиться островьямы. III, 11, 47.

Остуда, с. ж. *Постылая*. Остуда чужая сторонущка. З. С. 2, 49.

Ошарашиться, гл. воз. *Встать дыбомъ*. Илья Муромца добрый конь ошарашился. III, 5, 121.

Отвернуть, гл. д. *Снова оборотить, возвертывать прежній*

образъ. И зачала искать по Москвѣ докторовъ, чтобы отвернуть Добрыню добрымъ молодцемъ. III, 19, 65.

Отвѣдать, гл. д. *Попробовать.* Отвѣдай взять мою вѣщицу. III, 1, 32. Посланъ я поотвѣдать твоей силы. III, 1, 57.

Отдали, нар. *Издали.* Хоть отдали-то Турицы поганья, посмотрѣли на князя на Владиміра. I, 20, 9.

Отдынуть, гл. д. *Поднять.* Ср. **Здынуть.**

Откулешный, производное прилагат. отъ **откуль**, откуда. Ты откулешный, дородный, добрый, молодецъ. I, 10, 133.

Отложить, гл. д. *Отпирать задвижку.* Отложай воротечка рѣшетчетые. II, 7, 245.

Отодраться, гл. воз. *Отдѣлиться съ силою.* Отодрался конь отъ сырой земли выше лѣсу стоячаго. III, 16, 123.

Отребный, пр. (отъ **отребье** или **отренье**, нисшій сортъ льна). Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ. III, 26, 68.

Отрушить, гл. д. *Сорвать.* Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ. I, 79, 73.

Отслышаться, гл. об. *Непослушаться.* Не можетъ отъ нихъ отслышаться. III, 53, 99.

Оттрагивать, гл. д. *Отодвигать.* Оттрагивала столики дубовые. III, 16, 215.

Отчина, с. ж. 1) *Отцовское имя.* Какъ тебя зовутъ по отчины. 2) *Отцовское значеніе.* Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: Или мѣсто было не по отчины. I, 6, 27.

Охвота, с. ж. *Охота.* закон.

Оханье, с. ср. *Оханье, крикъ отъ боли.* Бухканья не слышно, оханье. III, 16, примѣч.

Охаплатъ, гл. д. *Охватывать.* I, 33, 157.

Очелье, с. ср. **КАРГ.** *Передъ сороки, головного убора, надѣваемой на сдержу. Очелье бываетъ бѣлое, вытканное узорами, матерное или парчевое и тканное жемчужомъ.* Красныя дѣвки очелье дерутъ. III, 24, 275.

Ошестоеъ, с. м. *Шестоеъ.* II, 59, 24.

XXXIII.

Още, нар. *Еще*. Ъхалъ Вольга още третій день. I, 3, 41.

П.

Па, надставка, означаетъ въ сложныхъ словахъ *неразвитое или бывшее прежде того, что выражено въ корнѣ слова*. Ср. Па-дчерица, па-ужинъ, (пѣда до ужина послѣ обѣда), па-бѣдъ, (пѣда до обѣда), па-морокъ (не полный мракъ, сумерки.)

Пабѣдѣ, с. ср. *Время около пабѣда, т. е. первой пѣды, бывающей до обѣда*. I, 72, 13.

Павитье, с. ср. *Молодыя, неразаившіеся вполне*. З. П. 9, 5.

Падовый, пр. На ту ли на улицу падовую. III, 24, 128.

Паевать, гл. д. *Дѣлать на паи*. Начнемъ на камню деньги паевать. I, 37, 421.

Палъ, с. м. *Обгорѣлый лѣсъ*. Очистить надо палъ отъ дубья колодья. I, 8, 71.

Паробка или **паробокъ**, с. м. *Слуга*. И былъ взять у него малый паробка. I, 23, 41, III. Своего паробка, слугу вѣрнаго. III, 19, 39. Стоялъ его слуга, Акимъ паробокъ. III, 20, 38.

Пахатъ, гл. д. *Мести*. Какъ метлой пахнули силу поганую. III, 26, 241.

Паче, нар. *Больше*. Крестовый братъ паче роднаго. II, 6, 93.

Пашница, с. ж. *Несчастливая*. Какъ у вдовушки было у пашницы. III, 62, 1.

Пелечко, с. ср. *Лопатка передней ноги у животнаго*. Подвязывалъ подъ пелечко подъ правое. III, Д.

Пело, с. ср. (мнж. **пелы**), **пелька**, с. ж. (мн. **пельки**). *Передняя часть рубахи, покрывающая грудь*. На него дѣти глядятъ, золоты пелы ломать. I, 46, 7. Конай по пелькамъ въ сыру землю. I, 30, 256.

Пенье, с. ср. *Пни*. Колодые-пенье вы повырубите. II, 21, 202.

Пестно-уголъ, с. м. *Уголъ, идъ печь*. I, 55, 138.

Перебранный, пр. *Отборный*. Перебранный жемчугъ. З. С. 13, 109.

Перебѣгъ, с. м. *Пространство бѣга*. Перебѣгу ровно триста верстъ. III, 34, 37.

Перевалъ, с. м. *Холмистое возвышеніе между двумя увалами или ухабами*. Лежать-то мужики увалами и перевалами. I, 55, 74.

Перевозное, с. ср. *Плата за перевозъ*. Перевозного дати нечего. I, 86, 184.

Перегворный слова. *Пересуды*. З. С. 36, 6.

Перегрузъ, с. м. *Плотъ для подъема и перевоза груза*. Б. 19. 11.

Передомъ, въ вид. нар. *Впереди*. Единый корабль передомъ пошолъ III, 41, 19.

Перекладъ, с. м. *Помость въ наружныхъ стѣнахъ отъ лѣсныцы до дверей*. Переклады гиблются. III, 44, 124.

Перелѣтные дрова, *срубленные осенью и составленные сохнутъ съидущій зиму и лѣто*. З. С. 39, 5.

Перемѣнница, с. м. *Смѣняющая кого либо на работъ*. Не легка была перемѣнница. З. С.

Переный, пр. *Окруженный перилами*. Крылечко переное.

Перепасться, гл. стр. *Испугаться*. Невѣтъ дѣвица перепаляся. I, 53, 231.

Переплавывать, гл. ср. *Переплывать*. Синія моря пере-плавывать. II, 6, 173.

Переправить, гл. ср. *Поколотить въ другой разъ*. I, 17, 152.

Пересмѣтывать, гл. д. *Сдѣлать смѣту*. Кто бы вѣхать могъ силу пересмѣтывать. III, 22, 89.

Пересѣсться, гл. возвр. *Надорваться*. Бьется тамъ Ермакъ, пересѣдется. I, 19, 277.

Пореходъ, с. м. *Помость въ стѣнахъ или галлерей отъ на-*

ружной двери до жилых покоевъ. Переходы колыбаются. III, 44, 123.

Перехолоднуть, гл. ср. *Сильно переязбнуть.* Сидятъ они всѣ перехолоднули. I, 76, 188.

Перить, гл. д. *Садить перьями съ обѣихъ сторонъ.* Стрѣлы перены перьемъ сиза орла. III, 29, 21.

Персъ, пересокъ, с м. *Перстъ, палецъ.* Перески тоненьки все по женскому. II, 20, 105.

Печалить, гл. ср. *Печалиться.* Кручинить, печалить добрый молодецъ. III, 18, 90.

Печаловатый, пр. *Нѣсколько печальный.* Что идетъ кручинovatъ, печаловатъ. III, 39, 120.

Пластина, с. ж. *Половина разрубленная тыла.* Безъ числа пластина принарублена. I, 56, 264.

Плаченный, пр. *Заплатанный.* На ножкахъ чоботы рваные-плаченные. II, 7, 269.

Племникъ, с м. **племница**, с. ж. *Племянникъ, племянница.* I, 20, 125. I, 43, 178.

Плутивцо, с. ср. *Поплавокъ.* Плутивца клалъ серебряные. I, 4, 7.

Плывомъ плыть. Глубокія рѣки плывомъ плыть. III, 58, 14.

Плящій, (*Отъ корня пл, откуда: пламя, пылъ, пылатъ*). *Эпитетъ огня и морозовъ.* Огни плящіе. З. С. 2, 23.

По, пр. *Для обозначенія продолженія времени.* По три дни и по три ночи. I, 1, 30. Наѣхалъ онъ ратая по третій день. I, 5, 12.

Побѣда, с. ж. *Бѣда.* Тая побѣда учинилася.

Побѣдный, пр. *Жалкій, бѣдный.* Взивайся побѣдный зычень голосъ. З. С. 7, 51. Курица на морѣ побѣдна птица. II, 59, 94.

Повелѣнный, пр. *Эпитетъ дѣла.* Дѣло повелѣнное. I, 1, 32.

Повернутьсѣ, гл. воз. *Оборотиться лвомъ, шукой.* Повернулся Вольга левымъ звѣремъ. I, 1, 37.

По версту, *Подходящій къ кому пибудь*. Неровня мнѣ, да не по версту. II, Ч. 4, 9.

Поверткій, пр. *Поворотливый, проворный*. Ильюша былъ на ноженьку повертокъ. I, 17, 136. III, 8, 34.

Поволока, с. ж. *Покрышка шубы* Шьютъ-то шубу черныхъ соболей, а поволоку-то дорогаго самита. III, 57, 256, 278.

Поволжанный, см. **волжанный**.

Поводиться, гл. об. *Случиться*. Поводился у Ставра свой человекъ. I, 42, 30.

Поводить, гл. д. *Собираться, приниматься вести*. Поводить Добрыня Настасью въ свой теремъ. II, 6, 230. Ср. **походить**, **поѣзжать**.

Поворотъ держать. *Вернуться*. Скоро оны поворотъ держать. I, 9, 285.

Повыздынуть, гл. д. см. **Здынуть**.

Повыщербить, гл. д. *Выломать часть цѣлаго*. I, 75, 125.

Повыщербѣть, гл. ср. *Иззубриться*. У нихъ сабли въ рукахъ погибалися, повыщербѣли на латы кольчужныя. I, 13, 125.

Поговоря или **проговоря**, с. ж. *Оговоръ*. Рѣчь-проговоря все съ провизгомъ. II, 19, 144.

Погона, с. ж. *Поюня*. I, 30, 161.

Пограянье, с. ср. *Покарканье*. Чернымъ воронамъ на пограянье. III, 13, 132.

Погрядочка, с. ж. *Бѣлая браненая занавѣска*. II, 3, 1, 9.

Погуменный, пр. *Летающій по гумнамъ*. Сорока погуменная. II, 4, 66.

Подброздья, с. ср. множ. (отъ **брозды**, бразды, конскія удила, желѣзный кольчатый пруть, которымъ посредствомъ узды взнуздываютъ лошадей). *Конецъ удила*. Береть коня за подброздья серебрянныя. III, 34, 58.

Подзорникъ, с. м. *Постоялецъ*. З. С. 1, 9.

Поддаивать, гл. д. *Поддавать въ шашки*. II, 24, 24.

Подзолоточка, с. ж. *Колчанъ*. Кмалъ онъ стрѣлочку въ подзолоточку. III, 17, 44.

XXXVII.

Подкамедять, гл. ср. *Напроказить*. Кто этакъ подкамедить. II, 2, 93.

Подколѣнный, пр. (отъ **колѣно**, старшій въ семьѣ или родѣ). *Младшій*. Поклонъ ведетъ князю Владимиру и вѣсмъ его князьямъ подколѣннымъ. I, 10, 131.

Подлыгаться, гл. об. *Лгать въ глаза*. Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься. I, 10, 153.

Подмость, с. м. *Помость*. I, 17, 45.

Подневольный, пр. *Подвластный*. Сила подневольная. II, 22, 114.

Подоболочье, с. с. *Подоблачье*. I, 85, 265.

Подорожникъ, с. м. *Попидающийся на дорожъ*. Было сорокъ человекъ разбойничковъ, ночныхъ все поддорожничковъ. I, 11, 23.

Подорожный, пр. 1) *Взятый на дорожъ или на дорожъ*. 2) *Платимый за дорожъ*. Они просятъ грошевъ подорожныхъ. А былъ я съ шалыгой подорожною. I, 3, 75, 76.

Поднаживать, гл. д. *Подметать*. Тутъ эшла она въ ложню поднаживать. II, 32, 67.

Подпорожный, пр. *Что подѣ порогомъ*. Стала грязь подпорожная. I, 37, 246.

Подрачивачъ, гл. д. (отъ корня **дрока**, *пыга*, *ласка*), *Ласкать*. III, 22, 73.

Подумиться, гл. об. *Думу думать съ кѣмъ нибудь*. Царица съ Катрюкомъ подумилася. III, 44, 6.

Подхилый, пр. *Отвислый*. II, 35, 13.

Подъ, пр. *Супротивъ, въ сравненіи*. Смѣлости подѣ собаку у тебя нѣтъ. III, 9, 61.

Подъугольный, пр. *Слонящийся подѣ улами домовъ*. Обернулся сѣрымъ волкомъ подѣугольнымъ. III, 51, 124.

Поелзывать, гл. ср. *Елозить, вертѣться на мѣсть*. III, 24, 193.

Пожаливаться, гл. воз. *Жаловаться*. III, 39, 15.

XXXVIII.

Позаочъ, нар. *За глаза, заочно, долой съ глазъ*. Возьми моего сына позаочъ. II, 54. Тебя не позаочъ бранятъ. III, 43, 98.

Позволеніе, изволеніе, с. ср. *Распоряженіе*. Я теперь въ изволеніицѣ у матушки. З. С. 28, 11.

Пониграть, гл. д. *Обыирать*. Я тебя пониграю, Богъ проститъ. III, 27, 33.

Поклонливый, пр. *Любящій кланяться*. Будь головушка поклонлива. З. С. 43, 18.

Покляный, пр. *Наклонный въ одну сторону*. У тоя у березы у покляныя. I, 10, 29.

Покорливый, пр. *Любящій покорность, умѣющій покаряться*. Будь сердечушко покорливо. З. С. 43, 19.

Покраса, с. ж. *Показъ своей красоты*. Мой-то мужъ на покрасу съѣтъ. III, 28, 174

Покрутъ, с. м. *Нарядъ, убранство*. Что же ты, сестрица, не въ покрутъ. I, 65, 75.

Поле, с. ср. *Плоскій край таза*. Положилъ яйцо на поле тазовое. III, 58, 31.

Полякъ, с. м. II, 48, 69. См. **поленица**.

Поленица, с. ж. (Отъ корня **поляковать**). *Удалый молодецъ, который ѣздитъ по полю и ищетъ приключеній. Прозваніе иноземныхъ богатырей и женщинъ богатыршъ*. Прѣѣхала паленичица удалая. I, 12, 8.

Поленской, пр. *Поленицынъ*. Али ты полякъ есть, поленской сынъ. II, 48, 69.

Полестися, гл. вз. *Поластиться, поласкаться*. Не съ кѣмъ добру молодцу полестися. II, 50, 17.

Полномочный, пр. *У котораго всего вдоволь, независимый*. Поди хоть за полномочнаго крестьянина. I, 26, 55.

Полона, с. ж. *Взятое въ плѣнъ*. Станемъ-те теперь полону подвѣлять. I, 1, 178.

Подкопъ, с. ж. *Подкопъ, волчья яма*. III, 96, 193.

Полоняночка, с. ж. *Шляница*. III, 51, 54.

XXXIX.

Польскій, пр. *Полевой*. *Эпитетъ ворона*. II, 7, 18.

Поляковать, ср. *Рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній*. III, 25, 13.

Помахъ, с. м. *Пространство, перемахнутое, перескоченное лошадыю*. I, 48, 357.

Пометный, пр. *Стоящій того, чтобъ бросить*. Дрянное лученушко пометное. I, 27, 403.

Пометочка, с. ж. *Памятная записка*. III, 22, 105.

Поморозница, с. м. *Мѣсто морозное*. Сверху горница, внизу поморозница. З. П. 8, 8.

Помуравленный, пр. (Чердаки помуравлены. II, 31, 42). См. **Муравленный**.

Помшиться, гл. стр. *Обломиться*. Шеломчатые гвоздики не помшились. З. С. 7, 34.

Помытушиться, гл. об. *Помѣтиться*. Бѣлый свѣтъ въ глазахъ помытушился. II, 32, 139.

Понаводить, гл. д. *Поправить*. Перешили они башмаки, понаводили. III, 57, 221.

По надобью, въ вид. нар. *Сколько надобно*. А мы пошли-ну выплатимъ по надобью. II, 52, 88,

Понадѣться, гл. возвр. *Одѣться*. I, 84, 6.

Понакнутъся, гл. об. *Согласиться*. Скоро Добрынюшка понакнулся. I, 30, 68.

Понапрасные, въ вид. нар. *Понапраску*. III, 11, 19.

Поневольный, пр. *Невольный*. Мое дѣло поневольное. III, 56, 214.

Поносный, пр. *Беременный*. Поносныя бабы разродились. II, 63, 742.

Поносъ, с. м. *Беременность*. Захотѣлось на поносъ мнѣ мяса лебединаго. I, 34, 76.

Поносъ понести. *Забеременить*. А втапору княгиня поносъ понесла. I, 1, 2.

Пообидовать, гл. ср. *Жаловаться на обиду*. Попеняю, пообиду. З. П. 8, 52.

XI.

По-однакому, въ вид. нар. *Одинакимъ образомъ*. I, 27, 700.

Поостопаться, гл. об. *Потоптаться*. Дайте мнѣ маленько поостопаться. II, 8, 58.

Пооченно, нар. *Очень*. Пооченно велико здоровье въ себѣ чую. II, 2, 40.

Попровѣдать, гл. д. *Провѣдать*. Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка. I, 12, 195.

Попустить голосъ, *Запѣть громко*. З. С. 11, 22.

Пора, с. ж. *Сила, опору*. Во всю-то пору лошадиную. I, 27, 637.

Поразмалтаться, (отъ корельскаго глаг. *малтада*, умѣть), гл. об. *Прійти въ себя*. Какъ всѣ они поразмалтались. II, 63, 751.

Порато, нар. *Сильно*. Дюкъ порато въ чужихъ людяхъ хва-стаеть. II, 29, 181.

Поретовать, гл. ср. (отъ корня *рет*, ретивый). *Сердиться*. Посудячу, поретую. З. II 8, 51.

Поровеночка, с. ж. *Однолѣтка*. З. С. 45, 52.

Порока, с. ж. *Закладъ*. Порокъ поставили пятьсотъ рублей. III, 29, 342.

Пороха, порошница, с. ж. *Молодой силъ*. III, 27, 3—4.

Портъ, с. ж. *Платье, одежда*. Иной хвастаетъ шелковымъ портомъ. II, 16, 11.

Порутчикъ, с. м. *Порука, поручитель*. III, 29, 404.

Порученки, с. ж. мн. *Перила*. Настланы мостички кирпичные и порученки положены калиновы. I, 48, 70.

Поручный, пр. *За рукоприкладствомъ*. Записали записи поручныя. II, 28, 488.

Порядный, пр. пуд. С.м. *Спорядобный*. З. II. 7, 18.

Порядъ, с. ж. Становитесь всѣ попоряди. III, 41, 34.

Посажденье или **посаженье**, с. ср. *Благословеніе посаженнаго отца или посаженной матери*. З. С. 10, 32.

XII.

Поселица, с. м. *См. Поселье*. III, 24, 91.

Поселье, **посельице**, с. ср. *Мѣсто поселенія, постояннаго жительства*. III, 2.

Поскакучій, пр. *Эпитетъ зайца*. Поскакучіихъ заюшекъ. I, 1, 44.

Поскокъ, с. м. *Скочилъ конь на три поскока*. III, 34, 180.

Пословничать, гл. ср. *Жить въ послахъ*. По три году Добрынюшка пословничалъ. II, 4, 3.

Послѣдне, нар. *Въ послѣдній разъ*. Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися II, 49, 74.

Посмѣхъ вести, *Насмѣхаться*. На Владиміра князя посмѣхъ ведетъ. I, 13, 21.

Пособникъ, **пособничекъ**, с. м. *Помощникъ*. III, 21, 54.

Постельничать, гл. ср. *Убирать постель*. III, 53, 44.

Постельщикъ, с. м. *Постилальщикъ*. Постельщики по дорожкамъ сукна постилають. III, 30, 318.

Посѣдатѣль, гл. ср. *Посѣдѣть*. Русы кудри посѣдаѣли. I, 74, 198.

Посѣмена, с. ср. *Сѣмена*. I, 27, 573.

Потикъ, с. м. *Подикъ у печки*. III, 24, 149.

Потникъ, **потикъ**, с. м. *Подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спину лошади*. Потнички клалъ на потнички, а на потнички кладетъ войлочные. I, 24, 13, III, 15, 13.

Потархивать, гл. д. (отъ корня **торокъ**, ударъ вѣтра). *Толкать*. Зачали калику потархивать. III, 9, 35.

Потоки, с. м. мн. *Выдолбленные бревна, на которыя опирается нижними концами своими кровля избы и по которымъ стекаетъ дождевая вода*. Потоки съ потоками срослися. III, 63, 33.

Потребить, гл. дл. *Убить*. Моего-то мужа взяли-потребили. III, 62, 15.

Потурять, гл. д. (Отъ корня **тр**, означающаго толчокъ, ударъ, а за тѣмъ поспѣшность) *Погонять ударами, торопить*. Не твое было дѣло коня потурять. III, 28, 151.

XIII.

Потыкаться, гл. об. *Спотыкаться*. Что ты собака потыкаешься? I, 10, 63.

Поученый, пр. *Знающий*. Молодцы поученые, скоморохи. III, 43, 14.

Пофурскивать, гл. ср. *Фыркать*. Станетъ конь въ лошадиныя ноздри пофурскивать. III, 2, 17.

Похматка, с. ж. *Похватка*. Повыучить всѣмъ похматкамъ, повздамъ богатырскимъ. I, 47, 202.

Походить, гл. ср. *Собираться итти*. Походить Василий на почестный пиръ. III, 39, 71.

Пошанка, с. ж. *Поцанка*, *щегольство*. III, 18, 62.

Пошатать, гл. ср. *Встряхнуть*. Пошатаю своей старостью глубокою. II, 7, 262.

Почерпуга, с. ж. *Посуда, употребляемая для черпанія воды*. Третья сила пила почерпугами. III, 51, 99.

Почтивать, гл. д. *Подчивать, угощать*. Чимъ будешь гостя почтивати. I, 43, 118.

Поѣзжане, с. м. мн. *Провожатые жениха*. З. С. 45, 9.

Поѣзжать, гл. ср. *Собираться ѣхать*. Поѣзжалъ я добрый молодець. I, 9, 210. Ты куда поѣзждаешь на широко далече чисто поле. III, 17, 13.

Прека, с. ж. *Упрекъ, укоръ*. Мнѣ за преку будетъ за великую. III, 31, 46.

Прета, с. ж. *Перекоръ, раздоръ*. Съ каменной Москвой преты не было. III, 39, 7.

Прибавочекъ, с. м. *Прибавка*. I, 78, 26.

Придержать, гл. д. *Издержать*. З. С. 2, 64.

Призабавить, гл. ср. *Промышкать, пропустить что либо*. Мѣстечка всѣ призабавлены. II, 63, 386.

Призагормовѣть, гл. ср. (*заон.* призагорбовѣть). *Призаплевсневть*. Бѣлоярово ишено призагормовѣло. III, 26, 22.

Призаздынуть, гл. д. *Приподнять*. III, 33, 21.

Призоръ, с. м. *Дѣйствіе слазенья*. На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ. III, 59, 47.

XLIII.

Прикладна, с. ж. Говори не съ упадкою, говори со прикладкою. III, 44, 38.

Прилучиться, гл. об. *Случиться*. Я одна прилучилась. III, 27, 21.

Приниматься къ рѣчамъ, гл. об. *Обращать вниманіе*. Къ тѣмъ рѣчамъ государь не принимался. III, 47, 26.

Приогрюшиться, гл. воз. *Погрузиться*. Чурила посередъ рѣки приогрюшился. I, 48, 362.

Приокинуться, приужинуться, гл. воз. *Польститься*. На тыя ласы Батыга приокинулся. III, 37, 134.

Приомалтаться, гл. воз. *Прійти въ себя, справиться*. (Отъ карельскаго корня **малтада**, передѣланнаго изъ русскаго корня **умѣл**). Тутъ-то Пляя приомалтался. I, 9, 170.

Пристраниться, гл. воз. *Посторониться*. Пристранился Пляя Муромецъ въ сторонушку малешенько. I, 15, 78.

Присѣйникъ, с. м. *Слѣпый служитель*. З. С. 13, 20.

Притычивать, гл. д. *Притыкать*. Тычки къ берегу притычивали. III, 33, 55.

Приужахнуться, гл. воз. *Ужаснуться*. Его сердце богатырское приужахнулось. I, 12, 111.

Приулокъ, с. м. *Переулокъ*. III, 44, 43.

Причетникъ (отъ чета, дружина). *Дружинникъ*. II, 46, 5.

Прищивиться, гл. воз. *Плотно пристать къ чему нибудь, отъ прищивить-слепка приколотъ иголкою*. Серебряной иглою прищивиться. З. С. 9, 9.

Провизгъ, с. м. *Визгливый тонъ рѣчи*. Рѣчь-проговора все съ провизгомъ. II, 19, 144.

Проводины, с. м. мн. *Трата за провозъ коня съ одного мѣста въ другое*. Мой конь . . . съ провозинами сталъ цѣлу тысячу. III, 34, 153.

Прогрызывать, гл. ср. *Поцуржаться въ грязь*. Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрызываетъ. I, 30, 162.

Прогуркивать, гл. д. *Ворковать*. I, 27, 619.

Продрыгивать, гл. ср. *Вздрагивать, дрожать*. Мать сыра земля продрыгиваетъ. I, 12, 294.

Проклаждаться, гл. воз. *Продолжаться*. И много времени проклаждается. III, 17, 65.

Прокурить, гл. ср. *Подняться столбомъ*. Одна куревка прокурила. II, 63, 75.

Прокырчить, гл. ср. *Кикать, кричать по лебединому*. Не бѣлая лебедушка прокырчила. III, 27, 15.

Пролетный, пр. *Пролетающій*. Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному. I, 9, 85.

Промежъ, нар. *Между* I, 17, 10.

Пропетаться, гл. об. *Провозиться до поту*. Пропетался съ Соловьѣмъ. II, 3, 89.

Прописать, гл. д. *Писать на конѣ* (въ игръ въ шахматы). Прописалъ король свою землю польскую. II, 15, 226.

Просвѣтлить, гл. д. *Дать свѣтъ*. Зоринька просвѣтлила. III, 27, 123.

Просто, пр. *Леко*. Тобѣ просто надо мною насмѣхатися, какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою. I, 12, 201.

Простокиша, с. ж. *Простокваша*. II, 3, 17.

Просторый, пр. *Просторный*. Дубовая колода просторая. II, 15, 122.

Проступывать, гл. ср. *Ступать потихоньку*. III, 51, 146.

Прохватиться, гл. об. *Спохватиться, прійти въ себя*. Спитъ Илья Муромецъ, высыпается, не прохватится ото сна богатырскаго. I, 12, 290.

Прощаться, гл. об. *Просить прощенье*. Прощается Василій во первой большой винѣ. II, 11, 115.

Прямохожій, пр. *Эпитетъ дороги*. Дорожка прямохожая. II, 3, 23.

Пугвица, с. ж. *Пуговица*. Покатилась голова, будто пугвица. II, 6, 120.

Пустохвастъ, с. м. *Хвастающій вздоромъ*. Олеша пусто-

XLV.

хвастъ то есть, вѣкъ Олеша пустымъ хвастаетъ. II, 7, 79.

Путо, путевья, с. ср. *Съти*. Вложите путевья шелковыя. I, 4, 73.

Путыни, с. ср. *Путы*. Поразюпали путыни шелковыя. III, 22, 281.

Пшена, с. ж. *Пшеница*. *Пшена бѣлаяровая постоянный конскій кормъ въ былинахъ, напр.*, III, 11, 71.

Пырать, гл. д. (отъ корня **пыр**, означающаго быстроту движения, напр. **прыткій**) *скоро разъяжать*. Не твое дѣло было по полю пырать. III, 28, 150.

Пьянь, собир. имя. *Пьяницы*. Дала ты мнѣ пьянь да голь кабацкую. III, 56, 141.

Пѣвучій, пр. *Пѣвичі*. Птицы пѣвучія. I, 49, 307.

Пѣхотою, вѣ видѣ нар. *Пѣшкою*. Усмотрѣлъ идущисъ молодца пѣхотою. III, 1, 5.

Пясть, пялъ, гл. д. *Пнутъ*. Пялъ Чурила правой ногой. III, 29, 562.

Пята, с. ж. *Конецъ стрѣлы противоположный острію*. Втерано было въ пяты каменье все яхонты. III, 29, 44.

Пятникъ, пятничекъ, с. м. *Крюкъ у воротъ*. Ко тыщмъ ко пятничкамъ ко булатнімъ. III, 26, 89.

Пененизо, (т. е. *Пененисто*, отъ **пенязъ**, пенензъ, какъ монисто отъ монета), с. ср. *Металлическая цѣпь*. III, 35, 243.

Р.

Рагуза, с. ж. Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ. III, 59, 38.

Развалить, гл. д. *Расчистить*. Развалилъ поле великое. II, 2, 89.

Разгуркаться, гл. воз. *Разворковаться*. Голубъ да голубка промежъ собой разгуркались. I, 37, 185.

Разложиться, гл. об. *Разсудиться*. Что ему по разуму разложится. II, 25, 74.

Разрывчатый, пр. *Эпитеть лука*. Свой тугой лукъ разрывчатый отстегиваль. I, 10, 65.

Раменьё, с. ср. *Мѣсто, гдѣ растеть большой строевой лѣсъ*. Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью. I, 1, 2, 66.

Раскрежаться, гл. стр. *Разломаться*. Столы всѣ дубовые раскрежались. I, 30, 121.

Распастаться, гл. воз. (отъ *пастъ*, поясъ). *Распоясаться*. Скоро Ванюшенька распастался. I, 17, 74.

Раструбистый, пр. *Трубою*. Эпитеть кафтана и сарафана. III, 37, 176.

Растуляться, гл. воз. *Попряться*. I, 64, 55.

Расхутиться, *расхучиться*, гл. возвр. *Попряться* (Отъ корня *хит*, *хут*). Всѣ по чуланчикамъ расхучались. III, 9, 19.

Ратай, с. м. *Землепашецъ*. Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ. I, 3, 28.

Робро, с. ср. *Вм. Бедро, нар.* III, 5, 122.

Ревня, с. ж. *Ровня*. П. 3. 4, 17.

Рель, с. ж. *Висьлица*. Будьте скоро у рели у дубовыя. III, 56, 201.

Риньга, с. ж. *Придня, столовая комната*. Гляди-тко на риньгу королевскую. II, 12, 98.

Рипсоватый, (отъ *рибуша*, испорченнаго изъ корельскаго *рипак*, которое въ свою очередь испорчено изъ русскаго *тряпка*. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ употребляется и *ришковатый* отъ *ряски*, тряпье, откуда глаголъ *ряшиться*), пр. *Употребляется о матеріи, которой ткань начинается расплзаться и на оконечностяхъ висить нитками*. Рипсоватые подола Почезерочки. II, 11, 154.

Робить, гл. д. *Работать*. Не работы робить деревенскія. II, 33, 50.

Ровнакій, пр. *Ровный*. Обѣ половиночки на взглядъ ровнакія. I, 30, 225.

Ровнымъ, въ вид. нар. *Ровно*. А волосомъ, рѣстомъ ровнымъ съ меня. I. 17, 112.

XLVII.

Рогать, с. м. *Ружьятка у сахи*. Ушла сошка до рогача въ землю. I, 4, 47.

Родитель, с. м. *Родной*. Ай же ты, родитель мой дядюшка. II, 13, 21.

Родникъ, с. м. *Сродникъ, родственникъ*. I, 43, 171.

Роздѣять, гл. д. *Разсплать*. Гдѣ роздѣять мнѣ великая кручинушка. З. П. 1, 33.

Розливной, пр. *Эпитетъ весны*. До розливной красной веснушки. З. С. 1, 3.

Розстань, с. ж. *Перекрестокъ*. Пріѣхалъ Илья Муромецъ на розстани. I, 41, 2.

Ромода, с. ж. *Хлопоты, беспокойство*. Сочинилась ромода. III, 59, 105.

Розбракаться, гл. воз. *Разболтаться*. Тутъ ты, удалый, раскуражишься и порозбракаться. III, 53, 77.

Роскатный, пр. *Эпитетъ шлема*. Другая сила пила роскатнымъ шеломомъ. III, 51, 98.

Рудожелтый, пр. *Красножелтый. Эпитетъ песковъ*. I, 49, 393.

Рукобитье, с. ср. *См. свадебный обрядъ въ уездахъ: Петро-заводскомъ и Пошехонскомъ*.

Рукотерникъ, с. м. *Полотенце ручное, не личное*. II. З. 3, 15.

Рыкучій, пр. *Издающій рыкъ*. Звѣри рыкуціе. I, 49, 308.

Рыскучій, пр. *Эпитетъ звѣрей: волка, оленя, тура*. III, 19, 60.

Рыть, гл. д. *Бросать*. Первую частичку рубилъ онъ на меляи куски, и рыть онъ по раздольицу чисту полю. I, 12, 319.

Рыцарь, с. м. III, 21, 131.

Рѣчистый, пр. *Эпитетъ языка*. З. С. 2, 31.

Рядный, пр. *Холщевый*. Рядные сарафаны Кенозерячи. II, 41, 155.

XLVIII.

Рядобный, пр. *Идущий, достающийся по ряду*. Али чара ти шла не рядобная. I, 6, 26.

Рядомъ дойти, въ вид. нар. *Какъ сидятъ, по ряду*. Али чара тебѣ не рядомъ дошла. II, 18, 48.

Ряды рядить, *Быть судьей и надзирателемъ за порядкомъ*. Стань-ко къ намъ ряды рядить. III, 6, 21.

С.

Сажены перьями, пр. *Оперенный*. III, 30, 10.

Самитъ, с. м. *Аксамитъ*. III, 24, 131.

Самолетный, пр. *Летающий самъ собою*. Коверъ самолетный. III, 57, 164. Орелъ самолетный. III, 58, 9.

Самосмѣнный, пр. *Самъ собою перемѣняющийся*. Надѣваетъ платье самосмѣнное. III, 25, 4.

Сбережатай, с. м. *Охранитель*. Не было въ Москвѣ сбережата. III, 45, примѣч. 5.

Сверкучій, пр. *Эпитетъ молніи*. З. С. 45, 4.

Сверстной, пр. *Ровный, подходящий*. Умомъ сверстна. III, 56, 22.

Свистучій, пр. *Эпитетъ соловья*. З. С. 32, 16.

Сворохнуться, гл. воз. *Пошевелиться*. Сидитъ Соловникъ, не стяхнется, желтая кудерка не сворохнется. I, 14, 40.

Свычный, пр. *Привычный*. Какъ Илья былъ свыченъ, догадливъ былъ. I, 14, 83.

Сдержавъ, с. ж. *То, за что можно держаться*. Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка. I, 26, 40.

Сдоложиться, гл. воз. *Выпроситься, испросить чьего нибудь разрѣшенія*. У царя сдоложилъ. III, 44, 5. Доложусь я во любимое гостебищю. З. С. 6, 2.

Сдѣять, гл. д. *Сдѣлать*. Тутъ оны здоровье сдѣяли (поздоровались). I, 9, 196.

Семья, с. об. *Общее названіе супруговъ въ отношеніи къ другу другу, подобно тому, какъ парочка общее названіе любящихся*. З. П. 11. 4.

XLIX.

Середа, с. ж. *Полъ. катг.* По той-то среды по *квирвичныя*. II, 23, 57.

Сесвѣтный, пр. *Сею овѣта*. По сесвѣтному есть *прегрѣшенице*. III, 25, 135.

Сивогривый, пр. *Съ сивой гривой*. III, 34, 120.

Сидуномъ, въ вид. нар. *Сиднемъ*. Тридцать лѣтъ йонъ сидѣлъ сидуномъ. II, 2, 3.

Сидѣльный, пр. *Эпитетъ бесѣдки*. II, 31, 41.

Силомъ, въ вид. нар. *Силой*. Добромъ буде не дашь, *силомъ* возьму. III, 8, 7.

Сказать Божью помочь. *Поздороваться*. Не сказала Божьей помочи богатырямъ. I, 12, 16.

Склеснуть, гл. д. *Схлеснуть, такъ сдавить въ одно мѣсто, что послышится „хлестъ“*. Третьяго склеснуть въ середочку. II, 20, 230.

Сколнуть, гл. д. *Сколотить*. Сколнуть омѣшики булатнѣ, III, Д.

Сноморовчатый, пр. *Скоморошный*. I, 27, 680.

Скорбить, гл. д. *Доводить до скорби*. Скорбила она лице бѣлое. I, 25, 74.

Скоромъ, с. м. *Скоромное*. Среду-пятницу скоромъ кушаютъ. III, 56, 183.

Скрытатъ, гл. д. *Скрутить, захватить въ плъкъ*. Тутъ они скрытали татарина поганого. I, 20, 284.

Скурлатный, пр. *См. Скурлатъ*.

Скурлатъ, с. м. *Шерстяная ткань разнаго цвѣта, напр. голубъ скурлатъ*. Кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна. I, 45, 83.

Славу пѣть кому нибудь. *Пѣть въ честь умершаго. Въ древности смерть героя или богатыря сопровождалась пльнѣмъ хвалебныхъ пѣсень въ честь покойника. См. напр. Амміана Марцелина о смерти Теодорика Готскаго XI.] и Аттилы XLIX.* Тутъ Соловьѣ и славу поють. I, 10, 230.

Слезить, гл. д. *Вводить въ слезы*. Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей. I, 25, 13. Слезила она очи ясныя. I, 25, 73.

Слухать, гл. д. *Слушать*. Слухайте большого брата. I, 1, 24.

Сыть, с. ж. *То, чѣмъ бываютъ сыты*. Ахъ ты, волчья сыть. III, 4, 24.

Слыхъ, с. м. *Слухъ*. Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ. I, 78, 147.

Смануть, гл. ср. *Пробратьея*. Сманулъ Ванька въ подворотенку. I, 76, 30.

Смертный, пр. *Грозящій смертію, напр., смертное побоище, мѣсто*. Почто вы меня бьете-убиваете и со смертнаго мѣста не спускаете. III, 11, 34.

Снарядный, пр. *Нарядный*. Чго Катерина не снаряднаидеешь? III, 27, 97.

Сноровить, **сноровливать**, гл. ср. *Содѣйствовать*. Своимъ Татарамъ не сноровливаешь. III, 9, 131.

Собиться, гл. без. *Быть по себѣ, чувствовать себя хорошо*. Пльъ Муромцу не спится, мало собится. III, 35, 203.

Собачина, с. ж. *Псина*. Сердце смердитъ на собачину. II, 54.

Собольщикъ, с. м. *Обдѣлыватель собольихъ шкурокъ*. II, 51.

Со временемъ, въ вид. нар. *По истеченіи извѣстнаго времени*. II, 50, 31.

Совѣтный, пр. *Съ кѣмъ совѣтуются*. Совѣтныя милы подруженьки. З. С. 6, 14.

Совѣтовать, гл. д. *Держать совѣтъ*. Что онъ царь совѣтуетъ со своей царицей со Давыдьевой. I, 2, 79—80.

Содержатай, с. м. *Который можетъ сдержать, остановить*. Не было въ Москвѣ содержатая. III, 45, примѣч. 4.

Сождать, гл. д. *Ждать*. Промежду собой уговорилися братьямъ дружка-дружкѣ сождать. II, 15, 37.

Сойка, с. ж. *Льсная сорока*. II, 56, 68.

Сокрутиться, сокручаться, гл. воз. *Шаркдиться*. Сокрутился онъ старчищемъ пилигримищемъ. III, 8, 8. I, 56, 181.

Солонный, пр. *Соленый*. I, 75, 90.

Сорога, с. ж. *Рыба плотица*. Рыбу сорогу повыловили. III, 24, 29.

Соромы довести кому. Острамить. Молодыхъ молодицъ соромы довели. III, 24, 78.

Сохутиться, гл. воз. *Спрятаться*. II, 15, 253.

Сподобляться, гл. воз. *Готовиться*. Мужики Бѣжеговцы къ скорой смертушки сподобляются. III, 6, 10.

Спознаться, гл. воз. *Дать себя признать*. Срѣтается царю земельному и самъ ему не спознается. III, 57, 188.

Сноровка, с. ж. *Снаровка*. Ты не знаешь сноровки богатырскія. I, 20, 134.

Спорядобный, пр. *злон*. *Эпитетъ сосѣдовъ*. Живущій рядомъ. З. С. 2, 80.

Спящій, пр. *Усыпляющій*. Спускалъ зелья спящаго. I, 36, 136.

Сродники, сродцы. Родственники. З. С. 6, 21.

Сряжаться, гл. воз. *Снаряжаться*. Сряжался Илья Муромецъ. II, 3, 1.

Ссать, гл. д. *Сосать*. Ладила змѣя ссать тѣло мертвое. I, 37, 230.

Стадо, с. ср. *Стая*. Налетѣло на молодца стадо грачевъ. III, 29, 138. *Стая же въ Олонецкой губерніи означаетъ дворъ у дома*.

Станешенькій, пр. *Статный*. Станомъ была станешенька. II, 52, 16.

Станливый, пр. *Рано встающій*. Лѣнивая у него взята, не станливая. З. С. 9, 20.

Станъ, с. м. *Глубокое мѣсто, въ рѣкѣ, озерѣ, морѣ*. А рыбы ушли въ глубоки станы. I, 4, 4.

Статникъ, с. м. (Огъ корня *татъ*). *Грабитель, воръ*. Наѣхалъ статниковъ, разбойниковъ. III, 11, 22.

III.

Статья, с. ж. 1) *Собственно свойство характера, качество, выпавшее кому нибудь на долю* Сколько тья статьи есть, а другимъ Богъ не далъ. I, 25, 25. 2) *Самая участь, судьба. Судьба, по древнему воззрѣнію, при извѣстныхъ случаяхъ взвѣшивается высшими силами, и за тѣмъ выпадаетъ чловѣку счастье или несчастье. Оттого во II, 27, 26. находимъ: Не по Дюковой пало участи, а въ III, 29, 159. Подошла статья Дюка Стенановича, т. е., наставала роковая минута въ судьбѣ Дюка.*

Стойка, с. ж. *Косякъ у окна. Шанка Чурилина на стойкѣ висить.* I, 46. 59.

Столованье, с. ср. *Пированье. Завелось столованьице почесенъ пиръ.* III, 22, 13.

Стольничать, гл. ср. *Исправлять должность столника.* III, 53, 43.

Столыпаться, гл. об. *Бродить толпами. Голи по царевымъ кабакамъ столыпаются* II, 65, 24.

Стопка, с. ж. *Вьшалка. Береть со стопки саблю острую.* III, 27, 120.

Стоялый, пр. 1) *Давно стоявшій; эпитетъ меда, напр. I, 48, 114. 2) Гдѣ есть стойла. Эпитетъ конюшни, напр. II, 28, 68.*

Стравница, стратница, с. ж. *Губительница. Маришка стравница.* II, 4, 15.

Струмя, с. ж. *Стреля. Вязалъ Соловья ко струмену.* II, 3, 44.

Стрѣта, с. ж. *Встрѣча. II на стрѣту ѣдетъ Илья Муромецъ.* I, 17, 40.

Стуловатый, пр. *Толстый. Стуловато личище.* III, 59, 112.

Ступа, с. ж. *Шагъ. Микула-то ѣдетъ ступою впереди.* I, 5, 29.

Ступень, с. м. *Ходъ. Просмотрѣлъ ступень шашечный.* I, 27, 355.

Ступистый, пр. *Эпитетъ лошади.* З. С. 1, 32.

ЛШ.

Ступь, с. ж. *Ступа, тихій шизь, слѣдь*. Натхалъ онъ на ступь лошадиную. II, 30, 119.

Стѣнь, с. ж. *Образъ, подобіе живаго существа, отсюда — тѣнь, призракъ*. Напишите намъ его всю стѣнь-то человѣческую. З. П. 8, 50.

Сугона, с. ж. *Поюня*. Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною. I, 74, 203.

Суды судить. *Быть судьей*. Стань-ко къ намъ суды судить. III, 6, 20.

Суностатый, пр. *Злюцій (отъ супость, злоби)*. Поминайте Терентья постымага и суностатаго. III, 43, 94.

Супротивиться, гл. об. *Дратся, вступать въ бой*. Самъ-ли пойдешь, али меня пошлешь съ Тугариномъ супротивиться. III, 20, 43.

Супротивникъ, с. м. *Сверстный, ровный по силѣ или другому свойству противникъ*. Выкликаеть она поединщика, супротивъ себя да супротивника. I, 12, 50.

Сурядниный, пр. *Изъ толстаго сукна*. Накинулъ попону не сурядниную. III, 29, 98.

Сустигнуть, гл. ср. *Настигнуть*. Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай. I, 36, 163.

Сутычь, нар. *Вплоть*. Ударилъ сутычь по шеѣ-то. I, 14, 85.

Сухояловый, пр. *(Отъ яловый)*. Гольй, пустой. Нашелъ Василій косточку сухояловую. III, 15.

Схарпывать, гл. ср. *Всхрапывать*. Спитъ богатырь схарпываетъ. I, 37, 75.

Сходня, сходенка, с. ж. *Лѣстница*. I, 54, 64. II, 31, 44. III, 32, 46.

Счастья, с. ж. мн. *Счастье, удача*. III, 15, 17.

Счудиться, гл. об. *Сотвориться (о чудѣ)*. Чтѣ это чудо счудилося. III, 33, 81. III, 32, 132.

Сѣверикъ, сиверикъ, с. м. *Сѣверный вѣтеръ*. Б. 4, 2.

Сѣдатый, пр. *Сѣдой*. Было-то псище сѣдатое. III, 20, 17.

Т.

Тавлен, (вален), с. ж. мн. *Шашки, шахматы*. Играють въ шашки, шахматы, во тыи велеи золоченыя. I, 19, 225.

Тамый, пр. (*производное отъ нарѣчія тамъ*). Я изъ тамаго изъ города изъ Муромля. III, 5, 78.

Тарыкать, потаркивать, гл. д (*Отъ торокъ, Сильный ударъ вътра*). Бить, ударять. Гдѣ было Татарина коньемъ тарыкать. I, 30, 171. Сталъ косматаго бурушка потаркивати. I, 36, 175.

Темный, темный глазами, пр. *Слѣпой*. II, 55, 4.

Теперечу, теперече, нар. *Теперь*. III, 22, 38.

Тереть, гл. ср. *Толкать другъ друга въ потысахъ, (отъ корня тр, поспышать, откуда и туркій-поспышный, туриться-спышить)*. Бѣжать да трутъ промежу собой. I, 9, 275.

Тетива, с. ж. *Веревка, прикрѣпленная къ верхнему или нижнему основанію четырехугольной сѣти*. Тетивочки были семи шелковъ. III, 24, 21.

Тожно, нар. *Тогда, въ такомъ случаѣ*. Дайте выпить чару зелена вина, тожно засвищу я вамъ въ полсвиста. II, 3, 111.

Толкучій, пр. *Стакивающийся*. Стоять горы толкуци. I, 48, 40.

Толмачить, гл. ср. *Понимать и переводить*. Кто знаетъ баять по русскому, толмачить по татарскому. III, 35, 14.

Тоневье, с. ср. *Тони, сѣти*. Вяжите вы тоневья шелковыя. I, 2, 26.

Тонецъ, с. м. (*Отъ тонъ, иногда произносится танецъ*), *тонъ*. Тонцы по голосу налаживають. I, 53, 32. Тонцы онъ ведетъ отъ Нова-города I, 53, 33. Тонецъ поеть. III, 33, 84.

Топучій, пр. *Тонкій*. Ольги топучія. III, 5, 100.

Торить, гл. д. (*Отъ корня тр*). *Горонить ударами*. Алеша гоняль, ториль добра коня. II, 28, 489.

Торгомъ торговать. Торгомъ ли торговать. III, 32, 80.

Тороки, с. м. мн. *Дорожный мяшокъ, сума за съдлакъ.* Настасью Дмитріевну въ тороки вязалъ III, 23, 70.

Тоцливый, пр. *Тоскливый, имѣющій жалость.* Тоцливая тетушка. З. II, 3, 2.

Тошто, нар. *Тогда, то.* Буде не прѣдетъ Добрыня со чиста поля, тошто я Настасья хотъ вдовой живу, хотъ замужъ пойду. III, 10, 75. Пусть-ко Дунай въ горобры погоститъ, тошто Дунай обьумѣтся. II, 12, 125.

Тошиться, гл. об. *Истощаться.* Есть-то у Олешеньки золота казна, не тошится. II, 21, 23.

Трапезовать, гл. д. *Обѣдать.* Садился хлѣба кушать, трапезовать. II, 7, 112.

Треста, трестиночка, с. ж. *Тростинокъ.* III, 29, 17.

Треста, с. ж. *Полотнище.* Бралъ ее за тресту за заднюю. I, 9, 173.

Трое, трое, нар. *Трижды.* А будетъ трое проклять на вѣку тотъ бы. I, 4, 77. I, 17, 145.

Трудница, с. ж. *Работница.* Знать я вамъ была не трудница, не работница З. С. 1, 5.

Трынкать, гл. ср. *Рвать къ клочья, расклеивать (отъ того же корня трунѣ-лохмотья, травки-тряпки).* Черные вороны тѣло трынкають. III, 18, 102.

Ту, нар. *Тутъ.* Закричалъ ту Кирилушка во всю голову. III, 26, 11. Она видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку, ту она и слезно плакала. I, 20, 29.

Тукъ, с. м. *Дородство.* Было туку принабавлено. З. С. 14, 17.

Тулово, с. ср. *Туловище.* У Добрынюшки головушка отсичена, а тулово лежитъ посреди поля. II, 6, 141.

Туляться, гл. воз. *Прятаться.* Большой туляется за средняго. I, 2, 85.

Тупица, с. ж. *Затупленный топоръ.* I, 83, 33.

Турица, с. ж. *Самка тура*. I, 20.

Туряжнѣй, пр. *Потаскушка*. I, 85, 86.

Тухлый, пр. *Потухшій, мутный*. Поглянулъ Грозный царь тухлымъ окомъ. I, 66, 143.

Тучмянный, пр. *Вм. тесмянный*. III, 22, 232.

Тынить, гл. д. *Обносить тыномъ*. Золотомъ-то не тыны тынить. З. С. 32, 47.

Тычка, с. ж. *Что втыкають*. Тычки втыкайте въ круты берега. I, 53, 69.

Тѣсто, с. ср. *Густой растворъ изъ овсяной муки*. III, 59, 25.

У.

Убавочекъ, с. м. *Убавочка*. I, 78, 26.

Увалъ, с. м. *Ухабъ, выбоина. См. перевалъ*. Лежать-то мужики увалами. I, 55, 73.

Угожество, с. ср. *Красота*. Не для красы, для угожества. I, 20, 162.

Удомстѣй, пр. *Эпитетъ коровы*. З. С. 1, 34.

Удроба, с. ж. *Робость*. Говорить Иванъ да не съ удробою. III, 23, 93.

Укинутъся, гл. воз. *Накинутъся, польститься*. Илья на женскую прелесть не укинулъся. III, 41, 91.

Укладна, с. ж. *Пріятность*. Говора не съ укладкою, говори со прикладкою. III, 44, 37.

Уклетать, гл. ср. *Поблекнуть*. Всѣ травы-муравы уклетаютъ. III, Д.

Укрѣна, с. ж. *Крѣпость*. Не для красы, для угожества, а для ради укрѣны богатырскія. I, 20, 163.

Укрятать, гл. д. *Укротить*. Не укрятуюшь плеча ты могучаго. I, 72, 30.

Уловный, пр. *Гдѣ кто захваченъ*. А только не вызжай съ этаго съ уловнаго мѣстечка. I, 47, 69.

Умершій, пр. *Траурный, на случай смерти*. Третье платье надѣвъ умершее. I, 79, 64.

Умильный, умильный, пр. *Въжливый, жезбный*. Цѣловагю въ уста сахарныя за нея за рѣчи за умильныя. I, 43, 150.

Умочки, с. ж. мн. *Пожои*. II, 3, 14.

Умоленникъ, с. м. *За кого умолили*. Пусть ты бабій умоленникъ. II, 30, 855.

Умѣняться, гл. об. *Обмѣняться*. Съ Чурилушкой санкамы умѣнялися. I, 46, 50.

Упадка, с. ж. *Упадокъ духа*. Говорить ему не съ упадкою. III, 34, 28.

Упалый, пр. (Отъ корня *пад*, означающаго иногда—имѣть несчастье, неудачу, напр.: *упады, несчастье*). Черный воронъ упалый. I, 73, 202.

Упачливый, пр. *Падкій*. Михайла до вина былъ упачливый. II, 16, 162.

Упеченка, с. ж. *Мѣсто на зночь, сильною тепло*. Садился Добрынюшка на упеченку. III, 18, 156.

Упечечье, с. ср. *Мѣсть на зночь, на сильною тепло*. Кіевъ на красы стоитъ, да упечечьѣ. III, 31, 9.

Упрашивальникъ, с. м. *За кого упресли*. Старшій упрашивальникъ. II, 30, 856.

Уныльный, пр. *Унылый*. III, 58, 127.

Уродище, с. ср. *Юродивый*. А сынище твой уродище. I, 44, 26. А тебя топерь называемъ уродищемъ.

Уродовать, уродствовать, гл. ср. *Юродствовать*. Ъздитъ Хотинка по городу, уродуетъ со паробкомъ любимымъ. I, 43, 36. III, 28, 25. III, 24, 74.

Ускочить, гл. ср. 1) *Вскочить, увернуться прыжкомъ*. Онъ вкоро ускочилъ на добра коня. I, 13, 144. 2) *Убѣжать*. Ай же упавъ дородній добрый молодець, хочешь ускочить, да не ускочить. I, 86, 210, 211.

Усова, с. ж. *Усобица*. Нажили усовы себѣ вѣчныя. I, 59, 44.

LVIII.

Ухватка, с. ж. *Олабка*. Захватилися они въ ухваточку, стали они бороться ломатися. I, 13, 125.

Уходный, пр. *За которымъ ходятъ*. Много уходны сердечны малы дѣтушки. З. П. 1, 16.

Ф.

Фоя, с. ж. *Хвоя*. II, 30, 435.

Х.

Хамкать, гл. ср. *Лаять по собаки*. Тутъ-то поганое захамкало. I, 17, 151.

Хмѣлина, с. ж. *Хмѣль*. II ударила хмѣлина кабацкая. I, 78, 19.

Ходило, с. ср. *Лопатка*. Рветъ ногу изъ ходиловъ вонъ. II, 33, 15.

Холма, с. ж. *Холмъ*. Съ горы на гору перескакивать, съ холмы на холму перемахивать. I, 10, 44.

Холомчатый, пр. см. *Шеломчатый*. *Эпитетъ горы (отъ холмъ)*. Не ѣзди на крутую, славну, на гору холомчатую. II, 30, 68.

Хоробрый, пр. *Храбрый*. Дружина хоробрая. I, 1, 20.

Храпъ, с. м. Наложѣ-ко храпы крѣпкія, на его на плечики могучія. I, 20, 210.

Художество, с. ср. *Отъ худоба, имущество*. Не хвастай-ка своимъ художествомъ. I, 48, 14.

Хупаво, нар. *Хорошо, красно*. Царица красно снарядилася, хупаво. II, 37, 3.

Ц.

Цѣну цѣнить, гл. д. *Цѣлить*. Не знаешь ты кобылушки цѣны цѣнить. I, 4, 100.

Ч.

Частоберчатый, пр. *(Отъ бердо)*. *Узорчатый*. *Эпитетъ*

LIX.

спней. И въ стѣни зайдешь частоберчаты. III, 31, 150.

Частоцплетный, пр. *Эпитеть косы.* З. С. 7, 18.

Частоуступчатый, пр. *Эпитеть лѣстницы.* З. С. 7, 50.

Чашничать, гл. ср. *Исправлять должность чашика.* III, 53, 43.

Челомбитчикъ, с. м. *Челобитчикъ.* III, 24, 223.

Челядинка, с. ж. *Чернорабочая (отъ челядь).* III, 25, 18.

Челядична (отъ челядь). Тая ли дѣвка челядична. III, 26, 60.

Черевѡ, с. ср. *Чрево.* II, 24, 67.

Черемшина, с. ж. *Палка, пруть черемхи.* II. Б. 6, 21.

Черень, черенья, с. м. *черенокъ.* III, 27, 133.

Черлenny (чернenny. III. 31, 26), **Червлenny,** пр. *Эпитеть корабля, вяза и стула.* На томъ ли на черленомъ на корабль. I, 53, 14. Исподъ вязу, сподъ черленаго. III, 53, 10. Сидить на стулѣ на черленоємъ. I, 54, 212.

Черный, пр. *Чермный, червлenny.* *Эпитеть корабля и вяза.* На тыхъ ли на черныхъ на корабляхъ. III, 32, 12. Изъ подъ того ли вяза, вяза чернаго. II, 31, 13.

Чеснуть, гл. д. *Ударить.* Хотѣлъ чеснуть Илью Муромца. II, 63, 312.

Чета, с. ж. *Чадъ.* Малую чету (т. е. князевыхъ ближнихъ людей) дарилъ чистымъ серебромъ. III, 33, 60. Ср. Ист. Кар. II, пр. 26 и 106.

Чинжалище, с. ср. *Кинжалъ, въ ножнахъ которая еще охотничій ножъ.* Вынималъ изъ чинжалища острый ножъ. III, 14, 110.

Чужанинъ, с. м. *Чужой человекъ.* Повыкупите отъ этого чужаго чужанина. З. С. 1, 14.

Чужбининъ, с. м. *См. Чужанинъ.* З. С. 31, 8.

Ш.

Шалыжище, с. ср. *Ручка шальи.* Учалъ шалыжищемъ (Алешу) охаживать. I, 24, 582.

ІЖ.

Шаять, гл. ср. *Тянуть*. Не найдите жаргошки муравьиныю. 3. С. 3, 3.

Шевелимость, с. ж. *Движеніе*. Тамъ лежалъ бы этого намешекъ въкъ по въку безъ шевелимости. I, 27, 146.

Шеломчатый, пр. Съ *выпуклою шляпкою*. (Отъ *шеломя*, *холмъ*). Эпитетъ *гвоздя*. Въ косы-то вплетено по дорожному гвоздочку шеломчатому. II, 30, 694.

Шеломъ, с. м. *Шлемъ*. I, 56, 220.

Шеломя, с. ср. *Холмъ, юра*. Ср. Слово о полку *Июр*. А поди ты на гору высокую, на тое на шеломя оскатное. I, 19, 238.

Шепеткомъ, въ вид. нар. *Шепотомъ*. I, 53, 213.

Ширинка, с. ж. *Полотенце*. Въ шелкову ширинку утираетс. III, 34, 97.

Ширинка, с. ж. *Шерета*. Вываживай, налаживай удалыхъ добрыхъ молодцевъ ширинками. III, 44, 54.

Шинира, с. ж. *Праздношатающийся*. I, 13, 51.

Шишкомъ, въ вид. нар. *Шепотомъ*. Шишкомъ говорятъ. III, 33.

Шпенекъ, с. м. *Пряжечная шпилька, напр.* I, 24, 21, III, 45, 22.

Штурмовать, гл. ср. *Отвѣдать силы въ бою*. III, 30, 417.

Шурчать, гл. ср. *Журчать, ворчать*. Ходить по терему шурчить да бурчить. III, 27, 58.

Щ.

Щанъ, с. ж. *Чанъ*. Глаза-то у него—пивны щаны. II, 8, 77.

Щектанье, с. ср. *Соловиный свистъ*. Не ужель ты не слыхалъ щектанья соловьиного. III, 6, 50.

Щелыгать, гл. ср. *Жадно и мною пить*. Меды щелыгать. II. Ч. 1, 8.

Щелье, **щилье**, с. ср. *Гольій камень, утесистый берегъ*. Гольныя щелья къ Бѣлу-озеру. I, 54, 3. III, 33, 3.

Щенать, с. ср. *Щенокъ*. За этою щенатью *благубою*. I, 74, 209.

ІХІ.

Щебетко, нар. **Щебетки**. Баско-щебетко по гораму нагуливаетъ. III, 49, 3.

Щепленка, с. ср. **Щепленство**. I, 30, 218.

Щепливый, пр. **Щепольской**. Походка щепливал. I, 24, 280.

Щепетливый, пр. **Щепливыи**, **щепотъ**. На лохотонку щепетливый. З. С. 3, 47.

Щепомъ щепить. **Щепомать**. Занематько мы съ тобою щепомъ щепить на три года. II, 22, 80.

Щеточка, с. ж. **Мысто надъ копытомъ**. Подточили у буржасови (змѣныши) щеточки. III, 15, 165.

Щилецъ, с. м. **Палочка съ затесанными клычками**, употребляемая въ особаго рода игръ. **Дѣти раздѣлившии на два отряда стрѣляютъ щильцомъ** (т. е. бьютъ другою палочкой по концамъ щильца) изъ одного отряда на улицу, а изъ другаго щилецъ руками отбрасываютъ назадъ въ городъ. Маленьки ребяти играютъ щильцомъ-мячомъ. III, 16, 165.

Ъ.

Ъздучись, **Ъздючи**. III, 18, 131.

Ъзды брать. Вышкрывающіе въ городки бросаютъ палку въ щель, сидя верхомъ на обыранныхъ, и это называется ъзды брать.

Э.

Эстогъ, мвст. **Этотъ**, ближайшій къ 2-му лицу. (**Эвтогъ** ближе къ 1-му лицу, **энтотъ** къ 3-му). Тебѣ съ эстою удачею молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова. I, 55, 19.

Я.

Яблуко, с. ср. **Шаръ** подъ остриемъ копья. Копья по яблукамъ срывалися. III, 17, 142.

Яловики, с. м. (**Отъ корня яловый**) волъ. Ъсть по три быка яловики. III, 9, 47.

LXII.

Яловица, с. ж. *Корчага*. Щей хлѣбаю по той яловицы по русскія. I, 17, 127.

Яндова, с. ж. *Мѣдный жбанъ*. Поднесъ имъ яндову кваосу. III, 5, 15.

Ясновый, пр. *Изъ дерева ясеня*. Перекладинка ясная. III, 56, 254.

Ясь-соколъ, с. м. *Ясный соколъ*. З. С. 18, 16,

Яровицкій, пр. *Аравійскій*. Выложенъ тынъ мѣдью яровицкою. I, 45, стр. 226.

Яровчатый, **ярывчатый**, пр. *Яворчатый*, *изъ явора*. Гусельки яровчаты.

Ярыжный, пр. *Разератный*. I, 85, 36.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПЕЧАТОКЪ, ОШИБОКЪ И ДОПОЛНЕНІЙ ВЪ
I И II ЧАСТЯХЪ.

I часть.

- Стр. 63, стихъ 39: *кожа*, *вм. кожанъ*, т. е. *кожухъ*, не покрытый овчинный тулупъ.
— 185 — 256: *попелькамы*, опечатка вмѣсто по пелькамъ, т. е. по переднюю часть рубахи, покрывающую грудь.
— 263 — 84: *источенки*, разноцвѣтные пояса струйчатые, т. е. цвѣта идутъ въ нихъ струями одинъ за другимъ.

II часть.

- 14 — 17: *на со угрозою*. По моему мнѣнію: съ наугрозою, подобно тому, какъ употребляется: ни во что, не съ какими дарами, *вм. съ нѣкоторыми дарами*.
— 21 — 89: *копылкою*. По объясненію Л. Богданова, борода у Добрыни была растрепана, и мать зачесала ее клиномъ.
— 24 — 117: *опачей рѣку*, т. е. о Пачей рѣку въ томъ же смыслѣ, какъ о стѣну, о взморье, о море.
— 32 — 389: *скошорошина*, опечатка *вм. скоморошина*.
— 95 — 68: гости бажоные, т. е. любимые, любезные [по Пудожскому нарѣчію].
— 173 — 481: *пень залисскій*. Деревни, расположенныя вдали отъ другихъ, посреди лѣсовъ и теперь зовутся у заонежанъ и Пудожанъ „залисскими“, а жители ихъ „залышанами“.
— 258 — 81: есте, т. е. есть.
— 313 — 69: дегтярь, дятель. По объясненію Л. Богданова, это баская пестрая птица съ долгимъ носомъ: имъ безперечь долбитъ дерево.
— — — 80: заюшка, опечатка *вм. загожка*.
— 314 — 103: лежать, опечатка *вм. летать*.
— 319 — 14: Я-яснаго сокола, *вм. ясь-яснаго сокола*.

—

**ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕНЪ И ПРОЧИХЪ СКАЗАНИЙ ПЪ ЧАСТИ
ПО МѢСТУ И ЛИЦАМЪ, ГДѢ, У КОГО И КѢМЪ ОНИ ЗА-
ПИСАНЫ.**

1) Записанныя г. Лысановымъ отъ крестьянина Петрозавод-
скаго уѣзда, Кижской волости, Андрея Сарафанова: № № 4,
21, 25, 28.

2) Записанная А. И. Ивановымъ отъ Кемскаго крестьянина и
напечатанная въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:
№ 64.

3) Изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1857 г. № №
31 и 32, отъ крестьянина Каргопольскаго уѣзда: № 33.

4) Записанныя по порученію собирателя:

Отъ крестьянина дер. Пирзаковской, Колодозерской волости, Пу-
дожскаго уѣзда, Трофима Романова: № № 5, 9, 12, 19, 23, 31, 36.

Отъ крестьянина Уножскаго погоста, Пудожскаго уѣзда, Га-
врилы Амосова № № 11, 18, 43, 44, 47, 53.

Отъ Порожскаго старика, съ Кенозера, Пудожскаго уѣзда:
№ № 10, 13, 14, 16, 24, 27, 29, 28, 56.

Отъ крестьянина дер. Гагарской, Шальскаго погоста, Фили-
моновской волости, Пудожскаго уѣзда, Потапа Трофимова По-
тахина: № № 17, 26, 32, 37, 51.

5) Записанныя самимъ собирателемъ:

Отъ крестьянина дер. Середки, Кижской волости, Петроза-
водскаго уѣзда, Т. Г. Рябинина № № 1, 2.

Въ Петрозаводскѣ отъ крестьянина дер. Горки, Пудожгорскаго
погоста, Абрама Евтимѣева Чукоева, по прозванію Бутылки:
№ № 3, 8, 15, 20, 46, 52, 57, 58, 62.

Отъ крестьянина Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Г.
Федотова: № № 6, 7, 30, 39, 40, 42, 45.

LXVI.

Отъ крестьянина Сынногубскаго погоста, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Кузьмы Иванова Романова: № 55.

Отъ Кореляна Повѣнецкаго уѣзда, дер. Кяменицы, Василья Лазарева: № № 24, 41.

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, Кижской волости, со словъ Каргопольскаго захожаго калѣки слѣпаго: № 35.

Отъ крестьянина Андрея Иванова, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда: № 34.

Отъ крестьянина Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Л. Богданова: № № 48, 49, 63.

Отъ крестьянина Деревянскаго общества, Петрозаводскаго уѣзда, Никиты Байнина: № 60.

Въ г. Петрозаводскѣ отъ родственника Л. Богданова: № 61.
Списанный съ подписи подъ стариннымъ портретомъ: № 50.

Списанный съ рукописи: № 54.

Отъ крестьянина Петрозаводскаго уѣзда, Ладвинскаго погоста, Никиты Рѣзина: № 59.

Запѣлки, бесѣдныя пѣсни и бытовыя пѣсни записаны собирателемъ; въ текстѣ объяснено, что изъ этого отдѣла записано другими лицами.

LXVII.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ III ЧАСТИ.

Напечатано:	Слѣдуетъ поправить:
Стр. 15, ст. 35: ѣдѣтъ	ѣдетъ
Стр. 40, въ названіи былины: При	Три
Стр. 62, ст. 81: змѣинны	змѣинины
Тамъ же, ст. 89: топташь	топтать
Стр. 65, ст. 170: бьегъ	бьетъ
Стр. 74, ст. 171: раасказывати	разсказывати
Стр. 78, ст. 89: Приходить	Проходить
Стр. 92, ст. 26: серебряныя	серебряные
Стр. 165, ст. 16: сворахнется	сворохнется
Тамъ же, ст. 19: корабельщики	корабельщики
Стр. 171, ст. 234: Степановичъ	Степановичъ
Стр. 179, ст. 46: запреку	за преку
Стр. 184, ст. 295: « »	— —
Стр. 187, въ номеръ былины: 31.	32.
Стр. 268, ст. 52: но слюбилися	не слюбилися
Стр. 269, въ нум. былины: 42.	47.
Стр. 294, стр. 29: подлинникъ	подлинника
Стр. 295, ст. 3: восняхъ	во еняхъ
Стр. 300, ст. 161-й лишній	
Стр. 305, ст. 9: привидется	привидится,

LXVIII.

Стр. 314, ст. 225:	на-косъ
Стр. 328, въ нумеръ бычины:	59.
Стр. 349, ст. 21:	тысяцкой
Стр. 350, ст. 3:	сходилося
Стр. 352, пр. 6:	Прозоровскимъ
Стр. 372, ст. 47:	приселкамы
Стр. 372, ст. 72:	неизвѣстная.
Стр. 377, ст. 55 и 378, ст. 6:	княжаямъ-брюдгамъ
Стр. 389, примѣч.	эта пѣсня
Тоже, строк. 3 снизу:	Алы цвѣтики

ЗАМѢТКА.

Стр. III, стр. 4 снизу:	41 и 42 III
Стр. XXVЦ, стр. 3 снизу:	№ 21 III
Въ третьемъ листѣ послѣ стр. XL:	XLI—XLVI

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ.

Стр. V, стр. 10 сверху:	нешутушка
Стр. XVI, стр. 5 снизу:	Взваръ
Стр. XXVII, стр. 2 снизу:	въ видѣ прилагат.
Стр. XXXVI, стр. 19 сверху:	Говоръ, рѣчь
Ств. XXXIX, стр. 4 снизу:	Забеременить
Стр. XL, стр. 2 снизу:	Посажденье

ОГЛАВЛЕНІЕ III ЧАСТИ.

1. БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПЪСНИ.

Страницы.

I. ВРЕМЯ ДО ВЛАДИМИРА, БОГАТЫРИ СТАРИНЕ.

Самсонъ богатырь:	1.
Святогоръ богатырь и Илья: 2.	5.

II. ВРЕМЯ ВЛАДИМИРОВО, БОГАТЫРИ КИЕВСКИЕ.

Женидьба князя Владиміра: 3.	9.
Илья Муромецъ и Соловей: 4, 5, 6.	13, 16, 24.
Онъ же и Идолище поганое: 7, 8, 9.	28, 32, 33.
Илья у Царя Константина: 10.	37.
Три поѣздки Ильи: 11, 12, 13.	40, 45, 49.
Бой Ильи съ сыномъ: 14.	54.
Добрыня, бой его съ змѣемъ, встрѣча съ Настасьей Микуличной и женидьба на ней: 15.	60.
Добрыня и его братъ, Алеша Поповичъ: 16, 17, 18.	69, 76, 84.
Добрыня и Марина: 19.	92.
Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ: 20.	95.
Дунай Ивановичъ: 21.	96.
Данила Игнатьевичъ и Михайла Денисьевичъ: 22.	103.
Иванъ Годиновичъ: 23.	113.
Чурило Пленковичъ: 24.	118.
Смерть Чурилы Пленковича: 25, 26, 27.	127, 132, 136.
Хотенъ Блудовичъ: 28.	141.
Дюкъ Степановичъ: 29, 30, 31.	147, 164, 178.
Соловей Будимировичъ: 32, 33.	187, 193.
Иванъ Гостимырь сынъ: 34.	191.

III. ТАТАРСКОЕ ВРЕМЯ.

Калинь Царь, Илья и Самсонъ богатырь: 35.	
---	--

LXX.

36.	205, 214.
Василій Игнатьевичъ и Батыга Батыговичъ: 37.	224.
Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка: 38. . .	227.

Удальцы и мужи Новгородскіе.

Василій Буслаевичъ: 39.	234.
Смерть Василя Буслаева: 40.	239.
Садко купецъ, богатый гость:	241, 248. .
Терентій мужъ Данильевичъ: 43.	251.

V. Москва.

Кострюкъ Кострюковъ сынъ, молодой Чер- кашенинъ: 44.	257.
Гришка Отрепьевъ: 45.	264.
Земскій соборъ: 46, 47.	267, 269.

Историческія пѣсни.

Князь Голицынъ: 48.	272.
Сынъ Стеньки Разина: 49.	273.
Емельянъ Пугачевъ: 50.	273.

VI. Былины княженицкія, молодецкія и безъимянные.

О двухъ Ливикахъ: 51.	277.
Настасья, королева Политовская: 52. . . .	283.
Добрый молодецъ и жена неудачливая: 52. .	287.
Царь Саламанъ: 54, 55, 56.	294, 295, 296.
Неразсказанный сонъ: 57.	305.
О царствѣ подсолнечномъ царь Иванъ Василь- евичъ и царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ: 58. .	319.
Каково птицамъ жить на Руси: 59, 60, 61.	328, 335, 338.
Девять братьевъ и сестра: 62.	340.
Поѣздка на море: 63.	341.
Смерть княгини Михайловны: 64.	342.

II. ЗАПЛАТКИ СВАДЕБНЫЯ И ПОХОРОННЫЯ.

I. Свадебный обрядъ Петрозаводскаго и Повѣ- нецкаго уѣздовъ:	347.
---	------

LXXI.

II. Заплатки о покойникѣ. 410.

III. БЫТОВЫЯ ПѢСНИ РАЗНАГО РОДА.

I. Бесѣда и бесѣдные пѣсни въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ. 427.

II. Пѣсни, записанныя въ слободахъ Черниговской губерніи. 442.

III. Пѣсни записанныя въ Олонецкой губерніи. 451.

ЗАМѢТКА. I—II.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОЯТНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ СЛОВЪ. I—LXII.

Перечень опечатокъ, ошибокъ и пропусковъ въ I и II части. LXIII

Перечень пѣсень и прочихъ сказаній III части по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ они записаны. LXV.

Перечень опечатокъ въ III части LXVII.

Оглавленіе III части. LXIX.

1.1	1
1.2	2
1.3	3
1.4	4
1.5	5
1.6	6
1.7	7
1.8	8
1.9	9
1.10	10
1.11	11
1.12	12
1.13	13
1.14	14
1.15	15
1.16	16
1.17	17
1.18	18
1.19	19
1.20	20
1.21	21
1.22	22
1.23	23
1.24	24
1.25	25
1.26	26
1.27	27
1.28	28
1.29	29
1.30	30
1.31	31
1.32	32
1.33	33
1.34	34
1.35	35
1.36	36
1.37	37
1.38	38
1.39	39
1.40	40
1.41	41
1.42	42
1.43	43
1.44	44
1.45	45
1.46	46
1.47	47
1.48	48
1.49	49
1.50	50
1.51	51
1.52	52
1.53	53
1.54	54
1.55	55
1.56	56
1.57	57
1.58	58
1.59	59
1.60	60
1.61	61
1.62	62
1.63	63
1.64	64
1.65	65
1.66	66
1.67	67
1.68	68
1.69	69
1.70	70
1.71	71
1.72	72
1.73	73
1.74	74
1.75	75
1.76	76
1.77	77
1.78	78
1.79	79
1.80	80
1.81	81
1.82	82
1.83	83
1.84	84
1.85	85
1.86	86
1.87	87
1.88	88
1.89	89
1.90	90
1.91	91
1.92	92
1.93	93
1.94	94
1.95	95
1.96	96
1.97	97
1.98	98
1.99	99
2.00	100

П Ъ С Н И

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ IV.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, ПѢСНИ,
СКАЗКИ, ПОВѢРЯ, СУЕВѢРЯ, ЗАГОВОРЫ И Т. П.

ИЗДАНИЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

С.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 линия, № 12.)

1867.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Во всякой литературѣ, сколько нибудь сочувственной живому, неподдѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху»; — вотъ что сказано было въ началѣ замѣтки, приложенной къ I части этого изданія. Выписывающій теперь эти строки испыталъ даже на себѣ самомъ всю силу дѣйствія такихъ сборниковъ. Пѣснями Рыбникова и Кирѣевского рѣшена была разъ на всегда его собственная жизненная задача. Съ отвлеченныхъ высотъ художническаго «гражданства вселенной» онъ былъ ими перенесенъ къ живому ключу народности. Теперь онъ считаетъ себя счастливымъ, что и немногое, сдѣланное имъ, какъ съумѣлось, въ области изученія народной словесности, снискало ему то довѣріе, съ какимъ г. Рыбниковъ оставилъ на его попеченіе эту четвертую и последнюю часть.

А посмотримъ вокругъ. То ли теперь настроеніе Русскаго общества, какое господствовало при изданіи I части? Рядомъ съ успѣхами изученія народности, не развивалось ли въ немъ и самосознаніе народное? Недавній Славянскій съѣздъ со всеми его проявленіями — да былъ ли бы онъ возможенъ у насъ, въ нашемъ обществѣ, при тѣхъ вѣтрахъ, которые дули еще преисправно и въ 1861 году?

Но и въ настоящее время, конечно, дуетъ не только попутный вѣтеръ. И у нашихъ недавнихъ гостей, и у насъ самихъ, — и впередъ еще будетъ не мало противныхъ вѣяній Только теперь ничто уже не убѣдетъ въ насъ вѣры, что — чѣмъ дальше, тѣмъ больше

будетъ *внутренно* крѣпнуть славянство во всѣхъ Славянахъ, и даже въ насъ, въ нашемъ Русскомъ обществѣ.

Но, ежели въ промежутокъ времени между 1861 и 1867 г., т. е. между I и IV частью этого сборника, такъ «много воды утекло,» то будемъ надѣяться, что съ быстротою дальнѣйшихъ, желанныхъ и даже обязательныхъ всѣмъ намъ успѣховъ въ дѣлѣ изученія народности, много также прибудетъ воды, той «живой воды,» отъ которой разомъ проснулись замершія силы богатыря роднаго!

Будемъ же работать, каждый по мѣрѣ средствъ, для Славянской науки, въ надеждѣ, что когда разольется въ ней яркій свѣтъ, тогда и на жизненномъ небосклонѣ Славянства станетъ наконецъ свѣтозаріѣ, чѣмъ теперь!

Орестъ Миллеръ.

Р. 8. О значеніи буквъ, набранныхъ густымъ шрифтомъ въ нѣкоторыхъ былинахъ настоящей части см. стр 847 части III, въ примѣчаніи.

25 Іюля 1867 г.

I.
БЫЛИНЫ,
ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, СТАРИНЫ И БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ.

I. БОГАТЫРИ СТАРШЕ.

1. Илья Муромецъ и Святогоръ богатырь.

(Побывальщина Пудожск. уѣзда.)

Изъ славнаго изъ города изъ Муромля, изъ того ли села изъ Карачарова, выѣзжалъ удалый добрый молодецъ, Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ, во далече далече во чисто поле. Наѣхалъ удалый добрый молодецъ богатыря великаго Святогора, и убоился добрый молодецъ, старый казакъ да Илья Муромецъ, того ли Святогора богатыря, и спустилъ своего ли добра коня во кувыль-траву, самъ высталъ въ толстый сырой дубъ отъ Святогора богатыря. Приѣхалъ Святогоръ богатырь подъ тотъ сырой дубъ, раскинулъ шатеръ бѣлополотняный и вынимаетъ изъ кармана жену красавицу. Разстлала она скатерти браныя, разставлявала ѣства сахарныя и пиѣща медвяныя. Наѣдался Святогоръ досыта, и напивался онъ долюби, и сталъ опочивъ держать. Этая жена богатырская обозрила Илью во сыромъ дубу и говоритъ ему таковы слова: «Ай же ты, удалый добрый молодецъ, сойди со сыра дуба; буде не сойдешь со сыра дуба, разбуду Святогора богатыря и предасть тебѣ смерть скорую». Убоился Илья Муромецъ Святогора богатыря и слѣзъ со сыра дуба. Опять говоритъ таковы слова: «Сотвори со мной блудъ, добрый молодецъ! Не то, разбуду Святогора богатыря, предасть тебѣ смерть скорую». Сдѣлалъ онъ дѣло повелѣное. Опять говоритъ таковы слова: «Поди со мной въ карманъ, добрый молодецъ!» Зашолъ съ нею вмѣстѣ въ карманъ. Проснулся Святогоръ отъ крѣпкаго сна, обѣдлалъ своего коня богатырскаго и поѣхалъ ко

Святымъ горамъ. Сталъ его добрый конь богатырскій по колѣна въ землю угрызывать. И бьетъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ. И спроговорить конь языкомъ человѣческимъ: «Возилъ тебя, Святогоръ-богатырь и твою богатырскую молодую жену, а не могу возить двухъ богатырей и третью твою молодую жену». Сунулъ онъ руку въ глубокъ карманъ и вынимаетъ оттуда молодую жену, и вынимаетъ Илью Муромца. «Ты какъ зашелъ во глубокъ карманъ?» — Завела меня твоя молодая жена наугрозою. — И рассказалъ Илья Святогору богатырю, какъ попалъ во глубокъ карманъ. Бралъ Святогоръ молодую жену, оторвалъ ей буйную голову, раздернулъ тѣло бѣлое на четыре на четверти, частички раскинулъ по чисту полю. И назвались Илья да Святогоръ братьями названными, и поѣхали ко Святымъ-горамъ. Наѣхали гробницу великую, выложена гробница краснымъ золотомъ. Легъ въ тую гробницу Святогоръ богатырь, какъ по немъ и устроена. «Покрой меня сверху досками, братъ названный!» Какъ покрылъ его досками, доски Божьимъ изволомъ приросли. «Открой меня, братъ названный!» Илья Муромецъ и открытъ не могъ. Сталъ рубить доски саблѣй. Куда махнетъ саблѣй, тамъ станетъ желѣзный обручъ. «Возми, братъ названный, мою саблю». Илья сабли и подыпнуть не могъ. «Поди, братъ названный, я тебѣ силы дамъ». Припалъ Илья къ гробницѣ, и дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ. Взялъ Илья тую саблю: гдѣ ударить, тамъ станутъ желѣзные обручи. «Припади ко мнѣ другой разъ, названный братъ, еще силы придамъ». Илья Муромецъ говоритъ на мѣсто: — Если еще припасть, то не понесетъ мать сыра земля: силы у меня довольно. — «Когда бы ты припалъ, дунулъ бы я мертвымъ духомъ и ты бы подлѣ меня легъ спать». Тутъ и остался Святогоръ богатырь.

(дер. Колодозеро отъ крест. Романова.)

II. ВРЕМЯ ВЛАДИМІРОВО.

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ.

2. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ.

(Пудожск. уѣзда.)

Во городѣ было во Муромѣ,
Во томъ селѣ во Карачаровѣ,
Жилъ молодой Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.

5. И ходилъ-то онъ къ заутрины воскресныя,
И стоялъ-то онъ заутрину воскресную,
И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
«Поспѣть къ обѣдни воскресныя во Кіевъ-градъ,
«Проѣхать дорожкой прямоѣждею».
10. Какъ запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
Никто той дорожкой не прохаживалъ
И никто той дорожкой не проѣживалъ.
Да еще-то завѣчалъ другой завѣтъ:
«Проѣхать дорожкой прямоѣждею,
15. «Не марать-то сабли вострыя
«Въ кровь поганую татарскую».
Еще-то въ третій разъ завѣчалъ завѣтъ:
«Проѣхать дорожкой прямоѣждею,
«Не стрѣлять-то стрѣлочки каленыя».

20. Отстоялъ онъ раннюю заутрину воскресную,
Выходилъ со церкви соборныя,
Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ:
«Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня,
25. «Добра коня бурушка неѣждянаго;
«Кладите войлочки косивчаты,
«На войлочки кладите ковано сѣдельшко черкацкое,
«Подпругъ кладите до двѣнадцати,
«И подпруги кладите шелковыя,
30. «А стрѣмены кладите булатнія,
«Того ли булата заморскаго,
«Что мѣдь не трется и булатъ не гнется,
«Не для-ради красы-басы,
«А для-ради укрѣпы богатырскія».
35. Садился Илья на добра коня,
Палицу воинскую въ тороки вязалъ,
Саблю вострую на берлукъ ¹⁾ клadalъ,
А стрѣлочку каленую на колсанъ клadalъ.
Столько видѣли удалаго сѣдевши,
40. А не видѣли удалаго поѣхавши.
Пошелъ-то его добрый конь въ полъ-травы,
Въ полъ-травы и поверхъ воды,
И повыше деревца стоячаго,
И повыше облачка ходячаго,
45. Рѣки-озера между ногъ пуцалъ.
И лучилось Ильѣ бывать на тѣхъ лугахъ на царскіихъ.
Облелѣла ²⁾ кровь поганая татарская:
Черну ворону въ три году въкругъ ³⁾ не облетѣть,
Сѣру волку въ три году не обскакать.
50. Зговорилъ Илья таковы слова:
«Всякъ человекъ завѣтъ завѣчаетъ,
«А не всякой завѣтъ справляетъ».
Скакалъ Илья со добра коня,

1) берлукъ — ?

2) облелѣла — облила.

3) въкругъ = вокругъ: ѿ еще не перешелъ въ о.

- Захватывалъ сыро-матерь дубъ съ кореньями,
 55. Началъ дубомъ помахивать:
 Куда махнетъ, — туда улица,
 Перемахнетъ, — переулочекъ.
 Скоро скажется, тихо сдѣется.
 Прибилъ-то онъ поганыхъ Татаръ до одинаго,
 60. Добрый конь скачетъ въ руды до брюха.
 Садился тутъ Илья на добра коня.
 Случилось быть въ городѣ во Турговѣ,
 Въ томъ селѣ во Орѣховѣ.
 Увидали его мужики Турговцы,
 65. Выходили они со Божьихъ церквей,
 Выносили ключи на томъ блюдѣ на золотѣ.
 «Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ!
 «Ты коей земли, коей орды,
 «Какъ тебя именемъ зовутъ
 70. «И какъ величаютъ по отечеству?»
 — Я изъ славнаго изъ города изъ Мурома,
 — Изъ того села изъ Карачарова,
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ. —
 «Возми-тко золоты ключи,
 75. «Будь-ко ты у насъ воеводою,
 «Береги насъ отъ поганыхъ отъ Татаровей».
 И говоритъ имъ Илья Муромецъ:
 — Не умѣю быть воеводою.
 — Покажите дорогу прямоѣждюю въ Кіевъ-градъ. —
 80. Говорятъ мужиченочки Турговцы:
 «Запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
 «Никто по той дорожкѣ не прохаживалъ,
 «И никто по той дорожкѣ не проѣждивалъ.
 «Есть тамъ три заставы великія:
 85. «Перва застава — грязь топуча, корба зыбуча;
 «А другая застава великая —
 «У той у славной рѣки у Смородиной,
 «У тоя березы у поклапыя
 «Есть гнѣздо на трехъ дубахъ,
 90. «Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 «Не пропустить онъ ни коннаго, ни пѣшаго;

- «Третья застава великая —
 «У Соловья домъ стоитъ на семи дубахъ,
 «На семи дубахъ и на семи верстахъ;
 95. «Есть у Соловья семь сыновъ,
 «Восьма дочь Настасья Соловьевична,
 «Не пропустятъ они ни коннаго, ни пѣшаго». Говорили тутъ мужичонки Турговцы:
 «Возми-тко, Илья, золоты ключи
 100. «И живи у насъ воеводою.
 — Не умѣю быть воеводою.
 — А покажите мнѣ-ка дорожку прямоѣждюю. —
 И показали дорожку прямоѣждюю.
 Садился Илья на добра коня.
 105. Столько видѣли молодца сядучи,
 А не видѣли удалаго поѣдучи.
 Онъ поѣздъ держалъ во далече во чисто поле.
 Случилось Ильѣ быть у той грязи топучія,
 У тоя ли у корбы зыбучія,
 110. Тутъ скакалъ Илья со добра коня,
 Лѣвой рукой коня ведетъ,
 А правой рукой дубья рветъ,
 Мостить мосты все дубовые.
 И замостилъ мосты все дубовые.
 115. Садился Илья на добра коня.
 Лучилось Ильѣ быть у той рѣки у Смородины,
 У того гнѣзда у Соловьинаго.
 Закрывалъ Соловей разбойникъ зычнымъ голосомъ,
 У Илья добрый конь на колѣна палъ:
 120. Онъ билъ коня плеточкой шелковой по тучнымъ бедрамъ,
 А самъ коню приговаривалъ.
 — Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжій кормъ!
 — Не бывалъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
 — Не слыхалъ ты богатырскаго покрыку,
 125. — Не слыхалъ молодецкаго посвисту? —
 Опускался Илья со добра коня,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 — Всякой человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ,
 — А не всякой человѣкъ завѣтъ справляетъ. —

130. Онъ натягивалъ свой тутій лукъ,
Каленой стрѣлы приговаривалъ:
— Не пади-ко ты ни на воду, ни на землю,
— А пади Соловьѣю разбойнику во правый глазъ
— И выходи во лѣво ухо,
135. — Оброни-ко Соловьѣю разбойника о сыру землю,
— Пролей-ко кровь по сыру дубу. —
Не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловьѣю разбойнику во правый глазъ,
И выходила во лѣво ухо,
140. Обронила Соловьѣю разбойника о сыру землю.
Садился тутъ Илья на добра коня,
Подъѣзжалъ къ Соловьѣю разбойнику,
И говорилъ Соловей таковы слова:
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ,
145. «Ты коей земли и коей орды,
«Какъ тебя именемъ зовутъ
«И какъ величаютъ по отечеству?»
Говорилъ Илья таковы слова:
— Родомъ я изъ города изъ Мурома,
150. — Изъ того села изъ Карачарова,
— Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
— А кто пожелаетъ, Илья Ивановичъ. —
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
155. «Не предай-ко смерти скорыя».
Взяналъ Илья Соловьѣю на бѣлы руки,
Привязывалъ тетивочкой шелковою
Ко той ко стремены булатнія.
Садился тутъ Илья на добра коня.
160. Случилось быть у того у дома Соловьѣинаго.
И говорятъ меньши Соловьѣюноши:
— Ёдетъ нашъ сударь-батюшко
— И везетъ мужика кована и вязана
— У той стремены булатнія. —
165. И поглядѣли больши Соловьѣюноши:
«То ёдетъ не сударь-батюшко,
«А мужикъ везетъ батюшка кована и вязана.

- «Вы взимайте-тко шальги подорожныя
«И бейте мужика-деревенщину,
170. «Отымайте сударя-батюшка».
Говорить-то ихъ батюшко:
— Бросайте шальги подорожныя,
— Не дразните удала добра молодца,
— А берите чаши великія
175. — И подите въ погреба во глубокіе;
— Насыпайте чашу чиста серебра,
— А другую чашу красна золота,
— Третью чашу скачнаго жемчуга:
— Дарите удала добра молодца,
180. — Не отдасть ли родителя-батюшка? —
Говорить удалый добрый молодець,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Мнѣ подарокъ ненадобно,
«И не отдамъ вашего батюшка.
185. А тутъ Настасья Соловьевична
Взимала подворотню девяноста пудъ,
Ударила его, Илью Муромца, въ буйну голову
Той подворотней девяноста пудъ:
Только раздразила удала добра молодца.
190. Тутъ скакалъ Илья со добра коня,
Пнулъ подъ г... о лѣвой ногой, —
Она изъ угла въ уголь по двору начала перелетывать:
Нажила увѣчье вѣковѣчное.
И прибилъ онъ, не оставилъ ни единого.
195. Садился онъ на добра коня,
Пріѣждяетъ онъ во Кіевъ-градъ
Ко солнышку ко князю ко Владиміру [на широкій дворъ]
И привязывалъ добра коня
Ко тому столбу точеному, колечку золоченому,
200. Самъ Соловья разбойнику наказываетъ:
«Стереги и береги моего добра коня».
Самъ коню вдвое-втрое наказываетъ:
«Не упусти Соловья разбойника кована и вязана».
Приходитъ Илья ко солнышку князю ко Владиміру,
205. Онъ крестъ кладетъ по писаному,

Поклоны ведетъ по ученому,
 Кланялся на три-четыре стороны,
 Солнышку князю Владиміру въ особину.
 Говорить солнышко Владиміръ князь:

210. — Скажись-ко ты, добрый молодецъ,
 — Какой орды, какой земли, кой отчины,
 — Какого отца и какой матери?

Говорилъ Илья таковы слова:

- «Родомъ я есть изъ города изъ Мурома,
 215. «Изъ того села Карачарова,
 «Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
 «По отчеству сынъ Ивановичъ..
 «Какъ стоялъ-то я во городѣ во Муромѣ,
 «Во той во церкви во соборныя
 220. «И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
 «Выйти отъ заутрины воскресныя
 «И поспѣть къ обѣдни воскресныя въ Кіевъ-градъ,
 «Проѣхать той дорожкой прямоѣждею.
 «И проѣхалъ я дорожкой прямоѣждею,
 225. «А не поспѣлъ къ обѣдни воскресныя,
 «Поспѣлъ къ обѣду государеву».

И говоритъ солнышко Владиміръ князь:

- Илья Муромецъ сынъ Иваловичъ!
 — Пустымъ ты захвастываешь:
 230. — Запала путь-дорожка тридцать лѣтъ.
 — На той дорожкѣ есть заставы великія:
 — На первой заставѣ на лугахъ стоятъ поганые Татаровья;
 — А другая застава — грязь топуча, корба зыбуча;
 — У той у славной рѣки у Смородиной,
 235. — У тоя березы у покаяныя,
 — Есть у Соловья гнѣздо на трехъ дубахъ;
 — Еще застава великая —
 — У Соловья разбойника домъ стоитъ на семи дубахъ,
 — На семи дубахъ и на семи верстахъ;
 240. — Естѣ у Соловья семь сыновъ
 — И восьмая дочь Настасья Соловьевична. —

Говорить Илья таковы слова:

«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!

- «Проѣхалъ я дорожкой прямоѣдею:
245. «На тѣхъ лугахъ на царскіихъ
«Прибилъ Татаровей поганыхъ,
«Не оставилъ ни единого на сѣмена;
«Черезъ тую грязь топучую
«Замостилъ мосточки все дубовые;
250. «У той рѣки у Смородиной
«Убилъ Соловья разбойника
«И дѣтей не оставилъ ни единого.
«И привезъ я Соловья разбойника кована и вязана
«У той стремены булатнія».
255. Тутъ выходилъ солнышко Владиміръ князь
Изъ-за того стола за дубоваго,
Выходилъ на широкъ дворъ,
Увидалъ коня у столба точенаго, у кольца золоченаго
И увидалъ Соловья разбойника кована и вязана
260. У той стремены у булатнія,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Закричи-ко ты зычнымъ голосомъ. —
И говоритъ Соловей таковы слова:
«Не тебя, а у кого ѣмъ-пью, того и слушаю».
265. Приходилъ со двора въ палаты бѣлокаменны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты захвастываешь?
270. — Заставь-ко ты Соловья разбойника
— Закричать зычнымъ голосомъ, среднею прогласницею. —
Тутъ-то выходили на широкій дворъ,
И говоритъ Илья Муромецъ:
«Закричи-тко ты зычнымъ голосомъ, среднею прогласни-
цею».
275. — Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
— Отвяжи-тко ты меня отъ стремены булатнія
— И перевязывай мою головушку шелковымъ платкомъ,
— А перетягивай головушку тетивочкой шелковою.
— Налей-ко ты чару зелена вина,
280. — Мѣрю полтора ведра, а вѣсомъ полтора пуда,

- И подноси-тко Соловью разбойнику. —
 Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
 Подноситъ ему чару зелена вина.
 Какъ взимаетъ Соловей чару на бѣлы руки
285. И выпиваетъ на единъ духъ,
 И закричалъ-то онъ зычнымъ голосомъ.
 Солнышко Владиміръ князь на колѣнка палъ
 Подъ лѣвую пазуху Ильѣ Муромцу.
 Изъ того крику Соловьянаго
290. Во городѣ стеколышка съ окончинокъ посыпались
 И бабы поносныя разродились,
 И кобылы ¹⁾ жеребились.
 Говоритъ Илья Муромецъ:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
295. «Привезъ тебѣ *Соловья* ²⁾ въ подарочкахъ,
 «Въ подарочкахъ и въ гостинечкахъ».
 А зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
 — Не надо Соловья въ подарочки,
 — А возми-тко, садись на добра коня,
300. — Возмай Соловья на бѣлы руки,
 — Отвези во далече во чисто поле,
 — Отруби ему тамъ буйну голову. —
 Тутъ садился на добра коня,
 Отъѣждялъ онъ во далече во чисто поле,
305. Отрубилъ Соловью буйну голову
 И пріѣхалъ взадъ къ солнышку князю ко Владиміру.
 И сажилъ его за столы за дубовые,
 За ѣства за сахарныя,
 За напитки за медвенные,
310. И кормилъ-пойлъ до сыта,
 И дарилъ его подарками великими
 За услугу за великую.

(Отъ Анфима Савинова, Филимоновской волости, дер. Ранной горы.)

1) Слѣдуетъ дополнить: *жеребья* или по заонежски *бережія*.

2) Поется съ удареніемъ на *Соловья*, т. е.: Теперь ты самъ убѣдился, что я тебѣ Соловья привезъ, а не кого другого.

3. Три поѣздки и борьба съ Соловьѣмъ разбойникомъ.

(Повѣн. уѣзда.)

- Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села Карачаева
Была въ одно 1) поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ удалый добрый молодецъ,
5. И на своемъ-ли онъ выѣзжаетъ на добромъ конѣ,
И на томъ-ли богатырскомъ кованомъ седлѣ,
Старый казакъ Илья Муромецъ.
Былъ добрый конь у него Тучападушко.
Съ горы на гору перескакивалъ,
10. Съ холмы на холмы перепрыгивалъ,
Онъ мелкія рѣки-озера между ногъ спущалъ,
И мхи-болота хвостомъ застигалъ,
И сини моря на-околя скакалъ.
Выѣзжаетъ добрый молодецъ,
15. Старый казакъ Илья Муромецъ,
И выѣзжаетъ онъ во чисто поле,
И увидѣлъ во чистомъ полѣ Сервалюцъ — камень,
На камени подпись подписана,
И той-ли рѣчью Латынскою,
20. И отъ камешка лежитъ на востокъ три розстані:
«Въ первую розстань ѣхать — богату быть;
«Въ другу розстань ѣхать — женату быть;
«Женату быть и съ дѣвицей спать;
«А въ третью розстань ѣхать — живу не быть,
25. «Живу не быть и убиту быть».
Стоитъ старенькой, издивляется,
Головой качаетъ, самъ выговариваетъ:
«Сколько-ль я въ чистомъ полѣ ходилъ,
«Ходилъ, гулялъ и прохаживалъ,
30. «А экова чуда не нахаживалъ!
«Развѣ поѣхать старому въ тую розстань,
«Въ тую розстань, гдѣ богату быть?»
И стоитъ старенькой, самъ раздумываетъ:
«Почто я поѣду въ тую розстань,

35. «Въ тую розстань, гдѣ богату быть?
 «Нѣту вѣдь у меня молодой жены,
 «И любимой семьи, малыхъ дѣточекъ:
 «Некому держать золотой казны,
 «Некому держать платья цвѣтнаго.
40. «Развѣ поѣду я, добрый молодець,
 «Въ тую дорожку, гдѣ женату быть,
 «Гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать?»
 Стоитъ старенькой, самъ раздумался:
 «Почто я поѣду въ тую розстань,
45. «Въ тую розстань, гдѣ мнѣ женату быть?
 «Прошла теперь вся моя молодость:
 «Молодую взять, то чужая корысть,
 «А стару взять, то на печи лежать,
 «На печи лежать и киселемъ кормить. —
50. «Поѣду я, добрый молодець,
 «Въ тую дорожку, гдѣ мнѣ убиту быть:
 «Знаю я, добрый молодець,
 «Что на бою смерть написана?» 2)
 Садился-ли добрый молодець
55. На своего добра коня богатырскаго
 И такъ поѣхалъ въ тую розстань,
 Въ тую розстань, гдѣ убиту быть.
 Чуть проѣхалъ добрый молодець Корелу проклятую,
 Не доѣхалъ онъ до Индіи богатыя,
60. Наѣхалъ добрый молодець сорокъ тысячъ разбойниковъ,
 Сорокъ тысячъ разбойниковъ
 И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ,
 И испроговорилъ тутъ таково слово:
 «Ахъ вы, сорокъ тысячъ разбойниковъ
65. «И тѣхъ ночныхъ подорожниковъ!
 «Здѣсь вамъ бить-трепать стараго некого,
 «И взять-то вамъ со стараго будетъ нечего:
 «Здѣсь нѣту у стараго золотой казны,
 «Да нѣту у стараго платья цвѣтнаго.
70. «Столько есть у стараго
 «Добрый конь сивушко-Тучападушко,
 «И на добромъ конѣ есть уздечка тесмянная,

- «И во той-ли уздечкѣ тесмянныя
«Въ обѣихъ сторонахъ зашито по камешку,
75. «По ясному по камешку по яхонту —
«И не для красы, и не для басы,
«Ради крѣпости богатырскія:
«Гдѣ ходитъ мой добрый конь въ темну осенну ночь,
«И видно его за пятнадцать верстъ; —
80. «Еще есть у стараго
«Сѣдельшко черкасское,
«На которомъ я самъ сижу,
«Старый казакъ Илья Муромецъ;
«Еще есть у стараго
85. «На ногахъ чеботки семи шелковъ, семи рядовъ,
«Не для красы, не для басы,
«Ради крѣпости богатырскія.
«Да еще у стараго случилось,
«На буйной головы шлемъ сорока пудовъ,
90. «И теперича оно мнѣ пригодилось!»
Хватилъ шлемъ во праву руку,
А конскій поводъ во лѣву руку
И направляетъ коня въ эту армію 3),
И въ сорокъ тысячъ разбойниковъ
95. И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ.
И началъ шлемомъ помахивать:
Онъ въ сторону махнетъ,
Туда улица,
Въ другу сторону махнетъ,
100. Туда переулочекъ;
И въ двоємъ, въ троємъ топчетъ его добрый конь.
И убилъ сорокъ тысячъ разбойниковъ
И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ
И не оставилъ ихъ на сѣмена.
105. Остальные видятъ, что бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая,
И разбѣжались они во темны лѣса,
Во темны лѣса во дремучіе.
И очистилъ тую первую заставу
110. И возвращается назадъ къ тому камени,

- На которомъ подписана была подпись великая;
 И поѣхалъ въ тую розстань,
 Гдѣ женату бытъ и съ дѣвицей спать.
 Приѣзжаетъ онъ во чисто поле,
 115. Во чистомъ полѣ стоитъ бѣлъ шатеръ,
 Недалече отъ бѣла шатра
 Стоять палаты бѣлокаменны.
 И во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Живетъ Паленица удалая.
 120. И у ей была кроватька оманслива 4):
 И принимала она каждого страннаго
 Во тѣ палаты бѣлокаменны,
 Кормила кушаньями сахарными,
 И поила напитками медвяными,
 125. И отводила ихъ во спальну драгоцѣнную,
 Гдѣ стояла кроватька оманслива,
 Просила добрыхъ молодцевъ на кроватьку спать.
 Впередѣ просить повалиться добрыхъ молодцевъ,
 А во слѣдъ ложится красна дѣвица.
 130. А того не знаетъ добрый молодецъ,
 Что кроватька есть оманслива:
 Который повалится спать на кроватьку,
 Та кроватька подвѣрнется,
 То улетитъ онъ въ погребѣ глубокиѣ.
 135. Подъ кроватькой былъ погребъ въ глубину сорока сажень,
 И во этомъ во погребѣ было накоплено
 Триста рыцарей, сильныхъ могучихъ богатырей.
 Какъ увидала прекрасная дѣвица
 Приѣхавши того добраго молодца,
 140. Выходила на крымечко переное,
 Беретъ его за руки за бѣлыя
 И за тѣ-ли перстни злеченые,
 Цѣлуетъ его во уста во сахарныя
 И приводитъ въ палаты бѣлокаменны;
 145. Посадила его на золотъ стулъ
 И за тотъ-ли за кленовый столъ,
 И начала его поить-кормить,
 И просить добра молодца на кроватьку спать.

- И отъ того добрый молодецъ не отказывается,
 150. Скидываетъ платье самоцвѣтное,
 Испроговоритъ добрый молодецъ таково слово:
 «Ахъ ты, душечка, красна дѣвица!
 «Повались на кроваточку напередъ сама,
 «А потомъ я повалюсь, добрый молодецъ».
155. Тутъ красна дѣвица призадумалась.
 Хватилъ дѣвицу на середочкѣ,
 И бросилъ ее на кроваточку,
 И тутъ кроваточка подвернулася, —
 Улетѣла она во погребъ глубокий. 5)
160. Закричалъ добрый молодецъ
 Громкимъ голосомъ богатырскимъ:
 «Ахъ, ребята! имай — хватай;
 «Вотъ сама идетъ. . . .»
 Отворилъ погребъ глубокий,
165. И вышущаетъ онъ отъ всѣхъ рыцарей
 И сильныхъ могучихъ богатырей:
 Алешу Поповича, Никиту Добрынича 6)
 И другихъ всѣхъ прочихъ.
 И у самой красной дѣвицы
170. Отсѣкъ по плечъ буйну голову
 За ту надсмѣшку великую.
 И очистилъ тую заставу.
 Возвращается назадъ къ Сервалюцъ-каменю,
 И поѣхалъ удалый добрый молодецъ
175. Въ тую розстань, гдѣ богату быть.
 Во чистомъ полѣ нашелъ погреба глубокие,
 Которые были наполнены златомъ — серебромъ,
 И поверху покрыты скатнымъ жемчугомъ,
 И хранилось это злато — серебро
180. Той-ли душечки красной дѣвицы.
 Не допускаютъ его стражи великіе,
 И убилъ онъ стражу великую,
 И завладѣлъ всѣмъ къ себѣ этимъ погребамъ,
 И раздѣлил это злато — серебро
185. По церквамъ по Божіимъ,
 И по сиротамъ по бѣднымъ.

- И очистилъ тую третью великую заставу.
 Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
 Ко славному князю Владиміру;
190. Бьетъ челомъ о сыру землю,
 Бьетъ челомъ низко кланяется:
 «Ахъ, ласково солнце, Владиміръ-князь,
 «Стольно-Кіевской, славно-Владимірской!
 «Я очищу дорожку прямоѣзжую
195. «Отъ Кіева до Чернигова».
 И была та дорожка прямоѣзжая
 Три-девятисто равноѣрныхъ верстъ,
 А около было полторы тысячи.
 Никто этою дорожкою прямоѣзжею
200. Пѣша туда не прохаживалъ,
 И на добромъ конѣ никто не проѣзживалъ.
 На этой дорожкѣ прямоѣзжія
 Была застава великая:
 Сидѣлъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
205. На семи дубахъ крякновистыхъ;
 Свисталъ онъ посвистомъ змѣинымъ,
 А кричалъ покрикомъ львинымъ,
 И убивалъ проѣзжихъ добрыхъ молодцевъ,
 Сильныхъ, могучихъ богатырей.
210. Поѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Очистить тую дорожку прямоѣзжую,
 Беретъ съ собой свой тугой лукъ,
 И еще беретъ стрѣлочку каленую.
 Поѣхалъ добрый молодецъ во чисто поле
215. Той-ли дорожкою прямоѣзжею.
 Чуть доѣхалъ добрый молодецъ
 До тѣхъ дубовъ крякновистыхъ,
 Увидѣлъ Соловей-разбойникъ добра молодца,
 Засвисталъ онъ по змѣиному,
220. А закричалъ онъ по львиному, —
 И у добра молодца у старова казака Ильи Муромца
 Добрый конь на колѣна палъ.
 Видитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ —
 Ъдетъ добрый молодецъ,

225. И ничего не чувствуетъ, —
 Закричалъ Соловей-разбойникъ во второй наконгъ
 Во весь крикъ звѣршнѣй,
 Что вздрогнулъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 А добрый конь на колѣна палъ.
230. Беретъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Свой тугой лукъ разрывчатый,
 И полагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣляетъ онъ въ Соловья-разбойника;
 Прилетѣла стрѣлочка ему въ правый глазъ,
235. И упалъ Соловей-разбойникъ о сыру землю.
 Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Беретъ его на петелку шелковую,
 И привязываетъ его къ стремени богатырскому,
 И везетъ его во славный Кіевъ градъ,
240. Ко стольному князю Владимиру.
 Увидалъ Владиміръ-князь столюно-Кіевскій
 Ъдучи удалаго добра молодца,
 Стараго казака Илью Муромца,
 И везетъ онъ Соловья-разбойника, —
245. Бьетъ челомъ и низко кланяется
 За очищеніе дорожки прямоѣзжій,
 И беретъ его за руки бѣлыя,
 И за тые перстни за злеченые,
 Ведетъ его въ палаты бѣлокаменные.
250. Зачинаетъ Владиміръ князь почестенъ пиръ
 На тѣхъ на князей, на бояръ,
 И на славныхъ русскихъ богатырей,
 И на тѣхъ поленицъ удалыхъ.
 Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы,
255. Всѣ на пиру напивались,
 И всѣ на пиру наѣдались,
 И всѣ на пиру порасхвастались.
 Иной хвастаетъ тѣмъ и сѣмъ,
 А иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
260. А иной хвастаетъ златомъ-серебромъ,
 А иной хвастаетъ силой богатырскою,
 А иной хвастаетъ палатой бѣлокаменной,

- А иной хвастаетъ родимой сестрой,
 А иной хвастаетъ любимой семьей,
 265. А умный хвастаетъ отцомъ-матушкой,
 Безумный хвастаетъ молодой женой.
 А старый казакъ Илья муромецъ
 Ничего онъ не хвастаетъ,
 За столomъ сидить, самъ кручинится,
 270. Попустилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ. 7)
 Приходитъ къ нему Владиміръ-князь стольно-Кіевскій,
 Испроговорить ему таково слово:
 — Что-же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
 — Ничѣмъ ты не хвастаешь?
 275. — Похвастай-ко ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
 — Своей-ли ты удачей да богатырскою,
 — И какъ ты очистилъ дорожку прямоѣзжую,
 — И какъ привезъ сюда Соловья разбойника.
 — И прикажи-ко ты, Илья Муромецъ,
 280. — Засвистать Соловьѣ-разбойнику въ полсвистка змѣинаго,
 — А закричать въ полкрика львинаго:
 — Пусть послушаютъ всѣ гости пріѣзжіе. —
 Привелъ Соловья-разбойника
 Во тѣя палаты бѣлокаменны,
 285. Испроговорить таково слово:
 «Ай же ты, Соловей Одихмантьевичъ!
 «Засвищи въ полсвистка змѣинаго,
 «Закричи въ полкрику львинаго:
 «Пусть всѣ у насъ на пиру потѣшатся,
 290. «Пусть потѣшатся и всѣ послушаютъ».
 Тутъ Соловей-разбойникъ зло выдумывалъ:
 Хотѣлъ крикомъ да свистомъ
 Убить всѣхъ на пиру сидящихъ:
 Засвисталъ во весь свистъ змѣиный
 295. И закричалъ во весь крикъ львиный.
 Всѣ на пиру лежатъ безъ памяти,
 Владиміръ-князь стольно-Кіевскій
 Тотъ стоитъ-шатается,
 А старый казакъ Илья Муромецъ
 300. Тому чуду издивляется,

- Издвляется, самъ усмѣхается,
 Испроговоритъ онъ таково слово:
 «Ай же ты, Соловей Одихмантьевичъ!
 «Не послушалъ ты моего приказанія».
305. Выводить Соловья онъ на улицу
 Супротивъ палатъ бѣлокаменныхъ,
 И отрубилъ у него съ плечъ буйну голову.
 Испроговоритъ тогда Владиміръ-князь стольно-Кіевскій:
 — Ай же ты, удалый, добрый молодець,
310. — Старый казакъ Илья Муромецъ!
 — Чѣмъ же я теперь буду жаловать?
 — Бери у меня золотой казны,
 — Золотой казны несмѣтныя,
 — Столько бери, сколько надобно;
315. — И бери у меня городовъ съ пригородками,
 — И бери у меня села съ приселками,
 — И бери у меня деревни съ крестьянами,
 — Бери въ награду чинъ великій. —
 Испроговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
320. «Не надоть мнѣ твоей золотой казны,
 «Золотой казны несмѣтныя;
 «И не надо мнѣ твоихъ городовъ съ пригородками,
 «И не надоть селъ съ приселками,
 «И не надоть деревень съ крестьянами,
325. «И не надо въ награду чинъ великій:
 «Это для меня ничего не надобно.
 «Только дай мнѣ одно село Карачаево,
 «Столько-бъ дай земли,
 «Что живетъ старый казакъ Илья Муромецъ
330. «Въ томъ селѣ Карачаевѣ».
 Бьетъ челомъ, низко кланяется о сыру землю
 Князю Владиміру стольно-Кіевскому.
 Садился добрый молодець
 На добра коня,
335. И поѣхалъ добрый молодець
 Во чисто поле.
 Куда падаютъ копыта лошадиныя,
 Тутъ станѡвятся колодцы ключевой воды;

Въ чистомъ полѣ курева стоитъ,
 340. Курева стоитъ, дымъ столбомъ валить.
 Столько видѣли добра молодца сядучись,
 А не видѣли его поѣдучись. —
 Тѣмъ его поѣздка кончилась.

1) Однажды.

2) Если слова эти не принимать въ ироническомъ смыслѣ или за случайную ошибку (учитель пѣлъ «не писана», а Никитину слышалось «написана»), то пѣвецъ здѣсь противурѣчитъ высказывающемуся въ другихъ былинахъ сознанию самого Ильи Муромца, что ему смерть на бою не писана. Даже тогда, когда какой либо необыкновенный случай и вызываетъ иногда у Муромца сомнѣніе въ непреложности такого убѣжденія, то народъ художественно мотивируетъ внутреннюю причину сомнѣнія у богатыря:

«Хоть на бою мнѣ смерть не писана,
 «Переступить сила черезъ великъ законъ».

3) Первоначально въ былинахъ вмѣсто *армія* вездѣ стояло *войско*, *сила*; потомъ образовались соединенія въ родѣ: *сила* — *армія великая*, и наконецъ слово *армія* стало употребляться безъ перевода.

4) Оманлива—обманная, обманчивая. У Заонсжанъ «сливйй» часто употребляется вмѣсто «чивйй», напр.: застойсливйй, задумсливйй.

5) На вопросъ, не знаетъ ли пѣвецъ еще чего нибудь про эту царевну — красавицу, онъ разсказалъ, что ее звали Зенпрой прекрасной, что красотой своею она прельщала царевичей и королевичей, и сильныхъ, могучихъ богатырей, и что живописцы не могли описать этой красоты. —

6) Т. е. Добрыню Никитича, или же древняго старшаго богатыря Никиту, подъ видомъ котораго иногда дѣйствуетъ самъ Илья Муромецъ.

7) По моему мнѣнію, пѣвецъ машинально перенесъ на Илью Муромца кручину удалаго молодца на пиру изъ другой какой либо быliny: о чемъ было тутъ кручиниться Ильѣ: по крайней мѣрѣ кручина его ничѣмъ не мотивирована.

(Отъ кр. дер. Выгозера — Федора Никитина.)

4. Тоже.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

- Приѣхалъ Илья Муромецъ
 Ко славной Елисей рѣкѣ,
 Тутъ подишь есть на камени подписана:
 «Отъ матушки Елисей рѣки
 5. «Ко славному граду Кіеву
 «Три дороги есть:
 «Въ одну дорогу ѣхати — богату быть,
 «Богату быть, да пренятство есть;
 «Въ другу дорогу ѣхати — женату быть;
 10. «А въ третью поѣхати — убиту быть».
 Приѣхавши Илья Муромецъ
 На подишь — ту поглядывалъ
 И самъ себѣ раздумывалъ:
 — На что мнѣ-ка старому богату быть:
 15. — Жены нѣту живота держать.
 — Ай на что мнѣ-ка женату быть:
 — Молодая взять — на чужу корысть,
 — А стара взять, та есть немощна
 — Животомъ править въ домѣ своемъ.
 20. — А поѣду я въ дорогу ту, гдѣ убиту быть:
 — Не много же мнѣ старому и надобно.
 Поѣхалъ Илья Муромецъ
 Въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.
 Наскочило на него сто-тридцать-пять разбойниковъ,
 25. Говорятъ ему разбойники:
 «Что есть при тебѣ, то складывай,
 «Все складывай не затаивай».
 Какъ отвѣтъ держитъ имъ Илья Муромецъ:
 — Что есть у меня съ собой у стараго
 30. — Вамъ складывать и не затаивать:
 — На конѣ узда въ пятьсотъ рублей,
 — А сѣдельшко черкасское въ цѣлу тысячу,
 — Получайте вы, если хотите да и можете. —
 Приступили тутъ разбойники
 35. Чтобы взять узду али сѣдельшко;

- Который лишь наклонится,
 Тотъ тутъ же и протянется:
 На томъ мѣстѣ и оставилъ всѣхъ
 Сто тридцать пять разбойниковъ.
40. Ворочался Илья Муромецъ
 Ко славной Елисей рѣкѣ
 И подпись ту на камени
 Про дорогу, гдѣ убиту быть,
 Поправливалъ и перенавливалъ:
45. — Та дорога есть очищена;
 — Поѣду-жъ я топеречу
 — Въ ту дорогу, гдѣ богату быть,
 — Богату быть, да препятство есть. —
 Подъѣхалъ Илья Муромецъ
50. Къ тому мѣсту по дорогѣ той,
 Гдѣ Соловей сидитъ Рахматовъ сынъ
 Въ гнѣздѣ его разбойничьемъ.
 Увидѣвши богатыря мимо ѣдучи,
 Закричалъ онъ гласомъ богатырскимъ,
55. Засвисталъ опъ свистомъ соловьинымъ:
 Конь Илья Муромца на колѣни палъ.
 Говоритъ ему Илья Муромецъ:
 — Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 — Будто ты не слыхивалъ гласу богатырскаго,
60. Свисту соловьиного, что на колѣни палъ? —
 Тутъ натягивалъ Илья тугой лукъ,
 Тупоносу укладную полагалъ стрѣлу каленую,
 Онъ налаживалъ въ соловья сына Рахматова
 Въ его гнѣздѣ разбойничьемъ,
65. Въ крыло его правое,
 Привязалъ его къ своему сѣдлу.
 Привозилъ такъ Илья Муромецъ
 Соловья сына Рахматова въ Кіевъ градъ,
 Къ князю Владиміру на широкій дворъ,
70. Самъ говоритъ ему таково слово:
 Отъ матушки Елисей рѣки
 Всѣ дороги есть очищены. —
 (Отъ кореляка Василья Лазарева изъ дер. Кямениць.)

5. Дунай Ивановичъ.

(Петроз. уѣзда.)

Когда я читалъ Терентію Іевлеву, внуку знаменитаго Ильи Елустафьева, былинну о Дунаѣ, какъ ее пѣлъ Кузьма Романовъ (1 ч. № 30, стр. 178), онъ, въ дополненіе къ началу той же былинны, напечатанному съ его словъ во 2-й части, припомнилъ еще слѣдующіе отрывки:

Часть 1, стр. 180, послѣ 124 ст.

Зачалъ по двору поскакивать (Добрыня),
На всѣ стороны дубиною помахивать,
Во лѣвой рукѣ водить два добра коня,
Во правой рукѣ дубина сороцинская.
Какъ ясенъ соколъ покурхиваетъ,
Такъ добрый молодецъ поскакиваетъ.

Послѣ 143.

— Видно-то дочупка Богомъ суженая. —
Дунай унимаетъ Добрыню словами:
«Полно ти, Добрынюшка, уродовати:
«Видно намъ естѣ Божья помочь.

Король, исполняя обѣщаніе отдать за Владиміра Апраксію, зоветъ служанокъ:

— Ай же вы, служки — панюшки¹⁾, вѣрны няпечки!
— Умойте, убѣльте Апраксію,
— Напушите ей личко бѣлешенько,
— Накрутите ю хорошоохонько;
— Ведите во риньгу королевскую,
— Отпустите ю во святую Русь. —
Беретъ Дунай королевну Апраксію,
Королю несетъ поклонъ въ особину.

Вмѣсто 154.

Спятъ они, спомъ темную ночь коротають.
Какъ по той дорожкѣ Цареградскія
Ѣхалъ Татаринъ невѣрный

1) Панюшки — пани, пановые — паны.

Вмѣсто 159.

По утру вставають, дорожку досматривають,
Куды ѣхалъ Татаринъ невѣрный

Вмѣсто 170.

Гдѣ было молчкомъ подѣзжать

Когда у Дуная застоялась рука въ плечѣ надъ Татариномъ,
котораго онъ сшибъ съ коня вострымъ копьемъ тупымъ концомъ,
онъ говоритъ: «Вижу по пелькамъ, что женскій полъ». Настасья
королевична объясняетъ ему послѣ 201 ст.

- Вчера меня дома не случилось.
- Было у насъ два богатыря,
- Увезли сестрицу Апраксию.
- И поѣхала я за ними въ слѣдъ
- Воротить сестрица Апраксія,
- Либо положить головка Настасьина. —

Вмѣсто 207 и 208 ст.

Вмѣстяхъ сестрицы крестились и молитвились,
Вмѣстяхъ сестрицы за мужъ пошли.

Послѣ 240 ст.

Бралъ стрѣлочку каленую,
Намазывалъ саломъ змѣинымъ

Вмѣсто 269.

- Отъ очей пекетъ красно солнышко,
- На каждой волосиночкѣ по скатной жемчужиночкѣ. —

6. Ставръ Годиновичъ.

(Пудожск. уѣзда.)

Во стольномъ вѣ-о градѣ во Кіевѣ,
У солнышка у князя у Владиміра
Стольно было столованье, почестень пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
5. На сильныхъ на русскихъ богатырей,

- И на тыхъ поленицъ на удалыхъ.
 Всѣ-то на пиру наѣдалися,
 Всѣ на пиру напивалися,
 И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
 10. И всѣ на пиру порасхвастались.
 Инный хвастаетъ золотой казной,
 Инный хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Инный хвастаетъ шелковымъ портомъ.
 Только молодой Ставѣръ сынъ Годиновичъ
 15. Не ѣсть, не пьетъ и не кушаетъ
 И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
 Зговорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
 «Ай же ты, молодой Ставѣръ сынъ Годиновичъ!
 «Что же ты не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
 20. «Да ни чѣмъ ты, Ставѣръ, не хвастаешь?»
 — Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 — Не чѣмъ мнѣ похвастать-то.
 — Мнѣ похвастать — не похвастать золотой казной.
 — Много у Ставра есть золотой казны:
 25. — Золотая-то казна вѣдь не тощится.
 — Это мнѣ, Ставру, и хвастъ — не хвастъ.
 — И много у Ставра есть добрыхъ коней:
 — Только добрые-то кони не ѣзятся.
 — Такъ и то Ставру, мнѣ, хвастъ — не хвастъ.
 30. — Похвастать-не похвастать мнѣ-ка цвѣтнѣмъ платьемъ.
 — Много у Ставра есть платья цвѣтнаго:
 — Только цвѣтное-то платье не дѣржится.
 — И то Ставру, мнѣ-ка, хвастъ — не хвастъ.
 — Похвастать-не похвастать мнѣ молодой женой:
 35. — Естѣ у Ставра молодая-то жена,
 — Млада Василиста Микулична,
 — Всѣхъ князей-бояръ продасть и-выкупить,
 — И самого князя Владиміра обманеть и проведеть. —
 И за тую рѣчь неумильную
 40. Да за тую-то хвастъ неудальную
 Столько взяли-то Ставра сына Гординовича
 И посадилъ Ставра во темницы во темныя
 Да во ты во погребы глубокіе.

- Столько пала туда вѣсточка нерадостная
45. Къ молодой его жены Василисты Микуличной:
 «Взяли де Ставра да посадили Ставра
 «Во темницы во темныя, во погребы глубокіе».
 Тутъ-то млада Василиста Микулична
 Садилась она на ременчатъ стулъ,
50. И начала она дума думати:
 «Столько какъ Ставра да буде выкупить,
 «Столько какъ Ставра да буде выручить?
 «Столько много у Ставра золотой казны,
 «И золотой-то казной буде Ставра не выкупить,
55. «И золотой-то казной буде не выручить.
 «Буде выкупить Ставра да буде выручить
 «Своима догадками женскими».
 И взяла она ножницы булатнія,
 И рубила свои волосы по мужичьему,
60. И сокрутилась во цвѣтно платьѣ во мужичье,
 И назвалась она грознымъ посломъ Васильюшкомъ.
 Приходитъ грозный посолъ Васильюшко на почестень пиръ
 Къ солнышку ко князю Владиміру,
 Крѣстъ кладетъ по писаному,
65. Поклонъ ведетъ по ученому,
 И кланялся на всѣ четыре стороны,
 А солнышку князю Владиміру въ особину.
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Отдай-ко ты любезную племянничку
70. «За грозного посла за Васильюшка».
 И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
 Любезную племянничку за Васильюшка,
 И выходитъ любезная племянничка
 Ко своему-то дядюшкѣ князю Владиміру:
75. — Да что-то у дядюшки затѣяно,
 — Да что-то у дядюшки завѣдено!
 — Столько отдаваетъ онъ дѣвчину за женщину:
 — И у его-ль у грозного посла у Васильюшка
 — Ж.... крутенька, и походка частенька,
80. — И грудь высока, и рѣчь у него по женскому. —
 Помогъ говоритъ солнышко Владиміръ князь:

- «Ай же ты, грозный посолъ Васильюшко!
 «Бери-тко ты тугій лукъ,
 «И кладывай-ко ты калену стрѣлу,
 85. «И поди-тко во чисто поле
 «Съ моима стрѣльцами, съ удалыми молодцами;
 «И стрѣлай-ко ты стрѣлочки каленыя
 «Во то остріе во ножечное,
 «И колп-тко пополамъ стрѣлочку каленую:
 90. «Тошто отдамъ племянницу любезную». —
 Тутъ-то грозенъ посолъ Васильюшко
 Натягивалъ онъ тугій лукъ,
 Кладалъ стрѣлочку каленую
 И стрѣлялъ во то остріе во ножечное.
 95. И попадала его стрѣлочка каленая
 Во то остріе во ножечное,
 И пополамъ стрѣлочка кололася.
 И приходятъ они съ поля чистаго
 Ко солнышку ко князю ко Владиміру:
 100. «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Натягивалъ я тугій лукъ,
 «И кладывалъ я стрѣлочку каленую,
 «Попадалъ въ остріе во ножечное,
 «И кололъ пополамъ стрѣлочку каленую:
 105. «Отдай-то теперь свою племянничку
 «За грознаго посла за Васильюшка». —
 И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
 Свою любезную племянничку
 За грознаго посла за Васильюшка.
 110. И выходитъ любезная племянничка:
 — Да что-то опять у дядюшки затѣяно,
 — Да не что-то у дядюшки заведено!
 — Выдаваетъ онъ дѣвчину за женщину:
 — крутенька, и походка частенька,
 115. — И грудь высока, и рѣчь у него по женскому. —
 И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
 «Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшко!
 «Не угодно-ль тебѣ сходить со мной
 «Во теплу во парну во баенку съ дороги попариться?»»

120. И говоритъ ту грозный посолъ Васильюшко:
 — Хорошо бы, солнышко Владиміръ князь,
 — Во теплой во баенкѣ попариться. —
 И пошли они со солнышкомъ со княземъ со Владиміромъ
 Во теплу во баенку попариться.
125. Тутъ-то грозный посолъ Васильюшко
 Попарился, да поуправился и ладился.
 И говоритъ ему солнышко Владиміръ князь:
 «Что же ты, грозный посолъ Васильюшко,
 «Скоро поупарился и поуправился?»
130. И говоритъ грозенъ посолъ Васильюшко:
 — Столько все-то у насъ по посольному,
 — Столько все-то у насъ да по дорожному:
 — То я скоро поупарился, то я скоро поуправился. —
 И пошли они съ парной баенки,
135. И приходятъ въ палаты грановитыя.
 И говоритъ ту опять грозенъ посолъ Васильюшко:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Отдай-ко свою племянничку
 «За грознаго посла за Васильюшка».
140. И говоритъ солнышко Владиміръ князь: ¹⁾
 — Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
 — Поди-тко ты на широкій дворъ,
 — И дамъ я ти сильныхъ русскихъ богатырей,
 — И буде мошь ²⁾ побороть могучихъ богатырей,
145. — То отдамъ за тебя любезную племянничку. —
 И тутъ шли они на широкій дворъ боротися.
 Сталъ-то грозный посолъ Васильюшко боротися:
 И сталъ-то борцовъ покидывать,
 И сталъ-то борцовъ побрасывать
150. По тому двору по широкому,
 И поборолъ ихъ всѣхъ до одинаго.
 Приходитъ ко солнышку князю ко Владиміру:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Не съ кѣмъ мнѣ боле поборотися:

1) Предполагается и тутъ наученіе Запавы.

2) Мошь вм. можешь, какъ хошь вм. хочешь.

155. «Отдай-ко любезную племянничку
 «За грознаго посла за Васильюшка».
 И пошелъ у нихъ почестенъ пиръ.
 И тутъ да на честномъ пиру
 Стали играть въ гусельшка яровчаты,
160. Спотѣшать князя со княгинею.
 И говоритъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшко:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Нѣту игроковъ вѣдь хорошихъ на честномъ пиру.
 «Какъ у васъ во стольномъ во Кіевѣ
165. «Есть молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ;
 «Онъ мастеръ-то играть въ гусельшка яровчаты:
 «Нѣтъ такого игрока нигдѣ и не водится.
 «Прикажи-тко ты Ставра да на почестенъ пиръ
 «Поиграть-то въ гусельшка яровчаты,
170. «Воспотѣшать-то князя со княгинею».
 Говорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
 — Ты, грозный посолъ Васильюшко!
 — Посажень-то Ставеръ во темницы во темныя,
 — Во темницы во темныя, во погребы глубокіе,
175. — За ту его рѣчь неумильную,
 — За ту его хвастъ неудальную:
 — Похвасталъ онъ Ставръ молодой женой,
 — Только млада Василстой Микуличной,
 — «Что естѣ у Ставра молодая-то жена,
180. — «Млада Василица Микулична,
 — «Всѣхъ князей-бояръ продастъ и выкупить,
 — «Солнышко-князя-государя обманетъ и проведетъ».
 — Такъ за то-то посаженъ молодой Ставеръ
 — Во темницы во темныя, во погребы глубокіе. —
185. И тутъ-то говорилъ грозный посолъ Васильюшко:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Выпусти Ставра на почестенъ пиръ:
 «Столько некому играть на честномъ пиру
 «Да воспотѣшить насъ на томъ на честномъ пиру».
190. Приказалъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
 Приказалъ Ставра его выпустить
 На тотъ ли на почестенъ пиръ.

- Пришелъ молодой Ставеръ на почестенъ пирь,
Садился на скамейку на дубовую,
195. Только сталъ играть въ гусельшка яровчаты
И спотѣшать ли князя со княгиню.
Только говоритъ тутъ грозный посолъ Васильюшко:
«Садись-ко ты, Ставеръ, за дубовый столъ!»
Садился тутъ Ставеръ за дубовый столъ.
200. И говоритъ тутъ грозный посолъ Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Дай-ко мнѣ Ставра
«Сводитъ въ чисто поле до своего бѣла шатра». —
И спустилъ Ставра солнышко Владиміръ князь.
205. И пошли они во бѣлой шатеръ.
«Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
«Станемъ-ко съ тобой въ свайку играть.
«Какъ мы прежде съ тобой въ свайку игравали
«И въ кольцо попадавали:
210. «У тебя есте свайка серебряная,
«У меня есть кольцо позолоченое». —
— Да я съ тобой въ свайку не игрывалъ,
— Да я въ кольцо не попадавалъ. —
Тутъ грозенъ посолъ Васильюшко
215. Вздымалъ свои платя по самый путь:
И вотъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
Призналъ кольцо позолоченое.
Тутъ грозенъ посолъ Васильюшко
Скидываетъ свои платя мужичія
220. Надѣвался во платя во цвѣтныя,
Во тыя ли платя во женскія.
Взимала она Ставра за бѣлы руки,
Приводила Ставра на почестенъ пирь.
Глядитъ солнышко Владиміръ князь,
225. Что пришелъ не грозный посолъ Васильюшко,
Пришла млада Василиста Микулична.
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
«Умѣлъ-то ты похвастать молодой женой:
230. «Молода твоя жена Василиста Микулична

«Обманула она солнышка князя Владиміра,
«Обманула и прѣвела».

«Да за то тебя Богъ простить
«Со молодой Василистой Микуличной!»

И пошли они во свои покои во высокіе,
И стали жить по старому, по прежнему.

(Отъ крест. дер. Раниной горы Аноима Савинова.)

7. Хотенъ Блудовичъ.

(Петрозаводск. уѣзда.)

- Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пиrowаньице-почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
5. На русскіихъ могучихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
На томъ ли на пиру на почестномъ
10. Было двѣ честныхъ вдовы:
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часовая жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
15. Брала эту чару во бѣлы руки,
Подносила честной вдовы Часовой жены
И за этой чарочкой посваталась
На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимаго
20. За того Хотенушку за Блудовича:
«Ай же ты, честная вдова Часовая жена!
«Сведемъ-ко мы дѣтей въ одно мѣсто,
«А мы будемъ съ тобой родныя родницы,
«Родныя родницы, сватьянки!

25. Честная вдова Часовая жена
Взяла эту чару во бѣлы руки
И вылила ей чару во ясны очи,
Облила ей шубу камчатую,
Пушокъ морской, вершокъ дорогой,
30. Сама говорила таковы слова:
— Ужь ты, сука-б, Блудова жена!
— Дойдетъ-ли Чайну Часовичну взять за себя,
— За своего Хотенушку за Блудовича!
— Какъ твой былъ мужище-то Блудище:
35. — Блудъ блудилъ по Новугороду;
— А сынище-то твой уродище:
— Ъздитъ по городу, уродуетъ
— Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
— Ищетъ бобоваго зерненка,
40. — А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить.
— Моя ли Чайная Часовична
— Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
— Во славномъ-то теремѣ, златомъ верху:
— Ю буйные вѣтры не обвѣютъ,
45. — Красное солнышко не обпекетъ,
— Частые дождинки не обмочатъ,
— Добрые люди не оббаятъ,
— Не надсмѣется надъ ей пьяный пьяница.
— Още есть у меня девять сыновей,
50. — У Чайной Часовичной девять братцевъ,
— Они ѣздить во чистомъ полѣ, полякуютъ;
— Полоняютъ они Хотенку во чистомъ полѣ,
— И привяжутъ ко стремени сѣдальному,
— И привезутъ Хотенку ко мнѣ на лицо:
55. — Захочу, — его кладу во повары,
— Захочу, — кладу его во конюхи,
— Захочу, — продамъ на боярскій дворъ. —

А стала тутъ вдова обезчещена,
Пошла со честна пира не весела,

60. И невесела пошла, неродостна:
«Замарала мою шубу камчатую,

- «Пушокъ морской, вершокъ дорогой».
 Приходить ко терему высокому,
 Ко тому крыльцу бѣлодубову,
 65. Стрѣтаетъ ее роженое дитятко,
 Молодой Хотенушка Блудовичъ,
 Самъ говорить таковы слова:
 — Свѣтъ-государыня, моя матушка!
 — Что-же ты идешь съ честна пира не весела,
 70. — И не весела идешь, не радостна?
 — Али мѣсто ти было въ пиру не по любви,
 — Али чарою тебя пообнесли,
 — Али надсмѣлся пьяный пьяница? —
 Тутъ возговорить Хотенина матушка:
 75. «Свѣтъ ты, мое чадо милое,
 «Молодой Хотенушка Блудовичъ!
 «Мѣсто мнѣ-ка на пиру было по любви,
 «А чарой меня не обнесли
 «И не надсмѣлся пьяный пьяница.
 80. «Надсмѣлась надо мною честная вдова,
 «Честная вдова Часовая жена.
 «Подносили мнѣ-ка чару меду сладкаго;
 «Я за этой чарочкой посваталась
 «У честной вдовы Часовой жены
 85. «На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
 «За тебя, Хотенушку за Блудовича.
 «Она чары-то не выкупала,
 «Вылила мнѣ чару во ясны очи,
 «Облила мою шубу камчатую,
 90. «Пушокъ морской, вершокъ дорогой;
 «Сама говорила таковы слова:
 ««Ужъ ты, сука, б. . . ., Блудова жена!
 ««Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
 ««За своего Хотенушка за Блудовича?
 95. ««Какъ твой былъ мужище-то Блудище,
 ««Блудъ блудилъ по Новгороду,
 ««А сынище-то твой уродище;
 ««Ѣздитъ по городу, уродуетъ
 ««Со своимъ со паробкомъ любимымъ,

100. ««Ищеть бобоваго зерненка,
 ««А гдѣ бы то Хотену обѣдъ снарядить.
 ««Моя ли Чайная Часовична
 ««Сидить-то во теремѣ вся въ камкѣ,
 ««Во славномъ-то теремѣ, златомъ верху,
105. ««Ю буйные вѣтры не ѡвѣютъ,
 ««Красное солнышко не ѡпекетъ,
 ««Частые дождичка не ѡмочатъ,
 ««Добрые люди не ѡббаютъ,
 ««Не надсмѣется надъ ней пьяный пьяница.
110. ««А есть у меня девять сыновей,
 ««А у Чайной Часовичной девять братцевъ.
 ««Они ѣздятъ въ чистомъ полѣ, полякують,
 ««И полоняютъ Хотенку во чистомъ полѣ,
 ««И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдальному,
115. ««И привезутъ Хотѣнку на свой-то дворъ;
 ««Захочу, — его кладу во повары,
 ««Захочу, — кладу его во конюхи,
 ««Захочу, — продамъ на боярскій дворъ»».
 Спроговорить Хотенка таковы слова:
120. — Я ей эту насмѣшку отсмѣюсь! —
 Бралъ-то любимаго паробка,
 Поѣхали по городу по Кіеву уродовать.
 Подъѣзжалъ ко терему высокому,
 Гдѣ сидитъ Чайная Часовична,
125. Ударилъ палицей булатнеей
 По тому по высокому по терему:
 Не было ни бури, ни падари ¹⁾,
 Не было погоды непомѣрныя, —
 Верей свалились среди двора,
130. А про широкія ворота и слыху нѣтъ,
 Высокъ-то вершокъ въ чисто поле слетѣлъ;
 Во теремѣ околѣнки поломалися,
 Полки, грядки повыпадали,
 Кирпична печка порозсыпалась,
135. Одва тутъ Чайной со страху емерть не пришла.

1) Падарь — зимняя непогода, снѣгъ и вѣтеръ.

- Тутъ-то Хотенка и посватался:
 «Молода Чайная Часовична!
 «Если съ чести идешь, за себя возьму;
 «А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
 140. «За своего любимаго за паробка:
 «По зубамъ ты, Чайна, разсыплешься,
 «По власамъ ты, Чайна, распóлстишься,
 «По ногамъ ты, Чайна, разширишься.
 «А какъ станемъ держать за единочку,
 145. «То всякъ-то свою половиночку.
 «А я поѣду во чисто поле,
 «Ты пошли туда девять братцевъ:
 «Тамъ съ ними свидимся и перевидимся».
 И поѣхалъ Хотенка во чисто поле,
 150. Пораздернулъ бѣлъ шатерь,
 Ложился во шатрикъ спать,
 А паробка поставилъ ко бѣлу шатру:
 «Стой-ко, паробокъ, ко Новугороду,
 «Востренько гляди ко городу ко Кіеву,
 155. «Какъ выѣдутъ Часовичи въ чисто поле.
 «Если поѣдутъ по два, по три въ одномъ мѣстѣ,
 «То у нихъ есть думушка ровная,
 «Ровная думушка, не розная;
 «А поѣдутъ тотъ напередъ, другой напередъ,
 160. «То у нихъ есть думушка розная;
 «И ты буди меня со крѣпка сна».
 Выѣхали девять братцевъ въ чисто поле:
 Тотъ ѣдетъ напередъ, другой напередъ,
 Тотъ ѣдетъ хорошъ, другой лучше того,
 165. Всякому надобно повыславиться.
 Какъ увидѣлъ паробокъ ихъ думушку розную,
 Не будилъ Хотенку со крѣпка сна,
 А садился на добра коня богатырскаго
 И поѣхалъ встрѣту Часовичамъ:
 170. Перво три братца конемъ потопталъ,
 Друго три братца коньемъ сколомъ,
 Три-то братца полономъ взялъ,
 Привезъ ко шатрику ко бѣлому,

Будилъ Хотенку со крѣпка сна:

175. — Я во твоей служебкѣ повыслужилъ. —
 Говорилъ Хотенушка таковы слова:
 «Не твое было дѣло коня пожурять,
 «Не твое было дѣло по полю пырять».
 Садилися на добрыхъ коней богатырскихъ,
 180. Привязали Часовичей ко стремени сѣдальному
 И поѣхали ко городу ко Кіеву.
 Увидала тутъ Часовая жена
 Ъдучи Хотенку со чиста поля,
 Насыпала чашу чиста серебра,
 185. Другую чашу красна золота,
 Третью чашу скатна жемчуга,
 Отнесла князю Владимиру,
 Чтобы далъ силы сорокъ тысячей.
 Какъ завидѣлъ силу Хотенка Блудовичъ,
 190. Закричалъ имъ богатырскимъ покрикомъ:
 «Если въ полонъ идете, живы будете,
 «Если воевать идете, живы не будете:
 «Я буду васъ бить, на двое двойть
 «На двое двойть, на трое тройть,
 195. «На трое тройть, четвертами четвертить,
 «Я васъ на малыя на четверти.
 «Вяжитесь-ка вы своимъ опояскамъ шелковымъ
 «По двое, по трое въ одно мѣсто,
 «Подите ко городу ко Кіеву,
 200. «Кричите вы во всю голову:
 ««Есть мы сила полоненая:
 ««Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ»».
 Вязались они своимъ опояскамъ шелковымъ
 По двое, по трое въ одно мѣсто,
 205. Шли ко городу ко Кіеву,
 Кричать-то во всю голову:
 «Есть-то мы сила полоненая:
 «Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ».
 Честная вдова Часовая жена
 210. Прибѣжала ко князю ко Владимиру,
 Сама говорила таковы слова:

- Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
 — Назови Чайну Часовичну родной родницей,
 — Родной родной племницей,
 215. — Выдай замужъ за Хотенку Блудовича. —
 Тутъ ласковый Владиміръ князь
 Заводилъ пированьице-почестный ниръ
 На многихъ князей, на бояръ,
 На русскіихъ могучіихъ богатырей
 220. И на всю паленицу удалую.
 И на томъ пиру на почестноемъ
 Спроговорилъ ласковый Владиміръ князь:
 «Ай же ты, Хотенушка Блудовичъ!
 «Хороши твои поступки молодецкіе!
 225. «Ты смѣешься надъ моей родницей:
 «Мнѣ вѣдь Чайна Часовична родна племница».
 Ино Хотенушка догадливъ былъ:
 Выставалъ за столика дубоваго,
 Шелъ на широкій дворъ,
 230. Поставилъ свой костыль среди двора.
 — Ай же ты, ласковый Владиміръ князь!
 — Обсыпь мой костыль златомъ и серебромъ
 — Съ пижняго конца и до верхняго:
 — Тошго Часовичну за себя возму,
 235. — А нѣтъ, такъ возму за товарища,
 — За своего любимаго за паробка.
 — А еще ли не будетъ такъ, такъ еще перетакъ:
 — Отпиши-тко мнѣ-ка семь городовъ,
 — Тошто Часовичну за себя возму. —
 (Отъ крестьянина Кижской волости*Терентія Іевлева.)

8. Тоже.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

Въ стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,

Завелся почесень пирь.

Много на пиру было князей, боярь,

5. Много сильныхъ богатырей

И много поляницъ удалыхъ.

Было на пиру двѣ вдовы:

Одна честна двова Блудова жена,

Друга честна вдова Чесова жена.

10. Честна вдова Блудова жена

Налила чару зелена вина,

Подносила чару Часовой вдовы,

Подносивши, у ней дочери посватала

За того Хотей за Блудовича:

15. «У тебя есть дорого мило чадо на возрастѣ

«Молода Чайна Часовична,

«У меня есть дорого мило чадо на возрастѣ,

«Молодой Хотей сынъ Блудовичъ:

«Станемъ мы между собой родни дѣлать».

20. Она пришила у ней чару, не выпила,

Не выпила, въ глаза брызнула,

Измочила шубку камчатую,

Помутила зрѣнье видячее,

Сама говоритъ таково слово:

25. — Нельзя мнѣ за твоего сына дочь отдать:

— Мы есть роду богатаго, именитаго,

— Именитаго роду, княженецкаго;

— Вы есть роду нищетнаго, кошельчата. —

Пошла Блудова вдова съ пиру невесела.

30. Встрѣчаетъ ее Хотей сынъ Блудовичъ,

На бѣломъ дворѣ, невесело:

«Что-же, государыня-матушка,

«Съ честна пиру идешь невесела,

«Такиль мѣсто тебѣ въ пиру было не по отчины,

35. «Али чарой тебя обошли,

«Али голи кабацкія надъ тобой посмѣялися?»

— Ай же ты Хотей сынъ Блудовичъ!

— Мѣсто было сидѣть мнѣ по отчины,

— Да и чарой меня не обошли,

40. — Да и голи кабацкія не смѣялися.

- Было на пиру насъ двѣ вдовы:
 — Одна честна вдова Чесова жена,
 — Друга честна вдова Блудова жена.
 — Я налила чару зелена вина,
 45. — Подносила чару Чесовой вдовы,
 — Подносивши, у ней дочери посватала:
 — «У меня, есть дорого мило чадо на возрастѣ,
 — «Молодой Хотей сынъ Блудовичъ,
 — «У тебя есть дорого мило чадо на возрастѣ,
 50. — «Молода Чайна Часовична:
 — «Станемъ мы между собой родни дѣлати».
 — Она приняла чару, не выпила,
 — Не выпила, въ глаза брызнула,
 — Обмочила шубку камчатую,
 55. — Помутила зрѣнье видячее. —
 У Хотей сердце разгорѣлося:
 Онъ обсѣдывалъ добра коня, обуздывалъ,
 Беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
 Беретъ палицу желѣзную
 60. И поѣхалъ по городу по Кіеву.
 Їздитъ по городу, уродуетъ.
 Вышла Чайна Часовична на крылечечко,
 Сама говоритъ таково слово:
 «Звали у Хотей отца Блудовымъ,
 65. «А теперь звать Хотей набѣ уродищемъ:
 «Онъ ѣздитъ по городу, уродуетъ,
 «Ищетъ зернети бобоваго,
 «На что бы ему уколотися».
 Тутъ у Хотей сердце разгорѣлося:
 70. Онъ шибиулъ своей палицей желѣзной
 И вышибъ теремъ по окнамъ вонъ,
 Подворотенку решетчату, по среди двора широкаго,
 Весь зеленъ садъ разбилъ, разломалъ,
 Самъ говоритъ ей таково слово:
 75. — Ты Чайна Часовична!
 — Не за мной будешь замужемъ:
 — Возьму тебя за холопа послѣдняго. —
 Идетъ честна вдова, Чесова жена,

- Съ пиру веселешенька,
 80. Встрѣчаетъ ю дорого мило чадо,
 На бѣломъ дворѣ, Чайна Часовична.
 Говорить честна вдова Чесова жена
 Своему дорогу милу чаду
 Молодой Чайны Часовичны:
85. «Что же у тебя въ домѣ несчастьице:
 «Высокъ теремъ на боку,
 «Подворотенка решетчатая по среди двора широкаго,
 «Зеленъ садъ весь разбить, разломанъ?»
 Отвѣчаетъ ей дорого мило чадо
90. Молода Чайна Часовична:
 — Ъхалъ Хотей сынъ Блудовичъ на добромъ конѣ,
 — Я на крыльцѣ была переносимъ,
 — Сказала ему таково словцо:
 — Звали у Хотей отца Блудовымъ,
95. — А теперь Хотей нужно звать уродищемъ:
 — Онъ ѣздитъ по городу уродуетъ;
 — Ищетъ зернети бобоваго,
 — На чтобы ему уколотся набъ.
 — Онъ шибнулъ палицей желѣзной,
100. — Вышибъ теремъ мой по окнамъ вонъ,
 — Подворотенку решетчатую, среди двора широкаго,
 — Зеленъ садъ весь разбилъ, разломалъ,
 — Самъ говорилъ таково слово:
 — — Ты, Чайна Часовична,
105. — — Ты будешь не за мной замужемъ:
 — — За моимъ холопомъ за послѣднимъ. — —
 Богатая бабища была упрямая,
 Она наняла силы сорокъ тысячей,
 А своихъ было девять сыновъ, девять богатыревъ,
110. Ихъ наладила предводительмы,
 Выпускала силу во чисто поле,
 Съ Хотеемъ насупротивъ.
 Хотей сынъ Блудовичъ наряжается,
 Во чисто поле отправляется,
115. Съ собой беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
 Беретъ палицу желѣзную,

- Да копье муржамецкое.
 Выѣхалъ Хотей сынъ Блудовичъ во чисто поле,
 А богата бабища упрямая,
120. Глядитъ въ трубку подзорную,
 Что тамъ будетъ во чистомъ полѣ.
 Хотей сынъ Блудовичъ
 Заѣхалъ въ середку силы, въ матицу,
 Перво три сына жезломъ скололъ,
125. А друго три сына конемъ стояталъ
 А третье три сына полономъ взялъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Вольна сила есть наемная,
 «Тронуть ея нечего».
130. Богата бабища упрямая,
 Прибѣжала ко своему брату родимому
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
 Говорила таково слово:
 — Братецъ мой родимый,
135. — Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
 — Хотей сынъ Блудовичъ,
 — Поѣхалъ на добромъ конѣ въ чисто поле,
 — Моихъ три сына, твоихъ племянника,
 — Онъ жезломъ скололъ,
140. — Друго три сына конемъ стояталъ,
 — А третья три сына въ полонъ взялъ.
 — Собери ты почесенъ пиръ,
 — Созови ты князей-бояръ,
 — Сильныхъ могучихъ богатырей,
145. — Отдавай ты любезну племянницу
 — Молоду Чайну Часовичну
 — За Хотей сына Блудовича,
 — Выручи своихъ племянниковъ любимыхъ. —
 Много есть на пиру князей, бояръ,
150. Много сильныхъ богатырей
 И много поляницъ удалыхъ.
 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Хотейю сыну Блудовичу:
 «Ты есть молодецъ на возрастѣ,

155. «А у меня есть дорого мило чадо,
«Племянничка на выдаваньи:
«Станемъ мы между собой родни дѣлати». —
У Хотей тутъ сердце разгорѣлося,
Выскочилъ Хотей черезъ дубовый столъ,
160. Выходилъ на бѣлый дворъ,
Онъ тыкнулъ свое копье муржамецкое
Вострымъ концомъ въ земь, а тупымъ вверхъ;
Самъ говорилъ таково слово:
— Богатая бабища упрямая,
165. — Буде обсыплеть мое копье муржамецкое
— Златомъ и серебромъ,
— Да накроетъ славной мѣдью аравицкою,
— Тошто я Часовичну за себя возьму;
— А буде не покроетъ моего копья
170. — Златомъ да серебромъ,
— Не покроетъ славною мѣдью аравицкою,
— Возьму я Чайну Часовичну за холопа за послѣдняго. —
Тутъ бабища богатая упрямая
Наняла сорокъ телѣгъ ордынскихъ,
175. Приводила телѣги ко погребу
Насыпала злата — серебра
И обсыпала копье муржамецкое
Златомъ да серебромъ
И покрыла славною мѣдью аравицкою.
180. Тошто Хотей Блудовичъ
Чайну Часовичну взялъ за себя.

(Отъ кореляка Василья Лазарева изъ дер. Кямениць.)

9. Дюкъ Степановичъ.

(Дер. Каменицы Повѣнецкаго уѣзда.)

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжалъ изъ города изъ Галича
Изъ той Корелы изъ богатия.

- У него дворъ былъ на семи верстахъ,
 5. На семи верстахъ да о семи столбахъ;
 Ворота были мѣдныя,
 А подворота желѣзныя;
 Среди его двора боярскаго
 Три было церкви соборныя,
 10. Другъ отъ друга за полъ-поприща.
 Ѣздитъ Дюкъ за охотою,
 За кунницами, за лисицами,
 За сѣрыми пермястыми ¹⁾ за утками.
 День Дюкъ стрѣляетъ,
 15. А въ ночь стрѣлы собираетъ.
 Гдѣ стрѣлы лежатъ,
 Тамъ лучи пекутъ,
 Какъ отъ яснаго отъ мѣсяца.
 Вылеталъ орелъ съ земли Камскія,
 20. Не того орла сына орловича,
 Кой летаетъ по темнымъ лѣсамъ;
 А того орла сына орловича,
 Кой летаетъ по поднебесью.
 Залеталъ орелъ подъ облако,
 25. И сидѣлъ орелъ на сынемъ морѣ,
 На бѣломъ на горючемъ на камени,
 Обронилъ онъ свои перушки орлиныя,
 Орлиныя перьяца, правильныя;
 Тутъ ѣхали мимо гости корабельщики,
 30. Нашли эти перьяца орлиныя,
 Орлиныя перьяца, правильныя,
 Привозили ко славному городу ко Галичу,
 И носили по славному городу по Галичу;
 Не всякому эти перья доставалися,
 35. Доставалися эти перья
 Молодому Дюку Степановичу.
 Чѣмъ стрѣлы его были дороги?
 Колота была трость морска,
 Писаны на три грани,

1) Пернастыми.

40. Перены были перьями орлиными,
Орлиными перьями, правильными,
И по дорогом по самоцвѣтному камню врѣзано.
Пошелъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ
Ко святой честной ко заутрени,
50. Ко святой честной ко Воскресенской.
Куда идетъ Дюкъ Степановичъ,
Туда стелють сукна различныя, —
Холопы боярскіе шьютъ кафтаны различныя;
Гдѣ стоитъ удалый добрый молодецъ
55. У святой честной у заутрени,
У святой честной у Воскресенской,
Тутъ подметываютъ черны соболи заморскіе,
Чтобы сафьянны сапожки не грязнились,
Золотыя скобки не рудились¹⁾
60. Тутъ холопы боярскіе шьютъ шапки соболиныя.
Пришелъ дородень добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Отъ святой честной заутрени,
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
65. «Свѣтъ государыня моя матушка,
«Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
«Благослови меня ко стольному городу поѣхати:
«У стольнаго города не бывано,
«Владиміра князя не видано.
70. «Владиміръ князь скажутъ ласковъ есть,
«А княгиня Апраксія очень привѣтлива».
Не благословляетъ его матушка поѣхати
Ко стольному городу ко Кіеву:
— Станешь пить зелена вина,
75. — Хвастать своимъ богатствомъ. —
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Благословишь, я поѣду;
«А и не благословишь, я поѣду».
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
80. Дюкова матушка, — была умая,

1) Здѣсь пропускъ.

- Роду-племени была разумнаго,
 Отца-матери была хорошаго, —
 Благословила его поѣхати
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 85. Ко ласковому князю Владиміру.
 Приѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 Идетъ ко Владиміру въ палату бѣлокаменну,
 Билъ Владиміру князю о руку правую,
 90. А княгинѣ Апраксіи о лѣвую,
 Всѣмъ князьямъ, боярамъ
 По всѣмъ сторонамъ низко кланялся.
 Посадилъ его князь за дубовый столъ,
 Налилъ ему чару зелена вина,
 95. Другую налилъ пива пьянаго,
 Третью налилъ меду сладкаго.
 Выпилъ чару зелена вина
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Самъ говоритъ таково слово
 100. Владиміру князю Кіевскому:
 «Не могу пить зелена вина,
 «Пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи на еловы.
 «У моей государыни у матушки,
 «Честной вдовы Омельфы Тимофеевны,
 105. «Бочки серебрянны, обручи позолочены:
 «Не пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи еловы.
 «Ѣсть колачики крупитчаты,
 «Мякишка ѣсть, а корки подъ столъ роетъ¹⁾.
 «Не могу я ѣсть здѣсь колачиковъ крупитчатыхъ:
 110. «Пахнутъ на печи на кирпичныя,
 «На хвою на сосновую;
 «У моей государыни у матушки,
 «Честной вдовы Омельфы Тимофеевны,
 «Печки-то муравленья,
 115. «Помяльда то шелковыя,
 «Она въ медъ да въ патоку помакиваетъ,

1) Бросаетъ.

- «Тѣмъ сударыня печку подпахиваетъ».
 Во Кіевѣ былъ Чурила Пленковичъ Щапливый,
 Говоритъ онъ князю Владиміру таково слово:
120. — Я богатѣ себя Дюка перещалю:
 — Мнѣ всѣмъ Кіевомъ платя шьютъ. —
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Обсѣдывалъ добра коня и вывелъ во чисто поле,
 Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ
125. И послалъ коня къ своей матушкѣ:
 «Свѣтъ государыня моя матушка!
 «Пошли двѣ пары платя хорошія
 «Съ пуговицами золочеными».
 Посылала ему матушка
130. Двѣ пары платя хорошія
 Съ пуговицами золочеными.
 Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,
 О пуговицы золоченыя, —
 Отъ тыхъ пуговицъ значеныхъ
135. Пошелъ стукъ да гремъ,
 Какъ отъ звону колокольного.
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
 «А это платье у меня есть заѣзжее,
140. «А заѣзжее есть и дорожное».
 Тутъ говоритъ Чурила Пленковичъ:
 — Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
 — Я на добромъ конѣ Дюка перещалю. —
 Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.
145. Чурилина хвала напередъ зашла!
 Ему первому скочить черезъ быстру рѣку.
 Какъ скочилъ черезъ рѣку,
 Такъ и палъ среди рѣки.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
150. Скочилъ вслѣдъ за нимъ,
 Ухватилъ его за желты кудри,
 Перетащилъ его на другу сторону,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ты думаешь, Чурила, щапить,

155. «Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками да передъ бабами,
«А не съ нами молодцами богатырями».

(Отъ Кореляка Василя Лазарева.)

10. О немъ же.

(Пудожск. уѣзда.)

- Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же, свѣтъ-государыня матушка!
«По всѣмъ землямъ было хожено
«И по всѣмъ землямъ было ѣждяно,
5. «Во стольномъ городѣ не бывано,
«Солнышка Владиміра князя не видано.
«Поѣду я во стольный Кіевъ-градъ
«Ко солнышку ко князю Владиміру на почестный пирь».
И говоритъ его свѣтъ-государыня матушка:
10. — Ай же ты, чадо мое милое,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣдь ¹⁾)-то ты во Кіевъ-градъ:
— Либо тамъ тебя не учествуютъ,
— Либо мѣсто тебѣ будетъ не по отчины,
15. — Либо тамъ тебѣ ѣства не полюбятся. —
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Званому гостю много чести надо,
«А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ».
— Поѣдешь, мое чадо милое,
20. — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Не захвастьявай своиа животами сиротскими. —
И тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Засѣдывалъ добра коня сѣдельшкомъ Черкацкіимъ
И подтягивалъ двѣнадцатью подпругами шелковыми;
25. И надѣвалъ-то онъ шубу соболинную,
По подольчику прострочену въ три строчки:

1) Не ѣзди.

- Первая строчика съ чистымъ серебромъ,
 Другая-то со краснымъ золотомъ
 И третія съ скатнымъ жемчугомъ;
 30. И кладывалъ шапку черно-мурманку:
 Спереду не видать ясныхъ очей
 И сзади не видать шеи бѣлыя.
 И тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Садился на добра коня,
 35. И пріѣждяетъ въ столенъ Кіевъ-градъ
 Ко солнышку ко князю ко Владиміру.
 И стрѣтилъ его Владиміръ князь,
 Взималъ его за бѣлы руки,
 Садилъ его за дубовый столъ на мѣсто на большее.
 40. И сидятъ-то за столомъ за дубовымъ.
 Сталъ онъ колачикомъ закусывать:
 И верхнюю корочку на столъ кладетъ,
 А нижнюю подъ столъ кидаетъ.
 Ажъ-же сказалъ таковы слова:
 45. «Все-то у васъ не по нашему:
 «Сверху пахнутъ на фою сосновую,
 «А снизу на глину на кирпичную.
 «Какъ у насъ во Карелѣ во богатія,
 «У моей-то свѣтъ-государыни матушки,
 50. «Печены колачики на листочикахъ капустныхъ,
 «А сверху помачиваютъ помялкой шелковой, въ меду насто-
 яной:
 «Да не пахнутъ колачики на фою сосновую,
 «Снизу на глину на кирпичную».
 Тутъ сидитъ Чурила ¹⁾ Щапенковичъ,
 55. И самъ говорить таковы слова:
 — Есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 — Есть-то халуина боярская:
 — Отъ боярина уѣхалъ — коня угналъ,
 — Угналъ коня и шубу унесъ. —
 60. Тутъ Дюку Степановичу во преку ²⁾ пришло,

1) По моему мнѣнію, Чурилище Пленковичъ.

2) Отъ корня *прек.*, откуда перечить, прекословить.

- За ту досаду за великую.
 Тутъ-то бились съ Чурилой о великъ закладъ.
 По Чурилы ручаются городомъ Кіевомъ,
 А другимъ городомъ Черниговымъ;
65. А по Дюкѣ ручался солнышко Владиміръ князь.
 И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Посылай своихъ слугъ въ Корелу богатую
 «Моиxъ животовъ описывать»¹⁾.
 И написалъ ерлыкъ скорописчатый
70. Своей свѣтъ-государынѣ матушкѣ.
 Приѣждяють къ его матушкѣ,
 Ея дома не случилось:
 Она въ церкви Господу Богу молится.
 И тутъ идетъ Дюкова матушка изъ Божьей церкви,
75. И подавають ей ерлычекъ скорописчатый.
 Тутъ она повела въ покои высокіе
 И садила она ихъ за дубовый столъ,
 Кормила она до сыта
 И поила ихъ до пьяна.
80. И повела по кладовымъ имѣніе показывать,
 И еще повела во погреба глубокіе:
 Тамъ висятъ бочки сороковки
 Со златомъ и серебромъ и со скатнымъ жемчугомъ;
 И трубы выведены во сине море,
85. Чтобъ оттуль вѣтерокъ вѣялъ,
 И онѣ шатались на цѣпяхъ, не плеснѣли;
 Какъ тья бочки запатають,
 Такъ какъ бѣлыя лебеди загогочуть.
 И говоритъ она таковы слова:
90. «Если продать имѣніе Чурилино,
 «То не хватитъ денегъ и за бумаги заплатить.
 «Поѣдемъ такъ домой:
 «Намъ этого всего имѣнія не описать».
 Приѣждяють назадъ въ Кіевъ-градъ
95. И говорятъ солнышку князю Владиміру:

1) Отсегѣ былина сказывалась побывальщиной: на стихи раздѣлена примѣрно.

«Продать все имѣніе Чурилино,
«Не хватить денегъ на бумагу».

Чурила Пленковичъ опять ударилъ о великъ закладъ:

— Каждый день выѣждать намъ на коняхъ смѣнныхъ;

100. — И чтобы платья были въ каждый день смѣнныя. —

Тутъ Чурила Щапенковичъ

Выѣждаетъ каждый день на коняхъ смѣнныхъ

И каждый день въ платьѣ смѣнномъ.

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

105. У него развертывается одинъ конь разными шерстями,

И шуба у него сегодня одного цвѣта,

А завтра у него другого цвѣта.

Въ послѣдній день Чурила одѣлъ шубу соболю:

Въ пуговкахъ вплетены добрые молодцы,

110. Въ петелкахъ красныя дѣвушки.

А у молода боярина Дюка Степановича

Въ пуговкахъ-то звѣри лютые,

Въ петелкахъ-то змѣи лютыя.

И тутъ Чурила не могъ перещепить Дюка Степановича.

115. И тутъ они били во великъ закладъ

Ѣхать чрезъ рѣку Нѣпру.

И собирались ту къ рѣкѣ съ города Кіева

И съ другаго города Чернигова.

Какъ поѣдутъ чрезъ рѣку Нѣпру,

120. Приѣждаетъ солнышко Владиміръ князь.

Говорятъ Чурила Щапенковичъ:

«Поѣждай, Дюкъ Степановичъ, чрезъ рѣку Нѣпру».

А онъ ему на мѣсто говоритъ:

— Не мнѣ ѣхать, а тебѣ напередъ:

125. — Твоя похвала напередъ зашла.

И приправилъ Чурила добра коня:

Конь скочилъ до полъ-рѣки,

И понесло внизъ съ конемъ по рѣкѣ.

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,

130. Чтобъ не утонулъ Чурила Щапенковичъ,

Приправилъ своего добра коня:

Конь скочилъ черезъ рѣку,

И онъ поймалъ Чурила за волосы

- И перенесъ на другую сторону,
 135. И назадъ скочилъ черезъ рѣку.
 И тутъ просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ про-
 стить.

- Дюкъ Степановичъ пнулъ его подъ . . . ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 «Щапи между дѣвками, бабами и старыми старухами,
 140. А съ нами, молодцами, никогда не щапи».
 (Отъ крестьянина Филимоновской волости, дер. Раниной горы, Анфима
 Савинова.)

11. Соловей Будиміровичъ.

(Пудожск. уѣзда.)

- Исподъ дуба, дуба сыраго,
 Исподъ той березы сподъ наляпины,
 Матушка Нева широко прошла,
 Устьемъ выпадала во синее море во Вирянское. —
 5. По синему морю корабли бѣжать.
 Одинъ-то корабликъ изукрашенъ былъ:
 Вмѣсто глазъ было вставлявано
 По ясному по камению по яхонту;
 Вмѣсто бровъ было вставлявано
 10. По дорожному соболю заморскому;
 Вмѣсто ушей было вставлявано
 По дорогой куницы по заморскія;
 Вмѣсто хвоста было вставлявано
 По дорогой лисицы по заморскія.
 15. Не тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ
 И не тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
 Какъ посреди того черленаго кораблика
 Стоялъ стулъ рыбавчатый ¹⁾.
 На тоемъ-ли на стулѣ рыбавчатомъ

1) Рыбавчатый — ?

20. Сидѣлъ-ли малый упавъ молодецъ,
Удалый Соловей Будиміровичъ:
Столько-ко тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ
И тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
Ѣхали по синему морю Вирянскому
25. Ко славному ко городу ко Кіеву.
Возговори́лъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
«Берите-тко трубы подзорныя
«И глядите по славному морю по синему,
30. «Далеко-ли до князя до Владиміра?»
Дѣлали они дѣло повелѣное:
— Не далеко до князя до Владиміра. —
Возговори́лъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
35. «Берите щупы желѣзные,
«Щупайте пристань корабельную». —
Становится пристань корабельная.
Возговори́лъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
40. «Ройте ¹⁾ сходи на крутой берегъ:
«Первую сходенку мѣдную,
«А другую сходенку серебряну,
«А третью сходню красна золота.
«И берите лисицъ — кунѣтъ счету нѣтъ,
45. «Берите заморскихъ соболей,
«И берите кручато́й камки —
«Въ золотѣ камочка не подогнется;
«Еще берите камни драгоцѣнные,
«Драгоцѣнные и самоцѣтные».
50. По той по сходенкѣ по мѣдныя
Идетъ ли дружинушка хоробрая,
По другой по сходенкѣ серебряной
Идетъ матушка Соловьевая,
По той по сходнѣ красна золота
55. Идетъ малый упавъ молодецъ,

1) Рыть = бросать.

- Удалый Соловей Будиміровичъ.
 Идутъ ли они ко городу ко Кіеву,
 Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
 Крестъ кладутъ по писаному,
60. Поклоны ведутъ по ученому,
 На три на четыре на сторонки покланяются,
 А солнышку князю Владиміру въ особину.
 Малый упавъ молодецъ
 Князя дарилъ кунницами и лисицами,
65. Княгину дарилъ кручатой камкой:
 Въ золотѣ камочка не подогнется.
 И тые подарки въ любовь пришли.
 Зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
 «Ай же ты, младъ Соловей Будиміровичъ!
70. «Ты сюда пріѣхалъ посломъ пословать,
 «Али торгомъ торговать, али на жиру жить такъ?»
 — Пріѣхалъ я на жиру жить.
 — Позволь-ка мнѣ мѣстечка несомножечко
 — Построить три терема хорошіе. —
75. Говорилъ солнышко Владиміръ князь:
 «Строй-ка терема на горкѣ на Песочныя,
 «Гдѣ жонки да бабы блины продаютъ,
 «А малые робята барышничаютъ».
 Зговорилъ малый упавъ молодецъ:
80. — Не любо мѣсто на горкѣ на Песочныя,
 — Гдѣ жонки да бабы блины продаютъ,
 — А малые ребята барышничаютъ.
 — Дай-ка мнѣ мѣстечка несомножечко
 — Противъ своей племянницы любимой
85. — Молодой Забавы Путятичной. —
 Зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
 «Строй-ко ты терема высокіе
 «Противъ моей племянницы любимыя
 «Молодой Забавы Путятичной».
90. И зговорилъ малый упавъ молодецъ:
 — Ай же вы, дружинушка хоробрая!
 — Скидывайте кафтанцы скурлатъ-сукна,
 — Надѣвайте кожаны работніе,

- И розувайте сапожки зеленъ сафьянъ,
 95. — Обувайте лапотцы липовые,
 — Да берите топорики булатніе,
 — И подите вы во Забавинъ садъ:
 — Дубья, яблунн повырубите,
 — Изъ саду вонъ повымечите,
 100. — И стройте тамъ три терема хорошіе,
 — И златоверхіе, маковки позолочены,
 — И вершочки съ вершочками сплеталися.
 — Чтобы на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
 — Чтобы на небѣ мѣсяцъ, то бы въ теремѣ мѣсяцъ,
 105. — Чтобы на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
 — Чтобы все въ терему по небесному,
 — Чтобы къ утру-свѣту и жить перейти. —
 Тая ль молодая Забава Путятична ¹⁾
 Ставала по утру ранешенько
 110. И умывалась бѣлешенько.
 Тутъ-то Забава гулять пошла.
 Пришла она ко терему, послушала, —
 Отъ того отъ терема назадъ пошла.
 У другаго терема простояла, послушала:
 115. Тамъ Соловьева матушка Богу молится.
 Ко третьему терему Забава пошла, послушала:
 Въ томъ теремѣ малый упавъ молодецъ
 Сидитъ на стулѣ рыбавчатомъ,
 Играетъ въ гусельшки яровчаты,
 120. Тонци ведетъ отъ Новагорода,
 А напѣвочки ведетъ отъ Еросблима.
 Тутъ-то Забава простояла и послушала:
 У ней тепла вода въ щёботы стекла.
 И приходитъ она во высокъ теремъ,
 125. Крестъ кладетъ по писаному,
 А поклоны ведетъ по ученому,
 На всѣ на четыре на сторонки кланялась:

1) Разъ пѣвецъ пѣлъ: Тая ль молодость Путятична
 Ставай по утру ранешенько
 И умывалась бѣлешенько и т. д.

- Тутъ-то малый упавъ молодецъ
 Вставалъ со стула на рѣзвы ноги,
 130. Взымалъ-то Забаку за бѣлы руки,
 И садилъ-то Забаву за дубовый столъ,
 А самъ говорилъ таково слово:
 «Ай же ты, Забава Путятична!
 «Всѣмъ мнѣ ты, Забава, въ любовь пришла;
 135. «Однемъ ты, Забава, не любя:
 «Сама ты себя просватываешь.
 «Да я бы дождался свѣту бѣлаго и солнца краснаго,
 «Я бы къ тебѣ сватовей послалъ,
 «И я бы на тебѣ посватался,
 140. «А ты сама себя просватала».
 Взымалъ-то Забаву за бѣлы руки,
 И велъ-то Забаву во Божью церковь,
 И принималъ-то съ Забавой золоты вѣнцы.
- (Отъ Аѳима Савинова, Филимонов. вол., дер. Раниной горы.)

12. О Михаи́лѣ Цотыкѣ Ивановичѣ.

(Повѣсцкаго уѣзда.)

- У солнышка у князя Влади́мира
 Пированьице идетъ по третій день.
 Всѣ на пиру напивались,
 Всѣ на честномъ наѣдались,
 5. Всѣ на пиру порасхвастались.
 Испроговоритъ Влади́миръ стольно-Кіевскій:
 «Нечѣмъ мнѣ, князю, похвастати:
 «Остались у меня дани-выходы
 «За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ съ половиною.
 10. «Сѣздите-ка, русскіе богатыри:
 «Старый казакъ Илья Муромецъ!
 «Сѣзди-ка во большу землю,

- «Большу землю, каменну Москву¹⁾»;
 «Молодой Добрыня Никитиничъ!»
15. «Ты съѣзди-ка въ небольшу землю,
 «Небольшу землю, Золоту Орду;
 «Михайла Потыкъ Ивановичъ!
 «Ты съѣзди-ка во землю Подольскую;
 «Повыправьте-ка тамъ дани выходы».
20. Старый казакъ Илья Муромецъ
 Вставалъ по утру ранешенько,
 Умывался бѣлешенько,
 Убирался хорошихонько,
 Сѣдлагъ своего добра коня,
25. Кладывалъ потники на потники,
 На потники клалъ войлоки,
 На войлоки черкасское сѣдельшко,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
30. Добра молодца въ чистомъ полѣ не выпонилъ.
 Приѣзжалъ на гору сорочинскую,
 Къ тому кресту къ Леванидову.
 Молодой Добрыня Никитиничъ
 Вставалъ по утру ранешенько,
35. Умывался бѣлешенько,
 Убирался хорошихонько,
 Сѣдлагъ своего добра коня,
 Кладывалъ потники на потники,
 На потники клалъ войлоки,
40. На войлоки черкасское сѣдельшко,
 Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
 Добра молодца въ чистомъ полѣ не выпонилъ. —
 Приѣзжалъ на гору сорочинскую,
45. Къ тому кресту къ Леванидову.
 Михаила Потыкъ Ивановичъ
 Вставалъ по утру ранешенько,
 Умывался бѣлешенько,
 Убирался хорошихонько,

1) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: каменну орду.

50. Сѣдлаѣ своего добра коня,
Кладываѣ потники на потники,
На потники клаѣ войлоки,
На войлоки черкасское сѣдельшко,
Подтягиваѣ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
55. Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ;
Пріѣзжалъ на гору сорочинскую,
Къ тому кресту къ Леванидову.
Тутъ стали они опонецъ ¹⁾ держать.
60. Крестами они побратались,
Назвались крестовыми братьями;
Потомъ они распростилися
На прощаньи они спромолвили:
— Кто у насъ по прежде повысправить,
65. — Другому на встрѣчу поспѣвать. — —
Старый казакъ Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю;
Добрыня Никитичъ
Поѣхалъ онъ въ Золоту Орду;
70. Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ онъ во землю Подольскую,
Къ тому королю Подольскому,
Стаѣ выправлять дани-выходы. —
Мужики на Подолѣ всѣ скошевались ²⁾),
75. Не стали отдавать даней выходовъ.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поразсердилъ плечо богатырское,
Стаѣ бить — казнить, инныхъ вѣшати.
Всѣ мужички Подоляне перепалися,
80. Стали отдавать дани-выходы:
Стаѣ выправлять дани-выходы
За двѣнадцать годъ,
За тринадцать лѣтъ съ половиною.
Стали справлять мужики дани-выходы,

1) Опочивъ.

2) Собрались въ кошь, т. е. лагерь, станъ, изъ осѣдлостей.

85. Онъ сталъ гулять по заводямъ,
Стрѣлять гусей и лебедей,
Увидѣлъ онъ бѣлую лебедушку,
Натягивалъ свой тугой лукъ.
Лебедушка ему смолилася:
90. «Михайла ты Потыкъ Ивановичъ!
«Не стрѣлай меня нынче лебедушки.
«Я есть не бѣлая лебедушка,
«А та красна дѣвушка,
«Марья Подоленка,
95. «Марья Подоленка королевична
«Возьми ты меня во замужество».
Зрадовался Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Взялъ Марью Лебедь Бѣлую,
Марью Лебедь Бѣлую королевичну,
100. Королевичну Подоленку. —
Получилъ онъ съ нихъ дани-выходы,
Поѣхалъ онъ къ солнышку Владиміру,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Съ Марьей Лебедь Бѣлою,
105. Королевичною Подоленкой.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Привозитъ онъ дани-выходы,
За двѣнадцать годъ,
110. За тринадцать лѣтъ съ половиною,
Съ той земли Подольскія.
Михайло Потыкъ Ивановичъ
Приводитъ въ вѣру въ крещеную
Марью Лебедь Бѣлую,
115. Принялъ съ ней по злату вѣнцу, —
Сочинили законный бракъ,
На томъ они порасписались:
— Кто напередъ у насъ пріумретъ-ли,
— Другому идти во сыру землю,
120. — Во сыру землю на два мѣсяца. —
Пированьице у нихъ по третій день.
Приходитъ ко князю стольно-Кіевскому,

Испроговорить князь стольно-Кіевскій:

«Чѣмъ тебя на скоро пожаловать:

125. «Города-ль тебѣ дать съ пригородками,

«Аль села тебѣ дать съ приселками?»

— Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,

— Сель твоихъ со приселками,

— Мнѣ дай-ка ты лишь волюшку:

130. — На царевыхъ на кабакахъ

— Давали бы мнѣ вино безденежно:

— Гдѣ могу пить кружкою, гдѣ полъ кружкою,

— Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ. —

Онъ сталъ ходить по царевымъ по кабакамъ,

135. Пить вино безденежно:

Гдѣ кружкою, гдѣ полукружкою,

Гдѣ полуведромъ а гдѣ цѣлымъ ведромъ. —

Отворилася дверь дубовая,

Дверь дубовая на пятахъ,

140. Пріѣзжаетъ посланникъ великій:

«Ахъ ты Михайла Потыкъ Ивановичъ!

«Что ты пьешь, ѣшь, проклаждаешься,

«Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:

«Наѣхалъ царь Бухарь заморскій

145. И просить онъ у насъ дани-выходовъ

«Съ того князя стольно-Кіевского

«За двѣнадцать годъ,

«За тринадцать лѣтъ съ половиною —

«Проситъ князь на думу великую».

150. Пріѣзжаетъ ко князю стольно-Кіевскому;

— Пиши-тко ты, князь стольно-Кіевскій,

— Ёрлыки скорописчаты,

— Что отправлены у меня дани-выходы

— За Михайломъ Потыкомъ Ивановымъ

155. — Къ тому царю Бухарю ко заморскому. —

Отправляется Михайла Потыкъ Ивановичъ

Самъ къ царю Бухарю посланникомъ

Безъ дани безъ выходовъ.

Принимаетъ царь Бухарь заморскій

160. Ёрлыки скорописчаты,

Самъ испроговорить:

«Прочитывалъ ермыки скорописчаты:

«Гдѣ же дани-выходы остались?»

— Да колеса обломились,

165. — Тамъ тележки въ чистомъ полѣ остались,

— Остались починщики починивать. —

Царь Бухарь заморскій,

Онъ взрадуется и говоритъ:

«Михайла Потыкъ Ивановичъ!

170. «Чѣмъ у васъ на Руси забавляются?»

— У насъ на Руси забавляются,

— Играють во шашки во шахманки. —

Ставили дощечку дубовую,

Тыя шашечки кленовыя:

175. Тутъ царь Бухарь заморскій

Ставить на дощечку дубовую дани-выходы,

А Михайла Потыкъ Ивановичъ

Ставить добра коня и буйну голову.

Съиграли дощечку дубовую,

180. Проигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ

Своего добра коня и свою буйну голову.

Ставили дощечку въ другой разъ:

Михайла Потыкъ Ивановичъ

Ставилъ свою Марью Лебедь бѣлую

185. Да свою мать родимую,

А царь Бухарь заморскій

Поставилъ его добра коня,

Буйну голову и дани-выходы.

Михайла Потыкъ Ивановичъ повыигралъ.

190. Ставили они дощечку въ третій разъ:

Царь Бухарь заморскій

Ставилъ пол-царства Бухарства-имянства заморскаго,

А Михайло Потыкъ Ивановичъ

Ставить на дощечку дубовую

195. Онъ дани-выходы, буйну голову и коня богатырскаго.

Съиграли дощечку во третій разъ,

Повыигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ.

Ставили дощечку въ четвертый разъ:

- Царь Бухарь заморскій
200. Ставилъ царство-имянство бухарское,
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставилъ полъ царства Бухарства заморскаго,
Еще ставилъ дани-выходы.
Сыиграли дощечку въ четвертый разъ,
205. Михайла Потыкъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку въ четвертый разъ.
Тутъ дверь отворилася,
Пріѣзжаетъ Добрыня Никитиничъ,
Самъ испроговорить:
210. «Что же, братецъ крестовый,
«Играешь во шашки во шахманки,
«Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
«Твоя Марья Лебедь-Бѣлая —
«Она померла».
215. Скочить Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Скочить онъ на рѣзвыя ноги,
Ухватить дощечку дубовую,
Тропнетъ дощечкой дубовою,
Два двери дубовыя,
220. Выставилъ онъ двери со липеньями,
Испроговорить брату крестовому:
— Ахъ ты, братецъ крестовый!
— Получай-ка царство-Бухарство заморское
— Со того царя Бухаря заморскаго,
225. — Оставь-ка царя посидѣльщикомъ. —
Сталъ получать Добрыня Никитиничъ
Царство-Бухарство заморское.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ во Кіевъ-градъ.
230. Дѣлали ему домовище великое —
Сидя сидѣть, стоя стоять и лежа лежать;
Писано у нихъ было на два мѣсяца,
Не захотѣлъ онъ идти на два мѣсяца,
Захотѣлъ пойти на полъ-мѣсяца:
235. Отправился онъ во сыру землю,
Пищу забралъ на полъ-мѣсяца.

- Ковагъ онъ клещи великія,
 Великія клещи желѣзныя
 И три прута желѣзныхъ,
 240. Друго три прута мѣдныхъ,
 Отправился онъ во сыру землю
 Съ Марьей Лебедь Бѣлою,
 Королевичной Подоленкой.
 Среди ночи темныя
 245. Зажгана свѣча была восковая.
 Приплыла змѣища великая:
 Захватилъ онъ клещи желѣзныя,
 Билъ онъ змѣищу великую,
 Билъ онъ — приговаривалъ. —
 250. Змѣя ему смолилася:
 «Михайла Потыкъ Ивановичъ!
 «Не бей меня на умертвіе:
 «Оживлю твою Марью Лебедь-Бѣлую».
 Оставила змѣенышевъ великъ залогъ,
 255. Пошла по живу воду,
 Приносила ему живу воду.
 Онъ разсѣкъ змѣенышевъ на мелкія кусочки,
 Обрызгалъ онъ змѣенышевъ, —
 Змѣеныши срослись, — они поплыли;
 260. Обрызгалъ онъ Марью Лебедь-Бѣлую, —
 Марья ото сна пробудилася.
 Закричалъ онъ уродище во сырой землѣ, —
 Земля вся сколыбалася,
 Теремы всѣ пошатилися,
 265. Околенки вонъ повалилися.
 — Во сырой землѣ уродищу не пожилось,
 Сказали всѣ во градѣ Кіевѣ:
 — Отпущенъ былъ на полъ мѣсяца,
 — А прожилъ онъ во сырой землѣ двои сутки. —
 270. Выкопали съ сырой земли,
 Доставили его на святую Русь.

* * *

Онъ сталъ опять ходить по царевымъ кабакамъ,
 Пить вино безденежно:

- Гдѣ кружкою, гдѣ полъ-кружкою,
 275. Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ.
 Опять дверь дубова отворилася,
 Михайлѣ Потыкѣ Иванову испроговорять —
 «Что уѣхала Марья Лебедь-Бѣлая
 «Съ тымъ королемъ Политовскімъ»».
280. Михайла Потыкѣ Ивановичъ
 Надѣваетъ платья женскія;
 Скорешенько садится на добра коня.
 Увидала Марья Лебедь Бѣлая,
 Подоленка королевична,
 285. Скорешенько садилась на добра коня,
 Подъѣзжаетъ къ Михайлѣ Потыкѣ Иванову,
 Слѣзаетъ съ своего добра коня,
 Поклонилась Михайлы Потыкѣ Иванову:
 — Прости, прости, Михайла Потыкѣ Ивановичъ,
 290. — Во той вины прости меня, во глупости:
 — Уѣхала съ королемъ Политовскімъ. —
 Подноситъ она чару зелена вина.
 До вина онъ былъ спачливый¹⁾:
 Выпилъ онъ чару зелена вина,
 295. Гдѣ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ. —
 Подпала къ коню богатырскому,
 Спустила богатыря черезъ плечо,
 Сама ему приговариваетъ:
 «Гдѣ былъ Михайла Потыкѣ Ивановичъ,
 300. «Стань тутъ бѣлый горючій камушекъ!»
 Палъ да и закаменѣлъ.
 Уѣхала Марья Лебедь Бѣлая
 Къ тому королю Политовскому.
 Идетъ времячка третій годъ
 305. Братъица по немъ вспахнулися²⁾, —
 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Младый Добрыня Никитиничъ, —
 Пошли искать Михайлу Потыка Иванова

1) Упадчивый.

2) Вспомнили съ безпокойствомъ.

- Къ тому королю Политовскому.
310. Сокрутились каликами переходжими
Приходятъ къ этому камени,
Каликами переходжими.
Съ другой со стороны, другой розстани
Выходитъ калика старая,
315. Старая калика сѣдая,
Сѣдая сама плѣшатая:
— Здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Куда вы отправились! —
Они ему спроговорятъ:
320. «Искать идемъ Михайлу Потыка Иванова
«Къ тому королю Политовскому». —
— Возмите-ка меня въ третѣйхъ?
Испроговорятъ ему богатыри:
«Не побрезгуемъ — пойдемъ съ нами въ третѣйхъ».
325. Приходятъ къ королю Политовскому
Всѣ они каликами.
Ставились они среди города,
Закричали они во всю голову:
Теремы всѣ пошатилися,
330. Околенки всѣ повалилися,
Во градѣ всѣ приужахнулись:
— Каки уродища объявились? —
Испроговоритъ Марья Лебедь Бѣлая,
Лебедь Бѣлая королевична,
335. Королевична Подоленка:
«Есть не калики переходжія,
«Есть два русскихъ могучихъ богатыря,
«Третья калика незнаема.
«А тыхъ есть два брата крестовые:
340. «Бери-ка къ себѣ во гостебище». —
Выходитъ король Политовскій,
Зоветъ каликъ переходжихъ,
Къ себѣ во гостебище:
— Подьте-ка, калики переходжія,
345. — Ко мнѣ во гостебище. —
Кормилъ онъ ихъ досыта,

- Поилъ ихъ онъ до пьяна,
 Дарилъ имъ честивъ дарева.
 Спрашивали русскіе могучіе богатыри
 350. У Мары Лебедь Бѣлая
 Михайлу Потыка Иванова.
 Она имъ испроговорить:
 «Тоскую по Михайлы Потыкѣ Ивановѣ:
 «Не знаю гдѣ Михайла Потыкѣ Ивановичъ».
355. Отправились отъ Мары Лебедь Бѣлая,
 Пошли они во Кіевъ градъ.
 Приходятъ ко этому ко камени,
 Испроговорить калика старая,
 Старая калика матерая:
360. — Станемъ-те, братцы, животовъ дѣлить. —
 Испроговорять русскіе богатыри:
 «Калика ты старая,
 «Старая калика матерая!
 «Дѣли-тко ты эти вотъ животы».
365. Дѣлилъ онъ на четыре на часточки.
 Говорятъ ему русскіе могучіе богатыри:
 «Что-же ты, калика старая,
 «Старая калика матерая,
 «Что дѣлишь ты животы на четыре на часточки?»
370. Говорить имъ калика старая:
 — Послѣ, братцы, станемъ здымать этаго камня:
 — Кто здыметъ камешекъ,
 — Тому, братцы, четверта часть. —
 Думаютъ богатыри сами себѣ:
375. «Что не здынемъ ли мы этаго камня».
- Принимался Добрыня Никитичъ
 За горячій бѣлый камешекъ:
 Выздынулъ онъ до пояса,
 По колѣна въ землю сѣлъ.
380. Принимается старый казакъ Илья Муромецъ:
 Здынулъ камешекъ на бѣлу грудь,
 По поясъ въ землю сѣлъ. —
 Не могли здынуть богатыри камешка.
 Калика матерая,

385. Матера калика сѣдтая,
 Сѣдтая калика плѣштая
 Берется за бѣлый горючій камешекъ,
 Здымаетъ камешекъ черезъ плечю,
 Самъ камешку приговариваетъ:
390. — Гдѣ былъ горючій бѣлый камешекъ,
 — Стань тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ! —
 Кололся камешекъ на двое,
 Выходить Михайла Потыкъ Ивановичъ,
 Выходить онъ на святую Русь,
395. Поклонъ онъ бьетъ по ученому
 Братцамъ крестовымъ
 И каликъ переходящъ,
 Что збавили отъ смерти напрасныя.
 Спроговорить калика имъ старая:
400. — Прощайте-ка, русскіе могучіе богатыри!
 — Михайла Потыкъ Ивановичъ!
 — Какъ будешь у города у Кіева,
 — Не забудь-ка прошенія:
 — Пресвятой Богородицѣ и Михайлу архангелу
405. — Стройте-ка церковь, Богородицѣ и Михайлу архангелу
 — И Николы святителю:
 — Я збавилъ тебя отъ смерти напрасныя.
 Поклонился Михайла Потыкъ Ивановичъ
 Старой каликъ матероѣ понизехоньку.
410. Отправилась калика матерая,
 Пошла она въ сторону,
 А Михайла Потыкъ Ивановичъ
 Сталъ отправляться къ королю Политовскому.
 Стали братья звать въ свою сторону.
415. «Нѣтъ, мои братья крестовые!
 «Набъ¹⁾ отсѣчь мнѣ Марѣ буйна голова».
 Отправился онъ къ королю Политовскому,
 А богатыри пошли въ свою сторону.
 Онъ приходитъ къ королю политовскому
420. Каликой старою,

1) Надо - бы.

- Старой каликою, матерою,
 Закричалъ онъ во всю голову:
 Теремы всѣ пошатилися,
 Околенки вонъ повалилися,
 425. Во градѣ всѣ приужахнулись,
 Что уродище объявилоса.
 Марья Лебедь Бѣлая
 Налила чару зелена вина,
 Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
 430. До вина былъ онъ спачливый:
 Выпилъ чару зелена вина,
 Гдѣ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 Тяла ¹⁾ его за ноги,
 Тащила во сѣни челядинны,
 435. Прибила она его на спину.
 Не хватило гвоздя у ней пятаго,
 Пятаго гвоздя сердечнаго, —
 Побѣжала скорешенько на рыночекъ.
 Приходитъ Настасья королевична,
 440. Богатырь ей прилюбится:
 Вытащила вонъ гвоздья со стѣны,
 Прибила Татарина на стѣну;
 Накинула на него шубку соболиную,
 Вела какъ скотинину
 445. Во свои покои особые.
 Прибѣгала Марья Лебедь Бѣлая,
 Не осмотрѣла, что не Михайла Потыкъ Ивановичъ,
 Забила она пятый гвоздь татарину мертвому.
 Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
 450. Заростилъ свои раночки,
 Проситъ коня богатырскаго, саблю вострую,
 Чтобы съѣздить во чисто поле поляковать.
 Приходитъ Настасья королевична
 Къ королю Политовскому:
 455. — Батюшка, король Политовскій!
 — Дай-ка мнѣ коня богатырскаго,

1) Потащила (отъ — тягать).

- Дай сабли востроей
 — Съездить мнѣ во поле поляковать. —
 Онъ велѣлъ взять коня богатырскаго
460. Михайлы Потыка Иванова,
 Велѣлъ сходить въ кладовую
 Взять саблю вострую.
 Взяла коня богатырскаго,
 Взяла саблю вострую,
465. Подгоняла къ своимъ покоймъ особымъ.
 Выходилъ подъ флеромъ подъ чернымъ,
 Садился онъ на добра коня,
 Уѣзжалъ во чисто поле,
 А наѣзжалъ съ поля скорымъ гонцемъ,
470. Ставился среди двора королевскаго,
 У тыхъ покоевъ особыхъ,
 Противъ окна королевскаго,
 Закричалъ онъ во всю голову.
 Марья Лебедь Бѣлая перепалася:
475. «Кажется, забила Михайлы Потыку Иванову
 «Сердечный гвоздь, —
 «А Михайлъ находится во живности.
 Наливаетъ чару зелена вина,
 Зелена вина соннаго,
480. Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
 До вина былъ онъ спачливый, —
 А Настасья королевична
 По поясъ бросилась въ окошечко:
 — Не принимай-ка ты чары зелена вина:
485. — Гдѣ выпьешь, тутъ и въ сонъ заснешь».
 Онъ не принялъ чары зелена вина,
 Змахнетъ саблю вострую,
 Отсѣкъ ей буйну голову.
 Хотѣлъ королевство за щитомъ пройти,
490. Да огнемъ сожгать.
 Настасья королевична умолилася:
 «Не жги-тко ты королевства Политовскаго,
 «Да не бери-тко моего батюшка въ великъ полонъ,
 «Что избавила тебя отъ смерти напрасныя».

495. Взялъ онъ Настасью королевичну
 Да привезъ ко городу ко Кіеву,
 Привелъ ее въ вѣру крещеную
 И принялъ съ ней по злату шѣнцу,
 Сталъ онъ съ ней вѣкъ свой коротати.
500. И строитъ два собора великихъ:
 Михайлу архангелу, да Пресвятой Богородицы
 Да Николы Святителю.
 Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
 Старину кончалъ.

(Со словъ Пудожгорскаго кр. Василья Лукина.)

13. Иванъ Гостиный сынъ.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

- Отъ батюшки было отъ умнаго
 И отъ матушки отъ разумныя
 Зародилося чадушко безумное,
 Безумное чадо неразумное,
5. Испо имени Иванушко Гостиный сынъ.
 Померъ у Иванушка родный батюшка,
 Осталась у Иванушка родна матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна.
 Посылаетъ честна вдова Офимья Олександровна
10. Своего-ли чада милаго
 Торговать за сине море.
 И наказываетъ чаду родна матушка:
 «И станешь торговать ты, чадо милое,
 «Чадое милое, дитя любимое,
15. «Испо имени Иванушко Гостиный сынъ,
 «Отнюдь не ходи ты на царевъ кабакъ,
 «Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
 «И не имѣй союзъ со дѣвками
 «И со тѣма со женками со
 20. «И со тѣма голями кабацкими».

- Поѣхалъ Иванушко за сине море
 Торговать разными товарами, —
 Не послушалъ чадо наказанья родной матушки:
 И сталъ часто ходить на царевъ кабакъ,
 25. И сталъ много испивать зелена вина,
 Сталъ имѣть союзъ со дѣвками
 И со тѣма со женками со
 Со тѣма-ли голями со кабацкими.
 И пропилъ, прогулялъ все отцовское имѣніе,
 30. И всё промоталъ товары заморскіе,
 И отдалъ въ закладъ черны корабли.
 Про то услышала его родна матушка,
 Честна вдова Офимья Олександровна.
 Приѣзжаетъ она за сине море
 35. За тѣ-ли города иностранные;
 Стала добираться чада милаго,
 Чада милаго, сына любимаго,
 По имени Иванушка Гостинаго. —
 Приходитъ она къ цареву кабаку,
 40. Испроговоритъ она таково слово:
 «Ай же вы, народъ православный,
 «Ай же вы, голи кабацкіе!
 «Не видали-ли вы моего чада милаго,
 «Чада милаго и сына любимаго,
 45. «По имени Иванушка Гостинаго?»
 И испроговорятъ ей тутъ голи кабацкіе:
 — Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
 — Сидитъ твое чадо милое
 — За стойкой во царевомъ во кабацѣ,
 50. — И пьетъ, кушаетъ онъ зелено вино. —
 Приходитъ она да во царевъ кабакъ,
 Она крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ да по ученому,
 Она бьетъ челомъ да о сыру землю,
 55. Она бьетъ челомъ да низко кланяется,
 Своему-ли она сыну, ему, въ особину.
 Прокатились у ней слезы изъ ясныхъ очей,
 И беретъ она чада милаго,

- Чада милаго и единаго сына любимаго,
 60. По имени Иванушка Гостиного,
 Береть она за бѣлы руки
 За тые-ли перстни за значеные
 И ведеть его ко синю морю,
 Ко синю морю, ко солоному,
 65. На тую пристань корабельную,
 Ко тѣмъ ко купцамъ ко заморскимъ,
 И да спроговорить она да таково слово:
 «Ай же вы, купцы заморяна,
 «Вы заморяна и Вавилоняна!
 60. «Вы купите у меня чада милаго,
 «Чада милаго, дитя любимаго,
 «По имени Ивана Гостиного,
 «И дайте вы за него пятьсотъ рублей».
 И испроговорить Иванушко Гостиный сынъ:
 75. — Не жалѣйте вы за меня цѣлой тысящи. —
 Испроговорять купцы заморяна:
 — Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
 — Ты не вора-ли продаешь, не разбойника,
 — Не ночнаго-ли ты подорожника? —
 80. «Я не вора продаю и не разбойника
 «И не ночнаго я подорожника:
 «Продаю я единаго сына любимаго,
 «По имени Иванушка Гостиного».
 Тутъ прощается Иванушко съ родной матушкой;
 85. Прокатилися у Иванушки горячи слезы,
 Горячи слезы изъ ясныхъ очей,
 Во слезахъ онъ словцо вымолвить:
 — Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
 — Честна вдова Офимья Олександровна!
 90. — По закону была родна матушка,
 — А по житью-бытью змѣя лютая,
 — Змѣя лютая, подкодная,
 — Подкодная, подкустовная. —
 Тутъ простилася родна матушка
 95. Со своимъ-ли чадомъ милымъ;
 Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,

Во слезахъ она словцо промолвила:

«Не дивитесь вы, народъ православный,

«Что продала я своего чада милаго,

100. «По имени Иванушка Гостиного.

«Не кормитель онъ былъ родной матери,

«А разоритель былъ золотой казны, —

«А за проступокъ я его и продала».

(Со словъ Выгозерскаго крестьянина Федора Никитина.)

III. МОСКВА.

14. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

(Дер. Кяменицы Повѣнецкаго уѣзда.)

Когда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда онъ полонилъ славное Ообское ¹⁾,
Полонилъ Ообское и еще и Новгородъ
И самъ на пиру расхвастался:

5. «Вывелъ я измѣну съ Ообскаго,
«И вывелъ измѣну съ Новагорода,
«Да надо вывести измѣну съ каменной Москвы».
Говорить ему меньшей сынъ,
Младой Иванушка Ивановичъ:
10. — Пустымъ ты, батюшка, расхвастался:
— Не вывелъ измѣны съ Ообскаго,
— Да и не вывелъ измѣны съ Новагорода,
— Да не вывести и съ каменной Москвы:
— Со измѣною я ѣмъ, и пьемъ,
15. — И думу думаешь за однимъ столомъ. —
Тутъ скрывалъ Иванъ Васильевичъ:
«Подай измѣну на очь,
«А не подашь измѣны на очь,

1) Псковъ.

- «Отсѣку у тебя буйну голову,
 20. «Не дамъ живота ни на малый часть»
 Тутъ Иванушко задумался:
 — Сказать на князя иль боярина,
 — Пролить кровь напрасная;
 — А сказать на братца на родимаго,
 25. — На младшаго Оедора царевича.
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Которыми улицами ты ѣхалъ, батюшка,
 — Тѣми улицами кура не пила;
 — И которыми ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
 30. — И тѣми улицами кура не пила;
 — А которыми ѣздилъ Оедоръ Ивановичъ,
 — Задерживалъ рѣшетки желѣзныя
 — И подпись подписывалъ,
 — Что улицы казнены и раззорены;
 35. — А остались тѣ улицы не казнены не раззорены. —
 Скрычалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Гдѣ мои палачи немилостивы?
 «Возмите младаго Оедора царевича,
 «Ведите за Москву рѣку,
 40. «Ко плахи ко липовой, ко сабли ко востроей».
 Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
 За матушку за Москву рѣку,
 Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.
 Не бѣлая лань пробѣгала вдоль по городу,
 45. Пробѣгала царица благовѣрная,
 Въ бѣлой тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 Ко своему братцу родимому,
 Ко князю Никитѣ Романовичу.
 50. Князь Никита Романовичъ за столомъ сидитъ,
 Сидитъ хлѣбъ-соль кушаетъ,
 Самъ говорить таково слово:
 — Ты зачѣмъ гостя не звана идешь? —
 А она говорить таково слово:
 55. «Ты братецъ мой родимой
 «Князь Никита Романовичъ!

- «Потухла зоря раноутрення,
 «Поблекло наше красно солнышко:
 «Повелъ Малюта Скурлатовъ сынъ
60. «Младаго Ѳедора царевича за Москву рѣку
 «Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
 «Отсѣчь ему буйну голову».
 Князь Никита Романовичъ
 Выскочилъ изъ за дубова стола
65. Черезъ дубовый столъ,
 Дернулъ чоботы на босу ногу,
 Кинулъ шляпу на одно ухо,
 Кунью шубку за рукавъ схватилъ,
 Бѣжалъ на конюшій дворъ,
70. Взялъ коня самолучшаго,
 Сѣлъ ни на уздана, ни на сѣдлана,
 Поѣхалъ вдоль по городу за Москву рѣку,
 Голосомъ кричить, шляпой машетъ онъ:
 — Стойте, народъ, сторонитесь,
75. — Дайте путь-дорогу широку
 — Ъхать за матушку Москву рѣку,
 — Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей. —
 И кричить чрезъ Москву рѣку Малютѣ Скурлатову:
 — Не за кусъ собака хватаешься:
80. — Что съѣшь, тѣмъ и подавишься! —
 У Малюты сердце испужалось,
 Правая рука застоялася,
 Лѣвая нога задрожалася.
 Приѣхалъ князь ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
85. Скочилъ онъ со добра коня,
 Поднималъ младаго Ѳедора царевича
 Со плахи со липовой, за ручку за правую.
 Цѣловалъ его въ уста во сахарные,
 А самъ отдалъ Малютѣ Скурлатову
90. Конюха своего любимаго,
 Который былъ лицо въ лицо и плечо въ плечо,
 И единъ волосъ съ волосомъ ладились.
 Былъ Иванъ Васильевичъ въ колоколъ во казенный,
 Чтобъ идти въ церковь въ черныхъ платьяхъ всѣмъ.

95. Князь Никита Романовичъ
 Надѣлъ на себя и на племянника
 Красны платья лучше всѣхъ.
 Подошелъ къ Грозному царю Ивану Васильевичу,
 Билъ челомъ, его здравствовалъ:
100. — Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 — Со своей любимой семьей,
 — И со двумя ясными соколами-сыновьями
 — И со всѣма князьями и боярми! —
 Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
105. «Князь Никита Романовичъ!
 «Перво былъ ты мнѣ старый другъ,
 «Теперь сталъ ты мнѣ старый песь.
 «Таки ль-то надо мной незгоды не вѣдаешь,
 «Не вѣдаешь незгоды, али надсмѣхаешься?»
110. Говорилъ Никита Романовичъ:
 — Живетъ ли виноватому прощеньице? —
 Говорить ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Радъ бы простить, да негдѣ взять!»
 Вывертывалъ Никита Романовичъ
115. Младаго Ѳедора царевича:
 — Вотъ тебѣ любезный сынъ,
 — Младый Ѳедоръ царевичъ.
 «Князь Никита Романовичъ!
 «Прежде былъ ты мнѣ старый другъ,
120. «А теперъ роденъ батюшка.
 «Городовъ ли тебѣ надо съ пригородками,
 «Аль казны тебѣ несчетной однозолотной?»
 Говорить ему князь Никита Романовичъ:
 — Городовъ мнѣ не надо съ пригородками,
125. — А казны есть своей про себя.
 — А дай мнѣ вотчипу Микитину,
 — Чтобы слыла-была вотчина Микитина
 — Отнынѣ и до вѣку:
 — Кто коня угонитъ въ мою вотчину, ушелъ бы, —
130. — Того и Богъ простить;
 — Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы, —
 — Того и Богъ простить.

— Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ, —

— Того Богъ бы простилъ. —

135. Тутъ далъ Грозный царь вотчину,

Котору онъ хотѣлъ. —

(Отъ кореляка кр. Василья Лазарева 1864 г.)

15. Кострюкъ.

(Кижская волость Петрозаводскаго уѣзда.)

У грознаго царя Ивана Васильевича

Благовѣрная царица переставилась.

Захотѣлъ тутъ царь пожениться

Во той землѣ во Крымскія, въ Жидовскія;

5. Скорыхъ пословъ туда посылалъ,

Молоду княгину къ себѣ приказалъ.

Тутъ заводили они свадебку, почестенъ пиръ,

Не на мало, не на много, на двѣнадцать день.

Всѣ были тутъ за столы посажены,

10. И всѣмъ были кушанья наложены,

Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ.

Сидитъ тутъ Кострюкъ Семрюковичъ,

Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,

Нашихъ колачиковъ не рушаетъ.

15. Ретивое сердечко прикручинилось:

«Умеръ у меня батюшка,

«Умерла у меня матушка,

«Либо надъ королемъ незгода прилучилася.

«Съ маленька я потѣшивался,

20. «Съ малыма ребяткамы побарывался;

«Грозному-бъ царю донесли,

«Представилъ бы борцовъ удалыхъ молодцевъ,

«Со мною, Кострюкомъ, потѣшиться:

«Можетъ бы, я и повеселѣе былъ».

25. Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Прежній шуринъ Никита Романовичъ!
 — Выдь-ко на крылечико на красное,
 — Выкликай борцовъ удалыхъ молодцевъ
 — Супротивъ Кострюка Семрюковича. —
30. Тутъ-то Никита Романовичъ
 Выходить на крылечико на красное,
 Выкликаетъ борцовъ удалыхъ молодцевъ
 Супротивъ Кострюка Семрюковича,
 Крычить-то во всю голову:
35. Слышно во всей каменной Москвы.
 Нѣтъ борцовъ удалыхъ молодцевъ:
 Сколько-ни борцовъ пришли,
 Всѣ они притуляются.
 И сыскался Васенька маленькій
40. Изъ того пригородка изъ малаго,
 Да еще Потанюшка хроменькій.
 Говорить онъ таковы слова:
 «Ай же ты, Никита Романовичъ!
 «Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу,
45. «Чтобы вышелъ на крылечико на красное,
 «Приказалъ бы намъ бороться удалымъ молодцамъ
 «Супротивъ Кострюка Семрюковича».
 И вышелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Они ему честь воздали,
50. Сами говорятъ таковы слова:
 «Ай же ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 «Прикажи-тко съ нимъ поборотися,
 «Руку-ногу ему ломить,
 «Глазъ вонъ выворотить,
55. «Чтобы съ насъ послѣ не взыскивать».
 — Дивья вамъ Господь пособилъ,
 — Пособили чудотворцы Московскіе:
 — Буду васъ поить-кормить
 — И по цѣлой по тысячѣ пожалуй. —
60. И подходятъ молодые стольники,
 Говорятъ Кострюку Семрюковичу:
 «Что же ты не ѣшь, не пьешь:

- «Хлѣбъ-соль тебѣ на столѣ,
«Богъ у насъ на стѣны,
65. «А борцы-то у насъ на дворѣ,
«А чести съ тебя еще не выручили!»
Поскочить Кострюкъ Семрюковичъ,
Похватилъ скобочку — скамеечку,
Убилъ пятнадцать князей-боярь
70. Да полтридцать стольниковъ.
Которы живы оставаются,
Всѣ на него проклинаются:
— На дворъ-бы ти, Кострюкъ, живу идти,
— А со двора Кострюку живу не придти! —
75. Выходить онъ на крылечико,
Только увидѣлъ борцевъ удалыхъ молодцевъ:
«Какъ положу одного на руку,
«А другаго положу сверху руки,
«Такъ сдѣлаю блиномъ овсянымъ!»
80. Стоять широкъ да великъ,
Широкъ-великъ да и рогозоватый,
Рогозоватый да и продолговатый

(Отъ кр. Терентія Іевлева.)

16. Тоже.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

- Молодой борецъ Кастрюкъ
Семдесятъ городовъ прошелъ,
Триста борцевъ повалилъ.
Пріѣзжаетъ въ Москву бѣлокаменную,
5. Ставится онъ среди двора,
Просить у князя молода борца:
«Ежели нѣтъ у васъ молода борца,
«Всю Москву за щитомъ возму».

- Михайла князь московскій
10. Садился онъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Ко тымъ сыновамъ ко вдовинымъ,
Чтобы очистить своя каменна - Москва,
Съ тымъ борцемъ поборотися,
15. Тымъ молодымъ поратиться. —
Идетъ Иванушка вдовинъ сынъ,
Не бьетъ онъ челою, не поклоняется,
Выходитъ онъ на широкъ дворъ,
Схватились съ борцемъ поборотися,
20. Съ молодымъ поратиться. —
Повель Кастрюкъ молодой борецъ,
По колѣнъ ноги онъ вывернулъ. —
Михайла князь московскій
Садился на ременчатъ стулъ,
25. Писалъ письмо скорописчато
Михайлы ко вдовину. —
Михайлушко вдовинъ сынъ
Приходятъ съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться,
30. Не бьетъ челою не поклоняется,
Выходитъ на широкъ дворъ.
Схватились съ Кастрюкомъ поборотися
Съ молодымъ поратиться.
Кастрюкъ съ ноги выдернулъ:
35. «Михайла князь московскій!
«Давай молода борца.
«Нѣтъ, всю Москву за щитомъ пройду». —
Онъ садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
40. Потанюшкѣ сыну вдовину. —
Идетъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
На ножку Потанюшка прихрамливаетъ,
На другую Потанюшка припадываетъ.
Приходитъ ко князю московскому,
45. Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,

Князю Михайлы въ особину.

— Здравствуй, Михайла князь!

— О чемъ меня требуешь?

50. Испроговорить Михайла князь:

«Ахъ, Потанюшка вдовинъ сынъ!

«Просить Кастрюкъ молода борца,

«Чтобы съ нимъ намъ поборотися,

«Съ молодымъ поратиться».

55. Выходить Потанюшка вдовинъ сынъ,

Выходить Потанюшка на широкъ дворъ:

Самъ князю испроговорить:

— Какъ мнѣ съ Кастрюкомъ поборотися

— Съ молодымъ поратиться? —

60. Отвѣчаетъ князь московскій:

«Какъ ты знаешь, Потанюшка вдовинъ сынъ!»

Какъ ухватить Потанюшка, вдовинъ сынъ,

Кастрюка, молода борца

Здыне его выше головы,

65. Спустить его о кирпиченъ мостъ,

Лопнула щиль по брюшины

Скидывалъ ю онъ до гола,

Стыдилъ ея личко бѣлое,

Повелъ ю по каменной Москвы,

70. Кричалъ во всю голову:

«Глядите на молода борца!» —

Увидала Авдотья Кастрюковна:

«Ай ты, Потанюшка вдовинъ сынъ!

«Отсѣкъ бы ты ей буйну голову,

75. «Не стыдилъ бы ты ей личка бѣлаго,

«Придалъ бы ей скору смерть».

(Отъ кореляка Василья Лазарева.)

**IV. БЫЛИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ,
БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ КНЯЖЕНЕЦКІЯ, МОЛОДЕЦКІЯ,
БЕЗЫМЕННЫЯ.**

17. Наѣздъ Литовцевъ на Москву.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

У стараго короля Политовскаго

По три дня было пированьице.

Всѣ на пиру напивалися,

Всѣ на пиру наѣдалися,

5. Всѣ на пиру порасхвасталися.

Сидятъ тыхъ два малыхъ два витвица ¹⁾),

Два тыхъ поганныхъ татарина,

Не ѣдятъ, не пьютъ, не кушаютъ,

Его бѣлыя лебедушки не рушаютъ.

10. Ходитъ старый король Политовскій

Самъ король испроговорить:

«Что вы два тыхъ два малыхъ два витвица,

«Два тыхъ любимыхъ племянника!

«Не ѣдите, не пьете, не кушаете,

15. «Моей бѣлой лебедушки не рушаете?

«Ѣства вамъ не по уму, питья не по разуму,

«Аль дуракъ надъ вами насмѣлся,

«Пьяница васъ приобозвалъ?»

— Ѣства твои были по уму,

20. — Питья твои по разуму,

— Дуракъ надъ нами не смѣлся,

— Пьяница насъ не обозвалъ.

1) Въ другихъ былинахъ два витвика, два Ливика.

- А думаетъ думу крѣпкую,
 — Крѣпкую думу за единую¹⁾):
25. — Ъхати намъ въ каменну Москву,
 — Въ каменну Москву, золоту Орду. —
 Испроговоритъ король Политовскій:
 «Что не идѣте-ка²⁾ вы въ каменну Москву,
 «Въ каменну Москву, золоту Орду:
30. «Я сколько въ Москву не ѣзживалъ,
 «А во цѣлости назадъ не пріѣзживалъ,
 «Силушку свою поразтратилъ
 «И новѣ едва на охоту иду³⁾.
 «А вы поѣзжайте во Индеюшку богатую,
35. «Во тую Корелу проклятую:
 «Раззорите Индею богатую,
 «Тую Корелу проклятую». —
 Съѣхали во Индею богатую,
 Раззорили Индею богатую
40. И съ конца въ конецъ съ головней прошли.
 Воротились назадъ ко кресту къ Леванидову,
 Стали они опоцевъ⁴⁾ держать,
 Сами промежъ собой пораздумались:
 — Этимъ разомъ намъ, братецъ, поладилось.
45. — Поѣдемъ-ка мы въ каменну Москву,
 — Въ каменну Москву, золоту Орду:
 — Раззоримъ-ка мы каменну Москву. —
 Пріѣзжали они въ каменну Москву,
 Раззорили они три села любимыхъ:
50. Первое село Ярославское,
 Другое село Переславское,
 Третье село Косы-улицы;
 Стали они опоцевъ держать. —
 Старый Никита Романовичъ
55. Сталъ по палатамъ похаживать,
 Могучими плечами поворачивать:

1) Единое.

2) Ъздите.

3) Ъду.

4) Опочивъ.

- «Молодость моя, молодость!
 «Улетѣла моя молодость во чисто поле,
 «Во чисто поле яснымъ соколомъ.
60. «Прилетѣла старость со чиста поля,
 «Со чиста поля чернымъ ворономъ,
 «Садилась за мои плечи богатырскія.
 «Старый песь, король Политовскій,
 «Порушилъ свою заповѣдь великую:
65. «Мнѣ Никиты Романову порушать
 «Своя заповѣдь великая».
 Онъ выходитъ на широкъ дворъ
 И сказываетъ свою силу безсмѣтную,
 Безсмѣтную силу, бессмертную:
70. «Я слечу во чисто поле:
 «Первый разъ заграю чернымъ ворономъ,
 «Чтобы вамъ ко мнѣ справлятися;
 «Другой разъ заграю чернымъ ворономъ,
 «Чтобы вамъ ко мнѣ ѣхати;
75. «А третій разъ заграю чернымъ ворономъ,
 «Чтобы сила при мнѣ была».
 Онъ отправился во чисто поле,
 Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
 Конюшекъ у нихъ всѣхъ повыдавилъ;
80. Обернулся онъ добрымъ молодцемъ,
 Замочки въ оружишкахъ всѣ повыщербилъ,
 Сабелки у нихъ всѣ повыгнулъ,
 Тесочкики ¹⁾ у нихъ всѣ повыломалъ.
 Тутъ прилетаетъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
85. Заходитъ въ палату бѣлокаменну:
 Тутъ сидятъ тыхъ малыхъ два витвица,
 Два тыхъ поганныхъ татарина,
 Его любимая племянница сидитъ за люечкой,
 Качаетъ дѣтище великое,
90. Сама испроговоритъ:
 — Бай люи, дѣтище великое!
 — Не вѣдаетъ любимый дядюшка,

1) Тесаки, короткія сабли.

- Старый Никита Романовичъ побѣды великія,
 — Что моего мужа потребили,
 95. — А меня младу обезчестили! —
 А ходитъ младенчикъ по избы:
 «Ахъ ты матушка Авдотья Ивановна!
 «Нашъ дядюшка въ избушкѣ горносталяшскомъ».
 Скочили два тыхъ два витвица
100. На ножки на рѣзвыя,
 Накинули шубку куньюю
 На того горносталяшка:
 Горносталя былъ повертливъ,
 Въ рукахъ горносталя выскакивалъ.
105. Обернулся горносталя чернымъ ворономъ,
 Вылетѣлъ чернымъ ворономъ во чисто поле,
 Садился онъ на сырой дубъ,
 Загравъ онъ чернымъ ворономъ, —
 Сила къ нему тутъ справляется;
110. Другой разъ заграетъ чернымъ ворономъ, —
 Сила къ нему тутъ поѣхала;
 Третій разъ заграетъ чернымъ ворономъ, —
 Сила при немъ вся стала.
 А два тыхъ поганныхъ татарина
115. Кинулись они за оружьица, —
 Въ оружьицахъ замочки повыщерблены;
 Кинулись они за сабелки, —
 Сабелки у нихъ всѣ повытушены;
 Кинулись они за тесочки, —
120. Тесочки у нихъ всѣ повыломаны;
 Кинулись они за добрыхъ коней, —
 Конюшки у нихъ повыдавлены.
 Обступилъ тутъ Никита Романовичъ
 Со своею было силою безсмѣтною,
125. Всѣхъ ихъ въ полонъ забралъ;
 Одному глаза выкопалъ,
 Другому по колѣнъ ноги вырубилъ:
 — Подьте-ка къ дядюшкѣ хвастайте:
 — «Раззорили мы нонь каменну Москву:
130. — «Первое село Ярославское,

- «Второе село Переславское,
- «А третье Косы-улицы». —
- Одинъ носкомъ неси,
- А другой дорогу показывай! —

(Со словъ Пудожгорскаго кр. Василья Лукина.)

18. Царь Саламанъ, царица Саламанія и царь Василій Окуловичъ.

(Кижская волость Петрозаводскаго уѣзда. Варянтъ къ № 56 III части.)

Послѣ 24 ст.:

- «У ней тѣло было-бъ снѣга бѣлаго,
- «Походочка была лани бѣлая,
- «Бѣлая лани напольскія».

Послѣ 30 ст.:

- «Чтобы мнѣ было съ кѣмъ жить да быть,
- «А вамъ было кому поклоняться».

Вмѣсто 56 ст.:

- Онъ ударилъ Ивашка по той стороны,
- Онъ ударилъ Ивашка по другой стороны:
- «Какъ можно у жива мужа жена отнять!»

Послѣ 60 ст.:

- Сдѣлай царю Саламану шубу соболиную,
- Шубу соболиную — сорокъ сороковъ соболей

Послѣ 127 ст.:

Эти подарочки царицы въ честь пришли.

Послѣ 143 ст.:

- Сходи сама на насады черленые,
- Обцѣни товары многоцѣнные,
- Чтобы намъ было съ чего торговать,
- Вамъ бы съ чего платить пошлины. —

Вмѣсто 207 ст.:

«Создай мнѣ каликѣ милостину,
«Чтобы было каликѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего каликѣ волочиться».

Послѣ 271 ст.:

Пріѣзжала царица Саламанида,
Отвязала свой шелковъ поясъ
И сдѣлала три петелки шелковыя.
Первую петелку прошелъ онъ хитростью,
Другую прошелъ мудростью,
Третью прошелъ своей глупостью.
И говорилъ Саламанъ таково слово:
«Ты, прекрасный царь Василій Окуловичъ!
«Дай-ко предъ скорой смеретушкой турій рогъ, и т. д.»

Послѣ 278 ст.:

Высокія горы запаталися,
Темныя лѣсы развалялися,
Во рѣкахъ вода приусохнула,
Въ озерахъ вода приудрогала,
Во моряхъ вода всколыбалася,
И пошелъ околъ моря шумъ великъ.

Послѣ 281 ст.:

— Это что околъ моря шумъ великъ? —
«Всѣ птицы, всѣ звѣри взрадовалися,
«Летятъ глядѣть на царскую смеретушку».

Послѣ 306 ст.:

И налетѣла сила сильная.

Послѣ 310 ст.: Саламанида проситъ у Саламана прощенія, а онъ
отвѣчаетъ:

«Во первой вины тебя прощу,
«Зачѣмъ шла на насады черленые;
«И въ другой вины тебя прощу,
«Зачѣмъ замкнула царя въ окованъ ларецъ;
«Въ третьей вины не могу простить,
«Зачѣмъ сдѣлала три петли шелковыя».

(Отъ Рябинина.)

19. Девять братьевъ и сестра.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

- Какъ у вдовушки было у папицы
 Что-ль девять сынковъ и одинака дочь.
 Что-ль девять сынковъ возрасть стали,
 Возрасть стали да вдругъ повыросли,
 5. Вдругъ повыросли да во разбой пошли
 Во тую ли во шайку да во разбойнишку;
 А одинаку дочь замужъ выдала
 Что-ль за славное за сине море
 За того ли купчика за богатаго.
 10. Она годъ жила — не стоснулася,
 Другой жила — да въ умахъ не было,
 На третій годъ стосковалася.
 У мужа она да подавалася
 Ъхать въ гости да во свою землю
 15. Ко своимъ дражайшимъ (sic) къ родителямъ.
 Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
 На томъ-ли на черномъ на кораблѣ.
 Среди моря да средь синяго
 Что-ль не тученьки да призатѣмнѣли,
 20. Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
 Призачѣрнѣли черны корабли,
 Призабѣлѣли тонки парусы,
 Что-ль наѣхало девять разбойниковъ.
 У молодой жены у красавицы
 25. Взяли — у ней тутъ мужа потребили,
 А жива младенчика въ море спустили,
 Молоду вдову прибезчестили,
 Все имѣніе, злато-серебро да порозграбили,
 Что-ль чернень корабль да огню предали.
 30. Всѣ разбойники спать улягутся,
 А единъ разбойникъ, атаманъ большой,
 Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
 Разговаривать да на словахъ ласкать:
 «Не кручинься ты, молода жена!

35. «Мы найдемъ тебѣ что-ль ина мужа».
 Сталъ разбойникъ онъ выпрашивать:
 «Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
 «Ты чьего роду есть, да чьего племени,
 «Ты да чьего отца, чьей ты матери
40. «И какъ тебя да именѣмъ зовутъ,
 «Звеличаютъ тебя да по отчеству?»
 Во слезахъ вдовушка да словцо смолвила:
 — И на ч-и-то меня бѣдну спрашивать?
 — Тѣло мое полоненое,
45. — Я сирота вдова прибезчестьена ¹⁾.
 — Есть я роду самонижняго,
 — Есть я роду вдовки-горя-папицы.
 — Что-ль у вдовушки было у папицы
 — Девять сыновъ, моихъ братьевъ родныхъ.
50. — Девять сыновъ возрастать стали,
 — Возрастать стали, вдругъ повыросли,
 — Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
 — А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
 — Что-ль за славное да за сине море,
55. — Что за того-ль за купчика за богатаго.
 — Ужь я годъ жила — не стоснулася,
 — Другой жила — въ умахъ не было,
 — На третій годъ я стосковалася.
 — Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
60. — Во свою землю да во отечество
 — Ко своей родителю-матушкѣ,
 — Честной вдовы да горе-папицы. —
 Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
 Атаманъ большой да прирасплакался:
65. Покатились слезы по бѣлу лицу.
 Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
 «Выставайте-ко, братцы рѣдныя!
 «Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
 «Первой проступокъ — во разбой пошли,

1) Въ Пудожскомъ уѣздѣ и сосѣдней съ нимъ части Повѣнецкаго уѣзда и произносится иногда какъ *стѣ*.

70. «Грабили всѣ имѣнія, злато, серебро,
 «Проливали напрасно кровь человѣческу;
 «Другой проступокъ великій —
 «У родимой сестры мужа потребили,
 «Живаго ина племянника ¹⁾ въ море спустили;
75. «Третій преступокъ великій,
 «Великій грѣхъ тяжкій —
 «Родиму сестру прибезчестили!»
 Вставають со сна всѣ разбойники,
 И всѣ разбойники да прирасплакались
80. И съ родимой сестрой поздоровались.
 Приходили они во свою землю
 Ко той ли ко родимой ко матушкѣ
 Ко честной вдовѣ, горе-пашицы.
 Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
85. Тутъ поздоровались и всѣ расплакались;
 Раздавали разграблено злато-серебро
 И все имѣніе-богачество
 По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,
 По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
90. Сами пошли скитатися по разнымъ странамъ.

(Отъ крест. дер. Выгозера Федора Никитина.)

1) Можетъ быть: жива гоина племянника.

II.

ЗАПЛАЧКИ СВАДЕБНЫЯ.

І. Пудожскія свадебныя заплячкі.

1. ЗАПЛАЧКА НЕВЪСТЫ ВЪ ДЕНЬ СВАТОВСТВА ПОСЛѢ РУКОВИТЬЯ.

(См. ч. III, стр. 349.)

Что я сижу душа красная дѣвушка,
Безъ тонкаго, зычнаго голоса?
Осудятъ, подивуютъ люди добрые,
Меня душой назовутъ, самовольницей:

5. «Эка дура младая буйная головушка,
«Она рада безволя великаго,
«Рада чужой дальной ознобной сторонушки!»
Меня Господи благослови дочь кручинную
Идти-выступить душѣ красной дѣвицы
10. Изъ милой, изъ любимой изъ колпицы ¹⁾
Во свѣтлую, хорошую свѣтлицу;
Лицомъ мнѣ стать душѣ красной дѣвицы
На свѣтлую свѣтлицу,
Ростомъ стать на высокую горницу,
15. Ударить челомъ, поклониться.
Здравствуйте, свѣты сердечные родители!
Вы во здравіи живете, во Божьей милости,
Вы на радости-веселіи великія;

1) Деревянная пристройка печи, за которою устраиваются палаты.

- Какъ у меня-то, у души, у красной дѣвушки,
 20. Не радуется сердце ретивое,
 Не веселится млада буйная головушка.
 У желаннаго родителя батюшка,
 У желанной жалосливой матушки,
 Передъ чуднымъ крестомъ, спасомъ-образомъ,
 25. Не гори свѣча воску ярова,
 Не здымайся правая рученька
 У желаннаго родителя батюшка.
 Ты послушай-ко, жалосливый мой батюшко,
 Что я скажу, душа красная дѣвушка:
 30. Хоть ударили плотно крѣпкое рукобѣтъце,
 Запоручили младу буйную головушку
 На чужу дальну ознобную сторонущку
 Ко многимъ богоданнымъ родителямъ, —
 Какъ я жила, душа красная дѣвушка,
 35. У васъ, свѣты сердечные родители,
 За каку вину-проступку великую?
 Я не трудница была, не работница,
 Я не бральщица была краснымъ ягодкамъ,
 Не ломальщица боровымъ-то рыжичкамъ,
 40. Пристрамила васъ, сердечныхъ родителей?
 Прибезчестила при славномъ при церковномъ при буявѣ¹⁾,
 Ссѣкла вамъ по плеча буйную голову,
 Застоялась я, душа красная дѣвушка,
 Со удалыми дородными молодцами?
 45. Охти мнѣ, мнѣ-ка, бѣдной тошнехонько!
 Не бери во гнѣвъ, желанный родитель батюшко!
 Мнѣ сказали — доносили люди добрые.
 Я пойду-то, душа красная дѣвушка,
 Искать думщичковъ да совѣтничковъ,
 50. Какъ поступать со своими свѣтами сердечными родителями.
 Сама знаю я, душа красная дѣвушка:
 Я продамъ скруты-наряды великіе,
 Я найму пару коней наступчивыхъ,

1) Буево или буяво — мѣсто около церкви, обнесенное оградой, гдѣ кладбище и гдѣ въ праздникъ собираются прихожане и гости изъ другихъ приходовъ на праздникъ.

- Я поѣду, душа красная дѣвушка,
 55. Во ины города, во губернскіе;
 Я куплю листь бумажки гербовыя,
 Я найму хитро-мудраго писаря,
 Напишу я прошеніе на свѣтъ сердечныхъ родителей,
 На желаннаго родителя батюшка,
 60. На желанную родитель матушку;
 Задамъ это прошенье губернатору
 И возмолюся, душа красная дѣвушка,
 Судьямъ-властямъ немилостивымъ,
 Чтобы обсудили моихъ свѣтовъ родителей,
 65. Запретили бы моихъ свѣта желаннаго батюшка
 И желанную матушку,
 Чтобы не отдали меня, красную дѣвушку,
 На чужую ознобную сторонущу.
 Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
 70. Ужъ я съ глупа ума, дѣвочья-разума,
 Я не ладно угадала-удумала,
 Намутили мнѣ-ка люди добрые:
 Нѣту надо мной больше судьи свѣта сердечныхъ родителей.

2. КОГДА НЕВѢСТА ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ГУЛЯНЬЕ ДЛЯ ПРИГЛАШЕ-
 НІЯ НА СВАДЬБУ СВОИХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ И ПОДРУЖЕЖЪ-
 ДѢВУШЕКЪ.

- Меня Господи благослови дочь кручинную!
 Не гнитесь не ломитесь ножки рѣзвыя,
 Не падите бѣло-бумажныя рученьки,
 Не меркни бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ!
 5. Я пойду, душа красная дѣвушка,
 Искать свѣтовъ сердечныхъ родителей,
 Батюшка съ родителю-матушкой.
 Вы послушайте, свѣты сердечные родители:
 Не жалѣйте своихъ добрыхъ коней наступчивыхъ,
 10. Пожалѣйте меня, душу красную дѣвушку:
 Запрягите пару коней наступчивыхъ,
 Мнѣ объѣхать вся родня-порода сердечная,
 Мнѣ зазвать душѣ красныя дѣвушкѣ
 Во частую любимую гостьбицу

15. Вся родня порода сердечная
На побѣдную слезливую свадебку.

3. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПО ПРИѢЗДѢ КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

Не бойся, родня-порода сердечная!
Не съ конбоемъ ¹⁾ я прѣѣхала, душа красная дѣвушка,
Со кумами да со подружками
Къ вамъ во частую любимую гостьбицу, —

5. Я зазвать васъ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ
И ко мнѣ-то ко красной ко дѣвушкѣ.

4. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПРИ ОТЪѢЗДѢ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Спасибо, родня порода сердечная,
За чистую любимую гостьбицу,
Что приняли меня душу красную дѣвушку,
Угощали со кумами со подружками.

5. Вы гостите, вся родня-порода сердечная,
Ко мнѣ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Поуживать свѣтовъ сердечныхъ родителей,
Чтобы не отдали меня душу красную дѣвушку,
10. На чужу дальну ознобную сторонушку.
Лучше пусть наймутъ меня красную дѣвушку
Во горькія казачихи во полѣтнія ²⁾,
Возьмутъ мною несчетной золотой казны
И выкупятъ меня изъ этой лютой неволи великія
15. Со чужой дальнѣй ознобной сторонушки.
Какъ чужа дальна ознобна сторонушка
Не садами она испосажена,
Не медами она наполивана,
Не сахаромъ, злѣйша, пересыпана:

1) Въ причетѣ слышится: съ конбоемъ, т. е. съ конвоемъ.

2) Въ наемныя работницы каждый годъ въ теченіи лѣта.

20. Испосажена люта ознобна сторонушка
 Лютой неволей великою,
 Наполивана чужая ознобна сторонушка
 Горькими слезами горячими,
 Пересыпана она кручинушкой великою.

5. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПО ПРИѢЗДѢ ДОМОЙ.

- Слава тебѣ, слава Христу Господу!
 Я объѣздила, душа красная дѣвушка,
 По милой по родимой сторонушкѣ,
 Зазвала свою родню-породу сердечную
5. Во частую любимую гостьбицу.
 Вы ступайте, мои крестовыя кумушки,
 Къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ
 Во свѣтлую хорошую свѣтлицу,
 Во новую высокую горенку;
10. Правьте тутъ дорожку широкую,
 Мостите мосточки дубовые,
 Устилайте суконцами ординарными,
 Убивайте гвоздочками шеломчатыми,
 Чтобы лѣзя ¹⁾ пройти душѣ красныя дѣвушкѣ
15. Со кумами да со подружками
 Ко своимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ.
 Вы послушайте, свѣты сердечные родители;
 Я приѣхала со кумами да со подружками:
 Ставьте-ко столички дубовые,
20. Стелите-ко скатерти браныя,
 Носите пицу-яству крестьянскую, —
 Я сяду, душа красная дѣвушка,
 Со кумами со подружками.
 Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тѣмнехонько!
25. Теперъ все прошло да миновалось,
 Еще часъ ко часу приближается,
 Вѣкъ дѣвичій коротается,
 Единимъ пройдетъ часочкомъ, минуется.

1) Замѣчательная коренная форма, извѣстная въ сложной: нельзя.

- Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнелонько!
30. У меня все-то прошло да миновалось:
 Прошли тихія бесѣды смиренныя,
 Прошли долгія полуночныя вечериночки
 Со своими-то со подружками со кумушками.
 Вамъ спасибо, мои крестовыя кумушки,
35. Что пришли ко мнѣ ко красной ко дѣвушкѣ
 Во частую любимую гостьбицу,
 Что спровадить мою волю бажоную
 На чужу дальню ознобну сторонушку.
6. ПРИПѢВКА ДѢВИЦЪ, КОГДА НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО УТРУ ПО
 ПРИѢЗДѢ ВЪ ГОСТЬБИЦУ БУДЯТЪ НЕВѢСТУ.
- Еще что я заспалася да задремалася,
 Моя мягкая перинка залежалася!
 Пора вставать да пробужатися:
 По селамъ пѣтухи поютъ,
5. По избушкамъ печки топятся,
 По церквамъ да Богу молятся,
 По часовенькамъ спасаются.
 Мнѣ ночесъ мало спалось, а много видѣлось:
 У моей-то у тесовой у кроваточки
10. Въ ногахъ стоятъ роща лѣсу темнаго;
 По бокамъ-то кроваточки
 Натащило суметы ¹⁾ снѣгу бѣлаго;
 Со крутаго складнаго зголовыща
 Бѣжить быстрая текущая рѣченька,
15. По быстрой текущей по рѣченькѣ
 Плыветъ хороша водоплавная утупка,
 Завернута млада буйная головушка
 Подъ правое летучое крылушко.
 Сама знаю я, душа красная дѣвушка,
20. Что не роща стоятъ лѣсу темнаго, —
 Стояла чужая-то ознобная сторонушка;
 Не суметы натащило снѣжку бѣлаго,
 А тутъ стоитъ люта неволя великая,

1) Сугробы снѣга у околицъ или изъ по сторонамъ дороги.

- Берегетъ меня красну дѣвушку;
 25. Со крутаго складнаго зголовьяца
 Не быстра бѣжала рѣченька,
 Тутъ бѣжали мои слёзы горючія;
 Не утушка плыла водошлавная,
 А уплыла отъ меня воля великая
 30. За синія моря за широкоія,
 За славные города за сибирскіе.
 Мнѣ ночесъ мало спалось, а много видѣлось:
 Приходила желанная родитель-матушка,
 Меня словцомъ побудила, а ручкой окутала:
 35. «Спи-ко, малая косатая ластушка,
 «Про запасъ, про запасное времячко!
 «Ты будешь на чужой дальной ознобной сторонущкѣ,
 «Не дають тамъ долго спать-высыпатися:
 «Вечеру ¹⁾ уложить поздешенько,
 40. «По закатъ красна солнышка,
 «По утру разбудять ранешенько,
 «До восхода тепла краснаго солнышка;
 «Погонять тебя бѣдную
 «Въ лѣсъ по красныя боровыя ягоды,
 45. «Дають корзинку четверичную,
 «Во корзинку кинуть корку огорѣлую».
 Вы послушайте, крестовыя кумушки!
 Какъ пойдете съ милой родимой сторонушки
 Во темный лѣсъ по красныя ягоды,
 50. Приверните къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ,
 Къ большому косивчату окошечку.
 Вы покличьте меня, душу красну дѣвушку,
 Предайте моимъ родителямъ,
 Тоскѣ-кручинушкѣ великія.
 55. А какъ вы придете во темный лѣсъ,
 Крестовыя мои кумушки,
 Вы сядьте на колодку дубовую,
 Вы запойте частую умильную пѣсенку, —
 Я услышу, душа красная дѣвушка,

1) Въ вечеру, вечеромъ.

60. Съ чужой дальнѡй ознобнѡй сторонушки,
 Такъ приду я къ вамъ, крестовыя кумушки.
 Помогите мнѣ набрать красныхъ ягодокъ
 Полную корзину четверичную:
 Приду - то я, красная дѣвица,
 65. На чужую ознобную сторонушку,
 Ко многимъ богоданнымъ, не къ родителямъ, —
 Не зачнутъ меня бранить красную дѣвушку.
7. ПРИЧЕТЪ ДѢВИЦЪ, КОГДА ОНѢ, ВЫТОПИВШИ БАНЮ, ЗОВУТЬ
 ТУДА НЕВѢСТУ.

- Отворяйся, дверь дубовая,
 По петелькамъ шелковымъ,
 По порожкамъ по кленовымъ!
 Не купцы изъ Питера наѣхали,
 5. Не наборщицки съ Петровскаго ¹⁾, —
 Идутъ баенныя истопщицки,
 Подружки да водонощицки.
 Вы пожалуйте, родители,
 Въ нашу парную баенку,
 10. Въ бѣлую умываленку.
 Не спѣшитесь-ко, родители:
 Не про васъ - то байна топлена,
 Не про васъ байна изготовлена, —
 Про душу красную дѣвушку.
 15. Ты пожалуй, красна дѣвушка,
 Въ нашу парную баенку,
 Въ бѣлую умываленку.
 Еще наша парна баенка
 Во сыромъ - то бору ронена ²⁾,
 20. На добрыхъ - то коняхъ вожена,
 По рѣкѣ байна приправлена,
 По край бережку поставлена,
 Мшона байна лисицами,
 Крыта байна кунницами.

1) Съ Петровскаго завода, съ Петрозаводска.

2) Рублена.

25. Во нашей парной баенкѣ
Ободверенки дубовыя,
А дверцы-то щитовыя ¹⁾,
Петельки шелковыя,
Гвоздочки шеломчатые.
30. Во нашей парной баенкѣ
Есть три лавочки брусовыя,
Есть три грядочки сѣченныя,
Есть три стопочки точеныя,
Три окошечка косивчаты.
35. Во нашей парной баенкѣ
Камеленочка хрустальная,
Черпушечка серебрянная;
Наша парная баенка
Топлена травой-муравою,
40. Растоплена парна баенка
Цвѣточками лазуревыми;
Во нашу парну баенку
Изъ трехъ рѣкъ вода ношена:
Со первой рѣки угрюмыя,
45. Со второй рѣки свирѣпыя,
Со третьей рѣки веселыя.
Ты пожалуй, красна дѣвушка,
Во нашу парну баенку,
Во бѣлую умываленку.
50. Ты не мойся, красна дѣвушка,
Матушкой Угрюмъ-рѣкой:
Богоданные ²⁾ будутъ угрюмыя,
Милый-ладый ³⁾ невеселъ съ тобой;
Ты не мойся, красна дѣвушка,
55. Матушкой Свирѣпъ-рѣкой:
Богоданны будутъ свирѣпыя,
Милый-ладый несговорчивый;
Ты умойся, красна дѣвушка,
Матушкой Веселъ-рѣкой:

1) Плотныя.

2) Свекровь и свекоръ, а также и прочіе старшіе родные мужа.

3) Разумѣется женихъ.

60. Богоданные будутъ веселые,
Милый-ладый сговорчивый.
Вамъ спасибо, баенныя истопщицы,
Подружки водонощицы!
Честно зазвали и именно ¹⁾
65. Меня-то, душу красную дѣвушку,
Въ хорошу тепло-парную баенку.
Подойди-ко, жалостливая матушка,
Принеси-ко мою бѣлую рубашку полотняную,
Которая шита по три noci лѣтнія:
70. Первая шита ночь Петровская,
Другая шита ночь Иванская,
А третья шита ночь Ильинская;
На правомъ плечѣ шита зоря утренняя,
На лѣвомъ плечѣ поздняя вечерняя,
75. Противъ ретива сердца красное солнышко,
На крылечкахъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
По всей-то рубашкѣ полотняной
Разсыпались часты мелкія звѣздочки;
По подолу рубашки полотняной
80. Всѣ испиты пути-дорожки широкіе,
Куда мнѣ идти красной дѣвушкѣ
На чужу дальну ознобну сторонущу.
Подойди ко мнѣ, мила сестрица голубушка,
Принеси-ко мнѣ часто-рыбій гребешокъ
85. И было хрустальное зеркальцо.
Ты послушай-ка, жалостливый мой батюшко.
Дай мнѣ вѣрнаго, надѣйнаго товарища
Идти въ хорошу парну баенку
Со кумами со подружками,
90. Чтобы править путь дороженьку широкую,
Со сторонъ берегъ душу красную дѣвушку,
Чтобы буйны вѣтры не обвѣяли,
Черны вороны не обгряли,
Злы собаки не облаяли,
95. Добры люди не смѣялись.

1) Съ почетомъ.

Теперь я поневольная душа красная дѣвушка:
Запоручена моя буйна млада головушка
На чужу дальну ознобную сторонушку
Ко многимъ богоданнымъ родителямъ.

100. Какъ за мной-то за душой красной дѣвушкой
Ходить лютое безволие великое,
Берегетъ меня душу красную дѣвушку.
Охти-миѣ, миѣ-ка тошнехонько!

8. ПРИЧЕТЪ ДѢВУШЕКЪ ПО ВЫХОДѢ НЕВѢСТЫ ИЗЪ БАНИ.

Спасибо тебѣ, теплопарная баенка,
На пару-жару, на мыльномъ щелокѣ!
Тебѣ спасибо, бѣла березка кудреватая,
На хорошемъ семишелковомъ вѣничкѣ!

5. Спасибо, быстрая текучая рѣченька,
На свѣжей-то ключевой воды!
Послѣ моего быванья, вѣку долгаго,
Раскатись-ко, бѣла парна баенка,
Съ верхняго бревешка до подвального;
10. На этомъ на мѣстѣ на баенномъ
Вырости, бѣлая березка кудреватая!
На эту березку кудреватую
Солетятся всѣ птички заморскія;
Какъ настанетъ годовой господией праздничекъ,
15. Какъ пойдутъ-то добры люди крещеные
На славное церковное буяво
Постоять-то на этомъ на мѣстѣ на баенномъ,
У этой бѣлой березки кудреватая,
Подивуются: была хороша тепло-парная баенка,
20. Теперь выросла бѣла березка кудреватая:
Видно выдана душа красная дѣвушка
На чужу дальну ознобную сторонушку.

II. Вытегорскіе свадебныя причеты.

(См. ч. III, стр. 347.)

1. ПРИ ПРОСВАТОВѢСТВѢ НЕВѢСТА СТИХОВОДНИЧАЕТЪ:

- Благослови, Боже Господи,
 Благословите-ко, родители,
 Повести мнѣ зычнымъ голосомъ.
 Не лебедушка воззыкнула,
5. Красна дѣвица заплакала,
 Повела да зычнымъ голосомъ
 По поздней по вечериночкѣ
 Позакать да красна солнышка.
 Разодвиньтесъ, кумы подруженьки!
10. Попройти мнѣ красной дѣвицѣ,
 Въ честнѣ мѣсто, во большой уголъ.
 Въ честномъ мѣстѣ — во большомъ углу
 Есть гости-то незнамые,
 У кормильца-то у батюшка
15. Голоса есть незнакомые.
 Какъ взгляну я, красна дѣвица,
 На икону бѣлокрущату, —
 На иконѣ бѣлокрущатой
 Всѣ ли списаны святители;
20. За столомъ бѣлодубовенькимъ
 Всѣ ли собраны родители?
 Ахти мнѣ да мнѣ тошнепинышко!
 На иконѣ бѣлокрущатой
 Не всѣ списаны святители,
25. За столомъ бѣлодубовенькомъ
 Не всѣ собраны родители.
 Не спѣши, кормилецъ-батюшко,
 Засвѣчать да восковой свѣчи,
 Господу-Богу молитися,
30. Ужъ ты бить да по бѣлымъ рукамъ,

Цѣловать да Снаса образа.

Есть послы у меня посыланы

Во всѣ четыре стороны.

Какъ со батюшкину сторону

35. Нѣтъ половины роду-племени,

Какъ со матушкину сторону

Нѣтъ всего-да роду-племени.

Ахти мнѣ да мнѣ тошнехонько,

Сколь гораздо обиднехонько!

40. Отвернусь я, красна дѣвица,

Отъ стола бѣлудубоваго,

Я теперь пойду, кручинная,

Во роду да искать сродничковъ,

Во племени да доброхотничковъ.

45. Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,

Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?

По далеку всё тулется,

По малу всё придвигается.

Слушай-ко, кормилецъ батюшко!

50. Поспрошу я, красна дѣвица,

Въ чемъ я дочь да провинилася,

Въ чемъ красна я проступилася?

За вину буду виниться,

За проступокъ буду кланяться.

55. Видно я, кормилецъ-батюшко,

Не раба была, рабстница,

Не бѣлая портомойщица.

Ахти мнѣ да мнѣ тошнепшненько!

Промѣняли красну дѣвицу

60. Милую да на постылово!

Вы на что да приобзарились,

Вы на что да приукинулись:

На богатое богатство,

Или на хорошее хорошество,

65. Или на хоромное строеньице,

На безрозчетную золоту казну,

На зеленое да вино пьяное?

2. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ ПРОСВАТОВСТВА НЕВѢСТА
ПРИЧИТАЕТЪ:

Что-то я да разсидѣлася,
Ужъ я чего да призадумалась,
Будто у меня у красной дѣвицы
Нѣтъ горя, нѣтъ кручинушки.

5. Слушайте, кумы-подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы!
Послѣ моего бываньица,
Послѣ моего живаньица,
Какъ поѣдите, мои голубушки,
10. Ко владычню честну праздничку
Господу Богу молитися,
Къ ранней-то заутренкѣ,
Къ пресвященной-то обѣденькѣ, —
Такъ потрудитесь, милы лебеди,
15. Приверните, кумы подруженьки,
Къ моимъ сердечнымъ то родителямъ,
Такъ крикните вы да гаркните
Мою родитель-то матушку
Подъ косищатымъ окошечкомъ:
20. «Что буди да, желанна тетушка,
«Ты свою-то дочь любимую
«Ко владычню честну праздничку».
Какъ поглядить родитель матушка,
Какъ на васъ, мои голубушки,
25. Взадъ да по походочкѣ,
Спереду васъ по поступочкѣ,
Сотлѣетъ ея сердечушко,
Изоржавѣетъ ретивое,
Схватится и догодается
30. Что отпустила лебедь бѣлую.

3. ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЮ, УТРОМЪ, ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ:

Что-то спать мои родители,
Что-то спать мои сердечные?

- Они спягъ, не пробужаются,
По сегоднишню денечику
5. На корыстяхъ спягъ на радостяхъ.
Какъ вечеръ по позду вечеру
До сыгá да наждалися,
До пьянá да напивалися.
Время встать вамъ, пробудитися:
10. По деревнямъ печи топятся,
По дворамъ да пѣтухи поютъ,
По полямъ да пахари папугъ,
Въ островахъ ¹⁾ да сѣкари сѣкутъ.
Какъ по сегоднишню денечику,
15. Какъ ночесъ по позду вечеру,
Я ждала всё дожидалася,
Я рожону свою матушку,
Во мягкбй своей постелюшкѣ
На совѣтъ на думу крѣпкую.
20. Не могла, горе, дожидатися
Моей рожоной - то матушки:
Не было да поры-временка.
Ахти мнѣ - да мнѣ тошнешишко
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ!
25. Какъ мнѣ ночесъ да въ темной ноченькѣ,
Мнѣ немного ночесъ спáлося
Мнѣ во сняхъ грозно казалось:
«Будто ночесъ во темной ноченькѣ,
«Что у васъ, мои родители,
30. «Что у васъ, мои сердечные,
«Всѣ тыночки раскатилися,
«Всѣ столбы да пошатилися,
«Съ теремовъ верхи повынесло».
Разсудите-ко, родители,
35. Разсудите вы, сердечные,
Мнѣ къ чему да показалосъ,
Мнѣ къ чему ночесъ пригрѣзилосъ?
Видно спугалися родители,

1) Островъ — небольшой отдѣльный лѣсъ, особнякъ. (Далъ Слов., 1283).

- Видно спугались сердечные.
40. Не пугайтесь вы, родители,
Не пугайтесь вы, сердечные!
Что не къ вамъ да показалось,
Что не къ вамъ ночесь пригрѣзилось.
Разсужу я, красна дѣвица,
45. Я своимъ да глупымъ разумомъ,
Что-ка мнѣ да показалось,
Что-ка мнѣ ночесь пригрѣзилось:
Не тыночки раскатились
Не столбы да пошатились,
50. Не съ теремовъ верхи повынесло, —
Приоткатить красну дѣвицу
По сегодняшню денечку
Съ вашего-то вита гнѣздышка,
Повынесетъ у красной дѣвицы
55. Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку
Съ моей буйной головушки.

4. НЕВѢСТА ПОЕТЪ МОЛИТВУ:

- Помолюсь я, красна дѣвица,
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ:
Сохрани-помилуй, Господи,
5. На сегодняшний великой день.
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Николай Многомилостиву:
Сохрани-помилуй дѣвицу,
Святый Никола Многомилостивый!
10. Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Пречистой Богородицѣ:
Ты, Пречиста Богородица,
Причисти, Матерь Божія,
Всѣ пути да всѣ дороженьки:
15. По сегодняшню денечку
Мнѣ пройти да прокатиться

- Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ
 На любовное гостебще
 Съ кумушками, со подружками,
 20. Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ,
 Не въ первые, во послѣдніе.
 Помолюсь я, красна дѣвица,
 Я Покрову Богородицы:
 Ты покрой да меня, Матушка,
 25. На сегодняшній Господень день
 Своей ризою нетлѣнною.

5. НЕВѢСТА ПРИГЛАШАЕТЪ ДѢВИЦЪ ВЫЙТИ НА УЛИЦУ
 «ОТДАВАТЬ ДОБРОВЪ»¹⁾.

- Вы пойдемте, кумы подруженьки,
 На широкую-то улушку.
 Пособите-ко, голубушки,
 Приотдать да красной дѣвицѣ
 5. Мнѣ-ка позднее добровтечко.
 Вы давайте-ко, родители,
 Великое благословеньице
 Мнѣ повыйти красной дѣвицѣ
 На широкую то улушку
 10. Съ кумушками — со подружками.

*Выходятъ на улицу и, раскланиваясь во всѣ четыре стороны,
 причитаютъ:*

- Затѣмъ добровъ да доброваньице
 Что во всѣ четыре стороны:
 Какъ во первую сторонушку,
 По Никольской пути-дороженькѣ,
 15. Что на площадь то широкую,
 На ограду бѣло-каменну,
 На могилочки восокія.

1) *Добровъ* — прощанье съ родомъ-племенемъ въ предсвадебный день: невеста съ вожатыми ѣздитъ по всей роднѣ и испрашиваетъ прощенья въ своихъ проступкахъ.

- Затѣмъ добровъ да доброваньце
 По большой пути-дороженькѣ
20. Въ грозну службу Государеву,
 Государю царю батюшку,
 Что къ самой-то государынѣ,
 Государскимъ малымъ дѣтушкамъ.
 За тѣмъ добровъ да доброваньце
25. Вамъ поля, луга зеленые,
 И на широку гладку улушку.
 За тѣмъ добровъ да доброваньце
 По всему да свѣту бѣлому,
 И вамъ, сердечные родители!
30. Благодарствуйте, голубушки,
 Тайны-милыя подруженьки,
 Пособили, бѣлы лебеди,
 Приотдать да красной дѣвицѣ
 Мнѣ-ка позднее добровтечко.

Возвращаются къ дому.

35. Что слава, слава Господу!
 Встрѣчаютъ меня родители,
 Встрѣчаютъ меня сердечные,
 Честно-хвально за бѣлы руки,
 Песерedy широкой улушки,
40. На круто красно крылечушко.

По приходѣ въ избу.

- Затѣмъ добровъ да доброваньце
 Во всю свѣтлую-то свѣтлицу,
 Во высоко нову горницу,
 Вамъ пречестны — Святы образы,
45. Вамъ, косищаты окошечка,
 Вамъ, стекольчаты околени,
 Вамъ, бусовы бѣлы лавочки,
 Большачку въ домѣ на большинѣ,
 Что большухонькѣ разводницѣ. —
50. Походить мнѣ красной дѣвицѣ,
 Походить — покрасоватися,
 Погулять — погуливатися

- У сердечныхъ-то родителей; —
 Не долго мнѣ красоватися,
 55. Не долго мнѣ волеватися:
 Часъ къ часочку коротается,
 Мнѣ одинъ часъ да остается.
 Я теперь пойду кручинная,
 По полѹ пойду расхаживать,
 60. Терема пойду раскрашивать,
 Цвѣтно платьице донашивать,
 Красной красоты додерживать,
 Черныхъ чеботовъ дотаптывать.
 Вы топчитесь, черны чоботы,
 65. На моихъ да рѣзвыхъ ноженкахъ,
 Ты носись да, цвѣтно платьице,
 На моихъ да узкихъ плечикахъ,
 Ты держись да, красна красота,
 На моей да буйной головушкѣ,
 70. Развивайтесь, алы ленточки,
 Во моей да русой косынкѣ,
 По моимъ да узкимъ плечикамъ.

6. НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ, КОГДА КТО ЛИБО ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ
 ПРИЪЗЖАЕТЪ ЗВАТЬ ЕЕ ВЪ ГОСТИ.

- Что слава, слава Господу!
 Кого ждала, того дѣждала,
 Кого звала, того вызвала:
 Дождалась я, красна дѣвица,
 5. Ужъ я зову-то гостиново,
 Я приѣзду лошадинаго,
 Что зовутъ да меня жалуютъ
 На любовное гостебище,
 Съ кумушками со подружками,
 10. Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
 Ужъ вы потчуйте, родители,
 Ужъ вы чѣстуйте, сердечные,
 Удамово добра молодца
 Что Ивана-свѣтъ-Сергѣяча.

15. Вы сряжайтесь-ко, голубушки,
Вы сдобляйтесь ¹⁾ ко, подруженьки,
Вы души, да красны дѣвицы,
Сестрицы мои голубушки,
Что со мной со красной дѣвицей
20. На любовное гостебище.
Прокатитесь, бѣлы лебеди,
При послѣднемъ порѣ-времечкѣ
Что со мной со красной дѣвицей.

7. ПО ПРИѢЗДѢ ДОМОЙ НЕВѢСТА БЛАГОДАРИТЬ:

- Благодарствуй, добрый молодецъ,
Иванъ да ты Сергіевичъ!
Укаталъ да красну дѣвицу,
По сегоднешню денечку
5. Съ кумушками, со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Пришла честь да слава добрая,
Похвала да мнѣ-ка славная,
10. Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ.
Благодарствуйте, родители,
Благодарствуйте, сердечные,
Ты, кормилецъ мой да батюшко,
Ты, родитель моя матушка,
15. Родимѣи да милы братьицы!
Учестили да употчевали
Всю родню свою широкою,
Всю природу-то хорошую.
Ужъ какъ брали красну дѣвицу
20. Честно-хвально за бѣлы руки,
Съ моими милыми подружками,
Брали меня чѣстывали
Отъ души да отъ сердечушка

1) Сдобляться или сподобляться = собираться, проготовляться, отъ корня доб, откуда удобство, надобно и др.

Со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ.

25. Нагулялась красна дѣвица
При послѣднемъ порѣ-времечкѣ,
Со всѣмъ родомъ распростилася,
Я со всѣми разгостилася.

8. ЕСЛИ НЕВѢСТА СИРОТА, ТО ПРИѢЗЖАЕТЪ НА МОГИЛЫ РОДИТЕ-
ЛЕЙ И ПРИЧИТАЕТЪ.

- Вы повѣйте, вѣтерочки,
Со всѣхъ четырехъ-то сторонушокъ,
Вы не свѣйте, вѣтерочки,
Съ лѣсочиковъ вершечиковъ,
5. Съ Божьей церкви-то златыхъ крестовъ.
Ужъ вы свѣйте, вѣтерочки,
Со могилушки песочикъ.
Отворись-ко, мать сыра земля,
Росколись-ко, гробова доска,
10. Размахнитесь, полотенечка,
Покажи-ко, красно солнышко,
Ты, родитель моя матушко,
Ты свое да лицо бѣлое.
Слушай-ко, моя добротушка!
15. Какъ я стояла, красна дѣвица,
Я у ранней-то заутреми,
У пресвященной-то обѣденки, —
Я молилась, низко кланялась
Самому Христу небесному,
20. Пресвятой я Богородицѣ.
Я просила-низко кланялась
У Христа-то у небеснаго,
У Пресвятой я Богородицы
Я двухъ ангеловъ-архангеловъ:
25. Прилетайте-ко вы, ангелы,
И приносите-ко вы, ангелы,
Моей родимой-то матушкѣ
Душеньку да во бѣло тѣло,
Дыханьце да въ ретиво сердце,

30. Ходость¹⁾ въ рѣзвы ноженъки,
 Маханье²⁾ да во бѣлы рученьки,
 Слухъ да во чутки уши,
 Взглядъ да во ясны очи,
 Рѣчь-пословицу умильную
35. Во уста бѣлосахарныя.
 Ты вставай-ко, красно солнышко,
 Ты родитель моя матушка,
 И ты садись, родитель матушка,
 Край³⁾ высокой-то могилушки,
40. Ужъ ты врядъ да со мной по ряду
 Ужъ я стану, сиротиночка,
 Про твое житье выпрашивать,
 Про свое горе высказывать.
 Слушай-ко, родитель матушка!
45. Какъ не дай да тово, Господи,
 Безъ сердечныхъ жить родителей,
 Безъ родители-то матушки!
 Во раннемъ то сиротаньцѣ,
 Въ горе-горькомъ покликаньцѣ⁴⁾,
50. Надо много ума-разума.
 Какъ послѣ твоего было живаньица,
 Послѣ твоего было бываньица,
 Находилась горебѣдная
 По чужимъ дѣламъ-работушкамъ:
55. Не могла, горюша бѣдная,
 Я угодить-то чужимъ людямъ,
 Я ни дѣломъ, ни работушкой,
 Я ни умомъ-то, я ни разумомъ.
 Слушайко-ко, родитель матушка!
60. Есть у меня, у красной дѣвицы,
 Есть горя много, кручинушки,

1) и 2) *ходость* и *маханье* — замѣчательныя народныя слова для обозначенія способности движенія руками и ногами.

3) *край*. Очень употребительное въ Олонецкомъ подрѣчьи выраженіе, имѣющее силу предлога, напр.: край лѣса, край моря.

4) *Покликанье*. Жизнь въ «сиротаньцѣ» представляется при безпрестанномъ покрикиваньи на сироту.

- Три поля горя насѣяно,
Три горы есть понакачено:
Не съ кѣмъ горюшка измыкати,
65. Кручинѣ не съ кѣмъ убавити,
Нѣтъ ни съ коей-то сторонунки,
Нѣтъ ни роду, нѣтъ ни племени,
Камешка будто отколышекъ,
Чурочки будто отрубышекъ.
70. Хоть есть у меня у красной дѣвицы,
Есть много роду племени,
Есть сестрицъ много голубушекъ,
Есть желанныхъ у меня тетушекъ,
Родимыхъ да милыхъ братьицевъ, —
75. Отошла жалость великая
У всего да роду племени.
Слушай-ко, желанна матушка!
Я пришла да красна дѣвица,
Я пришла, къ тебѣ пріѣхала,
80. За великимъ благословеньцемъ.
Чѣмъ ты станешь, красно солнышко,
Благословлять, родитель матушка,
Ранню бѣдну сиротиночку?
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
85. Подъ вѣнецъ да становитися,
Такъ чѣмъ же ты станешь, родитель-матушка
Благословлять да красну дѣвицу:
Ужъ ты златомъ, или серебромъ,
Или цвѣтнымъ меня платицемъ,
90. Или безросчетной зототой казной?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Глупая я, неразумная!
Мнѣ не надо, красной дѣвицѣ,
Мнѣ ни злата да ни серебра,
95. Не безросчетной золотой казны,
Мнѣ не цвѣтнаго-то платица.
Ты давай, родитель-матушка,
Великое благословеньце:
Какъ твое-то благословеньце

100. На головушкѣ не старѣеть,
 На сердечушкѣ не ржавѣеть,
 Въ темномъ лѣсѣ не теряется,
 На водѣ не потопляется.
 Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
105. Глупая я, неразумная,
 Ранняя бѣдна сиротиночка,
 Я горюша горегорькая!
 Благословила, красно солнышко,
 Что родитель меня, матушка,
110. Изъ-за малова ребячества
 Раннебѣднымъ сиротаньцемъ,
 Горегорькимъ покликаньцемъ.
 Вы пойдемте, милыя подруженьки,
 Вы, души красны дѣвицы,
115. Вы пойдемте да поѣдемте
 Мы съ сердечною-то матушкой!

9. КОГДА НЕВѢСТА РАЗСТАЕТСЯ СЪ КРАСОТОЮ (ГОЛОВНЫМЪ ДѢВОЧЬИМЪ
 УБОРОМЪ), ТО ПРИЧИТАЕТЪ:

- Гдѣ-то есть у красной дѣвицы
 Кумушки мои подруженьки?
 Собирайтесь-ко, лебедушки,
 Въ одно стадо-то гусиное,
5. Въ одинъ кругъ-то лебединьй;
 Пособите-ко, голубушки,
 Помогите-ко, подруженьки,
 Приотдать да красну красоту,
 Умѣстить да вольну волюшку.

Обращаясь къ матери, продолжаетъ:

10. Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
 Гдѣ рожона моя матушка?
 По далеку всё туляется,
 По малу всё придвигается.
 Ты давай, родитель матушка,

15. Часто-рыбчатое ¹⁾ блюдечко
Положить мнѣ красна красота.
Ты снимай, родитель матушка,
Мою красную-то красоту
Со моей буйной головушки.

*Мать беретъ съ головы невесты красоту и кладетъ на блюдо;
невеста продолжаетъ:*

20. Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Подынулись твои рученьки
Снять красную-то красоту
Со моей буйной головушки,
При кумахъ да при подружкахъ,
25. При душахъ да красныхъ дѣвицахъ.
Поглядите-ко, подруженьки,
Посмотрите-ко, сердечныя:
Не статится мнѣ, не ладится
Мнѣ безъ красныя-то красоты,
30. Безъ дѣвочьей вольной волюшки.

Беретъ съ блюда.

- Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
Поприжму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжолему,
35. Я ко сердцу-то ретивому:
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я позволюся,
Цѣлый годъ пропохваляюся
На остудной-то сторонущкѣ
40. Противъ чужово чужанина.
И я не знаю, красна дѣвица,
Мнѣ куда да молодешенькѣ,
Положить мнѣ красна красота,
Умѣститъ да вольна волюшка.

1) Рыбчатый, рыбаечатый,—на рыбу похожій. (Далъ Слов., II, 106) (?).

45. Ты возми, родитель-матушка,
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку,
И положи, родитель-матушка,
Во теплую къ себѣ пазушку
50. Ко ретивому сердечушку.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Матушка у меня старешенька,
Поясокъ держитъ слабешенько,
Испоронитъ красну красоту,
55. Потеряетъ вольну волюшку.

Беретъ отъ матери красоту.

- Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Поприжму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжолему,
60. Я ко сердцу-то ретивому,
И не разстанусь съ красной красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
Хоть долгò мнѣ красоватися,
Мнѣ будетъ да приростатися
65. Мнѣ со красной-то красотой.
Положу я красну красоту
Въ Божью церковь во соборную,
Ко иконамъ бѣлокрущатымъ:
Старъ пройдетъ, Богу помолится,
70. Младъ пройдетъ, — да подивуется,
Малъ пройдетъ, да попотѣшится.
Тамъ есть мѣсто и мѣстечко,
Тамъ помѣстье вѣковѣчное.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
75. У попа-отца духовнаго
Стали дѣти своевольные,
Исталуютъ ¹⁾ красну красоту,
Изорвутъ да вольну волюшку.

1) *Исталоовать* — ?

- Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
80. Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко.
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я позволюся.
85. Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ душа да красна дѣвица,
Гдѣ сестрица моя голубушка?
Ты возми-ко красну красоту,
Ты дѣвочью вольну волюшку.
90. Ты носи, моя голубушка,
Мою красную-то красоту
По владычнимъ честнымъ праздничкамъ,
По Христовымъ воскресеньцамъ,
Ко пѣнью Божью-церковному,
95. Ко звонѣ да колокольному,
Ты ко ранней-то заутренкѣ,
Къ пресвященной-то обѣденкѣ.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
100. Не помѣстье вѣковѣчное;
Истагуешь красну красоту,
Изорветъ да вольну волюшку.
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
105. Я не знаю красна дѣвица
Мнѣ куды класть красна красота,
Умѣстить да вольна волюшка.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
110. Ты давай, кормилецъ батюшко,
Подъ косицатымъ окошечкомъ,
Мнѣ-ка мѣстечка немношенько,
Мнѣ земелюшки малешенько,
Разсадить сады зеленые.
115. Положу я красна дѣвица
Во садики зеленые

- Свою красную-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку.
Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
120. Тутъ помѣстье вѣковѣчное.
Ты гляди, родитель - матушка,
Со косищата окошечка
На красную-то красоту,
На дѣвочью вольну волюшку;
125. Береги, родитель - матушка,
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку.
Какъ сойду я красна дѣвица
На остудную сторонушку,
130. Ко чужому - то чужанину,
Ко чужимъ-то лютымъ людямъ,
Какова да пора сдѣтся,
Каково да время случится,
Какъ нагрубятъ меня грубешенько,
135. Надсадятъ да обиднешенько; —
Я приду да красна дѣвица
Со остудной-то сторонушки
На любовное гостебище,
Ко сердечнымъ-то родителямъ;
140. Приверну я красна дѣвица
Во зеленой-то садочикъ,
Я возму да красна дѣвица
Свою красную-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку,
145. Я на бѣлыя-то рученьки,
На совѣтъ на думу крѣпкую,
Наговорюсь я принабаюсь,
Я со красной-то красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
150. Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
Тутъ помѣстье вѣковѣчное.

10. НЕВѢСТА ПРОСИТЬ У РОДИТЕЛЕЙ БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

Выдавайте-ко, родители!

Засвѣчай, кормилецъ-батюшко,

Засвѣчай-ко воскову свѣчу.

Благословляйте-ко, родители,

5. Благословляйте-ко, сердечные,
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
Подъ вѣнецъ да становитися.

11. НЕВѢСТА САДИТСЯ ЗА СТОЛЪ ВМѢСТѢ СЪ ДѢВЦАМИ.

Вы садитесь, кумы-подруженьки,

Большая да возлѣ меньшую,

Меньшая да возлѣ большую.

Слушайте, милыя подруженьки,

5. Вы души да красны дѣвицы,
Какова да пора сдѣется,
Каково да время слѣчится,
Какъ приступить чужой-чуженецъ,
Съ княженѣцкимъ своимъ поѣздомъ,
10. Такъ не сдавайтесь, бѣлы лебеди,
На поклоны-то на низкіе,
На слова-то вы на ласковы,
На чѣстны дѣроги подарочки,
На городечки сладки прянички,
15. На базросчетну золоту казну,
На зеленое вино пьяное.

12. ПО ПРИѢЗДѢ ЖЕНИХА НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ.

Что катитъ да туча темная,

Со громами, Божьей милостью,

Съ маланьей да со сверкучей.

Не могла пасть да туча темная,

5. Что ни на воду, ни на землю,
Ни на корбы-то дремучія,
На болота-то зыбучія.
Ужъ какъ пала туча темная,
Что на батюшковъ высокъ теремъ,
10. Что на дѣвочій зеленой садъ.

13. ЖЕНИХЪ ВХОДИТЪ ВЪ ДОМЪ; НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ:

Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-бранныхъ;
Ахти мнѣ да мнѣ тошнепенько!

5. Хоть долгѣ мнѣ-то бранится,
Мнѣ будетъ да помирится,
Со чужимъ-то со чужаниномъ,
Со удалымъ добрымъ молодцемъ.
Слушай-ко, добрый молодецъ!
10. Есть у тя ли, добрый молодецъ,
Моимъ сердечнымъ-то родителямъ
Честны дороги подарочки:
Моему кормильцу-батюшку
Много злата, много серебра;
15. Моей рожей-то матушкѣ
Что бадья да меду сладкаго,
Голова да бѣла сахару?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнепенько!
Не сулить всё добрый молодецъ
20. Честныхъ дорогихъ подарочекъ.
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-бранныхъ.
Хоть долго мнѣ-ка бранится,
25. Мнѣ будетъ да помирится
Со чужимъ-то мнѣ чужаниномъ.
Поспрошу я, красна дѣвица,
Есть у тя-ли, доброй молодецъ,
Честны дѣроги подарочки:
30. Родимымъ да милымъ братьяцамъ
Три ведра да зелена вина,
Три бочки да пива пьянаго.
Есть у тя-ли, доброй молодецъ,
Честны дѣроги подарочки
35. Сестрицамъ моимъ голубушкамъ —
Городски сладки прѣничики?

(Записано въ Исаевской волости г. Любимскимъ).

3. Изъ Петрозаводскихъ свадебныхъ замѣтокъ.

1. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПОСЛѢ «ПРИКАЗА» ПРИ БЛАГОСЛОВЕНИИ

(Ялгубскій погостъ).

Обневолили родители
Вольну волюшку въ неволюшку.
Разлучаютъ родители
Живо-равную разлукушку.

5. Отказали родители

Отъ житья, отъ живленьица,
Отъ хоромнаго строеньица.

2. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ СИРОТЫ НА МОГИЛѢ РОДИТЕЛЕЙ.

(тоже).

Кормить поить есть кому,
А благословить молодой некому:
Нѣтъ кормильца свѣта-батюшка,
Нѣтъ родители-матушки.

5. Поджидай, мое солнышко, братецъ родимый,

Со Никольскія дубровушки
Кормильца свѣта-батюшка:
Посулилъ родный батюшка
При скорой смеретушкѣ,

10. При послѣднемъ часу времени,

На крѣпкое рукобѣтьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице.

3. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПОСЛѢ ПРОСВАТАНЬЯ

(тоже).

Отцу.

Ты, кормилецъ государь батюшко!
Обострочъ меня, дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное:

- Ваша думушка часовая,
5. Моя жирушка вѣковая.

Матери.

- Ты, родитель моя матушка!
Ты, денна моя заступница,
Ты, ночная богомольница,
Въ день по красному солнышку,
10. Въ ночь по свѣтлому мѣсяцу.

Брату.

- Ужъ ты, братецъ, мое красное солцышко,
Братецъ, тонкая тиниочка!
Обострочъ меня, красну дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное,
15. Полюбоваться со дѣвушками,
Погудять лѣто красное.

4. НАКАНУНЪ ВѢНЦА, КОГДА ВОДЯТЪ НЕВѢСТУ ВЪ БАНЮ.

(Заонежье.)

Одна изъ дѣвицъ, «истопница», зоветъ невѣсту въ баню.

Причитанье заводится еще въ стѣнахъ.

- Вы не гнитесь, перекладинки кленовыя,
Не ломитесь-ко, мостиночки дубовыя,
Ты здынися-ко, ручка правая,
Ты на тягу на желѣзную!
5. Отворись-ко ты, дверь дубовая,
Что-ль пройти мнѣ въ строеньице хоромное.

При входѣ въ избу:

Есть-ли на стѣны теперича святители,
Есть-ли при домѣ теперича родители?

Невѣста отвѣчаетъ:

- Нѣтъ управы безъ исправника,
10. Божьей церкви безъ служителя.
Есть хозяинъ въ дому — батюшко,
Есть хозяйка въ дому — матушка.

Истопница къ родителямъ невесты:

Я прошу васъ во парную во баенку.

Ино не сгѣшите-ко, желанные родители!

15. Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ-то вода ношена.

Обращаясь къ народу:

Вы пожалуйста во парную во баенку,

Старички вы почтенные,

Вы, старушки старо-древнія!

20. Да не радуйтесь, старички со старушенками!

Не собирайтесь-ко вы съ вѣничонками:

Не про васъ-то байна топлена,

Не про васъ-то вода ношена, —

Байна топлена про бѣлую лебедушку.

25. Ворочусь, пойду въ унылый задній уголокъ:

Ты пожалуй-ко, душа красна дѣвица,

Во парну теплу баенку.

Я сегодняшнимъ Господнимъ-Божьимъ денечкомъ

Вставала-ранешенько,

30. Умывалася бѣлешенько:

Я крестъ клала по писаному,

Поклонъ вела да по ученому

Я Иусову молитву сотворила,

По церковному начало положила

35. И истопляла теплу баенку

Про тебя, про красну дѣвушку,

Про твою-то вольню волюшку.

Байна топлена не дровцами словыми,

Не лучинушкой растоплена сосновою:

40. Она топлена сахарной деревиночкой,

Растоплена цвѣтками лазоревыми

Для тебя, для красной дѣвушки,

Про твою бажону волюшку.

Изукрашена та баенка:

45. Прорублено три окошечка,

Положено три стопочки точеныхъ,

Покладено три грядочки клейменыхъ.

Нестяга къ матери:

- Ты дай же, родима моя матушка,
 Мыльа да съ умываньицею,
 50. Мнѣ бѣлила со румянами,
 Часто-рыбій дай-ко гребешокъ,
 Да тонко-бѣлую сорочечку,
 Кою шила по три вечера рождественскихъ,
 Кроила по четьре благовѣщенскихъ,
 55. Строчила-то по пяти по Христосьскіихъ.

Входя въ баню:

Кладу волюшку на стопушку точеную,
 Алы лентонточки на гвоздикъ золоченый,
 Цвѣтно платице на грядочку клейменую.

5. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПЕРЕДЪ БАНЕЙ.

(Ладвинск. погостъ.)

- Устоюсь я, молодешенька,
 Предъ святыихъ святителей,
 Предъ земныхъ содержителей.
 Введеніе Богородица!
 5. Сведи меня дѣвушку
 Во теплу парну баенку;
 Успеніе Богородица!
 Ты успѣй меня, Владычица,
 Во теплу парну баенку;
 10. Стрѣтеніе Господне!
 Ужъ ты стрѣть меня, Боже,
 Во теплу парну баенку;
 Покровъ Богородица!
 Ты покрой меня, дѣвушку,
 15. Своей ризой нетлѣнной:
 Пока риза та не вытлѣетъ,
 Голова моя не старѣетъ,
 Сердечко мое не ржавѣетъ.
 Ты подай, родитель-матушка,
 20. Шиту-бранную скатереть:

- Мнѣ укрыться молодешенькой.
Идучи да во парну баенку
Со бѣлыма лебедушкамы,
Со милыма подруженькамы.
25. Подойдите вы, бѣлыя лебедушки,
Мои милыя подруженьки,
Подъ праву руку, подъ лѣвую.
Ты дай, кормилецъ-батюшко,
Попередъ пережателей ¹⁾,
30. Позади провожателей.
Вы возьмите, братцы соколы,
Огни-лучи свѣтлые,
Пистолеты зарукавные,
Ко теплой парной баенкѣ:
35. Не пришелъ бы чужой чужанинъ.
Вы зажгите, братцы-солнышка,
Огни да леменаціи ²⁾.
Постой, стадышко гусиное,
Норови гнѣздышко лебединое
40. Подъ нашимъ подъ большимъ угломъ.
Мой батюшка кличетъ съ окошечка,
Родна матушка со другова:
«Воротись, наше дитятко,
«Воротись, наше роженое,
45. «Воротись, сбереженое:
«Мы смостимъ мосты калиновы,
«Постелемъ сукна кармазинныя
«Отъ терема до берега,
«До теплой парной баенки.»
50. Я сама пораздумалась:
Не проторьтесъ, родители,
Не изьяньтесъ, желанные!
Отъ ногъ сукно стирается,
Отъ слезъ камка слиняется,
55. Отъ кручины мостъ подломится.

1) Пережатель — замѣчательная народная форма для обозначенія идущихъ и ѣдущихъ впереди поѣзда или хода.

2) Иллюминація.

Я сойду, молодешенька,
По старому по прежнему.

Посль бани:

- Не ластушка вылетывала,
Не касатая выпурхивала
60. Изъ теплой парной баенки;
Я не мылась, не парилась,
Только съ волюшкой разсталася,
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.
65. По моему да бываючицѣ
Раскатись, парна баенка,
По единому бревешечку
На четыре сторонушки.
На тое бы на мѣстечко
70. Протекла бы рѣчка быстрая.
У моего кормильца-батюшка,
Пока ходила я, дѣвушка,
Во теплу парну баенку,
Были наняты плотнички,
75. Новы сѣни подрублены,
Въ ступеняхъ число прибавлено. . . .
Не посмѣла я, молодешенька,
Итти въ свѣтлую свѣтлицу.
Слава, слава Господу!
80. Встрѣчаетъ кормилецъ-батюшко
Со иконой Богородицей,
Со ковригой краснокорою.
Ты, коврига краснокорая,
Повернись горой высокою:
85. Не подшелъ бы чужой чужанинъ
Ни съ которой сторонушки.

По приходъ въ избу:

Слава, слава, Господи!
Мнѣ создагъ, Боже-Господи,
Мнѣ-ка милую тишинку,

90. Миѣ-ка смирную погодушку.
 Поглядите вы, родители,
 Таково-ль пошло дитятко
 Во теплу парну баенку,
 Таково-ль пришло со баенки?
95. Я не мылась, не парилась,
 Только съ волею разсталася;
 Я не мыломъ умылася,
 Я умылась, дѣвушка,
 Слезама горячима;
100. Я не паромъ упарилась,
 А великой кручинушкой.
 Я потеряла потеряшечку,
 Обронила оброночку —
 Свою вольною волюшку.

6. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ, КОГДА ОТЕЦЪ ЕЯ ѢДЕТЪ СО «ЗВАТЫМИ»
 ПРИГЛАШАТЬ ЖЕНИХА.

(Острѣчинскій погостъ.)

- Съ сего утрышка раняго,
 Съ сего дня съ сего меженнаго
 Я сидѣла, красна дѣвица,
 Во своей свѣтлой свѣтлицы,
5. Во столовой новой горницы,
 И увидала, упримѣтила,
 Что родитель-то мой батюшко
 Въ цвѣтны платья одѣвается,
 Съ родомъ племенемъ скопляется,
10. Въ путь-дорожку снаряжается
 За чужимъ за родомъ-племенью
 Со своимъ онъ со зватыма.

7. НАКАНУНѢ ВѢНЧАНІЯ ПЕРЕДЪ УЖИНОМЪ КЪ ПОДРУГАМЪ.

(Ладвинскій погостъ.)

Ты кормилецъ мой батюшко,
 Да родитель моя матушка!

- Ставьте вы столы дубовые,
 Постелите скатерти вы бранныя,
 5. Кладите кушанья вы сахарныя,
 Питица носите медвяныя.
 Вы садитесь, милыя подруженьки,
 Все родъ-племя широкое!

Во время ужина:

- Ужъ вы еще покушайте, мои бѣлыя лебедушки,
 10. Мои милыя подруженьки,
 Все родъ-племя широкое!
 Не обезсудьте, пожалуста, за пиво пьяное,
 За вино за зеленое,
 За гусей, за лебедей,
 15. За свѣжу рыбу трепучую.
 Посылала я, молодешенька,
 Кормильца свѣта батюшка
 На царевы больши кабаки
 За виномъ за зеленыимъ,
 20. За пивцомъ да за пьянымъ:
 По моему да безсчастьицу,
 Кабаки все призаперты,
 Чумаковъ-цѣловальниковъ
 Въ домѣ не случилось.
 25. Посылала я, дѣвушка,
 Крестоваго я батюшка
 Въ далече чисто поле
 За гусями да за лебедями:
 По моему да безсчастьицу
 30. Первый разъ стрѣлилъ — не выстрѣлилъ,
 Другой разъ стрѣлилъ — не дострѣлилъ,
 Третій разъ стрѣлилъ — перестрѣлилъ:
 Разлетѣлись гуси лебеди.
 Я, того да не пытаючись,
 35. Посылала братца родимаго
 На синее на морюшко
 За свѣжей рыбой трепучею:
 По моему да по безсчастьицу,

Завѣялъ сильный сиверикъ, —

40. Волна на морѣ сходилася,
Съ береговъ рыба отпятилася
На омуты, на омуты на глубокіе.
Ужъ вы еще-ка покушайте,
Мои бѣлыя лебедушки!
45. Не безсудьте, пожалуста,
Овсяннички за прянички,
Житнички за пшеничники,
Ржаной хлѣбъ за колачики.
Соль ты солоная,
50. Изъ-за моря привезеная,
Обвернись на разны кушанья!
Ужоль сыты, голубушки,
Ужоль честны, подруженьки?
Благодарствуйте, родители,
55. Накормили меня до сыта,
Напоили меня до пьяна:
Покормилъ меня батюшко
Кручиной великою,
Напоилъ слезамы горючима;
60. Ваши ѣствы сахарныя
Въ бѣлу грудь становилися;
Ваши питья медовыя
Уста запечатали;
Ваша ложечка красная
65. Между сюда ¹⁾ замѣшалася,
Сего темнаго обночьица,
Между бѣлыхъ лебедушекъ,
Между милыхъ подружечекъ.

8. КОГДА НЕВѢСТУ НАКРОЮТЬ ПЛАТОМЪ, И ОНА ПОДНОСИТЬ
ЖЕНИХУ ПЛАТОМЪ.

(Остречинск. погостъ).

Не шли бы ноженьки рѣзвыя,
Не глядѣли очи ясные

1) Происходитъ — суды.

- Во эту свѣтлую свѣтицу,
Во столову нову горницу.
5. За этимъ столомъ дубовымъ
Будто вѣрона да чернаго
Есть чужаго роду - племени.
Во большомъ углу ясенъ соколъ
Надо мной онъ сидитъ - ломается,
10. Надо мной онъ надсмѣхается.
Подойду къ столу близехонько,
Поклонюсь ему низехонько:
«Ты, удалый, добрый молодецъ,
«Прими мои подарочки.
9. ПО ПРИѢЗДѢ ЖЕНИХА КЪ НЕВѢСТѢ, ВЪ ДЕНЬ ВѢНЧАНЬЯ,
ПЕРЕДЪ БЛАГОСЛОВЕНЬЕМЪ.

(Заонежье.)

- Вижу - смѣчу, дочь невольница,
Что за чудо причудилось:
Во почетномъ во большомъ углу
Сидятъ гостюшки нежданные,
5. Сватовья сидятъ незваные.
Вы зачѣмъ сюда приѣхали
Да вы что здѣ-ка провѣдали:
Здѣ-ка-ль улицы рядовья,
10. Здѣ-ка-ль лавочки торговья,
Здѣсь-ли дѣвушку на выдаванье,
Здѣсь-ли волюшку на продаванье?
На горы стоялъ мой зеленый садъ,
Край пути стоялъ при дороженькѣ;
15. Не мѣшалъ мой зеленый садъ
Ни попамъ-отцамъ духовнымъ,
Ни служителямъ церковнымъ;
Помѣшалъ мой зеленый садъ
Лишь злодѣю свату большому.

Обращаясь къ свату:

20. Тебѣ дай-же, Боже-Господи,

- Ступень ступить — нога сломить,
 Съ коня скочить — голова свернуть,
 На полѣ бы со метлицею,
 На гумнѣ бы со торицею,
 25. Въ киселю бы задавиться,
 А прѣснымъ молочкомъ залитися.

Къ жениху:

- Становись же, младъ отецкій сынъ,
 На одну со мной мостиночку,
 На едину перекладинку.
 30. Гляди вточь да во ясны очи,
 Гляди впрямь да во бѣло лицо,
 Чтобы жить тебѣ не каяться,
 Мнѣ-ка жить бы да не плакаться.
 Скажи, гдѣ я прилюбилася,
 35. Въ кое время приглянулася:
 Я на горочкѣ-ль катаючись,
 На работѣ-ль работаючи,
 Аль на бесѣдушки играючи?
 На горочкѣ катаючись
 40. Отъ вѣтра лицо навѣяло:
 Отъ того была хорошая;
 На бесѣдушкѣ играючи,
 Было личико набѣлено,
 До ала да нарумянено;
 45. На работѣ работаючи,
 Я васъ да испугалася,
 Въ лицѣ кровь да разыпралася.
 Во ту пору, во то времячко
 Было росту поднаставлено,
 50. Было туку поднабавлено.
 Скажи, что берешь-начаеться?
 Да я и дѣвушка не дешевая;
 У меня ли, у лебедушки,
 Три стѣны городовыхъ:
 55. Перва стѣна городова —
 Стоитъ крестна моя матушка,

- Друга стѣна городова —
 Сестрица есть родимая,
 Третья стѣна городова —
60. Братецъ, красно мое солнышко.
 Съ моимъ родомъ познатися —
 Съ золотой казной разстатися:
 Набъ ¹⁾ дарить тебѣ, задаривать
 Сватушка братца родимаго
65. Добрымъ конемъ вороннымъ,
 Свѣтъ сестрицу-то родимую
 Дарить розовой косыночкой,
 А крестову мою матушку
 Красной шубой соболиною.

Примѣчаніе. *Особенности свадьбы въ Остречинскомъ и смежныхъ съ нимъ приходахъ Петрозаводскаго уѣзда.*

Свадьба начинается, разумѣется, сватовствомъ. Сватами бываютъ близкіе родственники жениха или посторонніе люди, извѣстные по своему знанію дѣла сватовства. Сватать принято ночью, когда всѣ заснутъ въ первый сонъ. Въ то время сваты собираются въ домъ жениха. Передъ иконою затепливаютъ свѣчи; всѣ домашніе и присутствующіе присядутъ на лавки, а потомъ встанутъ и помолятся Богу. Женихъ подходитъ къ родителямъ, кланяется имъ въ ноги и проситъ ихъ благословенія «на женитьбу и долгій вѣкъ съ женою богосуженой». — «Богъ благословитъ тебя на доброе дѣло, рожное дитятко!» благословляютъ жениха родители, возлагая ему на голову икону.

За тѣмъ сваты, въ сопровожденіи всѣхъ сродниковъ жениха, выходятъ на улицу (гдѣ для нихъ приготовлены лошади), молятся Богу, обращаясь лицомъ къ соборной церкви, откланиваются своимъ «проводжатымъ» и отправляются къ дому невѣсты. Чтобъ никого не встрѣтить, выбираютъ окольный путь: всякая встрѣча поѣзду сватовъ и вообще ѣдущимъ и идущимъ на промыселъ, на важное дѣло, почитается у мѣстнаго населенія неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. Въ поѣздѣ сватовъ, на всякій случай, находится дружка изъ людей, умѣющихъ «отпускать свадьбы»: онъ

1) Надобно.

ѣдетъ всегда впереди. У подъѣзда невѣстина дома сваты оставляютъ лошадей и, перекрестившись, стучатся въ двери (См. стр. 348 III ч.).

Во время просватыванія, обыкновенно, невѣсты не бываетъ въ комнатахъ; когда же сваты окончатъ свое порученіе и, по просьбѣ хозяевъ, останутся погостить, то она приходитъ разряженная для подчиванія гостей. Тутъ родители спрашиваютъ у нея, согласна ли она идти замужъ за имрека. Если невѣста согласна, то предъ иконою зажигаютъ свѣчи и всѣ присутствующіе молятся Богу; по окончаніи молитвы отецъ невѣсты, въ знакъ непремѣннаго согласія отдать свою дочь за мужъ, подаетъ руку большому свату, а невѣста падаетъ въ ноги родителей со слезами и причитаніями (см. III ч. со стр. 394 №№ 1, 2 и слѣд.).

Послѣ угощенія чаемъ, кофе, пряжеными пирогами и ужина, сваты отправляются домой и просятъ родителей невѣсты отправить на слѣдующій день къ жениху посла съ «приказомъ». Съ приказомъ ходитъ отецъ невѣсты съ нѣсколькими родственниками; пришедши въ домъ жениха и помолившись Богу, онъ говоритъ родителямъ своего будущаго зятя: «челомъ здорово, любезный сватушка (или любезная сватушка)! У насъ есть дочь, лебедь бѣлая, имярекъ. Просимъ покорно поспѣшать къ ней: не то она улетитъ за сине море, за горы высокія, и вамъ больше не увидать ей (ея)».

Сговоръ и богомолье обыкновенно бываютъ въ домѣ невѣсты. Сюда съѣзжаются родственники съ жениховой и невѣстиной стороны и со взаимнаго согласія порѣшаютъ о приданомъ невѣсты. Заплатки приведены въ 3-й части сборника (см., между прочимъ, IV ч. заплатки; III, 1). По окончаніи причитанья дѣлаются приготовленія къ богомолью (благословенію). Въ большой уголъ ставятъ широкій столъ, накрытый бѣлой скатертью; на столъ кладутъ бѣлый («свадебный коровай») и черный («коврига благословѣная») хлѣбъ и соль. Приглашаютъ причтъ; священникъ, по окончаніи молитвъ, осѣняетъ молодыхъ крестомъ; а отецъ невѣсты благославляетъ ее и нареченнаго ея жениха хлѣбомъ-солью.

Въ предсвадебный день, послѣ нѣсколькихъ причитаній отцу-матери, невѣста снова проситъ ихъ благословенія на «вѣки вѣкушіе» и отправляется съ «вожатою» (Заонежскою вопленицею или плакальщицею) и нѣсколькими подружками по всей роднѣ «от-

давать добровъ», т.-е. прощаться съ родными и испрашивать у нихъ прощенія во всѣхъ своихъ проступкахъ. Прежде всего не-вѣста ѣдетъ къ крестному отцу, а если она сирота, то на могилу отца и матери, и поетъ причитанья (см. IV ч. заплачки II, 5 и III 8). Отъ крестнаго отца она ѣздитъ ко всѣмъ дядюшкамъ, тетушкамъ, братцамъ, сестрицамъ, братанамъ и сестріямъ и вездѣ поетъ по коротенькому причету (см. IV ч. II, 5 и 6). Отдавъ добровъ, не-вѣста возвращается домой и собирается въ баню. Причеты, которые поются въ это время, напечатаны въ III ч. на стр. 397 и въ IV въ Пудожскихъ и Петрозаводскихъ заплачкахъ.

За тѣмъ не-вѣста снаряжается для вечеринки, которая устраивается въ предсвадебный день. Главнымъ украшеніемъ «княгини порученой» — широкая, усаженная бисеромъ или жемчугомъ лента, называемая «волею» или «красотою». Ленту эту носятъ только до свадьбы, наканунѣ которой она торжественно снимается съ головы дѣвушки: это снятіе «красоты» служить знакомъ, что дѣвушка разсталась съ своей «дѣвочьей» долей и рѣшилась отдать себя въ распоряженіе мужа. Около шести часовъ вечера является женихъ съ родными: ихъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ, подносятъ по «стрѣтной» чарочкѣ всѣмъ, начиная отъ большаго свата до послѣдняго поѣзжанина. Тутъ крестный отецъ жениха проситъ показать не-вѣсту богосуженую. Но не-вѣсту окружаютъ всѣ ея подруги и родные, какъ бы стараясь ее скрыть, и за показъ требуютъ угощенія. Имъ даютъ по рюмкѣ водки и по нѣскольку пряниковъ. Угощеніе повторяется до трехъ разъ. За тѣмъ вожатая подводитъ не-вѣсту къ молодому князю, и онъ въ первый разъ цѣлуетъ ее.

Взявъ не-вѣсту за руку, женихъ входитъ въ избу и садится съ нею за княжій столъ. За нимъ входятъ и размѣщаются поѣзжане. Родители не-вѣсты подчуютъ гостей чаемъ и закускою и дарятъ ихъ заранѣе условленными подарками, которые подносятъ не-вѣста: не-вѣсту тѣ отдариваютъ деньгами. Когда окончена задача подарковъ, и не-вѣста сядетъ подлѣ жениха, къ ней подходитъ старшая сваха и проситъ «развязать и отдать ей волю». Но свахѣ воли отдать нельзя, потому что сваха стара: у нея лента-воля будетъ валяться попусту. Извинившись передъ свахою, не-вѣста начинаетъ причеты о разставаньи съ волей.

Въ Остречинахъ послѣ благословенья жениха и невѣсты хлѣбомъ-солью, невѣста поетъ:

Помолиться было Богу Спасу, пресвятой Богородицы
За царя государя великаго:
Имъ дай Господи здравья долгаго,
Долгаго вѣку протяженнаго:

5. Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со маленькими сердечными дѣтушками,
Со всей силой и арміей.

Теперь помолиться сизой косатой голубушкѣ
За ласкотника желаннаго батюшка:

10. Ему дай Господи здравіа,
Здоровья долгаго и протяженнаго.
Помилуй Господи и матушку
И всѣхъ моихъ родныхъ родителей!

У богатыхъ послѣ благословенья бываютъ въ честь молодыхъ нѣсколько вечеринокъ. Онѣ проводятся въ разныхъ играхъ и пѣсняхъ; послѣдняя посвящается исключительно молодымъ и называется свадебною. Вечеринки заканчиваются ужиномъ, и тутъ невѣста не обходится безъ пѣсни или причета; а если не поетъ сама, то проситъ спѣть свою вожатую. Въ эти дни бываетъ и катанье невѣсты съ подружками, зимою по рѣкамъ, по берегамъ которыхъ расположены селенія. Поѣздъ ѣдетъ длинною вереницею, а подруги невѣсты поютъ въ честь молодыхъ коротенькія причитанья и пѣсни.

Изъ пѣсень, которыя поются на этихъ вечеринкахъ, приведемъ:

I.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Да не отъ Божьей милости
Верее пошатилася,
Ворота отворилися,

5. Широко размахнулися.

Не слыхала молодешенька,
Какъ бояра на дворъ вѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,

- Съ новыхъ сѣней въ нову горницу.
10. Ужъ я столько услышала,
Ужъ я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу.
Тутъ и я испугалася,
15. Тутъ и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце,
Прибѣгло лицо бѣлое,
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
20. Изъ глазъ слезы прокатилися,
Во слезахъ слово молвила,
Въ возрыданъѣ рѣчь говорила:
«Вотъ идетъ погубитель мой,
«Вотъ идетъ разоритель мой,
25. «Вотъ идетъ расплети-косу,
«Вотъ идетъ потеряй-красу.»
Тутъ спроговорить добрый молодецъ
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
— Ужъ ты, глупа красна дѣвица,
30. — Неразумна дочь отецкая!
— Что не я погубитель твой,
— Что не я разоритель твой:
— Погубитель-отъ твой батюшка,
— Разорительница — матушка,
35. — Расплети-косу — сватьюшка,
— Потерай-косу — друженьки,
— Что два дружки хорошіе,
Два удалыхъ добра молодца

II.

- Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ
Пролегла путь-дороженька
5. Широка-долга спроважена.
Что-й по той ли по дороженькѣ

- Что-й по той 'ли' по широкой
 Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
 Удалий добрый молодецъ
10. Григорій-то Ивановичъ.
 Онъ сворачивалъ съ дороженьки,
 Приворачивалъ къ окошечку,
 Колотился подъ окошечкомъ,
 Своей тростью *натуральною*:
15. «Ты душа-ль моя душенька,
 «Душа-ли красна дѣвица,
 «Да ты, Марья Ивановна!
 «Пріотвори, душа, окошечко,
 «Пріотдери занавѣсочку,
20. «Покажи-ко лицо бѣлое,
 «Лицо бѣлое румяное,
 «Будто пороха снѣгу бѣлаго.
 «Будешь ты, душа, прилюбисься,
 «Я товарищу похваляю,
25. «Своему брату крестовому».
 Прилюбилась красна дѣвица
 Удалому добру молодцу
 Григорью-то Ивановичу.

III.

- Ты зоря-ль моя, зорюшка,
 Зорюшка вечерняя,
 Ай люли вечерняя!
 Солнышко восхожее,
5. Высоко восходило ¹⁾,
 Далеко освѣтило
 Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
 Черезъ море синее.
 Какъ на синемъ на морѣ
10. Тутъ лежала жердочка
 Тонкая кленовая,
 Гибкая сосновая.

1) Слѣдуетъ припѣвъ послѣ каждого втораго стиха.

- Тутъ никто не хаживалъ,
 Никого не важивалъ,
 15. Переходилъ добрый молодецъ,
 Переводилъ красну дѣвицу,
 Переводя ее цѣловалъ-миловалъ:
 «Ты ходи — не обманывай,
 «Ты люби — не разглядывай!
 20 «Другъ мой, красна дѣвица!
 «Ты роди-ко мнѣ сына, бѣлаго сыра,
 «Ты роди-ко мнѣ дочку, бѣлую лебедку.

IV. ПѢСНИ.

1. ДѢТСКАЯ ПѢСНЯ.

- Уточка маховая,
 Гдѣ ночѣсь ночевала,
 Гдѣ ночѣсь побывала?
 «Тамъ, тамъ, на болотцѣ
 5. «У Кузьмы-Демьяна,
 «У святой Варвары».
 Печка топилась свѣтленько,
 Кашка варилась густенько,
 Пирожки на полкѣ прячутся,
 10. Пиво въ бочкѣ дерется.
 Шли, шли, шли скоморошки,
 Вышрутали по пруточку.
 Вы, гудки, не гудите,
 Матушку не будите.
 15. Матушка старенька,
 Батюшка молоденецъ,
 Три братья по службамъ,
 Двѣ сестры по замужамъ.
 Брата Романа убили,
 20. Подъ колоколъ схоронили,
 Кадилицемъ накалили,
 Просвиркой помянули.
 Кто по брата Романа поплачетъ?
 Два волка мохнатые,
 25. Двѣ свиньи горбатыя,

Двѣ курицы безхвостыя,
Да два пѣтуха безголовые.

(Записано въ г. Каргополѣ).

2. НЕБЫВАЛЫЩИНА О МИЗГИРѢ.

(См. III ч. стр. 332).

По край болота
Жили мизгирь толстой, клопъ простой,
Мошка грязная до строка некошная.
Онѣ завоевали да и заворовали:

5. Дескѣть ¹⁾ другъ дружку и хвалятъ
А мизгирия, борца, ни къ какому дѣлу не ставятъ.
Это мизгирию стало вредно,
И взяло его великое непокорство.
Онъ съ горя съ кручиннушки
10. Ставъ ножками трясти
Да мережки плести,
И ставить тѣ мережки
На тѣ путь-дорожки,
Гдѣ мухи летали.
15. Одна муха летала,
Да въ мережку и попала.
Мизгирь пришовъ,
Въ мережкѣ муху заставъ,
Ей руки и ноги связавъ
20. И ставъ ее бити-губити
И за горло давити, —
А муха — вопити ²⁾.
Услыхала ихъ драку
Честная госпожа оса.
25. Она прилетѣла, въ скорости, боса,
Да и безъ пояса;
Прилетала, да тутъ же въ мережку и попала,
Однако рвалась да вырвалась
И говоритъ:
30. «Ахъ, тошно моей головѣ!
«Лучше жить бы мнѣ въ своей слободѣ:

1) Въ вѣдом. напечатано: да, скать - дс.

2) Въ вѣдом. напечатано: А мухи ево-пити.

- «У насъ выѣзды частые,
 «А у мызгиря, плута, вымыслы лихіе».
 Вотъ пропустили про мызгиря такую славу,
 35. Будто бы его заслали въ дальные города,
 Будто бы ему тамъ руки и ноги связали
 И шибко больно наказали.
 Мухи послѣ того первую весенку летаютъ,
 Да пѣсенки попѣваютъ;
 40. Въ барскіе дома летаютъ,
 Крестьянъ кусаютъ.
 Какъ-бы муху убить,
 А она, плутовка, и улетитъ.
 Вотъ мухамъ сталъ жаръ не понутру,
 45 И всѣ онѣ забрались въ дуплю.
 А мызгирь тогда сдружився
 Съ клопомъ да съ тараканомъ
 И со сверчкомъ блинникомъ,
 А дуплю подтенѣтивъ.
 50. Сверчокъ-смовчокъ
 Сѣвъ на коверъ
 Да въ дудочку заигравъ,
 А клопъ да тараканъ
 Учали бить въ барабанъ,
 55. Мухи такого шуму испугались,
 Тотчасъ всѣ изъ дупли выбирались,
 И всѣ въ мережку попались.
 Мызгирь ихъ въ мережкѣ заставъ,
 Всѣмъ имъ руки-ноги связавъ,
 60. И учавъ ихъ бити-губити
 И больно за горло давити,
 А мухи — вопити.
 Тогда мухи, которыя и по волѣ летали,
 Къ мызгирю тутъ прилетали,
 65. И всѣ ему покорство воздавали.
 Сему судному дѣлу конецъ,
 А хто сложивъ про его,—молодецъ.

(Перепечатано изъ Волог. губ. вѣдом. 22 апрѣля 1866 г.)

III.

ПОВѢСТИ, СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ.

1. О НАЧАЛѢ ГРАДА МОСКВЫ

И О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ

ДАНИИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

(Списокъ съ рукоп. Новгородской лѣтописи.)

Въ лѣто 6799-е октября 29, сѣде во Владимірѣ градѣ князь Андрей Александровичъ, третій сынъ Невскаго, а въ Суздалѣ княжилъ тогда братъ его Даниилъ Александровичъ. Почему бы было на Москвѣ царству быти? Были тогда на томъ мѣстѣ на Москвѣ рѣцѣ села праздныя болярина Кучка Стефана Иванова. Быша же у болярина того два сына вельми красны. Увѣдалъ же о нихъ к. Даниилъ Александровичъ Суздальскій Невскаго, нача просити у Кучка болярина того два сына его къ себѣ на дворъ и съ великимъ прещеніемъ глаголаше ему: «Аще не даси мнѣ сыновъ своихъ во дворъ, азъ пойду на тя ратію, и тебе мечемъ побію, а села твоя красная огнемъ выжгу». Боляринъ же Стефанъ Ивановичъ Кучковъ убояся страха Даниила Суздальскаго, отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Даниилу Суздальскому; князь Даниилъ возлюбилъ я зѣло: единого пожаловалъ въ стольники, а другаго въ чапники, тако де и княгиня Данилова, Улита, возлюби я. И уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ похотию блѣдною¹⁾, и діавольскимъ навожденіемъ смѣсися съ ними, и начаша мыслити съ княгинею, како бы предати князя Даниила, господина своего, смерти. И возваша его въ поле ѣздити утѣшенія ради звѣрскаго лова, —

1) т. е. блудною.

яко же бысть обычай. И бывшимъ имъ на поли, негда же придоша въ нѣкія дебри, начаша они, Кучковича, предавати князя своего Даниїла горькой смерти, онъ же убѣжа отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса и бѣжа отъ нихъ подлѣ рѣки Оки, оставя коня своего. Зліи же убійцы аки лютіи звѣріе напрасно хотяху восхитити его, быша же во ужасѣ велицѣ, искаша его много и не обрѣтоша, токмо обрѣтоша коня его. Князь же Даниїлъ добѣжа съ нуждою до перевоза, не имѣя что дати за перевозъ, точію на рукѣ его перстень златъ бѣ, и той дая перевозчику. Перовощикъ же рече: «Лихи вы люди и обманчивы таковыя, яко переѣхавши чрезъ рѣку и не давши перевозу ничего, отходите», и не позна его, яко князь есть Даниїлъ. Онъ же обѣщая ему златый перстень той отдати; перовощикъ же, пріѣхавъ съ другой стороны, и егда близъ бывъ князя, и протеже князю весломъ и рече: «Дай мнѣ перстень, и азъ тя перевезу». Князь же Даниїлъ, мнѣвъ яко праведенъ есть человекъ, положи ему на весло перстень свой; онъ же, взявъ перстень, и отторжеся отъ берега. Князь Даниїлъ побѣже подлѣ рѣки, бояся за собою гонившихъ. Прейде же день той къ вечеру, не имѣя гдѣ пошевати, пусто бо мѣсто въ дебри. И по случаю найде въ той чащи струбецъ малъ стоящъ. Ту бо погребенъ бысть нѣкій мертвый человекъ. Князь же влѣзъ въ струбецъ той и скрыся въ немъ, забывъ страхъ мертвыхъ, и преночи ту ночь. Сынове же Кучковы быша въ печали великой, яко упустиша князя Даниїла жива отъ рукъ своихъ ранена. И придоша въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: «Лучше бы намъ не мыслити на князя своего смертнаго дѣла, яко убѣжа отъ насъ раненъ, въ градъ Владиміръ, къ брату своему Андрею Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ злая казнь различная и лютая. Такожде и княгинѣ Улитѣ быть повѣшеною». Пришедше, сказаша княгинѣ Улитѣ. Она же, наполнена сущи злыя мысли на мужа своего Даниїла Александровича, распалившеся сатанинскимъ наводженіемъ злыя похоти, повѣда имъ, окаянная, вся тайны мужа своего, рещи: «Есть мужа моего песь. И какъ онъ, князь Даниїлъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на бой, на татаръ или на крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ поѣжая: егда де я отъ татаръ убиенъ буду, или инымъ нѣкіимъ случаемъ придется мнѣ безвѣстная¹⁾».

1) т. е. смерть.

или на бою въ трупѣ сыскати не возмогутъ, и не познають отъ множества мертвыхъ, пошли на разысканіе мое дворянъ своихъ съ тѣмъ моимъ псомъ и вели имъ пустити его предъ собою проста¹⁾, а за ними ѣхать имъ скоро: и той песь възыщеть мя не ложно и тѣло мое лизати будетъ радостно». На утрѣ же княгиня Улита, давъ имъ того пса, и сказа имъ: «Гдѣ князя Данила обрящете, тамо его смерти предайте». Они же зли убійцы, злаго тоя злобѣсницы княгини совѣта послушали и, взявше того пса, и побѣжаша на то мѣсто, идѣже хотѣша князя Данила смерти предати, и съ того мѣста, пустиша онаго пса предъ собою; песь побѣже предъ ними, — они же за нимъ скоро ѣхаша. Песь же бѣжа подлѣ Оки рѣки и набѣже на оный струбець, идѣже снаше князь Данилъ; увѣдавъ же песь князя Данила, и нача шеею вертѣти и хвостомъ махати, радуяся. Ищущіе же, узрѣвше пса радующася, вскорѣ скочиша, и скрывше²⁾ струбець онъ, обрѣтоша ту Данила Александровича и предаша его смерти. Прободше его мечи и кони и главу его отсѣкоша, и паки въ той же струбець вложиша тѣло его и покрыша. Благовѣрный же князь Данилъ бысть четвертый мученикъ, пріять мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ жены своея. Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіени быша отъ брата своего окаяннаго Святополка, такожде и сей отъ Кучковичевъ. По убіеніи же его пріѣхаша Кучковичи во градъ Суздаль, и привезоша ризу кровавую князя Данила, и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею въ прелюбодѣянніи беззаконно по прежнему. Но скоро бо пріиде вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрею Александровичу, что сотворила таковое убійство надъ братомъ его княземъ Даниломъ Александровичемъ, въ Суздали, жена его Улита. Сыну же его Іоанну Даниловичу, внуку Александрову, оставшемуся малу сунцу, иже ярь и лють бѣ, отъ рожденія же его храняше нѣкій рабъ вѣрный именемъ Давидъ. По смерти же Даниловѣ минуша уже два мѣсяца, сжалися той вѣрный слуга, Давидъ, о сынѣ его, князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ и взя отай³⁾ нощію, и всѣде на конь и гна съ нимъ скоро ко граду Владимиру и ко князю Андрею Александровичу, къ дяди его, и

1) не привязана.

2) вскрыша.

3) тайно.

сказа ему вся по ряду, случившаяся во градѣ Суздаля, таковое убійство надѣ братомъ его Даниломъ. Князь же Андрей, слышавъ сія, сжалися по братѣ своемъ, яко князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго убійцу воя и, Бога въ помощь призвавъ, отмсти кровь братіи своей Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди Святополка: такожде и сей новыи Ярославъ, князь Андрей Александровичъ, прослезися горцѣ по братѣ своемъ князѣ Данилѣ Александровичѣ, и воздѣ руцѣ своя на небо, рѣче со слезами: «Господи, Владыка, Творче и Создателю, отмстивый кровь праведную Бориса и Глѣба на окаянномъ Святополкѣ княземъ Ярославомъ! тако, Владыко Господи, отмсти кровь неповинную, чрезъ мене грѣшнаго, брата моего князя Данила, надѣ блудниками и наложниками скверныя тоя блудницы». Святополкъ бо окаянный брато-убійство сотвори: очи его злѣ прострѣшася на злато и серебро и на сласть царствія сего, и на единъ часъ насладися, небеснаго же царствія во вѣки лишился и во днѣ адовѣ мученіе воспрія: тако и сія скверная и несытая блудница княгиня Улита блуднаго скверненія на единъ часъ насладися, не токмо же небеснаго царствія лишился, но и сего свѣта власть отринула, и возлюбиша скверную злую похоть блудную, уготовася діаволу невѣста, во днѣ адовѣ вѣчное мученіе наслѣдова. И собра князь Андрей войска своего, въ градѣ Владимірѣ, пять тысячъ и поиде ко граду Суздалю; услышавъ же онѣи убійцы зліи Кучка Стефана дѣти, что идетъ на нихъ князь Андрей Александровичъ Владимірскій съ силою, нападе на нихъ страхъ и трепеть, и бѣжаша къ отцу своему Стефану Кучку. Князь же Андрей припедъ съ воинствомъ къ Суздалю. Суздальцы же непротивишася; но покоришася ему, глаголюще: «Мы не быхомъ совѣтницы на смерть государя своего, и не приводихомъ убити брата твоего. Но вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, мы же тебѣ пособники на злыхъ тѣхъ измѣнниковъ». Князь же Андрей повелѣ княгиню Улиту поимати, и казнити всякими муками, и предаде ю горькой смерти. Суздальцы же собраша три тысячи войска князю Андрею Александровичу въ помощь, и поиде князь Андрей со всѣмъ воинствомъ на боярина Стефана Кучка; Кучко же не возможе противитися ему, и взя вся села его красная и самаго Кучка и дѣтей его, и повелѣ ихъ оковати узами крѣпкими.

Потомъ же казни съ дѣтьми его всякими различными казнями въ лѣто 6979-е марта въ 17 день.

И тако князь Андрей отмсти кровь своего князя Данила, побѣдивъ боярина Кучка и злыхъ убійцевъ, и все имѣніе ихъ и богатство разграби, сель же красныхъ не пожже, а переночи ту ношъ. Заутра же воставъ, посмотри по всемъ краснымъ селамъ, и вложи ему Богъ въ сердце на томъ мѣстѣ поставити градъ, и воздохну изъ глубины сердца своего, и воздѣ рудѣ свои на небо и рече: «Боже Вседержителю, всѣмъ видимымъ и невидимымъ творче и содѣтелю! прослави мѣсто сіе и подаждь помощь желанію сердца моего создати Святыя церкви».

И сѣде князь Андрей въ красныхъ селахъ жителствовать, и посла во градъ Владиміръ и Суздаль сына своего князя Георгія, а племянника своего, братня сына, Іоанна Даниловича къ себѣ взя, и воспита въ добромъ наказаніи. Той же князь Андрей Александровичъ воздвиже церковь деревянну Пресвятыя Богородицы Благовѣщенія.

Такожде повелѣ градъ основати около тѣхъ красныхъ сель по Москвѣ рѣкѣ, и именованіе тому граду положи Москва отъ рѣки Москвы. Пособствоваша же ему Суздальцы, Владимірцы и Ростовцы, и такъ устроиша градъ въ лѣто 6799-е мѣсяца іуліа въ 27 день на память святаго мученика Пантелеймона, и оттогѣ нача именоватися градъ Москва.

Поживе же той благовѣрный князь Андрей во градѣ Москвѣ, и устрои Божія церкви, преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву племяннику своему князю Іоанну Даниловичу, по не же сынъ его князь Георгій Владимірскій преставился прежде смерти отца своего лѣтомъ единымъ. Остася же по немъ наслѣдникъ сынъ его малъ, токмо 4-хъ лѣтъ 2-хъ мѣсяцевъ. Князь же Іоаннъ Даниловичъ доспѣ совершеннаго возраста, взя къ себѣ сродника своего Георгія Георгіевича, и подъ свою область Суздаль пріимъ. При семъ великомъ князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ, въ лѣто 6816 марта въ 22 день, приде изъ Владиміра града къ Москвѣ Петръ митрополитъ. Благослови князя и нарече его великимъ княземъ Московскимъ и всея Россіи, и пророчествова о градѣ Москвѣ, яко будетъ сей градъ, по Божію благословенію, царствующій, и распространится и умножится силою Животворящія Троицы, и Пресвятыя Богородицы домъ будетъ, церквей Божіихъ

и монастырей будетъ множество, и наречется сей градъ второй Иерусалимъ, многими землями обладаетъ, не токмо же во всей Россіи прославится, но и во всѣхъ земляхъ, отъ нынѣ и до скончанія вѣка. Князь же великій Іоаннъ Даниловичъ вручи Петру митрополиту пасти церковь Божию, престолъ Господа нашего Иисуса Христа, домъ Воесвятыхъ и Живоначальныя Троицы и Пресвятыхъ Богородицы, и бысть митрополитъ Московскій и всея Россіи.

2. ИСТОРИЯ СЛАВНАЯ.

СКАЗАНИЕ О АЗОВСКОМЪ ОСАДНОМЪ СИДѢНІИ, КАКЪ ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СИДѢЛИ ВЪ АЗОВѢ ГОРОДѢ АТАМАНЫ-КАЗАКИ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ЦАРЯ БРАГИМА.

А всего казаковъ сидѣло въ Азовѣ пять тысящъ. Тому своему осадному сидѣнію привезли къ Москвѣ грамоту, къ царю и государю и великому князю Михайлѣ Ѳеодоровичу всея Россіи. — Прибѣжалъ съ Дону атаманъ Наумъ Васильевичъ съ казаки, а въ грамотахъ пишетъ: числомъ въ лѣто 7140 году *прислазъ*¹⁾ подъ Азовъ городъ Брагимъ, турецкій царь, папеш своихъ изъ турецкой земли, а съ *ними*²⁾ войска прислано тридцать тысящъ, кромѣ вымышленниковъ и *водаковъ* изъ многихъ нѣмецкихъ земель, опрѣчь навятыхъ подкопщиковъ для промыслу землянаго. Да съ ними же, папаша, пришелъ въ ходъ крымскій *хамъ* со всею ордою крымскою. Да они-жъ, паши и крымскій *хамъ*, взяли съ собою кафимскихъ мужиковъ, что живутъ на сей сторонѣ сянга моря, многія тысяща, и нѣсть имъ числа, на загребеніе Азова города и чтобъ насъ казаковъ живыхъ землею засыпать. Да съ ними же, папаша, пришло изъ *своей*³⁾ орды войско чернижское великое; да съ ними же папаша пришло 30 (*тысящъ*)⁴⁾ пу-

1) Въ оригиналѣ *присланъ*.

2) съ *ими*.

3) *свои*.

4) тысящъ, въ оригиналѣ пропущено.

шекъ полковыхъ, а *мошкы*: величиною ядра въ полтора и въ два пуда. Да съ ними же пришло 50 тягачей турецкихъ. А обирался тотъ Брагимъ, турецкій царь, *равно* четыре года, а на пятый годъ все-то войско пришло подъ Азовъ городъ въ ранній обѣднѣ. И заняли они тѣмъ войскомъ всю степь Азовскую, что съ высотъ Азова города конца ихъ не видать было; и разставили оны палатки и шатры, и всѣ свои знамена распустили: и какъ цвѣты въ полѣ зацвѣли. И учили оны во своихъ таборахъ стрѣлять изъ всего снаряду, и стрѣляли день и ночь: и отъ той великой стрѣльбы на городѣ Азовѣ развалилися всѣ крѣпости Азовскія. И на другой день *стали* ¹⁾ изъ утра на первомъ часу, и выступили изъ таборовъ своихъ, и пошли строемъ ко Азову городу. А напередъ войска идутъ 12 головъ янычарскихъ; у всякаго головы по двѣ тысячи янычарей, сирѣчь стрѣльцовъ; а на головахъ на всѣхъ платье златоглавное съ клеймомъ турецкимъ. А за ними идутъ два полковника нѣмецкихъ съ полками солдатскими; а ихъ солдатъ въ полку по шести тысячъ человѣкъ. И захвати отъ *Дону рѣки* ²⁾ до моря синяго, подобенъ ихъ строй строю солдатскому. А у янычарей у всѣхъ питали турецкія съ запаленыя фитили, аки свѣщи горять. И пришли ко Азову городу подъ самую стѣну, и стали строемъ на *шеринки* многія несметныя тысящи, и прислали къ намъ, казакамъ, подъ стѣну голову янычарскую на сговоръ. И какъ пришелъ голова подъ стѣну, и сталъ намъ казакамъ говорить гладкою рѣчью:

«О людѣ Божіи царя небеснаго, яко нѣкѣмъ въ пустыню въводиши, яко орлы парящіе и яко лвы свирѣпые, сосѣди наши ближніе, казачество волное и воинство свирѣпое, молодцы избранные! Не полныя ваши гортани, не сытое ваше сердце, не можете удовлетворить свое сердце! Наступили вы, казаки, на десницу великую, на Брагима царя турецкаго, и взяли вы, казаки, у него Азовъ городъ, и вынесли вы, казаки, въ Азовъ; всѣхъ воеводъ и влѣстей, и затворились вы, казаки, тѣмъ Азовымъ городомъ въ моря синія. Да вѣдомо вамъ есть казакамъ буди, что отъ сильнаго Московскаго государства къ вамъ выручки не будетъ. Аще вы, казаки, *помогаете* ³⁾ нашему Брагиму царю Турскому, и вы, на-

1) т. е. встали или выставили.

2) отъ *Дону рѣки* въ оригиналѣ повторяется.

3) Въ оригиналѣ *помогаете*.

заки, напишите повинную, а въ повинной напишите Азовъ городъ, — и Брагимъ турскій царь всѣхъ васъ пожалуетъ и наложитъ на васъ платъ златоглавное съ клеймомъ турецкимъ, и станутъ васъ называть многія орды индейскія сваторусскими богатырями. И что вы, казаки, не устрашится такихъ великихъ ¹⁾ силъ турецкихъ такими малыми людьми рождались вы, казаки, такова велика подъ Азовъ городъ... А буде вы, казаки, не сдѣдите добромъ Азова города, и нынеча вы ночью побѣжите вонъ изъ Азова-города на Донъ-рѣку, тамо живы не будете. Хотя бы васъ, казаковъ, сидѣло въ Азовѣ 40.000 ²⁾ человекъ, и тутъ вамъ противъ нашей великой силы стояти... Пришло нашей силы подъ васъ, что и смѣты нѣтъ: сколько на главахъ вашихъ волосовъ, а втрое того силы пришло съ папашами. Витъ толь силенъ казимбалскій шахъ и шаховы люди, и тѣ не могутъ отъ нашихъ великихъ силъ стояти и во осадахъ сидѣти. А васъ, казаковъ, всего 5,000, а и тутъ намъ не сдѣдитесь и великихъ нашихъ силъ не устрашится».

Отвѣтъ казаческій изъ Азова города: «Да не боимся мы, казаки, вашего Брагима царя Турецкаго и 54 папеш его и великихъ Турецкихъ силъ. Мы, казаки, взяли у васъ Азовъ городъ никакими великими людьми: всего насъ было 5,000 человекъ; а взяли мы Азовъ городъ среди бѣлаго дня храбростью и молодечествомъ своимъ. А сидѣли мы, казаки, въ Азовѣ-городѣ малыми людьми для отпытку, каковы турки городовъ имать. И то мы васъ, турокъ, отвѣдываемъ за всегда; а намъ, казакамъ, знакомы ваши турки на полѣ и на морѣ: почасти мы съ вами ведаемся. А какъ мы, казаки, взяли Азовъ-городъ, тогда мы накормили вашихъ поганымъ трупамъ волковъ сѣракъ, лисицъ красныхъ, борзыхъ орловъ, черныхъ воронъ; а послѣ того они давно не ѣдали вашего поганого трупа; а нынѣ мы, казаки, конечно, накормимъ ихъ. А вы же, собаки смрадные, зовете насъ служить вашему царю турецкому: какъ намъ оставить пресвѣтлый свѣтъ, и во тьму кромѣшную къ вамъ, сабакамъ, итти? Ради ³⁾ мы служить надъ вашими головами своими острыми саблями. Да вы же, собаки, не уstraшите, что отъ сильнаго нашего Москов-

1) Въ ориг. *велики*.

2) Въ ориг. *4000*.

3) Въ ориг. *ради*.

снѣго царства къ намъ запасовъ nebudeтъ. То мы сами вѣдаемъ. Николѣ къ намъ запасы не ходятъ. Кормить насъ молодцовъ царь небесный своею милостию и благодатию, что вить мы, казаки, не сѣемъ и не оремъ и въ житницы не собираемъ; питаемся звѣрьми полскими и рыбами морскими; а злато и серебро-то у васъ, собакъ, за моремъ емлемъ. Что мы, казаки, ни шаха кизилбаскаго, что ихъ людей землею засыпаете. . . Хотя насъ, казаковъ, сидить въ Азовѣ 5000, однакожъ великій Божій промыселъ! Надѣмся и не боимся мы, казаки, ни вашихъ 30,000: дадимъ мы про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ бесурманьской. Только пошедь, скажите папамъ вашимъ, чего имъ отъ насъ хочется изъ Азова-города? Или они пришли по наши сѣрые сыпунѣ, то станеть въ великую куплю. А какъ свѣдаютъ наши на Дону молодцы и придутъ на взысканіе головъ нашихъ, тогда не убѣжать вамъ будетъ во свою бусурманскую землю. Подите отъ Азова прочь и скажите папамъ своимъ, почто оны пришли къ намъ; а мы вамъ добромъ Азова-города не сдадимъ; а вы времени своего не теряйте!»

И какъ голова отыде отъ Азова прочь, и сказали папамъ своимъ, что ихъ казаки бранять, Азова-города добромъ не сдадутъ, тогда папа войску повелѣ въсье готовитися на приступъ ко Азову-городу. И пошли напередъ войска: 2 полка нѣмецкихъ съ полками солдатскими, и за ними вся орда, и кафимскіе мужики на взятіе Азова города. И тутъ пошла у нихъ стрѣльба у всего войска, и отъ той стрѣльбы стала гроза великая, что намъ, казакамъ, нельзя вонъ выйти. И тогда турки пришли подъ стѣну, и стали они по стѣнамъ городскимъ приставливать и обухами прибавать лѣствицы. Тогда поднялся тутъ великій дымъ; и тогда у насъ на томъ приступномъ мѣстѣ 12 пушекъ набиты дробью; и убили мы у нихъ 12 головъ янычерскихъ и двухъ полковниковъ нѣмецкихъ съ полками солдатскими. И вышли мы, казаки, на высоту, и взяли у нихъ знамя большое съ клеймомъ турецкимъ, да взяли у нихъ пашу перваго. А на томъ мѣстѣ день бились до вечера; а на первомъ ношномъ часу турки пошли въ таборы свои; а мы всю ночь смѣчали, многоль войска побито: и побито у нихъ 9000 человекъ, окромя кафимскихъ мужиковъ, а тѣмъ и смѣты нѣтъ. А изъ утра прислали турки подъ Азовъ-городъ толмачей своихъ. Толмачи почали просить мертвыхъ тѣлесъ;

а за всякое тѣло давали по золотому; а за начальныхъ давали по 12-ти, а за пашу давали что онъ потянетъ. И мы, казаки, о томъ отказали, что мы мертвыхъ тѣлъ никого не продаемъ: «возмите вы ихъ даромъ, и впредь мертвыхъ тѣлъ кунить не приходите. Это вамъ изъ Азова-города игрушка первая: только мы, молодцы, ружье свое прочистили. Не дорого намъ золото ваше, дорога намъ честь и слава молодецкая. Дадимъ мы про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ бесурманской! Турки же слова-то слышать, что имъ приступомъ Азова не взять; — и учали всѣмъ войскомъ своимъ гору рыть, и *ворыли*¹⁾ гору многимъ выше Азова-города, и хотятъ тою горою засыпать Азовъ городъ и насъ, казаковъ, горькою смертію излутать. — И видимъ мы, казаки, промежь собою: «хорошо намъ, казакамъ, всѣмъ умирать въ полѣ, а не въ ямахъ. Помолимся мы, казаки, всемилостивому Спасу да Іоанну Предтечу и Николы чудотворцу!» И пошли изъ Азова-города вонъ и глагола другъ другу: «Умирать ли намъ или не умирать на полѣ?» И какъ мы взошли на ту высокую гору, и увидѣли насъ турки, что мы на нихъ идемъ, и закричали мы, казаки, единогласно: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» И какъ турки то слово услышали изъ устъ нашихъ, тогда побѣжали отъ той горы; а мы тутъ побили у нихъ многія тысячи, да взяли у нихъ 40 бочекъ пороху да 60 знаменъ походныхъ, и подкоповъ разрыли нѣсколько, и въ той горѣ одинъ подкопъ зажгли: и бросило ту гору на ихъ таборы; а мы возвратились въ Азовъ-городъ. И видимъ мы, казаки, что стоитъ надъ нами, казаками, милость Божія. И видятъ турки и вымысленники, что не взять Азова-города, и стали думать, и придумали (*сочетъ*), что имъ другую гору рыть. И когда стали рыть всѣмъ войскомъ своимъ, и въ 3 дня *ворыли*²⁾ многимъ *выше* Азова-города; и поставили оны на той горы весь свой турецкій снарядъ и все свое войско, и учали стрѣлять по городу изъ всего снаряду, и стрѣляли 20 дней *безотменно*. И разбили всю стѣну Азовскую до земли, только осталась церковь Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца. А мы въ то время подѣлали покои земляные, подкопы въ полѣ отводны. А послѣ стрѣльбы они, турки, удумали, что намъ покою какъ

1) Рыть, значить на оловячкомъ подрѣчи бросать; *ворыть гору* накладывать, насыпать гору.

2) Въ оригинал. ошибочно *ворыли*.

во дни, такъ и въ ночи, покоя не дать; и учили оны пристунать безотступно, и хотять насъ прямымъ боемъ взяти: днемъ приступаетъ 10,000, а въ ночи приступаетъ другое 10,000. Уже они приступъ чинять 14 дней толико же нощей, и бой чинять съ перемѣною; а мы стали быть люди одинакіе, и дружина наша малая. И видимъ мы, казаки, смерть подъ собою горькую, что ста ихъ войско нечестивое. И собралися мы, бѣдные, къ Предтечеву и Николину образу, и стали мы умильно плакати: «Свѣтъ, государь Іоаннъ Предтеча и Никола Чидотворецъ! Чѣмъ мы васъ прогнѣвали? Вы намъ велѣли брать Азовъ городъ, и мы по вашимъ словамъ и велѣніямъ разорили гнѣздо змѣиное, искоренили христіанскихъ душегубцевъ; а вы насъ выдаете роду невѣрному, басурманамъ проклятымъ и смраднымъ *іеманомъ*¹⁾. Стоимъ мы, бѣдные, за вѣру христіанскую». И стали прощаться: «Простите насъ, казаковъ, государь царь, великій князь Михайла Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и простите насъ патріархи вселенскіе, простите насъ всѣ православные христіане! Простите насъ моря синія и поля чистые, что мы, бѣдные, умираемъ въ пустыняхъ: уже у насъ не служатъ скорыя наши ноги, и отъ пороку не можемъ слова молвить». А до того несли мы постъ великъ и чистоту телѣсную. И турки у насъ спрашивали почасту: «Что у васъ выѣзжаютъ два юноша молодые и сѣкутъ нашихъ турокъ на поля?» И мы имъ сказали, что то - де наши воеводы. А на первомъ приступѣ многіе изъ насъ искусные люди видѣли: у Предтечева образа слезы испускали. И мы то вѣдаемъ, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ искушенія мы, казаки, подняли честныя иконы на руки свои и пошли на прямой бой и на *поле*²⁾ умирать. И какъ вышли изъ Азова - города на турокъ, и турки побѣжали отъ горы. А мы на томъ бою побили 7000 человекъ, а пушки и весь снарядъ загвоздили и покинули на той же горы, и воротились мы опять въ Азовъ городъ. И видимъ мы, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ того приступа три дни къ намъ турки ко Азову не приходили; а мы въ то время отъ великаго труда отдохнули; а на четвертый день прислали турки толмачей своихъ. Толмачи-жъ пришедъ кликали насъ на сговоръ; а мы

1) т. е. демонамъ.

2) Въ оргин. *поля*.

не можемъ и рѣчи говорить: головы наши не служатъ. Толмачи-жъ стали кидать на стрѣлахъ къ намъ ерлыки; а въ тѣхъ письмахъ пишутъ, чтобъ мы, казаки, отдали имъ, туркамъ, мѣсто Азовское и взяли-бъ на всякаго молодца по 300 златницъ; а насъ со всѣмъ животомъ отпускаютъ на тихій Донъ. И мы, казаки, ихъ въ томъ отказали: «Не дорого намъ ваше злато, дорога слава молодецкая. Дадимъ мы, казаки, про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ басурманской. Не на то мы въ Азовѣ сѣли, чтобъ вамъ, собакамъ, мѣсто Азовское опять выдать. Потомъ къ намъ не приходите на сговоръ: вѣдаемъ мы, что вамъ, собакамъ, всѣмъ отъ нашихъ рукъ побитымъ быть». Тогда толмачи прочъ помнили. И послѣ того, спустя съ день времени, видимъ мы, казаки, по валу два мужа ходящихъ въ бѣлыхъ ризахъ, сѣдинами украшены, а съ ними жена въ бѣлыхъ ризахъ; а мы мнимъ быть Іоанну Предтечу и Николы Чудотворцу и пречистой Богородицы. А говорить они намъ, что де ¹⁾ турки побѣждали и крымскій ханъ, и насъ, *казаковъ*, за ними ²⁾ посылали. И мы кинулись на ихъ таборы: турки бѣгутъ, бѣгутъ многими дорогами. И мы ихъ поймали и стали ихъ пытать и спрашивать: «Отчего ваши турки бѣгаютъ многими путемъ?» И они намъ сказали: «Что де отъ сильнаго вашего Московскаго царства выставала грозная туча; и изъ той тучи выѣзжали 2 младые юноша и сѣкли нашихъ турокъ на поля». А по томъ мы, казаки, подняли мѣстные иконы Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца, и сами пошли на свой тихій Донъ, Азовское мѣсто оставили. А на Дону построили мы монастырь во имя Іоанна Предтечи да Николы Чудотворца. И въ той обители поставили мы атамана игуменомъ, и въ той же обители скончалъ ³⁾ жизнь свою. А по томъ намъ, казакамъ, память вѣчная; а туркамъ укоризна вѣчная.

(Изъ стар. рукописи, въ которой есть и лѣтописные отрывки.)

1) Въ ориг. *иде*.

2) Въ ориг. *казакамъ за нами*.

3) Въ ориг. *скончалъ*.

3. ГИСТОРІЯ

О АЗОВСКОМЪ ВЪЯТІИ ПО ОСАДНОМЪ СЪДЕНІИ ОТЪ ТУРОКАГО ЦАРЯ АБРАГІМА ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ АТАМАНА НАУМА ВАСИЛЬЕВИЧА И ЕСАУЛА ИВАНА ЗЫБИНА СЪ ТОВАРИЩАМИ
1635 года.

Въ лѣто благочестиваго государя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи самодержца, собравшеся военное, великое количество, разныхъ сторонъ и городовъ, 500 человекъ, на тихомъ Донѣ, атаманъ у нихъ былъ родомъ Нижняго Нова-города, что на Волгѣ рѣкѣ. И въ нѣкое время Азовскій паша, по нашему воевода, изъ турецкихъ бояръ, отдаде въ замужество дочь свою за крымскаго хана, и нагрузилъ 4 бусы живота, и дочь свою съ симъ животомъ отпустилъ ~~одомъ~~ по Донѣ въ городъ Крымъ къ хану. въ провожатые съ ней послалъ 700 человекъ. Въ то время услышали на Донѣ казаки, атаманъ съ товарищами, нача мыслити, какъ бы невѣсту крымскаго хана вполонъ взять и живота нажить. Сдѣлали струги легкія, есаулскія, собрались во единой кругъ и начали молитися святымъ образамъ Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу и просить о совершеніи дѣла своего. И по молитвѣ собрашася казаковъ 400 человекъ, пошли въ путь; а оставили на Донѣ 100 человекъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія. Струги своя на себя взлегоша, шли до моря недѣлю и два дня, и пришедъ стапа въ камышникѣ тайно, и стояша пять дней, и не стапа у нихъ пищи, и отпусти атаманъ казакъ 10 человекъ въ степь, убить какихъ нибудь звѣрей на съѣденіе. Тогда казаки въ степи нашли двухъ татаръ, а кони у нихъ привязаны. Они взяша и приведоша ко атаману. Тогда атаманъ спросилъ татаръ: «Куда идете и откуда?» татары сказали: — «Идемъ отъ города Азова, для звѣринаго промыслу». — «А гдѣ же плывутъ паши вашего бусы?». Они рекоша: — «Завтра будутъ здѣсь. — И пакы вопроси: «Много ли живота на бусахъ?» Ответиша ему: — «Живота многое множество и провожатыхъ 700 человекъ». — И повелѣ атаманъ съ татаръ главы срубить. Въ 3-й день изготовиша казаки своя легкія суда и сами вооружились,

ожидали бусовъ. И въ половину дня плывутъ бусы. Они же сѣдше въ легкія суда свои, и плыша на нихъ прямо и вскочивша на бусы, татаръ всѣхъ порубиша, 700 человекъ, и, приставиша бусы къ берегу, выгрузили они животъ. И запретилъ атаманъ всѣмъ казакамъ, чтобы съ пашевою дочерью никто не сдѣлалъ безчестія и насилія, чаяше отъ паши турецкаго выкупу дочери скоро быть. И посла двухъ казаковъ на Донъ пригнать 300 коней. Казаки на Донъ пріѣхали, объявили, что помощію крестителя Господня и Предтечи Іоанна и Николая Чудотворца, поручилъ Богъ взять 4 буса съ дочерью паши, нѣсколько дѣвицъ и живота. Услыша казаки, прославиша Бога и угодниковъ Его. И скоро *своими* (?) пріѣхаша животы, дѣвицъ и дочь на Донъ приведоша, и на Дону весь животъ разделиша.

Услыша о томъ Азовскій паша, что дочь его съ 25 дѣвками, 4 буса и животъ, казаками взятъ, послаша на выкупъ золота, серебра, жемчуга, на 10,000 рублей. Казаки на выкупъ отдали и послали въ Астрахань весь турецкой животъ смѣнять на русскій товаръ, и привезоша оттуда на 30,000. И казаки отъ той татарской свадьбы обогатѣли и написали два образа (великія) во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца, и поставиша въ часовнѣ, и собралися во единый кругъ, и нача совѣтовать, какъ бы имъ Азовъ градъ взять: «Атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Ѳеодоровичъ! Сдѣлаемъ 130 телѣгъ, положимъ товаровъ по малу числу, а въ 30 телѣгъ посадимъ казаки по 4 человекъ съ ружьями и съ русскимъ товаромъ». И похвалиша совѣтъ казаки, и рекоша: «Все да будетъ тако».

И сдѣлаша 30 телѣгъ и положили по 4 человекъ казановъ и по малу русскихъ товаровъ, и рекоша вси: «Помощію Божіею и молитвами Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца». И рекоша: «Или возмемъ Азовъ городъ, или въ немъ останемся». И начали молитвовать, а потомъ взяша честныя иконы и шли до казачинника и, не доходя за день до Азова, становились и зачали думать. И печалится атаманъ, видя ихъ печальныхъ, и рече: «Не думайте: завтра намъ Богъ поможетъ взять Азовъ городъ». И повелѣлъ лечь въ телѣги по 4 казака, со оружіемъ: «И какъ будетъ время, будьте готовы». Увезоша ихъ съ товарами всякими, приставилъ къ телѣгѣ по человеку, а 300 человекъ убралъ въ нежидкое купечское платье. — И написалъ листъ къ Азовскому па-

пшѣ. Въ листѣ пишеть: «Изъ Астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ;» и казаки другими именами названы; о товарѣ нѣсколь-ко тысячъ выписъ объявили; таможенный отпущекъ за печатью атамана руку приложилъ; и противъ того точную копію написалъ. И въ самую полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову, и стрѣтили ихъ 6 человекъ татаръ, спросили: «куда ѣдете, откуда и съ чѣмъ?» Они сказали: — «Изъ Астрахани, купцы съ товарами, ѣдемъ въ Азовъ-городъ». — И повелѣ атаманъ всему обозу остановиться, и дана тѣмъ людямъ по 3 бѣлки. Тогда оные взяша бѣлки, поѣхали въ Азовъ, объявиша Пашѣ, что ѣхавшимъ намъ на ловлю, встретился великой обозъ русскихъ людей, до 100 или болѣе воевъ, называются изъ Астраханскаго царства торговые люди, а товары у нихъ русскіе, и на нашу руку есть; а сказываютъ въ Азовъ везутъ. Паша, слыша отъ своихъ татаръ про торговыхъ людей, послалъ 8 человекъ осмотрѣть товаръ, и татаръ, прѣѣхавшимъ казакамъ, велѣли стать къ городской стѣнѣ, и вопросиша: «Какіе люди и откуда?» Казаки сказа, что люди торговые изъ Астрахани. Потомъ спросиша: «Есть ли у васъ письмо отъ вашего воеводы, и какой у васъ товаръ продать?» Тогда атаманъ велѣлъ развязать 10 воевъ, отырыша товаръ: котлы, порокъ, сивецъ, укладъ, холстъ, сукна добрыя, соболы, лисицы, бѣлки. Видѣша турки и татаръ, и вопросиша: «Во всѣхъ ли возахъ такой товаръ?» атаманъ рече: — «Въ двухъ возахъ есть такой товаръ: пашѣ вашему и коменданту подарки; развязать же ихъ теперь нельзя, а завтра сами принесемъ. — И подариша смотрителямъ по лисицѣ, а турокъ по 6 паръ бѣлокъ. Тогда они все поведа подробно пашѣ, и вопроси паша: «Есть ли у нихъ листъ отъ тамошнего воеводы, и по какой цѣнѣ такіе товары продаются?» Турки отвѣща: — «Завтра сами вашему величеству принесутъ и драгіе для васъ подарки въ возахъ: намъ не развязываютъ. — Паша, слыша, что у нихъ есть драгіе подарки, и скоро торговыхъ людей велѣлъ въ городъ пустить. Турки и татары показаша пашѣ, что торговые люди подарили имъ по одной лисицѣ. Паша, видя подарки цѣною по 5 рублей, и мысля: «А меня де подарятъ завтра драгими подарками». Казаки на захожденіи солнца въѣхавша въ Азовъ-градъ, и заставляша ихъ турки носить товары въ лавки, Казаки рекоста: «Просишь до утрѣ: товары

осмотримъ, пропишемъ, иной просушимъ: тогда въ лавку сносимъ.» И начаша варити яству, и придоша отъ паши, и рекоша: «Пондите, хозяева, къ нашему папѣ, съ писменнымъ видомъ. Атаманъ съ лутшими 4 человекъ, пришедъ къ папѣ, поклонися и даша листъ. Папа принялъ, распечатавъ, прочелъ и спросилъ: «Есть ли тамошняя выпись?» Атаманъ выпись показавъ, сколько товару, на сколько тысячъ. Посмотря выпись, отдалъ торговымъ людямъ, а листъ къ себѣ взялъ. Тогда атаманъ вынулъ изъ мѣшка три сороки соболей, подарилъ папу. Папа принялъ и честь имъ отдалъ, отпустилъ ихъ до утра. И какъ вышелъ атаманъ съ товарищи и рече слугѣ нашеву: «Завтра принесу къ нему драгіе подарки: чтобъ у воевъ нашихъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего града не боимся». Слуга же о семъ возвѣсти папѣ. Тогда папа повелѣлъ у торговыхъ людей караула стояти. Казаки же, сваря яствы и нача ясти, и по съѣденіи затворили врата на запоръ, — и мало казаки приумолкнули, потомъ велѣлъ атаманъ развязывать, и выпустили изъ телегъ 400 человекъ. И начали ясти, и по яденіи созва атаманъ во единой кругъ, и рече имъ: «Какъ изъ гостиняго двора выйдите и нарозно разыдетесь, и ни которая часть назадъ не отступать и не выдавать». А самъ атаманъ пошелъ къ папѣ ко двору и другія мѣста, и у воевъ оставили чернаго попа, Серапіона, да съ нимъ 10 человекъ казаковъ, дабы молились Богу и угодишамъ Его Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу. И какъ понли съ гостиняго двора и закричали громкимъ гласомъ, и почали на караулахъ рубить турокъ и татаръ, и расставили къ вратамъ свои караулы, а атаманъ у паши главу своею рукою ссѣкъ. А какъ услышали турки и татары голосъ русскихъ людей, вышедше изъ дворовъ своихъ безоружны, а иные же съ ружьями, — казаки же рубятъ и колютъ копьями, аки овецъ, и разыдошася по всему Азову и рубили съ полуночи и до бѣла свѣту. И видя турки-татара, что ихъ много убито, прятались, гдѣ кто могъ, но и тутъ сыскивали и побивали, а женщинъ молодыхъ и дѣвокъ въ полонъ брали. И повелѣ атаманъ трупы мертвыя въ море метать; а плѣнныхъ женъ, дѣвокъ и малыхъ ребятъ, собрано числомъ 15000; и жита собрали со всѣхъ домовъ и наклаша великіе груды. И по дѣлену досталось на казака по 2 тысящи рублей и по три человека, по 4 коня. И взявъ съ собою святыхъ иконъ, и неся по-

середѣ града со псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ, и обложили церковь во имя святыхъ Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Атаманъ раздаде казакамъ дома и начаши жити и Бога молити, и создаша церковь деревянную. И послаши казаки отъ воинства трехъ человекъ въ Астрахань, къ архіерею Макарію съ писаніемъ, чтобы далъ имъ архимандрита, попа, діакона бѣлаго на освященіе Божьей церкви. Архимандритъ даде имъ грамоту, діакона, попа, освятить церковь. И многіе казаки на турчанкахъ поженились и въ крещенную вѣру привели. И прославились о семъ въ русскихъ городахъ. Многіе люди приходили къ нимъ, и собралося къ казакамъ въ Азовъ 15,000 человекъ.

И прослыша о томъ царь турецкій Абрагимъ, что Донскіе казаки Азовъ взяли; (собра?) свои великія пашы и старшины, полковники, повѣда имъ, что Азовъ взяли Донскіе казаки и людей въ немъ побили. И нача Абрагимъ думу дати, какъ бы Азовъ взять, а казаковъ вырубить всехъ. И рекоша ему пашу царю Абрагиму, чтобъ казаковъ вырубить, дабы они тебѣ, царю, не смѣялися. Въ лѣто 1140, царь Абрагимъ турецкой посовѣтоваша со своими пашами; повелѣлъ отъ себя указъ послать, во все области, въ 12 земель, къ королямъ и пашамъ, собирать силу скоро. Паша же разослалъ указы, чтобы всякъ съ собою со своею силою шелъ къ царю Абрагиму, понеже хочетъ самъ царь итти на взятіе града Азова. Пашы же и короли собирали силу ровно въ 4 года, и собралося силы въ Царь-градъ къ царю Абрагиму безчисленное множество, а именно: съ турецкимъ царемъ Абрагимомъ разныхъ земель, первые — турки, вторые — египцы, третьи — чернасы, четвертые — серпы, пятые — арапы, шестые — мошаны, седьмые — буданы, осмые — бошняки, девятые — арнауты, десятые — полохи (волохи?), 11-е — мулчаны, 12 — татары. И повеле царь Абрагимъ войску своему выдать денежное жалованье, а потомъ учредить ноки. И пошелъ царь Абрагимъ изъ Царя-града со своею силою на пять городовъ, а впереди шли великія четьре пашы и несли знамя. На одномъ написана персона царя Абрагима турецкаго по атласу бѣлому, златомъ и сребромъ вышиты. И за тѣми пашы шла конница многая, и князья, и бояре, числомъ 5000, въ разномъ одѣяніи украшены златомъ и сребромъ, украшена въ бархатѣ и атласѣ. А за тѣмъ

войскомъ или старіе 100 человекъ. У всякаго пашы было по 900 человекъ; а за нимъ шелъ крымскій царь, старшій, со своей силой, за нимъ идутъ 20 пашей; у всякаго пашы по 1000 человекъ. За ними идутъ 50 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000 человекъ. За нимъ (ними?) идутъ 20 пашей, у всякаго пашы по 9 головъ, у всякой головы по 12000 человекъ; да пѣхоты турецкой 500 полковниковъ, у всякаго пашы въ полку по 2000 человекъ. А за ними идетъ пѣхота арапской земли 200 полковниковъ, у всякаго въ полку по 2000 человекъ; а за ними шло горскихъ черкасовъ 4000 человекъ; а за ними идутъ два полка немѣцкія земли, а въ нихъ 60000 человекъ со всякими огненными снарядами. И не дошедъ царь Абрагимъ, пятаго года за день августа 3 дня, въ обѣдѣ, и сталъ близъ рѣки Сепны, и послалъ скорыхъ гонцовъ къ Азову граду; и гонцы пріѣхали къ Азову, и стали въ полуденную сторону Азова. И какъ казаки гонцовъ увидѣли съ наугольныхъ башенъ и хотѣли по нихъ падать изъ пушекъ; но одинъ казакъ не велѣлъ палить и сказалъ атаману, что живутъ въ полѣ незнакомые люди. Атаманъ послалъ 50 человекъ осмотрѣть, какіе люди въ степи ѣздятъ. Татары же объявили, что ѣдемъ мы къ вамъ: царь турецкій Абрагимъ съ силою смѣлы нѣту велѣлъ вамъ объявить, вытѣти къ встрѣчу: вишность ему принести. И грамоту казакамъ даша. Казаки же сказали: —«Вишности ему не принесемъ, Азовъ не отдадимъ»,—и 7 человекъ убиша, и 3-хъ живыхъ пустили. И пришедъ къ царю Абрагиму, сказали вся бывшая съ ними. Возъярися царь, повелѣлъ въ подъемные бубны бить, и самъ пойдѣ подъ Азовъ со всею силою августа въ 6 день. Не дошедъ Азова за три версты въ полуденную сторону, и заняли тамъ своимъ войскомъ все Азовскіе поля и однимъ часомъ стали люди многи. И отъ силы турецкой, отъ рысканія конскаго, земля подъ Азовомъ подогнулась, а изъ Дону рѣки вода на берегахъ оказалась. Турки поставили полатины многія, и казаки посмотреть съ высоты града: не только конца войска не видать. Задняя сила собиралась въ 2 дни. Въ 3-й день Азовскую степь все палатками, а не прѣтами украсили. Уредили подки, конница выступила, а потоля и пѣхота распустила знамена, нача въ дитавры бить, во всехъ концахъ, и учили со всего снаряду по Азову бить. И отъ стрѣланія на Азовѣ башенные верхи попадали; и крѣпости башенныя порушились. Подобно бытъ тог-

да гровы небесной, молнія и страшный громъ съ небеси, и отъ стрѣльбы ихъ непрестанно стоялъ огонь и дымъ; и бысть тма прегустая, наступило дивно и несказанно ихъ бусурманскій приходъ былъ видѣти и уму человѣческому не постижимо. И становилися отъ Азова за полверсты, и ударили въ бубны и въ трубы, и пошли приступомъ къ Ачакову. Казаки, видѣвъ, вооружилися и стали думу думать, и утвердились Азова не отдавать и не сдаваться на ласковыя турецкія слова. Спусти два дни, пошли турки на приступъ и на передъ два полка нѣмецкіе; за ними шло 12000 въ панцыряхъ и въ кончедалахъ, препоясаны поясы златыми, въ рукахъ турецкія пищали; за ними 20 человѣкъ янычаръ, у всякой головы въ полку по 12000 человѣкъ. Тогда казаки смотря: отъ Дону и синяго моря войскою и солдатскою строй стоитъ; потомъ шла сила крымскаго царя, 12 пашей, у всякаго въ полку по 1000; за ними 500 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000; за ними шла турецкая сила 50 полковниковъ, у всякаго въ полку по 1000 человѣкъ, да полевыхъ 5000 человѣкъ, пушекъ 13000; за нею идетъ арапской земли 20 полковниковъ, у всякаго въ полку по 3000 человѣкъ, да горскихъ черкасовъ 50000... всей (все) силы турецкія. И обступили Азовъ на обѣ стороны. И того-жъ дня на вечерѣ, какъ пришли турки, и прислали подъ городъ двухъ человѣкъ янычаръ съ словомъ отъ царя турецкаго Абрагима: «Казаки вы добрые и храбрые молодцы! Ваша дружина, сосѣди наши ближніе, казачество воинное, войско свирепое, молодежь избранная, люди Божіе, Царя небеснаго! Не кемъ въ пустыни видѣмые, яко орлы царящіе, безъ страху по воздуху летаете, и яко львы свирепые въ пустыняхъ рыскаемые, непостоянные нравы, пустынные жители, разбойники нещадные, несытыя ваши очи, неполныя ваши чрева! Кому приносите вы обиду такую, что на великую десницу, на царя турецкаго, вы богатыри русскіе нарицаетесь. Государь нынѣ васъ можетъ забавить отъ руки сильныя: прогневали вы его, воемъ Салтанское величество, убили вы въ Азовѣ любимаго пашу его и взяли славный Азовъ: тѣмъ вы положили на себя имя зѣриное, прогневали вы его величество, разлучили его съ корабельными пристанищами, не даете проходъ кораблямъ торговымъ. Ожидайте вы царя турецкаго: въ ночь сію выходите и золото несите съ собою, и мы ни тѣмъ васъ не тронемъ. А естли вы сейчасъ

вонъ не выйдете, то сможемъ васъ живыхъ видѣти, и кто васъ, злодѣевъ, можетъ укрытъ отъ руки его: нѣтъ ему равна, ни котораго возраста, только повиненъ единому Богу небесному, и единъ только стражъ гроба Божія, понеже повелѣлъ ему Богъ, отъ всѣхъ царей, великимъ государемъ, царемъ восточнымъ, быть. И турки никогда не боятся вашихъ казаковъ, воровъ и разбойниковъ, а кровь ваша ему недорога. И прислалъ къ вамъ султанъ, чтобы вы добромъ, безъ кровопролитія, помирились. Сдайте намъ Азовъ-градъ и нанишите повинную: царь нашъ проститъ васъ. А ежели вы города не сдадите и повинности не принесете, чрезъ цареву милость, то мы васъ, воровъ и разбойниковъ, помоемъ, аки птицу, въ руки своя, и не будетъ вамъ выручки отъ царя Московскаго. А ежели хотите служить султанскому величеству, принесите главы повинныя, — тогда отпуститъ царь глупость вашу, и пожалуетъ васъ честью великою и обогатитъ богатства множествомъ, учинивъ васъ людьми честными, надѣшетъ платье златотканное, клеймы богатырскіе, и называть васъ станутъ: съ Дону славнаго, тихаго, казаки-богатыри, отъ востоку и до западу, за то, что вы не устрашились и дождались къ себѣ, подъ городъ Азовъ, турецкаго царя сильнаго. И лутше бы вамъ Азовъ сдать, и его не трудить». Казаки, слышавъ, ни мало не устрашились, отвѣщали турецкимъ головамъ: — «Добрѣе ваши рѣчи, да намъ неугодны. Азова мы вамъ не отдадимъ, повинной не пишемъ и силы царя вашего не боимся. Мы живемъ подъ высокою десницею государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи, и готовы мы служить надъ вашими головами своими саблями острыми. Гдѣ вашъ царь, Абрагимъ, умъ дѣвалъ? И вѣдомо вамъ, что съ насъ кафтаны даромъ ни кто не снималъ. А царь Абрагимъ, пришедъ съ нашими турецкими и нѣмецкими людьми, мы люди Божіе, надѣмся на всевышняго Бога и на Матерь его пресвятую Богородицу и святыхъ угодниковъ Его, на всю братію товарищевъ Дону тихова. А царь вашъ, бѣшеная собака,казывается Богомъ вышнимъ въ тѣлахъ: отъ, басурманъ, на Бога обнадежился». Слышавъ янычарскія головы отъ казаковъ досадныя слова, пересташа говорить и пошли во свои полатки и сказаша царю Абрагиму слышанное. Царь же, слышавъ слова досадныя, скричалъ громнымъ голосомъ: «О воры, Донскіе казаки, хвалитесь, мое такое величество и ве-

яное войство саблими вырубить». Послалъ всѣ полки свои, чтобы ирѣнно приступили и сего бы дня Азовъ взяли, а казаковъ бы до единого вырубилъ. И въ 6 часовъ дни итти на приступъ къ Азову, и принесли подѣ городъ лѣстницы, кирки, лопаты, великіе щиты. Потомъ турецкая орда нача перво палить изъ ломовыхъ пушекъ и стрѣлять изъ всего снаряду: казаки, отъ того дѣлу, не видятъ, по которымъ полкамъ валить. И поставивша лѣстницы на стѣны и стали кирками и лопатами разорять стѣну градскую, тогда турки на стѣны многія поскакаша. Казаки, видя турокъ много, единогласно скричали, начали рубить турокъ, и бросать живыхъ со стѣнъ, и лѣстницы ломать, изъ всего снаряда палить: и отъ того ихъ стрѣлянія полки мало отступили, казакамъ отраднѣе стало. Въ одномъ мѣстѣ, подѣ стѣною, турки кирками и обухами стѣну ломають, но казакамъ учинить съ ними нечего. Тогда сдѣлали оцѣнъ и тѣмъ хватали изъ подѣ стѣны турокъ, и нахваташа 250 человекъ. Тогда турки изъ подѣ стѣнъ въ полки свои ушли и объявили царю Абрагиму: и повелѣ царь приступить на ирѣню. И въ 5 часовъ дни начали турки изъ пушекъ, изъ всего снаряду по городу стрѣлять и лѣстницы поставлять, и разбили Никольскую башню до половины, и на ту башню взошли турки и начали побивать казаковъ; и казаки, сразившись крѣпко съ турки, съ башни ихъ побили; знамя взяли и билися до вечера. На закатѣ солнца пошли турки въ таборы, а казаки сосчитали турковъ убитыхъ 2800 человекъ и тѣхъ ихъ въ домъ (Донъ?) пометали, а въ ночь изготовили 64 ломовыя пушки и снарядилъ со снономъ стрѣлъ, ломаными жеребьями и ядрами, полевыхъ пушекъ 70, изрядно зарядили и поставили по всемъ стѣнамъ Азовскимъ. И поимали татара 6 человекъ казаковъ, привелиша предѣ царя. Царь испытыва ихъ, рече: «Скажите, гдѣ сей ночи были?» Они отвѣща: — «Для промысла рыбной ловли». — И повелѣ ихъ испытать, не людей ли ихъ пришли осматривать. И быша ихъ довольно, тогда повѣдаша царю, что 5000 коней, находящихся на островѣ, отсюда 80 верстъ. Тогда, по повелѣнію царя, пригнали кони къ царю, а казаковъ повелѣ царь казнить; но паши упростиша, чтобы казаковъ отдали на размыну турокъ. Тогда царь повелѣ въ трубы играть и въ бубны бить, и, разрядивъ полки свои по чину, и напередъ послали казаковъ 6 человекъ, да 20 турокъ, да размынѣти на тур-

ки казаковъ. И казани со стѣны ренона туркамъ: «Отдайте нашихъ, а мы отдадимъ вашихъ турокъ, и поможемъ рушить вама. Тогда турки ружья пометали, а казаки выжили; своихъ взяли и турокъ увезли въ Азовъ и врата затворили. Турки увидѣли, что ихъ обманули, и начали приступать крѣпко и палица изъ всево орудія непрестанно, а казаки изъ Азова стрѣляютъ и не могутъ за щитами доставать ихъ: турки одолеваху казаковъ. Тогда атаманъ повелѣ женомъ и дѣтямъ варъ варити въ большихъ котлахъ, съ кадомъ лошадинымъ и коровнымъ, и тѣмъ варомъ турокъ варить. И почали изъ домовыхъ пушекъ палить, и видѣли турецкія паша и старшины, что сильныхъ много побили, отомли мало отъ града; повомъ приступили къ стѣнамъ и бились все весъ день съ казаки, а въ 23 часу пошли турки въ таборы свои. И отъ тѣхъ приступовъ градская стѣна разбита во многихъ мѣстахъ, и у казаковъ пороку мало стало. И начали казаки плененныхъ турокъ спрашивать, какъ хотятъ турки Азовъ взять и много ли силы было въ первый разъ. Тогда турки речеши: въ первый день подвели подъ наугельную башню три людопа и поставили по 2 бочки съ порокомъ и со свѣщами. Тогда казаки разрыли стѣну и выкопаша 6 бочекъ, увидѣли, что свѣчи догораютъ. Тогда казаки бочки въ Азовъ вкатили, свѣчи погасили, и пустили подъ башню водяной подводъ и потопили турецкіе лагери и шатры. Видя турки, что вода недоступна, не знаютъ откуда; разсвѣтаючи дню увидя, что изъ подъ наугельной башни. И не было приступу 3 дни, для того, что вода разлилася и ее засыпали землею и равняли мѣсто. Въ четвертую ночь собралось 20 карановъ и нача вромаша у атамана, итобы отпустить ихъ въ турецкое войско, для кражи оружія и знаменъ. Атаманъ заперещая и унимая ихъ, но не могъ удержать. Въ ночи же той пошла изъ града, отъ Дону, камышникомъ и виноюна въ турецкое войско и видѣли турокъ снащихъ, и промодили въ трехъ мѣстахъ стражей; и нача татары окликать, — казаки отвѣща по турецки; и приидоша къ четвертой стражѣ и били турецкаго царя Абрагима, видѣли на караулѣ одного не спяща, и нача турки окликать казаковъ, а они назывались турецкими людьми и захватили платкомъ часовому тому гортанъ, обвѣртена въ коверъ и бросили на сторону. Паша же отъ царя слышаху, велѣли бити тревогу и въ трубы трубить, и раздѣлили войско и пошли на приступъ

къ Азову, и начали съ мудросію приступати, и выкопали близъ Азова шанцы и непрестанно бились три сутки. И было отъ турокъ въ тѣ дни 36 приступовъ, и разбили азовскую стѣну до половины, а силы у турокъ было въ тѣ приступы 4000. На четвертый день турки отступили и пошам. И видя царь Абрагимъ, что Азова не взяли, и велии печалень, и отъ того царь не могъ стоять въ шатрахъ своихъ, дабы того не учинили, что и крымскому царю. И въ полночь царь Абрагимъ вышелъ изъ шатра и дѣлалъ всякому человѣку по три снопа травы камышнику, велѣлъ связывать и обнести вокругъ Азова и зажечь. И загорѣшася велии жарко, и отъ того жара нападе на казакомъ страхъ и трепеть, и бысть отъ того пламя жаръ великъ, и новопостроенная въ Азовѣ церковь сгорѣла. А турки изъ пушекъ начали стрѣлять, и бысть день, аки ночь; казаки же за церковь Божию възъярилися и вышли изъ морю въ собраніи 300 человекъ, съ ружьемъ, кони и саблями, пустилися все водою, и начали турокъ стѣи и каюты; турки же видѣша, а не знаютъ, откуда тѣ люди, яко изъ огня выскочили, и побѣжали въ таборы свои; казаки же многу ихъ убивша, а иныхъ въ полонъ взяша, да отняли 30 бочекъ съ порохомъ, 20 пушекъ и 40 знаменъ, въ полонъ взяша нашихъ—129, старшихъ—190, янычаръ—90 и самого пану, при немъ знамя персоны царя Абрагима турецкаго. И приидоша съ плененными въ Азовъ, а турки въ свои таборы; и начали силы побитой 58000, и написаша имена казаки плененныхъ всѣхъ, и стрѣляша въ таборы турецкіе. Турки, взявъ стрѣлу, принесли къ царю Абрагиму, и прочелъ царь: видя имена своихъ нашихъ старшихъ, прослезился, и на выкупъ послалъ царь съ паннами золота довольное число. И пришли паны къ Азову и начали говорить казакамъ: «Тихова Дону казаки, люди вольные! Милость вамъ и здравіе прислалъ нашъ царь Абрагимъ. Отдайте нашихъ людей; сколько есть, и берите казны за нихъ сколько надобно». Тогда казаки уговорилися за каждаго янычара взять по 60 златыхъ, за пашу по 100, за старшихъ по 300, а за начальнаго пашу, сколько онъ на вѣсь потянетъ, столько и червонныхъ взяша; а изъ людей всѣхъ отдали и почали надъ турками смѣяться, сказавъ: «Подите, турки, царю своему скажите, что у насъ, у казакомъ, первая потѣха съ вами только: лишь мы ружья прочистили. А сколько вамъ подъ Азовомъ не стоять, а Азова города не ваять».

Паши же, пришедъ къ царю Абрагиму, возвѣщаша глаголы ихъ подробно. Тогда царь Абрагимъ зѣло озлился отъ множества потерннн своей силы и повелѣлъ къ себѣ всѣмъ пашамъ на совѣтъ быть. И рече царь: «Како, что сотворимъ симъ ворагъ, донскимъ собакамъ? Азъ бо и самъ царь здѣсь, не могу ни чего сотворить ни: повѣдайте?» Паши же ничего ему отвѣщаху; но единъ, отъ крымскаго царя, рече: «Послушай, царю Абрагиму, моихъ словесъ: повели всему воинству подъ городомъ вагъ великій земляной вести, съ гору великую, и тою землею Азовъ засыпати». Царь же Абрагимъ похвалиша совѣтъ его и подарилъ его драгнми подарками. По утру же, разсвѣтающе дню, августа 11 дня, начали въ полкахъ въ бубны бить, и въ трубы трубить; и тогда турки, не дошедъ Азова, начали землю въ одно мѣсто носить и на-носиша выше Азова. Атаманъ же, видѣвъ сіе дѣло, повелѣлъ изъ подъ стѣны Азова пѣставить съ порохомъ бочки и свѣщи приу-готовить; а сами, видя скорую смерть свою, начали молиться обра-замъ святымъ, дабы Господь Богъ избавилъ отъ скорой смерти: и въ 1 часу ночи взорвало три подкова, и насыпанную гору под-няло на турецкое воинство. То увидѣша казаки изъ Азова и нача-ли турокъ многихъ въ полонъ брать; и побѣжала турецкая кон-ница, не могли казаки противъ турокъ стоять, понеже конница въ доспѣхахъ крѣпкихъ; и ухватили у казаковъ три человека и Есаула Зыбина, увезли въ свои таборы; казаки же гнались за ними и не могли отбить, пришедъ въ Азовъ въ полонъ привезли 500 человекъ. Атаманъ и казаки, все сожалея объ есаулѣ, и ре-коша: «Что уже дѣлать». И когда есаула привели къ царю Абра-гиму, скочилъ онъ съ мѣста и ударилъ его скипетромъ и глагола-ша старинимъ своимъ: «Не волкъ ли сѣрой полевой и не атаманъ ли собачій Донскій». Паши же рекоша, кои были въ плену: — «Сей есть есаулъ. — Тогда царь рече: «Почто вы, воры, наступили на десницу мою великую, — взяли вы Азовъ градъ и побили въ немъ всю силу мою, и добрыхъ головъ погубили, и хощете противу меня устоять, и много пакости въ полкахъ моихъ учинили въ ноч-ное время, убили крымскаго царя, Старчея, и еще же мнѣ посмѣя-лись?» Есаулъ Иванъ Зыбинъ, видя отъ царя смерть предъ собою и рече: — «Великій царь! многая головы нами побиты, и хотя бы и ты самъ попался, то изрубя твое тѣло по частямъ, разбросали бы по чистому полю». — Царь же на сіе разъярися и повелѣ

привести къ хвосту коня свирѣнаго и гоняти почисту полю. И разбѣша тѣло его на части, и привезоша татаринѣ къ Азову и вскричалъ: «Возмите казака своего, — Ивана Зыбина, есаула своего!» Казаки же взяша тѣло есаулово, отдали женѣ его; коня же того убили, а татаринѣ убѣжа въ свои таборы. Жена же есаулова, обмывъ мужа своего, горько плакала съ сыномъ своимъ, упоминая: «Другъ мой, родимый! почто оставилъ меня, сироту, съ двумя дѣтищами? Кто насъ будетъ поить кормить? И если бы ведала смерть твою, и я бы въ замужество не обязалась и не крестилася, и такою бы мнѣ печали не было». Ко утру же турки сосчитали побитой своей (подразум. силы): начали 8000. Августа въ 15 день послалъ царь къ Азову папшей старшихъ своихъ, и съ ними листъ далъ, кой отстрѣнили въ городѣ. Казаки же нача листъ читать, и пишеть: «Войску Дона тихова, Азовскимъ казакамъ, миръ и здравіе! Вѣдомо буди, хочеть турецкій царь со своею силою во свое царство отъѣйти: и вы напишите мировую и пришлите къ царю Абрагиму, а полонъ между нами разбѣняемъ; и что вы побѣли силы многія тысячи, въ томъ мы васъ прощаемъ, и учнемъ жить въ тишинѣ, въ совѣтѣ, и будите сродни наши ближніе». Казаки рекоша: «Дайте намъ до утра подумать: прицлемъ мы вамъ мировую со своими людьми». — По утру же казаки посовѣтоваша, и повелѣ атаманъ полковниковъ всѣхъ побѣти, тѣло ихъ пометаша въ море. И пришедъ отъ царя папша, и начали просить отъ казаковъ мировыя письма, тогда казаки сказана: «Вы хотите насъ, какъ воробьевъ, на мѣкиѣ промануть, Азовъ обманомъ взять. Снажте царю своему, что мировыхъ писемъ не пишемъ, да и миру у насъ не будетъ, и плѣнныхъ на разбѣтъ не отдадимъ, и есть у насъ про ваше войско приготоовлено 400 пушекъ: тотъ у насъ будетъ миръ». И такъ турецкіе папши пондоша со стыдомъ въ таборы свои и сказаша царю Абрагиму. Царь созва всѣхъ папшей начальниковъ и нача поить всякими винами всѣхъ и войско и глагола, чтобы въ сію ночь Азовъ городъ взяли; папши же обѣщався взять головами своими Азовъ. И какъ всѣ напились до-пьяна и заснаша крѣпко, тогда бывшіе у нихъ въ плѣну казаки, развязавшіеся, вышли изъ таборовъ турецкихъ, прибѣжали въ Азовъ и кричали, что мы, казаки, ушли изъ таборовъ; казаки же, услуха ихъ, скоро впустили въ городъ; они же сказа атаману и всѣмъ казакамъ, что въ

сію ночь хотить пристать тихо со всімъ войскомъ, и хващется Азовъ взять, а насъ всѣхъ вырубить. Атаманъ же и казаки слышаху, повелѣ всѣмъ казакамъ съ ружьями по стѣнамъ стоять. Егда же бысть полночь, царь Абрагимъ повелѣ всему войску идти подъ Азовъ; егда же собралися турки и придоша царю, повѣдаша, что положенныя ноцію удюна, турки же реша: Мы, великій царю, по твоему благодарствію, вчера быхомъ пьины и невѣдаемъ, како казаки ушли, а скупа отъ нихъ не взяли; царь же противъсая, велѣлъ стражей смертію казнить и войску на приступъ итти подъ Азовъ, и турки подоша тихо. Казаки стерегоша турокъ; егда усмотрѣли идущихъ ко граду, и начали палить изъ пушекъ. Турки же крѣпко устремилися и хотять Азовъ взять; и поставили къ стѣнамъ лѣстницы, по которымъ турки многіе на стѣну взошли. Увидѣли казаки турокъ на стѣнахъ града со знаменами и казаковъ со стѣнъ сбиваютъ; тогда казаки вскричали и начали турокъ побивати. И Господь Богъ помогая имъ, и на стѣнахъ градскихъ многое число побилъ молитвами Чудотворца, и день и ночь бышася. И бысть въ тѣ сутки отъ турокъ 43 приступа; и не могли Азова взять, и подоша въ таборы своя и сосчитали силы убитыхъ 90,000, и слышавъ то царь, и бысть въ не ушѣ, и созва напой всѣхъ а рече имъ: «Завтра повелѣваю сдѣлать выше Азова земляную гору и на ней поставить весь пушечный снарядъ. И сдѣлаша оную гору и поставиша на ней весь пушечный снарядъ. Тогда турки начали палить съ того землянаго валу въ городъ изъ пушекъ безпрестанно, — и производиша пальбу 6 дней и 8 ноцей, а стѣны азовской до половины разрушили. Казаки, видѣвъ отъ турокъ сильное нападеніе, и начали дѣлать для защиты земляные шанцы и спрятались въ нихъ съ женами и дѣтьми. Турки же въ городъ стрѣляютъ попеременно, одни днемъ, а другіе ноцію. Видитъ казачество, что смерть приводитъ, понеже всѣ казаки притомашася, а другіе ранены, и начали Господу Богу молиться, и общались, глаголюще: «Аще насъ Господь Богъ избавитъ отъ сей смерти, то мы въ Азовѣ жить не будемъ, и выйдемъ на тихой Донъ Ивановичъ, и поставимъ монастырь во имя Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца». Мало минуло время, начали турки кричать: «О казачество вольное! Кто у васъ выходитъ одинъ, виласы у него дагы, а другой сѣдъ, гонять нашу силу турецкую?» Казаки же отвѣща-

ша: «То наши воеводы и начальники, заступники, гонятъ васъ проклятыхъ». Казаки же видѣша себѣ помощь Божию, заплаче крѣпко бинася, и земли утрудинася, покинуть ружья на сырую землю, и сами начали прощатися. Видѣша жены казакскія, что казаки, пометавъ ружья, прощаются, военлакише, бьющесе о землю, рвущесе плачѣе свое, и бысть въ шаянахъ плачь и вопль великій. Казаки, видѣвъ своихъ плачущихъ и смотряще на дѣтей своихъ, заплакаша отъ горести сердца, нача прощатися: «Прости намъ, православный царь Михайла Ѳеодоровичъ всея Россіи, пресвите митрополиты и архіепископы, архимандриты и игумены и всѣ православные христіаны! Уже намъ по морю синему во легкихъ своихъ стружкахъ не бѣдѣть, въ зеленыхъ дубровахъ не гулять!» Для той казакской печали того же дня воста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество претрасныхъ юношей; и пришедъ дѣва прогна туромъ съ той горы; турки же видѣша, что гонимы быша изъ горы, другъ друга гнаша, и нападе на нихъ страхъ и трепеть, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали сѣчися. И пришедъ пречистая дѣва Богородица къ шатру злочестиваго царя Абрагима, и рече: «Почю, злочестивый царь, людей Божиихъ томниши? Да изыдеши отсель, дождежъ смерть неумертитъ всей странѣ». Видя царь турецкій пречистую Дѣву съ небесными силами со всѣми ангелы и мученики, вострепета, слыша гласъ оный, и отъ того часа дѣва невидима бысть. Тогда царь турецкій Абрагимъ почувствовался, яко отъ сна пробудился, и сядѣ на свой конь и погна съ малыми людьми со всею темною областію въ турецкую землю. — И все его войско смятесе великимъ страхомъ и ужасомъ; и весь свой екипажъ турецкой оставили: и оружіе, и пушечный снарядъ, и побѣжа царь со стыдомъ. Казаки же ничего сего не знають, что пречистая Дѣва Богородица мати Христа Бога нашего, сошедъ съ небеси, съ нею же ангельское воинство, и великій Іоаннъ Предтеча и угодникъ Христовъ Николай Чудотворецъ предсташа намъ, рабамъ грѣшнымъ, довскимъ казакамъ, побѣдиша, прогнаша турецкаго царя Абрагима и окаянную турецкую силу; и ожидая, сидючи казаки въ землянкахъ шатающахъ, страшнаго турецкаго присутствія: сноровъ себѣ смерти, и начали въ разумъ входить и выпедѣ изъ шанцевъ въ новопостроенную гору, и осмотрѣли турокъ, и ни единого не видя, и собравшася вкругъ, пондоша на пору, и видѣша казаки,

силою Господнею и помощію угодниковъ, Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца прогнаны быша турки, сядоша съ горы, вошедъ по степямъ, и видя Азовская степь трупами мертвыхъ тѣлъ наполнена, шатры, пушки и екипажъ весь, и множество коней въ мамлюжскѣ хондаше, тогда весь багажъ и 500 пушекъ и довольно пороху въ Азовъ переправиша, начали молебствовать, потомъ весь турецкій животъ дѣлить. Живота досталось на каждаго человѣка по 25 коней, златыми по 2000, жемчугу, атласу, баркату, шелку, поравну всѣмъ. И стали казаки совѣтовать, и вспоминули прежде свое обѣщаніе, чтобы не жить въ Азовѣ градѣ и ѣхать на тихій Донъ Ивановичъ, и построить тамъ монастырь, и взяша съ собою 800 полковыхъ пушекъ, много казаки 500 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, изъ Азова града, въ 12-й день октября. И созидая казаки, по обѣщанію своему, монастырь честной, во имя Крестителя Господня и Предтечи Іоанна, и угодника Христова Николая Чудотворца, и въ томъ монастырѣ построиша дѣй перкви деревянныя, и чернаго попа, ермонаха Серапіона, поставиша игуменомъ въ этомъ монастырѣ, по своему обѣщанію, пошли 20 казаковъ въ монашескій чинъ. И бысть тамо, на Дону, православная, донская обитель, и начаши казаки обитель распространять и надѣлять хлѣбомъ и солью. Потомъ атаманъ Наумъ Васильевичъ, волное казачество, на тихомъ Дону лѣтъ живота своего 67 годъ съ миромъ ко Господу отдаде душу, и положиши казаки тѣло его во гробѣ честно, въ ново-созданномъ монастырѣ и оставиши пожитки уша поминовенія, въ томъ монастырѣ по дунѣ его. О томъ Всемогущему Богу слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Донскому казачеству, за храбрость молодецкую, похваля во вѣки.

(Со старинной рукописи).

4. О СОЛНЦѢ.

ВѢДОМО БУДИ, КАКО СОТВОРИНО НОВИЗАНТИМЪ ВОИЩЕМЪ.

(Изъ книги Гранографы).

Величество солнца больше ꙗ поприщъ, видимо же мало есть,

появке отъ земли отстоитъ высоко: Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, и Ангеловъ Господнихъ ѿ тысячи, по-вся дни хощаху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы Господни совлекають съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ Господни; а у солнца останутся по три ангела и снабждаютъ солнце. И далъ Богъ ꙗ ангеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда поидетъ солнце отъ востока въ западъ, тогда огненныя птицы нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омакають крылія свои въ водѣ окѣанстей, и кропятъ ими солнце, да не погаснетъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго и тѣмъ птицамъ періе обгорають, и бывають голи, яко оскорбленіи и наги купаются въ окѣанѣ, и обновляются. Того ради и петель пророкъ нарицается, имѣеть подъ крылама своими перо бѣло ижехъ птицъ. И егда солнце на западъ, тогда у петеля по-свербитъ перо, когда же двинутъ ангелы Господни одежду и вѣнецъ отъ престола Господни, тогда пробуждается петель, поднимаетъ глазь свой и плещетъ крылама своими а. проповѣдуетъ мiрови воскресеніе и Ангелъ правдѣ, б. подай светадавецъ Христе и послѣ свѣтъ твой всему мiру. в. Христосъ животъ есть и вся совершаетъ, и такъ петель пѣснеть до свѣта, творца своего величають, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

5. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ, ЦАРИЦѢ, ОКЛЕВЕТАННОЙ МАЧИХОЮ, И ДВУХЪ СЫНОВЬЯХЪ ЕЯ.

Въ этой рукописи начальнаго листа нѣтъ. Въ другой — того же содержанія — начинается такъ: «Бысть въ Палестинскихъ странахъ, въ нѣкоемъ градѣ, великій царь, благочестивъ и славенъ зѣло, имѣюще же у себя матеръ; послѣ же той царь сосла жену благочестиву и славну. Мать царя.»

... не любилъ ея, и мыслалъ всегда, во умѣ своемъ, навести на ню пакость, и печелъся о томъ. По времени же нѣкогдѣ благочестивая та родила чадъ своихъ: два сына близнеца. Царь же зѣло радостенъ бысть, ради рожденія чадъ своихъ — и поставъ иде въ церковь Божию съ вельможи своими; и нача молебная пѣнія свершати Господеву о благополучіи своемъ и о здравіи чадъ своихъ, и моляше Бога, а благодарилъ Его радостно; мати же царева обрѣте тогда подобно время злѣбъ своей, и наученіемъ вражїимъ нача смыслити, да наведетъ на царя пагубу. Привва къ себѣ отъ царевы волаты мужа нѣкоего дѣвородна тѣломъ, и рече ему съ ласканіемъ: «Сотвори вышѣ повѣстное мною, и азъ ти воздамъ честь велию, и сподоблю тя велика сама: только сохрани мною заповѣданная крѣпце». Онъ же рече: — «Что есть, госпоже царице, хотѣніе твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ въ палату къ царицы, идѣже почиваетъ, и возляти съ нею на одрѣ». Онъ же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, ни помыслити на таковое злое: аще царь ушѣсть, что будетъ? Всяко убіетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай! Азъ тя избавлю отъ руки цареvy, и не сотворитъ ти лихотоже зла: вѣси бо яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою: не вѣси, чимъ ты прославию и почту». Онъ же велии отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дѣла. Она же, злая ехидна, вельми нудяше мужа того, и прещаше ему смертію, аще не сотворитъ тако, и многими муками стращаше ему. Онъ же много отрицашеся и убояся, не можаше прещенія преслушати. Давъ ей слово таково сотворити. Она же возставъ скоро и веде его въ палату къ царицы, предстоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступить, и заповѣда имъ, да ничто же глаголють о прикодѣ ея, прещаше имъ муками и смертію. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше по рожденіи младенцевъ: спяше бо крѣпце отъ истомленія и напоенія, и не чаяше прихода ихъ. Мати царева повелѣ ему возлещи къ царицѣ на одрѣ безъ ганцѣ. Онъ же, послушавъ злыя тоя, и завистливый, и лукавый змїи матерѣ цареvy, по повелѣнію ея возлеже къ царицы на одрѣ безъ ганцѣ; а царицы же о семъ не зѣдуши ничтоже, и не разумѣ злохитрства свекры своей крѣпкого ради сна; лукавая же ехидна и злокозненная змїя, мати царева, въ то время изыде отъ царицы изъ палаты, и скоро иде въ церковь не по обычаю, яко же достойтъ. И пришедъ въ церковь не

обычно, возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешься и веселишься о рожденіи чадъ своихъ, и молебная благодарственно совершаеши; а не вѣси того, что твоя лукавая и лъстивая прелюбодѣица царица нынѣ творить: возлежитъ на одрѣ съ работъ твоимъ, и прелюбодѣйствуетъ, якоже обыче преже. И тыя жиденцы рожденныя не твоего зачатія есть, но отъ онаго мужа любима ея, иже нынѣ съ нею веселится, и подобаетъ бо ся ему; а она лъститъ тебѣ по вся дни своими словесы и ласкавыми. Ты же убо, яко простоумецъ, мниши ю вѣрну быти и любезну, мене же, мать свою, презираеши и ноемлеши вѣры рождѣвшей тя. Аще хощеши правду ея и мои глаголы истинно увѣдати, иди скоро въ ложницу и видѣ лукавое твоея жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державѣ твоей: на лице лъститъ и ласкаетъ, аки вѣрна, показуется тиха, благовѣрна, а по злодѣянію своему не токмо быти съ тобою во царствѣ твоёмъ, но ни жити достойна». Царь же, слышавъ сія глаголы отъ матери своей, ужасенъ бывъ, и во измѣненіи, не дождався конца молебнаго гнѣва, скоро поиде изъ церкви съ ближними своими къ царицѣ своей въ полату, и пришедъ внезапно, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ безъ гнѣвъ. Наполнися ярости и ударивъ его мечемъ въ сердце и прободя; рабъ же той велики възревѣвъ и умре. Царице же *сею сею* (?) соннѣи сущи, ничтоже невѣдущи, въскочи во ужасѣ велицѣ и трепетѣ, аще бо можно, дабы въ землю скрылась, да не мощно. Царицу свою повелѣ поврещи въ темницу и съ чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдушу, и много время пребысть въ темницѣ, блюдома и съ чады твердыми стражи по повелѣнію цареву, и нѣтсма нужною пищею. Царь же отъ полаты изыде во иноуѣ печали и страхѣ, бывъ въ недоумѣніи срама ради, и размысливъ въ себѣ: «Что есть се, и како горькое сіе измѣненіе сотвориши?» и много сѣтуя о томъ. По лѣтѣ нѣкоимъ призванъ къ себѣ въ полату бояръ своихъ, и рече имъ: «Что подобаетъ царице сотворити?» Нѣщѣ же отъ нихъ не мнѣша быти такову царицу, но не смѣяху глаголати; рекоша къ царю: «Сердце твое въ руку Божию есть: яко же бо той изволилъ, тако и будетъ». И по прехожденіи времени, повелѣ царь той изыти внѣ града на нѣкое пространное поле и престолъ царскій устроити тамо, и стеною, и сѣдальница властемъ, и вельможамъ, и всему снискити, и купцомъ; и воимъ жителямъ города того; и самъ изыде вооруженъ, и сѣдѣ

на престоли своемъ, и повелѣ молящю быти. Возгласи и рече властямъ, и вельможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя съ царицею моею, понеже велико зло сотвори, и рцыте ми, что подобаетъ сотворити противу зла ея?» Власти же, и бояре, и вси предстоящїи единогласно рекоша: «Божїя воля да будетъ, о царю, и твоя, якоже вѣси и хощещи: мы како можемъ судити господей своихъ». Повѣлѣ же царь ту въскрай народа уготовати огнь велий, и сотвориша скоро и велий зело. Повелѣ же привести и царицу изъ темницы, и съ чады. Посланникъ же скоро шедше втемницу, и обрѣтоша царицу ницъ лежащу предъ образомъ Господнимъ и Богородицы молящюся со слезами, истомленну сущу отъ поста и печали; младенцы же близъ нея бяху. Вземше ю, ведома къ царю, а чады ея несуще. Царица же ведома плакала горько, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси яже суть о мнѣ; вѣси яко ничто же согрѣшихъ, о немъ же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцовъ незлобивыхъ! Вѣси, яко царствїе суть сынове, а не прелюбодейница. Не вѣмъ бо откуда есть нанасть сія на ны, и любимаго ми государя души поврежденной, лютиа ради клеветы сєя». И наки глаголаше царица: «О всемилющая Владычице Мати Бога всѣхъ и нескверная дѣвице! Ты вѣси, госпоже мои, яко не осквернихъ дѣства моего, ни брака царскаго обещастихъ, нынѣ же, что прилучися, не вѣмъ. И приде ми помянутое, поругательное осужденіе, за высокоуміе ли, или кое мое погрѣшеніе мое; а яже глаголють, не повинна есмь, ты вѣси Владычице всѣхъ. Помилуй мя въ часъ сей и младенцевъ сихъ сиротъ, ни откуда имѣющихъ: аще ты не помилуеши, не имамъ кому помолитися». Егда приведоша ю близъ царя, приѣмши младенцы своя на обою руку, поверже предъ ногами царю. Младенцы же оны, осязавше руками младенческими: ва новѣ царя отца своего играюще, понеже второе лѣто быше не рожденїи ихъ. Падѣ же и царица на новѣ царю, горько вопіюще со слезами, глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой; царю праведный, похитилюю нынѣ душою и тѣломъ, а не вѣдущу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже естъ глаголемое о мнѣ, и како приде на мя нанасть смертная и поругательная. Вижду, яко предложитъ ми нынѣ повелѣнный тобою огнь, и въ честную руку твою мечъ, мнѣ же, бѣдной; укорененная смерть. Ей, благій царю мой господи! свидѣтели ми не-

бо и земля, паче же создатель нашъ Богъ. Ими ми вѣру, яко такового зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ моемъ во вся дни живота моего. Вся благая тщахся предъ тобою творити, и сотворихъ по силѣ моей повиновение, и совѣтъ имѣхъ, яко же ты вѣси, яко же подобаетъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благій царю господи мой, и не погуби мене нынѣ смиренныя, погибаемыя напрасно, мать утомленную голодомъ и жаждою истаявшую, и отъ печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы поклонити, и у кого милости попросити, развѣ создателя всѣхъ Бога: во тогѣ бо руку твоею сердце, владыко мой, пречестнѣйшій мой господине! Ей, воистинну живаго на небесѣхъ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко не сотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. Къ тому не имамъ, что глаголити, токмо помилуй мя, и даруй ми животъ; аще ли не возможно, поне младенцевъ сихъ, не злобивыхъ чадъ своихъ, помилуй и не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское сѣмя законное въ нихъ, и мое, бѣдницы, законное рождение, а не прелюбодѣйчища. Всяко извѣститъ ти Свѣдѣй вся, да не будетъ сокрушение сердцу твоему ихъ ради... Остави ихъ жити: не повинни бо суть младенцы». Царь же, слышавъ отъ нея глаголы твоя, и видѣвъ горькія слезы ея и младенцовъ предъ ногами ползающихъ и охапающихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру къ Богу и къ нему, и добродѣтель къ человѣкамъ, и добронравіе, воздержаніе и молитву, и къ нему благій совѣтъ; умилился, испустивъ слезы. Слышавъ же нѣкоихъ отъ бояръ, глаголющихъ между собою тако: «Яко младенцы твоя подобны суть царю, отцу своему. Воистинну клевета и неповинная бѣда царицы есть». Вельможи же и власти горько плачущеся царицы ради, глаголати же несмѣяху на лице, матери его ради. И помолчавъ много, рече царь ко всѣмъ предстоящимъ ту великимъ гласомъ со слезами: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю странницы сей царицы моеѣ, яко злѣ поругася царствію моему? Видѣхъ бо очима моима зло сіе. Имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтельную, а обрѣтеся, его же не чаяхъ. Како имѣти ю хощу предъ очима моима, а самъ видѣхъ таковое зло». Предстоящій же, царскій сигклитъ, и власти, и вельможи и вси бояре махъ чась умолкоша, захлапающеся въ слезахъ, и пакы съ моленіемъ рекоша къ царю, падше преклонившася ницѣ предъ ногами его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати,

только послушай насъ; благой дарю! Отдаждь ей Богу судити, иже рину и правду ея повѣдаеть. Мы вины ея не можемъ помыслити; а что прилучися, всевидящее око исправитъ. Послушай насъ, благой царю, отпусти ю и съ чады малыми младенцы, даруй имъ животъ, яко же ты изволиши, не повели умертвити царицы наша и чадъ своихъ, отпусти ихъ, яко же ты волиши. Понеже единъ Богъ вѣсть всѣхъ человекъ тайная сердца, ожидая обращенія всѣхъ: аще ли согрѣшила царица, то да ся покаеть, аще ли ни, да прославить ю Создатель всея твари, всецѣдный Господь Богъ, и Пресвятая Богородица призрѣть на младенцовъ сихъ, и еже хочетъ, сотворитъ съ ними смерть или животъ; токмо молимъ тя, не оследи насъ, всего царства твоего жителей, горькимъ сѣмъ осужденіемъ, ангели и ты порадуешися въ преищее время, и присѣтитъ Господь Богъ, и извѣстятъ, яже суть о нихъ. Царь же въ размысленіи бывъ и плачаея, и видѣ горькій плачь въ народѣ, и видѣ царицу свою плачущую, и отъ нечисти, и отъ истомленія скончающуюся предъ ногами его, прежде осужденія смертнаго, и младенцовъ поизающихъ, ово къ матери подвизающихъ востати, ово къ нему радости не метуща языкомъ младенческимъ, зря на нихъ, умилися, и повелѣ царицы дати мало брашна, и проводить ю и со младенцами ея въ пусто мѣсто, идеже никто же отъ живущихъ человекъ проходитъ, тамо оставити ихъ повелѣ. Глаголю: «Еже восхощетъ Богъ о нихъ, то и сотворитъ». И тако печаленъ отъиде въ подзаты своя. Мати же его, радующися и веселящися, яко улуи желаніе свое, и исподни волю свою. И тако проводиша мужіе царицу въ пустыню, и со младенцы ея, и обрѣтоша мѣсто, имущее дресова плодовита многа, и оставиша ихъ тамо; она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающихся отъ плодовъ земныхъ, моляще Господа и пречистую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, и плачущися, и рыдаючи горько о разлученіи царства, и поруганіи своемъ, благодаряше Бога и радовашеся, яко оставлена жити съ чады своими. И по нѣкоемъ времени поиде съ мѣста того съ чады своими, и иде не мало дней путемъ своимъ, и обрѣте, при потоце, мѣсто сѣбно, и красно, и плодовито, и назва ту жити. И пребывающую ей, и питающуюся съ чады своими, и въ-когда возжаже опочинуть, и прииде нѣкій звѣрь, зовомый лъвица, и восхити у нея одного младенца и бѣжа; царица, возбужъ, зря несема сына своего лъвицею, отъ страха оцепенѣ. И внезапно

западоша на лъвицу ту птицы величии, хотяху у нея отнати младенца, и тако много брашася съ нею, и прогнаша ю во островъ нѣкій; и тамо уйде въ пещеру, и пребываше ту, и не изыде младенца, испиташе ею, яко же обычай ей бѣ. Царица же она, видя младенца другаго на руку свою, и вельми востенавъ горько со слезами въ жалости сердца глагола: «Боже создателю мой! Паки оставилъ мя еси лютѣ мучиму быти отлученіемъ чада моего, и горькою смертію его уязвихся паки». И поиде во слѣдъ звѣря того, правя путь его многое время, и обрѣте во острови изъ пещеры исходящу лъвицу и съ чадомъ ея, и питающую младенца, и играющую съ нимъ, и тѣшашу его; и порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ время не мало, зря на чадѣ своемъ и на лъвицу, приблизитися же не смѣя, но изъ дали зря. И по многомъ времени отыде царица отъ мѣста того и съ чадомъ своимъ, а унесенное лъвицею возложи Богови во умъ своемъ, и молишеся о снабдѣніи его. И тако многое время скитаяся по пустыни, и възиде на гору високу, и узрѣ градъ велий и возрадовася вельми, слава и благодарствивъ Бога зело, и поиде со тщаніемъ на сторону ту, идѣже градъ, и прииде близъ него и обрѣте человека, идуща по пути, и вопроси его о жителствѣ града того, и во градѣ живутъ ли благочестивіи христіане, а градъ той державы онаго цари мужа ея: уразумѣ бо она о глаголѣ человека того, медалечѣ есть отъ царствующаго града. И поиде она себѣ заблудимуюся и съ чадомъ своимъ, въ пустыни скитающуюся болю двою глѣту, и моляше человека онаго со слезами, дабы повелѣлъ въ дому его поне мало время пребыти. Мужъ же той старъ быше, и благочестивъ, и богобоязливъ, и милостивъ, и искусенъ въ вещехъ, видѣ жену добродѣтельную и въ рѣчехъ разумну и искусну въ бесѣдахъ, и одѣяніе ея, аще и ветху и раздрачно, но честно быше, и разумѣ ея быти не просту жену, и чадѣ ея, младенца, не проста разумѣ быти. Онъ же пріять ю съ радостию, и покаяше ю и чадѣ ея, и велию честь воздая имъ; она же пребываше въ дому его 15 лѣтъ, и изучи сына сына своего божественному писанію, и всякому добродѣтельному навѣщанію и искусству: быше бо и хитра сама божественнымъ книгамъ, и всякому добродѣтельному навѣщанію. Отрокъ же быше; сынъ ея, добродѣтеленъ тѣломъ, и прекрасенъ зело, и разумиченъ, и дарова ему Богъ силу велию. Мати же о

нѣмъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну въ сердцѣ своемъ:

Благочестивый же мужъ той, у него же пребываше царица, видя ю постыщуся и молящуся часто, о всякомъ блазѣ прилежащу, и сына своего тому учащу, и никогда же слыша отъ нея пустошныя глаголы, почиташе же и храняше ю, яко мать, а отрока любяше, яко сына; и сперва бо той мужъ быше воинъ храбръ зѣло, и силенъ, и искусенъ въ ратѣхъ. Имѣаше же въ дому своемъ щитъ, и колчубъ, и шоломъ, и палицу, и копѣе, и вся оружія воинская. Сынъ же тоя царицы ходяше въ храмину ту часто и тѣ dospѣхи на ся возлагая многѣ, и ношаше храбрующи; раба же же того господина видѣша тако творяща, смѣющеся, и по времени нѣцыи отъ нихъ сказаша вся господину своему: онъ же слышавъ, возбрани имъ пакостити ему, и нѣкогда самъ смотря отай храброванія его, и уразумѣ, яко воинъ хоцетъ быти велий, и паче его, и сильнѣе; и благодари Бога о томъ, яко наслѣдникъ хоцетъ быти храбрѣе его и сильнѣе, не позавидѣ, но паче чтяше и радовашеся. По времени же нѣкоемъ, идеже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока ея отецъ, и приде на градъ той и на царство его, царь нѣкій славенъ и силенъ, имѣя рать съ собою велику зѣло, и многи храбры воины и сильни. И стояше подъ градомъ тѣмъ многое время, и прося изъ града храбра мужа, дабы выгѣхалъ и брался съ ними; аще ли ни, то царство предали ему, чая не обрѣтися въ градѣ у нихъ воинъ сильныхъ, противу его храбрыхъ сильниковъ, и прещаше имъ по вся дни люто; живущи же людие во градѣ и самъ царь вельми ужасошася о томъ и убояшася прещенія царя противнаго, не чаяху у себѣ сильныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша такая, и вѣдая яко отецъ его царствуетъ во градѣ томъ, нача молити мать свою, дабы его отпустила съ молитвою и благословила ѣхати ко граду тому, на освобожденіе граду и царству и на отищеніе супостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и возбращаше ему отъ таковаго начинанія, и глаголаше, дабы отложитъ мыслъ ту, еже разлучитися отъ нея, «како, рече, хоцещи возлюбленное мое чадо, на каковое великое дѣло дерзнути, его же ради мнози сильницы отбѣгаютъ страха ради ратнаго, понеже тамо и невинныхъ восхищаетъ смерть, отъ отцевъ и матерей отлучаетъ и рыдаеть (?) и плачь велий наводитъ. А ты мене, чадо мое драгое,

како хоцеша оставити? Не вѣси ли что пострадахъ, и отъ чего во что придохъ, и разлучихся царства и отца твоего, пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего сына моего въ сокрушеніи и болѣзни воспитаннаго, такожде отъ мене злѣ отъята, яко и ты мало распамятствуеша о немъ: увы мнѣ, увы мнѣ! Нынѣ хоцеша мене при старости сиру и убогу оставити безъ утѣшенія». Отрокъ же онъ, слыша отъ матери таковая, съ плачемъ паде на нозѣ ея, моляшеся: «Аще Богъ мене молитвъ ради твоихъ святыхъ спасетъ, вѣруй, паки возвращуся, мати моя, и имамъ тя утѣшити; не въ руку ли божію здѣ и тамо есмь азъ, не можетъ ли тебѣ ради и тамо мя спасти? Токмо благослови мя и молитвуй о мнѣ». Мужъ же той, у него же пребываеа, видя отрока у матери, молящася о отпушеніи, и мать, плачущую о разлученіи, нача ю молити и утѣшати утѣшительными словесы и со слезами, и не вѣдающе тайны ихъ. Глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая! уразумѣхъ бо азъ, яко не проста рода еси ты, но благородная и благочестива, и не проста мужа жена, и что приключися тебѣ и чаду твоему; Богъ вѣсть, мнѣ яко не истинну рекла еси, но ни что же ѿи о семъ. Токмо молю тя, послушай моленія сына твоего, и отпусти его съ миромъ и съ молитвою: вѣруй — святыи ты Богъ въ пустыни толика лѣта отъ звѣрей, и отъ гадовъ, и отъ птицъ, и отъ всякія напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и привелый васъ на мѣсто сіе, не можетъ ли спасти и тамо въ рати суца, и паки возвратити его къ тебѣ и утѣшити тя; а негли имъ свободитъ царство наше, и проженетъ супостатныхъ, и прославитъ имя свое святое на немъ, паче же и тебѣ прославитъ и утѣшитъ». Она же, слышавши таковая, отпусти его съ миромъ и съ молитвою и слезами, сама же остаеа, прилѣжа посту, паче же молитвъ. Отрокъ же онъ паде на нозѣ господину своему о упокоеніи матери его. Мужъ же той обѣщася предъ Богомъ вся исполнити прошеніе его и даде ему всю храбрость ополченія своя и воинскій конь, и тако молиτωавъ обще съ матерію его, отпустиста со слезами, — и тако поѣхавъ ко граду тому. Въ тоже время корабленницы нѣцныи идоху по морю и пристааа ко берегу ко острову оному, идѣже львица пребываетъ, иже унесе сына царева. И испедниа изъ корабля на островъ той, и хождаху по нему плодовъ ради земныхъ, и видѣху слѣдъ звѣринскъ и челоувѣчскъ. И идоша путемъ тѣмъ, и узрѣша пещеру, и приникше,

видяще львицу лежащу, въскрай ея млада юношу добродородна лежаща, и удивишася зѣло, и вельми ужасошася, бѣжаща въ корабль и прочимъ видѣнная повѣдаша. Сущіи же въ корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, собравшеся взявше оружіе, помдоша на островъ той видѣти бывшее; и пришедше близъ вертепа того, и приникше, и видѣша львицу лежащу, и въскрай ея юношу добродородна лежаща нага. Львица же зряше на нихъ тихимъ взоромъ, и обращающа юношу зрѣти на нихъ, яко наказуя. Корабленницы же удивишася, мысляху: «Что се хочеть быти, и како безъ испытанія хощемъ отыти о дивнѣй сей вещи?». И взявше брашно добро и метнуша ко львицы; воставше же юноша и львица и взявше брашно, ядоша взирающе на корабленниковъ; они же метнуша ризу добру, львица же возьмѣ одѣя отрока; они же метнуша и опоясаніе, отрокъ же препоясався, и близъ львицы сѣдѣ. Львица же вставши и пойде изъ пещеры тоя ослабляющися и веселящися, зря на корабленниковъ, образомъ же яко любезнуя; они же ужасошася, отступаша отъ пещеры. Изыде же и юноша въ слѣдъ львицы, и поклоняшеся имъ. Они же приглашающе его къ себѣ, махаяще руками, показующе брашно въ сосудѣхъ. Онъ же приступи к нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ведоша на корабль свой; онъ же не противися имъ, идяше. Львица же въ слѣдъ ихъ идяше. Корабленницы же дску восходную взявше въ корабль, дабы оставити львицу на брезѣ; она же бредущи и вскочи на корабль скоро, корабленницы же ужасошася, бѣжаща во единъ край корабля. Львица же пришедши ко отроку своему и видѣ предъ нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ, и насытився преклоняше главу свою, ласкася тихимъ взоромъ къ корабленнику тѣмъ, придружашеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ, львица же ляже ту на корабли; отрокъ же иде къ корабленнику тѣмъ и возьмѣ единого за руку, не умѣяше глаголати, но немотуя, веде его ко львице, той же з боязнію иде по немъ; отрокъ же повелѣ рукою гладити львицу, она же ласкающися придружающися къ нимъ; корабленницы же удивишася зѣло и тако единъ по единому придружашася ко львице и ко отроку и быша безъ бѣды. И помдоша въ путь свой брегуще отрока и львицу и тѣшаше ихъ. Отрокъ же мало по малу навывая языку ихъ, и наукамъ и искусству, и самъ глаголати начиная. И Божиимъ изволеніемъ придо-

ша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и присташа ко брегу, и идоша во градъ ко царю съ дары своими. Царь же пріять отъ нихъ дары и почти ихъ, печаленъ бо быше нашедшій ради рати на царство его. Корабленницы же повѣдаша цареви, какъ на пути обрѣтоша львицу во островѣ, и съ нею юношу добродородна, и прекрасна зѣло, и разумична, и имѣють ихъ на корабли своемъ. Слышавъ же царь таковая, удивися и повелѣ львицу и юношу привести предъ ся. Корабленницы же шедше приведоша ихъ къ царю. Видѣвъ же царь львицы тоя кротость и взгнаніе ласкательное, и юноши того добродородство, и красоту и искусство, яко многихъ превзыде челоувѣкъ возрастомъ и добротою, удивися, и почте корабленниковъ, и повелѣ львицу въ нѣкоемъ мѣстѣ хранили и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяніе честно, и устрои его пребывати близъ себѣ. Повелѣ же ко львицы приходити часто, да не унываетъ. Юноша же той веселяшеся, навывая языку и искусству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая оружіе нѣташе и крѣпкія доспѣхи на ся возлагаше и храбро хождаше, обрѣтеша паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и сильныхъ, изшелъ бы на брань противу ратныхъ, и повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его къ себѣ и рече ему: «О юноше! Аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополченіе къ ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю: изыди изъ града на отмщеніе ратныхъ и способствуй намъ, аще Богъ подастъ ти помощь, и возвратишися побѣдивъ — здоровъ, азъ ти велю честь учиню. Аще будещи разуменъ и искусенъ въ царскихъ вещехъ, устрою тя въ чину, яко сына». Юноша же поклонися царю глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ! Отпусти мя противу супостатъ и даждь ми оружія воинская вся». Царь же возрадовася и повелѣ ему устроити, яко же хощетъ, и конь, яко же ему угоденъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противу ратныхъ. А львица она услыша отрока того пошествіе изъ града, растерза замки и двери, и изыде изъ храмины, идѣже храмина бѣ. Егда же отрокъ приближися къ супостатомъ и нача сѣщи ихъ безъ жалости, а львица такожь съ нимъ въ купѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ ногты своими страшно. Съ другія же страны тѣхъ ратныхъ полковъ, Божиимъ изволеніемъ онъ царицынъ сынъ, иже съ матерію во градѣ вос-

питанный, въ то время прїѣхавъ и нача сѣщи и побивати противныхъ безъ удержанія, а не вѣдая того, яко братъ его сѣчетъ отъ града, и тако смягошася полцы, и сильніи ихъ ни во что же быша, а прочїи устрашишася, видѣша львицу храбрую, а воины побивающую безъ удержанія, и бѣжати отъ нихъ не могоша. Они же два храбрыя воины юношы невѣдуще другъ друга съѣхашася, и увѣдаша яко за едино храбрують, поклонишася другъ другу глаголюще: «Богъ да поможетъ ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдивше вся воины противныя и храбрыя ни во что же вѣдѣша, и видѣша рать побѣну, и поехала во градъ къ царю заедино, и ко граду ѣдучи другъ друга братомъ назваша, и во единодушїе согласишася. Львица же во слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопроси другаго о львицѣ. Онъ же глагола: «Яко мати ми есть». Царицынъ же сынъ удивися, и внимаше умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей унесенный львицею». Внимая и храня мысль въ сердца своемъ. Егда же слыша царь и вси людїе градстїи пришествїе ихъ и увѣдаша о побѣдѣ на супостаты, царь же повелѣ вельможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града, и почитать ихъ паче прочихъ. Самъ же срѣте во градѣ; юноши же, слѣзше с коней, поклонишася царевѣ; царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ радовалася. И иде въ церковь, юноши жъ держаще единъ подъ десную, а другїй подъ шуицу, идоша въ церковь божїю и сотвориша молебное пѣніе Господу Богу и пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная; сотвори же царь милостыню нищимъ и посѣщенїе темничнымъ. И вси людїе царства того возвеселишася, воздаша хвалу Богу. Львица же она въ то время пребываше въ привратѣ церковнымъ. Царь же повелѣ ввести въ первую храмину и воспитати ю доброю пищею и покоемъ; она же радующися идяше ласкающася к нимъ. Сотвори же царь юношамъ тѣмъ и боляромъ, и властемъ, и вельможамъ радостныя тоя побѣды пиръ великъ и торжество.

Юноша же, иже звѣринескъ сынъ именовашася, почиташе брата своего царицына сына, яко старѣйшаго, понеже бо бяше искусенъ божественному писанїю и речевитъ зѣло, и всякому навывокновенїю хитръ и той на отвѣтъ и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храминѣ на упокоенїи обомъ. И тако многи дни торжество бяше и веселїе въ полатѣ царевѣ

зъ бояры и вельможи, и многими дарми даровъ юношъ тѣхъ почтивъ первыми мѣстами въ сѣданіи и въ хожденіи, и любяше ихъ вельми, яко чадъ своихъ, и моляше Бога, дабы и они любили его, яко отца своего. Видяху бо подоболична юношы тѣя, яко братія, людіе же зряху на царя и на отроковъ тѣхъ, удивляющеся, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовъ сердца к любленію отроковъ тѣхъ. По времени же нѣкоемъ въ торжествѣ на пиrowаніи разблагися сердце царево и вопросы отроковъ тѣхъ, коего града бяху и какова отечества? Юноша же той, иже отъ царицы оная испросися ратоватися съ супостаты, воставъ рече: «Ахъ, благій царю, не вѣмъ, каковъ бѣ отецъ мой, но слышалъ у госпожи моея матери, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живша со отцемъ своимъ, мужемъ своимъ, въ законѣ Божіи въ совершеннѣй любви, и храняста оба союзъ, яко же подобаетъ мужемъ и женамъ благочестивымъ безъ порока. Бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло, и любима бяше отцемъ своимъ царемъ благочестивымъ онѣмъ и почитаема подначальствующими властью, и князи, и вельможи, и всѣми народы добродѣтельнаго ради ея нрава. Имяше же царь той отецъ мой у себе матеръ горду и неблагогородну, завистливу и ненавистну; и тая убо бяше отъ вельможъ и отъ народа презираема за злонаравіе ея; бяше бо и властолюбца, завистуя бо на матеръ мою, яко почитаема паче ея отъ народа бысть и имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матери царицы. И искаша времени да сотворитъ пакость матери моей; и возмерзи ея сыну своему, а моему царю, и народу, и во многое время не возможе обрѣсти вины, всяко злохитръствующи. Егда же Божіимъ изволеніемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно и по времени роди мати наю, мене и другаго близнеца сына царю, и отецъ нашъ ради рожденія радостенъ бысть, иде въ церковь божію молебная гвѣнія совершити. Въ той часъ мати наша по рожденіи наю въ полатѣ почиваше, отъ истомленія и отъ напоенія спяше крѣпко. Мати же же царица окаянная баба наю навожденіемъ вражнимъ отъ зависти умысли, и призва отъ царицы полаты мужа добродѣтна тѣломъ а проста нравомъ, часто предстояща царици, и глагола ему ласковыми словесы злокозньствуя, ово дары обѣщавая, ово смертію претя, и обѣщавая ему сановство велико — принуди его возлещи къ матери моей на одръ безъ ганцъ; а сама въ той часъ

сказа пришедши къ сыну своему, отцу царю нашему, въ церковь и рече ему: «Что ты, царю, радостная твориши торжества рожденія ради чадъ своихъ, а не вѣси того, что лъстивая жена твоа нынѣ творить, въ полатѣ съ предстоящимъ тебѣ мужемъ онѣмъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не отъ твоего сѣмейи есть, но отъ иного мужа прелюбодѣйца, иже нынѣ на одрѣ возлежитъ съ нею. Аще ли не имаша вѣры, иди и виждь!» Отецъ же мой царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣнія, и скоро иде въ полату къ матери моей, и видѣ у нея на одрѣ лежаща служащаго ему, возьмъ мечъ провзе его. Мужъ же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничто же вѣдѣ, возбнувъ отъ крика того ужасеся, не мога что молвити. Отецъ же нашъ царь повелѣ ю и съ нами, чады своими, въ темницу всадити, опечалися вельми, не мня ю такову быти, якоу же обрѣте; вѣдый же добродѣтельное права ея, вѣдая и жестоту матерѣ своея, въскорѣ не умертви матерѣ нашей ни наю; но повелѣ ю в темницы хранити и питати и по мнозѣ времени хотя ю сожещи и съ нами, чады своими, и совѣтомъ царскаго сиклѣта, и пріятель ближнихъ, и моленіемъ властнымъ, не умори наю ни соже, и повелѣ отгѣсти въ нусто матеръ мою и наю, и сотвориша тако. Мати же наю, увѣдавъ о бѣдѣ своей въ темницы сѣдя, и возложъ надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся, и благодарѣ терпѣнне, пребываше въ пустыни плачущи, и питаючи насъ отъ плодовъ земныхъ и отъ сосецъ своихъ, и донде до нѣкоего потока и мѣста добро-плодовита, и пребывая ту не мало время. И нѣкогда возляже оночинути, и въ то время прѣиде на насъ звѣрь лють — лъвица и восхити у нея младенца брата моего и унесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрину идяше, плакашеся вельми, и постиже во островѣ томъ лъвицу въ приморіи и видѣ сына своего, у нея брегома и питаема, зря на него плакашеся, приблизитися же не смѣя, и отиде скитающися по пустыни, возложивъ печаль свою на Бога, и многи дни голодомъ томима и жаждою и зноємъ опалаема, нося же мене съ собою единого. И досвѣхомъ нѣкоего града, изъ него же азъ нынѣ прѣидохъ, слышихъ рать сію, нашедшую на градъ сей. Мати же моя егда прѣиде со мною ко граду тому, обитѣ у нѣкоего мужа благочестива, и нищенюбива, и престарѣла зѣло, и до сего времени, иже мене свободи бранными оружіи». Царь же слышавъ таковая отъ юноши, разумѣ яко быти

ему сыновн его, смятеся утробю, обліяся слезами, и помолчавъ
 вопроши другаго юношу рече: «А ты храбрый юноше, откуда еси
 и какова града и отечества?» Онъ же воставъ рече: Азъ, царю,
 не могу довольно глаголати, понеже не навывковенъ есмь языка
 совершенно вашего, и не вѣмъ, коего града есмь, или отечества;
 но мало распамятствую яко по пустыни ходихъ съ женою нѣкою
 и отрочищемъ другимъ и мнѣхъ, яко мати ми бысть и братъ; но
 мало памятствую, наче же нынѣ отъ словесъ сего юноши вразум-
 ляюся; унесе бо мя лъвица у матери моей, и внесе въ пещеру
 свою, азъ же отъ страха изумихся; и, егда отдохнувъ мало, во-
 стахъ хотѣхъ бѣжати отъ нея, она же охавивъ мя глядяше, лас-
 каляся взирающе ко мнѣ любезно, объемлющи лизаше и не врежа-
 ние мя. Азъ же видѣхъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и
 питаетъ мя, и мнозици по острову оному хождахъ, она же въ
 слѣдъ мене хождаше, и никому не даеше мя вредити, въ нощи же
 ону идохове и почихомъ ту. Лъвица же она питаше мя отъ сосцу
 своею, приношаше же ми и плоды земныя, могущія укрѣплити,
 и тако живъ с нею въ пещерѣ до дне того, егда корабленницы
 ѡни придоша и поемше насъ, и представивша мя предъ тобою,
 пречестѣйшій царю, а много о себѣ ничто же вѣмъ». Царь же,
 слышавъ отъ юноши таковая, смущашеся сердцемъ; князи же и
 людіе слышаху таковая распылахуся сердцы въ любовь к нимъ,
 и зряху бо ихъ, подобочныи бо отцу своему царю, и глаголаху
 молкомъ другъ другу: «Что се хочетъ быти?». И пакы царь
 вопроши перваго юношу, рече: Да гдѣ же нынѣ обитаетъ мати
 твоя? Онъ же рече: «Царю! рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у
 онаго христіюбца благочестиваго мужа; и вѣмъ яко нынѣ ожи-
 даетъ мя по вся часы слезно, понеже скоро обѣщавъ къ ней
 возвратитися. А еще о царѣ своемъ, отцѣ нашемъ, и о царствіи,
 и о сроднищехъ, и о отечествѣ всегда болѣзнуеть слезящи, и о
 дѣтици своемъ плакаше, но о мнѣ веселящися во вся дни, и отъ
 твоя печали и скорби утѣшеніе приимаше мене ради и онаго бла-
 гочестиваго мужа утѣшительныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ
 нынѣ, уменихъ во упокоеніи своемъ при державѣ твоей, наве-
 дохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни слезящи умирати ей,
 не токмо первыхъ ради бѣдъ, но моего ради отпешествія, и не вѣмъ
 жива ли есть нынѣ, или ни отъ таковыя болѣзни и насады». Самъ же глаголю плачася о матери своей. Царь же, слышавъ

отъ обою юношу таковая, вставъ возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленніи мои князи и боляре, и вельможи и весь сиклѣтъ царскій и вси православныя христіане, днесъ радость моя исполнися». И рече къ юношамъ: «Вы есте благородніи юноши». Воистинну есте моя чада возлюбленная законная, и отъ сѣмени моего рожденная, и отъ матери вашей благочестивой и добродѣтельной царицы моей возлюбленной и избранной, а отлучена со благочестивою матерію вашею ненависти ради вражія, завистию бѣсовскою». И падъ на выи ихъ плакася коемуждо довольно, плакашася же князи и боляре и вельможи и народъ радостнымъ плачемъ и возглашаху побѣдная Богови; прмчезе же слово то того часа во весь градъ, и слышаху по торжищамъ и улицамъ велика гласованія радостная. Глагола же царь: «Азъ васъ ради, чада моя, и матере ради вашей и до сего часа скорбя сердцемъ печаловахъ въ царствіи живя и многа благая предъ собою зря богатство безчисленное и главы велики и всѣхъ предстоящихъ съ трепетомъ поклоняющихся, никогда же совершенно возвеселихся, и утроба моя вельми болѣзнуя матере ради вашей и васъ и до сего часа, и иныя себѣ царицы супружницы не пояхъ того ради, но надѣяся на всещедрого Бога милость, и упованіе на него возлагахъ. Имите ми вѣру, Богъ свидѣтель, не осквернихъ себе во дни своя блудомъ, и нынѣ, чада моя возлюбленная, васъ ради возвеселихся душею и сердцемъ». Они же храбрые юноши, слышавше таковая, падше поклонившася царю отцу своему, со слезами и радостію великою обლობызающе нозѣ его, и славяху Бога благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствіи и славѣ велицей, и въ томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствіи томъ радость велика и торжество о обрѣтеніи чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ и о одолѣніи супостатъ. И тогда убо целова царь чадъ своихъ во уста и во главы и поиде съ ними въ церковь Божію, вслѣдствующи князи, и боляре, и весь сиклѣтъ, и народи, и сотвориша молебное благодарственное пѣніе, и учинишася во градѣ томъ звоны велицы и ликования страшна и велика зѣло. И повелѣ царь скорѣ написать грамоту, и преписа своею рукою къ царицы своей умильно, и посла сына своего иже ею воспитаннаго, и даде ему князей и бояръ и сиклѣтъ со мноюю силою и богатствомъ. И тако въ скорѣ поидоша со тщаніемъ; слышано же бысть матери царицы сія, якоже обли-

чися злоба ея, и паче прославися невѣстка ея царица, и противъ ею бысть промыслу ея, и срама ради и зависти не возможе стерпѣти, испивъ зеля лютаго и умре. Царь же проводитъ погребе ея по чину, яко же подобаетъ. Храбрый же царевичъ, юноша, и съ полкомъ своимъ доиде града, идѣ же мати его пребываетъ, вда ей грамоту цареву отца своего и поклонися ей до земли, положи предъ нею дары велики; она же паде на выю его, плакашеся, едва отъ радости не умре. Сказа же ей яко и второй сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ, лютою львицею, нынѣ живъ обрѣтеся въ царствіи своемъ нынѣ у царя, и о побѣдѣ такожь сказа; она же прочте грамоту цареву, и видѣ сына своего, и слыша о другомъ, отдохнувъ наполнися радости великія, и воздаде благодареніе всесильному Богу, поклонися душою и сердцемъ благодарствивъ.

Скоро воста съ сыномъ своимъ идяше къ царствію съ полцы своими съ великою радостію, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у него же пребываше в дому. Егда же услышашу бысть, яко царица близъ есть царства своего, тогда изыде сынъ ея царевичъ, иже звѣринескъ нарицашеся, со священнымъ соборомъ, со кресты и со иконы и съ пѣніемъ—вѣсѣдствующи князи, и бояре, и вельможи, и вси людѣ града того, съ женами и съ дѣтьми среброша ю внѣ града того, съ велию честію и звоны великими, и поведоша ю сынове ея въ церковь Божию. Прииде же и царь въ церковь прежде пришествія ея, и срѣте ю въ перинныхъ дверехъ, приѣмъ ю за десную руку, и веде ю въ церковь Божию. Царь же и царица не могущи стояти отъ жалости великия на ногахъ своихъ, но подѣержимы бяху чады своими и бояры, и тако сотворивше молебное пѣніе и благодарственное торжество: цѣлова ю во уста и поидоста въ полату. Поклонижеся царица цареву, едва пролагола: «Радуйся, царю, и вѣки живи!» царь же подивативъ ю облобыза глаголя: «прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти въ невѣдѣніи согрѣшившаго и оскорбившаго тя неповинну сущу». И сотвориша тогда ирразднество велие, и испроси царица у царя, еже отпустить осужденныхъ на смерть, и темничнымъ разрѣшеніе, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть въ царствіи томъ радость велия зѣло о обрѣтеніи царицы и чадъ ея. Царь же нача жити въ царствіи своемъ съ царицею и съ чады своими въ радости велицей. Паче

же благочестіємъ и добродѣтелию сіяя. Слышано же бысть и во
окрыстныѣмъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози и
данницы сотвориша. Они же пребывающе благочестивно
и благодарствующе и славяще собравшаго ихъ
въ купѣ Создателя своего, вѣсещедраго
Бога въ Троицы славимаго
Отца и Сына и Свята-
го Духа во вѣки
Аминь.

(Изъ старинной рукописи.)

6. СКАЗКА О МУЖИКѢ — ВОИНѢ.

(Пудожскаго уѣзда.)

Мужикъ поѣхалъ рѣпу пахать. И наслѣю на его лошади
много комаровъ, оводовъ, бучней и мухъ. Онъ какъ махнеть
мѣшкомъ, то нѣсколько головъ сразу убьетъ. И говорить мужикъ
самъ себѣ: «Что мнѣ - на рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ
сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой, и пойду въ чистое
поле, и буду воевать». И пошелъ онъ изъ дому въ чистое поле
къ старцу — монаху лука просить. Прийдя къ старцу, спросилъ у
дверей его кельи: «Отче святой, дома ли ты?» — Дома, — отвѣ-
чалъ старикъ. Что тебѣ нужно, мужичокъ? —

«То нуно, что я, съѣхавши рѣпу пахать, нѣсколько головъ
сразу побилъ, то къ тебѣ пришелъ лука просить: хочу идти въ
чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука, отвѣчалъ старецъ; а послушай, я
тебѣ сказку скажу, тогда и лука дамъ. —

«Ну такъ слышай, отче, сказку, когда хочешь сказать;
только лука-то дай».

— Слушай же:

«Насъ было сорокъ братьевъ и все разбойники, а я изъ
нихъ самый меньшой братъ. И не боялся ихъ сорока человекъ,
хоть братья-то мои вдвоемъ — втроемъ меня дюжѣ. Была у насъ

мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили насъ кто по тысячѣ, а кто по двѣ и больше; а у кого подарковъ не случится, тотъ принесетъ намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, ѣдетъ старикъ очень старій на двухъ сѣрыхъ коняхъ: онъ не то чтобъ насъ подарить, такъ не снялъ колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, какъ я, меньшой братъ, былъ у нихъ, большихъ братьевъ, на посылакахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже не повертѣть. — «Воротить его назадъ» — приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старій чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говорить: — Дарить у меня васъ нечѣмъ. — «Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу, братья на старика закричали: «Ахъ ты, старій чортъ! ты не то чтобы подарить насъ, такъ не хотѣлъ колпака прикривить, такъ складывай намъ деньги». — Что, кормилцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ; то вѣдаете вы. — «Ну, старій чортъ, крикнуть братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ. Старикъ стоитъ на своемъ: — у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенекъ; его, пожалуй, подарить, а больше дарить нечѣмъ. — И вдругъ, показавши сгибенекъ, махнулъ въ одну сторону и повалъ въ одного брата, а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону — въ другаго брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилось; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человѣкъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ — сѣлъ на своихъ коней и поѣхалъ, куда ему надо, оставилъ насъ лежучихъ. Я въ это время не смѣлъ даже и пошевелиться, лежа между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣжалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догналъ уже, и лишь

только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отожду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу, и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ остановится, тамъ убить его: наняться въ работники къ кому нибудь и выжидать удобнаго случая, когдабъ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ. Старикъ этотъ пріѣхалъ въ Московское царство и воротить прямо къ дому своему. Кругомъ дома его обнесень высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатые желѣзные. Подѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками ворота, подынулъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже нисколько поднять; а старикъ рукой подиалъ. Отошелъ я и сталъ ходить около воротъ и тына, — перетаптываясь съ мѣста на мѣсто. Старикъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, выпшелъ, подиалъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говоритъ: «Что молодецъ топчешься до позда? хочешь обокрасть, что ли?». — Я, говорю, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куда нибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться. — «А когда не воровать пришелъ, а въ работники наймоваться, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ. —

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! у тебя сказка-то какая длинная! Я послушалъ, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду въ чистое поле полжовать».

— Ничего, ничего, дружюкъ, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебѣ этой не доскажу, — лука не дамъ. — И говоритъ монахъ: —

«Старикъ тотъ провелъ меня въ покои своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ кормить — поить меня и на работу не посылать. Я, говоритъ, нанялъ его въ работники (т. е. меня-то). Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поить, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу что въ мастерской рядомъ съ той комнатою, гдѣ я живу, вѣнь метлой напугъ. Поглядѣлъ туда: а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашетъ

зень; взялъ онъ большой чанъ съ кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говорить мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, столько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами насмѣхаешься. И однимъ пальцемъ тихонько попихнулъ меня, — я пагъ на зень за мертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой опять покой, и оттуда уже самъ не смѣлъ выйти никуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работникъ! ступай за мной». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было наложено всякихъ кушаньевъ и напитковъ много — временно. Въ комнатѣ похаживаетъ молодецъ въ одномъ камзолчикѣ, только мостовники подъ ногами подгибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ? — Да, дитятко, этого работника. «Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говорить молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на насъ. Стали мы ѣсть. Я поѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говорить мнѣ: «Что же ты, работникъ, мало ѣшь? Ёшь больше». Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться, — и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обѣдали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушковыхъ, на которыхъ старикъ около нашей мызы ѣхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другаго сѣсть не могу. Старикъ — хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ. «Ну, говорить, теперь не выладеешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ насъ за ворота. Хозяинъ мой такъ шибко поѣхалъ на сѣрушкѣ своемъ, за которымъ и мой бѣжалъ сѣрушко, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и свѣтъ въ глазахъ потемнѣлъ. Ёхали близко ли — далеко ли, и приѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ. Потомъ раскинулъ бѣлый, полотняный шатеръ, привязалъ лошадей къ столбу, зашелъ въ шатеръ и меня туда взялъ. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, отворить дверь и взять тамъ котелъ, налить въ него воды и сварить кашу пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла я поднять не могъ ворожняго, не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ

молодому хозяину и говорю: «Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла». Хозяинъ и говоритъ: «Одиннадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и всѣ они мнѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить». — Пошелъ самъ, взялъ котелъ, почерпнулъ воды, сварилъ кашу и меня накормилъ. Ложится спать и наказываетъ мнѣ: «Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что ѣдетъ молодецъ на сѣромъ конѣ, и стоя стоимъ, и въ гусли играетъ, и пѣсни поетъ, и пляшетъ, и говоритъ: «Хорошъ молодецъ, да не у мѣста спитъ», — то ты меня не буди; второй разъ пройдетъ тотъ же молодецъ, — не буди; и въ третій разъ пройдетъ, — не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна конѣ, на ворономъ конѣ, тогда меня непременно буди, а если не можешь разбудить, то вотъ этимъ саблемъ бей меня, говоритъ, въ плечу». — Сказалъ и заснул. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ всѣ три раза и приговаривалъ: «хорошъ молодецъ да не у мѣста спитъ». Вотъ ѣдетъ и Татаринъ на ворономъ конѣ. Я сталъ хозяина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: «Поздно-де я разбудилъ». Сталъ сѣдлать коня своего сѣрушка, а мнѣ наказываетъ опять: «Гляди, работникъ! Когда мы съѣдемся и будемъ съѣзжаться первой разъ съ саблями, второй разъ съ палицами, а третій разъ съ копытами, — и если мы падемъ и будемъ лежать, — то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значить въ живыхъ не быть; а чей будетъ кругомъ ходить, тому въ живыхъ быть. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помощь; а если мой конь голову повѣситъ, то ты отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ». Вотъ они съѣхались въ первый разъ, — ударились саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили; съѣхались во второй разъ, — ударились палицами и тоже не ранили другъ друга; съѣхались въ третій разъ, ударились копытами вострыми, копыта ихъ до рукъ пригубились. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватились охабкою, и упали они о землю такъ, что земля сколыбалася, и поганый татаринъ на верхъ палъ, да тутъ они оба заткнулись, а сѣрушко головушку повѣсилъ, а вороноушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: «хозяинъ мой — отецъ этого молодца — убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добыю хозяина». Прикожу къ

нимъ и вижу, что они оба лежать замертво; а сгибенецъ, который отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, разшатавъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусокъ выскочилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ-подъ-низу Татарина, взялъ ножище — кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина, — и пошла съ татарина кровь ручьями: совсѣмъ доубилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: «За что я его ударилъ по лбу?» Я отвѣчалъ ему: «Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ нанялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить, — и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!» — и онъ меня простилъ».

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать».

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ. — И монахъ продолжалъ:

«И говоритъ молодецъ:

«По одиннадцать лѣтъ ѣздилъ я въ поле и не могъ непріателя убить, а на двѣнадцатый годъ чрезъ тебя, работникъ, убилъ его». И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посылалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выспался, обѣдалъ обонхъ сѣрушковъ, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Приѣхали, и старикъ насъ встрѣтилъ и ворота отворилъ, запустилъ насъ во дворъ, отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушковъ убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня по прежнему стали кормить и поить. — Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говоритъ: «Ну, работникъ, пойдемъ за мной». И привелъ меня въ тотъ же покой, гдѣ я первый разъ при отъѣздѣ обѣдалъ. Въ покоѣ дѣвица похаживаетъ, только половиченки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говоритъ отцу своему: «Родитель батюшко! одиннадцать лѣтъ я ѣздила съ непріателемъ воевать и теперь только на двѣнадцатый годъ, пріѣхавши съ этимъ работникомъ, на его счастье, я убила непріателя (въ это время я такъ и остолбенѣлъ), такъ теперь я

за него замужъ выйду: благослови меня!». Я и думаю: «Какая это будетъ мнѣ жена: руку или ногу накинеть, и задавить меня». Я сказалъ тутъ: — А помнишь ли, хозяйнушко, какъ ты на мызѣ-то нашей убилъ сорокъ безъ одного моихъ братьевъ, а я живой между ними палъ и завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться нельзя. — Она и говорить отцу: «Батюшко! Когда я въ полѣ лежала мертвая, то онъ за это твое убійство меня сгибнемъ ударилъ по лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла кусокъ, а чрезъ это, вмѣсто смерти, я получила жизнь, и за его откровенное признаніе его простила и умертвила окончательно Татарина невѣрнаго, то прости его и ты. А если ты, дружокъ, — говоритъ мнѣ, не хочешь по завѣту на мнѣ жениться, то не женись, а ступай по своему обѣщанію; и не хвастайся мной, а, что знаешь, того никому и нигдѣ не рассказывай ни въ Москвѣ и ни въ Вологдѣ». За тѣмъ я отъ нихъ ушелъ въ эту келью и теперь даже отъ нихъ получаю по обѣщанію пищу, обутку и одѣтку, и живу въ уединеніи.

Мужикъ сказалъ старцу монаху: «Ну, отче! сказка теперь у тебя вся?

— Вся, отвѣчалъ ему монахъ.

«Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать — поляковать».

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и, неговоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно драть, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: «Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и полякованье! А лучше поди-ко, да паши рѣпу, да хозяйство веди». Мужикъ, вырвавшись отъ монаха, побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Раниной Горы Филимоновск. вол. Анфима Савельева.)

7. СКАЗКА ОБЪ ОЛЁШЪ ГОЛОПУЗОМЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужичокъ. У этого мужичка былъ сынъ Олѣша. Съ малолѣтства Олѣша у дьячка выучился грамотѣ, а потомъ сдѣлался такой лѣнтяй, что кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и говоритъ отецъ Олѣшѣ: «Пора тебѣ, Олѣша, и къ работѣ привыкать?» — «А что, говоритъ Олѣша: докормите до уса, такъ и буду помогать». Вотъ и усъ у Олѣши пробился. Отецъ и говоритъ опять: «Олѣша! пора тебѣ и пахать». — «А на что пахать, говоритъ Олѣша, пахать? — лучше на печи лежать. Докормили до уса, такъ докормите и до бороды, а тогда ужъ и пахать стану». Выросла и борода, а Олѣша кромѣ печи и свѣта Божьяго не знавалъ. Вотъ отецъ и говоритъ опять: «Ну, пора тебѣ, Олѣша, и за умъ хватиться. — Люди добрые, изъ твоихъ-то товарищей, ужъ нѣкоторые и дѣтокъ имѣютъ, а ты и пахать не умѣешь». Олѣша на другой день и поѣхалъ пахать, а день-то былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ гибель настѣла на его и на лошадей. Онъ и давалъ ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Приѣхалъ домой, ужъ темно было, да и говоритъ отцу: «Ужъ я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотрѣть, да себя показать: у меня сила богатырская — поѣду да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что *и взабомъ* ¹⁾ отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ. Олѣша взялъ косу да топоръ да толокна мешокъ, да на клячу рогожу накинулъ, да сѣлъ и поѣхалъ. У кого-то онъ слышалъ, что богатыри-то ѣздятъ, такъ записочки за собой кидаютъ; — и онъ тоже вынулъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣша».... да и задумался, какую дать себѣ фамилію: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олѣша Голопузой».

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ.

«Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ принялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т. е. мошекъ) и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Написалъ да и бросилъ. Вотъ ѣдетъ за нимъ настоящей богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — Какой это, думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого неслыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что, вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеша Голопузого, взадъ ѣхать не уѣхать и впередъ ѣхать не уѣхать, а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться?» Хорошо, поѣду. А самъ вынулъ доскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ Царство Царя Кощея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ». Вотъ ѣдетъ и скачетъ онъ за Олешей и видитъ, что ѣдетъ такой хухлякъ съ косою да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакать мимо, а Олеша и кричитъ ему: «И потише можешь ѣхать-то!» — Иванъ сынъ Царской подѣхалъ къ Олешѣ и говоритъ: «Ты ли сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олеша: «а многоли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ѣдешь?» «Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ѣду теперь въ царство сильного и могучаго царя Кощея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». — «Ну, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». — А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказаніе, потому что у него конь рвался, а у Олеша кляча еле-еле двигалась.

Вотъ ѣхали они близко ли — далеко ли; низко ли — высоко ли: —

скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ѣдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки; поднялъ и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы три тысячи богатырей избиваю, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — Какъ это, говоритъ Илья Королевичъ (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать не уѣхать, и впередъ ѣхать не уѣхать; а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо, поѣду. — А самъ вынулъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олѣшей. Вотъ слышитъ Олѣша, что скачетъ кто-то, и говоритъ Ивану сыну царскому: «Скажи, чтобы тише ѣхалъ-то». Иванъ сынъ царской остановился и говоритъ: «Тише, тише. Это сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой». Илья Королевичъ подѣхалъ къ Олѣшѣ и говоритъ: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой!» — Здорово, говоритъ Олѣша: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда те-перь ѣдешь?». «Я ѣду, говоритъ Илья королевичъ, въ царство сильнаго и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». — «Ну, говоритъ Олѣша, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣдутъ (да записочки поднимаютъ), близко ли — далеко ли, низко ли — высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. — Вотъ ѣдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ — лежатъ три записочки,

сошелъ съ коня и читаетъ: (на одной) «ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): «ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): «ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой. Я, Олѣша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тѣмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — «Какъ», говоритъ Данило Бѣлой: «Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ еще такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть — поѣду да посмотрю, что это за птица такая». Вотъ слышитъ Олѣша, что кто-то скачетъ, и говоритъ Ильѣ Королевичу: «скажи, чтобы ѣхалъ-то по тише!». Илья Королевичъ остановился и говоритъ: «Тише, тише — это сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой». Данило Бѣлой подъѣхалъ къ Олѣшѣ и говоритъ: «Здравствуй сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой!» — «Здорово, здорово», говоритъ Олѣша: «а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?» — «Я ѣду въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краямъ моря». «Ну, говоритъ Олѣша: намъ такіе люди и надобны, поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣхали близко ли — далеко ли, низко ли — высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — и наконецъ пріѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлополотнянные, выставили на нихъ флаги шелковые, а Олѣша раскинулъ рогозку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ коваемъ пшена бѣлораго, налили сыты медовыя, а Олѣша спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и объѣла,

да богатыри и преклословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличь кликать, а у Царя Кащея дочь просить; а если Царь Кащей имъ откажетъ, такъ грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силою взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велишь?» — «Пусть идетъ меньшей братъ, сказалъ Олѣша. Не прошло и часу, какъ пріѣзжаетъ меньшей братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозитъ на копѣ голову воеводы и говоритъ: «Ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, говорятъ Олѣша: ты достоинъ чести — спасибо!» На другой день они опять выѣхали прежній кличь кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олѣшѣ и говорятъ: «скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой: самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» «Пусть, говоритъ Олѣша, ѣдетъ средній братъ». — Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ пріѣхалъ средній братъ (Илья Королевичъ), привезъ на копѣ голову воеводы и говоритъ: ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ твоимъ ногамъ я привезъ». — «Ну, говоритъ Олѣша: и ты достоинъ чести; — спасибо!». На третій день Царь Кащей вывелъ противъ нихъ всё войско — сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» — «Пусть, говоритъ Олѣша, ѣдетъ старшій братъ». Не успѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ пріѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: «ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, спасибо, говоритъ Олѣша». Вотъ видитъ Царь Кащей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кащеичу, что пріѣхали подъ его царство четыре богатыри, и войско, сколько было въ царствѣ, всё прибили «и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силою взять». Демьянъ-то Кащеичъ былъ 12-ти лѣтъ, а ростомъ 12-ти сажень, а толщиною 6-ть сажень; онъ ѣздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и

могучимъ царемъ Далматомъ. — Царь Далмать и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кащенча, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьянъ Кащенчъ въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорить между собою: «Ну, если самъ Олѣша Голопузой не пойдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть». Однако послушаться не смѣли и пришли къ Олѣшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Кащенча, или изъ насъ кому либо прикажешь?» — А что, развѣ я своей очереди не знаю», говорить Олѣша! Вотъ выѣхалъ Олѣша противъ Демьяна Кащенча съ косою да съ топоромъ и думаетъ: «Однако смерть такъ смерти: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и концы въ воду». А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Кащенча. Вотъ какъ сталъ Олѣша съѣзжаться да и думаетъ: «Дайко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Сдумано — сдѣлано; а Демьянъ-то Кащенчъ думалъ, что это какая либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснулъ. Вотъ Олѣша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣчетъ: дайко взгляну; — взглянулъ, а Демьянъ-то Кащенчъ спитъ. Олѣша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ нилить косою: коса не беретъ, — давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать? — Подошелъ онъ къ Демьяну, а у него мечъ-то закинутъ за спину, да такъ и заснулъ. Вотъ Олѣша (привязалъ) кой-какъ, приподнялъ меча да и спустилъ на шею, а голова-то и покатиалась. Олѣша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ онъ вскарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѣхать къ богатырямъ: посмотреть, а тамъ и мѣсто чисто; поворотился да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащей встрѣтилъ его съ честію и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честію. У Царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честнымъ пиркомъ и за свадебку! Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ Царь Кащей и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотнянныя, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотнянныхъ выкинуть флагъ сѣльнаго царя Далмата! Царь Далмать лишь только услышалъ, что Демьянъ Кащенчъ убитъ, и пошелъ войною

на царя Кащей. Царь Кащей не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличь кликать и царя Кащей на бой вызывать; а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорять, а прекрасную царевну Елену Кашеевну силою возмутъ». Вотъ царь Кащей и говоритъ Олѣшѣ: «Зять мой любезный! ты прибилъ у меня всё войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надежда у меня на тебя: самъ ты защищай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибьешь, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала».

«Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день», думаетъ Олѣша: «однако ужъ двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ, — что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобы скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меньше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлають». Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхалъ Олѣша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то былъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжить — тутъ и улица, а повернетъ — тамъ переулокъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кащей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олѣша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ (т. е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А нашъ сильный и могучій Царь Олѣша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

Я тамъ былъ, мѣдъ и пиво пилъ: пиво - то тепло, по губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Барсовымъ.)

IV.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ И СУЕВѢРЬЯ

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

ЗАОНЕЖСКІЯ ПОВѢРЬЯ.

По вѣрованію Заонежанъ, земля, кромѣ людей, населена не-счѣтнымъ множествомъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, которыхъ нельзя причислить къ благимъ духамъ. Трудно присказать для нихъ общее народное названіе. Замѣчу только, что у нихъ нѣтъ никакой связи съ библейскимъ діаволомъ. Въ представленіи Заонежанъ — человѣконенавистникъ діаволъ самъ по себѣ: это отвлеченное существо, о которомъ, внѣ круга религіозныхъ вѣрованій, они знаютъ лишь изъ особаго рода сказаній; въ жизни же они имѣютъ дѣло съ духами совершенно иного порядка, которые и по природѣ, и по наклонностямъ близки къ человѣку, но только сильнѣе его. Это домовики, лѣсовики, лѣсные старики, водяники, водяныя женщины и т. п. Когда-то эти духи были языческими геміями, иные изъ нихъ принадлежали къ лику боговъ, но, по введеніи христіанства, потеряли свои небесные престолы. Впрочемъ, отнявъ у нихъ тронъ, христіанство не лишило ихъ власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный.

Чтобы какъ нибудь согласить существованіе своихъ пенатовъ съ христіанскими понятіями, народъ сложилъ слѣдующую легенду: «по досюльному окіанъ-морю плавало два гоголя: одинъ бѣлъ гоголь, а другой черенъ гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицину благословенію, Сатана выздынулъ со дна моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а Сатана надѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щильевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ

въ камень и создагъ силы небесныя; ударилъ Сатана въ камень молоткомъ и создагъ свое воинство. И пошла между воинствами великая война: по началу одолѣвала было рать Сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду — водяниками, которые въ домъ — домовиками; иные упали въ бани и сдѣлались баенниками, иные во дворахъ — дворовиками, а иные въ ригахъ — ригачниками».

Кромѣ лѣсовиковъ, водяниковъ и ихъ собратій, есть особое сословіе *нечистой* силы или чертей (*лембоевъ*): имъ подневольны *заклятые*, и съ ними ведутъ дружбу *клохтунны* или *ерестунны*. Черти въ глазахъ народа тоже отличны отъ дьявола: по заонежскому поговорию, «чѣртъ чѣртомъ, а дьяволъ самъ по себѣ». Эта нечистая сила вездѣ водится, но ея любимыя жилища на Ишъ — горахъ и Мянь — горахъ ¹⁾. Тамъ когда-то жили, по народному преданью, двѣ сестры, блины пекли, съ горы на гору перебрасывали. Теперь тамъ живутъ цѣлыя полчища нечистой силы, у нихъ тамъ цѣлыя селы съ переселками и города съ пригородками. Лембои женятся между собою, распложаются, а все имъ мало: дня не проходитъ, чтобъ они не похищали людей, въ особенности дѣтей, которые закланы родителями. Если отецъ или мать скажутъ своему дѣтищу не въ добрый часъ нехорошее слово, напр. «изыми тя», или «унеси тя» — быть ребенку между заклаными ²⁾. Заклятые нужны нечистой силѣ, потому что единственно посредствомъ ихъ она можетъ проникать къ людямъ: забудутъ крещенные перекрестить ѣства, — самой то нечистой силѣ нельзя ихъ стащить, — вотъ и посылаютъ на это дѣло закланыхъ. Воротить закланого можно посредствомъ осинового листа; отъ того и слыветъ у Заонежанъ поговорию, что закланого человѣка отъ дому отдѣляетъ только осинový листь.

«А часто ли у васъ люди попадаютъ къ нечистой силѣ?» спрашивалъ я на Шуй-наволокъ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ Заонежане привели мнѣ десятки примѣровъ и изъ прошедшаго, и изъ

1) Есть горы этого имени по Заонежью, въ Толвуѣ и Кижакъ, и на Пудожскомъ берегу.

2) Слѣдовательно, «нечистая сила» можетъ вредить человѣку только тогда, или, лучше сказать, въ ней является только тогда вредная сила, когда люди сами вызываютъ ее, когда обрекаютъ другъ друга гибели.

недавнихъ дней, насаждали мнѣ случаи, о которыхъ слышали и которые сами видѣли. «Лонисъ (т. е. прошлаго года) въ деревнѣ Боярщинѣ мать проклѣла дочку, — пошла дѣвка по ягоды и не воротилась; а добрые люди видѣли ее потомъ между заклятыми. — Въ деревнѣ Середкѣ мать выбрала мальчика, — и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черезъ два послѣ этого, Леонтій Богдановъ шелъ съ лѣсу и, подходя къ дому, видитъ: на воротахъ что-то копышется: анъ сидитъ на воротахъ младенецъ: «Только бы его снять, да крестъ надѣть; съ рукъ-то бы не взяла нечистая сила». Но пока Леонтій Богдановъ прокладался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду».

На Толвуѣ пропалъ мужъ у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вотъ сжалился надъ нею сусѣдъ и указалъ ей такого колдуна, больше котораго никто не могъ отыскать ея мужа. Стала она просить колдуна о своемъ дѣлѣ, а тотъ и говоритъ ей: «Да что Иванъ-то Васильевичъ тебя ко мнѣ посылаетъ: онъ твоего мужа лучше меня отыскать можетъ». Пала баба въ ноги къ Ивану Васильевичу и упросила его пособить ея горю. Наканунѣ Иванова дня отправились они оба къ Ишъ-горѣ и пришли туда въ полуночную пору. Колдунъ научилъ бабу, что ей нужно дѣлать, и остался самъ внизу, а она поднялась вверхъ на гору, — и видитъ большое село. Была темная ночь, а сталъ бѣлый день; конца нѣту строенію. На улицахъ пляски и играща, разставлены столы, на столахъ ѣствамъ и питьямъ счету нѣтъ ¹⁾. Какъ увидѣли черти чужую женщину, окружили ее со всѣхъ сторонъ и стали у ней выспрашивать: «Зачѣмъ пришла къ нимъ?» — Я-де мужа розыскиваю. — «Ну, говорятъ, ладно, такъ розыскивай: только держи ухо востро». Стали рядами цѣлыя ихъ тысячи: платья у всѣхъ одноличныя, точно съ одного плеча; нельзя ихъ различить одного отъ другаго ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступкѣ. И никакъ бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказъ сусѣда. У всѣхъ платье застегнуто съ лѣвой стороны, и нѣтъ ни кровинки въ лицѣ; а у мужа правая пола сверху, а кровь на щекахъ такъ

1) При этомъ рассказчикъ остановился и пояснилъ мнѣ: «плясали-де и забавлялись черти заклятые, а ѣства и питьеца унесены были отъ крещеныхъ, которые забыли благословиться: такъ нечистая сила унесла неблагословленныхъ, вмѣсто того оставила имъ всякихъ пакостей».

и играет. Какъ указала она мужа, ее честию отпустили съ нимъ домой; и пока они шли до сусѣда, не спускала съ рукъ руки мужа.

Въ досюльные годы въ Заонежѣ жилъ старикъ, и померли у него оба сына. Остался онъ одинъ со старухой, кормился охотой, и была у него собака, ей цѣны нѣтъ. И разъ попался ему встрѣту хорошо убранный человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку и приходи ко мнѣ на Мянъ-гору завтра вечеромъ за расчетомъ». Старикъ собаку отдалъ, а на другой день пошелъ на Мянъ-гору. Идетъ себѣ, да думаетъ: — Здѣсь и дороги никогда не было. — Какъ поднялся на верхъ горы, видитъ большой городъ, и показали ему домъ хорошо убраннаго человѣка. Самого хозяина еще не было дома, но старика напоили, накормили, послали попариться въ баню и дали ему парильщикомъ добраго молодца. Какъ выпарилъ старика молодецъ въ парной банѣ, пальъ ему въ ноги и говоритъ: «Не бери, дѣдушка, за собаку жалованья, а проси меня». — Хорошо, скажетъ, дитятко! — Воротились они тутъ въ палаты; хозяинъ уже дома и спрашиваетъ старика: «Что тебѣ за собаку?» — А не надо мнѣ ни золота, ни серебра. Дай мнѣ этого дороднаго добра молодца; дѣтей у меня нѣту-ти: будетъ онъ мнѣ на мѣсто сына. — «Много ты просишь, старичокъ, да дѣлать нечего: надо дать». И велѣли молодцу надѣть одежду самую лучшую, дали ему хорошую шляпу, сапоги козловые и все исправное; отпустили его со старикомъ и на прощенье дали 500 рублей на его житье. Какъ пришли они на востеру, молодецъ и говоритъ ему: — Отдай, — дѣдушка, деньги старухѣ, а у насъ денегъ будетъ. Ступай ты въ Новгородъ и отыщи на улицѣ Рогатицѣ таковаго-то купца. — И разсказалъ ему тотъ молодецъ, что надо сдѣлать, и что говорить, и отпустилъ въ Новгородъ. Старикъ пришелъ въ Новгородъ, разыскалъ на Рогатицѣ домъ купца и попросился къ нему ночь ночевать. Послѣ ужина сталъ старикъ купца спрашивать: «Было ли у тебя дѣтей?» — Былъ, говоритъ, сынъ, любимое дѣтище, да мать въ сердцахъ выговаривала ему: «Лембой те возьми»; лембой его и унесъ. — «А что дадите, я вамъ его ворочу?» — Гдѣ тебѣ-ка-ва вернуть? Сколько у насъ денегъ было держано, сколько добрыхъ людей прошено, а не могли воротить сыночка. — «Такъ послушайте-же: есть у васъ въ кладовой зеленый сундукъ, въ сундукѣ съ лѣвой руки лежитъ на самомъ днѣ перстень, съ нимъ и найдете сына». Взяли пер-

стенъ и поѣхали въ Заонежье. Признать купецъ дорожня добра молодца за сына и хотѣлъ наградить старика несчетной казной. А сынъ ему говорить: «Старика намъ отпустить не-можно: ты меня породилъ, а онъ мнѣ второй отецъ, изъ лютой неволи вы-свободилъ». И тутъ они стали всё вмѣстѣ жить да быть.

Есть такіе люди, которые знаютъ, какъ обращаться съ нечистой силой. Но знакомство знакомству рознь. Добрые люди ведутъ съ лембоями знакомство на помощь крещенымъ, а худые во вредъ близнему. Злые колдуны и по смерти своей не даютъ покоя крещенымъ и дѣлаются *ерестунами* (иначе *аюштунами*, *кюштунами* или *шюштунами*); они подстерегаютъ минуточку, когда къ сусѣду подойдетъ скорая смеретупка, и только душа разстанется съ тѣломъ, ерестунъ входитъ въ покойника. Тогда въ семействѣ пойдутъ нехорошія дѣла — неподобныя. И такіе есть ерестуны, которые «обвертываются», т. е. принимаютъ на себя чужой ликъ и стараются подобраться въ свою или чужую семью. Живетъ ерестунъ, кажется, какъ надо быть хорошему крестьянину, а смотришь, изъ семейства и изъ деревни станутъ пропадать люди одинъ за другимъ: это ихъ ерестунъ поѣдаетъ. Чтобъ извести обороченнаго колдуна, надо взять плетку отъ коня нелегченнаго и ударить ерестуна на испашку. Тогда онъ съ ногъ долой, и до могилы въ немъ души нѣтъ. А чтобъ онъ опять не ожилъ въ гробу, такъ надо ему вбить осиновый колъ въ спину промежъ самыхъ плечъ.

Въ глѣсахъ живутъ *мѣсныя старики* или *отцы*. Особеннаго зла они не дѣлаютъ людямъ, а только заманиваютъ въ глѣсъ ребятишекъ; держать Богъ вѣсть зачѣмъ при себѣ и Богъ вѣсть чѣмъ кормить. — Ъхали разъ на судѣ мужики и мальчикъ. Мальчинъ и слѣзъ въ бору за нуждою. Звали его — звали, нѣтъ нигдѣ, ни вездѣ. Воротались они домой нерадошны, и не даютъ имъ проходу бабы: не вѣрять, чтобъ мальчикъ пропалъ самъ собой. А пуще всѣхъ горюетъ мать и попрекаетъ мужиковъ, что сына-де утопили. Отыскали они вѣдунюю, и стала она выпкизять мальчина, читаючи ему панихиду, какъ покойнику. Еще не кончила она панихиды пѣть, глядь, а онъ стоитъ на томъ берегу. Мужики не вытерпѣли, сѣли въ лодку и за нимъ; мальчинъ-то опять сгинулъ и долго, долго пропадалъ. Наконецъ нашли его подъ кустомъ: онъ совсѣмъ одичалъ, ничего не говорить, а глаза

горятъ, какъ жаръ, и такъ и бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, — и долго не могъ онъ привыкнуть къ людской молви и къ человѣческой нѣдѣ. — Другой разъ идетъ мужикъ по лѣсу и наткнулся по дорогѣ на мальчика: сидитъ мальчикъ, скорчившись, подъ деревомъ. «Ты съ кѣмъ здѣсь?» — Я, говоритъ, съ отцомъ. — «А кто тебя кормитъ?» — Отецъ. — «А кто твой отецъ?» — Старикъ. — И больше ничего нельзя было добиться отъ мальчика.

Лѣсовикъ или *лѣсъ* — хозяинъ лѣса. Въ обыкновенное время его не видно, а слышнень только хохотъ, да уканье, да плескъ рукъ. Съ виду лѣсъ похожъ на человѣка, только кровь у него темная, и не свѣтлая, какъ у людей ¹⁾, потому его и зовутъ синеобразнымъ. Безъ причины онъ ни за что не тронетъ человѣка: «Онъ-де праведень, не то, что чертъ». Есть у лѣсовиковъ, въ каждой землѣ, какъ и у людей, свои воеводы и свои цари. Надъ русскими лѣсовиками царствуетъ Мусалгъ-лѣсъ. Когда у людей заведется усобица, ведутъ между собою войну и лѣсные: сходятся цѣлыя войска ихъ и звѣрей изъ воюющихъ царствъ и бьются между собою нещадно до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война. Вотъ отъ чего, по замѣчанію крестьянъ, передъ войной всегда бываетъ переселеніе звѣрей.

Если лѣсъ сдѣлаетъ человѣку лихо, тогда надобно его заклясть. Для этого отправляются въ лѣсъ, отыскиваютъ ядину, чтобъ на ней росла рябина, а отъ рябины была бы отростелина. Изъ той рябины вырубаютъ нѣсколько рябиновыхъ батожковъ: вооружившись ими, крестьянинъ начинаетъ выговаривать заклятья, въ которыхъ жалуется Мусалгѣ на праведнаго лѣса: «сдѣлажь мнѣ ниреку лихо, не вѣдаю за что. И ты-де, царь Мусайла, нирека отъ лиха честию избавь, а не то будетъ у меня послана грамотка къ царю въ Москву» ²⁾. Лѣсовикъ и вся его стихійная братія показывается только тогда, когда людямъ предстоитъ что либо чрезвычайное, «когда, по словамъ народа, какая ни на есть бѣда лучится надъ крестьяниномъ».

Идутъ однажды два охотника по лѣсу; подходитъ къ нимъ прохожій добрый молодецъ, и ни съ того, ни съ сего начинаетъ

1) Не всѣ крестьяне такого мнѣнія о наружности лѣсовиковъ. Леонтій Богдановъ положительно заявилъ мнѣ, что лѣсъ съ виду ничѣмъ не отличается отъ человѣка, а «синчаки-то де нечистая сила».

2) Самый текстъ заговора см. въ отдѣлѣ заговоровъ.

разсматривать ихъ ружья. Ругнули было его порядкомъ охотники, да какъ посмотрятъ въ лице, а онъ синеобразенъ, — значить, надо уходить. И ушли они изъ лѣса вонъ ко тихому заводу, зеленому затрясью, и разошлись въ разныя стороны, чтобы стрѣлять дичь. И покажись охотнику, что неподалеку, въ лѣствѣ, притаился тетеревъ; стрѣлилъ онъ въ птицу и слышитъ: кричитъ птица не по птичьему, кричитъ голосомъ человѣческимъ. Подбѣжалъ поближе и видитъ: — стрѣлено у него въ товарища. И выпило, что не передъ добромъ показывался имъ лѣсовикъ.

Лѣсовые могутъ уводить въ свои жилища людей, особенно маленькихъ дѣтей, проклятыхъ родителями. Вотъ довольно любопытный рассказъ одной повивальной бабки о томъ, какъ она у лѣсоваго была принимать дитя.

«Разъ какъ-то нѣчью, говорила она, колонулись мни-ка въ окошко. Я и подумала, цѣ кто-ни зѣветъ бабить. Скорѣнько накинула на себя сарафанишко, а на голову платишко, да и вышла на крыльцѣ. А было дѣло осенью. На улицѣ тма тмуцая, хотъ глазъ выколи. Слышу ѳтъ окна пѣшелъ кто-то. Я и неспросила, кто тутъ, а опустилась съ крыльця и пошла въ слѣдъ. Думаю, цѣ кому-ни изъ деревѣнцевъ понѣдобилась. Не помню ужъ, перекрестилась ли я на походѣ, или нѣтъ. Вѣдакъ мой шѣлъ скѣро; я на силу лѣпсала по грязи. Но слышу — онъ вышелъ ужъ за деревню. Видно, думаю про себя, съ другой деревни кто нибудь ведетъ. А друга деревня поцпѣй вѣзли и была; только не знаю, кѣмъ побытѣемъ я опюдилась за полемъ. Куды, думаю, мѣня повели. Есть и въ тѣй стѣроны деревнишко, но тамъ свѣя бѣбка. Я было остоялась и думала спрѣсить вѣжѣтого, куды онъ вѣдетъ мѣня; но лишь я подумала это, какъ онъ набѣжалъ, да хвѣтилъ мѣня и такъ потащилъ, цѣ у меня нѣги только заливали. Нѣ прошло и минутки, какъ опюдились мы у лѣсовой избушки. Но мника и въ умъ нѣ придетъ, цѣ со мной дѣлается, цѣ-ни не лѣдно, а думаю, видно кака-ни была на работы, да тамъ и прижало съ родамъ. Отворилъ онъ фѣтерку и пихнулъ мѣня туды. Въ фѣтеры горѣла луцинина, а въ углу на зени лежала баба. Не успѣла я и оглянуться, какъ смолилась мника бѣдна баба: скорѣе, бабушка, смѣрѣтушка приходитъ. Я брѣслась на помощь. Потѣрла поясенички, да погладила брюшка, Богъ и рѣспросталъ. Рѣдила пѣренька. Я спрашиваю у рожаници, гдѣ ка бы найтѣ судѣшко ка-

кони, вымытъ младеня. Нѣту, говорить, бабушка, у насъ ничего такого. Сейчасъ принесу, прѣговорилъ гѣлосъ за дверью. Я въ пѣрво услыхала этѣтъ гѣлосъ, онъ показался мника какимъ то страшнымъ. Нѣ прошло и двухъ минутъ, какъ дверь отперлась и тотъ же гѣлосъ прѣговорилъ: нѣ-те воду. Я въ это время помогала рожаницы опиститься. Оглянулась назадъ, вижу у порога стѣитъ подѣйникъ. Я скорѣе взяла ѣго и поднесла къ ѣгню, поглядѣть циста ль вода; но лишь тѣлько взглянула на подѣйникъ, такъ у меня сердѣцко и ѣхнуло: вижу цѣ подѣйницекъ мой. А всетаки нѣ придетъ въ умъ — я не съ крещѣнными, а думаю, цѣ онъ мошѣнникъ, какъ ни стѣпостилъ у меня подѣйникъ, какъ приходилъ за мной. Но не знаю съ цѣго пришло мника въ гѣлову сдѣлать углемъ двѣ цѣртоцки на подѣйники и стѣла мытъ ребѣнька. Вымыла, да и клѣла возли мѣтери, а сама думаю ѣбратъ послѣдъ. И лишь тѣлько лѣдила принятѣся, какъ набѣжалъ въ избу мужицина страшной тѣкой, а глѣза, какъ у разбѣйника, такъ и ходятъ. Нѣ трѣнь, говорить, нецѣго. Я самъ уберу, а тѣби пѣра дѣмой. Потомъ въ ѣдну руку сунулъ мни цѣ то мягкое, цѣ я сряду и кинула нѣ зень, а за другу пѣвелъ мѣня вѣнтъ. Скоро какъ то ѣцюдилися мы у своей дерѣвни. Вѣжакъ мой такъ и згѣнулъ, будто сквѣзь зѣмлю прѣшелъ. У меня такъ дыбомъ вѣлосы и стѣли. Не помню ужъ, какъ я прошла дерѣвню и зашла въ избу. Нѣ досутъ ни ѣгню дуть, ни сарафанишка скидывать, а скорѣе забралась нѣ печь, да сряду и заснула. Проснулась, слышу, ужъ дерѣвенци выпускають корѣвъ. Ой, думаю, набѣ скорѣе дѣнтъ корѣву. Но вдругъ вспомнила, цѣ подѣйника то нѣту; да взглянула на дѣвѣрну лѣвку, ѣжно подѣйникъ стѣитъ на своемъ мѣсти. Я скорѣнько плеснула разъ другой въ глѣза воды, перекрестилась немножко и пошла было дѣнтъ, вышла ужъ въ сѣни, но какъ то взгляну на подѣйникъ, онъ и полетѣлъ съ рукъ. Двѣ цѣртоцки нѣ боку провѣдены углемъ. Ну, думаю, спасъ мѣня Богъ, — въ добромъ же мѣсти я ноцѣсь бабила. Видно я грѣшница вышла нѣ благословясь, да и подѣйникѣ то же пошѣлось, видно, клѣсь нѣ благословясь, а онъ ѣканный, какъ стѣялъ у ѣкна то, такъ по духу и уцѣялъ, цѣ ѣсть въ изѣбы подѣйникъ клѣдѣнтъ нѣ благословясь, а какъ понаѣдобилось судно, такъ онъ и лизнулъ туды. Видно ужъ въ другомъ мѣсти нѣ было примѣчено». По словамъ старухи, женщина эта была прѣклята мужемъ.

Водяникъ — высокій здоровенный мужикъ; съ лица онъ черенъ, голова у него какъ сѣнная копна. Подъ водой у водяниковъ есть цѣлыя царства; въ моряхъ и большихъ озерахъ построены города изъ богатыхъ палатъ; въ малыхъ озерахъ села и «особливья хоромины». Жители этихъ подводныхъ поселеній совсѣмъ не такого незлобиваго характера, какъ лѣсовики. Во первыхъ, они, пользуясь малѣйшей оплошностью, хватаютъ «крещеныхъ» съ лодокъ или во время купанья, особенно дѣвокъ, и топятъ ихъ; во вторыхъ ходятъ къ заклѣтымъ женщинамъ. — Прочитавъ на лицѣ моемъ нѣкоторое сомнѣнiе въ послѣднемъ обстоятельстве, Леонтiй Богдановъ предложилъ, при первой поѣздкѣ по Кижамъ, свезти меня къ одной бабѣ, къ которой и о сию пору похаживаютъ водяники. «Чего, чего не дѣлали сродники», говорилъ онъ: «и заговаривали ее, и вѣдуновъ къ ней водили; — ничто не беретъ: сначала какъ будто полегчаетъ, а немножечко погодя, смотришь, къ ней опять лѣзутъ изъ воды незваные гости». Замѣчу при этомъ, что Заонежане народъ отважный и безпечный, озеро Онежское имъ знакомо вдоль и поперегъ, и, несмотря ни на какую погоду, безстрашно пускаются они на своихъ утлыхъ лодченкахъ въ путь, на разстоянiи 40, 60-ти верстъ и болѣе. Что жъ мудренаго, если и лодки, и люди погибаютъ зачастую. Но съ помощiю водяниковъ несчастное происшествiе объясняется чрезвычайно просто и, главное, не вызываетъ на будущее время болѣе осмотрительности. Утонулъ крестьянинъ, по своей неосторожности, — сусѣды разсуждаютъ: «вѣдь его молъ водяникъ потопилъ», и дѣло рѣшено. «Вотъ ты, Павелъ Николаичъ (говорили мнѣ на Шуйнаволоцкѣ), думаешь, что на водѣ люди погибаютъ больше отъ своей вины; а мы тебѣ заподлинно сказываемъ, что дѣло безъ водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Середку взять: позапрошлымъ лѣтомъ поѣхали въ лодкѣ двѣ дѣвки: одна то на выданьи, а другая то еще не человѣковатая¹⁾. И стала дѣвочка сказки сказывать, какъ подъ водой живутъ водяники въ хрустальныхъ палатахъ. А старшая и говорить: «ишь какъ у нихъ хорошо: хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть на подводное царство». И не было ни вѣтра, ни волны, вдругъ заколебалась вода, и поднялся черный мужикъ, волоса у

1) т. е. еще не такого возраста, въ которомъ можно выйти за мужъ.

него взъерошенные, ухватилъ дѣвку за руку, и, какъ она ни билась, стащилъ ее подъ воду, только ее и видѣли. И все это дѣвочка видѣла своими глазами».

Впрочемъ иногда и съ водяниками у людей завязывается тѣсная дружба. Около Сандаль-озера жилъ безсчастный старикъ со старухой и сыномъ. — И не было имъ ни въ чемъ удачи. Пришла пора женить сына: «набъ (надобы) работнику во дворъ взять; анъ никто изъ сусѣдей не хочетъ отдать дѣвку въ домъ безсчастнаго крестьянина: всякому своего дѣтища жаль. Вотъ одинъ разъ и говоритъ старикъ старухѣ: «пойду-ка я искать невѣсту для сына». — А у кого жъ ты будешь свататься! — «Да хоть у водяника». — Пошелъ онъ изъ дому; а отъ озера вышелъ къ нему дюжій молодецъ и говоритъ: «Ты у насъ свататься задумалъ: невѣста твоему сыну готова хорошая, приданое есть исправное, только ты не мѣшкаючи приѣзжай за ней поѣздомъ». — Пошелъ съ нимъ старикъ по берегу, и объявилась отъ берега дорога прямоѣзжая, гдѣ и вѣкъ ея не было. Шли они шли, пришли къ хрустальнымъ хоромамъ и вошли въ пребогатую палату. Вышелъ къ нимъ старшой водяникъ и дѣвку съ собой вывелъ: хорошая такая дѣвушка, въ богатомъ снарядѣ, въ золотыхъ монетахъ, въ жемчужной поднизѣ и жемчужныхъ серьгахъ. — Ударили сваты по рукамъ, и отправился старикъ домой. Взялъ съ собой сына, дружку, какъ слѣдуетъ, бояръ и брюдгъ, и поѣхали благословляться къ попу. Попъ и спрашиваетъ. «А у кого берете дѣвку? — У водяника беремъ. — Попу, выходить, тутъ дѣлать нечего. На выѣздѣ изъ деревни подошла къ поѣзжанамъ сусѣдка и говоритъ: «Возьмите-тко и меня съ собой: я вамъ свадьбу устрою, какъ надо лучше». — И взяли ее съ собой, приѣхали къ хрустальнымъ палатамъ и стали справлять свадьбу. Вотъ вывели невѣсту подъ фатой, а сусѣдка шепчетъ старику: «смотри, дѣдушка, обманываютъ: это не настоящая невѣста». — Вывели было другую дѣвку, сусѣдка опять предупреждаетъ старика, что и на этотъ разъ водяники его обманываютъ. Видятъ они, дѣлать имъ нечего, и дали настоящую невѣсту. Стали давать приданого: злата и серебра, парчи и всякаго имѣнія. А сусѣдка говоритъ старику: «проси-ка ты у свата саней съ персидскимъ ковромъ, проси рыженькихъ лошадокъ, да бери синій кафтанъ съ золотыми пуговицами, еще шапочку соболью и перстень съ самоцвѣтнымъ

яхонтомъ». — Сталъ было водяникъ на просьбу старика отнѣкиваться, да видить: сусѣдка все знаетъ, и далъ санки и прочее добро. — Воротился старикъ со своими на фатеру. Сноха у него вышла смирная и работящая. Мѣсяца два спустя послѣ свадьбы говоритъ она свекру: — «Запряги, батюшка, рыженькихъ лошадушекъ въ сани съ персидскимъ ковромъ, надѣнь соболью шапочку и синій кафтанъ, бери перстень съ самоцвѣтнымъ яхонтомъ и поѣзжай въ Новгородъ. Есть тамъ купецъ, сорокъ у него лавокъ и сорокъ домовъ, просись къ нему ночевать». — Старикъ послушался снохи, одѣлся, снарядился и поѣхалъ въ Новгородъ. Розыскалъ онъ уже ночью домъ богатаго купца и сталъ проситься къ нему переночевать. Долго еще не пускали, и выглянула въ окошко купчиха и говоритъ мужу: «Что за чудо, санки-то наши у воротъ стоятъ, и лошади то паши; поди, отопри поскорѣе ворота». — Пустили старика въ домъ, купчиха такъ и закричала мужу: «кафтанъ на чужанинѣ твой, и шапка твоя, и перстень на рукѣ у него твой». — Сталъ тогда купецъ старика расспрашивать: «какъ къ тебѣ мое добро попало? У меня, говоритъ, по грѣхамъ моимъ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, пропала дочка двухлѣтняя и это добро, — искалъ я его и дочку пятнадцать лѣтъ, не могъ сыскать». А старикъ отвѣтилъ: «съ дочкой пропало, съ дочкой и найдешь. — Есть у меня сноха: на правой щекѣ у ней три родимыхъ пятнышка, три вишеньки». — Это и есть, говорятъ купецъ и купчиха, наша дочка. — Съѣхали они тутъ къ старикамъ и стали вмѣстѣ жить да быть. И теперь еще ихъ внуки живутъ въ Кижахъ.

Сказаніе про водяныхъ женщинъ перешло сюда большею частію съ Груманта. Не стану повторять всѣмъ извѣстнаго разсказа о трѣхъ, какъ водяная царица слюбилась съ промышленникомъ на Грумантѣ, и какъ она, когда онъ ее покинулъ, на прощаньѣ бросила ему въ лодку прижитыхъ съ нимъ дѣтей, — а лучше разскажу мѣстное преданіе. Отправился добрый молодецъ вечеромъ ловить рыбу за Онего въ дальнюю губу, и задержалъ его до утра на островахъ срѣтный вѣтеръ. Какъ стало свѣтать, видить молодецъ: прилетѣло три лебедушки, ударились о земь, обернулись красными дѣвушками и стали купаться въ губѣ, а на берегу у нихъ оставлены птичьи шкурки. Молодецъ подкрался потихоньку и захватилъ одну шкурку. — Двѣ-то дѣвушки, какъ

выкупались, вышли на берегъ, одѣли шкурки, ударились о землю и полетѣли себѣ лебедушками. А третья дѣвка ищетъ своей шкурки, не можетъ найти. Тутъ къ ней подошелъ молодецъ и говорить: «Что дашь за шкурку»? — Хочешь несчетной золотой казны? — «А не надо мнѣ казны, отдай самое себя» — Изволь, говорить, буду твоей женой. — Дали они другъ другу заклѣтье и стали мужемъ и женою. Къ вечеру вѣтеръ стихъ. Какъ надо имъ садиться въ лодку, молодецъ и подай шкурку женѣ: «на, говоритъ, спрячь, чтобы не замочла». — А жена накинута шкурку на себя, обернулася лебедушкой и полетѣла по поднебесью. А на прощанье только закричала мужу языкомъ человѣческимъ: «Не умѣлъ ты меня беречь - стеречь, не видать тебѣ меня три года. А какъ исполнится три года, приходи ко озеру Ильмену, увидишь на плоту женщину — портомойницу: она тебя проведетъ ко мнѣ». Воротился молодецъ домой одинъ - одиначенекъ: плохое ему житье, стосковался по своей по женѣ: крѣпко она ему полюбилась. — Исполнилось срочное времячко, и пошелъ онъ къ Новугороду, къ Ильменю озеру. Какъ пришелъ туда, солнышко было на вечерѣ, и видитъ онъ, стоитъ на плоту портомойница и манитъ его къ себѣ. «Сведи меня, говоритъ, голубушка, къ моей женѣ». — Отчего не свести, пойдешь. — И пошли они берегомъ, дорожка все спускалась внизъ, стало какъ-то холоднѣе. И пришли они въ большое село, къ богатому дому. Говоритъ ему вожатая. — Ты какъ войдешь въ избу, смотри не молитвись. — И встрѣлъ ихъ въ избѣ большакъ¹⁾, — сѣдая голова, сѣдая борода. «Долго, говоритъ, зятекъ, ждали мы тебя». И вышла затѣмъ красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году: — смотри, молъ, Иванушка, какой у тебя сыночекъ подростъ. — «А пусть его ростетъ, говоритъ дѣдъ, намъ это добро надобно». — Поздоровкался молодецъ съ женой, и стали они жить ладкомъ. «И я у нихъ въ гостяхъ былъ, пиво пилъ, сладкимъ медомъ закусывалъ».

Домовикъ и дворовикъ видомъ оба въ хозяина, *баенникъ* ходитъ голый, а *ригачникъ* весь въ лохмотьяхъ. Первый обыкновенно бываетъ въ ладу съ хозяиномъ и показывается людямъ рѣдко «не къ добру»; второй ведетъ себя спокойно, если скотинка

1) Хозяинъ дома.

«ко двору пришла», а если нѣтъ, то дворовикъ ее изведетъ, поломаетъ и складетъ въ ясли. Есть и отшельники — домовики: они поселяются въ пустыхъ фатерахъ, въ которыхъ проѣзжіе и прохожіе останавливаются на роздыхъ. Какъ ѣхать отъ Лижмы на Шуныгу, есть такая фатера, живетъ въ ней сердитый хозяинъ, оттого ее обѣгаютъ и рѣдко заходятъ туда по одиночкѣ. И ѣхалъ зимою добрый молодецъ по этому пути; верстахъ въ двухъ отъ фатеры сломайся у него сани. Кое какъ добрался онъ до избы, дальше ѣхать не на чѣмъ, да и немочно: ужъ очень озябъ. — Вошелъ онъ въ избу и слышитъ: на полатяхъ кто-то стонетъ. Вотъ онъ помолился, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, досталъ себѣ изъ сумы хлѣбу и рыбникъ ¹⁾, самъ закусялъ, а чего не съѣлъ, на печь положилъ. Оттуда проговорило тихимъ голосомъ: «Благодарствуешь, кормилецъ, на памяти; обогрѣйся себѣ и ничего не бойся». Только онъ прилегъ на лавку, какъ вдругъ растворилась дверь настежь, пошелъ со двора паръ, и заговорилъ сердитый голосъ: — Русскимъ духомъ пахнетъ, ты почто сюда пожаловалъ? — А съ полатей отвѣчаетъ жалкій голосъ: «Не тронь его, болѣзнаго добраго молодца: онъ меня безъ тебя накормилъ». — Ну, говоритъ, коли такъ, оставайся же здѣкава: я тебѣ сей-часъ санки налажу. — Прошло эдакъ съ часъ мѣста, опять растворилась дверь и заговорило: — Ты теперь обогрѣлся и поотдохнулъ: пора тебѣ, время въ тутъ-дорогу. — Простился молодецъ съ хозяйкой, выпшелъ на дворъ и видитъ: стоятъ у дверей чудесныя санки съ полостью. — Съѣлъ онъ въ нихъ бариномъ и поѣхалъ на Шуныгу, радъ, что отъ сердитаго хозяина выбрался по добру по здорову. — И случилось ему черезъ годъ быть въ Москвѣ, пріѣхалъ онъ къ трактиру и пошелъ туда пить чай. Немного погода, подходитъ къ нему купецъ и говоритъ: «Скажи на милость, молодецъ, гдѣ ты купилъ санки; точъ въ точъ мои: зимусь меня вѣтромъ изъ такихъ выпшвырнуло. Какъ сталъ я на ноги, стоитъ одна лошадь съ упряжью, а саней, словно какъ небывало, нѣтъ». — Тутъ ему молодецъ рассказалъ всю правду, всю истину.

Въ заключеніе сообщаемъ рассказъ, который Леонтій Богдановъ передалъ мнѣ со словъ промышленниковъ съ глуманта, и

1) Пирогъ съ рыбою.

легенду о Иванѣ купецкомъ сынѣ (записанную въ Заонежѣ г. В. Знаменскимъ). Остались тамъ на зиму двое промышленниковъ въ одной фатерѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ и хворалъ мѣсяца три или четыре. Здоровый это время ходилъ за больнымъ, какъ за роднымъ братомъ. — Въ одну ночь и говоритъ больной товарищу: «Завтра я, Иванушка, помру». — Господь съ тобой, что это ты вздумалъ! Дастъ Богъ, здоровѣе меня будешь. — А тотъ ему отвѣчаетъ: «Ты меня, братъ, не жалѣй, я какъ помру, тебя съѣмъ». — Ну, говоритъ, коли съѣшь, и то ладно. — Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Умеръ больной, товарищъ обмылъ его, одѣлъ, положилъ на столъ и сталъ надъ нимъ читать на память молитвы. Какъ подошло времячко полуночное, взошелъ въ окошко свѣтель мѣсяцъ, мертвый зашевелился. Видитъ Иванушка, плохо дѣло: первое дѣло товарищъ исполнилъ, — умеръ, стало и другое исполнить — съѣсть. Вотъ онъ зачурался и пуще прежняго принялся читать молитвы. А мертвый поднялся, потоптался, потоптался на одномъ мѣстѣ, и сталъ разводить руками, искать товарища. Иванушка все отъ него кругомъ стола ходитъ, да молитву читаетъ. Зубы у мертвеца такъ и стучать, пробуетъ онъ открыть глаза, — немочно. А тутъ на счастье куры прогѣли — и говоритъ мертвецъ: «Счастливъ твой Богъ, ушелъ ты отъ меня сегодня цѣль, такъ яжь те завтра съѣмъ». И опять легъ мертвецъ на столъ. А на Грумантѣ нѣтъ зимою ни дня, ни ночи, все темень. Почиталъ еще молодецъ молитвы и пошелъ ходить по полю. Напала на него такая тоска: не идетъ на умъ ни ѣда, ни питье. А къ вечеру, дѣлать нечего, надо вернуться на фатеру: на дворѣ не товарищъ, такъ звѣри съѣдятъ. — Сталъ молодецъ въ большой уголъ и творить молитву. Въ полуночную пору мертвецъ опять поднялся, весь синій, развелъ руки и сталъ розыскивать Иванушку. — Походили они около стола, покойникъ остановился и вспомнилъ: «Вотъ оно что, говоритъ, надо глаза открыть». Бился онъ съ глазами, инда распухъ, напоследокъ глянулъ и выговорилъ: «Я тебя, Иване, вижу и теперь навѣрное съѣмъ». — Ступилъ онъ къ Ивану шагъ, а подъ поломъ заговорилъ: — Врешь, братъ, не съѣшь, може, я тебя съѣмъ. — И выгѣзъ изъ подполья другой мертвецъ: саванъ у него въ доскутъяхъ, на костяхъ одни ключья висятъ. И стали мертвецы между собою подираться, и костякъ первому покойнику руку поотрывать. — За-

пѣли куры, костякъ пропалъ, а Ивановъ товарищъ захватилъ съ собою руку и легъ на столъ. — Такая тоска напала на Иванушку, что хотъ руки на себя наложить. — «Что будетъ, думаетъ, по вечеру, помилуй мя, Господи, и спаси». А къ ночи всетаки вернулся на фатеру. — Въ урочное времячко, какъ зашевелился Ивановъ товарищъ на столѣ, полѣзъ и другой мертвецъ изъ подполья. И пошла между ними драка великая, а на Иванушку напалъ такой страхъ, такой грусъ, что онъ обомлѣлъ. Какъ очнулся изъ забытья, слышитъ — кто-то чавкаетъ, анъ это костякъ его товарища грызетъ, работаетъ надъ нимъ, не прокладаячися. Съѣлъ онъ ему голову и палъ Ивану въ ноги: «Теперь, говоритъ, я пойду въ свое подполье и твоего недруга возьму. А ты, Иванушка, какъ будешь дома, въ Заонегѣ, сходи въ такую-то деревню: живетъ тамъ ветхая старушонка, моя матушка, ей болѣе ста и семидесяти годовъ. Какъ былъ я живъ, не почиталъ ея, все ей насупротивъ дѣлалъ, и завелъ я всякимъ безпутствомъ заниматься, до того дошелъ, что съ родною сестрою любовь свелъ, а когда она отъ меня понось понесла, то я стыда ради ушелъ на Грумантъ, безъ матерня благословенія. За это матушка прокляла меня такою клятвой, что меня мать сыра земля не принимаетъ, а у ней Господь не беретъ души со бѣлыхъ грудей. И расскажи ты, Иванушка, ей про мое великое горе, авось меня помируетъ, тогда и ее Господь Богъ отпустить со бѣла свѣта. — А коли не захотитъ простить, проси ее о томъ неотступно со священникомъ». — И слѣзъ мертвецъ въ подполье и Иванова товарища обрадъ. Какъ наступило лѣто, съѣхалъ Иванушка домой, а мертвеца положилъ въ гробъ и на лодкѣ свезъ на родную сторону. И по прїѣздѣ первымъ дѣломъ пошелъ къ его матушкѣ: сидитъ она старая, престарая, еле душа въ тѣлѣ держится, а на Иванову просьбу только рукой отмахивается. Тогда Иванушка привелъ священника, и сообща они уговорили старуху простить сына. Выговорила она прощенье, едва привстала, благословила у священника и стала кончаться. Тогда сына ея отпѣли, похоронили его въ благословенной землѣ, и земля его приняла. А самъ-то Иванушка сталъ жить, поживать, дѣтокъ наживать и теперь живетъ.

ЛЕГЕНДА О ИВАНѢ — КУПЕЦКОМЪ СЫНѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ Никола со своей купчихой. Сначала жили они хорошо и богато, а главное радовались тому, что Господь надѣлилъ ихъ сыномъ, — да такимъ хорошимъ, — уинымъ да разумнымъ, что отецъ и мать только о томъ и молились Богу и угоднику его святому Николаю Чудотворцу, чтобы они надѣлили его еще счастьемъ да долголѣтіемъ. Эдакъ подъ старость они, ни съ того — ни съ другого начали бѣднѣть и до того обѣднѣли, что Никола изъ знатнаго купца сдѣлался просто торгованомъ: — у него осталась одна лавочка, — а въ ней было: ящикъ табаку, да гвоздя, да желѣза по немногу. Вотъ съ того ли, что они обѣднѣли, али ужъ съ того, что оstarѣли, мать и отецъ Ивана — такъ звали Николина сына — занемогли. Однажды отецъ позвалъ Ивана да и говорить: «Ну, сынъ ты нашъ любезный! мы, кажется, скоро умремъ, а ты не плачь по насъ, а лучше Богу молись. — Вѣдь мы ужъ пожили на своемъ вѣку: будетъ съ насъ; а ты насъ похорони хорошенечко, а я и денежекъ тебѣ на это принасъ! Вотъ, иное изъ нихъ на похороны здержи, иное на поминовенье, а на остальное купи товару, да и поторговывай. — Только вотъ мое благословенье: никого ни обвѣшивай и ни обсчитывай; а буде разбогатѣешь — и Бога не забывай и нищихъ обдѣливай, какъ я то прежде дѣлалъ. Ну, прости сынокъ! Будь на тебѣ Божіе благословеньице и наше грѣшное!» Черезъ недѣлю Иванъ похоронилъ отца, а потомъ и мать, и началъ поторговывать. Въ скоромъ времени онъ задумалъ перебрать все въ дому и гдѣ-то въ углу нашелъ образокъ угодника Божія Николы-Чудотворца. Принесъ онъ образокъ въ избу, — налилъ воды въ блюдо, вымылъ, вычистилъ и на божницу поставилъ; а потомъ пошелъ на рынокъ, купилъ лампадку да и затѣлилъ передъ образомъ. Въ первое воскресенье онъ позвалъ попа, помянулъ родителей, прослужилъ молебенъ Николѣ Чудотворцу и снесъ образокъ въ лавочку, чтобы постоянно на него смотрѣть. Послѣ этого, какъ придетъ въ лавочку, сперва помолится на образокъ, а потомъ и начнетъ торговать; — да такъ счастливо торговалъ, что будто

самъ Господь покупателей посылагъ. Потомъ онъ построилъ и другую лавочку. Въ каждой день онъ подавалъ много денежной милостинки; а между прочимъ старичку, который въ каждой день приходилъ къ нему. Иванъ полюбилъ его больно; а когда понадобился Ивану прикащикъ въ новую лавочку, онъ сказалъ этому старичку: «Дѣдушка, не знаю я твоего святого имени, не-знаю, какъ и батюшка твоего звали; а только не огорчи ты меня, вотъ я построилъ новую лавочку, а прикащика у меня нѣтъ. Поди ко мнѣ прикащикомъ: — я и самъ буду тебя слушаться, какъ бывало отца своего слушался; — будь такъ добръ, не отказывайся». Старичекъ сначала было отпирался, а потомъ согласился и стали они вмѣстѣ жить да поживать; а Иванъ во всемъ слушался старичка и называлъ его батюшкой. Старичекъ торговалъ счастливо и прибыльно, и однажды говорить: «Иванушко, товаръ - то твой мнѣ не порато нравится: — торгуешь ты табаконъ, а Богъ табаку не любить, — да и тѣхъ не любить, которые табакомъ торгуютъ; а накупи-ко ты лучше мелочнаго товара, — такъ и покупателей будетъ больше, да и грѣха-то не будетъ». Иванъ послушался; — накупилъ товаровъ много, всё разныхъ, и началъ опять торговать. Когда товары вышли, Иванъ началъ считать деньги и, откуда ни возьмись, насчиталъ втрое. Обрадовался Иванъ такой прибыли, позвалъ попа, отслужилъ молебень Николѣ - Чудотворцу; а старичекъ — такой-то веселой, такъ Богу и молится! Торговали они такъ три года, и Иванъ такъ разбогатѣлъ, что старичекъ началъ ему совѣтовать отпра-виться за море съ товарами. Послушался Иванъ старичка, купилъ судно, — нагрузилъ товарами, отдалъ домъ нищимъ, а одного поставилъ хозяиномъ, пока самъ не пріѣдетъ; помолились Богу и поѣхали за-море со старичкомъ. Вотъ ѣхали они — ѣхали, близ-ко ли — далеко ли — скоро это сказывается, а не скоро дѣло дѣ-лается; — вдругъ напали на нихъ разбойники и ограбили у нихъ всѣ товары, а самихъ какъ-то спустили живыми и здоровыми. Горько было Ивану, а старичекъ утѣшаетъ его да говорить, что всё это къ лучшему. Два дни плыли они послѣ этого, а на третій пристали къ острову, а тутъ множество было кирпичу. Старичекъ и говорить Ивану: «Собирайко ты, Иванушко, эти кирпичи да носи на судно». Иванъ и говорить: «куда мнѣ съ этими кирпича-ми; я лучше умру, чѣмъ буду торговать ими». А старичекъ и го-

ворить на это: «Ахъ ты, Иванушко — Иванушко! мало ты еще опытенъ, а я скажу тебѣ на это, что одинъ эдакой кирпичъ дороже всего твоего товару, которой разбойники ограбили». — И потомъ бросилъ одинъ кирпичъ о землю, а подъ глиной-то драгоценный камень. Обрадовался Иванъ и началъ нагружать судно кирпичемъ, а когда нагрузили до полна, старичекъ и говоритъ: «Ну, Иванушко, теперь надо надѣлать простыхъ кирпичей, чтобы разбойники не отняли у насъ этихъ». Да сверху одинъ рядъ и наклали. Поднялся попутный вѣтеръ и они поѣхали дальше, а (на нихъ) разбойники напали опять и начали приступать за товаромъ. Старичекъ и говоритъ имъ; «Будьте милостивы, добрые люди, оставьте насъ въ живыхъ, а товары у насъ недавно разбойники ограбили, и вотъ теперь мы веземъ кирпичъ, который на этомъ островѣ надѣлали». Разбойники повѣрили и поплыли прочь, а Иванъ и старичекъ дальше; а въ скоромъ времени приплыли они въ столицу и остановились въ гавани. Въ томъ царствѣ былъ такой обычай, что всѣ купцы, какіе туда пріѣзжали, носили на поклонъ къ королю всякой свой товаръ. Старичекъ и говоритъ Ивану: «Помолись - ко ты, Иванушко, Богу - Господу, да поди купи золотое блюдо да фатѹ шелковую, а завтра и пойдешь къ королю на поклонъ». Иванъ сдѣлалъ все, что велѣлъ старичекъ, и на другой день пошелъ на поклонъ къ королю. Сказали королю, что пришелъ какой - то купецъ съ поклономъ, онъ сѣлъ на престолъ и велѣлъ привести Ивана. Пришелъ Иванъ къ королю, а въ рукахъ золотое блюдо, а на блюдѣ закрытъ фатой кирпичъ. Король спросилъ Ивана, какого онъ царства и какъ звали отца съ матерью, и потомъ сдернулъ фатѹ, а какъ увидѣлъ кирпичъ, то больно разгнѣвался на него и сказалъ: «развѣ мало у насъ кирпичей, что-ли, и торговалъ бы ими въ своемъ царствѣ». — И потомъ бросилъ въ Ивана, а Иванъ-то посторонился, кирпичъ упалъ на полъ и разбился. Тутъ король увидѣлъ, что онъ не хорошо сдѣлалъ, да и началъ просить у Ивана прощенія, а потомъ велѣлъ откупить у Ивана все судно. Иванъ какъ увидѣлъ это, да и говоритъ: «Товаръ - то у меня берите, а судна не отдамъ, — у меня тамъ есть старичекъ прикащикъ, — такъ мы въ городъ жить не поидемъ». А, сказалъ король: «Такъ васъ двое? прочитайте же три ночи который - либо псалтирь по моей дочери, — она теперь въ церкви». А дочь - то у него была волшебница и въ каждую

ночь съѣдала по человѣку. Иванъ воротился на судно, и такового ему скучно да не весело: самому идти — умереть не хочется, а старичка послать — разстаться жаль! Старичекъ говоритъ Ивану: «Что ты, Иванушко, не весель, что ты буйную головушку повѣсить!» Иванъ разсказалъ ему, что было, и что сказалъ король. Старичекъ и говоритъ: «Ладно, Иванушко! Не тужи, помолись Спасу, да ложись спать, а я за тебя подумаю, какъ бѣдѣ не быть». Лишь только стало темнѣть, старичекъ разбудилъ Ивана, — да и говоритъ: «Вотъ тебѣ три свѣчки, Иванушко! Пока первая горитъ, ты Богу молись; а вторая сгоритъ, — ты зажги третью, да самъ и повались по правую сторону Царскихъ вратъ и ничего не говори; а только молитву твори. Ну, съ Богомъ!». Свели Ивана въ церковь и заперли, а онъ и началъ псалтирь читать. Сгорѣла свѣчка, сгорѣла и другая, — засвѣтилъ третью да и легъ по правую сторону Царскихъ вратъ. Вдругъ доска соскочила сверху и волшебница начала искать Ивана: «Гдѣ ты, — я ѣсть хочу». Искала — искала, а найти не могла; заплѣли пѣтухи, а она и повалилась въ гробъ. Всталъ Иванъ, закрылъ гробъ и опять началъ читать. Утромъ пришли костыя убирать, — смотрятъ, а Иванъ живъ; пошли и сказали Королю, а онъ опять въ слѣдующую ночь велѣлъ читать Ивану. Пришелъ Иванъ къ старичку и разсказалъ, что было въ церкви ночью. На другую ночь старичекъ Ивану велѣлъ лечь по лѣвую сторону Царскихъ вратъ, и волшебница опять не могла найти. На третью ночь старичекъ далъ три свѣчки да мячъ изъ вару, а варъ - то перекатанъ былъ съ волосомъ, и сказалъ: «Сегодня, Иванушка, послѣдняя ночь. Какъ ты зажгешь 3-ю свѣчку и повались въ гробъ; а какъ волшебница выйдетъ, ты и повались въ гробъ на ея мѣсто и не пускай ее до того времени, пока она не прочтаетъ «Богородице дѣво радуйся....» и «Отче нашъ....» Пришелъ Иванъ въ церковь и началъ опять читать псалтирь, а какъ засвѣтилъ третью свѣчку, и повалился по правую сторону гроба. Волшебница отбросила верхнюю доску и закрыла Ивана, а сама начала опять искать его по всей церкви; а какъ пришло время лечь ей, — смотреть, а Иванъ въ гробѣ на ея мѣстѣ. «А, вотъ гдѣ ты, говорятъ волшебница: я трети сутки голодомъ; — выходи, я есть хочу!» Иванъ бросилъ ей варъ съ волосомъ, и она грызла — грызла и потомъ говоритъ: «Пусти!». «Нѣтъ, говоритъ Иванъ: не пушу!»

«Пусти, говорить волшебница». «А прочитай, говорить Иванъ: «Богородице дѣво радуйся» за мной — такъ пушу». Волшебница прочитала и говорить опять: «Пусти!» Иванъ и говорить: «А прочитай еще «Отче нашъ», — тогда ужъ пушу!». Волшебница прочитала, а Иванъ и вышелъ: «Ложись, говорить», А волшебница и говорить: «Нѣтъ, теперь ужъ и не лягу». Сталъ Иванъ молиться, и она тоже. Пришли утромъ опять два человѣка и лишь только увидѣли Олёну королевну — такъ звали волшебницу — побѣжали къ Королю и рассказали, что видѣли. Король собралъ все духовенство и пошелъ въ церковь — онъ думалъ, что и Иванъ тоже сдѣлался волшебникомъ. А когда же узналъ всё подробно, обнялъ Ивана и назвалъ его сыномъ, а волшебница сказала Ивану: «Ну, Иванъ — Купецкой сынъ! Если ты умѣлъ Бога замолить и меня воскресить, такъ умѣй же овладѣть мною, а отъ тебя я ни на шагъ не отстану!». Пришелъ Иванъ на судно и рассказывалъ старичку всё, а старичекъ и говорить: «Иванушко! не бойся ничего, и возьми възамужъ за себя Олёну королевну, да только въ первые три ночи до 3-хъ пѣтуховъ не засыпай, а не то она тебя еще и замучить!».

У Короля не долго мѣшкали, — заразъ все приготовили и Иванъ обвѣнчался съ Олёной Королевной, прожилъ благополучно двѣ недѣли, да и говорить тестю: «Доброй батюшко! отпусти ты меня на свою родимую сторонку отца — да мать помянуть, да еще разъ посмотреть её. Король и говорить: «Сынъ мой любезный Иванъ-купецкой сынъ, — воли твоей я у тебя не отнимаю, а только ты воротись сюда. Самъ ты видишь, — я ужъ не молодъ сталъ, а наслѣдника у меня нѣтъ, а какъ ты воротись, — я и царство тебѣ сдамъ, и живи себѣ счастливо да весело». Собрались въ путь - дороженьку, да и поплыли въ свое царство, на родиму сторону, — Иванъ и Олёну съ собой взяли. Приѣхали они на кирпичной островъ, нагрузили всё суда, судовъ было много, весь островъ перекопали. Въ одинъ день старичекъ нарубилъ дровъ, сносилъ ихъ на другой берегъ острова, да и говорить: «Иванушко — благодѣтель мой! мнѣ бы съ вами надо бы поговорить», и потомъ повелъ ихъ туда, гдѣ были складены дрова. Досталъ огня и, когда дрова ужъ разгорѣлись, онъ взялъ Олёну, повалилъ, наступилъ на одну ногу, а за другую дернулъ да и разорвалъ по лапамъ. Иванъ не знаетъ, что и сказать, а старичекъ

положилъ обѣ половинки на огонь, а оттуда и поползли змѣи, лягушки и гады всякіе. — Потомъ вынялъ изъ огня, выполоскалъ въ морѣ, вспрыснулъ какой-то водицей, перекрестилъ, и Олёна стала такой красавицей, что ни словомъ сказать, ни перомъ написать. Потомъ и говоритъ: «Ну, благодѣтель мой, будущій сильный и могучій король Иванъ — Купецкой сынъ! ты теперь и богатъ, и славенъ и счастливъ, — такъ смотри, не забывай Бога и нищихъ, а больше не увижусь съ вами». Иванъ и Олёна стали на колѣни и начали было просить, но старичекъ сказалъ: «Нѣтъ ужъ не просите, а лучше благодарите Бога, что онъ меня послалъ къ вамъ. Я полюбилъ и твоего отца, Иванъ, а еще больше тебя за то, что ты радушно подавалъ милостину, а теперь ты богатъ и знатенъ, такъ не забывай милостиной нищихъ». А самъ и скрылся. Иванъ и Олёна поблагодарили Бога, пришли къ судамъ и поплыли дальше. Вотъ когда нищіе узнали, что пріѣхалъ Иванъ съ несмѣтными богатствами, пришли на берегъ и начали цѣловать у Ивана руки, ноги и платье, и всѣ до того обрадовались, что у многихъ слезы покатились изъ глазъ. Иванъ поставилъ кресты на могилы родителей, одѣлилъ нищихъ, — отдалъ имъ свой домъ и воротился къ тестю и правилъ государствомъ много лѣтъ, а жилъ столь долго, что видѣлъ, какъ за его старость управляли сынъ, внукъ и правнукъ, — и постоянно молился и благодарилъ Бога и Николу-Чудотворца за ихъ милости къ нему. Въ томъ царствѣ, гдѣ онъ былъ королемъ, и доселѣ еще вспоминаютъ Короля Ивана и жену его Олёну - прекрасную.

V.

**ЗАГАДКИ, ПРЕДСКАЗАНИЯ, ЧАРОВАНИЯ, ЗАГОВОРЫ, ПРИГОВОРЫ,
ОТГОВОРЫ, ОТПУСКИ, ОБХОДЫ И Т. П.**

1. Сказаніе о громѣ и молніи.

Егда бываетъ громъ отъ востока, то будетъ всякаго обилія много. Аще громъ будетъ съ полудня, на то лѣто плода мало, и овцамъ гибель. Аще громъ приидеть з запада, — то лѣто сухо, дождь не будетъ. Аще громъ приидеть с полунощника, овощей много будетъ, а ржи мало, лѣто сѣверно бываетъ.

2. Сказаніе на всю седмицу.

Аще Рождество Христово в недѣлю, зима люта, а весна вѣдрена, а плода мало, овцамъ моръ, пожары часты, а старымъ моръ.

Аще Рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождлива, а жатва суха, а тяжъ многимъ людямъ будетъ, а меду много.

Аще Рождество Христово во вторникъ, — зима добра, а жатва вѣдряна, а весна дождлива, а обилія много, людямъ отъ притчей смерть будетъ.

Аще Рождество Христово в среду, зима и весна дождлива, а обилія много, а жатва добра, овощи мало, а скоту пагуба.

Аще Рождество Христово въ четвергъ, зима люта, весна зла, потравлива, а лѣто добро, обилія и пшеницы много, скоту пагуба.

Аще Рождество Христово в пятокъ, зима легка и ведрянна, весна добра, овощей много, меду мало, а жатва ведрянна, и слабымъ смерть.

Аще Рождество христово в субботу, — зима тепла, осень велика — ведрянна, плоду мало, очемъ болѣзни, овцамъ моръ.

3. Сказаніе о мѣсяцехъ на пользу христіаномъ.

Сія знаменія прояви Богъ Израильтяномъ, соблюдая ихъ отъ всякаго зла; а въ мѣсяцехъ есть по два дни злыхъ — ни крви пущати, ни сѣяти, ни садовъ садити, ни портищъ кроити, ни свадьбы творити, ни въ займъ давати, ни много чего дѣлати.

		Числа.	Добры.	Часы злы.
1.	Январь	2 25	5	1
2.	Февраль . . .	4 24	21	9
3.	Мартъ	3 25	25	5
4.	Апрѣль	3 20	20	6
5.	Май	20 23	4	6
6.	Іюнь	7 18	22	5
7.	Іюль	6 28	24	8
8.	Августъ . . .	6 18	8	6
9.	Сентябрь . . .	2 21	22	3
10.	Октябрь . . .	8 28	22	9
11.	Ноябрь	4 21	28	5
12.	Декабрь . . .	2 21	22	10

Аще въ тѣ дни начнетъ человекъ болѣть, не встать ему будетъ; аще возстанетъ, не здоровъ будетъ; аще свадьбу творить, не возрадуется; аще родится, — не жить ему будетъ; аще не умретъ, не избыть ему горькія части; аще домъ строитъ, и не будетъ добра; и портищю кроить, не износить ему; купецъ *в юзбу* (въ гостьбу) поѣдетъ, и будетъ ему либо смерть, и либо потопъ, или разбойники разбѣютъ его; аще ли сѣяти, или садити, не взяти ему будетъ; аще ли вновь де (гдѣ?) идетъ, и не жити ему будетъ; но подобаетъ тѣхъ дней бояться. Во всякомъ мѣсяцѣ настоящаго мѣсяца 1-й день до 9-го часа сѣяти и садити, и власовъ урѣзати, изряднѣе бывають.

4. Сказаніе о травахъ.

Трава чернолистная, а растеть та трава на черной землѣ, а растеть плотно тоненька, а листьа нѣту, походила на костерь и та, чтобы коней не образила, то есть лошади въ гриву завязать, и въ мѣсто то не придетъ разбойникъ; такожь въ храминѣ положи на всѣ четыре угла, то разбойницы не смѣютъ подходить, ни тати для того, что имъ много кажется людей, шуму много.

Есть трава именемъ *ерекъ*. Та трава растеть близъ среднихъ рѣкъ на среднемъ мѣстѣ, а цвѣтеть она что будто голубецъ съ киноварью; а ростомъ въ стрѣлу на четыре грань; аще кто ту траву получить да положить подъ церковный большой уголъ на трои сутки, взять и положить кверху въ шапку и зашить и говорить надъ шапкою и надъ травою: какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ лежала и никто не видѣлъ, тако бѣ и меня раба божія имрекъ ни кто не видѣлъ и не слышалъ на всякомъ дѣлѣ въ день и въ ночь. По три зори говори надъ травою.

Трава *хаалха* ростомъ въ локоть, на ней 4 цвѣта: багряной, черной, зеленой, синій, а на сторонахъ по 10 листочковъ. Носить при себѣ на ния раба божія имрекъ — ласкота и доброта со князи и бояры и со всѣмъ православными христіанами о хлѣбѣ и соли и благодареніи. *Аминь*.

5. Какъ стать невидимкой.

Аще обрящещи муравейникъ великъ, отъ котораго есть дванадесять дорогъ, и ты разожги огонь и навари воды со ушатъ, и чтобы вода кипѣла, и облей весь муравейникъ, и какъ обожжешь, и разгреби весь до земли и второй разъ облей водою, и обрящещи дыру въ земле, и свяжи пугвицу мѣдную или оловянную и спусти въ землю; и докопѣ идетъ и какъ станетъ, и ты копай 3 сажени или $2\frac{1}{2}$, и зряще царя муравьевъ на камени, а камень багровый или синій, и облей царя муравьевъ кипячею водою, и онъ отвалитце скамня; и ты держи при себѣ платъ тавянной и

обхвати камень платомъ, и тутъ снова копать; и онъ спроситъ у тебя: нашелъ ли? и ты въ то время молчи и тотъ камень держи вортѣ, и платомъ потирайся, и ходячи никто не видитъ.

Ты небо отецъ, ты земля мать, ты корень святъ, благослови себя взять на добрыя дѣла на добро.

(Изъ древней рукописи.)

6. Загадки. А. ¹).

1. Что есть свѣтила небесная, и широта земная, и глубина морская? Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.

2. Кто бѣжитъ, и кто гонитъ, каѣ два борца борются? Животъ бѣжитъ, а смерть гонитъ.

3. Кто есть попъ непоставленъ, а дьяконъ отметникъ, а пѣвецъ блудникъ? Попъ непоставленъ Іоаннъ Предтеча, а дьяконъ отметникъ Петръ апостолъ, а пѣвецъ блудникъ царь Давидъ.

4. Кто есть прииде богатый къ нищему, а всего имѣя много, токмо одинаго не имѣя? Богатый Христосъ прииде къ Іоанну, прора крещеніе.

5. Что есть святой градъ между небомъ и землею, изъ него же идетъ посолъ и несетъ грамоту неписану? Градъ есть Ноевъ ковчегъ въ потопѣ, а посолъ голубъ, а грамота листь масличный во устѣхъ къ Ною несетъ.

6. Кто есть многія рѣки піе, а не можетъ напиться? Богатъ много собираетъ, а не можетъ насытисѣ.

7. Кому Господь съ небеса звѣзду послалъ? Женѣ блудницы, родившей же ей и нарекиши имя ему Теодоръ, и многихъ той спасе.

В. Обонежскія загадки.

1. А што, батѣ, батѣ! Зайду я на вой, вой, вой; — да ударю въ чивирь, вирь, вирь; да утѣшу я царя въ Москвѣ, старца въ кельи, младеня въ люлькѣ? *Колоколъ.*

1) Извлечено изъ старинной рукописи.

2. А што, батé, батé! Старище Елизарище куплется и похваляется: «Есть у меня калина, дубина съ двухъ концевъ свинцомъ залита»? *Мельничный валъ.*

3. А што, батé, батé! Шелъ братъ съ сестрою, мужъ съ женою, щуринъ съ братомъ, — сколько всѣхъ стало? *Трое.*

4. А што бы те такое: кукушка съ хохломъ всякому поклонъ? *Рукомойникъ.*

5. А што бы те такое: въ лѣсъ идешь, — домой глядять; а домой идешь, — въ лѣсъ глядять? *Топоръ.*

6. Кликнулъ климанъ сквозь бѣлой камень: «Собирай тесь, дѣтки, къ деревянной маткѣ»? *Колоколъ.*

7. Что такое въ небѣ есть, въ землѣ нѣтъ, въ бабѣ два, а въ дѣвкѣ ни одного? *Звукъ б.*

8. Сидить сова на корытѣ, не можно ее накормить ни попами, ни дьяками, ни пиромъ, ни міромъ, ни добрыми людьми, ни старостами? *Смерть.*

9. Родился — не крестился, умеръ — не воскресъ, а Бога носилъ? *Оселъ.*

10. Кто красенъ послѣ смерти? *Ракъ.*

(Олон. вѣдом. 1867 г. № 1.)

11. Дѣвица въ темницы, а коса на улицы? *Морковь.*

12. Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенинку ни себѣ, ни людямъ? *Соптецъ.*

13. Умылся не такъ, нарядился не такъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, и не выѣхать никакъ? *Покойникъ.*

14. Сутулъ, горбать, все поле перешолъ, всѣ загоны перечелъ? *Серпъ.*

15. Лежитъ дерево безпрутое, на его летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и съѣдаетъ птицу безкрылую? *Земля, сныгъ и солнце.*

16. Въ лѣсѣ оно, не видать его, а съ лѣсомъ ровно? *Сердцевина въ деревѣ.*

(Волог. вѣд. 1866 г. № 17.)

7. Предсказанія ¹⁾.

1. Господь самъ рече человѣколюбець: помощникъ я буду всякому человѣку; не бойся, человѣче, злаго своего супостата; азъ тебѣ помогу десною рукою и супостатъ твой погибнетъ. О чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ.

2. Нѣкоторый человѣкъ посѣялъ ниву и много обилья, и возстанетъ буря великая и грозная туча и поломитъ ѿвѣ(?) и еще обилья и погибнетъ. И тако и твое дѣло человѣче лихо, возвратися вспять.

3. Святый Илья пророкъ рече къ народу: пойдемъ, человѣче, на село свое, посѣмъ на селѣ своемъ ниву жати со благодареніемъ и пожнемъ со благословеніемъ, и соберетъ же; нивою своею обогатѣетъ, и возрадуешься. Тако и ты, человѣче; о чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ, дерзай скоро.

4. Ъдятъ нищія, и насытятся, и восхвалятъ Господа взыскающіе его. Тако и ты, человѣче, исполнишь свою алчбу, насытятся, добро ти будетъ.

5. Зритъ человѣкъ очима далече, а святые ангелы подъ облакомъ, а смерть у него за плечми, готовится его похватить. Такъ и твое дѣло, человѣче, лихо есть, берегися злаго дѣла своего; возвратися, да не погибнешь.

6. Нѣкая жена носить во утробѣ своей младенца и начать тужити. Умру или жива буду, Никола его породить, и она возрадуется о своемъ помышленіи. Богъ ти помощникъ, съ пожданіемъ дѣло твое будетъ, и вскорѣ радость будетъ.

7. Якоже пчела летитъ на красныя цвѣты и собираетъ воскъ и медъ, святымъ церквамъ на просвѣщеніе и на свѣчи, а медъ на канонъ добрымъ людямъ на утѣшеніе и на почествованіе, а безумнымъ на лакомство. Такожъ и дѣло твое, человѣче; съ терпѣніемъ добро ти будетъ; о чемъ помыслилъ, сбудется скоро.

8. Господь ходитъ по винограду, и придетъ къ нему слѣпецъ и хромецъ, прося отъ него исцѣлѣнія. Господь милосердова о нихъ и исцѣлихъ; и возрадовася слѣпецъ и хромецъ радостію великою. Тако и ты, человѣче, возрадуешься.

1) Извлечено изъ рукописи знахаря. Языкъ не измѣненъ ни на волю, а только ореография приведена въ порядокъ, напр.: тѣбе, некоторый.

9. Святый Николае избавить изъ темницы трехъ мужей оклеветанныхъ и неповинныхъ отъ напрасныя смерти, и возрадовася три мужи. Тако и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ. Что еси помыслилъ, добро ти будетъ и радостію.

10. Ластовица птица свила еси подъ кедромъ гнѣздо и высидѣла дѣти, и пришла змѣя и дѣти поѣла, и возлетѣла ластовица, и воскричала, и восплакалась горько о дѣтяхъ своихъ. Такъ и ты, человѣче, не держи на то дѣло надежды, лихо есть, отступи отъ него, нѣтъ на пользу.

11. Стоитъ градъ каменный, а врата у него желѣзныя, крѣпко затвержены, николи не отверзаются. Тако и ты, человѣче, не ступай на острое, не погуби своего дѣла, о чѣмъ еси помышляешь, возвратися вспять, лутче ти будетъ; аще невозвратишия, погибнешь.

12. У святаго Θεодора Стратилата змѣй ухватилъ на кладези мать его, и веде ей въ пещеру, и украси ея яко невѣсту; и святый Θεодоръ помолися Господу Богу, и взялъ оружіе свое и побѣдилъ лютаго змѣя, и мать свою здраву взялъ и веде ея въ домъ свой; возрадовася вси граждане радостію великою о такомъ чудѣ. Тако и ты, человѣче, возрадуешься, о чѣмъ еси помыслилъ: добро ти будетъ.

13. Святая пророчица Анна собираетъ во святую церковь дѣвицы и воспоятъ себѣ тихимъ гласомъ ангельскую пѣснь, и возрадуются о тихой пѣсни. Слава отъ Господа непрестанно. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

14. Вдаде звѣриныи рогъ въ тнято и воскрыча Господу Богу великимъ гласомъ звѣрь. Слыша Господь гласъ звѣря того, избави его отъ тнята и радъ бысть тотъ звѣрь воли своей. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

15. Святая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, небесная святая милость и Синайскихъ отецъ посланіе (Господу?) благословенія на русскую землю, вѣрнымъ людямъ. И зрадовася благословенію господню весь міръ. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ.

16. Въ пустыни воють волцы, лѣсные звѣри съ голоду, хотятъ другъ друга ясти. Такъ и ты, человѣче, возвоешь; о

чемъ еси помыслилъ, лихо есть; возвратися вспять, лутче ти будетъ.

17. Пришелъ Господь ко ученикомъ своимъ, пресваривъ(?) воду и вино, и благослови ихъ; и насытишася, исполни жажду свою, и поклонилася ученицы его, радостию исполнишася отъ него. И такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ помышленіи; добро ти будетъ.

18. Святый Іоаннъ Златоустый рече: аще кто послушаетъ святаго евангелія и учнетъ молитися съ вѣрою и со страхомъ, и можетъ Господь исцѣлити его отъ напрасныя смерти и отъ египетскія работы. Такъ и ты, человѣче, молися Богу и святому Іоанну Златоусту, добро ти будетъ.

8. Чарованія.

1. Баеннымъ ¹⁾ каменемъ потомъ же кругъ человѣка обведи трожды, положи его въ воду; будетъ — завопитъ ²⁾ въ воды, отъ водяной пришло, а избной камень возьми потомъ, кругъ человѣка обведи, положи его въ воду, будетъ завопитъ, и то отъ людей пришло.

2. Аще хоцеша отвѣдати у лѣсоваго о болящемъ человѣкѣ, отчего ему пришло, какъ идешь въ лѣсъ и найдешь ледину, и сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки её, да расколи на двое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды; и какъ пройдешь, высѣки три батожка рябиновыхъ же, да клади противъ сердца батожекъ, а два подъ пазухи, а четвертый за хребетъ, да стой такъ, а самъ напиши челобитную: Бю челомъ тебѣ, царь Государь, на сего праведнаго лѣса, что онъ испортилъ, а не вѣдаю за что, а будетъ ты не справишь, царь Мусайла, сего раба (имрекъ), и я иду къ Мос.... (вѣроятно къ Москвѣ), стану бить челомъ на тебя царю Государю, и подойдутъ съ Москвы стрѣлцовъ два приказу, съ Новагорода приказъ, съ Азова Донскихъ казаковъ два приказу, и какъ не избавишь человѣка сего (имрекъ) почтеннаго, и вась высѣкутъ въ пень. И какъ напишешь сіе письмо, да положи бумагу

1) Баенный — отъ баянка — баяя.

2) Закипитъ.

въ рябину же, впередъ крычи. Ай же ты, царь Мусайла лѣсь, праведно скажи мнѣ про сего раба (имрекъ), отъ чего ему пришло.

3. Да еще, человѣче, повѣдаю ти, хочешь убѣжать отъ сѣти дѣвольской, отъ потежа свадебнаго, поди въ лѣсь до Егорьева дни въ веснѣ, найдешь змія, убей его.

9. Приворожить молодца.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь! Стану я рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду на широку улицу на востокъ лицомъ, на западъ тыломъ, поклонюсь и помолюсь. Есть въ чистомъ этомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ четыре брата, буйные вѣтра: востокъ и западъ и лѣто и сѣверъ. Какъ вы служили истенному Христу, царю небесному, такъ вы послужите мнѣ доброму рабу божію (имрекъ). Возмите отъ меня раба божія тоску, и сухоту, и черну печаль, возьмите и не оброните противъ вѣтра и ни по вѣтѣрѣ, противъ солнышка и по солнышку, противъ воды и ни по воды, черезъ ручья текущіе и черезъ рѣки быстры, чоеезъ горы высоки черезъ лѣсы темны, черезъ тыны желѣзны; изъ сѣней ходучи али на лѣствицы седючи или на кровати, на постели лежучи, или за столомъ седючи. Со отцемъ или съ матерью и з братомъ или сestroю или съ подругой и со всѣмъ родомъ и племенемъ совѣтъ совѣтуетъ, тутъ берите ево за бѣлыя руки и кладите ему въ бѣлое тѣло и ретивое сердце и въ черную печень и въ семедесять семь жилъ и въ семь суставовъ, то бы рабъ божій не могъ бы безъ меня рабы божій жить и не быть, и не пилъ бы и не ѣлъ бы, смертной тоской тосковалъ бы, той тоски не могъ бы хлѣбомъ заисъ (ѣсть), не питьемъ запить, не въ бани замыть, такъ онъ рабъ божій за рабой божьей бѣжалъ бы и сзади напегалъ (набѣгалъ) бы, за шею хватилъ бы, и во уста целовалъ бы, и не глядѣлъ бы ни на отца, ни на мать, не на сестру, не на родъ, не на племя, ни на какого человѣка; такъ бы рабъ божій обо мнѣ думалъ, обо мнѣ рабѣ божьей, въ день при солнцѣ, а въ нощи при мѣсяцы, на утренней зари и на вечерней зари, и на нову и на

ветху, и на перекрой мѣсяцы, и на намежныхъ дняхъ. Чего не доумѣлъ, мастеръ не доучилъ — будь мои слова всѣ сполна всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкъ — *аминь*.

О Б Е Р Е Г Ъ .

Господи Иисусе Христе, сыне Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Постави самъ (И)Сусъ Христосъ, отъ земли и до неба златы лисвицы (лѣствицы). У тѣхъ златыхъ лисвицъ по три ступени, по три, по три тугихъ луковъ, по три златоперыхъ стрѣлъ. И стрѣляетъ самъ (И)Сусъ Христосъ кругомъ меня, раба божія, и весь княшь полъ¹⁾ и стерегъ самъ Сусъ Христосъ кругомъ всѣхъ: и злова лихово человѣка, еретика, грыжника, икотника и ломотника²⁾: не може крови своей пить, мозгу своею (съ)сать, чевъ изъ утробы добыть, рукъ пересѣчи, морской глубины провѣдать, земной широты и небесной высоты и всей земной окружности; а такжеде мя раба божія а не урнуть, не уловить не (ни) злымъ конемъ, не діаволскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ. И не о своей думѣ, не о своей крови и не о своей проди (плоти?). Чуръ мои (моей) думѣ, и крови, и проди своей. И будьте мои слова крѣпки, и аки тѣмъ словамъ ключъ и замки за моремъ окіяномъ в роте.

10. Приворожить дѣвицу.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д! Ма(ть) утренняя зоря, ма(ть) вечерняя зоря, ма(ть?) полу безъ солнца не закатится и безъ мѣсяца не взойдетъ, такъ тѣло отъ мяса не отстаетъ, и мясо отъ кости не отстаетъ; также бы и раба божья рабица, красная дѣвица, не отставала. Какъ крестъ и поясъ отъ себя не отходить, также бы отъ меня раба Божія имрека не отходила. Какъ безъ отца и безъ матери, безъ роду и племени, также бы и безъ меня не могла не жить, не быть, не ѣсть и не пить, и не думу думать, не совѣтъ совѣтовать. И также бы я ей казался краше красново солнца, свѣтлѣе свѣтлово мѣсяца. Будьте мои слова крѣпки и т. д.

1) Ви. *князь* — не въ смыслѣ ли: *мужескій полъ*? — А можетъ быть — *клять* полъ (проклятый родъ). Рукопись крайне плоха. — О. М.

2) Вѣроятно пропущено: какъ злой человѣкъ...

11. Наговоръ на недруга.

Благослови Господи, помоги Господи, пособи Господи! Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду супротиву недруга ненавстника (ненавистника?) своего. Создай мнѣ, Господи, главу желѣзную, очи мѣдныя, языкъ серебрянный, сердце булату крѣпкаго, ноги волка рыскачаго; а недругу ненавстнику моему создай, Господи, щеки местовыя (?) языкъ овечей, умъ телечей, сердце заячье. А которой недругъ ненавстникъ мой травами отирается, кореньемъ обкуривается, и которая трава отъ земли взята, и рвана руками, перстами моими на землю брошена, ногами моими затерана и потоптана.

(ПРИГОВОРЪ НА СУДЕЙ.)

Есть подъ восточной страной, стоитъ столъ - престолъ Господень, Его Господа Бога престолъ силъ небеснѣхъ, и не могутъ худо зрѣти и смотрѣти очесми своими цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и дияконы, судіи и подьячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ миряна, крестьяна православные. И такожде судіи на меня раба Божіа имрека не могли бы худо зрѣти и смотрѣти, очей и бровей своихъ повыздынуть и лихима словами говорити и молвити, и рукъ своихъ поднять и съ крутости сердца разгорѣтися и влагости (?) дѣла не произвести. Небомъ и землею, именемъ Господнимъ во вѣки, аминь!

Ложится сей рабъ божій благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду изъ избы дверми, изъ сѣней воротами, изпротиву недруга ненавстника своего; въ далечѣ въ чистомъ полѣ умыюся раноутренною росю, подотрусь раноутренней зорею, обнадежусь симъ бѣлымъ свѣтомъ, подпояшу красную зорю, подтычуся частыми звѣздами, надѣну на главу свою красное солнце. Пойду сей рабъ Божій имрекъ раноутреннюю зорею супротивъ недруга ненавстника своего. Какъ у Господа Бога изъ-за горы изъ-за высокія, изъ-за лѣсу изъ-за темнаго на небо на ясное восходитъ солнышко красное, да возрадуются вси цари и царицы, князи и

княгини, бояра и боярыни, попы и дьяконы, судии подьячие, стрѣлцы и солдаты, всѣ миряна и крестьяна православные, купцы заморскіе, тако на своего раба Божіа имрека. Небомъ и Землею, именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь!

(Наговаривать на воду трижды и въ той водѣ мыть платье, и сушить противу печи, да при случаѣ утиратце.)

12. Заговоръ отъ тоски.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д! Вода - водица, рѣка - царипа, зоря - зоряца! Соймите тоску - кручину и унесите тоску - кручину за синее море въ морску пучину, гдѣ люди не ходять и на коняхъ не ѣздятъ. Какъ въ морской пучины сѣръ камень не (вс)таваетъ, такъ бы у раба Божіа имрека тоска - кручина къ ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отпятилась бы и отвалилась. Кое слово забылъ али обругалъ, вмѣни Господи и т. д.

13. Какъ свадьба отпускать.

Станутъ отпускать, зайди въ укронную полатку, затопи предъ образомъ свѣщу, положи три поклона отъ жалания и наговаривай въ висучей замокъ. Какъ рѣчь проговоришь въ замокъ трижды, плюнуть и на игли трижды плюнуть. Тотъ замокъ замни (замкни) и отомкни.

Станешь говорить:

снова говори трижды противъ этого. Второй уставъ или въ плеть наговаривать также предъ образомъ Господнимъ. То тою плетью лошади не погоняй. Буде кто тоя свадьба станетъ портить, и ты возми плеть, ударь вдоль по дорогѣ, — будетъ по вашему.

14. Заговаривать отъ притчи.

Спасъ свѣтъ и пречистая Богородица! помоги, Господи, щипоту снять и ломоту снять, избавити и соблюти, отговорити отъ

чирья, отъ вереду. Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду въ далече въ чистое поле и буду въ чистомъ полѣ у бѣлаго камня; и идетъ на стрѣту старъ матеръ мужъ, и съ нимъ идетъ Никола всѣмъ скорбящимъ въ скорби помогаетъ; за нимъ идетъ святой честной Козма и Дамьянъ, хитромудрыя мастера, на рукахъ несутъ мису золотую; а на мисѣ золотое перо. Я приду рабъ Божій имрекъ, Николай помолюся и покорюся, поклонюся своей буйной главы всѣмъ скорбящимъ скорыи (скороу) помощнику отъ Николы. Всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощитель! помози, Господи, пособи, Господи, со всѣми силами небесными, Никола всѣмъ скорбящимъ, избави, сговори чахоту, сухоту, притчи, болѣзни, отъ чирья, отъ вереду, которыя пристали днемъ и ночью, и вечеру поздо, по утру рано, отъ воды, отъ земли, отъ байны, отъ вѣтра, отъ вехоря, отъ мужескаго и отъ женскаго полу, и отъ худыя помысли челоуѣскія. И Никола всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощатель, избавитель и отговоритель изъ ретиваго сердца, изъ бѣлаго тѣла, изъ костей, изъ моцей, изъ жилъ и суставовъ, и отъ ушей, изъ ясныхъ очей и отъ всея буйной головы. Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

(Наговаривать въ воду, въ масло.)

15. Заговоръ отъ грыжи.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! Во Отца и Сына и Светово Духа ста рабъ Божій *Абтидиѣ отъ* на улицу на вѣ(сти) сторону, на вѣстой сторонѣ есть престолъ (престоу), на томъ на престолѣ самъ Иисусъ Христосъ, царь небесной съ громовой и молоньей и громовыми стрѣлами, и громомъ отбиваетъ, и молоньей ожигаетъ, и стрѣлами отстрѣливаетъ уроки злые, прокосы всяки, винокосы (валокосы?) кие киликеи всяки перевсяки злы, лихіе недуги, грыжи. Подите старому атаману на пятю, гдѣ со-стигните и постигните починника и урочьника, завидника, еретика, клеветника, грыжника, икотника, ропотника. Какъ злой челоуѣкъ не можетъ крови своей пить и мозгу своего (съ)сать, чевъ изъ

утробы добыть, морской глубины провѣдать, земной широты, небесной высоты, всей земной окружности, также не могъ ни меня раба Божія истрека не злымъ конемъ, не дьявольскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ.

16. Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ.

Стану я рабъ Божій, благословясь,
Пойду перекрестясь,
Изъ избы дверьми,
Изъ двора воротами
Во чисто поле —
Путемъ дорогою
По край синя моря.

Въ синемъ морѣ есть
Святой Божій островъ;
На святомъ Божьемъ островѣ
Святая Божья церковь;
Въ той святой Божьей церкви
Есть престолъ Господень;
На томъ престолѣ Господнѣ
Есть священномученикъ Христовъ Антипа,
Изцѣлитель зубной,
И безсребренники Христовы
Козьма и Даміанъ.

Помолюсь и поклонюсь рабъ Божій истрека:
«Священномученикъ Христовъ Антипа
«И безсребренники Христовы
«Козьма и Даміанъ!
«Изцѣлите скорбь и болѣзнь зубную
«И грыжу бѣлую.

И речеть священномученикъ Христовъ Антипа:
«Есть въ той Божьей церкви Адамово тѣло,
«Не слышитъ ли Адамово тѣло
«Звону колокольна

«Пѣнія церковнаго —

«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи.

И отвѣщаетъ мертвое тѣло Адамово:

«Я не слышу звону колокольнаго —

«Пѣнія церковнаго —

«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи,

«Тильной, жилой, пуповой,

«Суставной, становой, подкожной,

«Ушной, глазной, зубной...

Такъ же рабъ Божій имрекъ не слышалъ бы въ себѣ — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи — отъ нынѣ и до вѣка — вѣкъ по вѣку — вѣковъ. Аминь.

(Олонец. Вѣдом. 1867.)

17. Заговоръ отъ зубной боли ¹⁾.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, отцемъ прощень, матерью благословлень, выйду я, рабъ Божій имрекъ, изъ избы въ избу двери, изъ двора воротни въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ идутъ путемъ дорогою три святителя Христовы: Авраамъ, Исаакъ и Антипъ, зубной изцѣлитель. При пути и при дорогѣ лежатъ мертвецы непогребенны. Спросятъ у нихъ святители Христовы: «Что вы, мертвецы непогребенны, лежите при пути, при дорогѣ? Не болятъ ли у васъ болѣлые зубы, не щепятъ ли кости, не точатъ ли черви; нѣтъ ли въ нихъ щипоты, ломоты и опухоли? «И говорятъ мертвецы непогребенны: «Ой вы, святители Христовы! Мы есть мертвецы непогребенны, лежимъ при пути при дорогѣ. Не болятъ у насъ болѣлые зубы, не щепятъ кости, не точатъ кости (черви?); и нѣтъ въ нихъ щипоты, ломоты и опухоли».

1) Молитва на зубную боль. Читатъ надъ чеснокомъ ее трижды. Положить одну половинку чесночинки на больной зубъ, а другую привязать къ жилы той руки, на которой щекъ болить зубъ.

(Примѣч. рукописи.)

И такъ я, рабъ Божій имрекъ, помолюсь и поклонюсь тремъ святителямъ Христовымъ: Аврааму, Исааку и Антипу зубному изцѣлителю. Помогите и пособите мнѣ рабу Божию имр., чтобы не болѣли мои бѣлые (болѣлые?) зубы, не щепели бы кости и не точили бы черви, и не было бы въ нихъ щепоты и ломоты и опухоли въ ста-то трехъ и двухъ составахъ, въ ста семидесяти двухъ и трехъ жилахъ, въ новомѣсяцѣ, въ полномъ и въ перекроѣ, въ новцѣвомъ и верховомъ, въ нарожденномъ и схожой(?) пятницы. Будте мои слова и рѣчи сильныя, и тѣмъ словамъ въ подтвержденіе ключъ и замокъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(Изъ рукописи).

18. Отъ суровца.

«Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь

«Изъ избы дверьми

«Изъ двора воротами,

«Во чисто поле за — воромъ —

«Въ восточную сторону.

«Въ восточной сторонѣ есть сине море;

«Въ синемъ морѣ — синѣй камень,

«На томъ ли на синѣ камнѣ

«Сидитъ Пречистая Богородица.

«Возмолюсь, поклонюсь я рабъ Божій имрекъ той ли Пречистой Богородицѣ.

«Пречистая Богородице!

«Вынь и выложи изъ раба Божія имрекъ суровецъ, непросыпъ, головной, глазной, пупной, изъ сахарныхъ устъ, изъ горячей печени, сердечной и подсердечной, зажной и подкожной, нутровой, пузырной и истовой, костовой и мозговой, жильной и составной, изъ 70 жилъ, изъ 70 составовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулова, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошвъ въ сыру землю, за темные гѣса, за

дики острова, гдѣ птица не залѣтаетъ, гдѣ звѣри не забѣгаютъ, добрые люди не загуляютъ, и воронъ кости не заноситъ — нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь».

(Олон. Вѣдом. 1867).

19. Уразъ снять.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Жидове самага Христа понимали, на кипарисномъ древѣ, на крестѣ распинали, жезломъ ребро прободали; а не видѣлъ самъ Иусъ Христосъ и царь небесный на себѣ, не видѣлъ не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. А такожь на мнѣ на рабѣ Божьемъ имрекѣ не быдъ (не будъ) не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. Итд.

20. Кровь заговаривать.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Есть великій Окянъ море; въ томъ великомъ окянъ морѣ есть калена изба; въ той каленой избы сидитъ три сестры, самому Хри(сту) дочери. Болша сестра сидитъ у порогу на золотомъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шолкову, зашиваетъ рану кровавую у раба Божія имрека. Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не болѣзни, не опухоли. Будь слово мое крѣпко. Итд.

21. Отъ ногтя.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Поди злой, лихой нокоть, вилокосный и прикосный, дремучей и темучей, закожной, забороной, жилиной, роздумной, и поди злой

лихой нокоть, и поди испарѣ (изъ поры?) Бо(жьей) скоти(н)ки, и поиди (въ) правое копыто, изъ правово копыта поди въ сыру землю, въ три сажени печатныхъ. Тамъ тебѣ злому лихому ноктю мѣсто! Будь мое слово крѣпко. И яки тѣмъ словамъ ключъ и замки за моремъ Окіяномъ вложе(?).

22. Отговоръ сумасшедшаго.

1. Очерчивая троекратно ножикомъ сумасшедшаго, знахарь читаетъ надъ водой слѣдующія слова:

«Отъ Духа Святаго,
«Отъ печати Христовой,
«Отъ Спасовой руки,
«Отъ Честнаго креста,
Отъ Богородицына запечатнаго замка!

«Ангелъ Хранитель!

«Сохрани его душу!

«Укрѣпи его сердце!

«Врагъ - Сатана — отступи отъ него

«Отъ раба Божія (имрекъ).

«А самъ Ісусъ Христосъ приступи

«Къ рабу Божию (имреку).

«Запрестольная Мати Божья!

«Пресвятая Богородица!

«Съ раба Божія (имрека)

«Сохрани и очисти

«всяку болѣзнь, всяку скорбь, всяку немощь, всяку нечисть бранныхъ словъ и своей лихой думы, притчи, уроки, переполохи, оговоры, одумы и призоры съ раба Божія имрека, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ сахарныхъ устъ, съ рукъ и съ ногъ и могучихъ плечъ и съ бѣлыхъ грудей, съ ретиваго сердца, съ бурой печени, съ легкихъ и съ селязня, съ 70 жилъ, съ 70 составовъ, съ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да съ тулова, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, а съ подошвъ въ сыру землю,

на темные лѣса, за синіе моря къ богатому крестьянину не безъ отрывки пива пить — во вѣки. Аминь».

Ножикъ, которымъ троекратно очерчивается больной, кладется въ изголовье. Водой, надъ которой бываетъ это шептанье, поятъ его и моютъ. Если онъ заснетъ, то совѣтуется при этомъ не будить его, пока онъ самъ не проснется.

(Изъ Олонецк. Вѣдом. 1867.)

23. Призоръ отговаривать.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Есть славное синее море, есть въ славномъ синемъ морѣ синей островъ, есть на синемъ островѣ синей камень, на томъ синемъ камени сидитъ синей человѣкъ, у синяго человѣка синей лукъ безтетивной, синяя стрѣла безъ перья, и отстрѣливаетъ синей человѣкъ синимъ лукомъ безтетивнымъ, синей стрѣлой безъ перья, притчи и призоры, и уроки, переломы и грыжища всякія, падежи и удары, и пострѣлы, всякую нечисть.

Есть славное серебрянное море, на серебрянномъ морѣ серебрянный островъ, на серебрянномъ островѣ серебрянной камень, на серебрянномъ камени сидитъ серебрянный человѣкъ, держитъ серебрянный лукъ безтетивной, натягиваетъ серебрянный лукъ, накладываетъ серебрянную стрѣлу безъ перья, отстрѣливаетъ серебряннымъ лукомъ безтетивнымъ и серебрянной стрѣлой безъ перья притчи и призоры, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища.

Есть славное Мугай-море, на Мугай-морѣ есть Мугай островъ, въ Мугай-островѣ сидитъ Мугай-птица, прилетаетъ къ рабу Божию имреку, отдерываетъ ногтями, отключиваетъ носомъ, перьями отмахиваетъ притчи и призоры, и уроки, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища у раба Божія имрека, притчи, призоры и уроки и вѣтрянные переломы и всякую нечисть, и летаетъ та Мугай-птица черезъ огненную рѣку и сгорять у раба Божія имрека тыи притчи, призоры и уроки, вѣтрянные переломы, падежи и пристрѣлы, и всякая нечисть. Во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь!

отъ зубной болѣзни, и щипоты, и отъ грыжи.

Говори на соль трижды: «Господи Боже, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Аминь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь»!

Вечерняя заря Марья, утренняя Маримьяна. (Уговори и утоли) у меня у раба Божія имрека сего грыжи и щипоту и зубную щипоту и костяную ломоту и червія неусыпающія, и всякой болѣзни, и уразы тѣлесныя и жилныя, и костяныя, и сердечныя, отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія. Аминь.

Младъ молодъ мѣсяцъ у меня уговори и утоли у раба Божія имрека грыжи, и щипоты, и болѣзни, и уразы тѣлесныя и жилныя, и зубную щипоту, и костяную ломоту, и грыжу, и червей неусыпающихъ отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествия. Аминь!

Рече Каинъ брату своему Авелю: Встанетъ ли братъ нашъ Авель отъ мертвыхъ? И никакоже не востати брату нашему изъ мертвыхъ!»! Такоже бы и не чета сему рабу Божію имреку ни грыжи и ни щипоты, ни болѣзни, ни уразу ни телѣснаго и ни сердечнаго, ни зубныя щипоты, ни костяныя ломоты и грыжи, и червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествия! И како же убитой мертвецъ Авель лежитъ отъ начала свѣта и не чувствуетъ въ себѣ ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни и уразу тѣлеснаго, ни жильнаго и не костянаго, и не зубныя щипоты, ни костяныя ломоты, ни грыжи, ни червія неусыпающаго. такоже бы у сего раба Божія имрека ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни, ни червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествия и суда. Аминь.

24. Оборона скоту.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Стану я рабъ Божій благословяся, лягу перекрестяся, одѣюся свѣтомъ, опояшуся свѣтомъ зорею, покрываюся облаками, обтыкаюся частыми звѣздами; стану на доброе мѣсто, ступаю въ

архангельскія слѣды и пойду я рабъ въ чистое поле, на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Отрекаюся отъ сатаны и отъ диявола и предаюся вышнему Творцу самому Гдѣ Иисусу Христу, Саваоу Богу, который сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицы и звѣріе и всякихъ малыхъ животныхъ и крестьянскихъ скотовъ и съ красными, и черными, и бѣлыми, и скомолими, и съ рогатыми и разношерстными и съ разными копытами на сбереженіе, и на сохраненіе, и въ мѣсто на слученіе, и ко двору на прихождение, а милому животу, крестьянскому скоту, на легкость, на здравіе и Божію милость и на животъ. Истинный Христось, Богородица, мати Божія, святые честные безсребренники Козмы и Демьяне, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, грозные воеводы небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власей епископъ Севастійскій, чудотворецъ Флоръ и Лаверь, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іераполскій, Киевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы, святые честные евангелисты: Маркъ, Лука, Іоаннъ и Матвей, Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Научите меня, раба Божья Козьму, и помогите, и благословите словъ говорить, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рысучево волка и отъ ползучево гада, и отъ напшово и отъ насланново звѣря, и отъ туруку, и отъ призора, и отъ падежу, и отъ падчия силы, и отъ нечистово духа, и отъ колдуна, и отъ колдуньи, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуньи, отъ черщеца, и отъ черницы, отъ бѣльца, и отъ бѣлицы, отъ скимняка, отъ скимницы, отъ попа поповича, отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ пареня и отъ дѣвки, отъ однозуба и(д)воезуба, отъ (т)роезуба, со стороны видящаго и мимо идущаго заговору и запрету. Милой животъ, крестьянской скоть, стой крѣпко въ огородѣ и сей заговоръ, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки аранъ-камень въ Аранскомъ морѣ, аки оклянъ камень въ Оклянскомъ морѣ, стой крѣпко сего огорода, и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія (имярекъ) и кругомъ моего милово живота и крестьянскаго скота. И кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянской скоть думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, и тому человѣку съ оклянъ моря вода выпить и камень поглотать; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянской скоть думою подумаетъ

и мыслию помыслить, и тому человѣку дѣтей своихъ приишь (пріѣшь) и кровь ему припить; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крест. скоть думою подумаетъ и мыслию помыслить, тому человѣку зубы со рта, очи со лба; и кто же на меня раба Божія (имя рекъ) и т. д. помыслить, и тому человѣку кругомъ окіянь-моря лѣсы пощитать, *вои* ¹⁾ позобать; и шьто нистъ (ни есть?) на земли цари, и всѣмъ царемъ царь огонь-царь и жжетъ и палить, отъ меня раба Божія (имя) и отъ милого живота и крестьянскаго скота и жжетъ и палить бѣлое тѣло, и черную кровь, и ретивое сердце, и кости, и жилы, и мозги жжетъ и палить; и какъ бы стекаются рѣки къ окіянь морю *съ текучимъ* горъ и дремучихъ лѣсовъ, и со мховъ и болотъ, и такъ бы стекался мой милой животъ и крестьянской скоть на гласъ трубнъ, сами съ лѣсу дальнаго, Божіею милостию, словами моими; и какъ сходится міръ крещеный, народъ Божій, къ звону колокольному, къ пѣнію церковному и ко отцу духовному, и такъ же бы стекался и сбѣгался мой милой животъ и крестьянской скоть на гласъ трубнъ, и съ лѣсу домой, Божіею милостию и словами моими; и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Синай-гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Вертепъ-гора, и столь (сколь) крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Аѳонъ-гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Фаѳеръ-гора, и столь крѣпкой огородъ четьре горы и четьре страны: Палестинскія и Ерусалимскія, горы не разсыпаются и не раздвигаются, съ мѣста не подвигаются, и столь бы же крѣпко сей огородъ, и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія, и кругомъ милого моего живота и крестьянскаго скота на сохраненіе и на береженіе, на мѣсто, на слученіе, и милому животу и крестьянскому скоту на легость и на здравіе, на Божію милость, на плодъ и на животъ. Истинный Христосъ, Богородица мати Божія, святые честные Козмы и Даміанъ, Михаи́лъ архангелъ и Гавріи́лъ архангелъ, грозный воевода небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іерапольскій, Кіевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Θεодосій, и вы святые честные евангелисты: Маркъ и Лука, Іоаннъ и Матѣей, Херувимы и Серафимы

1) Иглы хвойнаго дерева.

мы, и вся небесная сила! научите меня раба Божія Козьму словъ говорить, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бурога звѣря, отъ рыси, отъ росомахи, отъ рысучево волка и отъ ползучево гада и отъ нашлоцо и отъ насланново, отъ уроку и отъ призору, отъ притчей, и отъ падежа, и отъ нечистово духу, и отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ попа и отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба, отъ (д)воезуба, отъ (т)роезуба, и отъ старца и отъ старицы, отъ скимника и отъ скимницы, и отъ постригощего и мимо идущего, и отъ всякии (всякихъ) звѣрей земныхъ и лѣсныхъ, и отъ всякаго зла человѣка и лиха супостата. Ставьте же вы, дванадесять апостоловъ, и кругомъ меня раба Божія (имрекъ) и кругомъ моего милаго живота и крестьянскаго скота, тынь желѣзный, ворота мѣдныя, верей стальные въ землю тридевять лакоть, отъ земли до небеси, отъ небеси до земли; и еще ставте тынь каменный, ворота желѣзныя, верей мѣдныя въ землю тридевять лакоть, отъ земли до небеси и отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до лѣта, отъ лѣта до сѣвера, и еще ставте тынь сребреный, ворота мѣдныя въ землю тридевяти лакоть отъ земли до небеси, отъ небеси до земли до сѣвера на три поприща на три версты, и замыкайте тридевяти ключами и тридевяти замками съ огнемъ и пламенемъ и дымомъ, и отдайте тѣ ключи Богородицѣ въ седьмое небо, на престолъ Господень, и она же Владычица, Пресвятая Богородица, Царица небесная, мати Христова, загради ризою нетлѣнною, которою порождала и заграждала сына своего возлюбленнаго, Господа нашего Иисуса Христа, во святомъ градѣ, во Іерусалимѣ и во святой горѣ во Вертепѣ, и снесетъ Богородица свою ризу нетлѣнную, Іоанъ Предтеча и заградить крестомъ животворящимъ, и которымъ крестилъ Гда нашего Иисуса Христа, и снесетъ свою ризу съ крестомъ животворящимъ Іоанъ Предотеча въ седьмое небо.

25. Божественный обходъ рогатаго скота.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

Стану я, рабъ Божій пастырь, благословясь, пойду перекре-

стясъ изъ дверейъ въ двери, изъ воротъ в ворота, далѣче въ чистое полѣ. Стану я на востокъ лицомъ, на западъ хрептомъ. Помолюсь я рабъ Божій Господу Богу Саваофу, Христу Сыну Божію, Пречистой его Богоматери Богородицы и присно дѣвы Маріи, Іоанну Пророку Предтечи и Крестителю Христову, Михайлѣ Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Святымъ Апостоламъ Петру и Павлу и Святому Николаю Чудотворцу и Святому священномученику Власію Епископу Савастійскому Чудотворцу и Святому Преподобному Георгію, всей небесной Силѣ, со умиленіемъ припадаю и молюся Вамъ. Пособитѣ помогитѣ благословитѣ, на путь проводитѣ меня, раба Божія пастыря, съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ животомъ, съ коровьимъ стадомъ, пасти отъ сего дня, во все теплое лѣто, до бѣлаго снѣгу. Закройтѣ, заградитѣ, закреститѣ святыми своими Божественными нетлѣнными ризами ходячій (?) сей паскотинѣ и меня раба Божія пастыря *Іоанна*, мой милой скотъ, а крестьянской животъ, коровъ, быковъ, нетелей и малыхъ подтелковъ, колматыхъ, рогатыхъ, кладеныхъ и некладеныхъ, доморощенныхъ и вновь приведенныхъ, черныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, сивыхъ, и красныхъ, и всяку разношерстну скотину, отъ чернаго звѣря, отъ сѣраго звѣря, широкошапаго медвѣдя и прикидня, насилочнаго пакостника, переходнаго волка, волчхи, красныя лисицы, черныя соболича, отъ рыся и росوماхи, отъ великой змѣи, скорпіи, отъ всякаго злаго чловѣка порченника и пыточника и отъ всякія отъ падшія (падшя) силы, отъ падежу, отъ пострѣлу, отъ повѣтрія, отъ стрѣтущаго и постигающаго, со стороны видящаго, всякаго разнаго чина людей. Закрѣплю я рабъ Божій пастырь *Іоаннъ*, заговорю свое вышеписанное коровьѣ стадо вашими всесильными мольбами. Сколь твердо основаніе земное двинуться не можетъ съ мѣста, и сколь крѣпокъ Гробъ Господень на воздухѣ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и сколь крѣпокъ синій камень во окіагѣ мори, не крушится, не колется и не разгнется, столь крѣпокъ и жестокъ мой буди вышеписанной заговоръ кругомъ моего любимаго стада, вышеписанной заговоръ вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

О Пресвятая Госпоже Владычицѣ Богородицѣ, какъ ты закрыла заградила сына своего Господа нашего Іисуса Христа, во святомъ градѣ *Виліемѣ* Іудействомъ, отъ Ирода царя безбожнаго,

такъ ты закрой загради закрѣпи Святой своеѣ ризою нетленной ходячи(?) въ моей паскотинѣ, къ осѣку, по тропамъ, по угодыамъ и меня раба Божія пастыря *Іоанна* и мой милой скотъ крестьянской животъ вѣкъ по вѣку Аминь, Аминемъ заключается!

О Пресвятой Царю Господи! (поставь) около моего вышеписаннаго коровья стада тынъ желѣзной, другой булатной, третій мѣдной, въ четвертыхъ стѣну каменную глубиною три сажени въ землю, вышиною тридевять сажень, проводи, Господи, рѣку огненную глубиною до самыя бездны, повели, Господи, тѣ вышеписанные тыны, и ту стѣну каменную замнуть и заложить святому Апостолу Петру златыми его ключами и снести за престолъ подъ святую его одежду нетлѣнную; какъ сего замка ключей не видѣть, такъ же бы звѣри не видѣли моего любимаго стада, кажися сіе при лѣсѣ лѣсомъ, при горѣ горой, при камнѣ камнемъ, при водѣ водой, Аминь, Аминемъ заключается.

О пресвятыи Царю Господи! пошли Господи св. пророка Ілію на огненной колесницѣ, съ громомъ и молніею, со стрѣлою с кременной, чтобъ изстрѣлить изъ моей паскотины всякаго зверя. Пошли Господи злыхъ медицинскихъ (меделянскихъ) лютыхъ кобелей съ острыми зубами, съ желѣзными кохтями, чтобъ прогнали изъ моей паскотины черныхъ дикихъ разныхъ разнопомннутыхъ зверей; медвѣдей, медвѣдицъ. Подте вы за синее окіанъ-море, на дикомъ лѣсѣ; тамо вы ѣшгѣ зеленую траву, пейтѣ болотную воду, ломайте и ворочайте пенъе, и колодые и выискивайте дикое каменье, а у меня раба Божія пастыря въ моей паскотинѣ вамъ ни питья, ни яденъя, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Какъ собираются народъ православной ко звону колокольному, къ пѣнію церковному или къ отцу духовному, и какъ собираются муравьевы дѣти къ отцу своему царю мурашу со всѣхъ сторонъ, служатъ ему и слушаютъ его всегда, и какъ стекаются быстрыя рѣки и мадыя источники во славно окіанъ море, такожде мой милой скотъ, крестьянской животъ, любимое коровье стадо, или бы плелися - валися въ одно мѣсто, стекалися на трубу мою, на покать солнца въ новцѣ и вѣтхѣ, на перекроѣ - мѣсяцѣ, въ меженныя дни, во всякое время, изъ паскотины, изъ рѣкъ, изъ ручьевъ, изъ сѣнныхъ покосовъ, со великаго мѣста къ домамъ своимъ, къ

хозяевамъ и хозяйкамъ, безъ обрядочно дружка отъ дружки не оставаючись, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Возми у всякой скотины межъ рогами шерсти, и клади въ воскъ, прочти эту книгу, три разъ по солнцу и с образомъ и и обойди три разъ, волочи за собою топоръ, и такъ спусти, а воскъ зарой въ землю, чтобъ люди не видали и не знали.

Аще кто на меня раба Божія пастыря и мой милой скотъ зло подумаетъ, какой порчею враждебною статьею, у того бы порченника и пыточника въ тимѣ языкъ воротило бы, подкопѣнныя жилы рвало бы, скочили бы очи, со лба выпрянули бы, чтобъ ему порченнику и пыточнику въ день покою и въ ночь усыпу не было, и до смертнаго его часу буди Господи во вѣки вѣковъ Аминь.

(Изъ старин. рукоп.)

26. Отпускъ скота.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Стану я рабъ Божій Иванъ благословясь, пойду перекрестясь во святыхъ темныхъ лѣсахъ (двухъ строчекъ разобрать нельзя) со свѣтомъ Богородицей Маріей. Спаси и освободи, помилуй мое стадо, крестьянской животъ: одношерстные и двоешерстные кони и кобылы и малыя поскотя(ны) черныя и бѣлыя, сѣрыя и красныя теля, такожъ и коровы черныя, и красныя, и пестрыя съ малыми подтелками отъ всякаго чернаго звѣря, медвѣдя и медвѣдицы, широколапого, и волка рыскачаго и волчицы; и постави, Господи, около моего стада, милаго и любимаго крестьянскаго живота (горы) каменные, тынъ желѣзный, столпъ огненный отъ земли и до неба. Спасите и помилуйте, Фролъ и Лаврей, святыи Егорей Храбрый, милыя кониныя и коровыи стада, кони и кобылы и коровы и посоковъ и подтелковъ, а одношерстныя..., бѣлыя, и сѣрыя, и красныя и пѣгихъ отъ дребей и болотъ, чтобъ не потерялась ни едина шерстина и копыто отъ крестьянскаго

милаго живота, любимаго скота; чтобъ не могли ни колдуны околдовать, и ни еретики оеретичествовать, да никакой портеневикъ испортилъ, ни еретицы; и кто подумаетъ худое, пройди скрозь того стрѣла каленая, отъ моего любимаго стада, крестьянскаго скота.

Царю Давидъ, царю Ко(н)сѣ(ант)инъ, царю Соломонъ! Спасите и сохраните конское и коровье мое стадо, милый, любимый, крестьянскій животъ. Какъ царь Ко(н)сѣ(ант)инъ ходилъ около своего воинства со крестомъ и сохранялъ свое воинство, также и около моего конскаго и коровьяго стада, милаго крестьянскаго живота, ходилъ бы и сохранилъ бы со крестомъ отъ чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя и медвѣдицы, отъ сѣраго рыскачаго волка, волчицы, и отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ еретиковъ и отъ еретицъ, и отъ портениковъ. И поставте вы около моего стада, милаго крестьянскаго живота, горы каменные, столпъ огненный и тынъ желѣзный. Зверь(?) моего голоса и моего слѣду, и какъ услыша(тъ) церковный звонъ, такъ бы и собирались малое (милое?) мое стадо на означенное мѣсто, гдѣ я самъ живу, отъ темнаго лѣсу, и отъ дребей, и отъ болоутъ, на всяку ночь, всѣ до единаго, лошади и коровы, малыя и большія, всегда, нынѣ и при-сно, во вѣки вѣковъ, Аминь!

Т О Ж Ъ.

Ходить вокругъ трижды и читать отпускъ, собирать со всякого и коня, и кобылъ, и коровъ, посоковъ шерсти съ головы и съ копытъ овецъ рѣсать (рѣзать?) нектя на крести(?), положить муки помолой, все вмѣсто: шерсть, муку и ногти въ одно мѣсто, отъ колоколовъ соскрести мѣди, ту же положить и испечь въ мякушку. Въ томъ же мѣстѣ отъ церковныхъ колоколовъ соскрести мѣди, въ мякушку спечь, смолоть, въ тую мякушку закатать и воскъ; а рябиновое дерево то вырвать съ коренемъ, около стада носить со отпускомъ первое какъ посадить, и еще топоръ и ножикъ впереди себя, образъ Егорія и крестъ деревянный изгонъ(?) деревянный носить въ пазухѣ, около стада, рослелъ (росной) ладанъ, артусъ(?) и полушка мѣдная держать при себѣ; послѣ хожденія рябина расколотъ до конца..... около и сквозь стадо пропустить воротами, а надъ воротами поставить (въ) верхъ образъ и крестъ изгонъ(?) по обѣ стороны, и замокъ дугу положить

на двѣ стороны. Какъ скотъ пройдетъ рябинку, замокъ замкнуть и свести въ лѣсъ, положить въ муравейникъ къ отпуску, при себѣ держать. А которые кони будутъ бѣгать и тѣхъ свести въ гдѣ самъ живетъ, став (Дальше разобрать трудно).

(Изъ старин. рукописи.)

27. Заговоръ - оберегъ при свадьбахъ.

..... меня раба Божія имрека во своя святыя руку (?) и всѣхъ тыхъ тридесяти замковъ все мои ключе золотые, снесъ (?) тые мои ключи на вышнѣе во седмое (небо?) и отдагъ тебѣ, Господи, всемогущему и великому Богу, а ты, Господи, Боже святыи, у свои (?) арангела Михаила принявъ вседержительную (вседержительную) крѣпкою десной всѣ тия мои ключи золоты, и положи ты, Господи, на свой чесный на вышній иже херувимскія неподвижный престолъ подъ свою перину дорогую и ти, Господи, самъ на тую свою перину дорогую в семь часу и на тьи мои ключи золотые на все, и не вынять тыхъ моихъ Господи, никому, ни ко(л)дунамъ, ни ко(л)дуницамъ, ни вѣдонамъ, ни вѣдоницамъ, ни старцамъ, ни старицамъ, ни черницамъ, ни чернецамъ, ни попамъ, ни подадьямъ, ни бѣлцамъ, ни бѣлицамъ, ни вдовцамъ, ни вдовицамъ, ни каликамъ, ни нищимъ, ни старымъ, ни малымъ, ни чернокровымъ, ни бѣлокровымъ, ни краснокровымъ, никому, ни какому человѣку — новобрачному сему, или второбрачному, княгини имрекъ, и его тысецкому имрекъ, и боярамъ его, и друшкамъ, свахамъ, и брудгамъ, и конюхамъ, и *лошадямъ*, всему поѣзду и добрымъ гостемъ и гостьямъ званымъ - бранымъ, и всѣмъ домашнимъ стряпчимъ, и поварамъ сидячимъ дома, и в людяхъ, и за столомъ, со всемъ поѣздомъ его, по земли пешь идучись, или на коня едутчись верхомъ, или по водамъ едутчись мимо многіе грады жи и пустые, болшіе и малые погосты и волости и многіе деревни, болшіе и малые, на море и на езерахъ, и на рѣкахъ едутчись в судахъ, мимо многіе острова болшіе и малые, или луды болшіи и малые, и по земли идучись на мхахъ, на глаткихъ болотахъ, и лѣсахъ едутчись, мимо многія древа

болшіе и малые, и мимо великіе щели и каменія болшіе и малые, мимо едутчись храмины пустые, ловецкія пашенныя станы, на всякомъ мѣсте и вездѣ быть всѣмъ отъ всякихъ нинавистниковъ и сопостатовъ здавымъ (здравымъ) и сохраннымъ, а на тыхъ на всѣхъ моихъ на вострыхъ тынахъ, которы ставлены нынѣ у меня раба божія имрека около сего новобрачнаго князя имрекъ, около всего поѣзду его, и конемъ его и всякому дому его, и всякаго милого живота его, всехъ добрыхъ гостей его на всякомъ на вострой тынины желѣзно(й) по го(ло)вы по колдуновой и видуновой, и по колдунихиной, по видунихиной, а еще на одной моей на болшей на вотой (вострой?) на желѣзной тынины быть головы ко(л)дуновой и виновой (вѣдуновой), ко(л)дунихиной и видунихиной и кудесниковой и кусниціной (кудесниціной), и кто будетъ каковъ злодей мой и супостатъ, портежникъ и ненависникъ, колдунъ или ведунъ или кодесникъ или портежникъ или¹⁾ ведуниха или кудесница на сего по имрекъ, на тысяцкого его имрекъ и на жковъ, и на сваху, на брудгу, и на к его, и на стряпчихъ и на грепцовъ и его и на всякой милой животъ его на хадучей, на всякихъ добрыхъ гост поѣзду его, начнетъ помышлять ка человекъ портить, старецъ, или черницъ, ил или белецъ, или колдунъ, или ведунъ, или кудесн богатъ, или нищъ, чернокровъ, или краснокровъ, или бѣлокровъ, или старица, или черница, или попадья, или белица, или чернокрова, или краснокрова, или бѣлокрова, или богата, или нища, вочи или по заочи, или за столомъ седутчись, или въ стрету едутчись, или за хоромины, или за угла или стороны, по близку и по далеку, за древа, зат (?) каменя смотрятчись, или мѣшь (межь) людьми стоячись, начнетъ бранить, или бѣщестить, или портить, и того злого человека злодея и сопостата моего на той вострой и на желѣзной на большой тынины быть головы, колдуновъ, и видуновъ, и кудесниковой, колдунихиной и видунихиной и кудесниціной впредъ во вѣки вечныи злодѣевъ моихъ всякихъ зломы упостатовъ моихъ всякихъ потре дуновъ и ведоновъ и кудесниковъ и дуніцъ и

1) Всѣ пропуски съ этихъ поръ происходятъ отъ того, что у рукописи оторванъ цѣлый кусокъ.

кудесницъ и всякихъ лихъ въ и нортежниковъ мо-
ихъ злодѣевъ грозныя вся небѣсныя силы вое-
вода Христовъ Михайлъ, ты всѣхъ моихъ су...
... атовъ своимъ востымъ (вострымъ) и огненнымъ мечемъ присе-
каеть, а конь его прѣдаетъ (?) всегда нынѣ и присно и во вѣки
вѣковъ, Аминь.

(Говорятъ надаглами (надъ иглами?) и над..... а на тые
бѣзушій (?) плюнуть трижды, и въ замокъ плюнуть трижды, и
замнуть.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ОЛОНЕЦКАГО ПОДРЪЧІЯ.

Авторъ этой замѣтки принужденъ относиться къ Олонецкому подрѣчію, какъ къ самостоятельному цѣлому, потому что онъ не имѣлъ случая изслѣдовать другія видоизмѣненія сѣвернорусскаго нарѣчія въ губерніяхъ Новгородской, Архангельской, Вологодской, Пермской и Сибирскомъ краѣ; потому онъ поставленъ въ необходимость приводить многія особенности произношенія, словообразованія и флексій, которыя свойственны, быть можетъ, всему сѣвернорусскому нарѣчію и отличаютъ его отъ прочихъ великорусскихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что совокупность приводимыхъ особенностей принадлежитъ цѣлому здѣшнему краю: въ частности, языкъ, которымъ говоритъ народъ въ Олонецкой губерніи, изрѣзанной множествомъ озеръ, непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, раздѣленной на четыре неравномѣрныя полосы водами Онежскаго озера и раскинувшейся на огромномъ протяженіи, распадается на множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже и по волостямъ. Впрочемъ, если оставить въ сторонѣ случайныя измѣненія, производимыя сосѣдствомъ Кореляковъ и порчею языка у обрусѣлыхъ Корель, то изъ этого множества деревенскихъ обособленій выдѣлятся два главныхъ разнорѣчія: а) Заонежское и близкое къ нему Пудожское и б) Каргопольско-Вытегорское ¹⁾.

Надлежитъ также оговорить, что авторъ, при собираніи данныхъ, обращалъ вниманіе преимущественно на языкъ женщинъ,

1) Въ Олонецкомъ уѣздѣ, большей части Повѣнецкаго и части Лодейнопольскаго живутъ Корелы.

которыя, оставаясь большею частию дома, споконъ вѣка передають отъ одного поколѣнія другому рѣзкія отличія мѣстнаго говора, между тѣмъ какъ мужчины, переходя въ отхожихъ промыслахъ изъ одной мѣстности въ другую, проживая въ столицѣ и другихъ губерніяхъ, говорятъ весьма часто языкомъ, въ которомъ всѣ типическія особенности если не совсѣмъ стерты, то далеко не такъ замѣтны, какъ у женской части населенія. Много данныхъ заимствовано также изъ языка бытовыхъ и былевыхъ пѣсень, который сохранилъ еще вполне мѣстный колоритъ.

Произношеніе.

I.

А. А, у Петрозаводскихъ, Пудожскихъ и въ особенности у Повѣнецкихъ Заонежанъ, произносится часто какъ *я*, напр.: безъ спрoся, разгорѣться, лебсѣть (шлепать по грязи), больня, въ лисѣхъ, во снѣхъ, вмистѣхъ (вмѣстѣ), ярмякъ нѣйлучшій. Въ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на *да*, *а* произносится какъ *ы*, напр.: туды, суды, когды, тогды. Также произносится и въ имен. множ. у существительныхъ съ окончаніемъ *инз*, напр.: хозяевы, крестьяны, поѣзжаны, напогощаны.

Е. Послѣ *ж*., *е* произносится какъ *а*; напр.: жанихъ, жаланный. Послѣ *д*, *е* у Заонежанъ, въ особенности у Повѣнецкихъ, произносится какъ *э*, напр.: молодѣнькій, посаждѣньце (отѣцкій). *Е* переходитъ въ *ё* въ косвенныхъ падежахъ притяжательныхъ мѣстоименій: мой, твой, свой, напр.: своей, твоей, (также сего, почѣстный). Но зато *е* не переходитъ въ *ё* во 2, 3 лиц. ед., 1 и 2 множ. наст. и буд. времени, напр.: ведетъ, ведемъ, веде, ведете. *Е* иногда переходитъ въ *и*, напр.: биздила (ничего недѣлающій), захиривать, цирточка (черточка). Иногда *е* звучитъ какъ *я*, напр. въ словахъ: мяць (мечъ), тястице, ня пойду (у Заонежанъ), имянство. У Заонежанъ, въ особенности Повѣнецкихъ, *е* часто переходитъ въ *о*, напр.: робята, тоби, соби, тобя, собя, солоный, разторзатъ, още (иногда, аще), одва, одиный, борозно (бережно).

И. Послѣ *ж*, въ словахъ производныхъ отъ корня *жадать*, *а* сохраняетъ свой звукъ, не переходя неправильно въ *и*, напр.:

жадаморъ, жадовикъ. Иногда *и* переходитъ въ звукъ, близкій къ *е* напр.: оберать (убирать), гредня, нечего (ничего), пехнуть. *И* переходитъ часто въ *ы*, напр.: эти, этихъ, однихъ, ранняя, самыхъ, рычать или крычать. Въ сложныхъ словахъ изъ предлога *изъ* и корня, *и* передъ *з* не произносится, если корень начинается съ согласной, а слово черезъ такое произношеніе не будетъ смѣшано съ рѣченіемъ, сложеннымъ изъ того же корня и предлога *съ*, напр.: збавлять, злучить, знедобиться (обезсилить), за сыра дуба, сподъ, зраненъ, за маленька (изъ, или съ изъ маленька), сошку съ земельки повывернулъ.

О. *О* безъ ударенія не переходитъ въ *а*. *О* произносится иногда какъ *е*, напр.: неготъ, негтиный, гремъ, шепеткомъ, фенаръ, ревня (ровня). *Онъ* произносится какъ *ѣнъ*. *О* произносится какъ *у*, напр.: *куль* (коли) и въ производныхъ отъ него, напр.: докуль, покуль, откулешный, и какъ *ю* въ нарѣчіяхъ: отсюль, досюль, и производныхъ: отсюлешный, досюльный и проч.

У. *У* произносится какъ *о* въ словѣ: убирать и производныхъ отъ него: оберать, сошка обрана. *У* произносится какъ *ы* въ словахъ: быдъ (будъ), быдто, забыдущій, и какъ *я* въ словѣ: вынять (вынуть).

Ъ. Буква *ъ* почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда, произносится какъ *и*, напр.: сиверинъ, свитѣль мисяць, риценька, мника, мійсцо (мѣстечко), обиденка, золото не мидіеть, серебро не зелизіеть, гди (впрочемъ напр. *зди* (здѣсь) звукъ *я* приближается къ *е*). *Ъ* произносится какъ *е* въ словѣ: бесѣда. Въ окончаніи сравнительной степени *ъ* звучитъ какъ *я*, напр.: вѣрняе, скурйя.

Ы. Въ прилагательныхъ, оканчивающихся на *ный*, *ы* часто произносится какъ *і* (въ косвенныхъ падежахъ этихъ прилагательныхъ тоже слышится мягкая гласная, напр. дороднему, болотная, больня); напр.: въ словахъ: соборній, дородній, болотній, подъугольній. *Ы* произносится какъ *у* въ словахъ: бувать (бываетъ), безстужій.

Я. *Я* произносится какъ *и* въ словѣ: заболіася.

Ъ. *Ъ* произносится какъ *ь* послѣ *и* (молодець) и въ окончаніи 3 лица множ. времени настоящаго и буд. 1 спряженія, напр.: цитають, поють, давають.

Ой, въ соединеніяхъ изъ предлога и глагола: имать, произносятся какъ *ы*, напр.: *пымать*, *сымать*.

В. *В* въ предлогѣ *въ*¹⁾ не произносится, напр.: *стрѣта*, *стокъ*, (*востокъ*), *зрадоваться*, *звеличать*, *спомню*, *незгода*, *здохъ*. Когда необходимо нужно удержать звукъ *в*, тогда или между *в* и *з* вставляется *о*, или же употребляется предлогъ *омъ*, напр.: *высталь въ сырой дубъ*, *соколъ вылетѣлъ въ дубъ*, *выздынулъ (взвелъ) хоромину*. Иногда *в* произносится какъ *у*, особенно передъ *д*, напр.: *у дѣвушкахъ*, *удовка (вдовица)*. Въ деревняхъ, гдѣ населеніе нѣтъ и русское, но образовалось изъ обрусѣлыхъ *Корель* и *Чудиновъ*, такое произношеніе особенно распространено, напр.: *лаука*, *дауно*. *В* произносится какъ *м* въ словахъ: *макомка*, *похматка*, *примипять (привѣчать)*, напр.: *встрѣцала-примипцала (привѣчала)* *молода жена*, чтобы красныя дѣвушки *примипцали (привѣчали)*.

Г. Звуки *и*, *к*, *х* передъ *н* въ срединѣ словъ часто не произносятся, напр.: *выстенуть*, *стено (стегно)*, *застенуть*, *стоснулося*, *смануль (махнуль)*, *столнулись*, *отомннуть*. *Г* произносится у *Пудожанъ* какъ *м* въ словѣ: *муница (гуня)*.

Д. *Д* произносится какъ *и* въ предлогѣ: *иля (для)*.

Ж. *Ж* произносится какъ *з* передъ *н*, напр.: *дорозный*, *рогозенный*, *порозный*, *мезень (бѣлка, битая позднею весною; но въ значеніи лѣтняго времени межень сохраняетъ звукъ ж)*, *борозно (бережно)*, а также: *зелизить (желѣзѣть)*; но въ словахъ: *сязно*, *корчажный*, *турыжный*, *ярыжный*, *натяжной*, *жс* сохраняетъ свой звукъ. *Ж* употребляется вмѣсто церковно-славянскаго *жд*, напр.: *межу*, *пробужается*, *посажены*, *одежа*, *допрежъ (прежде)*: иногда, очень рѣдко, *жд* является вмѣсто обыкновеннаго *жс*, напр.: *саждають*.

Зж смягчается въ *ждъ*, напр.: *пріѣзждялъ*, *поѣждяне*.

К. *К* произносится передъ *н* и *т* иногда какъ *х*, напр.: *ехнуть*, *кто*, и на оборотъ, напр.: *клеснуть (хлеснуть)*. *Г* произносится какъ *к*, напр.: *мяккой*.

Л. *Л* произносится какъ *м*, напр.: *ожереньице*, *гайноице (хайлице)*, и на оборотъ: *околница (оконница)*.

М. *М* произносится какъ *б* въ словѣ *бладой (младой)*; *м* какъ *н* въ словахъ: *на зень*, *о зень*.

1) „Вз“ употребляется гораздо чаще чѣмъ „воз.“

И. П у Заонежанъ не произносится въ словѣ ташка (птапка), а у Пудожанъ произносится какъ *м* въ словѣ мтица (птица).

Р. Р произносится какъ *л* въ словѣ пелепелка.

Т. Т произносится какъ *д* въ словѣ оцюдиться (очутиться) и переходить въ *ч* въ словѣ скачѣнъ (скатенъ, скатной).

Ц и Ч. Ц и ч постоянно употребляются одно вмѣсто другаго или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *цъ*, напр.: чѣльй, чѣдитъ (цѣльй, цѣдитъ), молодець, умничя (или умняця), ларчя (или ларця), личо (лице), цейця (чайка), цюжой, вецѣръ, поворъчюсь, (цирточька, соцькій); *тъся*, произносится какъ *тыце*, напр.: колотитьце, даваеъце; *тч* какъ *циъ*, напр.: ршѣццятый (рѣшетчатый).

II.

Вообще Олонецкое населеніе, особенно въ Заонежѣ, любитъ мягкіе звуки и смягчаетъ не только гласные, но и согласные звуки.

Объ употребленіи смягчающихъ звуковъ и придыханій, замѣнѣ *з* и *ь*, перестановкѣ словъ и сокращеніи словъ замѣтимъ слѣдующее:

1. Древнѣйшій твердый звукъ удержался въ глаголѣ *уродовать*, юродствовать; формы *единый* и *одинъ* употребляются безразлично. Вмѣсто первоначальнаго мягкаго звука *е* употребляется *о* въ словахъ: *одва*, *още*, *тобя*, *собя*, какъ упомянуто выше.

2. Придыханіе *й* употребляется въ мѣстоименіи *ѣтъ*, *ѣна*, *ѣно*, *ѣны*. Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія, когда предшествуетъ предлогъ, наставляется или *й*, или *н*, напр.: *на ѣтъ*, *на ѣй*, *къ ѣй*, *за нея* *за рѣчи*¹⁾, *за него* *перстни*; *й* является въ срединѣ слова *байна*.

3. Придыханіе *е* наставляется въ словахъ: *въюношь* (юноша), *Вольга*, и удерживается въ словахъ: *охвота*, *охвочъ*, *обвороти-стый*, *обвернутъся*.

4. Придыханіе *з* употребляется при стеченіи гласныхъ въ словахъ: *пригузъ*, *погалзывать*, (*герликъ*), и вмѣсто *ь* въ словахъ: *друзги* (друзья) и *тваргожина*.

5. Вставка *о* и *е* при плавныхъ *л* и *н* употребляется чаще, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ подрѣчьяхъ, напр.: *волога*, *че-*

1) *Найной* *городъ* (*на иной*), *восприимный*.

рево, оболочка, полонъ, добѣръ, опережь, пело, соромъ, столобъ, хоробрый.

Въ пѣсняхъ употребляются впрочемъ и древнія формы: младъ, злато.

6. Въмѣсто ѣ вставляется е, напр.: смеретушка, полестися (отъ *лѣстити*), левымъ, верехъ, казень. Посредствомъ того же ѣ постоянно смягчаются звуки: ж, ц, ч, с, ш, особенно въ Заонежьѣ, напр.: молодчамъ, подѣсьтнѣй, русьскій, Христосьскій, Шюнга (иногда даже Сюнга), оставежь, въюношь, ськура (шкура).

7. Если слово начинается двумя согласными, часто наставляется о, напр.: обрыкъ, оплеть, Опсково, ортина, оскатнѣй, охлобыснуть (во ходить, вм. входить).

8. Перестановка слоговъ чаще, чѣмъ гдѣ либо: долонъ, гни-ла, бережа, заворыдать, суворый, незамочъ, схарпывать, ребро (вм. бедро), тверезый (вмѣсто испорченнаго *подчивать* употребляется древняя форма *почтивать*).

9. Любовь къ сокращеніямъ крайняя: выкидываются не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги, какъ напр.: стокъ (востокъ, востокъ), здохъ, столнулись, застенулъ, поворыцось, жавроленокъ, мѣйско, видла, сидла, пугвиця, скаце, пляше, иде, радосень; не ходъ, возъ, гляй (гляди), не идъ (не ѣзди), племникъ, племница (племянникъ), у мя, урки (уроки), набъ (надобъ); продолженныя древнія формы сохранились въ словахъ: комонъ (конь), дочи, лечи, истопка.

III.

Вліяніе Кореловъ и Чуди, побѣжденныхъ предками русскихъ Олончаѣвъ, Новгородцами, и загнанныхъ ими въ болота, горы и дебри, но во многихъ мѣстахъ живущихъ въ сосѣдствѣ съ потомками побѣдителей и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сливающихся съ русскимъ населеніемъ, обнаружилось не въ произношеніи звуковъ или наплывѣ финскихъ словъ, а въ удареніи. Сами Корелы заимствовали у Русскихъ всѣ слова, означающія культурные предметы и понятія, а изъ своего языка дали только *нѣсколько* словъ общеупотребительныхъ въ цѣломъ краѣ, а не у однихъ обрусѣлыхъ Корель. Я, по крайней мѣрѣ, знаю лишь слѣдующія: *пажса*, гной (пайзе), *лембой*, чортъ, *ламба*, озеро (ламбы), *кюрзи* (Лодейн.), блины (кюрзи), *парманъ*, оводъ (пуарму); изъ

корельскаго же языка я произвожу рѣченія: *гарьюки*, литки (гарью, грива) и *занестужъ* (Лодейн.), толстая дѣвка (дьяра нейчуэтъ, по чудски, въ томъ же значенія). Особенно интересно заимствование словъ: *малтатъ* (умѣть) и *рибуши* (тряпки). Корелы, нуждаясь въ словѣ *умѣть*, взяли его изъ русскаго языка и передѣлали въ *мал-тада*; Русскіе, вѣроятно изъ подражанія Кореламъ или желая имѣть слово понятное и для себя, и для сосѣдей, обратили *малтада* въ *малтатъ* и употребляютъ его наравнѣ съ глаголомъ *умѣть* (напр. даже въ пѣсняхъ встрѣчается: онъ не малталъ Богу молиться). *Рибуши* происходитъ отъ корельскаго *рипакку*, которое есть ничто иное, какъ испорченное русское слово *тряпка*.

Въ корельскомъ языкѣ удареніе почти всегда падаетъ на первый слогъ; и у русскихъ Олончанъ, особенно у женщинъ, удареніе бываетъ очень часто или на первомъ слогѣ или на ближайшемъ къ нему, напр.: спѣсенье, вѣдникъ, живуцись, напала, пришель, вошелъ, молодой. Предлогъ притягиваетъ удареніе на себя, а также и частица *не*, напр.: наемъ, прѣдъ тобя, нѣ пойду, нѣ хоцю. Въ пѣсняхъ слова произносятся правильнѣе.

Словообразование.

1. Глаголь.

1. Прежде всего считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на употребленіе въ Олонецкомъ нарѣчій, въ первоначальномъ видѣ, такихъ глагольныхъ корней, которые уже исчезли изъ прочихъ великорусскихъ нарѣчій. Таковы глаголы: отъ корня *ры*—рыть (бросать), напр.: рылъ эти письма скорописчаты; отъ корня *ня*—пять (пинать), напр.: пялъ его правой ногой; отъ корня *ка*—каять; отъ корня *ска*—скать (раскатывать тѣсто), напр.: ски тѣсто; отъ корня *тя*—тясть, напр.: она тьяла его за ноги; отъ корня *сзс*—сзсать (сосать); отъ корня *ша*—шять (горѣть съ дымомъ, напр., ев. отъ Матѣ. XII, реймск. рукоп.: и льна вьнь

шася не угасить), напр.: не шайте жараточки муравленные; отъ корня *лы* (откуда польза, льгота)—лъзя, напр.: чтобы лъзя было пройти; отъ корня *тыр*—тереть (толкать въ попыхахъ), напр.: бѣгутъ да трутъ между собой; отъ корня *ня*—нять (досадить); отъ корня *чу*—чуть, напр.: онъ это чулъ.

2. *Заложи*. Отъ первообразныхъ глагольныхъ и другихъ корней употребляются многія замѣчательныя производныя заложныя формы:

а. Дѣйствительныя, образованныя усиленіемъ звуковъ и примѣтою *а*: отъ корня *дѣ*—дѣять, отъ корня *пзх*—пахать (мести), отъ корня *ем*—ямать (ловить), отъ корня *бж*—(санскр. бѣдж)—бажать (любить), отъ корня *дм*—здымать (поднимать), отъ корня *тыр*, черезъ существ. *торожъ*,—торыкать (ударять), отъ корня *кря* (крен)—крятать и сложныя: укрятать и скрятать (укротить, скрутить), отъ корня *тру* (трун—тру-нье, тряпки)—трын-кать (рвать въ клочья), отъ сущ. *пай*—паевать, отъ корня *кrox*—крохатъ (починивать), отъ корня *чаг*—чагать (доставать), отъ корня *ыр*—вирать (плести, напр.: вирать лапти), отъ корня *зб*—зобать (ѣсть что либо мелкое, розсыпчатое, напр.: конь зоблетъ пшеницу бѣлаяровую), отъ корня *шиб*—шибать (бросать).

б. Среднія: отъ корня *гра*—грать (каркать), отъ корня *гж*—гуркать (ворковать), отъ корня *гк*—гкаться (о лебединомъ крикѣ), отъ корня *щект*—щектать (напр., по соловьиному), отъ корня *муд*—глуздить (скользить), отъ корня *бас*—басить (выказывать себя красивымъ), отъ корня *зык*—зыкать (кричать, скоро бѣгать безъ цѣли), отъ корня *рык*—рычать (кричать), отъ корня *кур*—курить (скоро ѣхать на лошади), отъ корня *щеп*—щепить (щеголять), отъ корня *леб* (откуда лебези ѣ)—лебсать (шлепать по мокрому), отъ корня *гам*—гомотать (шумѣть), отъ корня *вик*—вискать (шипѣть), отъ корня *мызг*—мызгать (лаять), отъ корня *удни*—удновать (спать въ удни), отъ корня *реть*—ретовать (сердиться); отъ существ. *обида*—обидовать (обижаться), отъ существ. *стуна*—проступать (пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгѣ), отъ существ. *грязь*—прогрязывать (пробивать ногами тонкій слой засохшей грязи и вязнуть въ грязи), отъ существ. *уродъ* (юродивый)—уродовать, отъ существительныхъ: *чашиникъ*, *посолъ*, *столяникъ*, *постельникъ*, *подворникъ*, *крестьяникъ*, *толмачъ*, *судья*, *баба* (въ знач. повивальная бабка)—чашиничать, посольни-

чать, постельничать, подворничать, крестьяновать, толмачить, судьячить, бабить.

в. Дѣйствительныя съ примѣтою *и*: отъ корня *тыр*—торить, (напр. коня, т. е. торопить ударами), отъ корня *кор*—корить, отъ корня *пыр*—пружить (опрокинуть, напр.: опружить сани), отъ корня *хут*—хутить (прятать), отъ корня *лад*—ладить¹⁾, отъ корня *рядъ*—рядить, отъ корня *ша*—(шаль, шальной)—шавить (говорить пустяки, напр.: что ты шавишь), отъ корня *галь*—гальить (проказничать), отъ корня *роб*—робить (работать), отъ корня *крут*—крутить (одѣвать), отъ корня *юнош*—гоношить (копить), отъ существ.: *дрока*, *тынз*, *вдова*, *слеза*, *скорбь*, *перо* — винословные глаголы: дровичь, тынить, вдовить, слезить, скорбить, перить, напр.: дровичь сына по головѣ, тынить тынь, вдовить женѣ, слезить матерей, скорбить лице, стрѣлы перены перья орловыма; отъ мѣстоименія: *двои*, *трои*, *четверы* — двоить на двои, троить на трои, четверить на четверы.

г. Среднія съ примѣтою *ь*: *модѣть* (напр.: дрова модѣютъ, т. е. тлѣютъ; онъ модѣтъ, т. е. слабѣтъ), *мѣдѣть* (напр.: золото не мѣдѣтъ), *жельзѣть* (напр.: серебро не жельзѣтъ); сложные формы: *за-колодѣть*, *за-муравѣть*, *новы-цербѣть*, *призгорюмѣть* (заплесневѣть), *про-сѣтлѣть* (зоря просвѣтлила), *порозсѣтлѣть* (мѣсяць порозсѣтлѣлъ), *сѣдатлѣть* (начинать сѣдѣть).

д. Среднія съ примѣтою *ну*: *елнутъ* (дрожать отъ страха), *вереснутъ* (лопнуть съ трескомъ), *перехолоднутъ*, *перезябнутъ*, *перемокнутъ*, *надолызнутъ* (соскучиться), *затужнутъ* (околѣть, употр. о борозѣ)²⁾.

е. Среднія, принимающія съ наставкою предлога значеніе дѣйствительнаго глагола: отъ *спѣть* — доспѣть (приготовить), *ступитъ* — достигнуть (достать, добратъся) *лучитъ-ся* — излучить (добыть, напр. птицу), *цуркатъ* — прогуркивать, *забавитъ* (мѣшкать) — призабавить (промѣшкать, напр.: мѣстечки всѣ призабав-

1) Ладить и рядить употребляются въ самыхъ многообразныхъ значеніяхъ: лажу сани, обѣдъ, шубу (поправляю), чай; ладилъ ему поединщика; ладился жениться, въ путь; рядить ряды, рядила къ нему чару, наряжай (лошадей), наряжать (привести въ порядокъ); было намѣреніе наряжено.

2) Изъ этихъ глаголовъ только оба послѣдніе отбрасываютъ примѣту въ прошедшемъ причастіи (надолызнъ, затухъ), прочіе же удерживаютъ (елнулъ, вереснулъ, перехолоднулъ, перемокнулъ, перезябнулъ).

лены), *стать* — обстать (стать около), *цраять* обграть (черну ворону силы не обграть), *кучить* (отсюда с-кука, с-кучать) — напрокучить.

ж. Возвратныя: сряжаться, отодраться (въ смыслѣ отдѣлиться), ворохнуться, хутиться, окичаться, прощаться, (просить себѣ прощенія), прищивиться (пристать плотно), волочиться, выславиться (разсказывать о своихъ подвигахъ), задаться (поступить въ обученіе или службу), бахвалиться, испровѣщиться, крутиться (одѣваться), крянуться (тронуться съ мѣста), ладиться (собираться, напр.: ладился въ путь), объявиться (оказаться), тошиться, держаться (носиться), обрядиться (прятаться), повернуться (оборотиться), поостопаться, изниматься (выдѣлывать тѣломъ штуки), приогрошиться, подлыгаться, пристраниться, доложиться (выпроситься, напр.: доложусь въ гостебиче), спознаться (дать себя признать), сподобляться (готовиться).

з. Общія: подумиться, тулиться (прятаться), отслышаться (непослушаться), изнедобиться (обезсилѣть), изгодиться (ослабнуть), понакнуться (согласиться), издаваться (удаваться), поводиться (случиться), застояться (остановиться), извѣриться (выйти изъ вѣры), пересѣться, молитвиться, помшиться (обломаться), раскрежаться, ископытиться, нажадѣться (почувствовать жажду), обзариться, похвалиться, лучиться (случиться), собиться (быть не по себѣ), распастаться (распоясаться), суровиться (рѣзвиться), разбракаться (разболтаться), супротивиться, прохватиться.

и. Возвратныя, вмѣсто общеупотребительныхъ дѣйствительныхъ и среднихъ: посягнуться (на грѣхъ, на свои руки), завернуться (на дворъ), начаяться (незгоды, — и въ тоже время — начаять переимѣну), ставиться (силы мало ставится), играть (головами играемся), качаться (сама себѣ головушкой качается); на оборотъ, среднія формы употребляются вмѣсто общеупотребительныхъ возвратныхъ: кручинить, печалить, напустить (Добрыня кручинить — печалить; ежелибъ было столько силы погавой, напустилъ бы).

3. *Виды*. Въ образованіи видовъ замѣтимъ:

а. Усѣченныя формы для обозначенія мгновенности дѣйствія: заржай бурка по звѣриному; не смѣй Добрыня къ поленицѣ подѣхати.

б. Формы, образованныя усиленіемъ звуковъ: гонить (гнать),

наквасить, втерать (вставлять), молиться, подлыгаться, потыкаться, столыпаться.

в. Формы, образованные продолжением окончания глагола помощью звука *а* или *я* и *ва*: отложить, (отмыкать), класть, владать, кухнать, потыкаться, пошатать, дивовать (удивляться), обидовать, ретовать, гибаться, взимать, уродовать (удавается, издавается, дается, остается).

г. Формы многократного вида, образованные продолжением окончания глагола помощью звуковъ *ыва* или *ива*: лѣсывать, окладывать, попинывать, отщалкивать, оттрагивать, продрыгивать, притыгивать, погалзывать, пофурскивать, прогрязывать, споравливать, выздыновать, приопихивать, подрачивать, пересмѣтывать, пожаливаться, подпахивать; особенно замѣчательны формы: пиваль (вм. пивываль), вонваль (воевываль), поддаивать (подавивать).

д. Формы, образованные окончаниемъ *ну*: сколнуть (сколотить), сустигнуть, оброснуть, здынуть, загонуть (загадать), отгонуть, склеснуть, глянуться, крянуть (двинуть), приужахнуться.

е. Многочисленные и разнообразны формы, образованные приставкою предлоговъ. Въ Олонецкомъ подрѣчи сохранились, съ предложною надставкою, многіе древніе глагольные корни, какъ напр.: залѣсть (найти), завѣчать, привѣчать (ласково встрѣчать). Предлоги легко наставляются по два и даже по три, напр.: воспроиздуться (отъ корня кудес), понизувалить, испровѣщиться, повыздынуть, понаводить, понадѣться, поостонасться, призагормовѣть, приокинуться, споноравливать, исповыкупить, исповыручить.

ж. Формы совершеннаго вида: стрѣлить и скочить.

Особенно замѣчательно образованіе глагольныхъ формъ съ помощью наставки предлога *по* для обозначенія приготовленія къ дѣйствию: отъ глаголовъ идти, ѣхать, вести, везти и нести — *походить* (собираться идти, напр.: онъ походить въ церковь), *поязжать* (напр.: поѣзжаетъ Иванушко жениться), *поносить* (напр.: не пьянъ, а поносить т. е. начинаетъ тошнить), *поводить* (напр.: Добрыня поводитъ Настасью въ палаты), *повозить* (напр.: мы еще не собираемся, а сусѣды повозятъ товаръ на ярмарку).

Замѣтимъ здѣсь же употребленіе формъ, образованныхъ чрезъ рѣдко встрѣчающееся въ русскомъ языкѣ удвоеніе корня: даденъ

(миѣ былъ въ тѣ поры даденъ рубликъ), облеглають (облить, напр.: точно вешнія воды облеглали).

4. *Дѣепричастіе и причастіе*. Дѣепричастіе настоящаго времени образуется исключительно посредствомъ окончанія *учи, ючи, учись, ючись*: ходючись, бродючись, сядучись, поѣдучись, глядючись.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога не употребляется, а употребительны производныя отъ него отглагольныя прилагательныя на *щій* и *чій*. Первыя обозначаютъ значительную силу и какъ бы превосходную степень дѣйствія, выражаемаго глагольнымъ корнемъ: говорящій (эпитетъ орла), спящій (спящее зелье, повергающее въ непробудный сонъ), забудущій (повергающій въ забвеніе, отнимающій память, напр.: питье забудущее), плящій (огни плящіе — ярко горящіе; морозы плящіе — жгучіе, по стужѣ, какъ огонь), злющій, порнящій (необыкновенно сильный). Вторыя обозначаютъ, что дѣйствіе, выражаемое глагольнымъ корнемъ, составляетъ постоянную принадлежность предмета. Олонецкое подрѣчіе особенно богато такими прилагательными: ѣдучая корова, топучее болото, толкучія горы, двигучій камень, рысучіе и рыкучіе звѣри, клевучія птицы, капучая смола, зыбучая ольга, свистучій соловей, сверкучая молвія (молнія), пѣвучія птицы, поскакучій горностаъ, вертучій человекъ, сходячая луда, шумячій порогъ.

Дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога на *въ* употребляется, но рѣже, чѣмъ на *учи, ючи*. Причастіе на *щій* переходитъ въ отглагольныя прилагательныя, напр.: платье умершее (траурное). Сюда же надобно отнести прилагат.: овершій, опрокидывающійся, напр.: кровать овершая. Отъ древняго причастія на *ль* происходятъ слѣдующія формы: а, прилагательныя на *ль*: бывалый, стоялый, упалый (отъ корня *пад*), тухлый (отъ корня *тух*, напр.: тухлое око — померкшее, тухлый громъ — глухой), зяблый (хлѣбъ — позябшій), огорѣлый (напр.: корка), даже отъ глагола дѣйствительнаго *видѣть* — видалый (много мудрости видалый); б, существительныя на *ль* съ вставкою *е* послѣ корня: за-пек-е-ль.

Причастія настоящаго времени страдательнаго залога не употребляются; но съ помощію ихъ суффикса образуются слѣдующія формы: а, прилагательныя: грозимый, сладимый, незнаемый,

невѣмый (невѣмъ собою), не жалимый; б, существительныя съ помощію окончанія *мен*: сухмень, знамя (родимое пятно), ѣмины, сѣмины. Сюда же я причисляю существительныя: рамень, раменье (дремучій лѣсъ), производя ихъ отъ корня *ра*, отъ котораго происходятъ: ра—тъ, ра—жій.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога употребительно, какъ причастіе, только въ усѣченной формѣ: по колѣнъ у бурушка было въ грязи угрязнуто, вожено, брато, ловлено, уѣхано, хожено; боротось, побратанось, помѣненось; во сыромъ бору байна ронена, на добрыхъ-то коняхъ вожена, по рѣкѣ байна приплавлена, по край бережку поставлена, мшона байна лисицамы, крыта байна кунницамы.

Помощію суффиксовъ *н* и *т* образуются: а, прилагательныя: задвенный (забвенный, напр.: забвенный уголокъ), бажонный, порученный или обрученный (княжна порученая), браный (узорчатый), поеный, кормленный, точеный, сажонный (стрѣла перьяцомъ сажона), орленый (стрѣла орленая), плаченый (одежда плаченая), переный (крыльце, стрѣла), виженый (видный), ожуреный (кусокъ), нехоженный, сряженный (явства сряженныя), нелегченый (конь), покореный (родня покореная), куреный (изба куреная), сѣченый (грядка сѣченая), полоненый; б, существительныя: побытье, ручобитье, посаженъе или посажденье, образованъе (благословенъе образомъ), щепленъе, наказаніе (наказъ), изученіе (знаніе обычаевъ), конченіе (смерть), столованъе, щектанъе; курень (лѣсная изба, отъ *курений*), сочень (тонкій блинъ, отъ корня *скасть*); упршивальникъ, умоленникъ.

Отъ причастнаго суффикса *тр* образовались существительныя съ окончаніемъ *тай*: ратай, содержатай, сбережатай, ходатай; съ окончаніемъ *тель*: зазыватель, настоятель (правитель).

Неокончательное наклоненіе послужило къ образованію многосложныхъ формъ, изъ которыхъ замѣтимъ: 1, прилаг. вѣсто, (извѣстно); 2, сущ.: рать, дрань (все что можетъ изодрать звѣрь), рвань, спень (сонъ); 3, существ. на *ло*: вертило (вертунъ), лоцило (щеголь), вякало (постоянно вякающій), обирало (скупщикъ дичи); хайло, полохало (пугало), сѣдало (наѣстъ), ходило (лопатка), трепало, кружало.

II. МѢСТОИМЕНІЕ.

Изъ указательныхъ мѣстоименій замѣчательны:

1. *Сей, сія*, еще употребительныя.

Примѣчаніе. Прибавку *съ* въ выраженіи: «Кіевъ градъ очень красивъ *добрись*», я считаю не производною отъ *сей*, а происшедшею етъ слитія *добръ* и *естъ*.

2. *Этотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 1-му лицу, *этойъ* для обозначенія предмета, ближайшаго ко 2-му лицу, и *этого* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 3-му лицу или самаго отдаленнаго (сравни *вотъ*, *вося* и *вонъ*, напр.: *вотъ тутъ* — ближе ко мнѣ; *вося*, что *ты* выдумалъ; *вонъ тамъ* — ближе къ нему). Эти деньги отдамъ тебѣ завтра. Тебѣ съ этою удачею молодецкою накуасить рѣка будетъ Волхова. Пѣвецъ, описывая человѣка съ сумочками (см. Сборника нашего часть III, 1. 14) и обращая сначала на него все вниманіе, а за тѣмъ, вводя снова въ дѣйствіе Святогора, говоритъ: они съ *этимъ* человѣкомъ въ полѣ сѣхались. Въ эту избу не пойдѣмъ а пойдѣмъ въ эту. Эта изба (вонъ та).

3. Указаніе на отдаленный предметъ, безъ опредѣленія степеней близости къ говорящему, обозначается мѣстоименіемъ *той*, *тая*, *тое*.

4. Отъ личныхъ мѣстоименій происходятъ производныя: *ей-нижъ*, а, о (ея) и *ихъ* (ихъ), *нашій* и *вашій* (вѣру вѣруеть не нашу).

5. Отъ возвратнаго мѣстоименія *собя* преисходятъ глаголы: *собоить* (нѣжить) и *собоиться* (Иль Муромцу не спится, мало собоится).

6. Вопросительное мѣстоименіе въ первообразной формѣ своей вполнѣ сохранилось: *кака* у ты кумоха? *кая* болѣсть! ты коей земли?

7. Отъ отрицательнаго мѣстоименія *ничто* происходитъ существительное: *нидевушка* (ничего не знающій).

8. Неопредѣленныя мѣстоименія образуются присоединеніемъ частицы *ни*: кто *ни*, *це* *ни* (что *ни*). Сравни: *куды* *ни*.

Черезъ мѣстоименные суффиксы образовались:

1. Прилагательныя: одинъ — *акій*, *другойкій*, *всякойкій*, *равнакій*.

2. Существительныя съ суффиксомъ *инъ* для обозначенія единичности: побѣзанинъ, заморяннинъ, чужанинъ, чужбининъ, челядинка, напогощаны, купчина, богатыня; березина (вѣтвь березовая), райдина (райда — сухая ива), черемшина, тесина, мостина и мостовина; крупина, теплина, лучинина, заколина, скалина, глушина, лядина, ободверина, пропадина (противоположно собирательной формѣ *упасть*), уразина (одинъ ударъ и послѣдствіе отъ него), собина, хмѣлина.

III. Существительное.

Особенно замѣчательно свободное образованіе существительныхъ приставкою родового признака къ глагольному корню: щипъ, волокъ, смородъ, ломъ, (завалъ въ лѣсу, деревья поломанныя бурей), слыхъ, щепъ (щепомъ, щепить), торокъ, гадъ, гнусъ, шипъ, здымъ, кряжъ, разъ (отъ того отъ разу отъ великаго), махъ, юкъ (звукъ), палъ; омехъ, про-визгъ, помахъ, призоръ, приборъ, покоръ, на-ростъ (время стечки), нажимъ, суемъ (сходка), ометъ, наметъ, ободъ, суслонъ, суместь, наконъ, перегрузъ, перебѣгъ, перекладъ, переходъ (ходы въ сѣняхъ), заколъ, заность, напускъ, паужинъ, пабѣдъ, насадъ; вой (война; здѣсь *и* принадлежитъ корню глагола); нуда, байна (баня), страда, острада, извара, пора, дрока, вырука, поволока, прека (за преку ему стало), сляча (слякотъ), нюра (подводная мель, — отъ корня *ныр*), прета, тяга, скуда, середъ (полъ), стрѣта, кожемяка, залога, туга, волоча (волочайка), почъ, пята (конецъ стрѣлы, противоположный острію), *ома* (болото), чета (причетники), блеста, назола, покраса, розорва, прорва, оборва, шоболда, заступа, укрѣпа, ступа, нуза (нужда), оброна, удроба, погона, лада (о мужчинѣ и женщинѣ), гуля (по гулямъ); галь, глудъ, дробъ, дребъ, уваль; падь, сытъ, (мень), вытъ, рель, ступъ, ссышь (все ссыпное), шаль; уповодъ, подкопъ, порядъ; удни, жолви, верши. Къ этимъ же первообразнымъ существительнымъ принадлежатъ: хортъ, куръ, портъ (иный хвастаетъ портомъ), гошь, стѣнь, пьянь, долонъ, чадъ, свѣсь, пело, плесо, красно. Присоединеніемъ родового признака къ корню образованы также: поднизъ, ископытъ, заводъ, завѣтеръ, заберега.

Затѣмъ замѣтимъ существительныя образованныя посредствомъ суффиксовъ:

а, б: корба (чаща, отъ *кор - емъ*), куделба (отъ *мур - ить*; съ переходомъ *р* въ *д*), гуньба, гостеба, жадоба, худоба; колобъ (отъ корня *коло*).

б, в: усова, жирова (отъ *жира* жизнь), яндова, лыва (лужа), арава, огнева, сдержавя, халява, сугрѣва; пернево, марево, тулово (*тул*, тулый), бѣливо (бѣлила), курево, черево, буево.

в, д: ромада, райда, луда (мель).

г, р: жира (отъ *жи - ть*), падара (бура).

д, ч: *ачъ*: косачъ (тетеревъ), ригачъ, рогащъ, *рехачъ*, (10 сноповъ ржаныхъ, сложенныхъ въ кучу), тукащъ (охапка соломы), робачъ (*сухое* и суковатое дерево, отъ того же корня райда — *сухая* ива); *изъ*: деревенецъ, выжлецъ.

е, арь (для означенія лица дѣйствующаго): жихарь (жилецъ), дегтярь (птица). Кромѣ того: мизгирь (паукъ) и кос - оръ (тупой ножъ; отсюда косоровать).

ж, *ах*, *их*, *ох*, *ух*, *юх*: птаха (птица), нарядиха, заманиха, засадиha, сдериha (головной уборъ, поддерживающій сороку и сдерживающій вмѣстѣ волосы), кумоха (бѣда, отъ *кума* — *лихорадка*), галуha (забавникъ, потѣха), веснуha (лихорадка), жаглуha (ящерица, отъ *жачъ*, *жечь*), скакуha (лягушка), колюha (сорная трава). Этими же суффиксомъ образованы: клюха (клюка), пороха (пороша), жалуха (жалость), доюха (дойная корова и дровни), отжиhaha (пирушка послѣ жатвы).

з, *ина* (для обозначенія вещества): собачина, простина (холстъ), ряднина (тоже), бранина (узорчатая ткань), варенина (вареное мясо), палтусина (мясо палтуса); (для обозначенія происхожденія): дѣдина, изотчина; (для обозначенія качества): большина, (власть начальства), бѣлина (бѣлизна), ставины (красно), проводины, хлѣбины.

и, *ище* (для означенія орудія и средства): чинжалище (ножны кинжала), шалыжище (ручка шалыга); (для означенія мѣстности): домовище (гробъ), гостебище, наволокище, верховище; печище (отдаленное селеніе); (для означенія мѣста, гдѣ было дѣйствіе или мѣстонахожденіе обозначаемого корнемъ): стлище (гдѣ разстилаютъ ленъ), рѣпище, льнище (гдѣ сѣяли рѣпу и ленъ), огнище (гдѣ былъ разведенъ огонь), нивище (гдѣ были нивы), сельбище (гдѣ было селеніе).

і, *стъ*: супость (злоба, отсюда *супостатый*), лихость, блеж-

ность, живность, (засталъ его въ живности), дурость, шевелимость.

к, *щ*: *сроща* (выростившая ребенка).

л, *ствѣо*: богатство, сирочество, художество (отъ художба — *имѣньице*), угожество, именство (*имѣніе*).

м, *унз* и *юнз* (для обозначенія лица дѣйствующаго): хотень (хотеня), ѣдунъ, ѣздунъ, ходунъ, хлоптунъ, ерестунъ, шептунъ (всѣ эти три слова обозначаютъ колдуна и упыря), воркотунъ, шигайдунъ (непоротливый), ляззунъ (болтунъ), чанжунъ (говорунъ), мяляндунъ (крикунъ), горюнь, падунъ (водопадъ).

н, *анз*, *янз*: челпанъ (непочатый коровай), кожанъ (верхнее платье изъ кожи), саянъ (одежда), колсанъ (колчанъ), баранъ (мѣра), губанъ (птица), братанъ (двоюродный братъ).

о, *ш*: мурашъ, миляшъ; катышъ, гладышъ.

п, *с* и *з*: мелузъ (мелкіе высѣвки), ряса (мокрота), туюсь, ропасъ (бугоръ льда). Последнія два слова, кажется, не русскія.

р, Мѣстоименные суффиксы *ак*, *ок*, *як*, *юкз*: большакъ, казакъ (наемный работникъ), сипакъ, ходакъ (сапогъ), водакъ (проводникъ), видокъ, зимнякъ (вѣтеръ), кремлякъ (твердаго характера человѣкъ), хухлякъ (замаскированный), ветлюкъ и капнюкъ (птицы).

с, *за*: ляга (лужа), чичега (иней), сорога (рыба), шольга (трава), тяпуга (мелкая рыба), няртега (мѣра), солодыга, почерпуга, пурьга (буря), сельга (селеніе), брудга (проводжатая жениха), румега (шелуха, можетъ быть отъ корельскаго *рувменъ*—*плевелы*), шалыга.

т, *та*: ласкота, бѣлота, вальгота, могута, подлипута.

у, *ша*: горюша (бѣдная), щелкуша (болтливая баба), кляуша (кляука), шолнуша (темная комната за печью).

ф, *са*: воюкса (плакса), плакса (въ собир. значеніи: всѣ плачущіе).

х, *ма*: горма (травя), нельма (рыба).

у, *ка* и *ча*: смолька (стрекоза), покожайка, загожка (кукушка), сойка (птица); чайка (чайка), липка (бабочка), вороница, галица, колпица, турица, билица; ухватка, укладка, упадка, наслышка.

ц, *нь*: личень, свистень (непосѣда), кречень, лубень, ступень,

верзни, обочень, отростень, бучень; (для обозначенія времени):
межень, ясень, темень.

ч, ня: гуня, сходня, мыльня, ложня, братыня, крошня, пож-
ня, ровня; нь: пустынь, закопань.

ш, ля: куделя, чечуля; ль: комель, могуль (могуль—птица
могутная).

щ, йй и йя: сестрія (двоюродная сестра), надія (надежда), мол-
вія (молнія); надій (надежный человекъ), опехтой.

ть, мя: голомя, шеломя, струмя (стремя).

ь, зо и сто: монисто, огнищато, пененизо.

я, суффиксы для обозначенія коллективности *ад, ед, яд*: ще-
нять, мокредь, теплядь, темедь; *ак, як*: листьнякъ, косякъ (табунъ);
ье: витье, павитье, дубье, колодые, сметье, пенье, гвоздые, ямье,
щилье, жеребье (рубленный свинець); (вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстно-
сти): подкопье, поднебесье, затресье, загуменье, лукоморье, за-
тонье, налучье; (вмѣстѣ съ коллективностію и времени): безполье,
бездорожье, безвремяе, обночье, пабидье, сѣнограбленье, сполье,
безволье. Безвъчье, очелье.

Изъ употребляющихся только во множественномъ Олонецкомъ
подрѣцію свойственны, кромѣ вышеприведенныхъ: охаратки, сча-
стки, умой, потеменки, шалги, шарки, имачки.

Многія существительныя имѣютъ въ Олонецкомъ подрѣціи
иной родовой признакъ, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ: хол-
ма, оболочка, пшеница, проступка, поприща, крылоса, яблать,
острей; व्यюношъ, путь (по той-ли пути).

Вмѣсто *имя* употребляется *ими, ина*: княгиня, государина
или княгини, государыни; вмѣсто дочь—дочи, мать—мати.

Увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя и унижатель-
ныя въ большемъ употребленіи, чѣмъ гдѣ либо:

а, Уменьшительныя образуются съ помощію общеупотребл-
тельныхъ суффиксовъ *к* и *ц*: Садке, воронке, челочекъ (коронка),
борчикъ, व्यюнчикъ, стойка, стопка, тычка, истопка, знадебка,
лумка (ямка), исподка, здымка; голячокъ; счастья, умочки; без-
дорожища, поселища, божница, дѣльница, подпольница, ровница,
маломошница; коковка, тяпушка; крылецъ, яснецъ, дубецъ, ти-
пецъ, ставецъ, щилецъ, корецъ, свѣтецъ, малецъ.

б, Ласкательныя съ помощію суффикса *ен* и надставнаго *ум*,
ыш, *ел* къ суффиксу *к*, а также черезъ суффиксъ *це*: спозарань-

нице, раставаньце, покладьце (кладбище), провожаньце, посаж-
деньце, гостибыце, гостыца; жирупка, ровнюшка, остудушка,
кудеришки, смеретушка, волокитушка, нештушка (жена брата),
капелюшка, лѣсышко, утрышко, судешко, озерышко, свѣтышко,
слезушка; дороженька, обѣденька; брателко, чаделко.

в, Унизительныя съ помощію суффиксовъ *ы*, *я*, *ня*, *ря*: ба-
зыга, булыга, холостяга, звяга, верещага, моняга, малыга, ме-
люзга; моня, изнимоня; сонуря.

г, Увеличительныя, черезъ суффиксы *ице* и *ина* (съ бран-
нымъ отгѣнкомъ): мужичина, ортина, халуина, холопина, твар-
гожина; гайноице (хайлище), уродище, сынище, огужище, му-
жище.

Смягчительныя формы распространяются и на другія части
рѣчи: охти мѣшынки, скорехонько.

IV. Прилагательное.

Прилагательныя образуются чрезъ суффиксы:

а, *р*: просторый (просторный), матерый.

б, *к*: глудкій, поверткій, емкій.

в, *л*: тулый, подхилый, полый, рохлый (незрѣлый).

г, *н*: набѣдный, дородный, сверстной, зорной, ярыжный, ту-
рыжный, зынчный, темный (слѣпой), ознобный, надійный, мо-
гутный, порной, огульный, меженный, вальявочный, гусельный,
земельный, дубяный, вѣнчальный, злодѣйный, поносный, волжа-
ный, медвяный, огульный, мѣстный, смородный, волокитный, без-
посульный, рядобный, жадобный, доходный (доходящій), уход-
ный, запольный, завозный, зарукавный, издачный, снарядный,
сесвѣтный, свычный, розливный, пролетный, пометный, подне-
вольный, подорожный, натяжной, маломочный, полномочный; ру-
жейная (комната), лучейная; сяжно.

д, *ав*: хупавый; *ов*: яловый, щитовый, багрецовый, ясновый,
варовой.

е, *ив* и *лив*: наступчивый, обжорчивый; завидливый, застойс-
ливый, задумсливый, щепетливый, упачливый, омансливый (обман-
чивый), захвастливый, ретливый, топливый, поклонливый, покор-
ливый.

ж, *ам*: сѣдатый, зубатый, супостатый; яровчатый, берчатый, бручатый, жаровчатый, собольчатый, шеломчатый.

з, *асм*: зубастый, кубовастый.

и, *ист*: оборотистый, крякновистый, ступистый, надѣвистый, удоистый, разтрубистый, поджимистый.

Изъ относительныхъ прилагательныхъ, кромѣ приведенныхъ при суффиксѣ *и*, укажемъ: княжя (брюдга, боярыня), дѣвочій. Суффиксы *инз* и *овз* употребляются безразлично: батюшковъ и батюшкинъ, соловьевый и соловьиный.

Изъ образованныхъ посредствомъ суффикса *ск* приведемъ: безхозяйскій, польскій (польскій воронъ), княженецкій, отецкій, яровицкій, волшенскій, Иваньскій, Христосьскій.

Отъ прилагательныхъ на *скій* образованы существительныя при помощи суффиксовъ:

а, *ина*: халещина (даровщина).

б, *икз* и *ица*: рядовикъ (пирогъ съ житными блинами), рыбникъ, гороховикъ (пирогъ), косовикъ (пирогъ), житникъ (пирогъ изъ ячменя), молочникъ (трава), гогарникъ (трава); колосникъ (снопы), грязникъ (мѣсто на дорогѣ, на которомъ всегда вода), денникъ (огороженное мѣсто для корма скота), надлабочникъ; трубникъ, пятникъ, потникъ, рукотерникъ, ручникъ; медовикъ и медуница; замолотникъ, подворникъ, метельникъ, присѣнникъ, пособникъ, супротивникъ, петельникъ, товариикъ, кроватникъ, лопатникъ, надетникъ, рожникъ, челядникъ; дворовикъ, баенникъ, водяникъ, лѣсовикъ, домовикъ, ригачникъ; басонщикъ, опытовщикъ, собольщикъ, постельщикъ, пищикъ, думщикъ, позовщикъ, общѣнщикъ; поручикъ (порука), челомбитчикъ; наложница (постельница), вопленица, плакальщица, горетница, пашница, перемѣнщица, стравница, пособница, бральщица (ягодамъ), ломальщица (рыжикамъ), трудница.

Изъ смягчительныхъ суффиксовъ *ешенькій* употребляется очень свободно: любешенькій, стамешенькій, низешенькій, долинешенькій, широкошенькій.

Качество ослабляется суффиксомъ *оватый*: шатоватый, печаловатый, кручиноватый, валоватый, зубоватый (противоположно *зубастый*), стуловатый, человѣковатый (дѣвушка, которой скоро пора замужъ, называется человѣковатою).

Въ степеняхъ сравненія замѣчательно образованіе превосходной черезъ надставку *нам*: наистаршій, наилучшій.

V. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Дробныя числа съ прибавкою *пол* образуются весьма свободно: полтретья, полпята (попята ведра).

VI. НАРѢЧІЕ.

Изъ первообразныхъ формъ укажемъ: здѣ, ту, нани; затѣмъ: сутычъ, поцяй (почти).

Изъ суффиксовъ нарѣчій замѣчательны:

а, съ для обозначенія прошедшаго времени. зимусь (прошедшей зимою), веснусь, осенесь, лѣтось, ночесь, утрось, лонись, оногдась.

б, ъ: докуль, досель, посель.

в, жды: двожды, трожды, другожды, иножды (вм. иногда).

г, чу: теперечу, нынечу (нынечку), давечу.

Съ помощію падежныхъ окончаній образованы: пѣхотою, пѣшомъ, нападкою, силомъ, передомъ, окаракою, вечеру, утрѣ, сегоду, дивья. —

Отъ прилагательныхъ нарѣчія образуются также свободно, какъ и въ прочихъ великорусскихъ говорахъ: кроваво (сильно), раже, дюжо, просто (легко), столько (въ значенія *только*); паче, пуще.

Изъ сложныхъ нарѣчій замѣчательны: наопако, напаворотъ, впотай, наоколъ, натопись, позаочъ, отдали, споволи; поверсту, на испашку, въ тонкую, понапрасные, заобщая, въ упалу, за маленька, вдругорядь, по другому.

Отъ нарѣчій происходятъ прилагательныя: досюльный, досюлешный, откулешный; въ особенности же замѣчательны: *тамый* (я изъ тамаго изъ города Муромля) и *воинный* (на воинную сторону).

VII. ПРЕДЛОГИ.

Предлогъ *черезъ* употребляется и въ видѣ нарѣчія: дни на черезъ, черезъ перестрѣлилъ.

Кромѣ общеупотребительныхъ предлоговъ изрѣдка употребляется *пра*: *пра бережку*.

Предлогъ *оз* иногда удваивается: *вовъ чистомъ полѣ*.

Въ видѣ предлога употребляется *край*: *край пути дороги, край синя моря*.

Изъ слитныхъ предлоговъ замѣтимъ:

а, на: для обозначенія въ сложныхъ словахъ черезъ наставку *на* неразвитія или преждедуществованія того, что выражается корнемъ: *падчерица, пасынокъ, паужинъ* (ѣда до ужина послѣ обѣда), *пабѣдъ* (ѣда до обѣда), *павитье* (молодые вѣтви), *паморокъ* (неполный мракъ), *пабѣда* (бѣда не вполнѣ), *пакисель, памха, паполза, паскуда, пасока, пачесы*.

б, су: *сувой, сугрѣво, сугрѣва, сумленье, сутычь, супостатый, супротивный, сусѣдъ, сугона, сустигнуть, сурядный, сусеть, суслонъ, суемъ*.

в, вы вмѣсто *воз*: *выстать, вылетѣть* (см. выше).

г, за для обозначенія мѣстности закрытой тѣмъ или отъ того, что выражается корнемъ слова: *завѣтеръ, затресье, заводъ, заберега, затопье, заколье, закопанъ, загуменье, застолие*.

VIII. Союзъ.

Изъ союзовъ первообразныхъ замѣчательны: *бывъ* (будто), *инъ* (а между тѣмъ); изъ сложныхъ: *ажно, альни, сяко* (сяко надоть? — надоти? сяко дать? — датыли?), *почто* (зачѣмъ), *естьбы* (ежелибъ).

Для усиленія прибавляютъ частицы *ка* и *ва*: *здѣ-ка, мнѣ-ка, мнѣ-ка-ва, здѣ-ка-ва*.

Слова сложные.

Изъ сложныхъ существительныхъ замѣтимъ: *большоуголъ, верноуголъ, пестьюуголъ*¹⁾, *сѣноставъ, сѣнограбленье, керегодъ; изъ прилагательныхъ: богадѣльный, бѣломшаный, бѣлояровый, великоденный, водоплавный, вѣковѣчный, двумѣсячный, двуродимый, долгомѣрный, маломочный, одномѣдный, одноичный* (од-

1) Въ Пудожскомъ уѣздѣ ч произносится въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *сть*, напр.: *Пестьяны* (Песчанскій приходъ), *пестьюуголъ* (печьюуголъ).

ного лица), одноносный, кологривый, натофильный, рудожелтый, самосмѣнный, сесвѣтный, сухояловый, часторыбый, частоплетный, частоступчатый, частоберчатый.

Словозмѣненіе.

I. С П Р Я Ж Е Н І Е.

Въ настоящемъ времени 2 лице един. числа отъ глагола *есть* и *дать* иногда послѣ отрицанія сохраняетъ древнее окончаніе на *си*: не ѣси, не даси.

Третье лице единств. числа на *etz*, если предшествуетъ окончанію гласная, отбрасываетъ ее, продолжая гласную примѣты: давать, валять, обирать; если же корень прямо присоединяется къ окончанію, то отбрасываетъ *tz*: скаче, пляше, везе.

Третье лице множеств. числа того же времени глаголовъ II спряженія оканчивается на *я*, напр.: сидя, ходя; у глаголовъ же I спряженія оканчивается на *ть*: даютъ, играютъ.

Употребляется настоящее время отъ формы вида продолженнаго: даваю, продаваешь, издавается, остается.

Хотѣть спрягается по 2 спряженію: хочу, хошь, хотить, хотимъ, хотите, хотятъ и хочутъ.

Купатся спрягается по 2 спряженію: купишья, купитя.

II. С К Л О Н Е Н І Е.

Мѣстоименія.

Я: род. ед. *меня*.

Ты: род. и дат. ед. *тебя, тебѣ*, и вин. *тебя*, твор. иногда тобою.

Свѣя: род. и дат. ед. *свѣя, свѣи*.

Един.

Множ.

Онъ: Имен. — *онъ, она, оно*

оны, они, они.

Род. — *его, ей — ея, его*

ихъ.

Дат.	— ему,	ей,	ему	имъ.
Вин.	— его,	ю — юю,	ею	ихъ.
Тв.	— имъ,	ей,	имъ	има.
Пред.	— емъ,	ей,	емъ	ихъ.
Един.				Множ.

Тотъ:	Им.	— той,	тые,	тое	тыя, тыя, тыя.
	Род.	— того,	тыя,	того	тыхъ.
	Дат.	— тому,	той — тоей,	тому	тымъ.
	Вин.	— того,	тую — тое,	то	тыхъ, тыя.
	Тв.	— тымъ,	тою — тоей,	тымъ	тыма.
	Пред.	— тоемъ,	тоей,	тоемъ	тыхъ.

Сей: сёго, сёму.

Кто и что (кто и цё): кого, цёго кому, кемъ, цемъ.

Кой, коя, кое: коего, кого, коей, коему, коей, конемъ, коей, и т. д.

Вместо *какая, такая, какіе, такіе, другая, другіе* и прочихъ мѣстоименныхъ формъ на *ая, ое, іе*, употребляются иногда усѣченныя: *кака, друга, други* и т. д.

Существительныя.

У именъ существительныхъ 2 склоненія на *а* дат. ед. числа кончатся на *ы* вмѣсто *я*: *рыбы, воды*; у именъ на *а* оканчивается, какъ у прилагательныхъ, на *ой*: *королевичной, Романов-ной, Микуличной*.

Имена ласкательныя муж. рода на *ко* (ви. *ка*) имѣютъ въ род. ед. числа *ка*, въ дат. *ку*, въ вин. *ка*, въ твор. *комъ* и т. д.: *батушко, ровнюшко, батюшка, ровнюшка, батюшку, ровнюшку, батюшка, ровнюшка, батюшкомъ, ровнюшкомъ. Любовь* въ род. и дат. имѣетъ: *люби*, напр.: до *люб*и.

Лице въ вин. ед. иногда принимаетъ окончаніе женскаго рода: *лицю*.

Силою въ твор. един. имѣетъ: *силомъ*.

Имен. множеств. отъ *другъ, зять, кумъ, шуринъ, сватъ, лударъ, мужъ* оканчивается на *я, оя, ея*: *дружья* (дружгѣ), *лудговья, даровья, мужевья, зятевья, кумовья, сватовья, шуревья*.

Сущ. на *имъ* въ им. множ. оканчиваются на *ы*: *хозяевы, поѣзжаны, напогощаны*.

Кречень, соколъ, татаринъ въ род. множ. имѣютъ: креченей, соколей, татаревей.

Твор. множ. оканчивается на *мы* и рѣже на *мъ*: булавамъ, кушакамъ, рукимы, ногамы, рядамы, стады — стадомъ, рядымы — рядомъ. Предложный падежъ множ. числа оканчивается иногда на *яѣ* вм. *аѣ*: во сняхъ, въ мистяхъ.

Прилагательныя.

Творит. множ. оканчивается на *ма* вм. *ми*: всѣма, цѣлыма, стоялыма.

П. Рыбниковъ.

ЗАМѢТКА.

ЗАМѢТКА.

Составъ этой IV-й и послѣдней части сборника г. Рыбникова отличается, какъ замѣтитъ читатель, большимъ разнообразіемъ, при меньшемъ объемѣ, чѣмъ предыдущія части. Зато существеннѣйшій отдѣлъ предыдущихъ частей, былины, представляетъ въ этой послѣдней почти исключительно пересказы того, что уже было извѣстно. Однако же есть тутъ и замѣчательныя особенности.

Помѣщенная въ самомъ началѣ побывальщина о Святогорѣ и объ Ильѣ Муромцѣ, отличаясь вообще сокращенностью сравнительно съ извѣстными уже по предшествовавшимъ частямъ сказаніями о томъ же, придаетъ только двѣ новыя черты: гробница, на которую наѣзжаютъ богатыри, *выложена* тутъ *краснымъ золотомъ*, о *доскахъ* же (которыми, а не *крышею*, покрывается она тутъ) говорится, что онѣ *Божьимъ изволомъ приросли*.

Кстати объ этой *гробницѣ*. Недавно, просматривая изданіе извѣстнаго Гана (Hahn), консула въ восточной Греціи, — Griechische und Albanesische Märchen (Leipzig 1864, двѣ части), я былъ пораженъ сходствомъ одной изъ сказокъ, или, собственно, заключительной ея части, съ нашимъ сказаніемъ о Святогорѣ и объ Ильѣ. Она помѣщена у Гана въ 1-й ч. подъ № 3: о Прекрасномъ и о Дракѣ (Drakos) Прекрасный является тутъ младшимъ, гонимымъ братомъ. Благодаря своей *умѣлости*, онъ спасается отъ бѣды и молва о немъ доходитъ до короля. Желая его испытать, король, по сказочному обыкновенію, даетъ ему трудныя порученія: онъ долженъ украсть у великана Драка коня его, одѣяло со

звонками, и т. д. Благодаря глупости великана и жены его (съ послѣднею Прекрасный разыгрываетъ роль находчиваго Ивася въ извѣстной малороссійской сказкѣ), глупости, напоминающей Полифема и столькихъ другихъ представителей великанскаго рода, Прекрасный удачно выполняетъ порученія королевскія. Тогда отъ него требуется, чтобы онъ доставилъ къ королю и самого великана. Прекрасный проситъ только двухлѣтняго срока, чтобы отросла у него борода и великанъ не узналъ его. По истеченіи двухъ лѣтъ, онъ отправляется въ путь и, въ усугубленіе предосторожности, мѣняется платьемъ со встрѣчнымъ каликою, — совершенно подобно Ильѣ Муромцу, отправляющемуся на Идолища. Дракъ дѣйствительно не узнаетъ Прекраснаго, который его застаётъ работающимъ надъ *ящикомъ*. «Что это ты тутъ дѣлаешь, спрашиваетъ калика». — Да вотъ, натворилъ у меня всякихъ бѣдъ Прекрасный, такъ я и готовлю для него этотъ ящикъ: какъ удастся поймать, такъ и запру его. — «Знаю я этого негодяя, возражаетъ калика, вѣдь онъ-то и меня привелъ въ нищету; только этотъ ящикъ малъ для него». — Помилуй, отвѣчаетъ Дракъ, онъ и для меня довольно великъ. — «Да вѣдь Прекрасный почти съ тебя ростомъ; поди ка, попробуй; коли ты туда влѣзешь, такъ влѣзетъ и онъ». — Вотъ тутъ Дракъ и улегся въ ящикъ, Прекрасный же закрылъ крышку и закричалъ: «поприжми же, чтобъ видѣть, не треснетъ ли ящикъ». — Дракъ нажалъ, что есть мочи, и закричалъ въ свою очередь: «крѣпко! — только открой поскорѣе». Прекрасный же вмѣсто того еще крѣпче прибилъ крышку гвоздями, взвалилъ себѣ ящикъ на спину и понесъ къ королю. Этому послѣднему также точно захотѣлось взглянуть на Драка, какъ Владимиру на Соловья разбойника. Вотъ король и прорѣзалъ себѣ дыру въ ящикѣ, да пришлась-то она какъ разъ противъ рта великанова, и чуть король заглянулъ туда, — Дракъ проглотилъ его.

Въ примѣчаніяхъ къ своимъ сказкамъ, помѣщенныхъ въ концѣ II-й части, Ганъ приводитъ четыре различныхъ пересказа того же сказанія. Въ двухъ изъ нихъ Дракъ оказывается господиномъ поля, на которомъ онъ и жнетъ хлѣбъ, по одному изъ пересказовъ, а Прекрасный нанимается къ нему въ работники. Въ другомъ пересказѣ Прекрасный, подъ именемъ Костанти, переодѣтый каликою, начинаетъ рубить платановое дерево, красующееся предъ великановой башней, чтобы сдѣлать изъ него уже не

ящикъ, а прямо *гробъ* для врага великанова и яко-бы своего. Великанъ же до того радъ тому, что самъ выдѣлываетъ гробъ и самъ ложится въ него, чтобъ примѣрить. Наложивъ крышку, Костанти относитъ гробъ къ королю и предлагаетъ ему приподнять его; отворить же гробъ прикажи, говоритъ онъ, моему старшему брату (ненавистнику Костанти). Народъ сходится отовсюду, чтобы присутствовать при открытіи. Когда же братъ Костанти отворяетъ гробъ, великанъ поглощаетъ его, какъ короля въ вышеизложенномъ пересказѣ, самъ же убѣгаетъ домой, гдѣ находитъ жену свою посаженную въ печь хитростію того же Костанти (вспомнимъ вышеприведенное сравненіе съ Ивасемъ).

Приведенными пересказами наше сказаніе связывается, какъ не трудно замѣтить, со многими другими, общераспространенными. Ганъ въ своихъ примѣчаніяхъ довольно подробно указываетъ на эти связующія нити, а равно и на мифическое значеніе многихъ подробностей. Что касается въ этомъ послѣднемъ отношеніи *ящика*, *гроба*, важность котораго только отмѣчается Ганомъ, безъ поясненій, на стр. 184, то мнѣ достаточно указать на толкованія Худякова, въ его статьѣ о Святогорѣ (Матеріалы для изученія народной словесности) и Аванасьева — во многихъ мѣстахъ его Мифологіи (Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу). Для насъ же особенно важно обратить вниманіе на то своеобразное значеніе, какое получила основа, распространенная въ столькихъ сказаніяхъ, какое получила она отъ былеваго творчества Русскаго. Это значеніе придается ей тѣмъ *изволомъ Божіимъ*, о которомъ говоритъ наша побывальщина. Въ переводѣ на языкъ до-Христианской поры это будетъ *изволь рока, судьбы*, столь ясно выказывающейся во многихъ пересказахъ, извѣстныхъ по предыдущимъ частямъ нашего сборника. Изволь этотъ — чтобы богатыри, подобные Святогору, сошли съ лица земли, между тѣмъ какъ представителю богатырства иного рода, Ильѣ Муромцу, *смерть на бою не написана*. Вотъ этою-то основною мыслию, достойною движущагося впередъ, историческаго народа, нашъ видъ сказанія выдвигаетъ его изъ разряда сказокъ-складокъ, и вноситъ его въ разрядъ былевой. Пѣсенный строй большею частію уже разложился, но и съ разложеньемъ его передъ нами осталась не сказка, а *побывальщина*.

Въ издаваемой теперь части есть пересказъ (подъ № 3), пови-

димому противорѣчающій только что приведенному «изволу судьбы» относительно Ильи Муромца. Богатырь говоритъ тутъ совершенно наоборотъ: «знаю я, добрый молодецъ, что на бою смерть написана». Но примѣчаніе г. Рыбникова къ этому мѣсту (стр. 25) достаточно разъясняетъ, что тутъ или иронія (нерѣдко свойственная Ильѣ), или ошибка. Надо замѣтить, что и весь этотъ пересказъ, при всей своей стройности, стоитъ довольно одиноко уже и въ томъ отношеніи, что особеннымъ образомъ связываетъ *три поѣздки* Ильи съ *походомъ на Соловья-разбойника*. Изъ «трехъ поѣздокъ» тутъ выключена самая существенная черта этого похождения — *подновленіе подписей*, и дѣло является просто *очищеніемъ трехъ заставъ*. Въ другомъ пересказѣ, или, скорѣе, кускѣ пересказа, помѣщенномъ подъ № 4, подпись хотя *перенавливается*, но въ томъ-же, не свойственномъ этому походу, смыслѣ: «та дорога есть очищена». Взамѣнъ выраженной *поднавливаньемъ*, въ лучшихъ былинахъ этого разряда, величавой похвалы надъ *пересиленною судьбой*¹⁾, тутъ является похвала предъ Владиміромъ, стоящая, въ этомъ смыслѣ, уже совсѣмъ одиноко. Очистивъ три заставы, Илья пріѣзжаетъ въ Кіевъ, *бьетъ челома о сыру землю, бьетъ челома низко кланяется* (одному Владиміру, забывая о *всѣхъ четырехъ сторонахъ*²⁾, на которыя богатыри никогда не забываютъ раскланиваться въ лучшихъ, неприкосновеннѣе сохранившихся пересказахъ), называетъ Владиміра не только стольно-Кіевскимъ, но и *славно-Владимірскимъ*, (последнее — опять наростъ, существующій и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ³⁾, но опять таки только въ такихъ, которые и вообще отличаются наростами и подновленіями); наконецъ Илья похваляется тутъ: «я очищу дорожку прямоѣзжую отъ Кіева до Чернигова». — Такого, заранѣе даннаго передъ самимъ княземъ обѣта побѣдить Соловья, я рѣшительно нигдѣ не припомню. Извѣстно, что обѣтъ этотъ постоянно дается Ильєю только самому себѣ. — Столько же своеобразно въ настоящемъ пересказѣ и то, что Владиміръ, чуть завидя Илью, уже возвращающагося съ Сольвьемъ, сразу убѣждается въ дѣйствительности подвига, а не заподозриваетъ Илью въ хва-

1) Въ тую дорожку ѣздили, убить «(или-женать, или-богаты) не былъ», — т. е. не исполнилось то, что положено было судьбою (Сходно съ IV, 4 — и III, 13).

2) Такъ и въ концѣ былинны, на стр. 24.

3) Наприм. у Кирѣевск. I, 82.

ствовствѣ, не сомнѣвается въ правдивости словъ его. Если это *сомнѣніе* странно принимать, какъ дѣлаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, за высококомѣрное отношеніе князя къ богатырю *крестьянину* (это послѣднее проглядываетъ только въ немногихъ, очевидно подновленныхъ былинахъ, а онѣ-то и ввели почтеннаго профессора въ заблужденіе), то самое сомнѣніе это несомнѣнно проведено черезъ всѣ рѣшительно пересказы—кромѣ теперь печатаемаго № 3. Но въ этомъ послѣднемъ Владимірѣ, кромѣ того, что не сомнѣвается,—не смотря даже на приданное ему значеніе князя уже и Владимірскаго, не только не важничаетъ передъ крестьяниномъ, но *бьетъ челомъ и низко кланяется за очищеніе дорожки прямоуязія*. Впрочемъ, что касается этой послѣдней черты, то она, съ другой стороны, уже вовсе не стоитъ одиноко: извѣстно, что и въ другихъ былинахъ Владиміръ иногда смиряется предъ богатырями; проглядѣть это можно только при извѣстнаго рода мутныхъ очкахъ предъ глазами (I, 115; III, 70, 206 — 207, 216. Кир. IV, 42).

Перенеся похвалбу Ильи *впередъ*, нашъ пересказъ замѣчаетъ, что Илья, по одержаніи самой побѣды, уже безмолвно сидитъ на пиру, *ничего не хвастаетъ, за столомъ сидитъ, самъ кручинится*. Г. Рыбниковъ говоритъ въ своемъ примѣчаніи, что *кручина* Ильи ничѣмъ тутъ не мотивирована и, вѣроятно, перенесена на него машинально изъ какой нибудь другой былины; но *молчаливость* богатыря, мнѣ кажется, имѣетъ въ нашемъ пересказѣ свое значеніе: по этому пересказу побѣда заранѣе предобѣщана Муромцемъ; въ этомъ, такъ сказать, была уже и предпохвальба съ его стороны; затѣмъ дѣло сдѣлано, заслуга признана, почетъ оказанъ; послѣ этого Ильѣ, особенно при его нравѣ, и остается только молчать — отъ удовлетворенности. Но, какъ знать, такая полнѣйшая удовлетворенность, не можетъ ли она, при богатырской жаждѣ постоянной, безостановочной дѣятельности, постоянного подъятія новыхъ трудовъ, задаванія себѣ новыхъ цѣлей, не можетъ ли она стать для богатыря и причиною скуки, — если уже не кручины? Илью вызываетъ изъ *затишья* его богатырскаго князь Владиміръ: самъ онъ совѣтуетъ ему похвастать своею удачею богатырскою. Въ видѣ такого совѣта такимъ образомъ является въ нашемъ пересказѣ проходящее всюду желаніе князя познакомиться съ шуточками Соловьиными. Шуточки же эти соединяются въ нашемъ пересказѣ со слѣдующимъ злымъ умысломъ

Соловья: «хотѣлъ крикомъ да свистомъ убить всѣхъ на пиру сидящихъ». (Въ части же III-й № 5 онъ только хотѣлъ «оглушить народъ — самъ на уходъ уйти, — и закричалъ онъ во весь громкій голосъ». А у Кир. IV, 6 Соловей думалъ полнымъ посвистомъ уходить самого Илью) Между тѣмъ Илья дѣйствительно выведенъ изъ затишья: видя общій переполохъ, онъ *издивляется самъ усмѣхается*. — Затѣмъ, совершенно соотвѣтственно своему нраву, онъ въ нашемъ пересказѣ не хочетъ пользоваться богатыми наградами княжескими (въ томъ числѣ — и *деревьями со крестьянами* — черта, очевидно, не старая) а удовлетворяется тѣмъ, если дадутъ ему столько земли въ родномъ селѣ, «что живетъ старый казакъ Илья Муромецъ въ томъ селѣ Карачаевѣ». — Былина наша завершается знаменательною чертою (уже имѣющеюся и у Кирѣевск. I, 35, только съ меньшею отчетливостію и полнотою). Поѣхалъ Илья, — *и куда падаютъ копыта лошадиныя, тутъ становятся колодцы ключевой воды*. — Это, какъ извѣстно, одна изъ тѣхъ чертъ, въ которыхъ сохранилось еще мифическое значеніе Илья — значеніе его, какъ Илья-громовника, ѣздящаго на конѣ-тучѣ, источающей дождь. Соотвѣтственные образы изъ преданій различныхъ Аріійскихъ народовъ можно найти въ книгѣ В. Маннгардта — «Germanische Mythen», 37, 123 — 124.

Такимъ образомъ въ нашемъ пересказѣ сохранились и черты древнія, подлинныя, и такія, которыя, если и стоятъ одиноко, то всетаки соотвѣтствуютъ нраву Муромскаго богатыря. Тѣмъ не менѣе во многомъ онъ отличается подновленностію и спутанностію, т. е. порчею. Въ довершеніе же всего нельзя на немъ не замѣтить и извѣстной доли вліянія грамотниковъ. Подпись на камнѣ оказывается тутъ подписанною *ручью Латинскою*. (Это имя, впрочемъ, встрѣчалось у г. Рыбникова и въ прежнихъ частяхъ: III, 49, 123; а въ ч. I-й № 11 оно даже послѣдовательно проведено черезъ всю былинку). Проѣхавъ Корелу проклятую, Илья Муромецъ чуть не доѣхалъ и до *Индіи богатая*, страны, о которой такъ часто упоминалось въ заходившихъ къ намъ изстари рукописныхъ поѣстьяхъ ¹⁾. Въ погребѣ у паленицы удалой Илья Муромецъ нахо-

1) Эта *Индія* нерѣдко встрѣчается и въ предшествующихъ частяхъ, на прим. въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ, гдѣ изъ книжнаго «сказанія объ Индіи богатой» заимствована также гипербола при описываніи богатства (моей книги о Р. С. стр. 355).

дять *триста рыцарей*, а эти послѣдніе, какъ извѣстно, далеко не обычны въ былинахъ, но зато обычны въ лубочныхъ изданіяхъ ¹⁾. (Ср. въ замѣткѣ къ III ч. стр. XX и XXI).

Правда, что эти *рыцари* сейчасъ-же и переводятся въ нашей былинѣ на обычный языкъ, — являются сильными богатырями; въ числѣ ихъ даже оказываются, въ погребу у Паленицы-царевны, Алеша Поповичъ и Никита Добрыничъ (о послѣднемъ см. примѣчаніе г. Рыбникова), которымъ, надо замѣтить, ни въ какомъ другомъ пересказѣ не достается подобная роль. — Что касается самой царевны, то, на вопросъ о ней, пѣвецъ отвѣчалъ г. Рыбникову (какъ видно изъ другаго его примѣчанія), что ее звали *Зенирой прекрасной*, что красотой своею она прельщала царевичей и королевичей, и что живописцы не могли описать этой красоты; — и тутъ опять, даже въ самомъ имени, такъ и слышится какой-то отзвукъ лубочныхъ изданій.

Послѣ всего этого подозрительными становятся и два другихъ имени: камня у розстаней — *Сергамоуэ* - камнемъ, а коня Ильи — *Тучападушкою*. Оба они, не являясь въ другихъ былинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ какою-то сдѣланностью, а второе — какъ-бы придуманностью. — Не говорю уже о *львиномъ* крикѣ Соловья разбойника, который, также стоя особнякомъ, (Соловью приписывается *зэтринный* крикъ, иногда же — *туриный*) также точно отзывается и чѣмъ-то чужимъ, выслушаннымъ изъ книжекъ ²⁾.

Укажу наконецъ на черту новизны въ языкѣ былины: *нѣту у меня молодой жены и любимой семьи, малыхъ дѣтушекъ*. (Стр. 17, ст. 36 и 37). Тутъ семья, отличаясь отъ жены, очевидно принимается въ позднѣйшемъ, теперешнемъ смыслѣ; тогда какъ извѣстно, что въ древнемъ языкѣ *семья* означала вообще—того ли, другаго ли изъ *супруговъ*, и въ такомъ смыслѣ слово это попадалось у г. Рыбникова въ предшествующихъ частяхъ ³⁾.

1) Впрочемъ *рыцарь* упоминается неоднократно и въ 3 ч. у г. Рыбникова, въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ; въ I, 345 — даже «науки рыпарскія».

2) Въ 1 ч. (стр. 2) Вольгѣ оборачивается *левомъ* (львомъ) звѣремъ: черта—также грамотническая. На стихію этого рода въ нашихъ былинахъ еще мало обращали вниманія; попадаютъ въ нихъ, хотя и очень рѣдко, и грамматическія формы книжныя: я примѣръ — *бьсть* въ 1 ч. на стр. 116; — или слово *аще* (III, 2).

3) I, 244. (Называла его любимую семейшкой (Василиса Ставра), 151, 401.

Въ былинѣ объ Ильѣ, помѣщенной въ настоящей части подъ № 2, также есть замѣчательныя особенности — отчасти, впрочемъ, и тутъ происходящія уже отъ порчи. Былина эта повѣствуетъ о первой поѣздкѣ въ Кіевъ, т. е. о походѣ на Соловья, которому предшествуетъ тутъ, какъ и во многихъ былинахъ, только освобожденіе отъ силы Татарской жителей города *Турова*, (какъ онъ тутъ называется: имя замѣчательное, прямо напоминающее древній историческій *Туровъ*). Что эта поѣздка Ильи, по смыслу былины, дѣйствительно относится къ началу его богатырской дѣятельности, на то указываетъ и придаваемое тутъ Ильѣ въ началѣ прилагательное *молодой*: слово это драгоценно, такъ какъ почти вездѣ онъ уже безразлично величается *старымъ*, о какомъ бы времени жизни его ни повѣствовалося. — Зато уже прямою порчею отзывается нѣсколько далѣе *приказъ* осѣдлать коня, даваемый Ильею своимъ *сиромъ стрнымъ* (стр. 8) Извѣстно, что именно онъ-то и дѣлаетъ все неперемѣнно самъ²⁾, именно за нимъ-то и не водится *слуги*, которые и вообще играютъ при богатыряхъ нашихъ роль довольно рѣдкую (въ качествѣ же слуги скорѣе является при нихъ — и то только при нѣкоторыхъ — ихъ *названный братъ*, поставленный такимъ образомъ въ положеніе *младшато*). — (Въ родѣ того какъ Патроклъ при Ахиллѣ) Далѣе въ нашемъ пересказѣ подновленностію отзывается и то, что Ильѣ «лучилось бывать на тѣхъ лугахъ на *царскихъ*» — какъ бы ни принималось тутъ это слово: въ древнѣйшемъ ли смыслѣ царя Золотой Орды, или въ позднѣйшемъ — царя Московскаго, Всероссійскаго: извѣстно, что *основа* былины относится еще къ Руси княжеской, стольно-Кіевской. — Зато совершенно соответствуетъ общему складу былины объ Ильѣ — только своеобразно выражаемый въ нашемъ пересказѣ его отказъ отъ власти: «*не умю* быть воеводою». (стр. 9).

Замѣчательна въ нашемъ пересказѣ просьба Соловья, поспросъ у Ильи объ имени и отчествѣ, — «не предай-ко смерти скорыя». — Сколько мнѣ помнится, только у Кир. IV, 4, онъ сходнымъ образомъ просить Илью: «отпусти ты меня на волю вольную». Но тамъ Илья, *не воймудя*, даетъ особаго рода отвѣтъ. Въ на-

2) Въ этомъ отношеніи, какъ и въ столькихъ другихъ, съ народнымъ богатыремъ сходится Мономахъ въ превосходномъ своемъ поученіи (О другихъ чертахъ этого сходства см. въ моемъ Опытѣ Истор. Обзор. Русск. Слов., стр. 271)

шемъ же пересказѣ онъ, ничего не отвѣчая, привязываетъ Соловья ко стремени. Трудно впрочемъ предположить въ этомъ случаѣ побудительною причиною состраданіе къ Соловью: относительно темной вражьей силы въ былинахъ именно этого разряда у Ильи состраданія нѣтъ. Да и въ нашемъ пересказѣ онъ и Татаръ прибываетъ всѣхъ до одинаго. Дѣлается это, какъ и часто, при помощи дуба, вырваннаго изъ земли вмѣстѣ съ корнями. А такъ какъ въ началѣ быliny Ильи налагаетъ на себя завѣтъ — «не марать - то сабли вострыя въ кровь поганую Татарскую» (стр. 7), то въ поясненіе къ *дубу, употребленному вмѣсто сабли*, нельзя ли привести и тутъ примѣчаніе къ соответственному мѣсту въ III ч., напечатанное тамъ на стр. 17: «такимъ образомъ на первой порѣ оружье Ильи, взятое изъ дому, остается не окровавленнымъ» —? Признаюсь, когда я и въ первый разъ прочиталъ это примѣчаніе, оно показалось мнѣ — несвойственнымъ простотѣ народнаго воззрѣнія приписываньемъ народному богатырю уловки: формальнымъ образомъ, какъ бы казуистически, обойти, обольстить свою совѣсть. — Думаю, что печатаемый теперь пересказъ № 2 вполне опровергаетъ упомянутое примѣчаніе: предъ самымъ вырываніемъ изъ земли дуба, Ильи разсуждаетъ себѣ преспокойно: «всякъ человекъ завѣтъ завѣчаетъ, а не всякій завѣтъ справляетъ» — Стало бытъ онъ уже тутъ признаетъ, что завѣтъ долженъ быть нарушенъ. Далъ его, не подумавъ; завѣтъ оказался не только не правымъ, но и прямо мѣшающимъ правдѣ, — ну, и долой его съ шеи: не человекъ для субботы, а суббота для человека; — и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ, со святою логикою евангелія совершенно сходна простодушная народная логика. — Впрочемъ уже и въ пересказѣ III ч. если не самъ Илья, то былина, не смотря на употребленіе въ дѣло дуба *взятыхъ палицы булатной*, видитъ тутъ *разрушеніе застовъ великихъ*. (Стихъ 57 стр. 17-й). Но какое же значеніе можетъ имѣть въ такомъ случаѣ *дубъ за саблю или за палицу*? А такое, что онъ даже сподручнѣе богатырю: именно имъ-то, со всѣми его корнями, и отвалиешь сразу, и уложишь всѣхъ до одинаго. Уже новѣе *дуба*, оружія чисто природнаго, все еще напоминающая его *палица*; но еще новѣе, искусственнѣе, ближе ко временамъ образованности — *сабля*. Такъ уже позднѣйшей порой отзывается въ пересказѣ подъ № 3 и приписываемый Ильѣ Муромцу *шеломъ* сорока пудовъ

(стр. 18). Онъ и попадаетъ довольно рѣдко въ былинахъ. Несравненно подлиннѣе, древнѣе его тотъ простой *колтакъ*, которымъ Илья — также точно умѣетъ истреблять *до единого*. Не говорю уже о томъ, что вообще описанія вооруженій не занимаютъ виднаго мѣста въ нашихъ былинахъ (подробно описываются въ нихъ развѣ стрѣлы). Часто и обстоятельно говорится — скорѣе объ осѣдлываніи коня; иногда перечисляются составныя части одежды, при чемъ вовсе въ ней не замѣтно какого либо преобладанія воинственнаго строя. По всему видно, что воинственность въ нашихъ былинахъ не *цѣль*; что не мѣсто въ нихъ какъ — *слову*, такъ и самому *понятію*: *рыцарство*. Воинственность тутъ только неизбежное, хотя и не безъ свычки - слюбленности пришедшее къ рукамъ *средствъ*; потому то и удовлетворяется она употребленіемъ самыхъ первичныхъ, природныхъ способовъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія измышленья, въ усовершенствованія по этой части ¹⁾. (Въ ч. I, № 6, Сухманъ ѣдетъ *вооруженный*, а *вырываетъ дубъ*).

Чтобы покончить съ особенностями, касающимися собственно Ильи Муромца, укажу въ былинѣ № 4 на отсутствіе обычной, иронической похвалыбы нашего богатыря предъ разбойниками («я, де-скасть, совѣмъ не богатъ, у меня всего — на столько-то, и на столько-то тысячей»). Въмѣсто этого тутъ какая-то — впрочемъ идущая къ Ильѣ откровенность: «что есть у меня съ собой у стараго, *вамъ складывать и не затаивать*; на конѣ узда въ столько-то, и т. д. *Получайте вы, если хотите да и можете*». (стр. 26).

О Дунаѣ Ивановичѣ сообщаются въ настоящей части только дополнительные стихи къ пересказу 1-ой части № 30. Ново тутъ собственно то, что Дунай, собираясь, въ сердцахъ, стрѣлять уже прямо въ жену, *намазывалъ стрѣлу саломъ змѣинымъ*; — это, надобно думать, чарованіе своего рода, имѣющее въ виду — придать стрѣлѣ мѣткость.

Подъ № 6 помѣщенъ прекрасный пересказъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Въ немъ особенно замѣчательно дополненіе къ загадкѣ Василисиной о *свайкѣ и колытѣ*, дополненіе, отличающееся эпическимъ простодушіемъ, можно сказать, — даже цѣло-

1) Признаки воинственной *внѣшности* встрѣчаются въ 1-ой ч. нашего сборника на стр. 6, 69, 121, 154, 182, 350, 441; II, 122, III, 301, 304.

мудренною передачею того, что, поставленное въ условій устно-народной поэзіи, представлялось бы просто циническимъ.

Въ двухъ новыхъ пересказахъ о Хотенѣ Блудовичѣ (№ 7 и 8) также есть замѣчательныя особенности. Заставляя паробка выжидать въ полѣ Часовичей, Хотенъ къ извѣстнымъ уже и по пересказу III-й ч. признакамъ розни между ними, присоединяетъ слѣдующіе признаки единодушія: «если поѣдутъ по два, по три въ одномъ мѣстѣ, то у нихъ есть думушка ровная, ровная думушка, не розная». (стр. 40). — Часовая съ особенною силою налегаетъ на свою именитость: «есть мы роду богатаго, именитаго роду, княженецкаго; вы есть роду нищетнаго, кошельчата» (стр. 43). Соответственно этому, Часовая оказывается въ нашемъ пересказѣ на самомъ дѣлѣ, — *родною сестрою Владимира*, котораго въ другихъ пересказахъ она только проситъ назваться дядею ея дочери. Все это дѣйствительно придаетъ вѣроятіе предположенію г. Безсонова о *вельможеской* стихіи въ былинахъ о Хотенѣ (см. Замѣтку его въ III вып. Кир., стр. V.) Съ той же стихіею связано въ нашемъ пересказѣ и слово *холопъ* (стр. 44), довольно рѣдкое въ нашей былевой поэзіи ¹⁾. За своего *холопа постыднго* грозитъ и самъ *нищетный* Хотенъ выдать спѣсивую княжну Часовишну. — Наконецъ замѣчательна въ нашемъ пересказѣ пощада, оказываемая Хотеномъ *наемной силѣ* Часовой вдовы. Совершенно противоположно пересказу II-ой ч., гдѣ онъ «наемныхъ всѣхъ прирубилъ — пригубилъ» (стр. 123), здѣсь онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «вольна сила есть наемная, тронуть ея нечего».

О Дюкѣ Степановичѣ — также два пересказа. Въ одномъ (№ 9) дважды упоминаются при Дюкѣ *холопы боярскіе*, что опять совершенно соответствуетъ давно уже выяснившемуся вельможному значенію этого *затѣззга* богатыря. Сообразно съ такимъ значеніемъ, онъ и ведетъ себя въ нашемъ пересказѣ при пріѣздѣ къ Владимиру такимъ образомъ: «билъ князю о руку правую, а княгинѣ Апраксін о лѣвую, всѣмъ князьямъ боярамъ по всѣмъ сторонамъ низко кланялся». — Такимъ образомъ и обычныя въ нашихъ былинахъ *четыре стороны* представляются тутъ исклю-

1) Въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ, на 72 стр. IV ч. попадаетъ также не особенно обычное въ нашихъ былинахъ слово *челядь*: Настасья тащитъ татарина во *стѣни челядинны*.

чительно княжескими, боярскими. — Въ другомъ пересказѣ (№ 30) замѣчательно, что за Дюка ручается, передъ состязаньемъ его съ Чурилою, самъ Владиміръ, тогда какъ въ другихъ пересказахъ это дѣлаетъ или *владыка Черниговскій*, или *Илья Муромецъ*, или *юли кабацкія* (послѣднее, разумѣется, порча — именно у голей-то и не можетъ быть никакихъ связей съ вельможными Дюками). Когда же побѣдителю Дюку предстоитъ (какъ извѣстно по другимъ пересказамъ) отрубить, согласно условію, у Чурилы голову, тогда, по нашему пересказу, *просили его городами Киевомъ и Черниговомъ простить*. (Иногда же ходатаемъ является тутъ, какъ извѣстно, вѣрный представитель народа, *народной воли* — Илья).

Новый пересказъ о Соловьѣ Будиміровичѣ представляетъ мало особеннаго. Въ началѣ его говорится о *Невѣ-рѣкѣ*; впадающей въ море Вирянское, — (очевидно испорчено изъ *Варяжскаго*): мѣстомъ дѣйствія такимъ образомъ тутъ прямо оказывается сѣверъ, что вполне соответствуетъ Скандинавскимъ чертамъ въ былинахъ о Соловьѣ ¹⁾. Далѣе замѣчательно выраженіе Соловья, что онъ пріѣхалъ ко Владиміру не пословать, не торговать, а *на жиру жить*.

Казалось бы, что послѣ тѣхъ многихъ и полныхъ пересказовъ о Михаилѣ Пѣтыкѣ, которые помѣщены были въ I-ой и во II-ой ч., трудно и ожидать еще какого нибудь новаго, замѣчательнаго пересказа. А между тѣмъ въ томъ, который помѣщенъ въ настоящей части подъ № 12, есть кое-что, заслуживающее вниманія. Въ самомъ началѣ — пированьице у Владиміра идетъ тутъ *по третій день* ²⁾. — Далѣе Пѣтыкъ, при сборѣ дани въ Подольской землѣ, выказываетъ новую черту въ своемъ нравѣ: «поразсердилъ плечо богатырское, *сталъ бить-казнить, иныхъ вѣшати*.» Черта эта и вообще — черта исключительная, необычная въ нашемъ эпосѣ; въ ней должно быть чуждое его бытовымъ основавамъ наслоеніе позднѣйшее — но какое: татарской ли тяжелой годины, время ли Грознаго, или, быть можетъ, и еще позднѣйшей безчеловѣчной поры — Нѣмецкой татарщины Бирона? —

Въ концѣ, совершивъ свою извѣстную казнь надъ невѣрной

(1 См. въ моемъ Опытѣ Ист. Обзор. Р. Слов. стр. 273, гдѣ имѣется и указаніе на статью о томъ А. А. Котляревскаго.

2) Сходно съ этимъ въ 1-й ч. нашего Сборника послѣ свадьбы Владиміровой и Дунаевой «пиръ у нихъ пошелъ ровно *по три дни*». (стр. 183).

женой, Михайло въ нашемъ пересказѣ готовъ еще и съ новой стороны выказаться жестокимъ: «хотѣлъ королевство за щитомъ пройти, да огнемъ сожгаты». — Но его укрощаетъ спасительница его Настасья.

Размашисто-своенравная природа Пѣтыка сказывается въ нашемъ пересказѣ и тѣмъ, что онъ не хочетъ въ точности соблюсти обязательство жить во гробу съ женою: «писано у нихъ было на два мѣсяца, — не захотѣлъ онъ идти на два мѣсяца, захотѣлъ пойти на полъ-мѣсяца». . . . Но ему удалось и того не выполнить: «сказали всѣ во градѣ Кіевѣ: отпущенъ былъ на полъ-мѣсяца, а прожилъ онъ во сырой землѣ двой сутки» —¹⁾ Наконецъ замѣчательно, что, играя въ шашки-шахманки со царемъ Бухаремъ, Пѣтыкъ, чтобы заманить его, ставить не только буйную свою голову, но и Марью Лебедь Бѣлую *да свою мать родимую*. Это, при постоянно проводимомъ въ нашихъ былинахъ, безграничномъ уваженіи къ матери, есть своего рода исключительное проявленіе *размашистой* природы Михайлы Пѣтыка. Конечно, это только хитрость, *заманка* царю Бухарю: Пѣтыкъ увѣренъ въ себѣ — что не проиграетъ. Потому-то онъ въ этомъ случаѣ только отчасти напоминаетъ уже совершенно исключительный и необъяснимый покуда фактъ въ одной Сербской пѣснѣ, гдѣ сынъ *решается продавать* мать свою (Вука Пѣсни I, 548)¹⁾.

Въ нашей IV ч., подъ № 13, повѣствуется о весьма также исключительной, необычайной продажѣ *матерью сына*. Сынъ этотъ — до сихъ поръ совершенно въ другихъ отношеніяхъ извѣстный Иванъ Гостиный, замѣчательная былина о которомъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ находокъ настоящей части. Иванушко тутъ — чадъ безумное: со тѣма со жонками, со тѣма ли со голями со кабацкими, пропилъ — прогулялъ все отцовское имѣніе — на перекоръ своей вдовѣ-матери, которая заранѣе предостерегала его ото всего отъ этого. Тогда она, пользуясь тѣмъ патріархальнымъ полновліемъ, которое, за смертію мужа, досталось ей, идетъ со своимъ чадомъ во царевъ кабакъ, ведетъ его оттуда ко синю морю и продаетъ купцамъ заморянамъ и Вавилонянамъ. (Въ имени этихъ послѣднихъ слышится, очевидно,

1) Я долженъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что не вездѣ могу точно *цитировать*; замѣтка эта пишется мною на дачѣ, гдѣ я не имѣю подъ руками очень многихъ книгъ.

вліяніе грамотническое, библейское). — Между тѣмъ у самой — *прокатилася слеза изъ ясныхъ очей*. Сынъ величаетъ ее *змѣю милою, подколенною*, но она обращается къ народу съ оправданьемъ такого рода: «не кормитель онъ былъ родной матери, а разоритель былъ золотой казны, — а за проступокъ я его и продала». — И былина на этомъ кончается, не приводя ничего въ отпоръ такой логикѣ *исударыни - матушки*.

Не богатъ въ настоящей части т. н. Московскій отдѣлъ былинъ: всего одинъ пересказъ о Грозномъ, да два о Кострюкѣ Семрюковичѣ. — Чтò касается перваго, то онъ во многомъ не полонъ и попорченъ. И Иванъ Ивановичъ, и Ѳеодоръ Ивановичъ — оба оказываются *младшими* сыновьями. Обвиненіе Ѳеодора передается въ выраженьяхъ довольно неясныхъ, и только изъ сравненія съ другими пересказами можно вызнати, что вина его тутъ — въ пощадѣ: онъ только надписывалъ, что улицы казнены, оставались же онѣ — не казненными. Но чтò же значитъ выраженіе про улицы, которыми ѣхалъ Иванъ Васильевичъ. «Тѣми улицами кура не пила»? — Прекрасно отрицательное сравненіе царицы, ищущей спасенія у Никиты Романовича, — съ *блѣю ланью, пробѣгающею вдоль по городу*. А также выраженіе Никиты: *живетъ* ли виноватому прощеньице: и отвѣтъ на это Грознаго: «радъ бы простить, да неждѣ взять» ¹⁾.

Извѣстно, что во многихъ пересказахъ (преимущественно у Кирѣевского) Никита Романовичъ подмѣняетъ обреченнаго на смерть Ѳеодора другимъ лицомъ. Онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно также, какъ спасительница Михаила Пòтыка. Надобно думать, что подобнаго рода не совсѣмъ-то человѣколюбивая замѣна одного другимъ, распространенная также во множествѣ повѣстей и сказаній обще-Европейскихъ, занесена изъ рукописныхъ сборниковъ — преимущественно восточныхъ. Къ намъ она могла зайти уже изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ, находившейся, какъ извѣстно, въ одной рукописи со словомъ о Полку Игоревѣ ²⁾. Въ пересказѣ былины о Грозномъ, помѣщенномъ у г. Рыбникова во II-ой ч., Ѳеодоръ замѣняется *постельникомъ* Никиты Романовича, и притомъ *немилымъ* ему. Въ пересказѣ

1) Сходно, но все-таки иначе, въ ч. I, стр. 395.

2) См. въ моемъ Опытѣ И. О. Р. Слов., стр. 353, 355.

же настоящей части Никита, совершенно напротив, жертвует *конюхою своимъ любимымъ*, — при чемъ, очевидно, имѣется въ виду представить поступокъ его именно *жертвою, самопожертвованіемъ*. Это уже замѣчательное извращеніе народной мысли, къ счастію составляющее рѣдкость въ народной нашей поэзіи и только отчасти подходящее къ тѣмъ примѣрамъ дикихъ жертвъ и противоестественныхъ самопожертвованій, которыя вовсе не рѣдкость въ западномъ средневѣковомъ—многостихійномъ, религиозно-фанатизированномъ и на половину грамотническомъ эпосѣ.

Уже въ примѣчаніи къ одному изъ пересказовъ о Кострюкѣ II-ой ч. нашего сборника было сказано: «изъ другихъ разнорѣчій этой былины видно, что Кострюкъ - Демьюкъ — женщина». — Теперь въ IV-ой ч., подъ № 16, помѣщено г. Рыбниковымъ разнорѣчіе (пересказъ) такого рода. Побивъ Иванушку вдовина сына, и Михайлушку также вдовина, Кострюкъ выходитъ на бой съ Потанюшкой вдовинымъ: тутъ какъ бы *три брата*, изъ которыхъ *младшій*, по сказочному, *счастливѣйшій*. Этотъ младшій «спуститъ его (Кострюка) о кирпиченъ мостъ,—лопнула щиль по брюшины.... Скидывалъ ю (ее) онъ до гола, стыдилъ ея личко бѣлое, повелъ ю по каменной Москвы». Между тѣмъ отъ нея ясно отличается тутъ Авдотья Кострюковна, уговаривающая Потанюшку не стыдить ея. (Ср. также Кир. VI, стр. 119).

Въ разрядѣ былинь т. н. *княжескихъ, молодецкихъ и безыменныхъ*, встрѣчаемъ мы всего двѣ полныя, и отдѣльные дополнительные стихи къ былинѣ о Саламанѣ, напечатанной въ II-й ч. Въ этихъ дополнительныхъ стихахъ поражаетъ слѣдующая картина дѣйствія, произведеннаго на природу турьимъ рогомъ царя Саламана:

Высокія горы запаталися,
Темныя лѣса разваляися,
Во рѣкахъ вода присохнула,

и т. д.

Совершеннымъ своеобразиемъ отличаются нѣсколько далѣ слѣд. стихи: «Это чтó около моря шумъ великъ? Всѣ птицы, всѣ звѣри взрадовалися, — летять глядѣть на царскую (Саламанову) смеретушку».

Пересказъ подъ № 17 (Наѣздъ Литовцевъ на Москву) отличается отъ другихъ пересказовъ той же былины (въ I-ой и

III-ей ч. подъ названіемъ: Два Ливика»), тѣмъ, что тутъ роль князя Романа Дмитріевича играетъ, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія именъ, Никита Романовичъ. Къ рисуемому имъ извѣстному противоположенію *старости* своей прежней *молодости*, присоединяется въ настоящемъ пересказѣ сравненіе отлетѣвшей молодости съ яснымъ *соколомъ*. Нѣсколько же далѣе Никита Романовичъ жалуется на то, что «старый пѣсь, король Политовскій, порушилъ свою великую заповѣдь: мнѣ Никиты Романову порушать своя заповѣдь великая». Это заставляетъ предполагать существованіе между ними уговора — не воевать другъ съ другомъ, чѣмъ и объясняется въ свою очередь несогласіе короля отпустить своихъ сыновей на Русь.

Былина подъ № 19 (Девять братьевъ и сестра), представляетъ очень хорошо сохранившійся пересказъ сказанія, распространеннаго и на Дону, и въ Галиціи, и мало ли гдѣ еще (имѣются и Сербскія пѣсни о томъ же). Особенно замѣчательно въ нашемъ пересказѣ выраженіе — *вдова горя-пашница*, (въ другомъ мѣстѣ — просто вдова *пашница* ¹⁾). Происходя, очевидно, отъ — *пашти горе*, это близко подходитъ къ обороту «Слова о Полку Игоревѣ» *бѣды его пасетъ птиць* ²⁾. Въ томъ же духѣ и другое выраженіе «Слова», — что *посѣвъ всходитъ туюю* (горемъ). Множество сходныхъ выраженій имѣется въ разномѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ примѣры: Чужа сторона туюю орана, слѣзми засѣяна». — «Ой распушу я тугу по зеленому лугу». (Бѣлорусск.). «Я посѣю горе въ чистомъ полѣ: ты взойди, мое горе, черной чернобылью» (Сарат. губ.) «Доле жъ моя, доле, несчастная доле! Засѣяла дѣвчинонька мысленьками поле, черныма очима та ѣ заволочила, дробенькими слезоньками все поле зросила». (Угорск.) «Узори, Маре, равнине, посіј своје ядове» (бѣды, горести). (Сербск.) ³⁾.

Совершенно сходно и слѣдующее мѣсто въ свадебной пѣснѣ,

1) Въ III ч. № 62 — вдова — *пашница*.

2) Въ моей Христоматіи, согласно съ г. Буслаевымъ, говорится: «или: уже бѣда (бѣды — ошибка) его пасетъ, т. е. кормитъ птиць, или: уже птиць (муж. р. вм. *птица*, а, м. б., вм. *птичь* (притяжательное, т. е. *птичий родъ*) стережетъ его бѣды, ждетъ поживы отъ его бѣды (стр. 315, прим. 10).

3) Чечота *Pisowni z nad Niemna i Dzwiny*, 58. Памяти. Нар. творчества въ сѣв. зап. краѣ, I, 34. Пѣсни А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова, IV, 110 — Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ, II, 536. Сербскія пѣсни Вука, I, 467.

помѣщенной въ настоящей части на стр. 127 «Есть горя много, кручинушки, *три поля юря настѣно*, три горы есть понакачено». Въ томъ же духѣ и многія другія выраженія въ свадебныхъ пѣсняхъ настоящей части; на прим. на стр. 108 — 109: «испосажена люта ознобна сторонушка лютой неволей великою, наполивана чужая ознобна сторонушка горькими слезами горючими, пересыпана она кручинушкой великою!» — Или еще слѣдующее: «я не паромъ упарилась, а великой кручинушкой» (стр. 141) Или же: «накормили меня до сыта, напоили меня до пьяна: покормилъ меня батюшко кручиной великою, напоилъ слезамы горючими» (стр. 143). Близко подходитъ сюда и надѣленіе жизнью *неволи* — въ другой свадебной пѣснѣ (стр. 110—111): «не суметы натащилю снѣжку бѣлаго, а тутъ стоитъ люта неволя великая, берегетъ меня красну дѣвушку», и т. д. Или на стр. 115: «какъ за мной-то за душей красной дѣвушкой ходитъ лютое безволье великое».

Кто не знаетъ, какъ поэтически олицетворяется въ нашей свадебной *драмѣ* (этимъ именемъ смѣло можно назвать пѣсни — обряды свадебные), какъ прекрасно олицетворяется въ ней *воля* — *красота дѣвичья*? Богатый отдѣлъ свадебныхъ пѣсень, напечатанный въ настоящей части, представляетъ уже въ одномъ этомъ отношеніи нѣсколько новыхъ оборотовъ. Дѣвушка сняла красоту съ головы — но не *статится* ей, не ладится. «Воротися-ка, красна красота, взадъ на бѣлыя - то рученьки, поприжму я красну красоту я ко сердцу-то ретивому», и т. д. (стр. 129) Она захотѣла было положить волю-красоту во теплую пазушку къ матери, да вспомнила, что мать держитъ слабешенько поясъ и могла бы выпронить красоту (стр. 130) Собравшись положить ее въ церковь къ иконамъ (что попадалось и въ прежде - извѣстныхъ пѣсняхъ), она вспоминаетъ, что дѣти у попа своевольные и могутъ изорвать ея милую волюшку. И вотъ она поручаетъ подружкамъ только носить ее къ обѣднѣ по праздникамъ. — Наконецъ дѣвица рѣшается положить свою красоту - волю во зеленый садъ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ, собравшись изъ чужа побывать у родителей, вернуть въ этотъ садъ, взять красоту на руки — на совѣтъ на думу крѣпкую, наговориться и принабавиться съ красной красотой. (стр. 131 и 132)

Въ особомъ совершенно родѣ, но тою же поэтическою силою от-

личается въ одной изъ нашихъ свадебныхъ пѣсень слѣдующій оборотъ: «встрѣчаетъ кормилецъ батюшко со ковригой краснокорою. Ты, коврига краснокорая, повернись горой высокою: не подпелъ бы чужой чужанинъ ни съ которой сторонки». (стр. 140.)

Тутъ ясно выражается мысль, рѣшительно *господствующая* въ свадебныхъ пѣсняхъ Олонецкаго края, — мысль о бракѣ, какъ взятіи во неволю, насилиі, отмицѣ (позволяю себѣ употребить тутъ это Сербское выраженіе). «*Побѣдная слезливая свадьба*» — таково поразительное выраженіе, не разъ попадающееся въ пѣсняхъ настоящей части (на прим. на стр. 108) А вотъ замѣчательное приглашеніе невѣстою на такую свадьбу *всей* «родни — породы сердечной»: вы гостите ко мнѣ *поуговаривать* свѣтовъ сердечныхъ родителей, чтобы не отдали меня душу красную дѣвицу на чужу дальну ознобну сторонущку. (На той же стр.) Въ другой пѣснѣ вотъ какимъ образомъ отзывается дѣвица о той же роднѣ-породѣ: «на иконѣ бѣлокрущатой всѣ — ли списаны святители? за столомъ бѣлодубовенькомъ (замѣчательна и эта старинная форма прилагат. въ твор. пад.) *есть ли собраны родители?*..... Какъ со батюшкину сторону нѣтъ половины роду-племени; какъ со матушкину сторону нѣтъ всего да роду-племени. Ахти мнѣ да мнѣ тошнехонько.... Я теперь пойду, кручинная, во роду да искать сродничковъ, во племени да доброхотничковъ». — (Стр. 116 и 117) Ясно, что отсутствіе значительной части родни — не добро для дѣвицы; хоть въ комъ нибудь изъ этихъ *многихъ родителей* она надѣется встрѣтить оборону отъ самовластиа двухъ главныхъ — государя батюшки и государыни матушки. Родъ великъ, — такъ найдется же въ немъ хоть нѣсколько *доброхотничковъ*! — Этимъ, кажется, достаточно подтверждается вѣрность замѣчанія, высказаннаго мною на стр. 131 моей книги: «не трудно понять, что въ подобномъ *общемъ* участіи (т. е. участіи всей родни въ брачномъ вопросѣ) есть уже нѣчто *уравновѣсительное*, т. е. противодѣйствующее тому исключительному деспотизму родоначальника, какимъ ознаменовывалась первая ступень въ развитіи родоваго быта. (См. мой «Оп. Ист. Об. Р. Слов».)

Выше сказано, что мрачный взглядъ невѣсты на бракъ рѣшительно господствуетъ въ пѣсняхъ настоящей части. Но что тутъ много участвовала косность обрядовая, что такая *мрачность* обязательно унаслѣдована отъ отдаленнѣйшей старины, — это

видно уже по начальнымъ словамъ первой пѣсни: «что я сижу душа красная дѣвушка безъ тонкаго зычнаго голоса?... Меня дурой назовутъ, самовольницей: — «эка дура молодая буйная головушка, она рада безволя великаго, рада чужой дальнѣй ознобной сторонущи!» — (стр. 105.) Ясно, что дѣвица *обязана* жаловаться, называть жениха чужаниномъ, и т. п. И вотъ, въ концѣ той же пѣсни, искусственно настроившись на жалобный ладъ, она готова написать *прошеніе* на родителей и подать его *губернатору*? Замѣчательное сочетаніе *новизны* этого послѣдняго титула съ допотопною стариною мысли, основы.

Мысль о возможности не одной бѣды и неволи, но и счастья въ замужествѣ, ясно проглядываетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ невѣстѣ, идущей въ баню: «ты не мойся, красна дѣвушка, матушкой Угрюмъ рѣкой — богоданные будутъ угрюмые, милый-ладый невеселъ съ тобой; ты не мойся матушкой Свирѣтъ-рѣкой, и т. д.; ты умойся, красна дѣвушка, матушкой *Веселъ-рѣкой*, — богоданные будутъ веселые, милый ладый сговорчивый.» (Стр. 113 и 114.) Довольно свободныя, не принудительныя отношенія между женихомъ и невѣстою выказываются въ двухъ пѣсняхъ Петрозаводскаго уѣзда — на стр. 150 и 151. Наконецъ замѣчательно, что самая обрядность свадебная, соблюдаемая въ этой мѣстности, требуетъ отъ родителей спроса у самой невѣсты: *согласна ли она итти за имрека?* (стр. 147).

Укажу на замѣчательное обращеніе невѣсты къ покрову различныхъ богородичныхъ праздниковъ, какъ живыхъ существъ — на стр. 138.

Въ концѣ собственно пѣсеннаго отдѣла помѣщена дѣтская пѣсня, отчасти подходящая къ разряду т. н. у Нѣмцевъ *Liedermärchen*, и другая о мизгирѣ, прямо даже и названная *небывальщиною*. Послѣдняя является какимъ-то обломкомъ *эпоса о настькомыхъ* (которыя играютъ такую частую роль и въ нашихъ сказкахъ изъ *животнаго круга*). Читатель замѣтитъ, что небывальщина о мизгирѣ не лишена и нѣкотораго сатиризма.

Отдѣлъ повѣстей, сказаній и сказокъ представляетъ также не мало замѣчательнаго. Помѣщенное подъ № 1 сказаніе о началѣ града Москвы можетъ составлять дополненіе къ тѣмъ, которыя извѣстны уже изъ статей г. Буслаева, и о которыхъ не такъ давно еще напомнилъ г. Забѣлинъ (въ 1 кн. Вѣстника Европы

настоящаго года ¹⁾. Преданіе о началѣ Москвы взято г. Рыбниковымъ изъ варіанта Новгородской лѣтописи; въ языкѣ тутъ замѣтны мѣстами черты уже значительной новизны. Вообще это языкъ по преимуществу книжный (кромя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій), но черезъ книжность языка и даже самаго изложенія ясно сквозить народная основа. Въ сущности это только приуроченная къ потомству Невскаго перелицовка общераспространеннаго сказанія о *жени-измѣнницѣ*. Совершенно въ духѣ того же сказанія — и казнь надъ ней — *всякими муками*. Съ другой стороны звучатъ тутъ и отголоски другихъ, не меньшихъ извѣстныхъ сказаній: кольцо, отдаваемое перевоицику, вѣрность собаки, окровавленное платье, какъ удостовѣреніе въ убійствѣ и т. п. Замѣчательно жестокое самодурство князя Даниіла, грозящагося выжечь у боярина Кучка села, если онъ не дастъ сыновей своихъ во дворъ къ князю; въ концѣ же — несправедливость и безчеловѣчіе князя Андрея, когда онъ, за вину сыновей, (насилно отнятыхъ у отца Даниіломъ) мститъ неповинному тутъ ни въ чемъ отцу ихъ. И о третьемъ князѣ, Іоаннѣ Даниіловичѣ, въ то время еще ребенкѣ, замѣчаетъ повѣствователь, что онъ *яръ и мотъ бѣ*. — При подобномъ нравѣ князей совершенно уже умѣстно книжное слово *рабъ*, придаваемое вѣрному слугѣ Іоаннову, хранителю его съ дѣтства. Какъ это слово, такъ и подобный нравъ представителей власти, легко могли быть *примысли* книжнымъ путемъ: образцами могли тутъ служить тѣ восточные властелины, о которыхъ такъ часто говорилось въ различныхъ рукописныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Впрочемъ, уже и на самомъ дѣлѣ на престолѣ Московскомъ образовывался тогда *ичой* складъ, не тотъ, которымъ запечатлѣнъ въ древнѣйшихъ, лучшихъ былинахъ, Владиміръ Солнышко, а въ лѣтописи Владиміръ Мономахъ.

Изъ двухъ *исторій* объ Азовскомъ сидѣніи первая (№ 2) не упоминаетъ вовсе о самомъ взятіи, да и начинается такими словами, что тутъ никакъ нельзя предположить *начала*. Его тутъ,

1) Одно изъ этихъ преданій, для сличенія, перепечатывается мною въ приложенияхъ къ настоящей части изъ «Временника Моск. Общ. Ист. и Древн.» Считаю долгомъ привести мою искреннюю благодарность завѣдывающему этимъ изданіемъ И. Д. Бѣляеву. Преданіе это, какъ читатель загѣтитъ, очень близко къ Рыбниковскому, или, проще сказать, составляетъ только особый его пересказъ.

очевидно, не достаетъ; зато оно есть въ слѣдующей (№ 3) «гисторіи», которой вторая часть представляетъ довольно искусственное распространіе «исторіи» № 2. Тутъ замѣчательна также чисто искусственная преувеличенность — на прим. въ описаніи множества войска Татарскаго, множества убитыхъ казаками и т. п. — Тутъ и примѣсь оборотовъ церковно-славянскихъ, коверкаемыхъ самымъ безграмотнымъ образомъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ № 2. При этой книжно-безграмотной примѣси, въ исторіи (т. е. обоихъ ея номерахъ) тѣмъ болѣе удивляютъ многіе весьма поэтическіе и чисто-народные обороты. Сюда относятся въ № 2: «и какъ цвѣты въ полѣ зацвѣли» (стр. 163) про казаковъ (а въ № 3 уже испорчено: «Азовскую степь все палатками, а не цвѣтами украсили — стр. 174); также поэтическое кормленіе татарскими трупами звѣрей и птицъ (стр. 164); выраженіе про первую удачу, что «мы только оружье свое прочистили» (стр. 166); или далѣе: «разорили гнѣздо змійное». (стр. 167) Последнее нѣсколько напоминаетъ былевое *имздо* Соловья. Языкомъ былиня отзываются еще выраженія: «днемъ приступаетъ 10000, а въ нощи приступаетъ *другое* 10000 (та-же стр.) («ты у князя сто бери, у княгини *другое* сто¹⁾»; — пришло войско *чернижское* великое» (стр. 162) («увидѣлъ на полѣ чернизину») ²⁾. — Полно поэзіи слѣдующее прощаніе казаковъ въ минуту неудачи: «простите насъ, царь и т. д., простите насъ, патріархи, ... всѣ православные христіане, простите насъ, моря синія и поля чистыя», и т. д. (стр. 167) И при этомъ жалоба на *сѣтовъ-государей* Предтечу и Николу, что сами велѣли брать Азовъ, а потомъ оставили безъ помощи. — О двухъ *младыхъ юношахъ*, сѣкущихъ Турокъ, о которыхъ казаки отвѣтили имъ: «то-де наши воеводы», — въ «гисторіи» не пояснено, кто это. *Выставала же* до появленія ихъ *трозная туча* (совершенно какъ въ началѣ стиха о Голубиной Книгѣ), и вотъ изъ нея-то и выѣзжали чудесные юноши. Надобно думать, что это Борисъ и Глѣбъ. *По валу же* ходятъ два вышеназванныхъ угодника въ *блтыхъ ризахъ* и *пречистая богородица* (совершенно такимъ

1) Въ былиняхъ объ Иванѣ Годиновичѣ — у Кириши Данилова. (Перепечат. у Кир. III, 22). Ср. въ нашемъ сборн. I, 141: *другое* шесть годовъ.

2) Кирѣевск. I, 48, 50. «Силы чернымъ черно» — нашего Сб. I, 54, 111, 160, 358.

же образомъ появляющаяся на валу и въ нѣкоторыхъ былинахъ о Татарскомъ нашествіи. (На прим. Рыбн. I, 107).

Въ исторіи № 3 угодники оказываютъ казакамъ помощь даже въ такихъ случаяхъ, когда, при христіанскомъ воззрѣніи, трудно бы ея ожидать. Они помогаютъ забрать въ плѣнъ, вмѣстѣ съ дочерію паша, много дѣвицъ и живота. «*Полнозъ взять и живота нажить*» — вотъ что оказывается тутъ руководящею мыслию казаковъ, которые при этомъ даже безъ особой нужды и въ огромномъ количествѣ рубятъ головы. Такъ и ощущается тутъ не та уже совершенно основа, что въ былевомъ нашемъ эпосѣ, гдѣ стремленіе къ добычѣ, — ради добычи, и проливанье *напрасной* крови — просто такъ, изъ любви къ искусству, вовсе не занимаетъ виднаго мѣста, благодаря *мужицкому*, а не *рыцарскому* праву большей части нашихъ богатырей. Казаки же не даромъ и величались *мцарями*: на нихъ дѣйствительно ощущается нѣкоторый отпечатокъ окровавленной чести рыцарской и изувѣрной рыцарской службы въ своемъ родѣ кровавому Богу! — А тѣмъ не менѣе казаки, въ нашей исторіи, собираются, какъ въ былинахъ богатыри, во *единый кругъ, живутъ* во полѣ какъ *люди незнаемые* (опять выраженіе былевое), сражаются съ *силою смты нты* (какъ Илья и другіе богатыри ¹⁾) Сходство съ *языкомъ* (но ни какъ не *духомъ*) былинъ замѣтно наконецъ и въ томъ, что «отъ рысканья конскаго земля подъ Азовомъ подогнулась, а изъ Дону рѣки вода на берегахъ оказалась» (стр. 174). Слѣдующее же выраженіе, не менѣе поэтическое: «подобно быть тогда грозы небесной, молнія и страшный громъ съ небеси, и отъ стрѣльбы ихъ непрестанно стоялъ огонь и дымъ», — скорѣе напоминаетъ слѣдующее мѣсто въ словѣ о Полку Игоревѣ: «Чръныя тучя съ моря идуть а въ нихъ трепещуть синія мльнія; быти грому великому, итти дождю стрѣлами.... ту ся копіемъ приламати», и т. д. Можно припомнить при этомъ и Краледворскую рукопись: «стржелы джчеху... з мракув, ощепув лом яко рохот грома, блскет мечев, яко огонь бурже» («Ярославъ»). Разумѣется для этого нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать заимствование: это просто — на единствѣ природы основанное сходство оборотовъ народной поэзіи.

1) См., на прим., нашего сборника ч. I, стр. 114.

Но есть, кажется, между нашею «исторіею» и «Словомъ» — еще черты сходства. Жена есаула Зыбина причитаетъ надъ мужемъ (стр. 181); далѣе жены казацкія вообще плачутъ о гибели мужей своихъ (183). Между тѣмъ есть ли какая нибудь возможность предположить *женъ* — въ осадное время, особенно же при условіяхъ *казацкаго*, почти безсемейнаго быта? Не ясно ли, что «исторія» прошла чрезъ руки людей не знакомыхъ съ казацкимъ бытомъ, но зато знакомыхъ съ народно-эпическими приѣмами? И вотъ, вокругъ Гекторовъ явились неизбѣжныя Андромахи: какъ въ «Словѣ» съ подобнымъ значеніемъ является *Ярославна*, такъ въ «гисторіи» жена Зыбина; какъ тамъ *жены Русскія въсплакашась* по своихъ *милыхъ ладахъ*, такъ тутъ — *въсплакаша жены казацкія*.

Что же касается самихъ казаковъ, то, видя женъ своихъ плачущими, они начинаютъ прощаться съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, съ архіереями и игуменами, со всѣми православными христіяны. Но замѣчательно вотъ что: сходнымъ образомъ *прощается* въ одной изъ свадебныхъ пѣсень IV-й части невѣста: «за тѣмъ *добровъ* да *доброваныице* (это и значитъ по Олонецкому — *прощанье*), по большой пути дороженькѣ въ грозну службу Государеву, Государю царю батюшку, что къ самой-то государынѣ, государскимъ малымъ дѣтушкамъ. За тѣмъ *добровъ* да *доброваныице* вамъ, поля - луга зеленые, и на широку гладку улушку. За тѣмъ *добровъ* и *доброваныице* по всему да свѣту бѣлому» (стр. 122). — Съ одной стороны тутъ можно усмотрѣть подтвержденіе *горестнаго* положенія невѣсты: прощается, словно предъ смертью. Но не замѣчательно ли совершенно въ другомъ отношеніи это разширеніе кругозора: дѣвушка въ рѣшительное мгновеніе своей жизни, вмѣсто того, чтобы исключительно погрузиться мыслію въ ближайшія узко-семейныя отношенія, выходитъ, напротивъ, дуемою на просторъ широкій, по большому пути - дорогѣ доходитъ до государя, вмѣщаетъ наконецъ въ своихъ чувствахъ и цѣлый свѣтъ! Такимъ образомъ едва ли бы могъ выражаться народъ, не пошедшій въ своемъ развитіи далѣе *одного семейнаго быта*.

До извѣстной степени въ томъ же смыслѣ могутъ быть поняты и нѣкоторыя мѣста въ «повѣсти о царѣ, оклеветанной царицѣ и сыновьяхъ ея». — Семейное дѣло, дѣло объ измѣнѣ жены, вы-

носятся тутъ царемъ на судъ земскій: на нѣкоемъ пространномъ полѣ устраиваются мѣста не только властямъ и вельможамъ, не только купцамъ, но и *всѣмъ жителямъ города*: «судите мя съ супругою моею», говоритъ имъ царь. — Правда, что собранные отказываются судить *господей* своихъ, и предоставляютъ все на волю царя и Божію. Тѣмъ не менѣе они рѣшаются и имъ удастся склонить царя — по крайней мѣрѣ пощадить жизнь оклеветанной: «Молимъ тя, не ослезя насъ, *всего царства твоего жителей*, горькимъ симъ осужденіемъ»..... Царь же въ размышленіи бывъ и плачась, и *видяъ горькій плачь въ народѣ*..... умилился, и т. д. (стр. 190). — Значеніе земской силы тутъ только *совѣщательное* (какъ оно было и на нашихъ историческихъ земскихъ собраніяхъ); въ пріемахъ обращенія съ царемъ уже замѣтно совѣтъ не то, что въ богатырскихъ отношеніяхъ къ князю: «падше преклоняшася ницъ предъ ногама его: — мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо послушай насъ, благій царю!» — Но съ другой стороны царь дѣйствительно *слушаетъ* ихъ, онъ считаетъ нужнымъ къ нимъ обращаться, хотя бы за тѣмъ только, чтобы *узнать* ихъ мысль. Они, т. е. *всѣ жители, весь народъ*, всетаки составляютъ *силу*.

Что касается собственно *повѣсти*, то, при всей книжности изложенія, она принадлежитъ къ разряду народныхъ (и даже общенародныхъ) сказаній о *злой свекрови*. Кромѣ того тутъ примѣшано и не менѣе распространенное сказаніе о *чудесномъ спасеніи*: *львица*, выкармливающая одного изъ сыновей гонимой цариды, напоминаетъ столько же другихъ попечительныхъ животныхъ — хотя бы *волчицу* Ромула съ Ремомъ.

Подъ № 6 и 7 помѣщены двѣ сказки, взятые уже опять не изъ рукописей, а изъ устъ народа. Первая (о мужикѣ-воинѣ) примыкаетъ въ первой своей половинѣ къ сказаніямъ о братьяхъ разбойникахъ. Собственно это рассказъ младшаго, бывшаго, по обычаю патріархальныхъ временъ, на *посылкахъ* у старшихъ (стр. 203). Онъ встрѣчается съ чудеснымъ своею силою *старикомъ*, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающимъ Илью Муромца. (Напротивъ того *подъемомъ воротъ* старикъ этотъ скорѣе указываетъ на Самсона). Попавъ въ работники къ чудесному старику, бывшій разбойникъ видитъ у него *старенькаго* и горбатаго, пашущаго землю. Этотъ послѣдній какъ бы напоминаетъ

немного *Микулушку*; нѣсколько далѣе быстрый бѣгъ *хозяйскаго струшка*, за которымъ никакъ не могъ поспѣть новый работникъ, смахиваетъ на кобылку *Микулушкину*. — «Господскій молодецъ» явно принадлежитъ къ разряду сказочныхъ *объѣдагъ*, о древнемъ мнѣическомъ значеніи которыхъ достаточно сказано г. Аонасьевымъ въ примѣчаніяхъ къ его сказкамъ. Быть можетъ и *тяжелый котелъ* «молодаго хозяина» представляетъ, въ весьма ослабленномъ, поблѣднѣломъ видѣ, нѣчто общее съ тѣмъ мнѣическимъ котломъ великана Эгира, который долженъ быть поднять Торомъ ¹⁾. — Вообще наша сказка представляетъ странное смѣшеніе какихъ-то разнородныхъ отзвуковъ. Чудесный *сибенекъ* старика, побивающій столько разъ, въ концѣ сказки дѣйствуетъ не гибельно, а живительно — на «молодаго хозяина», который далѣе оказывается дѣвицей - паленицей: такъ что тутъ будто бы нѣчто общее съ Кострюкомъ - женщиной (въ пересказѣ настоящей части). Подъ этою дѣвицей — половиценки подгибаются, и не диво если выше — «онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало качать» (разсказъ работника).

Начало нашей сказки напоминаетъ «*Ому Беренникова*» ¹⁾. Цѣлкомъ на эту послѣднюю тему сложилась сказка объ «*Олѣшѣ Голопузомъ*», — новый образчикъ народной пародіи на богатырей. Въ числѣ послѣднихъ тутъ рѣшительно глупымъ является даже *Илья* (королевичъ).

Въ отдѣлѣ повѣрій и суевѣрій помѣщенъ не сырой матерьялъ, а цѣлый трактатъ, къ которому мнѣ остается только кое - чтó прибавить. Помѣщенное тутъ въ самомъ началѣ преданіе о свѣтлыхъ и темныхъ духахъ по основѣ своей принадлежитъ къ разряду, уже не разъ затронутому г. Буслаевымъ въ его «*Очеркахъ*». Сходныя преданія у другихъ Славянъ можно найти въ любопытной статьѣ К. Я. Эрбена: *Vaje Slovanska o stvořeni světa*, помѣщенной въ Часописѣ Чешскаго Музея за 1666 г. (если не ошибаюсь, во второй книжкѣ). Пересказъ, печатаемый теперь въ нашемъ Сборникѣ, отличается собственно заключительною своею частію: произведеніемъ отъ *сатанинскаго воинства*, низринутаго *Михаиломъ Архангеломъ*, *водяниковъ*, *домовиковъ*, и такъ далѣе.

1) См. Mannhardt, Germanische Mythen, 103, 192.

2) Въ сборникѣ А. Н. Аонасьева.

Что касается всѣхъ этихъ разнородныхъ духовъ, то преданія о нихъ, сообщаемыя теперь г. Рыбниковымъ, очень близко подходятъ къ цѣлому множеству Нѣмецкихъ *Sagen*, извѣстныхъ по сборникамъ — какъ братьевъ Гриммовъ (равно и по мифологiи Я. Гримма), такъ и многочисленныхъ ихъ послѣдователей. Съ Оло-нецкими преданіями о *ерестунахъ* и т. п. *живыхъ мертвецахъ-людодоухъ*, много общаго можно найти въ книгѣ Маурера — *Isländische Volkssagen der Gegenwart*, въ отдѣлахъ «*Spuk*» и «*Zauber-Sagen*». Все это преданія, общія всему Индо-Европейскому племени (какъ и самое *забиваніе осинового кола въ спину* подобному злющему мертвецу, для лишенія его силы оживать въ гробу. — Ср. у Маурера, 58).

На стр. 222 — 223 и 228 — 229 передаются два сказанія, въ сущности тождественныя: о похищеніи водяною силою у людей дитяти — въ первомъ сказаніи мальчика, во второмъ — дѣвочки. Съ другой же стороны сказаніе о послѣдней напоминаетъ былины о Садкѣ — т. е. собственно бракъ его съ подводною дѣвою. Равнымъ образомъ приходящій къ Садку старикъ сѣдатый (онъ оказывается, какъ извѣстно, Миколой Можайскимъ), очень близокъ къ старику нищему, чудеснымъ образомъ выводящему въ люди Ивана купецкаго сына (въ легендѣ о немъ, помѣщенной на стр. 234 — 239).

Нѣкоторыя преданія о явленіи *лѣсовиковъ* (стр. 225 вверху) и о водяникахъ (стр. 227 внизу), отличаются, какъ замѣтитъ читатель, отгѣнкомъ нѣсколько фаталистическимъ. Это совсѣмъ не то, что выражаемая былинами о трехъ поѣздочкахъ (хорошими пересказами) мысль о торжествѣ человѣческой воли надъ самой судьбою («Въ тую дорожку ѣздишь, — убить не былъ» т. е. не сбылось предназначенное). При существованіи такой мысли въ нашей *былевой* поэзіи, представляющей высшій подъемъ народнаго міросозерцанія, низшая точка зрѣнія уцѣлѣла, какъ пласть болѣе отдаленной формаціи, въ отдѣлѣ *сказаній* (а также и *сказокъ*; между послѣдними многія отличаются тѣмъ-же фатализмомъ воззрѣнія).

Всего болѣе своеобразія, какъ мнѣ кажется, представляютъ наши преданія объ общественномъ положеніи *лѣсовиковъ* (стр. 224). Если же они болѣе *праведны*, чѣмъ *водяники*, то это, быть можетъ, указываетъ на опасную, предательскую природу нашихъ

сѣверныхъ водъ съ одной стороны, и на слюбенность народа съ лѣсами съ другой. — Замѣчательнъ также по преимуществу добродѣтельный нравъ домовыхъ (стр. 230) и своеобразныя преданія объ *отшельникахъ* - домовикахъ (стр. 231).

Въ отдѣлѣ *заговоровъ* встрѣчается любопытное обращеніе къ лѣсовому царю *Мусайтъ* (стр. 250), который однакоже, со своими подначальными, оказывается тутъ силою, не совсѣмъ-то праведною. Любопытенъ и другой царь — *Муравынный*, а не менѣе замѣчательно и то, зачѣмъ къ нему прибѣгаютъ: *средство стать невидимкой* (стр. 245), отзывающееся самою отдаленною старинною ¹⁾. Тоже самое и въ сказаніи о *травѣхъ* (на той же стр. выше), т. е. собственно въ томъ, которое относится къ травѣ *ерекъ*. Тутъ все основывается на извѣстномъ началѣ *уподобленія*: «какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ (христіанизация) лежала и *никто не видѣлъ*, тако бѣ и *меня никто не видѣлъ*, и т. д. ²⁾. (Сравни сходныя черты въ моей книгѣ о Русск. Слов., стр. 75 и 77). Въ концѣ заговора «*Чтобъ стать невидимкой*» самой сѣдой старинѣ принадлежитъ воззваніе: «ты *небо — отецъ*, ты *земля — мать*» (стр. 256). Эта божественная чета, какъ извѣстно, лежитъ въ самой первичной основѣ мионическаго міросозерцанія всевозможныхъ народовъ, начиная отъ Ведъ и до сказаній Негровъ ³⁾.

Замѣчу, что въ *оберечь* на стр. 282 и *заговоръ* № 15 (стр. 255) различно передается одинъ и тотъ же образъ — божественнаго стрѣльца, отстрѣливающаго всякую злую силу — на стр. 252 *тремя луками, тремя стрѣлами*, а на стр. 255 — *прямо молоней, громомъ и громовыми стрѣлами*. И тутъ и тамъ небесный стрѣлокъ является уже подъ именемъ (не первичнымъ, разу-

1) Царь *Мурашъ* упоминается также на стр. 267 (въ заговорѣ № 25), гдѣ къ нему стекаются со свѣхъ сторонъ *муравьевы дѣти*.

2) На томъ же вѣрованіи въ силу *уподобленія* основывается и въ статьѣ *чарованія* (стр. 250) № 1. Также наговоръ (№ 11) на стр. 253, заговоры 15 и 17 (отъ зубной боли — стр. 256 — 257), 19, 23 (стр. 262), 25. Въ № 26-мъ уже испорчено: «какъ *услышатъ церковный звонъ*, такъ бы и сбиралось милое мое стадо» (вм. «какъ собирается народъ православный ко звону колокольному, такожде мой милой скоть», и т. д. въ заг. 25-мъ стр. 267). Зато въ заговорѣ 26-мъ къ этому еще придается соответственное дѣйствіе: *отъ колоколовъ соскresti люди*, и т. д. (стр. 269).

3) Muir, Beiträge zur Kenntniss der Vedischen Theogonie und Mythologie — у Бенфея въ Orient. und Occident, III, III, 452. Также: M. Carrière, Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwicklung, I, 49 — 51, 115, 146 — 7; 386. (Другія указанія въ моей книгѣ на стр. 334).

мѣтается, а позднѣйшимъ) *Исуса Христа*. (Впрочемъ и въ заговорѣ № 23 — сходный образъ стрѣлка, но величаемаго просто *синимъ*, потомъ *серебряннымъ*).

Христіанизация и вообще довольно замѣтна во всемъ отдѣлѣ V-мъ, особливо же въ *предсказаніяхъ* (стр. 248 — 250, № 7)¹⁾, также въ загадкахъ *A* (весьма даже *книжныхъ*) а отчасти и въ *Онежскихъ* (B), уже отличающихся устно-народною обработкою, но не древнихъ и б. ч. не мнѣческихъ.

Изъ преданій уже чисто - христіанскихъ, церковныхъ, заимствованъ въ заговорѣ 26-мъ оборотъ: «какъ царь Константинъ ходилъ около своего воинства со крестомъ», и т. д. Въ заговорѣ же 25-мъ весьма любопытно: «сколь крѣпокъ Гробъ Господень *на воздухъ* во градѣ Ерусалимѣ». — Извѣстно, что *висящимъ на воздухъ*, по преданіямъ, является — въ Меккѣ — Магометовъ гробъ. Тутъ смѣшеніе преданій чрезвычайно странное.

Въ сказаніи *на всю седмицу* (Отд. V, № 2) и сказаніи *о мѣсяцахъ* (№ 3) — христіанизация также весьма сильна (что явствуетъ въ послѣднемъ заглавіи изъ самой надбавки: *на пользу христіаномъ*), но языческое *злое начало* ясно сквозитъ въ этихъ *злыхъ дняхъ*, и во *вредныхъ явленіяхъ*, сопряженныхъ, въ смѣси съ благими, съ каждымъ изъ дней, въ какіе приходится *рождество*: если даже и предположить тутъ силу *дьявола*, то вѣдь извѣстно, какъ много чисто - языческихъ отзвуковъ соединялось въ народѣ съ этимъ библейскимъ лицомъ²⁾. — Христіанизация, въ той мѣрѣ какъ проникаетъ она въ повѣрья народные, не мѣшаетъ, какъ давно извѣстно, живучести въ нихъ старины языческой. Такимъ образомъ при именахъ Христа, Богоматери и различныхъ святыхъ, попадаются въ настоящей части, преимущественно въ заговорахъ — обороты, напоминающіе старину ведическую: хотя бы древнѣй-

1) Замѣчательно тутъ въ параграфѣ 12 м.: «у св. *Теодора Стратилата* змѣй ухватилъ на кладези мать его»; совершенно согласно съ преданіями Чети-Минейными, тогда какъ въ апокрифахъ и духовныхъ стихахъ тутъ *Теодоръ Тиронъ*. (См. въ моей книгѣ стр. 322).

2) Замѣчательно, что въ числѣ *темныхъ* лицъ, способныхъ *портить*, упоминаются въ нашихъ заговорахъ *чернецъ* и *черница*, *потъ* и *попадьа*, *скимникъ* и *скимница* (стр. 268, 270). Это, очевидно, находится въ связи съ суевѣрнымъ страхомъ народа — встрѣтить священника, и т. п. остатками не-христіанскихъ воззрѣній въ народѣ.

пее таинственное число *семьдесятъ семь* (стр. 251), о которомъ говорится въ журналѣ Куна XIII, 128²⁾.

Мифическою древностію отличается, при всей христіанизированной книжности изложенія, и *сказаніе о солнцѣ* (стр. 184 — 185) — гдѣ оно носятъ *царскій отънецъ*, а дорогу ему прочищаютъ *дочь птицы* огненныя, напоминающія Индійскихъ *Асвиновъ*. О первоначальномъ значеніи этихъ послѣднихъ — въ соответствии съ Греческими *Диоскурами* — какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, см. въ Zeitschrift für Vergl. Sprachforsch. Куна, XIII, 114. Объ Асвинахъ, какъ мифахъ зари (или звѣзды) — *утренней* и *вечерней* — также у Петерсена въ его Mythologie der Griechen (Энцикл. Эрша и Грубера, Серія I, т. 83, стр. 79). Въ нашемъ сказаніи о солнцѣ обѣ птицы соединяются съ шествіемъ солнца собственно *из западу*; — это уже, надо думать, нарушеніе первичной ихъ разности, затемнѣніе, порча. Чтò касается того, что птицы въ нашемъ сказаніи «омакаютъ крылія свои въ *воду океанстѣй* и кропятъ ими солнце, да не попадутъ лучами своими», — то въ этомъ, по видимому, сохранилось прекрасное мифическое указаніе на сопряженное съ зарею явленіе *росы*, — которое различнымъ образомъ выражается также во многихъ загадкахъ и колыбельныхъ пѣсняхъ. Данными напечатаннаго теперь *сказанія о солнцѣ* дополняются данныя нѣкоторыхъ колыдокъ. По поводу одной изъ нихъ было сказано въ моей книгѣ (стр. 31): «между древними мифическими представленіями существовало одно, по которому двѣ птицы, *живущія на океанѣ морѣ*, принимали на распушенные свои крылья и разносили солнечные лучи» и т. д. Но въ колыдкѣ, къ которой относятся эти слова, свѣтоносныя птицы замѣняются уже — *ателами*. — Такая замѣна не покажется странною никому, хотя сколько нибудь знакомому съ разнообразными измѣненіями мифовъ. Извѣстенъ переходъ свѣтоносныхъ птицъ — въ коней свѣтозарныхъ — въ классической мифологіи (Petersen, 77) а равно и въ сѣверной (Bergmann, Poèmes Islandais, 265); даже — классическое распространеніе коней въ образъ *всадниковъ* — Диоскуровъ (подробное филологическое толкованіе въ этомъ смыслѣ

2) См. въ моей книгѣ стр. 81. Въ нашемъ сборникѣ, въ настоящей (IV) ч. на стр. 258, при числѣ 70, и самый оборотъ изгнанія суровца совершенно напоминаетъ заговоры Индійскіе. Сходно въ заговорахъ 21-мъ и 22-мъ (на стр. 260 — 261).

самыхъ именъ ихъ, т. е. Кастора и Поллукса, см. у Петерсена, 79). (Ср. M. Karriere, die Kunst, etc., I, 388 — о сходномъ значеніи и самыхъ Асвиновъ). Въ Литовскомъ же миѣ совсѣмъ исчезаетъ всякій животный образъ и оказываются только очеловѣченныя *звѣзды - служительницы солнца* — *утренняя и вечерняя*; одною зажигается для солнца огонь, другою готовится ему ложе ¹⁾. Въ нашемъ сказаніи о *солнцѣ* у него также оказываются *служители* (въ страшно размноженномъ количествѣ): *одни* (по вечерамъ) совлекаютъ съ него одежду и вѣнецъ, другіе (очевидно по утрамъ) напротивъ того *облекаютъ* солнце; а *по три* изъ нихъ, какъ сказано въ нашемъ сказаніи, *остаются у солнца* (должно быть на ночь) и *снабждаютъ солнце* — не то-ли же въ этихъ послѣднихъ словахъ, что въ Литовскомъ *зажиганіи* для него *огня*? — Между тѣмъ эти служители солнца оказываются въ нашемъ сказаніи *Ангелами* (Господними). Про нихъ сказано сверхъ того, что они *по вся дни хождашу* съ солнцемъ; также точно въ томъ же сказаніи постоянно *летаютъ* передъ нимъ (на пути къ западу) упомянутыя выше *птицы*. Не ясно ли, что эти послѣднія играютъ одну и ту же роль съ ангелами. Явившись въ позднѣйшее, христіанское время, въ замѣну миѣческихъ птицъ, эти *ангелы* не окончательно вытѣснили и ихъ, а только сѣззили ихъ значеніе, отнесли ихъ собственно къ вечеру. Подобнаго рода явленія въ миѣологіи вовсе не рѣдкость. Далѣе въ нашемъ сказаніи — то, что «отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи, яко оскорплени, и паки куплются въ океанѣ и обновляются» — отчасти сходится съ классическимъ сказаніемъ о постоянно возрождающемся изъ огня *фениксѣ* - птицѣ. — Наконецъ въ связи съ явленіями утра и вечера является въ нашемъ сказаніи и *пѣтухъ*, который *проповѣдуетъ мірови воскресеніе*: разумѣется же тутъ, какъ слѣдуетъ изъ миѣческаго контекста, и воскресеніе дня, солнца, и воскресеніе въ христіанскомъ смыслѣ, (всѣмъ извѣстна связь пѣтуха съ Петромъ апостоломъ и старинное употребленіе пѣтуховъ на кровляхъ церквей).

1) Nesselmann: Lithauische Lieder, 1, 2. О филологически - миѣческомъ сродствѣ звѣзды съ зарею см. у Гауупа въ Wissenschaft des Slavischen Mythos, 179: первоначально заря означала вообще свѣтъ; далѣе *zorice* — утренняя звѣзда; малоросс. *зорьки* — звѣзды; *утренка* у различныхъ Славянъ — то заря, то звѣзда (утренняя).

При всѣхъ очевидныхъ слѣдахъ миѳической самостоятельности солнца въ нашемъ сказаніи, оно уже поставлено тутъ въ зависимость отъ Бога въ христіанскомъ смыслѣ. Такъ и на стр. 253 внизу (заговоръ № 11): «у Господа Бога изъ за горы изъ за высокія, изъ за лѣсу изъ за темнаго на небо на ясное восходитъ солнышко красное», и т. д.

Заключу свое обозрѣніе послѣдняго отдѣла нашего сборника указаніемъ нѣкоторыхъ очевидно миѳическихъ, по основѣ, своеобразностей въ заговорахъ. — Такъ въ № 14 хитромудрые мастера Козьма-Демьянъ несутъ *мису золотую*, а на мисѣ *золотое перо* (каково собственно его назначеніе, не пояснено). Въ № 20 являются *три сестры*, самому Христу дочери. старшая беретъ иглу, вдѣваетъ нить, и зашиваетъ рану; — первоначально же, вѣроятно, каждой сестрѣ доставалось на долю по одному изъ этихъ глаголовъ: одна брала, другая вдѣвала, третья зашивала. (Надо бы принять тутъ въ соображеніе весь отдѣлъ о Норнахъ въ Маннгардтовыхъ Germ. Mythen.) Въ № 23, на *Мунай островъ сидитъ Мунай - птица* (вѣроятно испорчено изъ *Могуль*, имени, извѣстнаго по другимъ сказаніямъ), отдираетъ ногтями, отклеиваетъ клювомъ, отмахиваетъ перьями притчи и приговоры, и т. п., потомъ летитъ черезъ огненную рѣку, гдѣ и сгараетъ вся злая сила. Въ № 24 упоминается *огонь царемъ царь — огонь - царь* (соотвѣственно водѣ-водицѣ — рѣкѣ-царицѣ, въ заговорѣ № 12)¹). Тутъ же, а равно и въ № 27, говорится о *седьмомъ небѣ*, на которомъ, въ этомъ послѣднемъ №, оказывается у Господа Бога *перина дорогая*. Замѣчательны въ томъ же заключительномъ заговорѣ и создаваемая воображеніемъ заговаривающаго вострыя тынины, а на всякой изъ нихъ по головѣ — колдуновой, и т. д. Это напоминаетъ сказочный дворъ Яги, и т. п.

Въ заговорахъ, какъ замѣтитъ читатель, много пропусковъ, происходящихъ частію отъ вырванныхъ или стертыхъ мѣстъ въ рукописяхъ; частію отъ ихъ неразборности (Кое чтò, весьма многое, не прочтенное г. Рыбниковымъ, прочтено мною, кое-чѣмъ обязанъ я въ этомъ отношеніи В. И. Ламанскому²). При словѣ

1) Замѣчательны также и *святые* темные лѣса въ заговорѣ 26-мъ (въ началѣ).

2) Всѣ рукописи заговоровъ доставлены были мнѣ въ подлинникѣ и находятся теперь у меня.

артусъ въ заговорѣ 26 (словѣ, прочитанномъ мною) я поставилъ вопросительный знакъ не потому, чтобы оно не могло имѣть мѣста въ народныхъ суевѣріяхъ, а потому, что прочитано болѣе по догадкѣ: предпоследняя буква тутъ — просто каракуля (какъ и нерѣдко въ народныхъ рукописяхъ, гдѣ при томъ и описокъ и пропусковъ бездна). Въ примѣчаніи къ заговору 28 (въ концѣ) я предполагаю — «надъ *иллами*» (вѣроятно и въ заговорѣ свадебномъ № 13 — вм. *на или* надо читать *на или*) — на томъ основаніи, что *обтыкаться иголками* считается, какъ извѣстно, оберегомъ во время свадьбы. Рукописи заговоровъ частію относятся къ XVIII ст., частію къ XIX. Къ признакамъ старины принадлежатъ такія выраженія, какъ угроза царемъ - государемъ *съ Москотъ* (стр. 250; это собственно въ чарованіяхъ; сходно съ этимъ и въ загадкахъ: «да утѣшу я царя *съ Москотъ*» — про колоколъ, на стр. 246 внизу); также угроза приказами *стрѣльцовъ* съ Москвы, съ Новгорода, да казаковъ *съ Азова*.

Я не подвергаю заговоры г. Рыбникова такому внимательному разбору, какого бы они заслуживали, собственно потому, что мнѣ еще придется принять ихъ въ расчетъ при томъ разсужденіи, какое долженъ буду я написать, въ видѣ предисловія, къ изданію обширнаго сборника заговоровъ, предпринятому по порученію Этнографич. Отд. Географич. Общества. Л. Н. Майковымъ и мною. Теперь же замѣчу только, что какъ заговоры, такъ и многое другое въ нашемъ сборникѣ, значительнымъ образомъ пополняетъ данныя нашей мифологіи, далеко не столь скудныя, какъ полагали, а отчасти еще и теперь полагаютъ иные. Было же и въ Германіи, до Я. Гримма, мнѣніе, что германская мифологія почти не существуетъ; на самомъ же дѣлѣ не существовало — только великаго Гримма. На бѣду и у насъ еще не рождаются Гриммы. Именно въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно и мѣтко было замѣчаніе одной статьи «Вѣстника Европы», что скучна не сама наша отечественная старина, а до сихъ поръ скудно было наше знанье о ней ¹⁾.

1) Если не ошибаюсь, это сказано во II-й кн. 1866 г. въ концѣ Педагогическаго Обозрѣнія (цитирую *по памяти*, не имѣя подъ рукой самой книги), при указаніи на мой «Опытъ Историч. Обозр. Р. Слов.» Странно, что самъ «Вѣстникъ Европы» отчасти отступилъ отъ своего взгляда въ IV кн. того же года, гдѣ, въ отдѣлѣ библіографіи, при болѣе подробномъ обзорѣ моей книги,

Замѣтка моя была почти окончена, когда я получилъ отъ П. Н. Рыбникова отвѣтъ на письмо, въ которомъ убѣдительнѣйше его просилъ — прислать для IV-й ч. и свою собственную замѣтку. Къ сожалѣнію, занятія по должности не даютъ г. Рыбникову никакой возможности сдѣлать это. «Будьте же вполне отцемъ вашему крестнику» — т. е. IV-ой части, пишетъ онъ мнѣ, и за тѣмъ прибавляетъ: «я бы объ одномъ только попросилъ васъ. Всякій, кто хочетъ познакомиться вполне съ Русскою былевою поэзіею, долженъ прочесть былины каждаго пѣвца вмѣстѣ. Тутъ ему представится все, что есть общаго и характернаго у каждаго сказителя, не только народнаго, но и особнаго, ради чего пѣвецъ изъ океана пѣсень выбралъ извѣстную волну былинъ.... При такомъ чтеніи для всякаго чуткаго глаза и уха должно исчезнуть послѣднее сомнѣніе въ подлинности былинъ. «Впрочемъ, и вами когда-то заявленное желаніе исполняется ¹⁾: я уже уѣхалъ изъ Олонецкой губерніи, а въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ продолжаютъ печатать варіанты былинъ: послѣ меня нашелся продолжатель собиранію памятниковъ народнаго творчества: почтенный Е. В. Барсовъ».

«Да, если читать, какъ я предлагаю, откроются любопытныя вещи: въ былинахъ К. И. Романова, слѣнца отъ рожденія и ученика слѣпцовъ, замѣтится особенное добродушіе, свойственное слѣпымъ; даже жестокий поступокъ получаетъ у него какой-то смягчающій характеръ посредствомъ мягкихъ выраженій или смягчающихъ подробностей. — Война, поединки, торжество силы, молодецкая беззабѣтная удаля на первомъ планѣ у рыболововъ и у безстрашнаго пловца Рябинина. — Трагическій отпечатокъ, такъ рѣдкій въ эпосѣ, вызывающій то страхъ, то состраданіе, бросается въ глаза въ былинахъ Поромскаго старика; а порою въ

онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я въ свою очередь упрекаю г. Кавелина въ преждевременно- смѣломъ заключеніи о *скудости* нашей мифологій. Неужели это вышло — по дружбѣ къ сотруднику, и неужели почтенное имя г. Кавелина (ученаго по другой совершенно части) много потерпитъ, если будетъ доказано, что онъ вѣскольکو слегка отозвался о предметѣ, подававшемъ поводъ къ не менѣе легкомысленнымъ заключеніямъ и людямъ, гораздо ближе изучавшимъ этотъ предметъ. Дѣло въ томъ, что если иной разъ *тутъ просто незнаніе*, то часто тутъ все зависитъ — отъ *извѣстнаго рода очковъ* у изслѣдователя.

1) Т. е. чтобы собираніемъ пѣсень въ Олонецкомъ краѣ занялись и другія лица.

нихъ слышатся отзвуки чего-то необычайно-древняго, той чарующей силы, нѣги, истомы, которою проникнуты иныя миѡы (припомните отрывки: когда жена Владимірова обрѣзала руку глядячи на Чурлу¹⁾; или наказъ царя, какъ устроить въ кораблѣ каюту, гдѣ бы засидѣлась жена Саламанова²⁾). — Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца — ясно указываетъ промыселъ сказителя — содержателя постоянного двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». — (Ср. въ замѣткѣ къ III ч. стр. XVIII — XXV, XXXI — XXXIII.)

Эти дорогія строки много-уважаемаго собирателя сильно меня заохотили — перечитать былины всѣхъ четырехъ частей, слѣдуя его способу — *по отдельнымъ сказителямъ*. Попрошу читателя припомнить также и стр. XL — XLI въ замѣткѣ г. Рыбникова къ III ч., особливо же выноску на стр. XLI (опечаткою названной XLIII-ьею): тутъ говорится о *любимыхъ* выраженьяхъ у нѣкоторыхъ сказителей. Любопытно и полезно было бы вывести полный итогъ своеобразныхъ оборотовъ и словъ у всѣхъ сказителей, т. е. составить для каждаго особый словарь его поэтической терминологіи. Но у меня въ настоящее время не хватаетъ на это времени.

Замѣчу на счетъ К. Романова, что его смягчительные приемы заключаются, можетъ быть, въ особенно частомъ употребленіи уменьшительныхъ оборотовъ; но эти послѣдніе и вообще свойственны нашему народному языку, а потому не рѣдки и у другихъ сказителей. Мягкостью отзывается у Романова то, что у него не рѣдко *плачутъ*: и Добрыня (въ двухъ пересказахъ I, 120, 139), и мать Добрынина (I, 142), и Владиміръ - князь — при нашествіи Татарскомъ на Кіевъ (I, 115). Ивѣстная Добрынина жалоба на богатырскую жизнь съ ея вѣчными боевыми схватками отличается у Романова особенною полнотою, чѣмъ, разумѣется, и выказывается съ особенною силою мягкость нрава Добрынина. — Когда же въ немъ, не смотря на то, расходился гнѣвъ на измѣнщика Алешу (постоянно величаемаго у Романова

1) Ч. III, стр. 126.

2) III, 298. Г. Рыбниковъ нѣсколько ошибся: это не наказъ царя, а совѣтъ царю, даваемый Таракашомъ.

смысла, безъ примѣси какихъ либо прилагательныхъ неблаго-виднаго свойства), тогда Алешу спасаетъ особенная черта мягкости, достоящаяся у К. Романова на долю Ильѣ Муромцу, но вполне соответствующая многимъ однороднымъ чертамъ, съ какими является этотъ богатырь и у другихъ сказителей: «не убей ты смертью напрасною меньшаго братца Алешу Поповича», говорить Ильѣ, захватывая Добрыню «за плечики за могутныя за молодецкія» (I, 145, 146).

Но при всей господствующей мягкости К. Романова, и у него попадаютъ мѣстами черты самыя суровыя и даже ничѣмъ не смягченныя; таковы, на прим., слова жены Дунаевой: «омочи шетку въ горячу смолу, и бей меня по нагу тѣлу» (I, 185) и далѣе — все въ томъ же родѣ, съ величайшею обстоятельностью. Ясно, что это только *уцѣлѣло* *изъ памяти* добродушнаго слѣппа, уцѣлѣло, такъ сказать, *помимо* *ею*, какъ унаслѣдованный остатокъ старины самой грубой, самой отдаленной.

Въ той же мѣрѣ замѣчательно, совершенно съ другой стороны, при томъ нравственномъ обликѣ другаго пѣвца, Рябинина, какой также сообщенъ выше г. Рыбниковымъ, возможность и у этого пѣвца, среди его по-преимуществу суровыхъ картинъ, нерѣдкихъ проявленій мягкости богатырской. Такъ и у Рябинина, когда Ильѣ Муромецъ занесъ правую руку на паленицу,

Права рученька его въ плечѣ застоялася,

Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается (I, 70),

и это до трехъ разъ. Далѣе замѣчательны *слезы* (72) «паленицища удалаго», какъ величается она Рябининымъ (68, 74), и *поцѣлун* Ильѣ «во уста ея во сахарнія», когда онъ, узнавъ,

«Называлъ ю дочерью себѣ *любимую*» (73).

Также точно особенною мягкостью отличаются у Рябинина и отношенія Ильѣ къ молодому Ермаку:

Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе

На него на плечики могучія,

Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку (I, 113).

Особенную цѣну получаетъ въ устахъ Рябинина, такого любителя повѣствовать о вѣчномъ *потыканьи* (подвижности) постоянно воюющихъ богатырей, не обойденная и имъ жалоба на богатырство Добрыни, къ которой еще присоединяется у Ряби-

нина и желанье его — лучше бы стоять деревиночкой *безъ шевелюности*, или гоголинкою — также *безъ шевелюности отъ постоу* (I, 150). — И это, должно быть, обязательныя для сказителей, унаслѣдованныя черты, но унаслѣдованныя уже отъ болѣ мягкой, позднѣйшей поры развитія.

При всей своей преимущественной наклонности къ повѣствованію о бояхъ, именно Рябининъ-то и сохранилъ въ памяти превосходную былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, въ которой, какъ извѣстно, преимущество на сторонѣ *Селяниновича* (I, № 39). — И Рябининъ, какъ прочіе, и въ описаніи Вольгѣ и его дружины, и въ другихъ случаяхъ не обнаруживаетъ особеннаго вниманія въ подробности воинской скруты. (Исключеніе составляетъ подробное описаніе стрѣльбы изъ большущаго лука у Бутеяна I, 156 — 157). — И Рябининъ, хотя, можетъ быть, и меньше К. Романова, а все же любитъ смягчающія уменьшительныя (напр. I, №№ 10, 12, 20).

Замѣчательны у Рябинина неоднократные примѣры отсутствія всякихъ «рядовъ и чиновъ», какъ-то: *лутый Волгд Святославовичъ* (обращеніе къ нему Микулушки Селяниновича I, 21), *лутый король Бутеянъ* (I, 162), *лутый Владиміръ* (I, 190). Въ другомъ совершенно родѣ очень часто попадающіеся у Рябинина *князья подкомнныя* (I, 58, 107, 155, 189, 284). Къ любимымъ выраженіямъ его относятся также:

Въ одной бѣленькой рубашечкѣ безъ пояса,

Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ

(I, 152, 191, 284, 398). Иногда это выраженіе употребляется имъ даже рѣшительно ни къ селу ни къ городу, т. е. просто машинально, по привычкѣ, на прим. I, 287, 291. — При очевидномъ преобладаніи сѣдой старины, у Рябинина попадаются и черты позднѣйшія, — на прим.: застава *Московская* (I, 66, 108); *крѣпостная служанка*, *танцеваніе* (III, 4); также книжныя: *Мамелфа* (о книжномъ происхожденіи этого имени — въ статьѣ Н. А. Лавровскаго о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, въ Духовномъ Вѣстникѣ 1865 г.), *Самсонъ* (какъ самое имя, такъ и многія подробности въ былинѣ о немъ) слово — «*аще*» (въ той же самой былинѣ, гдѣ хотя подъ Самсономъ и скрывается прежній Святогоръ, но замѣтно и много книжнаго — библейскаго; при Самсонѣ — *Амелъ отъ Господа* (ч. III, № 1).

Перейдемъ къ *Поромскому старику*. Совершенно соглашаясь съ выводомъ объ его былинахъ г. Рыбникова, я замѣчу еще, что онъ поражаетъ *своеобразиемъ* многихъ подробностей и оборотовъ. Былины его, какъ извѣстно, всѣ помѣщены въ III ч. Первая изъ нихъ, № 10, съ особенною силою передаетъ удалой разгулъ Ильи Муромца: какъ онъ, взявъ одну бочку сороковку подъ пазуху, другую сороковую подъ другую, третью ногой катилъ, поилъ голей со *всѣхъ* кабаковъ; какъ онъ, разбуженный, прибилъ воронкою *всѣхъ* цѣловальниковъ и, начудесивъ такимъ образомъ, пошелъ мимо палаты царя Константина и закричалъ зычнымъ голосомъ: «ищи казну за мной славнымъ Ильей Муромцемъ». Когда же Илья шелъ въ кабакъ, то подъ нимъ *мать земля колыбалася*. (Кстати отмѣчу, что у Поромскаго сказителя встрѣчается и *стѣна — мать городовая*, и *матка трава* ¹⁾). Въ № 13 (Три поѣздки Ильи) выдается свѣтящееся камень между ушей у коня Муромца ²⁾, двѣнадцать дѣвъ, идущихъ изъ крѣпости богатырской, жестокая казнь королевичны чародѣйки. Въ № 14 (бой съ сыномъ) особенно поражаютъ заключительныя слова Ильи: «*два чада на вѣку было спорожено, да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана*». Слова эти даютъ поводъ думать, что паленица — женщина, съ которою бьется Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ, не есть только видоизмѣненіе *Сокольника*, но что она и онъ — это два различныхъ лица, *дочь и сынъ* Ильи Муромца. — Въ № 16 (Добрыня въ отъѣздѣ) послѣ того, какъ неузнаваемый Добрыня, совершенно похожій въ этомъ случаѣ на Одиссея, напоминаетъ о томъ, что «*на правомъ лицѣ у него три знамени было*», поразительно дѣйствуетъ поэтически-сжатая сила въ отвѣтъ Добрыниной матушки:

1) Стр. 152.

2) Замѣчательно, что подобнаго рода *камень* нерѣдко упоминается въ Сербскихъ пѣсняхъ — на прим. оно вставлено въ колесницу у Вука III, стр. 154. (Ср. тамъ-же — 78, 87, 397, 430, 468, 535, 544).

При нѣма се види путовати,
У по ночи, како у по дана...

А у Поромскаго старика:

Дорого самоцѣтное камень
... для ради ночки темныя, осеннія,
Чтобы видно, гдѣ ходить мой добрый конь (III, стр. 50).

*Распекло-де у насъ солнце красное ¹⁾
Закатился-де у насъ сѣттель мѣсяцъ:
Твоя-то хозяйка замужъ пошла... ²⁾.*

Въ № 24 (Чурила) кромѣ черты, указанной г. Рыбниковымъ, замѣчательно требованіе у Владиміра *праведнаго суда*, и отказъ его въ томъ, потому что Чурила успѣлъ задарить князя. Въ № 27 и трагическимъ строемъ, и особенностью поэтическихъ сравненій отличается описаніе убійства Чурилы и самоубійства жены Бермятиной, съ легкимъ оттѣнкомъ эпического лиризма въ словахъ:

Погибнуло двѣ головушки,
Что хорошія головы, наилучшія (стр. 141).

Въ № 29 (Дюкъ) выдается особенность выраженій: «поклоняется *желтыми кудрями* до сырой земли»; «изученье вижу твое полное» (знаніе приличій); «поклонъ поставити»; «забрать во высоки теремы»; «Чурило сухоногое». Въ № 56 (Саламанъ) уже выше отмѣчена самимъ г. Рыбниковымъ поразительная черта. Остается еще № 38 — (Авдотья Рязаночка), — но тутъ уже все, самая основа совершенно своеобразна, и никакихъ другихъ пересказовъ этой превосходной былины до сихъ поръ не извѣстно. Поражая своею сжатою силою (всего три страницы) и всѣмъ своимъ строемъ, возможнымъ только въ народной поэзіи, она — простодушнѣе и неубужденнѣе, по которому *братъ* предпочитается *мужу* и *свекру*, кидаетъ свѣтъ на сходное, по положенію, мѣсто въ Софокловой Антигонѣ, и заставляетъ признать въ ней подлиннымъ то, что многими комментаторами, незнакомыми съ особенностями народно-поэтического воззрѣнія, считалось за интерполяцію.

1) Сравненіе возвращающагося сына съ солнцемъ встрѣчается также въ Сербской пѣснѣ о Стоянѣ Янковичѣ, совершенно напоминающемъ въ этомъ случаѣ Добрыню:

Ти не кукай, моја стара мајко!
Тебе стару огрејало сунце:
Ево теби твог Стојана сина! — (Вука III, стр. 172).

2) Съ этимъ можно сопоставить слова Ильи Муромца Владиміру на счетъ Даниила Денисьевича и Василисы Микулишны (Кир. III, 34).

Изведешь ты яснаго сокола,
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

Послѣ всего этого придется, кажется, признать, что у Паромскаго старика сохранилась во многомъ своя особенная — по выраженію г. Рыбникова — «волна» въ былинахъ, перешедшая къ нему отъ особыхъ сказителей, отъ особой, такъ сказать, «школы» ихъ, другіе ученики которой или перемерли, или намъ еще не извѣстны. (Укажу на стр. XXXII въ замѣткѣ г. Рыбникова къ III-й ч., изъ которой видно также, что за Паромскимъ старикомъ, какъ говорили г. Рыбникову, водится до 20 старинъ; въ нашемъ же сборникѣ именемъ его обозначены всего девять №; — какъ бы тѣмъ почтеннымъ продолжателямъ дѣла г. Рыбникова, о которыхъ говоритъ онъ въ письмѣ своемъ, добыть эти остальные одиннадцать, — а, можетъ быть, и болѣе — старинъ-былинъ Паромскаго старика?).

Надо однако же замѣтить также, что при всей *цѣлности* строя былинъ упомянутаго сказителя, и въ нихъ попадаются иногда слова книжныя и новѣйшія: на прим. прилагат. *Латынскій* (49, 123), гора Фаоръ (Фаворъ) (54), даже какое-то особенное расположеніе къ слову *паратный* (парадный) (стр. 39, 153, 155, 161).

Относительно Сумозерскаго пѣвца (Андрея Сорокина — II, 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62, 63), мнѣ пріятно было замѣтить, что я уже заранѣе былъ тутъ согласенъ съ г. Рыбниковымъ. Пересматривая, по полученіи его письма, свои давнишнія помѣтки карандашемъ на поляхъ нашего сборника, я у заглавія многихъ былинъ Сорокина встрѣтилъ помѣтку: *распространено*. И дѣйствительно, этого нельзя отнести только къ № 62, гдѣ три поѣздки Ильи Муромца передаются довольно сжато и съ замѣчательною цѣлостностью, непопорченностью строя (надбавкою служить собственно только «мочь не держится» и т. д.). При господствующемъ же свойствѣ былинъ Сорокина, къ надбавкамъ въ нихъ противъ другихъ былинъ надобно, разумѣется, относиться съ большою осторожностью: признано можетъ быть подлиннымъ, унаслѣдованнымъ только то, что не противорѣчитъ основному былевому облику того или другаго лица. И у Сорокина есть особенности прямо приличествующія лицу, а иногда и по самому складу своему и языку — очевидно древнія; — но такія черты должны быть постоянно выдѣляемы у него изъ той пестрой помѣси и спутанности эпизодовъ, которая такъ прекрасно объяснена г. Рыб-

никовымъ. — Послѣ его объясненія тѣмъ труднѣе будетъ согласиться съ О. И. Буслаевымъ въ его заключенія о высококомѣрномъ приѣмѣ Ильи Владиміромъ уже при первомъ приѣздѣ Муромца, — заключенія, основанныхъ главнымъ образомъ на сводной и сбитой, большущей былинѣ Сорокина (№ 63; съ нею впрочемъ сходна и у Кирѣевского I, 77 — 86 (Шенкурскъ), все-таки, не сравненно менѣе распространенная, но уже давно отмѣченная К. С. Аксаковымъ, какъ позднѣйшая по своему построенію). —

Мнѣ бы слѣдовало не только подробнѣе вникнуть въ особенности склада и строя упомянутыхъ г. Рыбниковымъ сказителей, но и выяснить облики всѣхъ остальныхъ, или по крайней мѣрѣ такихъ, болѣе или менѣе богатыхъ былинами, какъ Леонтій Богдановъ (I и III ч.), Никифоръ Прохоровъ (I ч.), Терентій Іевлевъ (I и IV ч.), Бутыка (III ч.), Трофимъ Романовъ (III и IV ч.), Корелякъ В. Лазаревъ (III и IV ч.) и др. Но у меня еще впереди — цѣлый обширный трудъ о былинахъ, во вступленіи къ которому (или же въ дополненіяхъ къ нему) найдетъ мѣсто и подробная обрисовка былинъ — *по сказителямъ*. Въ настоящее время я позволяю себѣ удовольствоваться только представленными мною образчиками, думая, что полезно будетъ и то, если за тѣмъ уже сами читатели станутъ пользоваться этою четвертою частью — подобнымъ же образомъ: часто заглядывая въ предшествующія. Имъ придется Рябининскую былинку въ IV ч. (№ 18) сопоставить со всѣмъ множествомъ былинъ Рябинина въ I части (цѣлыхъ двадцать) и двумя въ III-й. Три былины Терентія Іевлева (№ 5, 7, 15), они сопоставятъ съ тремя другими его былинами во II-й ч. Побывальщина Трофима Романова (№ 1) должна быть сличена съ его шестью былинами въ ч. III; равно и съ двумя былинами въ ней Кореляка В. Лазарева придется сличить помѣщенные въ IV ч. его пять былинъ (№ 4, 8, 9, 14, 16). Наконецъ читатель найдетъ въ издаваемой теперь части и трехъ сказителей, вовсе не имѣющихся въ предшествующихъ частяхъ: Анфима Савинова (четыре былины), Ѳедора Никитина (три) и Василия Лукина (двѣ).

Не трудно замѣтить, что при нѣкоторыхъ былинахъ (преимущественно двухъ первыхъ частей) не значится имени (вѣроятно г. Рыбниковъ не сразу нашелъ нужнымъ освѣдомляться объ этомъ), а только значится родъ занятій сказителя, иногда же и того нѣтъ, а только обозначена мѣстность (это преимущественно

въ былинахъ, доставленныхъ г. Рыбникову другими). Въ такомъ случаѣ полезно будетъ читать подрядъ былины, записанныя отъ *лодочниковъ*, отъ *сѣпцовъ*, отъ *каликъ*, и т. д. (Записанныхъ отъ женщинъ — собственно не былинь, а побывальщинъ, въ сборникѣ весьма мало). — Можно также читать *по мѣстностямъ* (хотя бы при былинахъ были и имена сказицъ елей): сперва одного за другимъ сказителей одной мѣстности, потомъ другой, и т. д. Наконецъ необходимо, послѣ чтенія по мѣстностямъ и по сказителямъ, возвращаться опять и къ чтенію *по богатырямъ*; — былины же о каждомъ богатырѣ должны опять быть распредѣляемы по отдѣльнымъ его походамъ: на прим. надо перебрать «три поѣздки Ильи» по всѣмъ мѣстностямъ и всѣмъ сказителямъ, потомъ такимъ же образомъ перебрать «бой Ильи съ сыномъ», «Соловья разбойника» и т. д. Сообразно со всѣми этими способами чтенія, въ концѣ настоящей части прилагаются указатели ко всѣмъ четыремъ частямъ вмѣстѣ ¹⁾.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Было бы въ высшей степени страннымъ не признавать, что точное обозначеніе самыхъ именъ сказителей, *первое строго введенное у насъ г. Рыбниковымъ*, служить одною изъ лучшихъ порукъ за его добросовѣстность. Не говоря уже о «Киршѣ Даниловѣ», — и Академія въ изданныхъ ею когда-то былинахъ удовлетворилась почти однимъ обозначеніемъ мѣстности и *отъ кого доставлено* ²⁾. Въ сборникѣ П. В. Кирѣвскаго также почти не встрѣчаемъ именъ сказителей; лишь изрѣдка помѣчено у него: *отъ старухи*, *Оекла*, и т. п. Но не только у насъ, и въ ино-Славянскихъ и Западно-Европейскихъ сборникахъ по народной словесности нѣтъ такого точнаго обозначенія — самыхъ именъ сказителей. У Вука Караджича, правду сказать, даже не всегда обозначена мѣстность; даже помѣшая рядомъ два пересказа, онъ просто надписываетъ подъ вторымъ: «опет то, мало друкчије», или «опет Свети Сава», и т. п. У Гриммовъ въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ есть обозначеніе мѣстностей, но и только ³⁾. Съ другой стороны по-

1) Пужень бы былъ и общій указатель лицъ, предметовъ, оборотовъ и т. п. (какъ въ IV вып. пѣсень Кирѣвскаго), но мнѣ самому для составленія его не хватало времени; издатель же настоящей части не желалъ бы долѣе задерживать выпуска ея въ свѣтъ, а можетъ со временемъ издать, въ видѣ приложенія ко всѣмъ четыремъ частямъ, указатель такого рода.

2) Изрѣдка, впрочемъ, помѣчено и *отъ кого записано*.

3) Или почти только: иной разъ помѣчено — *von einer alten frau*, и т. п.

мѣщенія *цѣлаго ряда* пересказовъ одного и того же, какъ у г. Рыбникова, не видимъ мы — ни у Гриммовъ, ни у Караджича. А кому не извѣстно, что Гриммы позволяли себѣ даже сводить въ одно по два пересказа? — И они, и Вукъ, полагаясь на свое *чутье*, выбирали изъ пересказовъ тѣ, что представлялись имъ подлиннѣйшими, лучшими. Они поступали въ этомъ случаѣ какъ врачнаменитости, сразу позволяющіе себѣ опредѣлять состояніе приходящаго къ нимъ субъекта. Но кто поручится въ томъ, что и они, подобно этимъ врачамъ, при всей несомнѣнной своей даровитости, полагаясь иной разъ и слишкомъ рѣшительно на свое чутье, не дѣлали также и промаховъ? — Напѣ отечественный собиратель, не задаваясь *пріемами генія*, представляетъ во всякомъ случаѣ примѣръ того, что, при добросовѣстномъ взглядѣ, можетъ быть названо только — величайшею добросовѣстностью въ отношеніи къ наукѣ. — Г. Рыбниковымъ сообщены, въ большей части случаевъ, даже самыя имена пѣвцовъ; въ замѣткѣ же къ III ч. пояснено, гдѣ и какъ онъ съ ними сошелся. Кто хочетъ повѣрить *своими ушами*, — поѣзжай, отыщи, и послушай

Не лишнимъ, думаю я, будетъ привести слова одного изъ уважаемыхъ Французскихъ изслѣдователей по части «старинны и народности», Адольфа Пиктѣ: «Нѣтъ ничего, чему бы такъ трудно было подражать, какъ языку народной поэзіи, касающейся всѣхъ самыхъ нѣжныхъ, чувствительныхъ струнъ народнаго духа». — Мнѣніе это высказано въ статьѣ объ «Оссіановыхъ поэмахъ», помѣщенной въ Bibliothèque universelle de Genève за 1854 г., въ октябрьской книжкѣ (стр. 158 — 159). Интересно видѣть изъ этой статьи, что даже долготѣнее заподозриванье Макферсона разрѣшается далеко не въ пользу подозрѣвавшихъ — учеными доводами Пиктѣ. Оказывается, что даже Макферсонъ далеко не выдумщикъ, а только очень плохой переводчикъ и отчасти *вытравщикъ* (въ духѣ XVIII ст.) такъ называемыхъ Оссіановыхъ, т. е. Газльскихъ народныхъ пѣсень. «Допустить, что бы онъ могъ цѣликомъ создать всю оссіаническую поэзію, это значить въ одно и тоже время нанести величайшее оскорбленіе, и воздать ему самую отиѣнную честь; это значить заклеить его какъ самага наглаго изъ обманщиковъ, и въ то же время превознести его, какъ величайшаго генія всѣхъ временъ». (Стр. 168 въ той же статьѣ

Пиктѣ ¹⁾. — Я же въ свою очередь думаю, что ежели бы отдѣльное лицо оказалось способнымъ создать Микулупку, основу Святогора — Самсона, и Авдотью — жену Рязаночку (былины нашего сборника, до сихъ поръ не отысканныя нигдѣ, кромѣ Олонецкаго края), то такое лицо должно бы быть признано — громадною поэтическою геніяльностью, Русскую же литературу можно бы было поздравить тогда съ новымъ первостепеннымъ именемъ ¹⁾.

Я бы могъ кончить. Но въ письмѣ г. Рыбникова есть и еще кое-что, чѣмъ я обязанъ подѣлиться съ читателемъ. «Я слышалъ не разъ, пишетъ онъ, жалобу на неточное или не вполне строгое соблюденіе мѣстнаго выговора; да записано такъ, какъ и пѣто. У мужчинъ, особенно бывалыхъ и видалыхъ, особенности мѣстнаго выговора стерты и нетверды. Другое дѣло женщины и многіе домосѣды, какъ на прим. слѣпецъ Романовъ: оттого бытовья пѣсни отражаютъ всѣ тонкости произношенія. Впрочемъ я объ Олонецкомъ нарѣчіи присоединилъ къ IV т. особую замѣтку и жалѣю лишь о томъ, что не успѣлъ многого измѣнить въ ней сообразно съ многимъ, съ чѣмъ согласился въ книгѣ г. Некра-

1) За доставленіе мнѣ этой статьи, остававшейся мнѣ неизвѣстною, я обязанъ благодарностію нашему почтенному зватку по тому же предмету, А. А. Котляревскому.

1) Только что попался мнѣ отзывъ о сборникѣ г. Рыбникова Авг. Шлейхера, изъ котораго выписываю слѣдующее: «эти Русскія пѣсни, по преимуществу же относящіяся, частью, къ сѣдой старинѣ (uralten) эпическія (т. е. былевныя), оставляютъ виѣстѣ съ Сербскими, самое важное, замѣчательное достоиніе (das bedeutendste) Славянской народной поэзіи. Эти дивныя пѣсни отличаются и своими особыми чертами древности въ языкѣ, представляющими многія весьма важныя формы». Kuhn und Schleicher, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slavischen Sprachen, V, 1, S. 120. (Jahrg. 1866). Кстати будетъ вспомнить также, что въ бытность мою въ 1862 г. въ Берлинѣ, я видѣлъ у покойнаго Я. Гримма экземпляръ двухъ первыхъ частей нашего сборника, на поляхъ котораго было множество отмѣтокъ карандашомъ, сдѣланныхъ рукою великаго филолога. Такъ какъ экземпляръ этотъ былъ привезенъ ему мною, то я и думаю рѣшиться писать его племяннику, Герману Гримму, — съ просьбою выслать его мнѣ на время — для напечатанія у насъ въ Россіи этихъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ Я. Гримма. Но будетъ ли моя просьба выполнена?

сова»¹⁾. — За тѣмъ г. Рыбниковъ говоритъ, что «считалъ бы долгомъ заявить искреннюю благодарность гг. Калугину и Шиша, отъ которыхъ получилъ многіе варіанты IV т., и г. Барсову, отъ котораго получилъ нѣсколько любопытныхъ сказаній». — Въ отвѣтъ же на благодарность, выраженную г. Рыбниковымъ мнѣ, я въ свою очередь благодарю за приглашеніе меня въ «крестные батюшки» этой IV части.

Орестъ Миллеръ.

Павловскъ. Въ іюлѣ 1867 г.

Р. S. Въ отвѣтъ на просьбу мою сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о *рукописномъ* матеріалѣ настоящей части, я только что получилъ отъ г. Рыбникова въ письмѣ отъ 15 іюля слѣдующія подробности:

«О рукописяхъ, сколько ихъ помню, (ибо при передѣлкѣ квартиры перечень статей, входящихъ въ IV часть, куда-то засунулся) могу сообщить слѣдующее:

1. *О началѣ града Москвы* — изъ варіанта Новгородской глгописи, принадлежащаго Олонецкой Семинаріи.

2. *Объ Азовскомъ сидѣнии* — одинъ варіантъ отъ Е. В. Барсова, другой изъ Сборника, въ началѣ котораго помѣщены глгописные отрывки. Сборникъ достался во время разъѣздовъ по Заонежью, кажется, отъ Кижскаго священника.

3. *Повѣсть о царѣ, царицѣ, оклеветанной мачихой и двухъ сыновьяхъ* ея досталъ я въ Каргополѣ. Рукопись написана 1844 года, апрѣля 10. — Подписано:

Ниласъ Лемтій Езиромъ Зипенянедь.

То есть въ переводѣ съ тараборской грамоты: Писалъ Сергѣй Ефимовъ Финлянецъ (Финляндець).

1) О значеніи формъ Русскаго глагола, СПб. 1864 г. Объ этой превосходной книгѣ г. Рыбниковъ подробнѣе говоритъ въ другомъ письмѣ ко мнѣ, извлеченіе изъ котораго помѣщено ниже. Основанная главнымъ образомъ на языкѣ былинъ, книга г. Некрасова сродни нашему сборнику. Она составляетъ эпоху въ нашей грамматикѣ, и заслуживала бы и преміи, и ученой степени.

4. Обереги, обходы, заговоры и мелкія вещи доставались въ разное время изъ разныхъ рукъ — *Заклятіе Лышаго* (Мусаилъ-лѣса) изъ за Онеги, *заговоръ Поморскаго охотника*, *одинъ оберегъ скота* получилъ я на Шунгѣ черезъ г. Тидена, *выписку о сотвореніи солнца* — изъ хронографа — отъ Кижскаго волостнаго писаря. Больше не помню.

Примѣч. Считаю нужнымъ оговориться на счетъ того, что у Козьмы Романова *часто плачутъ*. Это едва ли можетъ быть признано проявленіемъ мягкости, свойственной собственно распѣваемой имъ «волнѣ» былинь: часто, и даже очень часто плачутъ витязи и въ одной изъ самыхъ суровыхъ, залитыхъ кровью, *chansons de geste* — *Renaus de Montauban* (см. изд. Michelant, въ т. LXVII Bibliothek des litter. Vereins in Stuttgart, стр. 176, 187, 190, 198, 227, 236, 239, 270, 274, 300, 330). Читая теперь это средневѣковое произведеніе и встрѣтивъ въ немъ столько *слезъ*, я не могу не признать ихъ — хотя и смягчительною, но общую *эпическую* чертою.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПИСЬМА

П. Н. РЫБНИКОВА КЪ О. О. МИЛЕРУ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ письма П. Н. Рыбникова къ О. Ѳ. Миллеру

отъ 21 октября 1866 года.

Не знаю, какъ благодарить Васъ за присылку Вашихъ статей и книги г. Некрасова. Въ послѣдней я въ первый разъ прочелъ смѣлый и самостоятельный взглядъ на формы русскаго глагола. Слава тебѣ Господи, и въ грамматикѣ мы начинаемъ отрѣшиться отъ путъ, сработанныхъ иноземной и доморощенной схоластикой. Съ критической частью сочиненія нельзя не согласиться безусловно, и возраженіе можно сдѣлать развѣ только противъ нѣкоторыхъ частныхъ. Напр. авторъ принимаетъ форму *сговоритъ* за *ся* + *говоритъ*, между тѣмъ какъ это ничто иное, какъ *зговоритъ*, т. е. *возговоритъ*, *воззговоритъ*: *в* и *и*, по свойству Новгородскаго нарѣчія, передъ с + *muta* отбрасываются, какъ и въ *золовѣе*, *спровѣщитъ*, *зводень* (взводень), *зморье*, *споминать*, *стрѣнный*, *стрѣта* и т. д.

О Вашей исторіи словесности желалъ бы когда нибудь побесѣдовать или написать подробно, а теперь пока сообщу самое существенное.
. : Было бы желательно, чтобы выводы опирались на еще болѣе подробную разработку фактической основы, чтобы *аппаратъ* былъ, такъ сказать, осязательнѣе. Для этого Вамъ интересно было бы лично познакомиться съ представителями народной поэзіи въ ея настоящемъ положеніи. Такъ сказка и былина, простите, по моему посильному убѣжденію, у Васъ не разграничены еще устойчиво. Послушайте, какъ *тѣщи* поютъ былинны,

какъ *крестьяне* сказываютъ *сказку*, — сейчасъ же родится само собою представлѣніе о наглядномъ различіи между тою и другою.

Вотъ *сказитель* сказываетъ былинѣ. Вы записываете и чувствуете, что тутъ опущено слово, тутъ стихъ, тамъ подробности и цѣлый эпизодъ. Вы замѣтите ему объ этомъ, онъ поправляется, но вы не удовлетворены: въ поправкѣ слышится случайное. Просите спѣть его тоже самое: мгновенно стихъ получаетъ устойчивость, новыя слова замѣняются древними, которыхъ смысла и онъ, быть можетъ, не понимаетъ (напр. кунный, рутить = польск. *gzusić*), сами собою льются опущенные стихи, неожиданныя подробности. Если и тутъ у пѣвца (а у второстепеннаго въ особенностяхъ) индѣ не ладно, значитъ извѣстная часть былинѣ для него погибла; онъ не рѣшится на самовольную поправку, или же заплата будетъ сама собой бросаться въ глаза. Рябининъ, Романовъ и другіе упорно отказывались отъ продолженія былинъ, конецъ которыхъ они очень хорошо знали въ *содержаніи*, напр. въ I-мъ томѣ хотъ Микулушки, 1-го варіанта Потыка (Рябинина) или Ильи и Ермака, Добрыни и Змѣя (у Романова). Послѣдовательнымъ записываньемъ, я стихъ за стихомъ выбиралъ у нихъ отрывки, какъ это легко видѣть изъ поправокъ во 2 и 3 томѣ (позвольте, кстати, обратить Ваше вниманіе на эти поправки: въ нихъ много интереснаго), но разъ забытаго вполне возстановить уже было нельзя. *Въ пѣсни слова не выкинешь*. Разрушающаяся былина переходитъ въ побывальщину, разрушенная въ *сказку*¹⁾.

Послушаемъ *сказчика*. У хорошаго слова такъ и нижутся, какъ бисеръ, слышенъ даже ритмъ, цѣлые стихи. Но это въ тѣхъ сказкахъ, которыя онъ *натвердилъ*, часто рассказываетъ. Ритмъ случайный, стихи, явно, изъ обычныхъ былинъ оборотовъ. Заставьте его же повторить, онъ многое передастъ другими словами. Спросите, не знаетъ ли той сказки ктонибудь другой, —

1) Эти замѣчательныя слова нашего собирателя слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію многоуважаемому Берлинскому профессору Штейнталя, который въ только что напечатанной статьѣ своей *объ эпосѣ* слишкомъ одностороннимъ образомъ налегаетъ на постоянную, волнованію моря подобную измѣчивость народной поэзіи, вслѣдствіе которой, будто бы, нѣтъ никакой возможности въ точности записать ни одной пѣсни, такъ какъ въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣсней, и число варіантовъ всегда безгранично. Статья, въ которой выражено это мнѣніе, во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма замѣчательна. Она помѣщена въ 1-й кн. IV-го тома журнала für Völkerpsychologie Лазаруса и Штейнталя.

онъ укажетъ вамъ на *одно-деревенца* имрекъ. Имрекъ вмѣстѣ съ нимъ слышалъ отъ такого-то старика или перехожаго. Вы просите имрека разсказать ту-же сказку. Она передается не только другимъ языкомъ, другимъ складомъ рѣчи, но иногда другимъ ладомъ. Одинъ вводитъ или сохраняетъ жалостныя подробности, другой вноситъ или удерживаетъ насмѣшливый взглядъ на иные эпизоды, третій выбираетъ или прилаживаетъ изъ другой сказки (или изъ общаго всему люду сказчиковъ *склада*, о чемъ послѣ) иную развязку, появляются новыя лица, новыя похождения. Вы ведете съ нимъ далѣе разспросы, какъ научился онъ сказкѣ: на Ладожскомъ или Онежскомъ озерѣ ловилъ онъ рыбу, на пристанищѣ, въ *фатеръ*, или у костра, у него было слышано много сказокъ: одинъ разсказывались у Повѣнчанъ, другія у Заонежанъ, третья у Кореловъ, четвертыя у Шведовъ (Финновъ). Сколько могъ онъ вмѣстить и запомнить по своей природѣ, онъ вмѣстилъ и запомнилъ, а явились у него едва *два, три* сказки. Извѣстныя причастныя всему народу представленія одѣлись въ извѣстное платье, получили извѣстный складъ рѣчи. *Сказка склада*.

Основа у былины и сказокъ дѣйствительно одна и таже въ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ. Народное міросозерцаніе, взглядъ народа на прошедшую свою исторію, на житье-бытье — то передается сказкой, то сказывается былинной. Но когда просится на волю представленіе (первопонятіе), оно не стѣсняется образами и выражается сообразно съ характеромъ разскащика; когда нуженъ образъ, когда нужна пластичность, идеаль, опредѣленный особью¹⁾, мѣстомъ и временемъ, — тогда требуется остойчивая форма, стихъ, былевое воплощеніе, тогда произволу мѣста нѣтъ, личный элементъ въ передачѣ уступаетъ мѣсто общему, цѣлому, въ теперешнемъ положеніи эпоса — традиціи. Въ былинахъ личный элементъ сказывается отдѣльнымъ словомъ, выборомъ варіанта; въ сказкѣ — всѣмъ ея складомъ, интригой, развязкой. Былевая поэзія — земская поэзія народа; но какъ земскіе интересы, хотя они и дороги каждому, всѣмъ рядить нельзя, то они и требуютъ особыхъ представителей; чтобы стать ими, нужна любовь къ дѣлу, память, голосъ. Сказочная поэзія —

1) Первая степень разрушенія былины — утрата имени и разум. личности у богатыря, утрата опредѣленія мѣста.

обыденная, бытовая жизнь, переведенная въ представленіе. Каждый то-же, что дѣлають другіе, дѣлаетъ по своему, сообразно съ своею особенностію, *настроєніемъ*, хотя, разумѣется, опредѣляется въ своемъ личномъ творествѣ народностію, временемъ, мѣстомъ. *Былины* область общаго, земскаго народного эпического творчества, *сказки* — личнаго.

Такъ въ торопяхъ, къ почтѣ, не досказывая, пишу къ Вамъ, что кажется такъ ясно для мысли. Не бросайте этихъ листочковъ, когда нибудь я попрошу ихъ у Васъ для болѣе серьезнаго изложенія.

Далѣе я не вижу у Васъ *пока* движенія, развитія отдѣльныхъ былевыхъ образовъ, именно замѣны и перехода старшихъ богатырей въ младшихъ 1-го поколѣнія. Классификація уже положена Вами. Я не согласенъ на противоположность Кіевскихъ и Новгородскихъ богатырей, какъ она проведена Вами. Богатырь — это вообще яркая, крупная личность, возведенная въ идеаль. Какъ она, по понятію народному, выходитъ вонъ изъ будничной, сказочной жизни? «Долголь мнѣ жить, дома тѣшиться, въ глупомъ, въ маломъ ребячествѣ и т. д. Пора мнѣ-ка съѣздить въ раздолье въ чисто поле, поразгонять бурушка косматаго, поразмять плечо богатырское, отвѣдать силы - удачи молодецкія». (Ср. выѣздъ Добрыни). Надо знать все однообразіе, все *semper - idem* сельской жизни, обстановки, природы, семейнаго и мірскаго быта, чтобы понять, съ какою энергіею крупная сила просится изъ нея на волю.

Удалые, богатыри выдѣлились изъ безразличной массы. Не ужъ-то они въ самомъ дѣлѣ столько - Кіевскіе? Почему же Кіевъ не сохранилъ о нихъ памяти, почему сохранилась о нихъ память на украиннахъ Новгородскаго сѣвера, гдѣ до сихъ поръ чело-вѣкъ упорно борется съ природой, гдѣ до сихъ поръ изъ каждаго почти семейства выходятъ вонъ изъ дому *бурулки* отвѣдать если не силы, то удачи молодецкія? Нѣтъ, это богатыри *свято-Русскіе*, общіе всей Руси. Кіевъ такой же центръ, какъ Москва, Петербургъ, — *опышній*. Они родились въ цѣломъ народѣ, для цѣлаго народа, у котораго условія жизни и мысли были общія. Мстиславъ Удалой, — столько же Кіевскій, сколько и Новгородскій. Если есть Кіевскіе богатыри, вызванные потребностью опредѣлить образъ богатыря Кіевскими условіями, то это Кіевскіе го-

родскіе богатыри: Хотенъ, Чурла, *Дюк*, *Соловей Будимировичъ* (всякая столица привлекаетъ пришлыхъ людей ¹⁾).

Новгородская удаля нашла себѣ конецъ въ себѣ самой. Но и младшее поколѣніе свято-Русскихъ богатырей, едва ли не по самому народному воззрѣнію, оказалось несостоятельнымъ передъ движеніемъ исторіи. Это рыцарское (?) безкорыстное великодушіе Мстислава Удалаго и Ильи къ побѣжденнымъ на настоящую минуту; эта ихъ индифферентность къ государственному строю ради внутренняго наслажденія подвигомъ, велики съ земской точки зрѣнія, не таковы съ государственной. Исторія покончила съ ними Татарщиной, пославъ предостереженіе въ Печенегахъ и Половцахъ, Шведахъ и Полякахъ; на Татарщину потребовалась уже *Москва*. Вотъ почему и свято-Русскіе богатыри перваго поколѣнія находятъ себѣ конецъ въ самой мысли народной. Это доказательно ясно не только въ исторіи Ильи Муромца, но и въ отдѣльной былинѣ, описывающей, какъ свято-Русскую силу клала Русская удаля въ могилу. Если скорбное выраженіе Ильи въ иныхъ былинахъ: на бою мнѣ смерть написана (3-я б. IV ч.: Знаю я, добрый молодецъ, что на бою мнѣ смерть написана), можно покамѣстъ признавать обмолвкой или ошибкою дѣльца, то поразительно мѣтко предчувствіе Ильи именно передъ боемъ со Збутомъ королевичемъ (см. поправки въ замѣткѣ III т. къ I-му тому относит. Рябинина): Хоть на бою мнѣ смерть не писана (внутреннимъ сознаніемъ благородства и духовной силы), *переступитъ сила черезъ великъ законъ!* Сила олицетворилась на первый разъ въ Татарщинѣ. По 22 был. 1 ч. (бросьте явно поддѣльную или по крайней мѣрѣ дурно переданную и поправленную Меевскую редакцію о гибели богатырей), Илья, Ермакъ и ихъ побратимы перерубили Татаръ. Надо бы подумать о томъ, откуда берутся кочевники, откуда ихъ сила? Или у себя устроить порядокъ, или *in eo qui fines bellum inferre*: Цезарь, побивъ Галловъ и Германцевъ, сейчасъ заглянулъ въ Британнію, походилъ и за Рейномъ. Вы, молъ, сидите-ка у себя смирно; не то я васъ, Гал-

1) Отвѣчать на все это г. Рыбникову я предоставляю себѣ въ своемъ сочиненіи о былинахъ и во II-й части моей книги о Русской Словесности. — Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что т. наз. *Кіевскіе богатыри* имѣютъ значеніе обще-Русское, но думаю, что въ нихъ главнымъ образомъ поэтически выразилась и окрѣпла (застыла до извѣстной степени) *Кіевская пора* въ исторической жизни Русскаго народа.

ловъ и Нѣмцевъ, и въ вашихъ трущобахъ сыщу. Наши богатыри довольны мгновенной побѣдой и въ самодовольствѣ проговариваются: кабы здѣсь была сила небесная, прирубили бы и силу небесную. Народный смыслъ (о святотатствѣ внѣшнемъ тутъ нечего и думать) придалъ ихъ наказанію за распущенность силы удивительно наглядный смыслъ. Въ борьбѣ, опредѣленной извѣстнымъ мигомъ времени, Ильѣ не писана смерть на бою; ино сдѣлайте борьбу непрерывной, не устоитъ никакая личная сила. Изъ одного татарина дѣлается два, изъ двухъ четыре; кочевники съ каждымъ пораженіемъ выдвигаютъ на Русь все сильнѣе массы, и сила переступила въ XIII столѣтіи черезъ великъ законъ. Илья и побратимы *перестались*. Въ Татарскій періодъ тѣже богатыри — другіе, передъ Москвой они рѣшительно сходятъ со сцены. Но во всякомъ случаѣ первое поколѣніе младшихъ богатырей также погибло отъ своего рыцарства(?) какъ погибли Малорусскіе казаки отъ своей удали, какъ Новгородскіе богатыри отъ *буети* силы.

Я не встрѣтилъ у Васъ характеристики многихъ богатырей; очерченъ ясно одинъ Илья и Потыкъ (это произношеніе Олонецкое, съ удареніемъ на ъ, а не Безсоновское). Дунай, Добрыня, Алеша Поповичъ, Чурила, Дюкъ, Хотенъ — все вѣдь это яркіе образы, не говоря объ Иванахъ, Васильѣ Казиміровичѣ и прочихъ. А противуположность между придворными, городскими — Мариной, Марьею Бѣлою Лебедью, женою Ивана Годиновича, княгинею Апраксою, и сельскими, земскими — Настасьею и Василисою Микulichною, Грозною Настасьею Дмитріевичной?

Ну да будетъ покамѣсть Жду съ нетерпѣніемъ продолженія о Татарщинѣ. . . . ,

ПРИЛОЖЕНІЯ
ОТЪ
РЕДАКТОРА
IV-ой части.

І. СКАЗАНИЕ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ.

(Временникъ М. О. И. и Д. 1851 г., к. XL ¹⁾).

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, (и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти); были на *семъ* мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села *красныя* (хорошаго) боярина Кучка Степана Ивановича, боярина же того *были* два сына вельми красны. И *сѣгда* про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго, (и) нача просити у Кучка боярина *дву сыновъ* его къ себѣ *со* дворъ съ великимъ *пріемъ*, и глагола ему: аще не даси сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и азъ на тя *войною пріиду* и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ *пожгу*. И бояринъ Кучко Степанъ Ивановичъ убояся страха князя Данила Суждальскаго; и отдадъ сыновъ своихъ обоихъ князю Данилу Суждальскому. И князю Данилу *полюбишася* оба *Кучкова сына*; (и нача ихъ князь Данилъ любить и жаловати), и пожаловалъ одинаго въ столъники, а другаго въ чашники; и *полюбишася* *тѣ* два *юноша* Даниловъ *княгини Улиты* (Юрьевны), и уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ *блудною яростію*, (возлюби бо красоту лица ихъ), и *дѣволимъ разженіемъ* смѣсися (любезно), и *умыслиша* (*они*) со княгинею, како бы (имъ) предати князя Данила смерти, и *начаша звати* князя Данила въ полъ ѣздити, утѣшенія ради (*смотрѣти*) *зѣрка* *уловленія* *засецъ*.

1) Перепечатывается съ дозволенія И. Д. Бѣляева, которому приношу еще разъ мою искреннюю благодарность. Все, набранное курсивомъ, разнится отъ Рыбниковскаго пересказа, въ скобкахъ же помѣщено то, чего въ этомъ послѣднемъ не имѣется.

*И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти; князь же Данилъ уско-
чигъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чашу лѣса; и бѣжа отъ нихъ
подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же зліи чело-
вѣцы, аки волы лютіи напрасно хотяху восхитити-его, и (сами)
быша во ужасѣ мнозѣ искавши его и не обрѣтоша, но токмо на-
шедше коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и
неимѣя что дати (перевознику) за перевозъ, но токмо бѣ у него на
рукѣ перстень златый, и той перстень (дая) перевознику; пере-
возникъ же глаголаше: лихи (дѣ) вы люди оманчивы, какъ дѣ васъ
перевезу рѣку, и вы не давъ ничего (такъ и) уходите, а непо-
знавъ его, что онъ князь Данилъ (Александровичъ); онъ же обѣ-
щавъ ему той златый перстень дати. Перевозникъ же приѣхавъ
(близъ берега) з другія страны (Оки рѣки), и бывъ противъ князя
и протяжѣ весло князю и рече: подай перстень (на весло) и азъ
тя перевезу; князь же Данилъ мпѣвъ его яко правдива чело-
вѣка, (и мня яко не солжетъ), и возложи ему на весло перстень свой
(златый). Перевозникъ же той взявъ (на веслѣ отъ князя) пер-
стень (къ себѣ) и отторжеся отъ берега. Князь (же) Данилъ по-
бѣже подлѣ (Оки) рѣки, бояся за собою гонившихъ (людей), и
прейде день той къ вечеру, (и) не имѣя гдѣ прикритися, пусто бо
мѣсто (бѣ) въ дебри, и по прилучаю найдѣ той дебри струбецъ
малъ стоящъ, (подъ нимъ же) погребенъ бысть ту нѣкоторый
мертвый чело-
вѣкъ, князь же влещъ въ струбецъ той, закрыся
въ немъ, забывъ страхъ (отъ) мертвыхъ, и почи тое ношъ (тем-
ную до утрія).*

Сынове же (болярина Степана Ивановича) Кучка быша (въ
сѣтованіи и) въ печали (и въ скорби) велицей, что упустиша князя
Данила жива отъ рукъ своихъ ранена; и придоша въ раскаяніе
и рѣша въ себѣ: лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ
(таковаго) дѣла смертнаго; понеже убѣжа отъ васъ раненъ во
градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и бу-
детъ намъ отъ нихъ (принять) злая казнь (и смерть) различная и
лютая, такожде княгини Улиты повѣшеной быти.

И (злая) княгиня Улита, (наполни ю діаволъ сердце) злыя
мысли на мужа своего князя Данила Александровича (аки лютую
змію), и распалися сотанинымъ навожденіемъ блудныхъ похоти.
(Возлюбивъ бо) окаянная (мало добрыхъ наложниковъ Кучко-

выхъ дѣтей любовниковъ своихъ), и повѣда имъ вся тайны мужа своего, *лаюла*: есть (де) у мужа моего песь (выжлепъ), и какъ (де) онъ князь Данилъ ѣздитъ противъ враговъ своихъ *на побища* на Татаръ или на Крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ *поѣзжая*: егда де я от Татаръ (или Крымскихъ людей) убиенъ буду, или инымъ *какимъ* случаемъ прїидеть (смерть) мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупѣхъ (человѣческихъ) сыскати и *познати* *мя немошно*; (и ты) пошли на взысканіе дворянъ своихъ с тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити *того пса* передъ собою проста, а *самимъ* ѣхати за *псомъ*; и той песь разыщетъ мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно. И на утрѣ княгиня Улита давъ того пса *любовникамъ своимъ* и *приказываетъ*: гдѣ князя Данила обрящете, тамо его смерти предайте. *Они* же зліи убійцы злаго тоя *злюдицы* княгини Улиты *напомнившася*, и взявше пса *попхаша* на то мѣсто, *идъ* хотеша князя смерти предати; и съ того мѣста пса пустиша *напредъ себя*, (той же) песь *бѣжа* предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. И бѣжавъ песь *по бречу* Оки рѣки, и набѣжавъ оный струбець, *идъ* *хоронился* князь Данилъ; увѣдавъ песь князя Данила, и нача шією вертети и махати радуясь (ему); (тѣмъ же) *искомѣ* (его) *увидѣше* пса радующася (и хвостомъ машуща); и *скоро* *сключише* скрываютъ струбець, и обрѣтъ ту князя Данила Александровича, и (скоро) князя Данила смерти *предаютъ*, мечи и копія *прободоша* (ребра) ему и главу отсѣкоша его, и паки въ той струбець покрывша тѣло его.

Благовѣрный князь Данилъ бысть четвертый мученикъ прїять мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ (и) жены своея.

(Въ первыхъ мученики) Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убиены быша от брата своего окоаннаго Свядола (рекомаго Поганополка); *такъ и сіи Кучковы дѣти* прїѣхаша во градъ Суждакъ и привезоша ризу кроваву князя Данила и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею (въ томъ же) *прелюбодѣиши* незаконно(мъ) по прежнему. Не скоро же убо *ходитъ* вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворися таковое убійство надъ братомъ княземъ Даниломъ Александровичемъ.

Сыну же (князю) *Ивану* Даниловичу, внуку Александрову, оставшуся младу сушу, *только* яръ и лють *бысть*, и *прїахъ* от рожденія его именемъ Давыдъ (Тудермивъ). По смерти же Даниловѣ

пришедше уже два младенца (не мѣсяца ли?) и зжалися той вѣрной слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и взявъ (его) отай ноцію, и паде на кони и гнавъ снимъ скоро ко граду Владиміру ко князю Андрѣю Александровичу къ дядѣ его, и сказа вся (слуга той) по ряду, что сотворися во градѣ такое (злое) убійство над братомъ (княземъ) Даниломъ.

Князь же Андрѣй сжалися по братѣ своему. Яко (же) князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго (злаго) убійцу (свою) *войска*, и Бога (себѣ) въ помощь *призва*, (ратію) отмстивъ кровь братню (праведныхъ) своихъ Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди (окаяннаго) Святополка. Тако же и сей новый Ярославъ князь Андрѣй Александровичъ прослезився горцѣ по братѣ своему князѣ Данилѣ (Суждальскомъ), и *воздѣвъ* руцѣ свои на небо, и речѣ со слезами: Господи владыко, творче всѣхъ и *содѣтелю*, *отмсти* кровь праведною Бориса и Глѣба князю Ярославу на окаяннаго Святополка, тако Господи Владыко отмсти кровь (сію) неповинную *мнѣ* грѣшному брата моего князя Данила *сихъ* (злыхъ) блудниковъ и наложниковъ тоя блудницы, (несытыхъ плотскихъ блудныхъ сквернь калъныхъ похотей бѣсовскихъ). Святополкъ бо окаанный братоубійство сотвори, очи его *зли* *премъстишася* (несытія) *сребра* и *злата* (и имѣнія многоаго), *власти* (и) царствія *ею* (восхотѣ) на единъ часъ *насладитися*, а небеснаго царствія во вѣки *отпаде* и во днѣ адовѣ (во вѣки) мученіе *воспріятъ*; тако и сія скверная и несытая блудница княгиня Улита блудного скверненія (похоти несытства) на единъ часъ *насладися* (скверны), и нетокмо небеснаго царствія лишился, но сего свѣта власть (злато и серебро и ризы драгія многоцѣнныя) *отринувъ*, и возлюбилъ скверну злую блудную похоть, (и) уготовился діаволу невѣста и (окоянному Святополку) во днѣ адовѣ (отъ сатаны законъ *воспріятъ*) и вѣчное мученіе наслѣдова.

Собра князь Андрѣй во градѣ Владимірѣ *войска* своего пять тысящъ, и поиде *во градъ Суждаль*, и слышаху (во градѣ Суждальцы и) боярина Степана (Ивановича) Кучка дѣти, что идетъ на нихъ *изъ Владиміра града* князь Андрѣй съ войскомъ, и *обязъ ихъ* страхъ и трепетъ, (что напрасно проліяша кровь неповинную; и не возмогоша они стати противъ князя Андрѣя ратоватися), и бѣжаша ко отцу своему (боярину) Степану (Ивановичу) Кучьку.

Князь же Андрѣй с воинствомъ пришедъ *въ Суждаль* (градъ), Суждальцы же не противипася ему, глаголюще: мы (бо) не совѣтницы на смерть Государя своего и *не приложихомся* убити брата твоего (князя Данила); но (мы) вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, *и мы можемъ* тебѣ (Государю) *пособствовать* на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ. Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Улигу поимать и казнить всякими муками, и *преда* ю *лютой* смерти; (понеже она злая таковая безстудная дѣла содѣла, и неустрашишася Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ людей не усрамися, и от добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдѣся, своею мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла). *И собравши* Суждальцы три тысячи войска князю Андрѣю Александровичу въ помощь, и поиде князь со всемъ воинствомъ на боярина Степана (Ивановича) Кучка, и (не бысть у боярина Степана Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменные и острога деревянаго); *и не возможе* Кучко (бояринъ) *противъ князя Андрѣя боемъ битися*, и (вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступѣ) *ѣмлетъ* села (и слободы) красныя и самого Кучка (боярина) *и съ его дѣтьми* (в плѣнѣ), и повелѣ ихъ оковати *железы* крѣпкими, *и* потомъ казни (боярина Кучка и) з дѣтьми его всякими казнями различными, въ лѣто 6797 Марта въ 17 день.

И князь Андрѣй (Александровичъ) отмсти кровь *брата* своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, (иже убили князя Данила), и все имѣніе ихъ и богатство разграбихъ, *а селъ* (и слободъ) красныхъ *непожегъ* я *препочи* ту. *Наутрѣи* же воставъ и посмотрихъ по всѣмъ краснымъ селамъ и (слободамъ), и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити; (видѣ бо мѣсто прилично еже граду быти), и воздохнухъ изъ глубины сердца своего, и воздѣвъ рущѣ на небо, и рече (моlitву со слезами): Боже вседержителю, творче всѣмъ и *создателю!* прослави (Господи) мѣсто сіе, и подаждь (Господи) помощь (*хотенія*) желанію моему (устроить градъ, и) воздати святыя церкви.

И (оттолѣ) князь Андрѣй *сядетъ* въ красныхъ (тѣхъ) селлахъ и (слободахъ нача) жителствовать; а во градъ Суждали и во Владиміръ *посаждая державствовать* сына своего Георгія, а племянника своего брата сына Іоанна Даниловича къ себѣ *взяхъ*, и воспитавъ его (до возраста) въ добромъ наказаніи.

Той же (благовѣрный) князь Андрѣй Александровичъ воздвигъ церковь *древяну* Пресвятыя Богородицы (честнаго ея) благовѣщенія, (невелику сушу, и Бога въ помощь себѣ призывая и Пречистую его Богоматерь), такожде повелѣ (и) градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и именованіе граду тому положи Москва, пособствовала Суждальцы (и) Владимірцы и Ростовцы и (все окрестіи).

И тако (сотвориша) и состроиша градъ въ лѣто 6799 Іюля (мѣсяца) въ 17 день, на память Святаго мученика Пантмеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва. Поживе же той благовѣрной князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устрои Божія церкви (многи, и) преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву (и приказываетъ державствовать) племяннику своему князю *Ивану Даниловичу. Сыну же Андрею Георгію нарицаемому Юрю (Суждальскому и) Владимірскому, преставльишуся* прежде смерти отца своего (Андрея Московскаго) единымъ лѣтомъ. (Но токмо у него) наслѣдникъ по немъ сынъ его Дмитрій, *еще бо ему младу сушу, яко четыре лѣта и двю мѣсяцъ* ¹⁾.

(Сообщено А. Д. Чертковымъ.)

1) Сказаніе сіе помѣщено въ одной Новгородской лѣтописи, сохранившейся въ спискѣ конца XVII или начала XVIII вѣка. Редакція Временника рѣшилась издать сей памятникъ во 1-хъ потому, чтобы указать источникъ, откуда Каменевичъ Рвовскій почерпнулъ сіе сказаніе, помѣщенное имъ въ извѣстной книгѣ о древностяхъ Россійскаго Государства, хранящейся въ Синодальной библиотекѣ подъ № 529; теперь мы видимъ, что Каменевичъ Рвовскій не былъ сочинителемъ сего сказанія, что оно въ преданіяхъ народныхъ ходило уже давно и даже заносилось въ лѣтописи; и во 2-хъ при всей неполнотѣ главнаго содержанія, сказаніе сіе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо представляютъ бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки объ этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ. Этимъ подробностямъ въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій, оно ими-то преимущественно и дорожитъ; и въ 3-хъ помѣщеніе сказанія именно въ Новгородской лѣтописи указываетъ нѣкоторымъ образомъ на древнія отношенія Москвы къ Новгороду, откуда можно догадываться, что Москва первоначально была построена въ Новгородской землѣ, что подтверждается и свидѣтельствомъ переписной Новгородской книги 1500 года, по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ изстаринныхъ Новгородскихъ вотчинниковъ Кучковичей, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ, и одна изъ нихъ называлась Кучково. (Переписи. Новг. Кн. стр. 246.)

(Примѣчаніе Временника.)

II. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ РУКОПИСИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

(Древлехран. Погодина, № 1631)

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

**«Исторія объ Азовскомъ взятіе и осадномъ сиденіе
отъ Турскаго царя Брагима 1635 г. '»).**

При дословномъ сходствѣ заглавія, повѣсть эта и по содержанию близко подходитъ къ болѣе пространной изъ двухъ, печатаемыхъ въ издаваемой теперь части нашего сборника; но она еще пространнѣе, и даже гораздо пространнѣ Рыбниковскаго пространнаго извода. Помѣтка въ концѣ рукописи указываетъ и на мѣстность, по крайней мѣрѣ не весьма далекую отъ той, гдѣ составлялся сборникъ г. Рыбникова. Мѣстность эта — также *съ-верная*: «переписывалъ сію тетрадь Кольскій мещанинъ Василей Лоушкинъ 1825 года мѣсяца Марта числа 12»; а нѣсколько ниже: «Сентября 24 числа» (вѣроятно окончена).

Совершенно въ другомъ родѣ повѣсть объ Азовскихъ происшествіяхъ, находящаяся въ той же Публичной Библиотекѣ въ концѣ большаго сборника XVII столѣтія, значащагося въ описаніи рукописей Толстова подъ № 198 отдѣла I-го. Въ ней не замѣтно, или почти не замѣтно народной стихіи, и въ этомъ отношеніи она близко подходитъ къ статьѣ «о градѣ Азовѣ, како взятъ», напечатанной въ лѣтописи о многихъ мятежахъ, (изд. II, М. 1788, на стр. 346 — 353). Этою послѣднею, по видимому, пользовался Н. А. Полевой въ статьѣ своей: «взятіе Азова 1637 г.», помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. (ч XIII и XIV). Полевой, печатая только *отрывокъ*, источниковъ не указалъ — (см. примѣчаніе въ началѣ статьи); но по содержанию его рассказа видно, что въ числѣ этихъ источниковъ должны были быть и народно-поэтическіе. — Въ повѣствованіи — собственно о *взятіи* Азова — слѣдовалъ статьѣ Полеваго и *Броневскій* въ своей «Исторіи Донскаго войска» (СПб. 1834 г., ч. I, стр. 117 и слѣд.)

1) Цифра поправлена черными чернилами поверхъ блѣдныхъ, какими писала рукопись; было же 1735. У цифры 5 тѣми же чернилами въ скобкахъ поставленъ вопросительный знакъ; и дѣйствительно, взятіе, какъ извѣстно, относится къ 1637 г., осажденіе же его Турками происходило въ 1644 г. (См. Истор. Соловьева, IX, 293, 296.)

«Кромѣ книжки подъ заглавіемъ: «Древнія сказанія объ Азовѣ», говоритъ Броневскій, гдѣ весьма кратко упомянуто о завоеваніи Азова, не отыскавъ на Дону иныхъ документовъ, относящихся къ столь знаменитому происшествію, описаніе г. Полеваго предпochелъ», и т. д. Чтѣ же касается *осаднаго сидѣнія отъ Турокъ*, то тутъ Броневскій прямо указываетъ вотъ на какой источникъ: «взято изъ рукописи за № 358, хранящимся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго: «Сказаніе объ Азовскомъ Сидѣніи». — (См. примѣч. на стр. 129). Нѣсколько же ниже (въ другомъ примѣчаніи) у Броневскаго говорится: «по многимъ, несогласнымъ между собою извѣстіямъ, Турки осаждали Азовъ съ 200, съ 240, и даже съ 300 тысячъ воиновъ, и болѣе . . . казаковъ же иные полагаютъ 1400 человекъ и 800 женъ». (Какія это такія *мнотія* извѣстія, авторъ въ точности не указываетъ). «Держась во всемъ, кромѣ похожаго на ложь, рукописнаго сказанія о сидѣніи въ Азовѣ, я перемѣнилъ число», и т. д. Изъ послѣднихъ словъ замѣтно, что Броневскій чувствовалъ громадную преувеличенность въ цифрахъ и иную разную ложь, чтѣ заставляетъ предполагать и въ упоминаемой имъ Толстовской рукописи болѣе «бояновыхъ замысловъ», чѣмъ «былинъ сего времени». — Къ крайнему сожалѣнію моему, я никакъ не могъ добраться до упомянутой Толстовской рукописи. Оказалось, что еще въ 1835 г. она была передана изъ Имп. Публич. Библіотеки въ Археографич. Коммиссію; но, при всѣхъ поискахъ въ этой послѣдней, ея тамъ не оказалось. На сколько можно судить по передачѣ «сидѣнія» у Броневскаго, можно догадываться, что упомянутая рукопись подходит во многомъ къ краткому Рыбниковскому изводу.

Кромѣ приведенныхъ уже повѣстей объ Азовѣ, въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеумѣ, должна быть одна, значащаяся въ Описаніи Востокова подъ № 378, л. 313. Не имѣлъ ли ея въ виду проф. С. М. Соловьевъ въ своемъ описаніи Азовскихъ событій въ IX т. Русской Исторіи? — при чемъ онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ. Такое указаніе было бы тѣмъ болѣе важно, что между сказаніями объ Азовѣ, какъ видно изъ предыдущаго, называются и не вполнѣ *историческія*. Г. Соловьевъ, повидимому, признаетъ громадную цифру Турокъ: «Ибрагимъ I, говоритъ онъ, двинулъ подъ Азовъ 240000 войска . . . казаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо

и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ осажденных было 14000 мужчинъ и 800 женщинъ» (стр. 296). Позволю себѣ обратить вниманіе на это неизмѣнное число 800 при измѣняющемся (смотря по источнику) числѣ мужчинъ, главнымъ же образомъ на несоразмѣрность въ этомъ числѣ 800 женъ при — хотя бы и только 5,367 мужьяхъ. Трудно послѣ этого предположить, чтобы это были дѣйствительно *жены казацкія*, выписанныя въ Азовъ съ Дону: если уже переселять ихъ оттуда, то почему же въ такомъ несоразмѣрно-ограниченномъ количествѣ? Невольно навязывается вопросъ, не попали ли эти 800 женъ въ историческіе труды и Броневскаго и Соловьева (у Полеваго число не приводится, но присутствіе женъ и помощь съ ихъ стороны мужьямъ у него на лицѣ), — не попали ли онѣ сюда изъ источниковъ, не столько историческихъ, сколько *эпическихъ* ¹⁾?

Погодинская рукопись, согласно съ пространнымъ Рыбниковскимъ пересказомъ (стр. 173), объясняетъ этихъ казацкихъ женъ такимъ образомъ: «многіе казаки (по взятіи Азова) на Турчанкахъ и поженились, вкрещенную вѣру приведоша». Точно также и въ концѣ статьи: «Взятіе Азова Донцами въ царствованде Михаила Ѳеодоровича», напечатанной въ III-й кн. Чтеній Моск. Общ. Ист. и Др. за 1864 г., и во многомъ сходной съ начальной частью пространной Рыбниковской «Гисторіи». (Къ сожалѣнію, въ «Чтеніяхъ» не сказано, изъ какой рукописи взята эта статья; языкъ ея — весьма новый).

Обращеніе въ христіанство плѣнницъ и женитьба на нихъ — это эпическая черта, свойственная и западно-Европейскимъ средневѣковымъ поэмамъ. Подъ этимъ же *замысломъ* поэтическимъ можетъ скрываться въ нашей *исторіи* та *быль*, что казаки оставили извѣстное число плѣнницъ въ живыхъ — съ извѣстнаго рода цѣлію... — При отношеніяхъ къ нимъ — далеко не *семейныхъ* — объяснилась бы и несоразмѣрность въ числѣ, едва ли объяснимая въ томъ случаѣ, ежели принимать переселеніе съ Дону казацкихъ *женъ*. При отношеніяхъ же къ женщинамъ, мною предполагаемыхъ, помощь съ ихъ стороны казакамъ можетъ быть только вынужденною, плачь же ихъ по *мужьямъ*-казакамъ — уже чисто эпическій *замыселъ*.

1) Нѣтъ ли также эпическаго преувеличенія и въ томъ, что казаки, при взятіи Азова, истребили *всѣхъ* жителей, кромѣ Грековъ? (см. въ Ист. Соловьева стр. 294, внизу.)

При сличеніи съ Погодинскою рукописью оказывается, что въ нашемъ пространномъ изводѣ есть важный пропускъ, на который намекается словами: «и видя царь Абрагимъ, что Азова не взяли (т. е. Турки), и велии печалень, и отъ того царь не могъ стоять въ шатрахъ своихъ, дабы *того не учинимъ, что и Крымскому царю*» (стр. 179). — Чтò же такое учинилось съ этимъ послѣднимъ, — это объясняется, и весьма обстоятельно, въ Погодинской рукописи¹⁾. Послѣ сходныхъ съ нижними строками стр. 178 нашей книги словъ «захватиша гортань часовому... и бросиша на сторону», — въ Погодинской рукописи слѣдуетъ:

«И взяша казаки 6 знаменъ 75 болшею (?) стурецкимъ клеймомъ, отпахнувши полы у шатра и видеша 4 боярина спяща, а среди шатра столъ, а на столе свечи горять и сосуды златыя и сребренныя, и платьє драгое висяще; казаки, забравъ сосуды и платьє драгое, поидоша отъ шатровъ прочь, и идучи сняша знамена съ древковъ, дабы Турки не знали, и завидя Турки начаша ихъ окликать, они же сказаша, что отъ царя Брагима идемъ Крымскому царю сподарками, и караульщики, чаяше что кпаша идутъ отъ царя Брагима спадарками, вслѣдъ намъ крычаху: почто идите не темъ путемъ къ царю Старчію? И егда казаки увидеша шатры царя Старчія, караульщики же окликаша насъ и мы сказали, что идемъ отъ царя Брагима кцарю Старчію, и дошли до шатровъ царя Старчія и увидеша два стража стояща и насъ окликаша, и видять у насъ врукахъ сосуды и драгое платьє отъ царя Брагима, и захватиша у двухъ Татаръ платами гортани и чтобы не крычали, и заклаша ножемъ, и отвориша шатровъ полы и видеша на столе свѣчи горять а на одре царя Старчія спяща а привозглави его мечъ висящъ, и похватиша мечъ и отсекоша главу царю Старчію, и завертели главу водежду и взяли собою, и завертели вдрагое вцарское платьє, и поидоша исполковъ вонъ, и начаша на караулахъ окликать, и мы сказаху: идемъ отъ Старчія царя дозорщики, чтобы караулы крепки были. И вышли извойска вонъ, пошли камышниками и пришли ко граду за два часа и начаша со степь окликати. Они же реша: идемъ казачество волное есаулъ Иванъ Зыбинъ съ товарищи; и пришли ко вратамъ, казаки же прослы-

1) Впрочемъ и въ пространномъ Рыбниковскомъ изводѣ (на стр. 190 книзу) имѣется болѣе ясный намекъ, но все-таки только *намекъ*: «и много пакости въ полкахъ моихъ учинили въ ночное время, *убили Крымскаго царя Старчея*» (слова Абрагима).

шавъ отверзоша врата, они же пришедъ катаману Науму Васпльеву, положиша предъ него сосуды и платье драгоцѣнное и развертеша главу отсеченную, атаманъ и вси казаки подивившася и рече: како ночью обходиша Турецкую силу... Поднесоша атаману три сосуда златыя и 2 сребренныя, онъ же у нихъ не взяше, и рече: не добро ми у васъ взяти сосуды, понеже вы головами своими вы браша (?), не вы бо ходиша, но рокъ васъ носить (?), но яко Господь нашъ и пречистая Богородица и т. д. васъ защитили... И слышатъ, ажно въ табарахъ Турецкихъ удариша въ набаты и вбубны, и созва царь Брагимъ пашей и тамшей и рече къ нимъ, что ночью у шатровъ его учинилось... и тотчасъ придоша Крымскаго царя паши со слезами: царю Брагиму, всю ночь пришли мы къ царю своему на поклонъ и видеша царя Старчинъ мертва и глава его отсечена, а кто сіе дело сотворилъ, того мы не знаемъ»...

Далѣ въ Погодинской рукописи напоминаетъ уже краткій Рыбниковскій изводъ слѣдующее предложеніе Турокъ и благородный отвѣтъ казаковъ:

...«выдайте вы намъ пашей и тамшей и янычанъ, серебро и злато себѣ берите, а ихъ живыхъ отдайте, а буде и за мертвыхъ тѣла похощете злата и серебра, дайте вы намъ тела собрать; казаки же реша кпашамъ: за живыхъ мы серебро возьмемъ, а за мертвыхъ не возьмемъ; нечестъ не хвала молодецкая, что мертвыми торговать...¹⁾ *)».

Вотъ существеннѣйшія, дополнительныя къ Рыбниковскому пространному изводу, мѣста Погодинской рукописи. Сверхъ того въ ней есть отдѣльныя своеобразныя черты, то въ выраженіяхъ, то въ самыхъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, при разсказѣ о полоненіи дочери паши Азовскаго:

...«дочь пашеву привезоша и *животъ весь роздуванияма*»... (вспомн. выраженъе: дуванъ дували — въ былинахъ о татарскомъ полонѣ)..

А вотъ варьянтъ къ стр. 174 нашей книги:

«Сказали атаману, что де *ждутъ* вполне незнаемыя люди, атаманъ же скоро выслать 30 человекъ да проведаютъ, какіе люди въ степи явились, казаки же выслать въ поле, едущимъ же имъ и начаша луки натягивать, Татары же побегоша, а сами закрыча-

1) Это не только по языку, но и по духу напоминаетъ былины.

*) Ср. въ настоящей части стр. 166 (августу).

ли, чтобъ не стреляли по нихъ, казаки же положиша въ налучники луки.... все шатры и палатки разставили, бѣлыми и красивыми цвѣтами всю азовскую степь украсили.... и распустили знамена свои аки цвѣтъ травной и поле зацвело, и начаша вполитавры бити и втрубы трубити во всѣхъ полкахъ, и отъ того ихъ игранія земля стояше, и учили изъ всего снаряду по Азову граду бити и отъ того ихъ стрѣлянія на Азовѣ городѣ 3 башень верхи попадали... и мы, видя то, вооружились, и послѣ той стрелбы пошли Турки к Азову на приступъ.... и мы вто время приужаснулись и стали крепкую думу думать... и мы посмотрѣли — отъ Дону реки до моря тихаго синяго ихъ войско, что солдацкой строй, какъ наковъ цвѣтъ зацвелъ». —

Вотъ своеобразные обороты въ Турецкихъ угрозахъ:

«...буде не здадите, все сейчасъ живы не будите, хотя васъ 100000 сидитъ въ Азове, а напей силы пришло и смету нѣтъ; — сколько на вашихъ головахъ волосъ, столько у насъ силы... а какъ Азовъ возьмемъ, то ваши головы саблями срубимъ и по чистому полю разметимъ, за то, что вы гордо наступили на десницу великую Брагима царя Турецкаго...»

А вотъ и особенности отвѣта казацкаго:

«...«вы насъ призываете отъ пресветлыя державы православныя вѣры во тму кромешную къ царю Брагиму, и хвалите, что царь вашъ насъ пожалуетъ златомъ и серебромъ; то не честь и не хвала молодецкая, что вамъ покоритца, злато и серебро, и златое платье намъ не надобно... за насъ церковь святая молить будетъ, и буде васъ намъ казакамъ Богъ поручитъ и мы головы ваши срубимъ и на копыя стычемъ и по чистому полю разметимъ и темъ вашимъ поганымъ трупямъ накормимъ волковъ серыхъ, врановъ черныхъ, орловъ сизыхъ, понеже еще они зголоду помирають...¹⁾ Царь же, слышавъ отъ казаковъ, не могъ отъ ярости на месте усидеть, вскрыча громкимъ голосомъ: ой еси вы воры Донскіе казаки»...

Этихъ обращиковъ будетъ достаточно. Приношу мою искреннюю благодарность А. Θ. Бычкову за предоставленіе мнѣ права пользоваться Погодинскою рукописью, а равно и за другія его обязательныя указанія. Также благодарю за указанія различнаго рода К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова и А. А. Котляревскаго.

1) Съ этимъ мѣстомъ можно сравнить соотвѣтственное въ краткомъ Рыбниковскомъ изводѣ, на стр. 164-й настоящей части (книзу).

ПЕРЕЧЕНЬ ПЬСЕНЬ И ПРОЧ. IV ЧАСТИ.

по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ записано

1. Записанныя г. Любимскимъ въ Исаевской волости — II (Заплатки Свадебныя) 2, Вытегорскія Заплатки.
2. Сообщенная г. Барсовымъ — III (Повѣсти, Сказанія и Сказка) 7, (сказка объ Олѣшѣ Голопузѣ).
3. Записанная г. Знаменскимъ въ Заонежѣ — IV (Повѣрія и Сувѣрія), стр. 234 — 239 (Легенда объ Иванѣ Купецкомъ сынѣ).
4. Записанная въ г. Каргополѣ, стр. 152 — 153 (Дѣтская пѣсня).
5. Изъ Олонецкихъ Вѣдомостей 1867, — Обонежскія Загадки — 1 — 10 (стр. 246 — 247); Заговоры 16 (стр. 256 — 257), 18 (стр. 258 — 259), 22 (стр. 260 — 261).
6. Изъ Вологодскихъ Вѣдомостей 1866 г. стр. 153 — 154 (Небывальщина о Мизгирѣ) Загадки 11 — 16 (стр. 247).
7. Записанная отъ крестьянина дер. Колодозера Пудожскаго уѣзда Трофима Романова I — (былины и т. д.), 1.
8. Записанныя отъ крестьянина деревни Ранной горы, Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда, Анфима Савинова — I, 2, 6, 10, 11.
9. Отъ крестьянина деревни Выгозера, Повѣнецкаго уѣзда Федора Никитина — I, 3, 13, 19.
10. Отъ кореляка Василья Лазарева изъ деревни Каменницъ Повѣнецкаго уѣзда — I, 4, 8, 9, 14, 16.
11. Отъ Пудожгорскаго крестьянина Василья Лукина Повѣнецкаго уѣзда — I, 12, 17.
12. Отъ крестьянина Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Терентія Іевлева — I, 5, 7, 15.
13. Отъ крестьянина тѣхъ же волости и уѣзда Т. Рябинина — I, 18.

14. Отъ крестьянина деревни Раниной горы, Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда Анфима Савельева — III (Сказанія и т. д.), 6.
15. Отъ крестьянина деревни Середки, Кижскаго погоста, Петрозаводскаго уѣзда Леонтія Богданова — IV (Повѣрья), стр. 221, 227, 231 — 233.
16. Отъ повивальной бабки — IV (Заонежскія повѣрья), стр. 225 — 226.
17. Повѣрья съ Грумънта — стр. 229 и слѣд.
18. Повѣрья на Шуй-наволокъ — стр. 220 — 221, 227 и слѣд.
19. Пудожскія (Свадебныя заплачки) — стр. 106 — 116.
20. Петрозаводскія (Заплачки) Ялгубскаго погоста — стр. 135 — 136; изъ Заонежья — 136 — 138, 144; Ладвинскаго — стр. 138, 141 — 142, 143; Острѣчинскаго — 141, 143, 146 — 152 (обряды свадебные въ Острѣчинскомъ и смежныхъ приходахъ).

Примѣч. О рукописномъ матеріалѣ настоящей части см. выше въ Р. С. «Замѣтки.»

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

ПО МѢСТНОСТЯМЪ И СВЯЗЯТЕЛЯМЪ

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Олонедкой губерніи (безъ точнѣйшаго обозначенія): I, 24, 25, 38, 49, 65, 77; II, 39.

Города Петрозаводска — отъ родственника крестьянина Леонтія Богданова: III, 61.

Петрозаводскаго уѣзда (безъ точнѣйшаго обозначенія): I, 83; II, 40.

Кижской волости (безъ точнѣйшаго обозначенія): I, 46, 69, 79;

II, 16, 20, 55. — Отъ *Рябицина*: I, 3, 10, 12, 15, 20, 27, 31,

34, 35, 36, 39, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 67, 72, 85; III,

1, 2; IV, 18. — Отъ *Григорья Васильева*: II, 37. — Отъ

Леонтія Богданова: I, 8, 40 (и отъ Латышова), 44, 63, 66,

71, 80; III, 48, 49, 63. Отъ *Терентія Исавлева*: II, 4, 12, 32;

IV, 5, 7, 15. Отъ *Андрея Сарафанова*: III, 4, 21, 25, 28.

Отъ *Григорья Федотова*: III, 6, 7, 30, 39, 40, 42, 45. Отъ

Андрея Иванова: III, 34. Деревни *Боярицыны* — отъ *Щею-*

ленкова: I, 22; II, 21, 49, 59; отъ племянницы его: II, 14, 52.

Деревни *Курпаницы* — отъ *П. Корнилова*: II, 60, 61, 64,

65. Деревни *Середки*: II, 50.

Спнногубской волости, деревни *Долмасы* — отъ *Казьмы Рома-*

нова: I, 1, 21, 23, 26, 30, 60 (и отъ Л. Богданова), 75, 78,

86; II, 18, 22, 42, 53; III, 55.

Святозерской волости, деревни *Прятки* — отъ крестьянки

Дмитріевой: I, 7, 16, 50, 81.

Пудожарскаго погоста, деревни *Горы* — отъ *Бутылки*: III,

3, 8, 15, 20, 46, 52, 57, 58, 62.

Деревицкаго погоста: II, 47; отъ *Никиты Баймина*: III, 60.

Ладинскаго погоста — отъ *Никиты Рязина*: III, 59. *Вели-*

когубскаго погоста: I, 68.

Пудожского уезда: Колодозерской волости — отъ 90 лѣтнаго старика: I, 11, 37, 42, 45 (при этомъ разнорѣчіе отъ старухи Бережной Дубравы), 55. Деревни *Пирзаковской* — отъ Трофима Романова: III, 5, 9, 12, 19, 23, 31, 36; IV, 1.

Кенозеро: II, 27; отъ *Царомскаго старика*: III, 10, 13, 14, 16, 24, 27, 29, 38, 56; отъ Кенозерскаго цѣловальника: II, 35. *Сумозерской волости*: I, 47, 64, 74; отъ Андрея *Сорокина*: II, 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62, 63.

Бережнодубровской волости, деревни *Кузнецовой* — отъ калки *Латышова*: I, 13, 40; II, 5, 23, 28, 51.

Купецкой волости, деревни *Бураковой* — отъ *Никифора Прохорова*: I, 4, 9, 14, 17, 18, 19, 32, 33, 54, 57, 62, 76; деревни *Мелентьевской* — отъ слѣпаго *Ивана*: II, 10.

Песчанской волости: II, 36; деревни *Большой Дворъ*: I, 29 (при этомъ разнорѣчіе изъ Бережной Дубровы).

Шамской волости, отъ лодочника: I, 2, 5, 6, 53, 56, 60, 73; II, 43.

Деревни *Газарской* — отъ *Потапа Потахина*: III, 17, 27, 32, 37, 51.

Филимоновской волости, деревни *Раминой Горы* — отъ *Анфима Савинова*: IV, 2, 6, 10, 11.

Уногская волость, деревни *Уной-Губы* — отъ *Гавриила Амосова*: III, 11, 18, 43, 44, 47, 53.

Красновская волость — I, 28 (разнорѣчіе къ этому №).

Каргопольскаго уезда: I, 52; III, 33; деревни *Красная Дяма* — отъ старика калки: II, 2, 3, 4, 6, 11, 13, 15, 29, 33. *Тихвинборскаго погоста*: I, 82, 84; II, 24. *Кенозерскаго погоста* — отъ *Михайлы Богданова*: I, 28 (разнорѣчіе изъ Красновскаго погоста, Пудожскаго уезда), 87.

Малоархангельскаго погоста: I, 88.

Витебскаго уезда, Витебскаго погоста, Спасо-Матковскаго прихода: II, 48. *Саминскаго прихода*: II, 8, 9.

Лодейнопольскаго уезда: II, 25, 26.

Постыпецкаго уезда, деревни *Каменицы* — отъ *Василія Лазарева*: III, 24, 41; IV, 4, 8, 9, 14, 16; деревни *Вязозеро* — отъ *Федора Никитина*: IV, 3, 13, 19; отъ Пудожгорскаго крестьянина *Василія Луккина*: IV, 12, 17; отъ *Керелки*: III, 64.

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

ПО СКАЗИТЕЛЯМЪ

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Рябинина: 1, 3, (Вольгѣ и Микула); 10, 12, 15, 20 (Илья Муромецъ); 27 (Добрыня и Василій Каз.); 31 (Дунай); 34 (Иванъ Годиновичъ); 35, 36 (Потыкъ); 39 (Сорокъ каликъ); 41 (Ставръ); 43 (Хотень); 48 (Дюкъ); 58, 59 (Василій Буслаевъ); 61 (Садко); 67 (Грозный); 72 (Королевичи изъ Крякова); 85 (Горюшко). III, 1 (Самсонъ); 2 (Святогоръ). IV, 18 (Саломонъ). Всего 23 былины.

Козьмы Романова: 1, 1 (Вольгѣ); 21 (Илья и Ермакъ); 23, 26 (Добрыня); 30 (Дунай); 60 (Василій Буслаевъ) (вмѣстѣ съ Л. Богдановымъ); 75 (Два Ливика); 78 (Добрый молодецъ и жена неудачливая); 86 (Горюшко). II, 18 (Сорокъ каликъ), 22 (Хотень); 42 (Царь Петръ) 54; III, 55 (Саломанъ). Всего 14 былинь.

Прохорова: 1, 4 (Вольгѣ и Микула); 9, 14, 17, 18, 19 (Илья Муромецъ); 32 (Дѣтпра и Донъ); 33 (Иванъ Годиновичъ); 54 (Соловей Будимировичъ); 57 (Василій Буслаевъ); 62 (Садко); 76 (Ванька Удовкинъ). Всего 12 былинь.

Леонтия Богданова: 1, 8 (Святогоръ и Илья); 40 (Сорокъ каликъ) (вмѣстѣ съ Латышовымъ); 44 (Хотень); 63 (Садко); 66 (Грозный); 74 (Ванюшка Ключничекъ); 80 (На чужой сторонѣ). III, 48 (Князь Голицынъ); 49 (Сынъ Стеньки Разина); 63 (Потѣдка на море). Всего 10 былинь.

Паромскаго старика: III, 10, 13, 14 (Илья Муромецъ); 16 (Добрыня); 24, 27 (Чурило); 29 (Дюкъ); 38 (Авдотья Рязаночка); 56 (Саломонъ). Всего 9 былинь.

Бутыжи: III, 3 (Женитьба Владимира); 8 (Илья и Идолище); 15 (Добрыня); 20 (Алеша); 46 (Земскій соборъ); 52 (Настасья корол. Политовская); 57 (Нерасказанный сонъ); 58 (О царствѣ подсолнечномъ); 52 (Девять братьевъ). Всего 9 былинь.

- Сорокина*: II, 7 (Добрыня); 19 (Ставрѣ); 30 (Дюкѣ); 31 (Соловей Будиміровичѣ); 34 (Грозный); 53 (Саломонъ); 62, 63 (Илья Муромецъ). Всего 8 былинь.
- Трофима Романова*: III, 5, 9, 12 (Илья Муромецъ); 19 (Добрыня); 23 (Иванъ Годиновичѣ); 31 (Дюкѣ); 36 (Илья Муромецъ и Татары); IV, 1 (Святогорѣ).
- Федотова*: III, 6, 7 (Илья Муромецъ); 30 (Дюкѣ); 39, 40 (Василій Буслаевъ); 42 (Садко); 43 (Отрепьевъ). Всего 7 былинь.
- Кореяка Лазарева*: III, 24 (Чурило); 41 (Садко); IV, 4 (Илья Муромецъ); 8 (Хотень); 9 (Дюкѣ); 14 (Грозный); 16 (Кастрюкѣ). Всего 7 былинь.
- Латышова*: I, 13 (Илья и Сокольникѣ); 49 (Сорокѣ каликѣ); II, 5 (Добрыня); 23 (Чурило); 28 (Дюкѣ); 51 (Дворянинъ безчастный). Всего 6 былинь.
- Левлева*: II, 1 (Микула); 12 (Дунай); 32 (Василій Буслаевъ); IV, 5 (Дунай); 7 (Хотень); 15 (Кастрюкѣ). Всего 6 былинь.
- Амосова*: III, 11 (Илья Муромецъ); 18 (Добрыня); 43 (Терентій Данильевичѣ); 44 (Кострюкѣ); 47 (Земскій соборѣ); 53 (Добрый молодецъ и жена неудачливая). Всего 6 былинь.
- Потахина*: III, 17 (Добрыня); 26 (Чурило); 32 (Соловей Будиміровичѣ); 37 (Василій Игнатьевичѣ и Батыга); 51 (Два Лывика). Всего 5 былинь.
- Щеголенкова*: I, 22 (Илья и Ермакѣ); II, 21 (Ставрѣ); 49 (Добрый молодецъ и жена неудачливая); 59 (Каково птицамъ на Русѣ). Всего 4 былины.
- Дмитріевой*: I, 7 (Святогорѣ); 16 (Илья и Идолице); 50 (Дюкѣ); 81 (Оника). Всего 4 былины.
- Корнилова*: II, 60 (Микула); 61 (Настасья Микулишна); 63 (Илья и Сокольникѣ); 65 (Василій пьяница). Всего 4 былины.
- Сарафанова*: III, 4 (Илья и Соловей); 21 (Дунай); 25 (Чурило); 28 (Хотень). Всего 4 былины.
- Савинова*: IV, 2 (Илья и Соловей); 6 (Ставрѣ); 10 (Дюкѣ); 11 (Соловей Будиміровичѣ). Всего 4 былины.
- Никитина*: IV, 3 (Илья и Соловей); 13 (Иванъ Гостинный); 19 (Девять братьевъ). Всего 3 былины.
- Михайла Богданова*: I, 28 (Добрыня и Марина); 87 (Каково птицамъ на морѣ). Двѣ былины.

Племянницы *Щеголенкова*: II, 14 (Иванъ Годиновичъ); 52 (Саламанъ).

Двѣ былины.

Лукина: IV, 12 (Потыкъ); 17 (Наѣздъ Литовцевъ).

Слѣпаго *Ивана*: II, 10 (Василій Игнатьевичъ).

Васильева: II, 37 (Кастрюкъ).

Иванова: III, 34 (Иванъ Гостинный).

Рѣзина: III, 59 (Каково птицамъ на Русь).

Байнина: III, 60 (тоже).

Родственника *Л. Богданова*: III, 61 (тоже).

Старога калики: II, 2, 3 (Илья Муромецъ); 4, 6 (Добрыня); 11 (Василій Игнатьевичъ); 13 (Иванъ Годановичъ); 15 (Потыкъ); 29 (Дюкъ); 33 (Василій Буслаевъ). Всего 9 былинь.

(*Калики* Латышова (см. выше): I, 13, 40; II, 5, 23, 28, 51. Всего вообще отъ каликъ 15 былинь).

(*Слѣпаго* Козьмы Романова (см. выше): I, 1, 21, 23, 26, 30, 60, 75, 78, 86; II, 18, 22, 42, 54; III, 55. *Слѣпаго* Ивана (см. выше): II, 10. — Всего отъ слѣпыхъ 15 былинь).

Старика 90 лѣтнаго: I, 11 (Илья Муромецъ); 37 (Потыкъ); 42 (Ставръ); 45 (Чурило) (разнорѣчіе отъ старухи Бережной Дубровы); 55 (Василій Буслаевъ).

Лодочника (Шальскаго вол.): 1, 2, 5 (Вольга); 6 (Сухманъ); 53 (Соловей Будимировичъ); 56, 60 (Василій Буслаевъ); 73 (Два Ливика); II, 43 (Царь Петръ). Всего 8 былинь.

(*Пловца* Рябинина (см. выше): I, 3, 10, 12, 15, 20, 27, 31, 34, 35, 36, 39, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 67, 72, 85; III, 1, 2; IV, 18. — Всего отъ пловцовъ 31 былина).

Црювальника (Кенозерскаго); II, 35. (Кострюкъ).

(*Содержателя постоянного двора* (Сорокина — см. выше) II: 7, 19, 30; 31, 34, 53, 62, 63).

Корелки (Повѣнецкой) и Кемской крестьянки — вѣсть: III, 64 (Смерть Княгини Михайловны).

Старухи бережной Дубравы: I, 45 (Чурило; разнорѣчіе къ былинь 90 лѣтнаго старика).

(Крестьянки Дмитріевой — см. выше): I, 16, 50, 81.

Племянницы *Щеголенкова* (см. выше): II, 14, 52.

(Всего отъ женщинъ 8 былинь).

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

по содержанію

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Святогоръ: I, 7. (Самсонъ: III, 4); *Святогоръ и Илья Муромецъ*: I, 8; III, 2; IV, 1.

(Самсонъ: III, 35, 36).

Микула: II, 1, 60. *Микула и Вольга*: I, 3, 4, 5.

Волга: I, 1, 2 (Волхъ — 1, 2) (3, 4, 5).

Суханъ: I, 6.

Илья Муромецъ: а) Изцѣленіе: I, (8), II, 2, III, (2), 4, ст. 1 — 41; 5, ст. 1 — 30. б) Первая поѣздка въ Кіевъ; Соловей: I, 9, 10; II, 2, 63, ст. 1 — 375, 625 — 806. III, 4, ст. 12 — 81; 5, ст. 31 — 286; 6. IV, 2, 3, 4. с) Три поѣздки: I, 11; II, 62, III, 11, 12, 13; (IV, 3, 4). д) Бой съ сыномъ (дочерью): I, 12, 13, 14; II, 64; III, 14. е) Илья и Идолище: I, 15, 16, 17; III, 7, 8, 9. (Илья у царя Константина III, 10). ф) Ссора Ильи съ Владиміромъ: I, 18; II, 63, ст. 374 — 624. г) Илья и Самсонъ: III, 35 36. h) Илья и Ермакъ: I, 19, 20, 21, 22.

(Илья Муромецъ упоминается въ былинахъ про другихъ богатырей: I, стр. 130, 145 — 46, 150, 195, 210, 213, 216, 218, 223 — 24, 228, 232 — 33, 263, 275 — 80, 305. II, стр. 13, 14, 21, 41, 59, 60, 67, 68, 69, 71, 72, 74, 76, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 136, 138, 140 — 41, 145, 150, 162 — 67, 169, 182 — 84. III, 151 — 52, 158, 168 — 69, 170, 174, 179).

Добрыня: а) Купанье и змѣй: I, 23, 24, ст. 1 — 198 (25, ст. 1 — 26) II (5), 6, ст. 5 — 126; (7, ст. 1 — 26); (28), III, 15, ст. 1 — 242. б) Бой съ Паленицею и женитьба; I, 24, ст. 199 — 255; III, 15, ст. 243 — 311. с) Добрыня и Маришка; I, 28; II, 4; III, 19. д) Добрыня въ отъѣздѣ: I, 25, 26, (27); II, 6,

ст. 127 — 230; 7, ст. 27 — 435; III, 46, 47, 48. е) Добрыня и смерть: II, 9 (Опика).

Алеша Поповичъ — (см. Добрыню въ отъѣздѣ и сорокъ каликъ:) Алеша и Тугаринъ: III, 20.

Василій Имятьевичъ (Казиміровичъ): I, 27, 29. II, 10, 11, 65. III, 57.

Дунай: I, 30, 31, 32. (Днѣпра и Донъ), II, 12; III, 21; IV, 5. (Женитьба князя Владиміра): III, 3.

Иванъ Годиновичъ: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23.

Иванъ Гостиный сынъ: III, 34; IV, 13.

Михайло Потыкъ: I, 35, 36, 37, 38; II, 15, 16, 17; III, 12.

Сорокъ каликъ со каликою: I, 39, 40; II, 18.

Данила Имятьевичъ и Михайла Даниловичъ: III, 22.

Ставръ Годиновичъ: I, 41, 42; II, 19, 20, 21; IV, 6.

Хотенъ Блудовичъ: I, 43, 44, (52); II, 22; III, 28, IV, 7, 8.

Чурило Пленковичъ: I, 45, 46; II, 23, 24, (25); III, 24, 25, 26, 27.

Дюкъ Степановичъ: I, 47, 48, 49, 50, (51), (52); II, 26, 27, 28, 29, 30; III, 29, 30, 31; IV, 9, 10.

Соловей Будиміровичъ: I, 53, 54; II, 31; III, 32, 33; IV, 11.

Василій Буслаевъ: I, 55, 56, 57, 58; II, 32; III, 39. *Смерть Василья:* I, 59, 60; II, 33; III, 40.

Садко купецъ: I, 61, 62, 63, 64; III, 41, 42.

Терентій Данильевичъ: III, 43.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ: I, 65, 66, 67; II, 34; IV, 14.

Кастрюкъ: I, 68; II, 35, 36, 37; III, 44; IV, 15, 16.

Ермакъ Тимофеевичъ: II, 38.

Отчего на Руси завелась измѣна; II, 39.

Гришка Разстригинъ: I, 69; III, 45.

Скопинъ: I, 70.

Земскій соборъ: II, 40; III, 46, 47.

Стенька Разинъ: II, 41.

Сынъ Стеньки; III, 49.

Царь Петръ: II, 42, 43.

Графъ Румянцевъ: II, 44.

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ: II, 45.

Князь Голицынъ: III, 48.

Два королевича изъ Крякова: I, 72.

- Два Лизика:* I, 73, 74, 75; III, 51; IV, 17.
Настасья королевна Политовская: I, 77; III, 52.
Ванюшка Ключничек: I, 71.
Ванька Удовкинъ и царь Волианъ: I, 76.
Дмитрій Васильевичъ и Домна Александровна: I, 99.
Михайло князь: II, 46.
Смерть княгини Михайловны: III, 64.
Добрый молодецъ и жена неудачливая: I, 78; II, 49, 50; III, 52.
Добрый молодецъ и рѣчка Смородивка: I, 82.
Дворянинъ безчастный молодецъ: II, 51.
Молодецъ и горе: I, 84, 85, 86.
Горе: I, 83.
Неразказанный сонъ: III, 57.
Царство подсолнечное: III, 58.
Девять братьевъ и сестра: III, 62; IV, 19.
Поѣздка на море: III, 63.
Хмель: I, 88.
Старецъ: II, 56, 57.
Каково птицашъ на морѣ: I, 87; II, 59; III, 59, 60, 61.
На чужой сторонѣ: I, 80.
Царь Саломонъ: II, 52, 53, 54, 55; III, 54, 55, 56; IV, 18.
Оника воинъ: I, 81; II, 48.
Бой: II, 58.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV-ой ЧАСТИ.

Предисловіе.

I. Былины, побывальщины, старины и былевые пѣсни.

Стран.

I. Время до Владиміра. Богатыри старшіе:

Илья Муромецъ и Святогоръ богатырь 1. 3

II. Время Владимірово. Богатыри Кіевскіе:

Илья Муромецъ.

Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 2 7

Три поѣздки и борьба съ Соловьемъ 3 16

Тоже 4 26

Дунай Ивановичъ 5. 28

Ставръ Годиновичъ 6. 28

Хотень Блудовичъ 7. 36

Тоже 8. 42

Дюкъ Степановичъ 9. 47

О немъ-же 10. 52

Соловей Будиміровичъ 11. 56

Михайло Потыкъ Ивановичъ 12. 60

Иванъ Гостинный сынъ 7. 74

III. Москва:

Грозный царь Иванъ Васильевичъ 14. 81

Кострюкъ 15. 85

Тоже 16. 87

IV. Былины, побывальщины, былевые пѣсни княже-нецкія, молодецкія, безыменныя:

Натѣздъ Литовцевъ на Москву 17. 93

Царь Саломонъ, царица Саломонія и царь Василій Окуловичъ 18. 97

Девять братьевъ и сестра 19. 99

II. Заплачки свадебныя.

I. Пудожскія свадебныя заплачки:

1. Заплата невесты въ день сватовства послѣ рукобитья. 105

2. Когда невеста отправляется для приглашенія родственниковъ 107

3. Причетъ по прїѣздѣ къ родственникамъ.	108
4. Причетъ при отъѣздѣ.	—
5. Причетъ по прїѣздѣ домой.	109
6. Припѣвка дѣвицъ, когда по прїѣздѣ въ гостыбницу будятъ невѣсту.	110
7. Причетъ дѣвицъ, когда зовутъ невѣсту въ баню.	112
8. Причетъ дѣвицъ по выходѣ изъ бани.	115
II. ВЪТѢГОРСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИЧЕТЫ:	
1. При просватовствѣ невѣста стиховодничаетъ.	116
2. На другой день послѣ просватовства.	118
3. Передъ свадьбою утромъ.	—
4. Невѣста поетъ молитву.	120
5. Невѣста зоветъ дѣвицъ «отдавать добровъ».	121
6. Невѣста причитаетъ, когда кто-либо изъ родственниковъ прїѣзжаетъ звать ее въ гости.	123
7. По прїѣздѣ домой невѣста благодаритъ.	124
8. Если невѣста сирота, то причитаетъ на могилѣ родителей.	125
9. Когда невѣста разстается съ красотою, то причитаетъ.	128
10. Невѣста проситъ у родителей благословенія.	132
11. Невѣста садится за столъ съ дѣвицами.	133
12. По прїѣздѣ жениха невѣста причитаетъ.	—
III. Изъ ПЕТРОЗАВОДСКИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ЗАПЛАЧЕКЪ:	
1. Плачъ невѣсты послѣ «приказа» при благословеніи.	135
2. Плачъ на могилѣ родителей.	—
3. Плачъ послѣ просватанья.	—
4. Наканунѣ вѣнца, когда ведутъ въ баню.	136
5. Плачъ передъ баней.	138
6. Плачъ невѣсты, когда отецъ ѣдетъ со зватыми пригла- шать жениха.	141
7. Наканунѣ вѣнчанія передъ ужиномъ къ подружкамъ.	—
8. Когда невѣсту накроютъ платомъ и она подноситъ пла- токъ жениху.	143
9. По прїѣздѣ жениха, въ день вѣнчанья, передъ благосло- веніемъ.	144
<i>Примѣчаніе.</i> Особенности свадьбы въ Остречинскомъ и смежныхъ съ нимъ приходахъ Петрозаводскаго уѣзда.	
IV. ПѢСНИ	
1. Дѣтская пѣсня.	152

2. Небывальщина о мизгирѣ. 153

III. Повѣсти, сказанія и сказки.

1. О началѣ града Москвы и о великомъ князѣ Данилѣ Александровичѣ. 157
2. Исторія славная. Сказаніе о Азовскомъ осадномъ сидѣніи, какъ царскаго Величества сидѣли въ Азовѣ городѣ атаманъ - казаки отъ Турецкаго царя Брагима 162
3. Гисторія о Азовскомъ взятіи и о осадномъ сидѣніи отъ Турецкаго царя Абрагима Донскихъ казакомъ Атамана Наума Васильевича и есаула Ивана Зыбина съ товарищами 1635 года 169
4. О солнцѣ. Вѣдомо буди, какъ сотворено повелѣніемъ Божиимъ 184
5. Повѣсть о царѣ, царицѣ, оклеветанной матихою, и двухъ сыновьяхъ ея. 185
6. Сказка о мужикѣ - воинѣ. 203
7. Сказка объ Олешѣ Голомузѣ. 209

IV. Народныя повѣрья и суевѣрья въ Олонецкой губерніи.

- Заонежскія повѣрья. 219
 Легенда о Иванѣ — кувецкомъ сынѣ. 234

V. Загадки, предсказанія, чарованія, заговоры, приговоры, отговоры, отпуски, обходы и т. п.

1. Сказаніе о громѣ и молніи. 243
2. Сказаніе на всю седмицу. —
3. Сказаніе о мѣсяцахъ на пользу Христіанамъ. 244
4. Сказаніе о травахъ 245
5. Какъ стать невидимкой. —
6. Загадки А. 246
- В. Обонежскія загадки —
7. Предсказанія. 248
8. Чарованія 250
9. Приворожить молодца 251
10. Приворожить дѣвицу 252
11. Наговоръ на недруга 253
 (Приговоръ на судей). —
12. Заговоръ отъ тоски. 254

13. Какъ свадьба отпускать	—
14. Заговаривать отъ притчи	—
15. Заговоръ отъ грыжи	255
16. Отъ бѣлой грыжи и зубовъ	256
17. Отъ зубной боли	—
18. Отъ суровца	258
19. Уразъ снять	259
20. Кровь заговаривать	—
21. Отъ ногтя	—
22. Отговоръ сумасшедшаго	260
23. Призоръ отговаривать	261
Отъ зубной болѣзни, и щиноты, и отъ грыжи	262
24. Оборона скоту	—
25. Божественный обходъ рогатаго скота	265
26. Отпускъ скота	268
Тождь	269
27. Заговоръ-оберегъ при свадьбахъ	270

Приложение:

Объ особенностяхъ Олонцакаго подрѣзія. П. Н. Рыб- никова	275
Замѣтка О. Э. Миллера	III
Извлеченіе изъ письма П. Н. Рыбникова къ О. Э. Миллеру	II

Приложенія отъ редактора IV части.

I. О началѣ Града Москвы (изъ «Временника» 1855). . .	LIX
II. Объ Азовскомъ судѣніи (изъ рукоп. Публ. Библ.). . .	LXV

Перечень пѣсень и проч. IV ч. по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ записано	1
Указатель былинь по мѣстностямъ и сказителямъ (для всѣхъ IV-хъ частей)	3
Указатель былинь по сказителямъ (для всѣхъ IV-хъ частей).	5
Указатель былинь по содержанию (для всѣхъ IV-хъ частей).	8
Перечень опечатокъ IV части	15

ПОГРѢШНОСТИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ IV ЧАСТИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ поправить:
4	4	Святогоръ-богатырь и	Святогоръ богатырь, и
28	6	180	181
40 стих.	171	копьемъ	копьемъ.
46	136	Хотей сынъ Блудовичъ,	Хотей сынъ Блудовичъ
	154	Ты есть	ты есть
47	162	въ земъ	въ земь
48	25	на сынемъ	на синемъ
63	131	за бѣлы руки	за бѣлы руки
63	95	Подоленька королевична	Подоленька королевична; —
70	348	честивъ дарева	честны дарева
89	63	молода борца	молода борца,
121	17 (внизу)	высокія	высокія
126	40	со мной по ряду	со мной по ряду.
133	15	безросчетну	безросчетну
147 строк.	13	пирогамъ и ужина	пирогамъ, и ужина
159	4	за ними	за нимъ
	25	Но скоро	Не скоро
169	2 (въ заглавіи)	по осадномъ	и о осадномъ
171	12	великой	великой
173	16	дати	думати
174	21	къ встрѣчу	въ встрѣчу
181	37	услуша	услыша
183	21	стерть	смерть
189	13	глаголѣти	глаголати
198	16	метере	матере
201	17	услишану	услышану
225	22	деревню	дѣревню
226	8	подѣйникъ	подѣйникъ
231	23	туть-дорогу	путь-дорогу
247	10	собирай тесь	собирайтесь
281	1	крычи. Ай же ты	крычи: «ай же ты
	17	чеоезъ горы высоки черезъ	черезъ горы высоки, черезъ
253	17	правосливные	православные
257	34	щипоты	щепоты
276	26	ведеть, ведемъ, веде	ведешь, веде, ведемъ
278	29	прѣзждялъ	прѣзжаялъ
280	14	ребро	дебро
289	35	завѣтеръ	завѣтеръ
292	11 и 12	щеньятъ	щеньядъ
297	6	есть	ѣсть
XXV	1	«Словомъ»	«Словомъ о П. И.»
XXVII	19	1)	2)
—	31	1666	1866
XXXIV	22	Общества. Л. Н. Майковымъ	Общества, Л. Н. Майковымъ
XXXVI	30	Ивъстная	Извѣстная.
XLIII *)	30	подъ вторымъ	надъ вторымъ

*) См. XLIII туть опечаткою же поставлено XXIII.

1930-11

64

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve
library collections at Harvard.

